

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

---

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

# ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ



REVUE d' HISTOIRE ANCIENNE



2 (185)

*Апрель — Май — Июнь*

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937

---

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

МОСКВА · 1988

Л.А. Чипирова

**ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕМЕЙНОЙ ОБЩИНЕ  
ПО "ОБЕЛИСКУ МАНИШТУШУ"**

«**О**белиск Маништушу») – письменный памятник, относящийся ко времени Аккадской династии Саргонидов. Это каменный обелиск, четыре грани которого заполнены текстом в староаккадской клинописи. Предполагается, что он стоял в храме или в каком-то ином общественном месте и в качестве военного трофея был захвачен эламитами и увезен в Сузы. Здесь, в Сузах, в 1900 г. он был найден Французской археологической экспедицией.

В научный оборот памятник был введен В. Шейлем, который в 1900 г. издал "Обелиск Маништушу" в фотокопии, с транскрипцией и переводом<sup>1</sup>. С тех пор к тексту памятника не раз обращались как зарубежные, так и советские ученые. Интерес этот обусловлен характером и содержанием документа: в нем зафиксировано несколько сделок купли-продажи земли, заключенных царем Маништушу (? – 2237 гг. до н.э.), сыном и одним из преемников Саргона Древнего (2316–2261 гг. до н.э.).

Лаконичный, почти конспективный язык документа создает иллюзию ясности, прозрачности его содержания; не нарушают этого впечатления и шумерские идеограммы, вкрапленные в текст, хотя они-то и превратили его в ребус, ключ к которому не удалось найти первому издателю и интерпретатору памятника В. Шейлю. Именно поэтому о научных позициях Шейля в толковании "Обелиска Маништушу" сейчас уже не приходится говорить всерьез; его перевод и комментарий представляют сейчас лишь историографический интерес.

Характеризуя в целом исследования, посвященные "Обелиску Маништушу", надо отметить, что разногласия в его толковании имеют глубоко принципиальный характер, поскольку они касаются вопроса о характере собственности на землю в древнем Двуречье – кардинального вопроса социально-экономической истории древних обществ. Только положительное его решение делает возможным реконструкцию начальных форм классового общества и государства и путей их развития.

В традиционной интерпретации первые государственные образования древнего Двуречья выступают как образцы теократии, в которых, говоря словами виднейшего шумеролога А. Даймеля, вся хозяйственная жизнь была типичной храмовой экономикой. В свое время эта точка зрения была подробно изложена А. Фалькенштейном, и ее разделяли многие зарубежные и советские исследователи<sup>2</sup>. Характер храмового хозяйства, его организация были глубоко изучены А. Даймелем и его школой. Однако вовлечение в научный оборот нового документального материала и принципиально новый подход к его анализу обнаружили со временем ошибочность традиционной трактовки – отождествления храмового хозяйства с общинным.

<sup>1</sup> *Obélisque de Manista-irba roi de Kis. Mémoires de la delegation en Perse.* P., 1900. P. 6–52.

<sup>2</sup> *Falkenstein A. La cité-temple sumérienne // Cahiers d'histoire mondiale.* T. I. 1954. I. S. 4.

Вопрос об истинной роли храмов, о действительном удельном весе храмовых хозяйств в экономике шумерских городов-государств был тщательно изучен И.М. Дьяконовым в работе "Общественный и государственный строй древнего Двуречья" и А.И. Тюменевым в работе "Государственное хозяйство древнего Шумера"<sup>3</sup>. С выходом в свет этих исследований стало ясно, что отождествление храмового и царского хозяйства с хозяйством шумерских городов-государств объяснялось не только уровнем текстологических исследований, но и тем, что огромное большинство письменных памятников, которыми располагали ученые, составляли документы учета из храмовых архивов. Здесь сыграл свою роль "случай исследовательской аберрации, обусловленный односторонним и отчасти случайным характером источников"<sup>4</sup>.

Историческая реальность древнего Двуречья, очертания которой со временем становятся все более четкими благодаря изучению новых пластов документально-го материала, предстает перед нами как диалектическое единство двух противоположностей — храмового хозяйства и общинного хозяйства. Эти два экономических организма отличаются друг от друга в главном — характере собственности на землю, но сосуществование их взаимно обусловлено. Диалектика их взаимоотношений была реконструирована в 60–70-е годы в ряде работ И.М. Дьяконова и его учеников и в наиболее полном виде изложена в упоминавшемся издании "Истории древнего Востока".

Ее сущность определяется безусловной многозначностью той роли, которую должен был играть и играл храм в ранней древности: это святилище — место общения с божеством, следовательно, святиня, от которой зависит благополучие, жизнь в этом и другом мире; это пристанище, защита, кров в чрезвычайных обстоятельствах; это общий запасник, аккумулирующий все материальные ценности данного человеческого сообщества. С развитием и усложнением общественного производства организующая экономическая роль храмов возрастала. Во всяком случае со времени создания принципиально новой формы сельскохозяйственного производства — ирригационного земледелия — храм как организующий центр, а затем автономный хозяйственный организм безусловно становится одним из составляющих экономической жизни ранней древности<sup>5</sup>.

Своеобразным отражением возрастающего влияния храмов были изменения в их архитектурном облике. Так, в нижних слоях городища Абу-Шахрайн (конец VI тыс. до н.э.) святилище — это небольшое однокомнатное строение, не отличающееся по размерам от жилых помещений; постепенно его планировка усложняется, и в слое XV оно уже в несколько раз превосходит площадь прежнего строения и с "известным основанием уже может быть названо настоящим храмом" (ИДВ. С. 76). К середине V тыс. до н.э. это постройка, которая несет на себе печать характерных черт древней месопотамской архитектуры. А в период позднего Убайда (первая половина IV тыс. до н.э.) "центрами убайдских поселений были монументальные храмы на платформах, возможно, уже игравшие роль центров административной и хозяйственной координации" (ИДВ. С. 78). С середины IV тыс. до н.э. (так называемая культура Варки) монументальные культовые комплексы, как правило, становятся естественными центрами поселений, что с несомненностью отражало процесс ускорения экономического развития и создания производственного фундамента цивилизации.

<sup>3</sup> Дьяконов И.М. *Общественный и государственный строй древнего Двуречья*. Шумер. М., 1959; Тюменев А.И. *Государственное хозяйство древнего Шумера*. М.-Л., 1956.

<sup>4</sup> История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1983 (далее — ИДВ). С. 188.

<sup>5</sup> Период развития ирригации и интенсификации производства начинается с конца VI тыс. до н.э. Здесь и в последующем при изложении истории становления храмового хозяйства используются материалы, изложенные в упомянутом коллективном монографическом труде "История древнего Востока", отражающем современное состояние советской науки о древнем Востоке.

С наступлением нового исторического этапа, условно называемого Протописьменным периодом (около 3000 г. до н.э.), храмы имеют сложные и достаточно обширные хозяйства, выделенные общиной. Общество Шумера в Протописьменный период переходит ту грань, за которой начинается история цивилизации с крепнувшим институтом государства с растущим антагонизмом классов.

Задача централизованного руководства ирригационной системой обусловила возрастающую роль храма как в экономическом, так и в идеологическом плане. Это специфическое слияние хозяйственных и культовых функций и определяло позиции храма в "диалоге" с общиной. Каждая община имела свое божество, которое "... мыслилось одновременно и как создатель мира и жизни вообще и как создатель данной общины", ее покровитель; "религиозный культ являлся тем началом, которое идеологически объединяло всех, пользующихся благами в общине, против всех враждебных им природных и социальных сил" (ИДВ. С. 144 сл.).

Как уже было отмечено выше, историческая реальность древнего Шумера представляла собой диалектическое единство храмово-государственного экономического организма и общинного, которые различались организацией аграрного режима, характером собственности на землю. Отличия принципиальны, и чтобы понять их, следует представить себе структуру храмового хозяйства и принципы организации производства в нем. Такую возможность дают уже материалы Раннединастического периода I (около 2750–2615 гг. до н.э.). "Земля храма делилась на "жреческую" ... "поля кормления" ... "поля возделывания". И что немаловажно, земельные владения храма были в принципе уже отделены от земельного фонда общины" (ИДВ. С. 168).

Начиная со второго этапа Раннединастического периода (конец XXVII в.) о характере храмовой экономики можно судить с еще большей степенью достоверности. Документы храмового архива из Шуруппака «... ясно различают, что относится к "общине" (*уру*) и что относится к "храму" (*э, э-галь*) или "богу" (*дин-гир*)» (ИДВ. С. 171). К Раннединастическому периоду III (2500–2315) храмовые хозяйства обособляются от общины и органов общинного самоуправления, хотя, как и прежде, храм аккумулирует не только материальные ценности, но и обедневших членов общины, число которых росло с углублением социального расслоения; однако храм перестает выполнять роль общинного запасника и казны.

Аграрный режим в храмовом хозяйстве был организован таким образом, что весь земельный фонд был разделен на три части: первая – собственно храмовая или "жреческая" земля, урожай с которой шел в основном на культовые нужды и в обменный фонд; вторая – так называемая "земля кормления", которую мелкими индивидуальными наделами давали за работу и службу; третья часть – так называемая "земля возделывания", ее так же раздавали индивидуально наделами от 1 до 3 га за долю урожая; такой надел мог взять любой желающий, будь то член храмового хозяйственного персонала или храмовой администрации, или общинник. Следует обратить внимание на то, что в среднем размеры наделов были невелики, что выдавали их строго индивидуально, и они постоянно перераспределялись по усмотрению храмовой администрации.

Об удельном весе храмового хозяйства в новом государстве можно судить, например, по материалам Лагаша. "Земли храмового хозяйства Бабы (второго или третьего по величине храма в Лагаше) занимали площадь порядка 50 кв. км. Все храмы вместе ... владели землями площадью около 500 кв. км, в то время как общая площадь обрабатываемых земель в Лагашском государстве была в три-четыре раза больше. Численность населения государства была около 100 тыс. человек... С храмами было связано менее половины населения" (ИДВ. С. 203). За пределами храмовой земли была общинная земля, аграрный режим которой в корне отличался от характера землевладения в храмовом хозяйстве.

Как известно, к серьезному изучению конкретных исторических форм общинного института на древнем Востоке побудила историографическая ситуация

20–30-х годов в советской науке, связанная с полемикой о формационной принадлежности восточных обществ. По мере развития тезиса о рабовладельческом характере древневосточных обществ, выдвинутого впервые в мировой науке В.В. Струве, встал вопрос о месте общины в структуре этого способа производства. Однако положительное решение его на существовавшем уровне текстологических исследований древневосточного клинописного материала оказалось невозможным. Признаваемая абстрактно, община практически исключалась из структуры послепервобытных способов производства. Подобная трактовка была предопределена сложившимся представлением об общинном институте как пережитке первобытного строя, надолго исключившим общинную проблематику из круга активного научного поиска. В частности, для исторической концепции В.В. Струве характерен в целом скептицизм в отношении судеб древневосточной общины. Определяя общину как пережиток родового строя, он считал бесспорным факт ее быстрого исчезновения, обусловленного ранним появлением в Южном Двуречье института частной собственности. отождествляя храмовое хозяйство с общинным, он выдвинул гипотезу о зарождении частной собственности на так называемых "высоких полях"<sup>6</sup>. Гипотеза о раннем возникновении частной собственности неслучайно привела к определенным образом организованной системе социальных и экономических отношений. Обусловленная уровнем развития древневосточной лингвистики ошибочность исходных позиций — отождествление общинного сектора экономики с храмовым — привела к фактическому отрицанию значимости общины как социального организма. Однако дальнейшее изучение клинописного материала заставило В.В. Струве внести некоторые коррективы в данную трактовку общины. Они сводились к признанию существования общин, превращенных, однако, господствующим классом в отряды рабов и рабынь и включенных в организацию громадного царско-храмового рабовладельческого хозяйства<sup>7</sup>.

Одновременно с системой взглядов В.В. Струве на общину формировалась и научная позиция Н.М. Никольского. Придя к признанию рабовладельческого характера социально-экономических отношений в древневосточных обществах, Н.М. Никольский считал неоспоримым свидетельством существования общины "постоянное и широкое применение принудительных работ", возможное, как он считал, "только на базе постоянно существующего общинного быта"<sup>8</sup>. Отмечая четко выраженную тенденцию укрепления права частного землевладения, он полагал, что семейная община в Двуречье никогда не переставала существовать ни по закону, ни на практике<sup>9</sup>. Его исследования наметили пути дальнейшего развития общинной проблематики и составили тот необходимый этап "постановки вопроса", который делал возможным это развитие.

В связи с опытом сравнительно-исторического изучения процессов развития античного общества и стран речных культур на древнем Востоке к изучению общины обращался и А.И. Тюменев. Непосредственным предметом его исследования была проблема генезиса государственного хозяйства Шумера. Работы А.И. Тюменева позволили взглянуть на общинный институт в несколько ином ракурсе, поскольку становление государственного сектора экономики было органически

---

<sup>6</sup> В свое время с критикой понятия "высокое поле" выступил И.М. Дьяконов, справедливо полагая, что топографические условия Южного Двуречья не позволяют предполагать существование "высоких полей" и что не бесспорна лингвистическая сторона перевода (Дьяконов И.М. Реформы Уруинимгины // ВДИ. 1951. № 1; он же. О работе с шумерскими историческими источниками // ВДИ. 1958. № 2). Вопрос этот в настоящее время решен шумерологами.

<sup>7</sup> Струве В.В. К вопросу о специфике рабовладельческих обществ древнего Востока // Вестник ЛГУ. 1953. 9. Вып. 3. С. 83.

<sup>8</sup> Никольский Н.М. Община в древнем Двуречье // ВДИ. 1938. № 4. С. 91.

<sup>9</sup> Он же. Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье. Минск, 1948. С. 72.

связано с процессами развития общины и динамика взаимодействия их могла пролить свет на природу изменений, происходивших в структуре общины. В трактовке этого исследователя становление и развитие государства сопровождалось массовым закабалением общинников. Материальные предпосылки этого явления создавались необходимостью коллективного труда как обязательного условия функционирования ирригационного хозяйства. Заключение о столь глубоко социальном перерождении общины требовало серьезной аргументации, невозможной, однако, в силу того, что предметом анализа были в основном клинописные документы из храмового хозяйства, природа которого, как известно, в корне отличается содержанием и ритмом эволюции, хотя органически связана с общинным сектором. По существу выводы А.И. Тюменева были подчинены традиционной, априорной в своей основе точке зрения о всеобщем рабстве на древнем Востоке. Это приводило объективно к отрицанию общественной эволюции на Востоке и противопоставлению характера производственных отношений Востока и Европы.

Вопрос о месте общины в структуре рабовладельческого способа производства оставался открытым. Положительное решение его стало возможным лишь в 60-е годы, когда в научный оборот был введен достаточно широкий круг клинописных источников. Текстологические исследования клинописного материала из Двуречья и периферийных районов Передней Азии заставили пересмотреть традиционный взгляд, согласно которому общинное и храмовое хозяйство в Шумере были тождественны. Благодаря работам И.М. Дьяконова и его учеников было доказано, что шумерский город-государство не совпадал с храмовым и царским хозяйством при всем их огромном значении, что частному землевладению в Двуречье Старовавилонского периода предшествовало семейно-общинное землевладение Шумера.

Клинописный материал из древней Передней Азии, перестроивший наши представления о природе общины, подтвердил ее историческую универсальность и раскрыл ряд существенных признаков, свойственных ей как форме производственной кооперации: экономическую самодостаточность, системный характер внутриобщинных связей, иерархичность общинных структур, совместимость с разными формациями на разных хронологических уровнях.

Аграрный режим в общине характеризуют документы купли-продажи земли, которые во множестве дошли до нас из разных хронологических массивов истории Шумера. Общинная земля находилась в семейно-общинном владении; ее можно было продавать и покупать с ведома территориальной общины, которая осуществляла право собственности на землю. Что представляли собой эти коллективы? Домашняя или большесемейная община состояла в простейшем случае из отца с матерью, неженатых и женатых сыновей, незамужних дочерей, усыновленных и различных патриархально-зависимых лиц. Как правило, она включала три-четыре поколения родичей, пока не разделялась на несколько новых дочерних общин, которые продолжали ощущать свое родство, сохраняя обычаи взаимопомощи, общий культ. Несколько родственных или неродственных домашних общин составляли вместе одну общину территориальную. «... Территориальные общины, подобно домашним, входили в определенные иерархические структуры; несколько территориальных общин составляли общину – государство или группировались вокруг центральной общины – города»<sup>10</sup>. Структурная сложность, свойственная общинному организму, характеризуется иерархической соподчиненностью общинных образований, последовательным включением систем более низкого уровня в системы более высокого уровня. Общинная система вырастала в сложную иерархию, где от большой семьи или еще не разросшейся малой семьи (малая семья есть форма существования большесемейной общины в момент ее деления), расходились последовательные ступени родственностязванных объединений.

<sup>10</sup> Дьяконов И.М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. Структура общинного сектора экономики // ВДИ. 1968. № 3. С. 16.

Эта структурная сложность особенно четко прослеживается и в "Обелиске Маништушу", документе, который дает нам веские аргументы в пользу тезиса о корпоративном характере собственности на землю и позволяет представить живую ткань хозяйственных и социальных связей в общинной структуре древнего Двуречья.

Как уже было отмечено, разногласия в толковании этого письменного памятника принципиальны. Так, Б. Грозный пришел в свое время к выводу, что в памятнике речь идет о продаже земли частными земельными собственниками<sup>11</sup>. Эту точку зрения разделяли Э. Кюк<sup>12</sup> и В.В. Струве<sup>13</sup>. Именно в "Обелиске Маништушу" В.В. Струве видел одно из свидетельств существования в Двуречье уже в древнюю эпоху крупного частного землевладения; это был основополагающий тезис в его концепции рабовладельческого характера дальневосточных обществ.

Напротив, как доказательство существования коллективной собственности на землю рассматривал памятник французский историк Ж. Флаш<sup>14</sup>. Это было безусловно и для Н.М. Никольского<sup>15</sup>, который видел в общине и общинном аграрном режиме ключ к пониманию социально-экономического характера древневосточных обществ. Такого же мнения придерживался и А.И. Тюменев: «Известный факт скупки земель царем Маништушу, в котором обычно видят доказательство развития крупной частной земельной собственности, на самом деле свидетельствует скорее об обратном, именно о сосредоточении земель в руках центральной власти... Непосредственным объектом сделки служат не частновладельческие земли, но земли общинных коллективов (общин). Самые размеры приобретаемых царем земель совершенно исключают предположение об их принадлежности частным собственникам»<sup>16</sup>.

История осмысления "Обелиска Маништушу" затянулась, таким образом, на долгие годы. Выхваченный из исторического контекста, толкуемый как единственный и своеобразный памятник времени династии Аккада, он терял свою ясность и весомость той информации, которую нес в себе. Его следовало возвра-

<sup>11</sup> *Hrozny B. Der Obelisk Manistusus // Wiener Zeitschrift fur die Kunde des Morgenlandes. 1907. XXI. 1. S. 11–43.*

<sup>12</sup> *Ciq E. Etudes sur le droit babylonienne, les lois assyriennes et les lois hittites. P., 1928. P. 78* (ссылка дана по статье: *Тюменев А.И. О формах земельных отношений по надписи "Обелиска Маништушу" // ВДИ. 1946. № 4. С. 33.*)

<sup>13</sup> *Струве В.В. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока.*

<sup>14</sup> *Flach J. La propriété collective en Chaldée // Revue historique. 1907. XCV. P. 315–317.*

<sup>15</sup> *Никольский Н.М. О частном землевладении в древнем Двуречье. // Исторический журнал. 1945. № 1–2. С. 36–42.*

<sup>16</sup> *Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера. С. 204; он же. О формах земельных отношений... С. 35.* Однако с последующим выводом А.И. Тюменева нельзя согласиться. Он толковал сделки царя Маништушу как факт, отражающий процесс поглощения царской властью общинных земель, втягивания общин в царское хозяйство, постепенной потери ими экономической самостоятельности. Тюменев разделял ошибку Никольского и некоторых его предшественников, которые принимали свидетелей сделки за людей, передаваемых вместе с землей в царское хозяйство. Логическим завершением этого процесса было, по мнению А.И. Тюменева, превращение общинного крестьянства в класс, эксплуатируемый наряду с рабами. Исследования И.М. Дьяконова и его учеников убедительно доказывают неверность такой трактовки. Именно общинное крестьянство и было истинно свободным, экономически независимым классом в силу своей принадлежности к общине, которая обеспечивала своим членам статус гражданского полноправия. Социальная эволюция не уничтожала экономической самостоятельности общины, а "вымывала" из нее тех, кто по тем или иным причинам терял право собственности на землю, а вместе с ним и гарантию гражданского полноправия. Община же как форма производственной кооперации и как социальная структура существовала, изменяясь, приспособляясь, но не разрушаясь. Что касается скупки земли царской властью, то этот процесс происходил и, конечно, его нельзя недооценивать, но из самого текста нашего памятника будет ясно, что внегосударственная общинная структура продолжала существовать при Маништушу и в последующие времена.

тить в контекст исторической эпохи. Это было сделано И.М. Дьяконовым: «"Обелиск Манишгушу", который обычно привлекается как памятник, рисующий отношения, характерные именно для времен династии Аккада, в действительности составляет одно, самое позднее из звеньев целой цепи однородных документов, относящихся ко всему раннединастическому периоду"»<sup>17</sup>.

В своем комментарии к тексту И.М. Дьяконов подчеркивает не исключительность документа, а напротив, его ординарность: таковы были общие условия отчуждения общинной земли. Столь же принципиален вытекающий отсюда вывод о том, что земельная собственность принадлежала общинным коллективам и, следовательно, царь не обладал правом верховной собственности на землю общин, как это было принято считать. Вне государственного (храмового) сектора экономики существовал живой динамичный хозяйственный организм со своим аграрным режимом, социальной структурой и общественными нормами.

Позднее неоспоримым доказательством в пользу этого вывода стали шумерские частнопровольные документы из разных хронологических массивов III тыс. до н.э., обработанные и введенные в научный оборот Д.О. Эдзардом<sup>18</sup>. Юридическая практика, отраженная в них, свидетельствует, на наш взгляд, по крайней мере о трех моментах социально-экономической действительности: 1) о коллективном характере собственности на землю (в купчих из Ниппура, Гирсу, Шуруппака и т.д. продавцов, как правило, двое-трое, четверо, покупатель всегда один); 2) о том, что наряду с изначальной коллективной формой собственности давно зреет частная собственность; 3) о том, что идет необратимый процесс социальной дифференциации, который разрушает в целом существующую общественную структуру, представленную иерархической системой общин.

Следует упомянуть также о работе Л. Матоуша, посвященной сельской общине древней Месопотамии<sup>19</sup>. Характеризуя в целом ее аграрную историю, он подчеркивает, что изначальный характер коллективной собственности, которая сохранялась и в условиях классового общества, убедительно доказали советские ориенталисты. Отмечая, что "Обелиск" – ценнейшее свидетельство существования коллективной собственности сельских общин на землю в Шумере, он рассматривает его как древнейший вид *кудурру*, ставя его в ряд с *кудурру* каситской Вавилонии<sup>20</sup>.

Особенную роль в определении характера аграрных отношений в древнем Шумере сыграли труды Гельба. Делая очевидной слабость теоретических позиций Шнайдера, Даймеля, Фалькенштейна, он убедительно доказывает ошибочность теории так называемой «храмовой (государственной) экономики»<sup>21</sup>. Теория эта, по мнению Гельба, покоится на единственном аргументе: если нет контрактов о купле-продаже земли, значит земля не продавалась; если земля не могла быть продана, значит она принадлежала государству<sup>22</sup>. Истинный же характер аграрных отношений определяется сосуществованием во все периоды истории древней Месопотамии трех типов экономики: храмового, государственного и частного (общинного)<sup>23</sup>. В этой связи Гельб обращается и к "Обелиску Манишгушу", рассматривая его как один из первых *кудурру*, которые были бесспорными,

<sup>17</sup> Дьяконов. Общественный и государственный строй...

<sup>18</sup> Edzard D.O. Sumerische Rechtsurkunden des III Jahrtausends aus der Zeit vor der III Dynastie von Ur. München, 1968. S. 23–50.

<sup>19</sup> Matous L. Die Dorfgemeinde in alten Mesopotamien // Das Altertum. 1969. Bd. 15. Ht 1. S. 6.

<sup>20</sup> *Кудурру* назывались межевые камни с клинописным текстом. Нельзя, однако, согласиться с утверждением Матоуша, что земля сельских общин постепенно переходила в частную собственность шумерских властителей (см. Matous. Op. cit. S. 8). Здесь он разделяет ошибку А.И. Тюменева.

<sup>21</sup> Gelb J.Y. On the alleged Temple and State Economies in Ancient Mesopotamia. Roma. 1969. P. 138.

<sup>22</sup> Ibid. P. 138.

<sup>23</sup> Ibid. P. 154.



по его мнению, свидетельствами как общинной собственности, так и свободного (в рамках общинных норм) обращения земли. В свою очередь эта экономическая структура определяет своеобразную стратификацию древнего общества, социальный облик которого обусловлен сосуществованием двух форм собственности — семейных общин и государства<sup>24</sup>. Именно наличие семейно-общинной экономики — характерная особенность общества древнего Ближнего Востока, по мнению Гельба<sup>25</sup>.

Исследуемый нами памятник тем и интересен, что дает как бы срез живой ткани внутриобщинных отношений. Как было отмечено, текст заполняет четыре грани обелиска, обозначенные нами литерами *A, B, C, D*, и разделенные на параграфы по числу торговых сделок. Оформленные как договор купли-продажи земли, все сделки имеют четкий единый формуляр, в котором указаны размеры продаваемого земельного участка, его цена и "приплата", затем перечисляются персональные подарки членам семьи-продавца<sup>26</sup>; далее указано число "хозяев поля" (букв. "господ поля"), получающих плату за землю; после этого идет список свидетелей со стороны продавца и список со стороны покупателя — царя Маништушу<sup>27</sup>.

В конце каждой грани указаны границы земельных массивов, приобретаемых царем в сельских округах Дур-Суэна (Киша, Марада, Актаба) (чтение "Актаб" условное). Между списками свидетелей упомянута формула: "столько-то сыновей Дур-Суэна (Киша, Марада, Актаба) ели хлеб" (о ней подробно будет сказано ниже).

§ 1. Продается поле в 24 бура 7 ган (около 150 га), с ценой в 24 мины 23½ сикля серебра; в качестве "приплаты" покупатель дает 3 мины 39½ сикля серебра. Плату получают 7 человек, хозяев поля, перечисленных поименно (в тексте они названы букв. "едоками серебра"); ниже перечислены поименно 10 братьев хозяев поля, выполняющих роль свидетелей сделки. Гипотетически — это некогда большая семья, которая в силу естественного расширения и одновременной сегментации в течение четырех-пяти поколений превратилась ко времени заключения сделки в группу хозяйственно обособившихся семейных ячеек, каждая из которых в свою очередь составляла такую же структуру — семейную общину. Прежнюю хозяйственную общность этих семей обнаруживает тот факт, что в акте продажи земли они выступают все вместе: в качестве продавцов и свидетелей. Напротив, о хозяйственной разобщенности каждой из семейных ячеек свидетельствует то, что "хозяевами поля" названы только потомки Суммухума. Трудно сказать, когда начался процесс обособления семейных ячеек, в каком поколении. Из сопоставления с другими случаями продаж можно примерно установить, что они начали дробиться в третьем поколении; к четвертому поколению процесс дробления набирает силу, и перед нами уже вполне самостоятельные хозяйственные единицы (см., например, ниже о Ватруме). Потомки Суммухума представлены двоюродными братьями Иддин-илумом, Эпир-илумом, Ламкиумом, Иштуп-Суэном и Ими-Суэном (имя седьмого члена семьи в тексте разрушено). Столь же компактной группой выступает семья брата Суммухума Иррары: четыре двоюродных брата Или-аха, Айяр-илум, Умиш и Зузу (эти двое — родные

<sup>24</sup> Gelb J. Y. Approaches to the Study of Ancient Society. // JAOS. 1967. 87. P. 6–7.

<sup>25</sup> *Idem*. Comparative Method in the Study of the Society and Economy of the Ancient Near East. 1980. P. 34.

<sup>26</sup> О связи подарка с коллективным характером собственности см. Matous L. // ArOr. 1954. XXII. S. 434. О содержании понятия "приплата" см. Дьяконов. Общественный и государственный строй... С. 55.

<sup>27</sup> По нормам вавилонского права участие в сделке родичей как лиц, имеющих право ее оспорить, было предпочтительнее. См. об этом: Рифтин А. П. Старо-вавилонские юридические административные документы в собраниях СССР. М.—Л., 1937. С. 23.

братья). По отношению к хозяевам поля они – троюродные братья, по отношению к сделке они – свидетели.

С меньшей очевидностью выступает степень родства между Аяши-куррудом, Аллалой, Меси-илумом, Касуалумом и их потомками. Особняком стоит Ама-Суэн, доводящийся, по-видимому, троюродным братом "хозяевам поля". Все они названы в тексте "братьями хозяев поля" и выполняют роль свидетелей сделки.

Динамика процесса экономического обособления прослеживается в случае с семьей продавцов, потомков Суммухума. Эта хозяйственная структура достаточно монолитна. Свидетельством тому – не только то, что семь человек названы в равной мере "хозяевами поля", но и то, что получаемая ими "цена" поля в ячмене и серебре неделима. Так же неделима и "приплата" за поле, и все семеро считаются "едоками серебра" (или "пользующимися серебром"), т.е. хозяевами вырученной за продажу суммы. Следовательно, поле в 150 гектаров – коллективная собственность семи двоюродных братьев.

Однако и частное начало выступает довольно четко: 1) подарки, упомянутые в сделке, распределяются индивидуально; 2) среди "братьев хозяев поля" назван некий Ватрум, прямой наследник Ламуссы, имеющий, казалось бы, все права именоваться "хозяином поля" в силу своих родственных связей. По-видимому, непосредственные хозяйственные узы не связывают Ватрума с братьями, он один среди них хозяйственно самостоятелен.

Итак, следует еще раз отметить и подчеркнуть, что "цена" идет всей семейной общине, а "подарки" – только индивидуальные<sup>28</sup>.

Обращает на себя внимание порядок распределения подарков: во-первых, предназначаются они только четырем из семи братьев; во-вторых, ценность подарков различна. Самый значительный получает Иддин-илум, потомок высокого должностного лица агрига Ламуссы<sup>29</sup>. Этому очевидному "неравенству" можно дать альтернативное толкование. Или обладатель более ценного подарка экономически значительно сильнее, влиятельнее, чем его собратья. Но скорее распределение происходит с учетом возрастной иерархии, порядка, органически присущего общинной структуре: социальный и имущественный статус членов большой семьи определяется их положением в половозрастной иерархии. И в том и в другом случае хозяйственная ситуация в семейной общине имеет тенденцию к развитию неравенства и последующего обособления экономически сильной ячейки.

§ 2. 290 гектаров покупает царь Маништушу у потомков Шиуни. В этой сделке контрагентом царя выступает группа лиц из девяти человек, которые все названы "хозяевами поля". Поскольку упоминания о "братьях хозяев" нет, то можно предположить, что группа представляет собой единый, нерасчлененный на данный момент хозяйственный организм. Генетическая характеристика данной группы не столь очевидна. Определение степени родства затруднено тем, что все участники сделки названы только по имени и отчеству.

Основные действующие лица относятся ко второму поколению (речь идет о тех, кто получил "подарки"). Прямой родственной связи "хозяев поля" между собой, а также между их отцами и их общим предком Шиуни по тексту не видно, но в то же время все они названы потомками Шиуни. Семья представлена только тремя поколениями. Все это заставляет предположить, что это тот самый

<sup>28</sup> Поэтому и в Нузи, например, за отчуждаемый индивидуальный участок в пределах большесемейной общины уплачивают "подарки" (см. Яковская Н.Б. Юридические документы из Аррапки в собраниях СССР. Л., 1961; Дьяконов И.М. Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. // ВДИ. 1967. № 4).

<sup>29</sup> Заманчиво предположить, что "подарочная" привилегия Иддин-илума связана с его высоким общественным статусом – он сын агрига и превосходит по экономическим возможностям своих братьев. Самостоятельность Ватрума, который приходится родным братом Иддин-илуму, придает некоторую убедительность этому предположению.

случай, когда в большой семье произошла сегментация, и отпочковавшаяся семейная ячейка существует самостоятельно, хотя и сохраняя память о реальном предке Шиуни и считаясь родством по нему<sup>30</sup>.

Следует остановиться на характеристике третьего поколения этой семьи. Среди "хозяев поля" названы два его представителя — Или-дан и Ими-Суэн, сыновья Энналума. Последний занимает, по-видимому, особое положение в семье (вероятно, он ее глава): он получает лучший "подарок", у него высокий общественный статус старейшины поселения, именно его сыновья из третьего поколения названы в числе "хозяев поля". Между тем к третьему поколению относятся и третий сын Энналума Илаламу и три сына Зузу. Эти лица, а также сын Илаламу (внук Энналума) не упоминаются среди "хозяев поля" — мы узнаем о них из текста третьей сделки, где последние выступают в качестве свидетелей: еще один штрих к "портрету" общины — свидетельствуют сделку выборные люди, а не весь коллектив<sup>31</sup>.

§ 3. Контрагентами царя Маништушу в третьей сделке являются двое — двоюродные братья, внуки Ламума, жреца бога Забабы. Братья продают участок земли около 25 гектаров. В этой сделке — та же нерасчлененность и "цены", и "приплаты". Генетическая характеристика не вызывает затруднений (см. табл. 3). Размеры приобретаемого царем участка так малы по сравнению с остальными громадными массивами, что позволительно предположить: покупателя интересовала скорее возможность "округлить" свой собственный, приобретенный им в номовой общине Дур-Суэна земельный участок, который граничил с землей семьи Ламум<sup>32</sup>. В итоге земельный массив, купленный царем Маништушу в номовой общине Дур-Суэн, составил 475 гектаров.

§ 4. В номовой общине Киш продает участок земли семейная община, представленная одиннадцатью "хозяевами поля"; в качестве свидетелей сделки выступают девять "братьев хозяев поля". Фрагментарность текста не позволяет дать достаточно четкого "родового портрета" этой семьи. Действующие лица — третье поколение. Как видно из табл. 4, наиболее многочисленны потомки Абуллума, сыновья двух родных братьев Хайя-раби и Ишдуду (именно представитель этой ветви Шакуллум получает наиболее ценный "подарок") и внуки Дадума — сыновья шести родных братьев. В данном случае обращает на себя внимание, во-первых, то обстоятельство, что сегментация большой семьи произошла во времена не столь уж отдаленные (обычно естественная сегментация как форма существования большесемейной общины происходит через три-четыре поколения, сообразно росту состава большесемейной общины); во-вторых, линия раздела прошла через семейные ячейки потомков Абуллума и Дадума, превратив часть каждой из них в держания "братьев хозяев поля", т.е. в самостоятельные хозяйственные единицы.

Из семи внуков Абуллума выделились двое: Илум-асум и Пузур-илла; из девяти внуков Дадума выделилось пятеро: Шуадму, два родных брата Идадум и Шурушкен, Зира и Адада — сыновья родных братьев: Ламума, Илышукара и Иликамера. Среди "братьев хозяев поля" также внуки двух родных братьев — Ирам-Малика и Кака. Все действующие лица между собой троюродные братья.

<sup>30</sup> Если допустить, что отцы участников сделки были родными братьями, сыновьями Шиуни, то нет надобности всякий раз называть имя деда, так как он у них один. И в этом случае перед нами типичная семья "неразделенных братьев" во втором поколении, т.е. все участники сделки — двоюродные братья.

<sup>31</sup> И.М. Дьяконов обратил внимание на то, что этому есть и другие примеры в документах купли-продажи раннединастического и аккадского времени.

<sup>32</sup> О номовой общине см.: Дьяконов. Общественный и государственный строй...; он же. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. // ВДИ. 1968. № 3. С. 3–6; Дьяконов И.М., Якобсон В.А. Номовые "государства", "территориальные царства", "полисы", "империи". Проблемы типологии. // ВДИ. 1982. № 3.

Таким образом, из когда-то единой большесемейной общины пяти братьев в третьем поколении непосредственное отношение к ее земельной собственности имеет только часть потомков четырех братьев – одиннадцать человек.

На грани С "Обелиска Маништушу" фиксируются сделки в номовой общине Марад. В общей сложности Маништушу приобретает здесь земельный массив в 2283 гектара.

В § 5 продавцы – большая семья, состоящая из 26 человек, обладательница участка в 825 га, потомки *энси* поселения Киуд. Хозяйственное единство этой семейной общины отражено в том, что, во-первых, как и во всех сделках, денежное вознаграждение за землю ("цена" и "приплата") неделимы; во-вторых, здесь нет категории "братьев хозяев поля". Ведущая свою родословную от *энси* (жреца-правителя), сохраняющая свое единство на протяжении пяти поколений, экономически сильная, эта структура была первоначально семьей семи неразделенных братьев; примечательно, что и титул *энси* города Марада сохраняется в семье – его носит Зузу, правнук *энси* Пу-шу-раби, вероятно, патриархальный глава большесемейной общины, если судить по размерам подарка, полученного им. Кстати, подарки получают все 26 "хозяев поля"; шесть человек – более ценные, остальные – менее значительные, но одинаковые подарки.

В § 6 – сделка Маништушу в Мараде с семейной общиной потомков Пузуррума, состоящей из девяти человек. Как и в § 5, здесь обращают на себя внимание, во-первых, размеры продаваемого земельного участка – около 1350 гектаров, во-вторых, хозяйственная нерасчлененность семьи в течение шести поколений, в-третьих, эта семья – потомки лица, которое когда-то было управляющим государственным поселением<sup>33</sup>. Как видно из табл. 6, эта разросшаяся большая семья состоит из пяти ветвей, потомков пяти сыновей Дубсиги, сына Пузуррума. Все действующие лица каждой ветви приходятся друг другу троюродными братьями.

§ 7. Здесь же в Мараде Маништушу покупает 108 гектаров земли у двух родных братьев Зузу и Иребума, внуков Урура, занимавшего должность судьи. Эта очень зажиточная семья двух братьев – совсем маленькая хозяйственная ячейка, но организована она по принципу всех упомянутых хозяйственных структур – нерасчлененности основных средств производства, коллективного характера собственности.

§ 8. На грани "Обелиска Маништушу" записан текст земельной сделки царя в Актабе. Хозяевами земельного массива в 500 гектаров названы 10 человек. Судя по схеме (см. табл. 8), данная семейная община состоит из семи фамилий, о степени родства которой трудно что-либо сказать. Как предполагает в своем комментарии к памятнику И.М. Дьяконов, возможно, они – потомки некоего Акума, по имени которого получило свое имя отчужденное поле<sup>34</sup>.

Здесь возможно и другое толкование. Поскольку семейный коллектив представлен тремя поколениями, – срок не столь уж долгий, чтобы имя предка было забыто, остается предположить, учитывая к тому же систематичность в оформлении документа, что общих предков нет. Следовательно, этих людей объединяет к данному моменту только хозяйственная общность, но не родственные связи. Ситуация необычна для нашего текста, но вполне объяснима, если принять во внимание, что, во-первых, земля была объектом купли-продажи, во-вторых, что процесс индивидуализации, чреватый свободой отчуждения земельного надела, набирал силу еще в раннединастический период истории Шумера<sup>35</sup> Можно пред-

<sup>33</sup> Поселения, расположенные на государственной (царской) земле; они находились вне общинного сектора экономики.

<sup>34</sup> Дьяконов. Общественный и государственный строй... С. 78.

<sup>35</sup> Динамику этого процесса в течение всего III тыс. в Шумере обнажают многочисленные документы купли-продажи земли.

положить еще и обратное: что общий предок был очень далеко, а община по какой-то причине не сегментировалась. Может быть, большесемейная община вбирала в себя чужаков, чему есть примеры, например в Эламе, не говоря уже о Нузи. Но это, кстати, тоже форсирует расчленение и индивидуализацию. Данный семейный коллектив можно рассматривать, таким образом, как пример формализации общинной структуры – необратимого процесса, порожденного становлением частной собственности<sup>36</sup>. Формализация общинной "оболочки" могла происходить двумя путями: путем купли-продажи земельного надела и путем адаптации семейным коллективом новых членов, чуждых по крови. Второй путь был, вероятно, более приемлем для большой семьи, как формы кооперации, где структурообразующим началом является кровное родство в отличие от сельской общины, где эту роль выполняют соседские, территориальные связи.

Как отмечает в своем кратком комментарии к "Обелиску Маништушу" И.М. Дьяконов, "выделение такого громадного массива земли (всего почти 23 кв. км) представляло важную задачу и с технической, и с общественной точки зрения и это нашло отражение в документе"<sup>37</sup>. Среди лиц, получавших подарки, упомянуты трое, производившие обмер полей, осуществлявшие техническую часть сделки. Юридическая ее часть была возложена на свидетелей, на характеристики которых следует остановиться особо.

В тексте упоминаются три группы свидетелей сделки в номовой общине Марада<sup>38</sup>. В первой группе насчитывается 27 человек, из которых 14 – лица официальные, с высоким общественным статусом: они занимают крупные административные должности в государственном аппарате и органах общинного самоуправления – судья Пузур-лулу, верховный жрец главного божества Марада Гальзу-Дикку, Илибама – председатель совета старейшин, Абубу – управляющий поселением Казурак, внук жреца Иштуп-илум, староста поселения Ашнанак Мишуа, внук жреца Тиршу, управляющий Илум-ахи, управляющий кораблями Или-бани, управляющий Митлик, Урсуэн – управляющий поселением Эмарза, царский *энгар*, т.е. начальник групп сельскохозяйственных работников в царском хозяйстве. Об остальных 13 свидетелях известно: имя, имя отца, а в шести случаях и деда, в пяти случаях указано еще и происхождение – вавилонянин, кутиец и т.д. Во второй группе свидетелей, которые в тексте названы "сыновьями свидетелей" (или "сыновья-свидетели") – 10 человек. Из них 5 – официальные лица государственного аппарата, 2 – сыновья официальных лиц. В третьей группе свидетелей – 12 старост и управляющих. Эта группа свидетелей отделена от первых двух, по мнению Дьяконова, потому что «... они не владели землей вне казенных хозяйств... если свидетели первой группы были не только казенными служащими, но еще и гражданами Марада, то свидетели этой, третьей группы, были только "управляющие и старосты", т.е. видные представители царского персонала. Не все они названы даже по отчеству, и ни для одного из них не назван дед и другие предки»<sup>39</sup>.

Отмечая вслед за И.М. Дьяконовым, что списки свидетелей обнажают иерархичность структуры номовой общины, добавим, что первая группа высокопоставленных свидетелей соответствует, как нам кажется, самому высокому уровню общинного самоуправления; вторая группа свидетелей, столь же значительная в социальном плане, представляет как бы второй уровень общинного самоуправления и поэтому возможно, на наш взгляд, истолковать "сыновья-свидетели"

<sup>36</sup> Процесса, который в течение тысячелетия превратил шумерскую сельскую общину из коллективного собственника в вавилонскую сельскую общину – коллектив собственников (см. работы И.М. Дьяконова, посвященные общине древнего Двуречья).

<sup>37</sup> Дьяконов. Общественный и государственный строй... С. 74.

<sup>38</sup> В сделках § 1 и § 4 роль свидетелей, как было сказано выше, выполняют "братья хозяев поля".

<sup>39</sup> Дьяконов. Общественный и государственный строй... С. 75.

как "младшие" свидетели. В этой же связи следует обратиться к формуле, которая упоминается в сделках, – "190 сыновей Дур-Суэна ели хлеб"<sup>40</sup>. По поводу ее толкования среди комментаторов памятника нет единого мнения<sup>41</sup>. Признание семейнообщинного характера собственности на землю, отраженного в документе, делает прозрачной и эту формулу: "... это скорее всего сходка граждан населения (семейной общины), где производилась покупка"<sup>42</sup>.

Свое верховное право собственности на землю община осуществляла участием в сделках, а форма участия определялась соответствующим уровнем общинной структуры от номовой городской общины-государства до семейной общины. И этот порядок достаточно ярко отражен в "Обелиске Маништушу". Участие в трапезах граждан, "сыновей" Дур-Суэна, Киша, Марада, Актаба – своего рода участие в сделке, своего рода потлаг – обычай взаимного дарения с угощением вместо формальной покупки; в силу того, что территориальной общине принадлежит верховное право собственности на землю, общины тем самым как бы санкционировали продажу земли.

В памятнике достаточно четко прослеживается, таким образом, роль и место большесемейной и территориальной общин как социальных и экономических структур в более широкой социальной системе, их отношения к другим элементам общества и государству. В повседневной практике община и государство выступали как партнеры, за каждым из которых стояло право собственности, освященное в первом случае обычаем, нормой, традицией общины; во втором случае – суверенным правом государства. Это подтверждается документально: в сделках у каждого из контрагентов – свои свидетели: у царя Маништушу – это 49 человек, занимающих высокие административные посты в аппарате государства, список которых повторяется при каждой сделке; у общин-продавцов – это лица, состоящие с данной большесемейной общиной в отдаленном родстве и имеющие в силу общности происхождения право на землю.

Итак, контрагентами царя Маништушу выступают большесемейные общины. В пользу этого утверждения свидетельствуют в совокупности следующие признаки.

1. Размеры продаваемых участков – это громадные земельные массивы, хозяйственная эксплуатация которых до их отчуждения, безусловно, предполагала определенным образом организованную кооперацию. Идеальной формой такой кооперации может быть большая семья – естественная, изначальная, биологически обусловленная общность, способная регулировать процесс труда на основе внеэкономической регламентации.

2. Необходимость "приплаты" и обязательность участия в сделке всех родичей в силу общности интересов – это с очевидностью предполагает нерасчлененность основных условий производства: земли, орудий труда, корпоративный характер живого труда.

3. Реальное, кровное родство, которое достаточно определенно прослеживается в тексте памятника; каждый коллектив – это биологическая семья в генеалогических рамках трех-пяти поколений.

Таким образом, в ряду других памятников шумеро-аккадской эпохи "Обелиск Маништушу" дает наиболее веские аргументы в пользу тезиса о корпоративном характере права собственности на землю и форм организации труда в древнем Двуречье. В нем, как в фокусе, отражаются и живая ткань взаимоотношений общинных структур разного уровня (от спонтанно отчленяющихся малых

<sup>40</sup> В номовой общине Киш (грань В) "80 сыновей Киша ели хлеб", в Мараде (грань С) – 600, в Актабе (грань D) – 94.

<sup>41</sup> Об этом см.: Дьяконов. Общественный и государственный строй... С. 76–78, где приводится документ из Фары, в котором "едят хлеб члены народного собрания".

<sup>42</sup> Там же. С. 78.

семей до больших семей и групп больших семей, тесно связанных родством и, надо думать, взаимопомощью), и характер их взаимодействия с формирующимся институтом государства, прослеживаются с достаточной определенностью тенденции развития всей системы социальных связей в целом.

Историю этого развития можно представить, на наш взгляд, в виде двух периодов: первый характеризуется системой "большесемейная община — соседская община", которой свойствен индивидуальный характер производства при общественном характере присвоения; второй — системой "индивидуальная семья — территориальная (в частности соседская) община", где последняя выступает уже не как коллективный собственник, а как коллектив собственников, в котором индивидуальному характеру производства соответствует индивидуальный характер присвоения.

Таким образом, этот процесс представляется как постепенное угасание коллективности, заданной сферой личных связей, той самой естественно сложившейся коллективности, которая являлась, по словам К. Маркса, первой предпосылкой присвоения людьми объективных условий жизни, и составляла основу архаической (гомогенной) общины<sup>43</sup>. Коллективность же, заданная сферой труда, развиваясь, реализует себя в различных формах производственной кооперации, одной из которых является община, известная всем докапиталистическим формациям.

## ТЕКСТ "ОБЕЛИСКА МАНИШТУШУ"

### I. ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

Сторона А

§ 1

(I) [ . . . ] <sub>1</sub>24 BUR 7 GÁN <sub>2</sub>[Ma]-an-iš-tu-šú <sub>3</sub>LUGAL <sub>4</sub>KIŠI <sub>5</sub>Ì-SÁM [ . . . ] (II)  
<sub>1</sub>[ŠE.]GUR./SAG/.GAL <sub>2</sub>KÚG.BABBAR-su <sub>3</sub>24 1/3 ša MA.NA 3 GÍN MA.NA TUR  
KÚG.BABBAR <sub>7</sub>NÍG.ŠÁM GÁN <sub>8</sub>3 2/3 ša MA.NA KÚG.BABBAR LALKUD GÍN  
<sub>9</sub>NÍG-KI-GAR GÁN <sub>10</sub><sup>1</sup>su-ga-nu KÚG.BABBAR maš-ga-na-at <sub>11</sub>KI.LAL.BI 15 GÍN  
KÚG.BABBAR <sub>12</sub><sup>1</sup>TÚG šú UL.A.PAL <sub>13</sub>Ì-ti-DINGIR <sub>14</sub>DUMU La-mu-sa ši AGRIG  
<sub>15</sub><sup>1</sup>TÚG šú SEGA [ . . . ] (III) <sub>1</sub>[1 TÚG] šú[ SE.]GA <sub>2</sub>ΛLAM-gi-um <sub>3</sub>DUMU E-bi-ir-mu-  
bi <sub>4</sub><sup>1</sup>TÚG šú SE.GA <sub>5</sub>ΛE-bi-ir-ì-lum <sub>6</sub>DUMU Is-tup-<sup>d</sup>EN.ZU <sub>7</sub>/пробел/  
<sub>8</sub>ŠU.NIGÍN 1 su-ga-nu KÚG.BABBAR maš-ga-na-at <sub>9</sub>ŠU.NIGÍN 1 TÚG šú UL.A.PAL  
<sub>10</sub>ŠU.NIGÍN 3 TÚG šú SE.GA <sub>11</sub>NÍG-BA GÁN  
<sub>12</sub>ΛSu-ru-uš-GI <sub>13</sub>DUMU Ì-ti-DINGIR <sub>14</sub>šú La-mu-sa <sub>15</sub>ši AGRIG <sub>16</sub>ΛIs-tup-<sup>d</sup>EN.  
ZU (IV) <sub>1</sub>ΛI-mi-<sup>d</sup>EN-ZU <sub>2</sub>2 DUMU GAL.ZU.DI.TAG <sub>3</sub> DUMU.DUMU<sup>u</sup> Su-mu-húm  
<sub>4</sub>/пробел/ <sub>5</sub>ŠU.NIGÍN 7 KAL <sub>6</sub>be-lu GÁN <sub>7</sub>KÚ KÚG.BABBAR  
<sub>8</sub>ΛDINGIR-a-ħa <sub>9</sub>DUMU Ì-lu-lu <sub>10</sub>GAL.KALAM <sub>11</sub>ΛDIRIG-um <sub>12</sub>DUMU La-mu-sa  
<sub>13</sub>ši AGRIG <sub>14</sub>ΛA-ar-DINGIR <sub>15</sub>DUMU Pù-ba-LUM <sub>16</sub>SIPA <sub>17</sub><sup>d</sup>EN+ZU-al-su <sub>18</sub>DUMU  
A-ar-DINGIR <sub>19</sub>ši Pù-ba-LUM <sub>20</sub>ΛUm-iš <sub>21</sub>ΛZU.ZU (V) <sub>1</sub>2 DUMU Is-tup-<sup>d</sup>EN+ZU  
<sub>2</sub>DUMU.DUMU IR-RA-RA <sub>3</sub>ΛAMA-<sup>d</sup>EN+ZU <sub>4</sub>DUMU Ga-zu-a-LUM <sub>5</sub>ši Ì-lu-lu

<sup>43</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. С. 462.

6 \DINGIR-a-zu 7 DUMU A-lim-gu-ru-ud 8 \Pù-<sup>d</sup>Da-gan 9 DUMU Al-la-la 10 \NITAḤ-sú-ni  
 11 DUMU Me-zé-ì-lum 12 /*npobel*/  
 13 ŠU.NIGÍN 10 KAL 14 ŠEŠ be-lu GÁN 15 ŠU.NIGÍN 17 KAL 16 DUMU.DUMU  
 Me-z-zi

§ 2

17<sup>45</sup> BUR 11 GÁN 18 NÍG.ŠÁM-su 19 2736 ŠE.GUR.SAG.GAL 96 SILA 20 NÍG.  
 ŠÁM (VI) 1 GÍN KUG.BABBAR 2 1 ŠE GUR.SAG.GAL 3 KÚG BABBAR-su 4 45 MA.  
 NA 36 2/3 GÍN MA.NA TUR KÚG.BABBAR 5 NÍG.ŠÁM GÁN 6 MA.NA 50 1/2  
 LAL.KUD GÍN KÚG.BABBAR 7 NÍG-KI-GAR GÁN  
 8 1 su-ga-nu KÚG.BABBAR maš-ga-na-at 9 KI.LAL.BI 15 GÍN KÚG.BABBAR  
 10 1 TÚG šu UL.A.PAL 11 \En-na-LUM 12 AB+ÁŠ URU 13 BAD-<sup>d</sup>EN+ZU<sup>KI</sup> 14 DUMU  
 I-mi-<sup>d</sup>EN+ZU 15 1 TÚG šu SE.GA \Su-Ni-um 16 DUMU NITAḤ-sú-ni 17 SAḤAR  
 18 1 TÚG šu SE.GA 19 \NITAḤ-sú-ni 20 DUMU Is-tup-DINGIR (VII) 1 1 TÚG šu SE.  
 GA 2 \ZU.ZU 3 DUMU A-ar-É-a 4 /*npobel*/  
 5 ŠU.NIGÍN 1 su-ga-nu KÚG.BABBAR maš-ga-na-at 6 ŠU.NIGÍN 1 TÚG šu UL.  
 A.PAL 7 ŠU.NIGÍN 2 TÚG šu SE.GA 8 NÍG.BA GÁN  
 9 \Ì-li-dan 10 \I-mi-<sup>d</sup>EN.ZU 11 2 DUMU EN-na-LUM AŠAG URU 13 BÀD-<sup>d</sup>EN+  
 +ZU<sup>KI</sup> 14 <sup>d</sup>EN+ZU-a-ar 15 DUMU A-ar-É-a 16 \Ì-lí-sa-lik 17 DUMU Im-tà-lik  
 18 \I-nin-mè-sum 19 DUMU DAM.BA.BA  
 (VIII) 1 ŠU.NIGÍN 9 KAL 2 be-lu GÁN 3 KÚ KÚG.BABBAR 4 DUMU.DUMU Ši-  
 ù-ni

§ 3

5 4 BUR 1 GÁN 6 NÍG.ŠÁM-su 7 243 4/15 ŠE GUR.SAG.GAL 8 NÍG.ŠÁM 9 1 GÍN  
 KÚG.BABBAR 10 1 ŠE GUR.SAG.GAL 11 KÚG.BABBAR-su 12 4 MA.NA KÚG.  
 BABBAR 3 GÍN MA.NA TUR 13 NÍG.ŠÁM GÁN 14 36 1/2 GÍN KÚG.BABBAR  
 15 NÍG-KI-GAR GÁN  
 16 1 TÚG šu SE.GA 17 \DINGIR-ba-ni 18 DUMU RA-bí-DINGIR 19 šì La-mu-um  
 20 SANGA <sup>d</sup>Za-ba<sub>4</sub>-ba<sub>4</sub> 21 1 TÚG šu SE.GA 22 Buzur<sub>8</sub>-Ma-ma (IX) 1 DUMU UR-  
<sup>d</sup>NIN.KAR 2 /*npobel*/  
 3 ŠU.NIGÍN 2 TÚG šu SE.GA 4 NÍG.BA GÁN 5 ŠU.NIGÍN 2 KAL 6 be-lu GÁN 7 KÚ  
 KÚG.BABBAR 8 DUMU.DUMU La-mu-um 9 SANGA <sup>d</sup>Za-ba<sub>4</sub>-ba<sub>4</sub>  
 10 ŠU.NIGÍN 4 BUR 1 GÁN 11 GÁN.GUR<sub>9</sub> 12 <sup>IM</sup>MIR 13 SI.LU.GA URU-UD  
 14 GÁN.GUR<sub>9</sub> 15 <sup>IM</sup>MAR.TU 16 La-mu-um 17 GÁN LUGAL 18 GÁN.GUR<sub>9</sub> 19 <sup>IM</sup>KUR  
 20 <sup>ID</sup>IDIGNA 21 GÁN.GUR<sub>9</sub> 22 <sup>IM</sup>HU.SI 23 EN-bu-DINGIR 24 SU.NIN(X) 1 GÁN Ba-aš<sup>KI</sup>  
 2 \Im<sub>x</sub>-tà-lik 3 DUMU UR-NIN 4 KIŠI<sup>KI</sup> 5 <sup>d</sup>EN+ZU-GÍŠ.RÍN 6 \Ì-la-la 7 \Šu-ì-lí-su



8<sup>3</sup> DUMU ZU.ZU <sup>9</sup>šī A-ar-É-a <sup>10</sup>Im<sub>x</sub>-tà-lik <sup>11</sup>DUMU I-la-la-mu <sup>12</sup>šī En-na-LUM  
 13 AŠAG URU <sup>14</sup>BÀD-<sup>d</sup>EN.ZU<sup>KI</sup> <sup>15</sup>/npobel/  
 16 ŠU.NIGIN 5 KAL <sup>17</sup>ABxÁŠ ABxÁŠ GAN  
 18 190 KAL <sup>19</sup>DUMU.DUMU <sup>20</sup>BÀD-<sup>d</sup>EN.ZU<sup>KI</sup> <sup>21</sup>NÍNDA Ì-KÚ <sup>22</sup>/npobel/  
 23 \A-li-a-hu <sup>24</sup>DUMU Ì-ba-ri-im (XI) <sup>1</sup>ŠEŠ LUGAL <sup>2</sup>\ZU-ZU <sup>3</sup>DUB.SAR <sup>4</sup>ŠU-AB  
<sup>5</sup>DUMU La-mu-um <sup>6</sup>\DUB.ZI <sup>7</sup>Um-mi-a <sup>8</sup>DUB.SAR <sup>9</sup>\<sup>d</sup>Ma-lik-zi-in-su <sup>10</sup>DUMU I-da-  
 DINGIR <sup>11</sup>GAL.SUKKAL <sup>12</sup>\Ma-ma-hir-su <sup>13</sup>DUMU Na-ni <sup>14</sup>GÌR.NITAH <sup>15</sup>Šu-<sup>d</sup>DA-  
 gan <sup>16</sup>DUMU Be-li-lí <sup>17</sup>šī Na-zi-tim <sup>18</sup>ŠABRA É <sup>19</sup>\š-qá-num <sup>20</sup>DUMU Sa-ni <sup>21</sup>\Bí-su-  
 šè-ip-num <sup>22</sup>\È-a-ra-bí <sup>23</sup>2 DUMU A-hu-hu <sup>24</sup>si Al-lu-lu <sup>25</sup>\N-su-mi-su-da-nu (XII)  
<sup>1</sup>DUMU Iš-a-lum <sup>2</sup>šī TE.LAL.GAL <sup>3</sup>Buzur<sub>8</sub>-i-li <sup>4</sup>DUMU Be-lí-GI <sup>5</sup>GIR.NITAH <sup>6</sup>LÚ.  
 GIŠ.TI <sup>7</sup>\UD-ti-ru <sup>8</sup>Sar-ru-ken-ì-li <sup>9</sup>2 DUMU BALA-ga <sup>10</sup>šī NAR <sup>11</sup>\Ì-lí-sar-ru <sup>12</sup>DUMU  
 I-ti-šum <sup>13</sup>GÌR.NITAH <sup>14</sup>LÚ-GIŠ-GÍD-DA <sup>15</sup>\DINGIR-su-su <sup>16</sup>DUMU Mu-mu <sup>17</sup>ŠU.I  
<sup>18</sup>šī Al-lu-lu <sup>19</sup>\A-bíl-dan <sup>20</sup>\BÀD-su-nu <sup>21</sup>2 DUMU Su-ru-us-GI <sup>22</sup>šī PAB.ŠEŠ <sup>23</sup>PA.TE.  
 SI <sup>24</sup>GIŠKUSU<sup>KI</sup> <sup>25</sup>\I-zi-ir-gul-la-zi-in (XIII) <sup>1</sup>DUMU Šu-i-li Qà.ŠU.GAB <sup>3</sup>\U-za-si-na-at  
<sup>4</sup>DUMU Ki-di-di <sup>5</sup>\GIS.TUKUL-ga-su-al-si-in <sup>6</sup>DUMU U<sub>4</sub>-MA <sup>7</sup>\UR. <sup>d</sup>MUŠ <sup>8</sup>DUMU  
 LUGAL-ku-li <sup>9</sup>\Zi-gur-mu-bí <sup>10</sup>DUMU Ì-lí-a-a-hi <sup>11</sup>šī TE.LAL.GAL <sup>12</sup>\Ma-ma-hir-su  
<sup>13</sup>DUMU Ra-bí-DINGIR <sup>14</sup>šī Ì-la-la <sup>15</sup>\Mu-mu <sup>16</sup>DUMU UR.AMAR-da <sup>17</sup>\En-bu-  
 DINGIR <sup>18</sup>DUMU Im<sub>x</sub>-tà-lik <sup>19</sup>šī GAL.SUKKAL-li <sup>20</sup>\GAL.ZU.DI.KU<sub>5</sub> <sup>21</sup>DUMU  
 I-ti-DINGIR.DINGIR <sup>22</sup>UD.KIB.NUN<sup>KI</sup> <sup>23</sup>\U-bil-ga-zu <sup>24</sup>DUMU Ir-ru-zum <sup>25</sup>LÚ.IGI  
 (XIV) <sup>1</sup>\U-na-qar <sup>2</sup>DUMU Ì-šī-šī <sup>3</sup>NU.BÁNDA ša-na-e <sup>4</sup>Dan-ì-li <sup>5</sup>DUMU Ìr-e-<sup>d</sup>Ma-lik  
<sup>6</sup>šī PA.RIM.GI<sub>4</sub> <sup>7</sup>\URU-INIM-GI-NA <sup>8</sup>DUMU EN.GIL.SA <sup>9</sup>EN.SI <sup>10</sup>ŠIR-BUR-LA<sup>KI</sup>  
<sup>11</sup>\Da-num <sup>12</sup>DUMU Iš-KUM-DINGIR <sup>13</sup>GAL.KALAM <sup>14</sup>\I-bu-kum <sup>15</sup>DUMU DINGIR-  
 su-ra-bí <sup>16</sup>EN.SI <sup>17</sup>BA-SI-ME<sup>KI</sup> <sup>18</sup>\La-li <sup>19</sup>DUMU Iš-má-a-ni <sup>20</sup>šī Ar-ri-im <sup>21</sup>\Ì-lu-lu  
<sup>22</sup>DUMU Ik-ru-ub-DINGIR <sup>23</sup>šī A-gu-tim <sup>24</sup>\Ga-li-ì-li <sup>25</sup>DUMU La-mu-sa <sup>26</sup>GU.DA.A<sup>KI</sup>  
<sup>27</sup>\Ì-lí-sa-lig (XV) <sup>1</sup>DUMU Šu-da-ti <sup>2</sup>\Ik-su-zí-na-at <sup>3</sup>DUMU I-šī-me <sup>4</sup>NU.BÁNDA ABxÁŠ  
<sup>5</sup>\U-bi-in-LUGAL-ri <sup>6</sup>DUMU UR.UR <sup>7</sup>šī GAL.SUKKAL-li <sup>8</sup>\Ma-ma-hu <sup>9</sup>DUMU I-li-lí  
<sup>10</sup>NU.BÁNDA ša-na-e <sup>11</sup>\U-bi-in-LUGAL-ri <sup>12</sup>DUMU BALA-É-a <sup>13</sup>IRAD.DA.NI<sup>KI</sup>  
<sup>14</sup>\A-hu-DUG <sup>15</sup>DUMU Šu-Nu-nu <sup>16</sup>šī Ha-lum <sup>17</sup>Šu-Nu-nu <sup>18</sup>DUMU DINGIR-dan  
<sup>19</sup>SANGA <sup>d</sup>A-GA <sup>20</sup>I-bi-<sup>d</sup>URU<sup>KI</sup> <sup>21</sup>\Im<sub>x</sub>-tà-lik <sup>22</sup>DUMU I-su-DINGIR <sup>23</sup>DUMU.DUMU  
 A-hu-hu <sup>24</sup>Da-mi-gi<sup>KI</sup> <sup>25</sup>\Sar-ru-i-li <sup>26</sup>DUMU Sar-ru-BÀD <sup>27</sup>EN.SI (XVI) <sup>1</sup>\Ì-lí-a-hi  
<sup>2</sup>DUMU DINGIR-a-ha <sup>3</sup>\Da-kum <sup>4</sup>DUMU NITAH-sú-ni <sup>5</sup>\Mu-sa-ir-nu <sup>6</sup>DUMU Da-da-núm  
<sup>7</sup>DUB.SAR <sup>8</sup>\Na-bí-um <sup>9</sup>DUMU I-ti-ti <sup>10</sup>Da-mi-gi<sup>KI</sup> <sup>11</sup>in dan-ni ri-š-tim <sup>12</sup>\Tu-li-id-da-  
 nam <sup>13</sup>DUMU Ì-li-lí <sup>14</sup>šī MU.NA <sup>15</sup>/npobel/  
<sup>16</sup>SU.NIGIN 49 DUMU.DUMU <sup>17</sup>A-ga-de<sup>KI</sup> <sup>18</sup>ABxÁŠ ABxÁŠ GAN  
<sup>19</sup>GÁN Ba-aš<sup>KI</sup> <sup>20</sup>in BÀD-<sup>d</sup>EN.ZU<sup>KI</sup> <sup>21</sup>Ma-an-iš-tu-šu <sup>22</sup>LUGAL <sup>23</sup>KIŠI <sup>24</sup>\Ì-SÁM

(I) [...] <sub>2</sub>[ki]-li-[lum] KÚG. BABBAR <sub>3</sub>[KI.] LAL.BI [...] GÍN KÚG. BABBAR <sub>4</sub>[1] TÚG šu ULA.PAL <sub>5</sub>\Sag-gul-lum <sub>6</sub>1 TÚG šu SE.GA <sub>7</sub>\A-ḥu-mu-bi <sub>8</sub>[1] TÚG šu SE.GA <sub>9</sub>\PÙ-PÙ <sub>10</sub>DUMU É-a-ra-bí <sub>11</sub>1 TÚG šu SE.GA (II) <sub>1</sub>Aš-tar-al-su <sub>2</sub>DUMU Iš-du-du <sub>3</sub>4 DUMU.DUMU ši A-pù-LUM <sub>4</sub>1 TÚG šu SE.GA <sub>5</sub>\Iš-má-DINGIR <sub>6</sub>1 TÚG šu SE.GA <sub>7</sub>\I-ti-DINGIR <sub>8</sub>DUB.SAR <sub>9</sub>2 DUMU DINGIR-gar <sub>10</sub>1 TÚG šu SE.GA <sub>11</sub>\É-a-GÚ <sub>12</sub>DUMU Iš-du-du (III) <sub>1</sub>1 TÚG šu SE.GA <sub>2</sub>\NITAḤ-sú-ni <sub>3</sub>DUMU La-mu-um <sub>4</sub>4 DUMU. DUMU Da-tum <sub>5</sub>1 TÚG šu SE.GA <sub>6</sub>\Buzur<sub>8</sub>-<sup>d</sup>ZA-ba<sub>4</sub>-ba<sub>4</sub> <sub>7</sub>DUMU Mu-mu <sub>8</sub>DUMU. DUMU Ir-am-<sup>d</sup>Ma-lik <sub>9</sub>1 TÚG šu SE.GA <sub>10</sub>\NU-ra <sub>11</sub>GEME DINGIR <sub>12</sub>DUMU.SAL Buzur<sub>8</sub>-Nu-ni <sub>13</sub>DUMU.DUMU Bu-im (IV) <sub>1</sub>MA.DU.DU <sub>2</sub>/npobel/

<sub>3</sub>ŠU.NIGÍN <sub>2</sub>ki-li-lum KÚG. BABBAR <sub>4</sub>ŠU.NIGÍN <sub>2</sub>TÚG šu ULA.PAL <sub>5</sub>ŠU.NIGÍN <sub>9</sub>TÚG šu SE.GA <sub>6</sub>NÍG.BA GÁN <sub>7</sub>ŠU.NIGÍN <sub>11</sub>KAL <sub>8</sub>be-lu GÁN <sub>9</sub>KÚ KÚG. BABBAR <sub>10</sub>Šu.AD.MU <sub>11</sub>DUMU La-mu-um <sub>12</sub>\Í-da-tum <sub>13</sub>\Su-ru-uš-GI <sub>14</sub>2 DUMU DINGIR-su-GAR <sub>15</sub>\ZI.RA (V) <sub>1</sub>DUMU DINGIR-dan <sub>2</sub>\A-da-da <sub>3</sub>DUMU DINGIR-ka-Me-ir /npobel/ <sub>4</sub>5 DUMU.DUMU Da-tum <sub>5</sub>\Šu-Eš<sub>4</sub>-dar <sub>6</sub>DUMU Me-sá-lim <sub>7</sub>DUMU.DUMU KA.KA <sub>8</sub>\DINGIR-a-zu <sub>9</sub>DUMU I-zu-bu <sub>10</sub>\Buzur<sub>8</sub>-il-la <sub>11</sub>DUMU UR-<sup>d</sup>NIN.KAR <sub>12</sub>DUMU. DUMU A-pù-LUM <sub>13</sub>\DINGIR-ga-lí <sub>14</sub>DUMU I-lu-lu <sub>15</sub>DUMU.DUMU Ir-am-<sup>d</sup>Ma-lik

(VI) <sub>1</sub>/npobel/ <sub>2</sub>ŠU.NIGÍN <sub>9</sub>KAL <sub>3</sub>ŠEŠ be-lu GÁN <sub>4</sub>/npobel/ <sub>5</sub>GÁN.GUR<sub>9</sub> <sup>IM</sup>MIR <sub>6</sub>DUMU.DUMU KU.KU <sub>7</sub>GÁN.GUR<sub>9</sub> <sup>IM</sup>HU.SI <sub>9</sub>ša-at Gu-lí-zi <sub>10</sub>GÁN.GUR<sub>9</sub> <sub>11</sub><sup>IM</sup>KUR <sub>12</sub>Me-Sá-lum <sub>13</sub>DUMU LUGAL <sub>14</sub>GÁN.GUR<sub>9</sub> <sup>IM</sup>MAR.TU <sub>16</sub>BAR<sup>KI</sup> <sub>17</sub>GÁN Ba-ra-az-EDIN<sup>KI</sup> (VII) <sub>1</sub>in KIŠI<sup>KI</sup> <sub>2</sub>/npobel/ <sub>3</sub>80 DUMU.DUMU <sub>4</sub>KIŠI<sup>KI</sup> <sub>5</sub>in Ka-za-lu<sup>KI</sup> <sub>6</sub>NINDA Í-KÚ

Сткк. (VII), 7 – (XIV), 16 – перечень имен 49 свидетелей царя; аналогичен списку на стороне A, § 3, (X), 23 – (XVI), 16.

(XIV) <sub>17</sub>GÁN Pa-ra-aš EDIN<sup>KI</sup> <sub>18</sub>in KIŠI<sup>KI</sup> <sub>19</sub>Ma-ni-iš-tu-šu <sub>20</sub>LUGAL <sub>21</sub>KIŠI <sub>22</sub>Ì-ŠÁM

(I) <sub>1</sub>[...] (II) <sub>1</sub><sup>11</sup>URUDU ba-da-rum ZABAR <sub>2</sub>NÍG.ŠÁM <sub>1</sub>GIŠ.TUKUL <sub>3</sub>5 GÍN KÚG. BABBAR <sub>4</sub>KÚG. BABBAR-su-nu <sub>5</sub>1 MA.NA KÚG. BABBAR <sub>5</sub>GÍN <sub>6</sub>3 ERIM.ANSE <sub>7</sub>NÍG.ŠÁM [...] (III) <sub>1</sub>KI.LAL.BI <sub>1/3</sub>ša KUG. BABBAR <sub>2</sub><sup>1</sup>URUDU HA.ZI ZABAR <sub>3</sub>1TÚG šu ULA.PAL \Zu-zu <sub>4</sub>DUMU UR.AMAR-da <sub>5</sub>DUMU.DUMU Í-ki-LUM <sub>6</sub>PA.TE.SI <sub>7</sub>KI.UD<sup>KI</sup> <sub>8</sub>1 TÚG šu ULA.PAL [...] (IV) <sub>1</sub>1TÚG šu ULA.PAL <sub>2</sub>\I-bi-ZU.AB

3 DUMU UR.DUB.AN.NI 1 TÚG šu UL.A.PAL 5 \Ti-ru-um 6 DUMU A-da-na-ah 7 DUMU.  
 DUMU I-ti-É-a 8 1 TÚG šu SE.GA 9 \AMAR.URU.URU 10 1 TÚG šu SE.GA 11 \Be-lí-sa-tu  
 12 2 DUMU Zu-zu 13 [DUMU].DUMU UR.AMAR-da 14 [DUMU.DUMU ší Ì]-ki-LUM  
 15 [...]

(V) 1 TÚG šu SE.GA 2 \Ì-lí-a-hi 3 2 DUMU A-hu-mu-bí 4 DUMU.DUMU Iš-tup-DINGIR  
 5 ší É-a-a 6 1 TÚG šu SE.GA 7 \Ra-bí-DINGIR 8 DUMU Buzur<sub>8</sub>-É-a 9 1 TÚG šu SE.GA  
 10 \Ga-at-num 11 1 TÚG šu SE.GA 12 SU<sub>4</sub>-ma-SIPA 13 1 TÚG šu SE.GA 14 \Be-lí-ba-ni  
 15 3 DUMU UR-ZU.AB 16 DUMU.DUMU DINGIR-su-la-ba 17 1 TÚG šu SE.GA 18 [...]

(VI) 1 \Ì-ki-LUM 2 1 TÚG šu SE.GA 3 \A-hu-hu 4 2 DUMU Is-má-DINGIR 5 1 TUG šu  
 SE.GA 6 GAL.ZU 7 DUMU UR.SAG ZI.NI.BIR<sup>KI</sup> 8 1 TÚG šu SE.GA 9 DUB.SI.GA  
 10 1 TÚG šu SE.GA 11 \Šu-ì-lí 12 2 DUMU GAL.ZU 13 DUMU.DUMU UR.SAG ZI.NI.  
 BIR<sup>KI</sup> 14 5 DUMU.DUMU 15 Um-na-at 16 1 TÚG šu SE.GA 17 \DUB.SI.GA 18 DUMU  
 I-ki-LUM 19 DUMU.DUMU UR-NIN 20 1 TUG su SE.GA 21 \Ma-la-ni-su 22 DUMU DUB.  
 SI.GA 23 [DUMU.] DUMU Ì-[ki]-LUM 24 [...] a-a

(VII) 1 TÚG šu SE.GA 2 \Me-SEŠ.SEŠ 3 DUMU BARA.GI.SI 4 DUMU.DUMU  
 UR-<sup>d</sup>EN.LIL /*пробел*/

6 ŠU.NIGÍN 1 ERIM.ANŠE 7 ŠU.NIGÍN 1 GIŠ.TUL.GAR-su 8 ŠU.NIGÍN 1 ki-li-lum  
 KÚG.BABBAR 9 ŠU.NIGÍN 1 <sup>URUDU</sup>HA.ZI ZABAR 10 ŠU.NIGÍN 6 TÚG šu UL.A.PAL  
 11 ŠU.NIGÍN 20 TÚG šu SE.GA 12 NÍG.BA GÁN 13 ŠU.NIGÍN 26 KAL 14 DUMU.DUMU  
 PŪ-uš-GAL 15 PA.TE.SI 16 KI.UD<sup>KI</sup> 17 be-lu GÁN 18 KÚ KÚG.BABBAR

## § 6

19 213 BUR GÁN 20 NÍG.ŠÁM-su 21 12780 ŠE.GUR.SAG.GAL 22 NÍG.ŠÁM 23 1 GÍN  
 KÚG.BABBAR 24 1 SE.GUR.SAG.GAL 25 KÚG.BABBAR-su (VIII) 1 3 GÚ 33 MA.NA  
 KÚG.BABBAR 2 NÍG.ŠÁM.GÁN

3 40 GÚ SÍG 4 NÍG.ŠÁM 5 1 GÍN KÚG.BABBAR 6 MA.NA SÍG 7 KÚG.BABBAR-si-in  
 8 10 MA.NA KÚG.BABBAR 9 3 ki-li-lu KÚG.BABBAR 10 KI.LAL.BI 1 MA.NA  
 KÚG.BABBAR 11 6 <sup>URUDU</sup>HA.ZI ZABAR 12 4 <sup>URUDU</sup>na-ap-la-ga-tum ZABAR  
 13 3 <sup>URUDU</sup>maš-sa-tum ZABAR 14 NÍG.ŠÁM 1 GIŠ.TUKUL 15 5 GÍN KÚG.BABBAR  
 16 KÚG.BABBAR-su-nu 17 1 MA.NA 5 GÍN KÚG.BABBAR 18 3 ERIM.ANŠE  
 19 NÍG.ŠÁM 20 1 ANŠE 21 1/3 ša KÚG.BABBAR 22 KÚG.BABBAR-su-nu 23 4 MA.NA  
 KÚG.BABBAR 24 40 IA DUG 25 NÍG.ŠÁM 26 10 GÍN KÚG.BABBAR (IX) 1 1 IA SILA  
 2 KÚG.BABBAR-su 3 3 MA.NA KÚG.BABBAR 4 5 SAG NITA<sub>H</sub> 5 4 SAG SAL 6 NÍG.ŠÁM  
 7 1 SAG 8 1/3 ša KÚG.BABBAR 9 KÚG.BABBAR-su-nu 10 3 MA.NA KÚG.BABBAR  
 11 1 DUMU.SAL 12 NÍG.ŠÁM-sa 13 13 GÍN KÚG.BABBAR 14 /*пробел*/

<sup>15</sup>SU.NIGÍN 21 ša MA.NA 18 GÍN KÚG. BABBAR <sup>16</sup>NIG.KI.GAR GÁN <sup>17</sup>1 ERIM  
 ANŠE <sup>18</sup>1 GIŠ.TUL.GAR-šú <sup>19</sup>1 ki-li-lum KÚG.BABBAR <sup>20</sup>KI.LAL.BI 1/3 ša  
 KÚG.BABBAR <sup>21</sup>1<sup>URUDU</sup> na-ap-la-ga-tum ZABAR <sup>22</sup>1 TÚG šú UL.A.PAL <sup>23</sup>\I-ti-É-a  
<sup>24</sup>DUMU UR.AMAR-da <sup>25</sup>DUMU.DUMU UR.KĚŠ<sup>KI</sup> (X) <sup>1</sup>šú DUB.SI.GA <sup>2</sup>1 TÚG  
 šú UL.A.PAL <sup>3</sup>\I-ti-DINGIR <sup>4</sup>DUMU DINGIR-su-GÀR <sup>5</sup>1 TÚG šú UL.A.PAL <sup>6</sup>Buzur<sub>8</sub>-  
 aš-tar <sup>7</sup>1 TÚG šú UL.A.PAL <sup>8</sup>\É-ku-ku <sup>9</sup>2 DUMU Su-mu-GÍ <sup>10</sup>DUMU.DUMU  
 GAL-pum <sup>11</sup>1 TÚG šú SE.GA <sup>12</sup>\Da-da <sup>13</sup>DUMU UR.AMAR-da <sup>14</sup>1 TÚG šú SE.GA  
<sup>15</sup>\Ka-ma-ma <sup>16</sup>DUMU DINGIR-GÀR <sup>17</sup>2 DUMU.DUMU UR.KĚŠ<sup>KI</sup> <sup>18</sup>šú DUB.SI.GA  
<sup>19</sup>1 TÚG šú SE.GA <sup>20</sup>\DAM.BA.BA <sup>21</sup>DUMU DINGIR-GÀR <sup>22</sup>1 TÚG šú SE.GA  
<sup>23</sup>\Ša-lim-a-hu <sup>24</sup>DUMU Da-da <sup>25</sup>2 DUMU.DUMU Ra-bí-DINGIR (XI) <sup>1</sup>1 TÚG šú  
 SE.GA <sup>2</sup>\Su-mu-É-a <sup>3</sup>1 TÚG šú SE.GA <sup>4</sup>\É-DA.DA <sup>5</sup>2 DUMU Buzur<sub>8</sub>-aš-tar <sup>6</sup>DUMU.  
 DUMU GAL-pum <sup>7</sup>1 TÚG šú SE.GA <sup>8</sup>\DINGIR-nu-id <sup>9</sup>DUMU I-ti-É-a <sup>10</sup>DUMU.  
 DUMU UR.AMAR-da <sup>11</sup>šú UR.KĚŠ<sup>KI</sup> <sup>12</sup>1 TÚG šú SE.GA <sup>13</sup>\šú-im-DINGIR <sup>14</sup>DUMU  
 Im-tum <sup>15</sup>DUMU.DUMU UR.KĚŠ<sup>KI</sup> <sup>16</sup>/npobel/

<sup>17</sup>ŠU.NIGÍN 1 ERIM ANŠE <sup>18</sup>ŠU.NIGÍN 1 GIŠ.TUL.GAR-šú <sup>19</sup>ŠU.NIGÍN 1 ki-li-  
 lum KÚG.BABBAR <sup>20</sup>ŠU.NIGÍN 1<sup>URUDU</sup> na-ap-la-ga-tum ZABAR <sup>21</sup>ŠU.NIGÍN  
 4 TÚG šú UL.A.PAL <sup>22</sup>ŠU.NIGÍN 8 TÚG šú SE.GA <sup>23</sup>NIG.BA GÁN <sup>24</sup>ŠU.NIGÍN  
 9 KAL <sup>25</sup>DUMU.DUMU DUB.SI.GA (XII) <sup>1</sup>šú Buzur<sub>8</sub>-ru-um <sup>2</sup>NU.BANDA <sup>3</sup>ša-at  
 Bar-ri-im<sup>KI</sup> <sup>4</sup>be-lu GÁN <sup>5</sup>KÚ KÚG.BABBAR <sup>6</sup>/npobel/

§ 7

<sup>7</sup>17 BUR GÁN <sup>8</sup>NIG.ŠAM-su <sup>9</sup>1020 ŠE.GUR.SAG.GAL <sup>10</sup>NIG.ŠAM <sup>11</sup>1 GÍN  
 KUG.BABBAR <sup>12</sup>1 ŠE.GUR.SAG.GAL <sup>13</sup>KÚG.BABBAR-su <sup>14</sup>17 MA.NA KÚG.  
 BABBAR <sup>15</sup>NIG.ŠAM GÁN <sup>16</sup>6 GÚ 48 MA.NA ŠIG <sup>17</sup>NIG.SAM <sup>18</sup>1 GÍN KÚG.  
 BABBAR <sup>19</sup>4 MA-NA ŠIG <sup>20</sup>KÚG.BABBAR-šú-in <sup>21</sup>2/3 sa MA.NA 42 GÍN KÚG.  
 BABBAR <sup>22</sup>NIG.KI.GAR GÁN

<sup>23</sup>1 TÚG šú SE.GA <sup>24</sup>\Zu-zu <sup>25</sup>1 TÚG šú SE.GA <sup>26</sup>\Ir-e-pum <sup>27</sup>2 DUMU Iš-ma-  
 DINGIR <sup>28</sup>šú NIMGIR (XIII) <sup>1</sup>DUMU.DUMU UR.UR <sup>2</sup>šú PA.HI <sup>3</sup>ŠU.NIGÍN 2 TÚG  
 šú SE.GA <sup>4</sup>NIG.BA GÁN

<sup>5</sup>ŠU.NIGÍN 2 KAL <sup>6</sup>DUMU.DUMU UR.UR <sup>7</sup>šú PA.HI <sup>8</sup>be-lu GÁN <sup>9</sup>KÚ KÚG.  
 BABBAR <sup>10</sup>/npobel/

<sup>11</sup>ŠU.NIGÍN 17 BUR GÁN <sup>12</sup>GAN.GUR<sub>9</sub> <sup>13</sup><sup>IM</sup>MIR <sup>14</sup>ID ZI.KALAM-ma <sup>15</sup>GAN.  
 GUR<sub>9</sub> <sup>16</sup><sup>IM</sup>HU.SI <sup>17</sup>E.GIŠ.MA.NU<sup>KI</sup> <sup>18</sup>GAN.GUR<sub>9</sub> <sup>19</sup><sup>IM</sup>KUR <sup>20</sup>ID A-maš-ti-ak  
<sup>21</sup>GÁN.GUR<sub>9</sub> <sup>22</sup><sup>IM</sup>MAR-TU <sup>23</sup><sup>d</sup>A-mal-is-ta-kal <sup>24</sup>DUMU Sar-ru-GI <sup>25</sup>AMBAR <sup>d</sup>NIN.  
 HUR.SAG

<sup>26</sup>1 TÚG šú SE.GA <sup>27</sup>1<sup>URUDU</sup> HA.ZI ZABAR (XIV) <sup>1</sup>\Ba-ša-ah-DINGIR  
<sup>2</sup>LÚ.ZÍR.GÍD <sup>3</sup>DUMU UR.UR <sup>4</sup>1 TÚG šú SE.GA <sup>5</sup>1<sup>URUDU</sup> HA.ZI ZABAR

6 \Ib-lu<sup>1</sup>-DINGIR 7 DUB.SAR 8 DUMU UGULA 9<sup>1</sup> TÚG šu SE.GA 10<sup>1</sup>  
 URUDU HA.ZI ZABAR 11 \UR-<sup>d</sup>NIN.KAR 12 SAG.SUG<sub>5</sub> 13 DUMU BARA.KI.BA  
 14 DUMU.DUMU A-ku-i-lum 15 / *npobel* /  
 16 ŠU.NIGÍN 3 TÚG šu SE.GA 17 ŠU.NIGÍN 3 URUDU HA.ZI ZABAR  
 18 NÍG.BA 19 LÚ.GÁN.GÍD.DA 20 / *npobel* /  
 21 Buzur<sub>8</sub>-Lu-lu 22 DUMU DINGIR-a-zu 23 DI.KU<sub>5</sub> 24 \GAL.ZU.DINGIR  
 25 šu NIN 26 SANGA 27 \DINGIR.LUGAL.AMAR-da 28 \DINGIR-ba-na  
 29 ABxÁŠ URU (XV) 1 DUMU Šà-gú-ba 2 \Be-lí-a-mi 3 DUMU UR-Ap-ra 4 ší  
 SU<sub>4</sub>-a-tum-mu-da 5 \A-bu-bu 6 DUMU I-mi-DINGIR 7 PA KA.ZU.RA.AK<sup>KI</sup>  
 8 \Íš-<sup>š</sup>tup-DINGIR 9 DUMU AMAR.URU.URU 10 DUMU.DUMU 11 SANGA  
 12 \Mi-su<sub>4</sub>-a 13 DUMU I-ki-LUM 14 NU.BÁNDA Aš-na-na-ak<sup>KI</sup> 15 \Ti-ir-su  
 16 DUMU Buzur<sub>8</sub>-Lu-lu 17 DUMU.DUMU ŠABRA 18 \Í-li-a-<sup>hi</sup> 19 DUMU  
 PIL.SAG 20 NU.BÁNDA 21 Ma-an-<sup>sa</sup>-ki-su 22 DUMU A-bi-da 23 \DINGIR-ba-ni  
 24 NU. BÁNDA MÁ. DU 25 DUMU GAL. BU 26 \Na - mu - rum 27 DUMU  
 I - da - DINGIR 28 \DINGIR. GÚ 29 DUMU Su-mu-<sup>d</sup>EN. ZU (XVI)  
 1 \Mi-it-lik 2 DUMU Íš-<sup>š</sup>tup-DINGIR 3 NU.BÁNDA 4 \DINGIR - ba - ni  
 5 DUMU Mi-su<sub>4</sub>-a 6 \DIGIR-um 7 DUMU I-ti-<sup>d</sup>Da-gan 8 \TU.TU 9 DUMU  
 LI-li 10 \A-ku-É-a 11 DUMU Buzur<sub>8</sub>-É-a 12 \UR-<sup>d</sup>EN.ZU 13 DUMU  
 UR.EZEN 14 NU.BÁNDA GÍŠ.KIN.TI 15 \UR. EN-gal-du-du 16 DUMU  
 UR-<sup>d</sup>Ašnan 17 NU.BÁNDA E.MAR.ZA<sup>KI</sup> 18 \TU.TU 19 DUMU I-la-la  
 20 SES Ra-bí-DINGIR 21 \DINGIR.GÀR 22 DUMU Ti-lu-lum 23 \Ik-ru-ub-DINGIR  
 24 DUMU Buzur<sub>8</sub>-su 25 \DINGIR-mu-da 26 DUMU I-me-a 27 \SU<sub>4</sub>-ma-SIPA  
 28 DUMU I-nin-sa-tu 29 \UR-<sup>d</sup>PA.BILx SAG (XVII) 1 DUMU E.IM.ÍL 2 ENGAR  
 LUGAL 3 \A-<sup>hu</sup>-GÍŠ.RIN 4 DUMU A-<sup>ha</sup>-ar-ší 5 DUMU.DUMU LUGAL.EZEN  
 6 / *npobel* /

7 ŠU.NIGÍN 3 DUB.SAR 8 ŠU.NIGÍN 27 AB+ÁŠ AB+ÁŠ

9 \ Be-lí-sa-tu 10 DUMU Ba-ša-ah-DINGIR 11 LU.ZID.GID  
 12 \Íš-lu<sup>1</sup>-DINGIR 13 DUMU Íš-<sup>š</sup>tup-DINGIR 14 \ I-mi-DINGIR 15 DUMU  
 PÙ-be-lí 16 DINGIR-GI 17 DUMU GAL.ZU.DINGIR 18 šu NIN 19 SANGA  
 20 DINGIR LUGAL.AMAR.DA 21 \Ti-ru-um 22 DUMU BUR-zum 23 GAL.SUKKAL

<sup>24</sup>DUMU.DUMU I-ri-<sup>š</sup>be-lí <sup>25</sup> \ Iq-bí-GI <sup>26</sup>DUMU Bel-lí-GÚ <sup>27</sup>NU.BÁNDA  
LÚ.IGI <sup>28</sup> \ I-da-DINGIR <sup>29</sup>DUMU Ib-lul-DINGIR <sup>30</sup>DUMU.DUMU UGULA  
(XVIII) <sup>1</sup> \ DINGIR-a-ha <sup>2</sup>DUMU Be-lí-GÚ <sup>3</sup>NU.BÁNDA <sup>4</sup> \ NU-ni-da  
<sup>5</sup>DUMU Be-lí-a-mi <sup>6</sup>DUMU.DUMU UR-Ap-ra <sup>7</sup>š<sup>i</sup> Su<sub>4</sub>-a-tum-mu-da  
<sup>8</sup>Li-sá-núm-DUMU <sup>9</sup>UR.AN.KI <sup>10</sup>š<sup>u</sup> KUG.DÍM <sup>11</sup> / *пробел* /  
<sup>12</sup>ŠU.NIGÍN <sup>10</sup> DUMU.DUMU <sup>13</sup>AB+AS AB+AS  
<sup>14</sup> \ Be-lí-GÚ <sup>15</sup>DUMU Ra-bí-DINGIR <sup>16</sup> \ A-nu-zu <sup>17</sup>DUMU Ik-ru-ub-DINGIR  
<sup>18</sup> \ Iš-má-DINGIR <sup>19</sup>DUMU Ik-ru-ub-É-a <sup>20</sup> \ I-ti-DINGIR  
<sup>21</sup>DUMU Ha-da-bi <sup>22</sup>\Buzur<sub>8</sub>-aš-tar <sup>23</sup>DUMU Buzur<sub>8</sub>-Ma-ma <sup>24</sup> \ UR-Ap-ra  
<sup>25</sup>DUB.SAR <sup>26</sup>DUMU Su-mu-num <sup>27</sup>SIG<sub>5</sub>-i-lum <sup>28</sup>DUMU Ra-bí-DINGIR  
<sup>29</sup> \ Buzur<sub>8</sub>-Lu-lu <sup>30</sup>GALKALAM <sup>31</sup>š<sup>a</sup>-at Bar-rí-im<sup>KI</sup> (XIX) <sup>1</sup> \ Ca-at-num <sup>2</sup>DUMU  
Ra-bí-DINGIR Ha-ar-ha-mu-na-ak<sup>KI</sup> <sup>4</sup> \ UR.UR <sup>5</sup>DUMU Su-NI-um <sup>6</sup>Mar-ur<sup>KI</sup>  
<sup>7</sup> \ Ra-bí-DINGIR <sup>8</sup>DUMU DINGIR-su-a-ha <sup>9</sup>Ka-ul-lum<sup>KI</sup> <sup>10</sup> \ I-da-DINGIR  
<sup>11</sup>DUMU I-ku-É-a <sup>12</sup>Ka-zu-ra-ak<sup>KI</sup> <sup>13</sup> / *пробел* /  
<sup>14</sup>ŠU.NIGÍN <sup>12</sup> NU. BANDA <sup>15</sup> UGULA <sup>15</sup> / *пробел* / <sup>16</sup>ŠU.NIGÍN <sup>52</sup> KAL  
<sup>17</sup>AMAR.DA<sup>KI</sup> <sup>18</sup>ABxÁŠ ABxÁŠ <sup>19</sup>GÁN  
<sup>20</sup>600 KAL <sup>21</sup>in Ga-za-lu<sup>KI</sup> <sup>22</sup>NINDA Ì-KÚ <sup>23</sup>600 KAL <sup>24</sup>š<sup>u</sup> 1 UD  
<sup>25</sup>1200 KAL <sup>26</sup>š<sup>u</sup> 2 UD <sup>27</sup>in maš-ga-ni Be-lí-ba-ni <sup>28</sup>AGRIG  
<sup>29</sup>DINGIR-A-mal-iš-ta-kal <sup>30</sup>NÍNDA Ì.KÚ <sup>31</sup>LÚ AMAR.DA<sup>KI</sup>

(XX) Сткк. 1 – 26 – перечень имен 49 свидетелей царя; список аналогичен списку на стороне А, § 3, (X), 23 – (XVI), 16.

<sup>27</sup>GÁN AMAR.DA<sup>KI</sup> <sup>28</sup>Ma-an-iš-tu-š<sup>u</sup> <sup>29</sup>LUGAL <sup>30</sup>KIŠI <sup>31</sup>Ì.ŠÁM

Страна D

§ 8

(1) <sup>1</sup>[62] BUR GÁN <sup>2</sup>[NÍG.] ŠÁM-su <sup>3</sup>[3820] ŠE.GUR.SAG.GAL  
<sup>4</sup>[NÍG.]SAM <sup>5</sup>[1 GÍN] KÚG.BABBAR <sup>6</sup>1 ŠE.GUR.SAG.GAL. (II)  
<sup>1</sup>KUG.BABBAR-su <sup>2</sup>1 GÚ <sup>2</sup>MA.NA KÚG.BABBAR <sup>3</sup>NÍG.ŠÁM GÁN <sup>4</sup>372  
ŠE.GUR.SAG.GAL <sup>5</sup>KÚG.BABBAR-su <sup>6</sup>6 MA.NA 12 GÍN KUG.BABBAR  
<sup>7</sup>NIG.KI.GAR GAN

(III) <sub>1</sub> ERIM ANŠĚ <sub>2</sub> <sup>GIŠ</sup>TUL.GAR-šu <sub>3</sub> TÚG ũ UL.A.PAL  
<sub>4</sub> ki-li-lum KÚG.BABBAR <sub>5</sub> KIL.LAL.BI 15 GÍN KÚG.BABBAR <sub>6</sub> \ Iq-bi-GI  
<sub>7</sub> ki-li-lum KÚG.BABBAR (IV) <sub>1</sub> KIL.LAL.BI 15 GÍN KÚG.BABBAR <sub>2</sub>  
TÚG ũ UL.A.PAL <sub>3</sub> \ Al-la <sub>4</sub> <sub>2</sub> DUMU Ap-ra-il <sub>5</sub> DUMU.DUMU Iš-tup-BE  
<sub>6</sub> TÚG ũ SE.GA <sub>7</sub> <sup>URUDU</sup> maš-sa-tum ZABAR <sub>8</sub> \ Pu-su <sub>11</sub> -Gi (V)  
<sub>1</sub> SAG.SUG <sub>5</sub> <sub>2</sub> DUMU Īr-a-mu <sub>3</sub> DUMU.DUMU Ap-ra-il <sub>4</sub> <sub>3</sub> DUMU.DUMU  
Ap-ra-il <sub>5</sub> TÚG ũ SE.GA <sub>6</sub> \ Su-mu-GI <sub>7</sub> TÚG ũ SE.GA <sub>8</sub> \  
U-li-id-Ī-lum <sub>9</sub> <sub>2</sub> DUMU BĀD-il (VI) <sub>1</sub> DUMU.DUMU Ib-bu-bu <sub>2</sub> TÚG  
ũ SE.GA <sub>3</sub> Buzur<sub>8</sub>.PAB.PAB <sub>4</sub> DUMU LUGALEZEN <sub>5</sub> TÚG ũ SE.GA <sub>6</sub> \  
Ti-da-nu <sub>7</sub> DUMU DINGIR-mu-da <sub>8</sub> DUMU.DUMU SU<sub>4</sub>-má-UDU <sub>9</sub> TÚG ũ  
SE.GA <sub>10</sub> \ Ku-ku (VII) <sub>1</sub> DUMU En-na-É-a <sub>2</sub> DUMU.DUMU Zi-zi <sub>3</sub>  
TÚG ũ SE.GA <sub>4</sub> \ DINGIR-a-ĥa <sub>5</sub> DUMU I-ti-aš-tar <sub>6</sub> DUMU.DUMU LÚ.IGI  
<sub>7</sub> TÚG ũ SE.GA <sub>8</sub> NITAH-su-ni <sub>9</sub> DUMU Iš-tup-pum <sub>10</sub> DUMU.DUMU  
si Na-na-tim

(VIII) <sub>1</sub> ŠU.NIGÍN 1 ERIM ANŠĚ <sub>2</sub> ŠU.NIGÍN 1 <sup>GIŠ</sup>TUL.GAR-šu  
<sub>3</sub> ŠU.NIGÍN 2 ki-li-lum KÚG.BABBAR <sub>4</sub> ŠU.NIGÍN 1 <sup>URUDU</sup> maš-sa-tum  
ZABAR <sub>5</sub> ŠU.NIGÍN 2 TÚG ũ UL.A.PAL <sub>6</sub> ŠU.NIGÍN 8 TÚG ũ SE.GA  
<sub>7</sub> NIG.BA GAN

<sub>8</sub> ŠU.NIGÍN 10 KAL <sub>9</sub> be-lu GÁN <sub>10</sub> KÚ KÚG.BABBAR  
<sub>11</sub> GÁN ša-at- A-ki-im <sub>12</sub> ũ Zi-ma-na-ak (IX) <sub>1</sub> GÁN.GUR, <sub>2</sub> <sup>IM</sup> MIR <sub>3</sub> GÁN An-za-ma-tim  
<sub>4</sub> GÁN.GUR, <sub>5</sub> <sup>IM</sup> MAR.TU <sub>6</sub> IDNUN.ME <sub>7</sub> GÁN.GUR, <sub>8</sub> <sup>IM</sup> HU.SI <sub>9</sub> GÁN Mi-zu-a-ni-im  
<sub>10</sub> GÁN.GUR, <sub>11</sub> <sup>IM</sup> KUR <sub>12</sub> GÁN Si-im-tum <sub>13</sub> /*npobea*/  
<sub>14</sub> Ī-zi-NUM <sub>15</sub> En-na-É-a (X) <sub>1</sub> <sub>2</sub> DUMU UR-SAG-num <sub>2</sub> DUMU.DUMU Di-di  
<sub>3</sub> \DINGIR-a-ĥa <sub>4</sub> DUMU Su<sub>4</sub>-ma-ba-ni <sub>5</sub> PA <sub>6</sub> \LUGALEZEN <sub>7</sub> PA <sub>8</sub> DUMU Iš-tup-<sup>d</sup>.ENZU  
<sub>9</sub> \Su-mu-ĥum <sub>10</sub> DUMU Sa-tu-ni <sub>11</sub> Buzur<sub>8</sub>-<sup>d</sup>Nu-muš-da <sub>12</sub> ũ <sup>d</sup>Nu-me-a <sub>13</sub> \DINGIR-a-ĥa  
<sub>14</sub> ũ Bi-e-tim (XI) <sub>1</sub> \Īr-e-pum <sub>2</sub> DUMU DINGIR-a-ĥa <sub>3</sub> si DÉ.DÉ <sub>4</sub> \Ga-la-ab-É-a <sub>5</sub> DUMU  
Ī-ši-me <sub>6</sub> SIPA <sub>7</sub> \Be-lí-mu-da <sub>8</sub> DUMU Su-mi-su <sub>9</sub> \DIRIG-um <sub>10</sub> DUMU GU-lí-zum  
<sub>11</sub> \DINGIR-ba-ni <sub>12</sub> DUMU A-ĥu-ba-lik <sub>13</sub> DUMU.DUMU Zi-im-tum <sub>14</sub> \UR-EZEN  
<sub>15</sub> DUMU Na-'a-sum (XII) <sub>1</sub> DAM.KAR <sub>2</sub> \Ik-ru-ub-E-a <sub>3</sub> DUMU I-ki-LUM <sub>4</sub> a-bi URU  
<sub>5</sub> NIM<sup>KI</sup> <sub>6</sub> \Buzur<sub>8</sub>-<sup>d</sup>IŠKUR <sub>7</sub> DUMU I-dur-ma-ad <sub>8</sub> \Ū.ZIBIR <sub>9</sub> DUMU Buzur<sub>8</sub>-Ma-ma  
<sub>10</sub> ši Tu-gul-tim <sub>11</sub> \Su<sub>4</sub>-ma-mu-tum <sub>12</sub> DUMU Ra-bí-DINGIR <sub>13</sub> ši <sup>d</sup>NIN.KAR  
<sub>14</sub> \NITAH-sú-ni <sub>15</sub> DUMU Gu-li-zum (XIII) <sub>1</sub> ši SAL ANŠĚ <sub>2</sub> \En-na-É-a <sub>3</sub> DUMU  
A-ĥa-ar-si <sub>4</sub> NAGAR <sub>5</sub> \La-a-gur <sub>6</sub> DUMU Ri-pum <sub>7</sub> ši Pí-qi-x-ri <sub>8</sub> \Su-mi-su <sub>9</sub> DUMU

Lu-da-na-at<sub>10</sub> SIPA<sub>11</sub> \La-gi-pum<sub>12</sub> DUMU NITAḤ-sú-ni<sub>13</sub> \La-gi-pum<sub>14</sub> DUMU Pù-pù<sub>15</sub> šī ŠU.I<sub>16</sub> NITAḤ-sú-ni<sub>17</sub> DUMU Pù-pù (XIV)<sub>1</sub> LÚ.IGI<sub>2</sub> \Su-já-um<sub>3</sub> DUMU Pí-im<sub>4</sub> šī Zi-zi<sub>5</sub> \I-nin-sa-tu<sub>6</sub> DUMU En-na-É-a<sub>7</sub> DAM.KAR<sub>8</sub> \SU-mi-su<sub>9</sub> DUMU Lu-zu-zum<sub>10</sub> šī<sup>d</sup> EN.KI<sub>11</sub> \A-ku-ì-lum<sub>12</sub> DUMU Sig<sub>5</sub>-ì-lum<sub>13</sub> šī UR-<sup>d</sup>AD<sub>14</sub> \Zi-gàr-su<sub>15</sub> DUMU UR-<sup>d</sup>EN.LÍL<sub>16</sub> DUB.SAR<sub>17</sub> \Im<sub>x</sub>-ta-lik<sub>18</sub> DUMU I-bi-ì-lum (XV)<sub>1</sub> šū Tub-bar<sup>KI</sup><sub>2</sub> DUB.SAR

<sub>3</sub>ŠU.NIGÍN<sub>4</sub> 30 KAL ABxÁŠ<sup>v</sup> ABxÁŠ<sup>v</sup> GÁN<sub>5</sub> AK.TAB<sup>KI</sup><sub>6</sub> 94 KAL<sub>7</sub> DUMU.DUMU AK.TAB<sup>KI</sup><sub>8</sub> NÍNDA Ì.KÚ<sub>9</sub> /пробел/

Сткк. 10–17 – перечень имен 49 свидетелей царя; аналогичен списку на стороне А, § 3, (X), 23 – (XVI), 16.

<sub>17</sub>GÁN AK.TAB<sup>KI</sup><sub>18</sub> Ma-ni-iš-tu-šū<sub>19</sub> LUGAL<sub>20</sub> KÍŠI<sub>21</sub> Ì.ŠÁM

## II. Перевод

### Сторона А

#### § 1

(I) [. . . ]<sub>1</sub> 24 бура 7 ган<sub>2</sub> [Ma]ништушу, <sub>3</sub>царь <sub>4</sub>вселенной, <sub>5</sub>купил. (II)<sub>1</sub> [. . . ]<sub>2</sub> серебро его <sub>3</sub> 24 мины 23 1/3 сикля серебра – <sub>9</sub>приплата (за) поле.

<sub>10</sub>Один серебряный сосуд *машканат* – <sub>11</sub>вес его 15 сиклей серебра, <sub>12</sub>одну одежду (из) *улапал*<sup>1</sup> <sub>13</sub>Иддин-илуму, <sub>14</sub>сыну Ламуссы, агрига; <sub>15</sub>одну одежду (из) *сега*<sup>2</sup> – [. . . ] (III)<sub>1</sub> одну одежду (из) *сега* – <sub>2</sub>Ламкиуму, <sub>3</sub>сыну Эпир-мупи; <sub>4</sub>одну одежду (из) *сега* – <sub>5</sub>Эпир-илуму, <sub>6</sub>сыну Иштуп-Суэна. <sub>7</sub>/пробел/

<sub>8</sub>Всего: один серебряный сосуд *машканат*; <sub>9</sub>всего: одна одежда (из) *улапал*; <sub>10</sub>всего: три одежды (из) *сега* – <sub>11</sub>подарки (за) поле.

<sub>12</sub>Шуруш-кен, <sub>13</sub>сын Иддин-илума, <sub>14</sub>внук Ламуссы, <sub>15</sub>агрига; <sub>16</sub>Иштуп-Суэн (и) (IV)<sub>1</sub> Ими-Суэн – <sub>2</sub>два сына Гальзу-Дику, <sub>3</sub>внуки Шуммухума. <sub>4</sub>/пробел/

<sub>5</sub>Всего: 7 человек – <sub>6</sub>хозяева поля, <sub>7</sub>пользующиеся серебром.

<sub>8</sub>Илум-аха, <sub>9</sub>сын Илулу, <sub>10</sub>наместник; <sub>11</sub>Ватрум, <sub>12</sub>сын Ламуссы, <sub>13</sub>агрига; <sub>14</sub>Айяр-илум, <sub>15</sub>сын Пуппанума, <sub>16</sub>пастух; <sub>17</sub>Суэн-альшу, <sub>18</sub>сын Айяр-илума, <sub>19</sub>внук Пуппанума; <sub>20</sub>Умиш (и) <sub>21</sub>Зузу – (V)<sub>1</sub> два сына Иштуп-Суэна, <sub>2</sub>внуки Иррары; <sub>3</sub>Ама-Суэн, <sub>4</sub>сын Касуалума, <sub>5</sub>внук Илулу; <sub>6</sub>Илум-асум, <sub>7</sub>сын Айя-ши-курруда; <sub>8</sub>Пу-Даган, <sub>9</sub>сын Аллалы; <sub>10</sub>Зикар-шуни, <sub>11</sub>сын Меси-илума. <sub>12</sub>/пробел/

<sub>13</sub>Всего: 10 человек – <sub>14</sub>братья хозяев поля. <sub>15</sub>Всего: 17 человек – <sub>16</sub>потомки Мезизи.

<sup>1</sup> Чтение и перевод затруднены.

<sup>2</sup> Чтение и перевод затруднены.



## § 2

1<sup>7</sup>45 бур 11 ган. 1<sup>8</sup>Цена его (поля) — 1<sup>9</sup>2736 гур *саггаль*, 96 сила ячменя, 2<sup>0</sup>стоимостью (VI) 1<sup>0</sup>один сикль серебра (за) 2<sup>0</sup>один гур *саггаль* ячменя. 3<sup>0</sup>Его серебро — 4<sup>45</sup>мин 36 2/3 сикля серебра — 5<sup>0</sup>цена поля. 6<sup>0</sup>мин 50 1/2 сикля серебра — 7<sup>0</sup>приплата (за) поле.

8<sup>0</sup>Один серебряный сосуд *машканат*, 9<sup>0</sup>вес его 15 сиклей серебра, 1<sup>0</sup>одну одежду (из) *улапал* — 1<sup>1</sup>Энналуму, 1<sup>2</sup>старейшине 1<sup>3</sup>города Дур-Суэна, 1<sup>4</sup>сыну Ими-Суэна; 1<sup>5</sup>одну одежду (из) *сега* — Шу-йя-уму, 1<sup>6</sup>сыну Зикар-шуни, 1<sup>7</sup>оруженосцу; 1<sup>8</sup>одну одежду (из) *сега* — 1<sup>9</sup>Зикар-шуни, 2<sup>0</sup>сыну Иштуп-илума; (VII) 1<sup>0</sup>одну одежду (из) *сега* — 2<sup>0</sup>Зузу, 3<sup>0</sup>сыну Айяр-Хайи. 4<sup>0</sup>/пробел/

5<sup>0</sup>Всего: один серебряный сосуд *машканат*; 6<sup>0</sup>всего: одна одежда (из) *улапал*; 7<sup>0</sup>всего: три одежды (из) *сега* — 8<sup>0</sup>подарки (за) поле.

9<sup>0</sup>Или-дан (и) 1<sup>0</sup>Ими-Суэн — 1<sup>1</sup>два сына Энналума, 1<sup>2</sup>старейшины города 1<sup>3</sup>Суэна; 1<sup>4</sup>Суэн-айяр, 1<sup>5</sup>сын Айяр-Хайи; 1<sup>6</sup>Или-шалик, 1<sup>7</sup>сын Имталика; 1<sup>8</sup>Инин-мешум, 1<sup>9</sup>сын Дам-Бабы.

(VIII) 1<sup>0</sup>Всего: 9 человек — 2<sup>0</sup>хозяева поля, 3<sup>0</sup>пользующиеся серебром, 4<sup>0</sup>потомки Шиуни.

## § 3

5<sup>4</sup> бур 1 ган. 6<sup>0</sup>Цена его (поля) — 7<sup>243</sup> 4/15 гур *саггаль* ячменя, 8<sup>0</sup>стоимостью 9<sup>0</sup>один сикль серебра (за) 1<sup>0</sup>один гур *саггаль* ячменя. 1<sup>1</sup>Серебро его — 1<sup>2</sup>4 мины 3 сикля серебра — 1<sup>3</sup>цена поля. 1<sup>4</sup>36 1/2 сикля серебра — 1<sup>5</sup>приплата (за) поле.

1<sup>6</sup>Одну одежду (из) *сега* — 1<sup>7</sup>Или-бани, 1<sup>8</sup>сыну Раби-илума, 1<sup>9</sup>внуку Ламума, 2<sup>0</sup>жреца Забабы; 2<sup>1</sup>одну одежду (из) *сега* — 2<sup>2</sup>Пузур-Маме (IX) 1<sup>0</sup>сыну Ур-Нинкара. 2<sup>0</sup>/пробел/

3<sup>0</sup>Всего: две одежды (из) *сега* — 4<sup>0</sup>подарки (за) поле. 5<sup>0</sup>Всего: два человека — 6<sup>0</sup>хозяева поля, 7<sup>0</sup>пользующиеся серебром, 8<sup>0</sup>потомки Ламума, 9<sup>0</sup>жреца Забабы.

1<sup>0</sup>Всего: 4 бура 1 ган. 1<sup>1</sup>граница поля (с) севера — 1<sup>3</sup>SI.LU.GA (?) общины Уд; 1<sup>4</sup>граница поля (с) 1<sup>5</sup>запада — (поле) 1<sup>6</sup>Ламума 1<sup>7</sup>(и) поле царя; 1<sup>8</sup>граница поля (с) 1<sup>9</sup>востока — 2<sup>0</sup>река Тигр; 2<sup>1</sup>граница поля (с) 2<sup>2</sup>юга — (поле) 2<sup>3</sup>Энбу-илума 2<sup>4</sup>и SU.NIN (?) (X) 1<sup>0</sup> — поле Бац.

2<sup>0</sup>Имталик, 3<sup>0</sup>сын Ур-Нины, 4<sup>0</sup>кишец; 5<sup>0</sup>Суэн-ишринни, 6<sup>0</sup>Илала, 7<sup>0</sup>Шу-илишу — 8<sup>0</sup>три сына Зузу, 9<sup>0</sup>внуки Айяр-Хайи; 1<sup>0</sup>Имталик, 1<sup>1</sup>сын Илаламу, 1<sup>2</sup>внук Энналума, 1<sup>3</sup>старейшины города 1<sup>4</sup>Дур-Суэна. 1<sup>5</sup>/пробел/

1<sup>6</sup>Всего: 5 человек — 1<sup>7</sup>свидетели (передачи) поля.

1<sup>8</sup>190 человек, 1<sup>9</sup>сыновья города 2<sup>0</sup>Дур-Суэна, 2<sup>1</sup>ели хлеб. 2<sup>2</sup>/пробел/.

2<sup>3</sup>Али-аху, 2<sup>4</sup>сын Ибарума, (XI) 1<sup>0</sup>брат царя; 2<sup>0</sup>Зузу, 3<sup>0</sup>писец; 4<sup>0</sup>Шу-абу, 5<sup>0</sup>сын Ламума; 6<sup>0</sup>Дубзи, 7<sup>0</sup>учитель, 8<sup>0</sup>писец, 9<sup>0</sup>Маликзинсу, 1<sup>0</sup>сын Ида'илума, 1<sup>1</sup>великий

посланник; 12 Мама-хиршу, 13 сын Нани, 14 *шаканнакку*; 15 Шу-Даган, 16 сын Белили, 17 потомка Назитума, 18 храмовый жрец; 19 Ишканум, 20 сын Сани; 21 Пишу-шепнум (и) 22 Хайя-раби — 23 два сына Ахуху, 24 потомка Аллулу; 25 Иншумишу-данну, (XII) 1 сын Иш'алума, 2 потомка Телалгаля; 3 Пузур-или, 4 сын Бели-кена, 5 начальник 6 стрелков; 7 Уттиру, 8 Шарру-кен-или — 9 два сына Палука, 10 певчего; 11 Или-шарри, 12 сын Иддишшумы, 13 начальник 14 копейщиков; 15 Дингирсусу, 16 сын Муму, 17 цирюльник, 18 потомок Аллулу; 19 Апилдан (и) 20 Дуршуну — 21 два сына Шурушкена, 22 потомка Пабшеш, 23 *энси* 24 Уммы; 25 Иссер-куллассин, (XIII) 1 сын Шу-или, 2 щитоносец; 3 Усса-шинат, 4 сын Китти-иди; 5 Каккашу-алшин, 6 сын Ума; 7 Ур-Муш, 8 сын Лугаль-кули; 9 Сиккур-мупи, 10 сын Илиахи, 11 потомка Телалгаля; 12 Мама-хиршу, 13 сын Раби-илума, 14 потомка Илалы; 15 Муму, 16 сын Ур-Марада; 17 Энбуилум, 18 сын Имталика — 19 великого посланника; 20 Гальзу-Дику, 21 сын Иддин-Илани, 22 сиппарец; 23 Убиль-ка-шу, 24 сын Ирру-зумы, 25 надсмотрщик; (XIV) 1 Унакар, 2 сын Ишиши, 3 второй управляющий; 4 Дан-или, 5 сын Ире-малика, 6 судьи; 7 Уруинимгина, 8 сын Энгильсы, 9 *энси* 10 Лагаша; 11 Даннум, 12 сын Ишкум-илума, 13 наместник; 14 Ибукум, 15 сын Илишу-раби, 17 *энси* Басимэ; 18 Лали, 19 сын Ишмаанни, 20 потомка Аррума; 21 Илулум, 22 сын Икруб-илума, 23 потомка Акутума; 24 Кали-или, 25 сын Ламуссы, 26 кутиец; 27 Или-шалик, (XV) 1 сын Шудады; 2 Икшуссинат, 3 сын Ишимэ, 4 старшина свидетелей; 5 Убин-шарри, 6 сын Урура, 7 великого посланника; 8 Мамаху, 9 сын Илили, 10 второй старшина; 11 Убин-шарри, 12 сын Пала-Хайи 13 (поселения) Ирад-дани; 14 Аху-таб, 15 сын Шу-Нуну, 16 потомка Халума; 17 Шу-Нуну, 18 сын Или-дана; 19 жрец Аги 20 (поселения) Иби-Уру; 21 Имталик, 22 сын Ишу-илума, 23 внук Ахуху 24 (поселения) Дамику; 25 Шарру-или, 26 сын Шарри-дури, 27 *энси*; (XVI) 1 Илиахи, 2 сын Илум-аха; 3 Даккум, 4 сын Зикар-шуни; 5 Мушаир-шуну 6 сын Даданума, 7 писец; 8 Набиум, 9 сын Игтити 10 (поселения) Дамику; 11 первый среди сильных, 12 Талид-даннум 13 сын Илили, 14 потомка Муны 15 /*пробел*/

16 Всего: 49 сыновей 17 Аккада — 18 свидетели (передачи) поля.

19 Поле (поселения) Бац 20 в Дур-Суэне 21 Маништушу, 22 царь 23 вселенной, 24 купил.

Сторона В

#### § 4

(I) 1 [...] 2 [ко] ль [цо] серебряное 3 [ве] сом [в] [15] сиклей серебра, 4 (одну) одежду (из) *улапал* — Шаккуллуму; 6 одну одежду (из) *сега* — 7 Ахумупи; 8 (одну) одежду (из) *сега* — 9 Пупу, 10 [сыну] Хайя-раби; 11 одну одежду (из)

сега – (II)<sub>1</sub>Аштар-алшу, <sub>2</sub>сыну Ишдуду, <sub>3</sub>четырем потомкам Абуллума; <sub>4</sub>одну одежду (из) сега – <sub>5</sub>Ишма-илуму, <sub>6</sub>одну одежду (из) сега – <sub>7</sub>Иддинлуму, <sub>8</sub>писцу, <sub>9</sub>сыновьям Илум-кара; <sub>10</sub>одну одежду (из) сега – <sub>11</sub>Хайа-гу, <sub>12</sub>сын Ишдуду, (III)<sub>1</sub>одну одежду (из) сега – <sub>2</sub>Зикар-шуни, <sub>3</sub>сыну Ламума, <sub>4</sub>четырем потомкам Дадума. <sub>5</sub>Одну одежду (из) сега – <sub>6</sub>Пузур-Забабе, <sub>7</sub>сыну Муму, <sub>8</sub>внуку Ирам-Малика, <sub>9</sub>одну одежду (из) сега – <sub>10</sub>Нуре, <sub>11</sub>жрице, <sub>12</sub>дочери Пузур-Нуни, <sub>13</sub>внучке Пу'ума, (IV)<sub>1</sub>корабельщика <sub>2</sub>/пробел/

<sub>3</sub>Всего: два серебряных кольца; <sub>4</sub>всего: две одежды (из) улапал; <sub>5</sub>всего: девять одежд (из) сега – <sub>6</sub>подарки (за) поле. <sub>7</sub>Всего: 11 человек – <sub>8</sub>хозяева поля, <sub>9</sub>пользующиеся серебром.

<sub>10</sub>Шу-абийа, <sub>11</sub>сын Ламума; <sub>12</sub>Идадум, <sub>13</sub>Шурушкен – <sub>14</sub>два сына Илишукара; <sub>15</sub>Зира, (V) <sub>1</sub>сын Илум-дана; <sub>2</sub>Адада, <sub>3</sub>сын Илум-ка-мера /пробел/ – <sub>4</sub>пять потомков Дадума; <sub>5</sub>Шу-Аштар, <sub>6</sub>сын Мешалима, <sub>7</sub>внук Кака; <sub>8</sub>Илум-асум, <sub>9</sub>сын Изубу, <sub>10</sub>Пузур-илла, <sub>11</sub>сын Урнинкар – <sub>12</sub>два внука Абуллума; <sub>13</sub>Илум-кали, <sub>14</sub>сын Илулу, <sub>15</sub>внук Ирам-Малика.

(VI) <sub>1</sub>/пробел/ <sub>2</sub>Всего: 9 человек, <sub>3</sub>братьев хозяев поля. <sub>4</sub>/пробел/

<sub>5</sub>Граница поля (на) севере – (поле) <sub>6</sub>потомков Куку, <sub>7</sub>граница поля (на) <sub>8</sub>юге – <sub>9</sub>(поле) Гулизу, <sub>10</sub>граница поля (на) <sub>11</sub>востоке – <sub>12</sub>(поле) Мешалума, <sub>13</sub>царевича, <sub>14</sub>граница поля (на) <sub>15</sub>западе – <sub>16</sub>(поселение) Бар. <sub>17</sub>Поле Парасэден (VII) <sub>1</sub>в Кише <sub>2</sub>/пробел/

<sub>3</sub>80 сыновей <sub>4</sub>Киша <sub>5</sub>в Казаллу <sub>6</sub>ели хлеб.

Сткк. (VII),7–(XIV), 16 – перечень имен 49 свидетелей царя; аналогичен списку на стороне А, § 3, (X), 23 – (XVI), 16.

(XIV)<sub>1</sub><sub>7</sub>Поле Парасэден <sub>18</sub>в Кише <sub>19</sub>Маништушу, <sub>20</sub>царь <sub>21</sub>вселенной, <sub>22</sub>купил.

Сторона С

## § 5

(I)<sub>1</sub> ... (II)<sub>1</sub> 11 бронзовых кинжалов, <sub>2</sub>цена каждого оружия – <sub>3</sub>пять сиклей серебра, <sub>4</sub>серебро его – <sub>5</sub>одна мина пять сиклей серебра; <sub>6</sub>три упряжки в четыре осла, <sub>7</sub>цена [...] (III) <sub>1</sub>вес его – треть его серебра; <sub>2</sub>бронзовый топор, <sub>3</sub>одну одежду (из) улапал – Зузу, <sub>4</sub>сыну Ур-Марада, <sub>5</sub>внуку Икилума, <sub>6</sub>энси <sub>7</sub>Киуда. <sub>8</sub>Одну одежду (из) улапал [...] (IV)<sub>1</sub> Одну одежду (из) улапал – <sub>2</sub>Иби-Апсу, <sub>3</sub>сыну Ур-Дубанни; <sub>4</sub>одну одежду (из) улапал – <sub>5</sub>Тируму, <sub>6</sub>сыну Атанаха, <sub>7</sub>внуку Иддин-Хайи. <sub>8</sub>Одну одежду (из) сега – <sub>9</sub>Амар-уру; <sub>10</sub>одну одежду (из) сега – <sub>11</sub>Белишаду, <sub>12</sub>двум сыновьям Зузу, <sub>13</sub>внукам Ур-Марада, <sub>14</sub>[потомка И]килума <sub>15</sub>[...] (V) <sub>1</sub>Одну одежду (из) сега – <sub>2</sub>Илиахи, <sub>3</sub>двум сыновьям Аху-муци, <sub>4</sub>вну-

кам Иштуп-илума, <sub>5</sub> потомка Хайи; <sub>6</sub> одну одежду (из) *сега* – <sub>7</sub>Раби-илуму, <sub>8</sub> сыну Пузур-Хайи; <sub>9</sub> одну одежду (из) *сега* – <sub>10</sub> Катнуму, <sub>11</sub> одну одежду (из) *сега* – <sub>12</sub> Шумарзуму, <sub>13</sub> одну одежду (из) *сега* – <sub>14</sub> Бели-бани – <sub>15</sub> трем сыновьям Ур-Апсу, <sub>16</sub> внукам Илушу-Лабы. <sub>17</sub> Одну одежду <sub>18</sub> [...] (VI) <sub>1</sub> Икилуму, <sub>2</sub> одну одежду (из) *сега* – <sub>3</sub> Ахуху, <sub>4</sub> двум сыновьям Ишма-илума; <sub>5</sub> одну одежду (из) *сега* – <sub>6</sub> Гальзу, <sub>7</sub> сыну (жителя) Урсаг-Зинибира; <sub>8</sub> одну одежду (из) *сега* – <sub>9</sub> Дубсиге, <sub>10</sub> одну одежду (из) *сега* – <sub>11</sub> Шу-или – <sub>12</sub> двум сыновьям Гальзу, <sub>13</sub> внукам (жителя) Урсаг-Зинибира, <sub>14</sub> пяти потомкам <sub>15</sub> Умнат; <sub>16</sub> одну одежду (из) *сега* – <sub>17</sub> Дубсиге, <sub>18</sub> сыну Икилума, <sub>19</sub> внуку Ур-Нины; <sub>20</sub> одну одежду (из) *сега* – <sub>21</sub> Маланишу, <sub>22</sub> сыну Дубсиги, <sub>23</sub> внуку Икилума <sub>24</sub> [...] (VII) <sub>1</sub> Одну одежду (из) *сега* – <sub>2</sub> Мешеш-шеш, <sub>3</sub> сыну Бараггиси, <sub>4</sub> внуку Ур-Энлиля. /пробел/

<sub>6</sub> Всего: одну ослиную упряжку; <sub>7</sub> всего: одно кресло (?); <sub>8</sub> всего: одно серебряное кольцо; <sub>9</sub> всего: один бронзовый топор; <sub>10</sub> всего: шесть одежд (из) *улапал*; <sub>11</sub> всего: 20 одежд (из) *сега* – <sub>12</sub> подарки (за) поле. <sub>13</sub> Всего: 26 человек – <sub>14</sub> потомков Пушу-раби, <sub>15</sub> *энси* Киуда – <sub>17</sub> хозяева поля, <sub>18</sub> пользующиеся серебром.

## §6

<sub>19</sub> 213 бур поля. <sub>20</sub> Цена его – <sub>21</sub> 12780 гур *саггаль* зерна <sub>22</sub> стоимостью <sub>23</sub> (по) сиклю серебра <sub>24</sub> (за) каждый гур *саггаль* зерна. <sub>25</sub> Серебро его – (VIII) <sub>1</sub> три таланта тридцать три мины серебра – <sub>2</sub> цена поля.

<sub>3</sub> Сорок талантов шерсти <sub>4</sub> стоимостью <sub>5</sub> один сикль серебра <sub>6</sub> (за) четыре мины шерсти, <sub>7</sub> серебро ее – <sub>8</sub> десять мин серебра; <sub>9</sub> три серебряных кольца <sub>10</sub> весом в одну мину серебра; <sub>11</sub> шесть бронзовых топоров; <sub>12</sub> четыре бронзовых *наплагатум*, <sub>13</sub> три бронзовых *машсатум*, <sub>14</sub> цена каждого оружия <sub>15</sub> пять сиклей серебра, <sub>16</sub> серебро их – <sub>17</sub> одна мина (и) пять сиклей серебра; <sub>18</sub> три ослиных упряжки, <sub>19</sub> цена <sub>20</sub> каждого осла – <sub>21</sub> треть (мины) серебра, <sub>22</sub> их серебро – <sub>23</sub> четыре мины серебра; <sub>24</sub> сорок кувшинов масла <sub>25</sub> стоимостью <sub>26</sub> (по) десять сиклей серебра (за) (IX) <sub>1</sub> одну сила масла, <sub>2</sub> серебро его – <sub>3</sub> три мины серебра; <sub>4</sub> пять рабов, <sub>5</sub> четыре рабыни, – <sub>6</sub> цена <sub>7</sub> каждой "головы" – <sub>8</sub> треть (мины) серебра, <sub>9</sub> серебро их – <sub>10</sub> три мины серебра; <sub>11</sub> одна девочка, <sub>12</sub> цена ее – <sub>13</sub> тринадцать сиклей серебра. <sub>14</sub> /пробел/

<sub>15</sub> Всего: 21 мина 18 сиклей серебра – <sub>16</sub> приплата (за) поле. <sub>17</sub> Одну упряжку ослов, <sub>18</sub> одно кресло, <sub>19</sub> одно серебряное кольцо <sub>20</sub> весом (в) одну треть (мины) серебра, <sub>21</sub> одно бронзовое *наплагатум*, <sub>22</sub> одну одежду (из) *улапал* – <sub>23</sub> Иддин-Хайе, <sub>24</sub> сыну Ур-Марада, <sub>25</sub> внуку Ур-Кеша, (X) <sub>1</sub> потомку Дубсиги. <sub>2</sub> Одну одежду (из) *улапал* – <sub>3</sub> Иддин-илуму, <sub>4</sub> сыну Илшу-Кара; <sub>5</sub> одну одежду (из) *улапал* – <sub>6</sub> Пузур-Аштару, <sub>7</sub> одну одежду (из) *улапал* – <sub>8</sub> Э-Куку, <sub>9</sub> двум сыновьям Шуму-

кена, <sup>10</sup>внукам Кальбума. <sup>11</sup>Одну одежду (из) *сега* – <sup>12</sup>Даде, <sup>13</sup>сыну Ур-Марада, <sup>14</sup>одну одежду (из) *сега* <sup>15</sup>Камаме, <sup>16</sup>сыну Илум-Кара, <sup>17</sup>двум внукам Ур-Кеша, <sup>18</sup>потомка Дубсиги. <sup>19</sup>Одну одежду (из) *сега* – <sup>20</sup>Дам-Бабе, <sup>21</sup>сыну Илум-Кара; <sup>22</sup>одну одежду (из) *сега* – <sup>23</sup>Шалим-аху, <sup>24</sup>сыну Дада, <sup>25</sup>двум внукам <sup>26</sup>Раби-илума. (X) <sup>1</sup> Одну одежду (из) *сега* – <sup>2</sup>Шуму-Хайе, одну одежду (из) *сега* – <sup>4</sup>Э-дада, <sup>5</sup>двум сыновьям Пузур-Аштара, <sup>6</sup>внукам Кальбума; <sup>7</sup>одну одежду (из) *сега* – <sup>8</sup>Или-ну'иду, <sup>9</sup>сыну Иддин-Хайи, <sup>10</sup>внуку Ур-Марада, <sup>11</sup>потомка Ур-Кеша; <sup>12</sup>одну одежду (из) *сега* – <sup>13</sup>Ишим-илуму, <sup>14</sup>сыну Имдума, <sup>15</sup>внуку Ур-Кеша.

<sup>17</sup>Всего: одна ослиная упряжка; <sup>18</sup>всего: одно кресло (?); <sup>19</sup>всего: одно серебряное кольцо; <sup>20</sup>всего: одно бронзовое *наплагатум*; <sup>21</sup>всего: четыре одежды (из) *улапал*; <sup>22</sup>всего: восемь одежд (из) *сега* – <sup>23</sup>подарки (за) поле.

<sup>24</sup>Всего: 9 человек <sup>25</sup>потомков Дубсиги, (XII) <sup>1</sup> сына Пузуррума – <sup>2</sup>управляющего <sup>3</sup> [поселения] Баррум; <sup>4</sup>хозяева поля, <sup>5</sup> пользующиеся серебром. <sup>6</sup> /*пробел*/

## § 7

<sup>7</sup>17 бур поля. <sup>8</sup>Цена его – <sup>9</sup>1020 гур *саггаль* зерна, <sup>10</sup>стоимостью <sup>11</sup>сикль серебра (за) <sup>12</sup>каждый гур *саггаль* зерна. <sup>13</sup>Серебро его – <sup>14</sup>17 мин серебра – <sup>15</sup>цена поля. <sup>16</sup>6 талантов шерсти <sup>17</sup>стоимостью <sup>18</sup>(в) сикль серебра (за) <sup>19</sup>4 мины шерсти, <sup>20</sup>серебро ее – <sup>21</sup>две трети мины (и) 42 сикля – <sup>22</sup>приплата (за) поле.

<sup>23</sup>Одну одежду (из) *сега* – <sup>24</sup>Зузу, <sup>25</sup>одну одежду (из) *сега* – <sup>26</sup>Ирэбуму, <sup>27</sup>двум сыновьям Ишма-илума – <sup>28</sup>глашатая, (XIII) <sup>1</sup> внука Урура, <sup>2</sup>управляющего. <sup>3</sup>Всего: две одежды (из) *сега* – <sup>4</sup>подарки (за) поле.

<sup>5</sup>Всего: два человека, <sup>6</sup>потомки Урура, <sup>7</sup>управляющего – <sup>8</sup>хозяева поля, <sup>9</sup>пользующиеся серебром. <sup>10</sup> /*пробел*/

<sup>11</sup>Всего: 17 бур поля. <sup>12</sup>Граница поля <sup>13</sup>(на) севере – <sup>14</sup>канал Зикаламма, <sup>15</sup>граница поля <sup>16</sup>(на) юге <sup>17</sup>(поселение) Эгишману, <sup>18</sup>граница поля <sup>19</sup>(на) востоке <sup>20</sup>канал Амаштиак, <sup>21</sup>граница поля <sup>22</sup>(на) западе – <sup>23</sup>(земли) Амальиштакаля, <sup>24</sup>сына Шарру-кена <sup>25</sup>(и) болото богини Нинхурсаг.

<sup>26</sup>Одну одежду (из) *сега*, <sup>27</sup>бронзовый топор – (XIV) <sup>1</sup> Пашах-илуму, <sup>2</sup>землемеру, <sup>3</sup>сыну Урура; <sup>4</sup>одну одежду (из) *сега*, <sup>5</sup>бронзовый топор – Иблун-илуму, <sup>7</sup>писцу, <sup>8</sup>сыну председателя совета; <sup>9</sup>одну одежду (из) *сега*, <sup>10</sup>бронзовый топор – <sup>11</sup>Ур-Нинкару, <sup>12</sup>учетчику земель, <sup>13</sup>сыну Баракибы, <sup>14</sup>внуку Аку-илума. <sup>15</sup> /*пробел*/

<sup>16</sup>Всего: три одежды (из) *сега*, <sup>17</sup>всего: три бронзовых топора – <sup>18</sup>подарки <sup>19</sup>людям, обмеривающим поле. <sup>20</sup> /*пробел*/

21 Пузур-Лулу, 22 сын Илум-асума, 23 судья; 24 Гальзу-дингир, 25 владыка, 26 жрец 27 верховного божества Марата; 28 Или-бана, 29 старейшина города, (XI) 1 сын Ша-кубы; 2 Бели-ами, 3 сын Ур-апры, 4 внук Шуатум-муды; 5 Абубу, 6 сын Имид-илума, 7 управляющий (поселения) Казурак; 8 Иштуп-илум, 9 сын Амару-рууру, внук 11 жреца; 12 Мисуа, 13 сын Икилума, 14 старосты (поселения) Ашна-нак; 15 Тирсу, 16 сын Пузур-Лулу, 17 внук храмового эконома; 18 Или-ахи, 19 сын Пльсага, 20 староста; 21 Маншаккишу, 22 сын Абиды; 23 Или-бани, 24 корабельный староста, 25 сын Кальбу; 26 Намурум, 27 сын Ида-илума; 28 Дингир-Гу, 29 сын Шуму-Суэна; (XVI) 1 Митлик, 2 сын Иштуп-илума, 3 староста; 4 Или-бани, 5 сын Мишуа; 6 Ватрум, 7 сын Иддин-Дагана; 8 Туту, 9 сын Лили; 10 Аку-Хайя, 11 сын Пузур-Хайи; 12 Ур-Суэн, 13 сын Ур-Эзена, 14 староста садовников; 15 Ур-Энгаль-дуду, 16 сын Ур-Ашнана, 17 староста (поселения) Эмарза; 18 Туту, 19 сын Илалы, 20 брат Раби-илума; 21 Илум-кар, 22 сын Тилилума; 23 Икруб-илум, 24 сын Пузур-шу; 25 Илум-муда, 26 сын Имеа; 27 Шума-ре'ум, 28 сын Инин-шаду; 29 Ур-Пабиль-саг, (XVII) 1 сын Э-имила, 2 царский землепашец; 3 Аху-гиршин, 4 сын Аха-арши, 5 внук Лугаль-Эзена. 6/пробел/

7 Всего: три писца; 8 всего: 27 свидетелей:

9 Бели-шаду, 10 сын Пашах-илума, 11 землемер; 12 Ишпул-илум, 13 сын Иштуп-илума; 14 Ими [д]-илум, 15 сын Пу-бели; 16 Илум-кен, 17 сын Гальзу-дингира, 18 владыки, 19 жреца 20 верховного божества Марата; 21 Тирум, 22 сын Пу-ре'ума, 23 великий посланник, 24 внук Ирши-бели; 25 Икби-кен, 26 сын Бели-Гу, 27 старшина стражи; 28 Идаилум, 29 сын Иблуд-илума, 30 внук председателя совета; (XVIII) 1 Илум-аха, 2 сын Бели-Гу, 3 старшина; 4 Нунида, 5 сын Бели-ами, 6 внук Ур-Апра, 7 потомок Шуатум-мада; 8 Лишанум, 9 сын Ур-Анки 10 (из) ювелиров. 11/пробел/

12 Всего: 10 младших 13 свидетелей:

14 Бели-Гу, 15 сын Раби-илума; 16 Ануссу, 17 сын Икруб-илума; 18 Ишма-илум, 19 сын Икруб-Хайи; 20 Иддин-илум, 21 сын Хатапи; 22 Пузур-Аштар, 23 сын Пузур-Мамы; 24 Ур-Апра, 25 писец, 26 сын Шуммунума; 27 Дамик-илум, 28 сын Раби-илума; 29 Пузур-Лулу, 30 наместник 31 Баррума; (XIX) 1 Катнум, 2 сын Раби-илума 3 (из) Хархамунака; 4 Урур, 5 сын Шу-йяума 6 (из) Марура; 7 Раби-илум, сын Илушу-аха 9 (из) Кауллума; 10 Ида-илум, 11 сын Ику-Хайи 12 (из) Казурака 13/пробел/

14 Всего: 12 старост и управляющих 15/пробел/

16 Итого (в) целом: 52 человека 17 (из) Марата 18 свидетели (передачи) 19 поля.

20 600 человек 21 в Казаллу 22 ели хлеб. 23 600 человек 24 за один день,  
25 1200 человек 26 за два дня 27 в урочище Бели-бани, 28 агрига 29 Амаль-иштака-  
ля, 30 ели хлеб 31 люди Марада.

(XX) Сткк. 1–26 – перечень свидетелей царя; аналогичен списку на сторо-  
не А, § 3, (X), 23 – (XVI), 16.

27 Поле в Мараде 28 Маништушу, 29 царь 30 вселенной, 31 купил.

Сторона D

§ 8

(I) 1 (62) бур поля. 2 Цена его (3820) гур *саггаль* зерна, 4 стоимостью 5 сикль  
серебра 6 (за) каждый гур *саггаль* зерна. (II) 1 Серебро его – 2 один талант (и)  
две мины серебра – 3 цена поля. 4 372 гур *саггаль* зерна, 5 серебро его – 6 6 мин  
(и) 12 сиклей серебра – 7 приплата (за) поле.

(III) 1 Одну упряжку ослов, 2 одно кресло, 3 одну одежду (из) *улапал*,  
4 одно серебряное кольцо 5 весом (в) 15 сиклей серебра – 6 Икби-кену,  
7 одно серебряное кольцо (IV) 1 весом (в) 15 сиклей серебра, 2 одну одежду  
(из) *улапал* – 3 Алле, 4 двум сыновьям Апра-ила, 5 внукам Иштуп-бели;  
6 одну одежду (из) *сега*, 7 один бронзовый *машсатум* – 8 Пушу-кену,  
(V) 1 учетчику земель, 2 сыну Ираму, 3 внуку Апра-ила, 4 троим потомкам  
Апра-ила. 5 Одну одежду (из) *сега* – 8 Шумму-кену, 7 одну одежду (из) *сега*  
8 Улид-илуму, 9 двум братьям Дур-ила, (VI) 1 внукам Иббубу. 2 Одну одежду  
(из) *сега* – 3 Пузур-буру, 4 сыну Лугаль-Эзена; 5 одну одежду (из) *сега* –  
6 Дидану, 7 сыну Илуммуда, 8 внуку Шума-уду. 9 Одну одежду (из) *сега* –  
10 Куку, (VII) 1 сыну Эна-Хайи, 2 внуку Зизи; 3 одну одежду (из) *сега* –  
4 Илу-аха, 5 сыну Иддин-Аштар, 6 внуку стражника. 7 Одну одежду (из) *сега* –  
8 Зикар-шуни, 9 сыну Иштуппума, 10 внуку Нанатума.

(VIII) 1 Всего: одна упряжка ослов; 2 всего: одно кресло; 3 всего: два сере-  
бряных кольца; 4 всего: один бронзовый *машсатум*; 5 всего: две одежды (из)  
*улапал*; 6 всего: 8 одежд (из) *сега* – 7 подарки (за) поле.

8 Всего: 10 человек – 9 хозяева поля, 10 пользующиеся серебром.

11 Поле, (принадлежащее) Акуму и Зиманак. (IX) 1 Граница поля 2 (на) севере — 3 поле Анзаматума, 4 граница поля 5 (на) западе — 6 канал Нунмэ, 7 граница поля 8 (на) юге — 9 поле Мизу-Анума, 10 граница поля (на) востоке — 12 поле Симтуна. 13 /пробел/

14 Исиннум, 15 Энна-Хайя — (XI) 1 два сына Ур-шанума, 2 внуки Диди; 3 Илум-аха, 4 сын Шума-бани, 5 управляющий; 6 Лугаль-Эзен, 7 управляющий, 8 сын Иштуп-Суэна; 9 Шуммухум, 10 сын Шадуну; 11 Пузур-Нумушда, 12 потомок Нумеа; 13 Илум-аха, 14 потомок Биетума; (XI) 1 Ирэбум, 2 сын Илум-ахи, 3 (из) кузнецов; 4 Калаб-Хайя, 5 сын Ишимэ, 6 пастух; 7 Бели-муда, 8 мын Шумишу; 9 Ватрум, 10 сын Гулизума; 11 Или-бани, 12 сын Аху-балика, 13 внук Симтуна; 14 Ур-Суэн, 15 сын На'ашума, (XII) 1 торговец; 2 Икруб-Хайя, 3 сын Икилума, 4 городского старейшины 5 Нима; 6 Пузур-Адад, 7 сын Итур-ма'ада; 8 Узибир, 9 сын Пузур-Мама, 10 потомок Тукультума; 11 Шумамутум, 12 сын Раби-илума, 13 потомок (богини) Нин-кар; 14 Зикар-шуни, 15 сын Гулизума, (XIII) 1 потомок ослицы<sup>3</sup>; 2 Энна-Хайя, 3 сын Аха-арши, 4 плотник; 5 Лагур, 6 сын Рибума, 7 потомок Пи-кири; 8 Шумису, 9 сын Лу-данната, 10 пастух; 11 Лакипум, 12 сын Зикар-шуни; 13 Лакипум, 14 сын Пупу, 15 (из) цирульников; 16 Зикар-шуни, 17 сын Пупу, (XIV) 1 стражник; 2 Шу-йяум, 3 сын Пума, 4 потомок Зизи; 5 Инин-шаду, 6 сын Энна-Хайи, 7 торговец; 8 Шумису, 9 сын Лу-зузуума, 10 (из людей) бога Энки; 11 Аку-илум, 12 сын Дамик-илума, 13 потомок Ур-Ад; 14 Зикар-шу, 15 сын Ур-Энлиля, 16 писец; 17 Имталик, 18 сын Ибби-илума (XI) 1 что из Туббарки, 2 второй писец.

3 Всего: 4 30 человек — свидетели (передачи) поля 5 (в) Актабе. 6 94 человека — 7 сыны Актаба — 8 ели хлеб. 9 /пробел/

10 Перечень имен 49 свидетелей царя; список аналогичен списку на стороне А, § 3, (X), 23 — (XVI), 16.

17 Поле Актаба 18 Маништушу, 19 царь 20 вселенной, 21 купил.

<sup>3</sup> Возведение родословной к мифологическому предку (божеству, животному) можно считать свидетельством древности этого рода и, следовательно, его особой знатности.



Е.Е. Кузьмина  
КУЛЬТУРНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ  
ПАСТУШЕСКИХ ПЛЕМЕН КАЗАХСТАНА  
И СРЕДНЕЙ АЗИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ

**П**о своему географическому положению Казахстан и Средняя Азия – это мост между скотоводческой степью Евразии и земледельческим Ближним Востоком, дорога в Индию и Иран, здесь осуществлялись контакты населения, принадлежавшего к различным культурно-хозяйственным типам, и пролегали важнейшие пути этнических передвижений.

Установление этнической принадлежности носителей культур Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы имеет определяющее значение для решения проблемы происхождения индоевропейских народов, поскольку с этой территорией сторонники центральноевропейской гипотезы генезиса индоевропейцев связывают миграцию с северо-запада на юго-восток индоиранцев, а сторонники переднеазиатской гипотезы – продвижение в обратном направлении нескольких последовательных волн различных индоевропейских народов и заключительное расселение ираноязычных племен<sup>1</sup>.

Этническая атрибуция археологической культуры без свидетельств письменных источников невозможна. Но в компетенции археологии находится установление, во-первых, процессов культуuroобразования и времени и направлений миграций, во-вторых, выявление в комплексе материальной и духовной культуры народа, язык которого известен по письменным источникам, суммы признаков, служащих этническими индикаторами, выяснение происхождения этих признаков, и, тем самым, определение ретроспективным методом этнической принадлежности их предков – носителей предшествующей культуры. Для проверки полученных ретроспективным методом результатов могут использоваться также данные о соотношении характера археологической культуры культуре этноса, реконструируемой лингвистически, наложение карты археологической культуры на карту топонимов, установление связей археологической культуры с культурами других этносов, взаимодействие с которыми предполагается по лингвистическим данным<sup>2</sup>.

Прежде чем ставить вопрос об этнической принадлежности носителей культур Казахстана и Средней Азии, необходимо классифицировать археологические материалы этого ареала, поскольку их культурная принадлежность до сих пор не установлена или остро дискуссионна.

В средней Азии не выработана единая номенклатура культур; принадлежащие скотоводческому населению памятники объединяются терминами: срубно-андроновские (А.В. Збруева), кочевнические (А.Ф. Ганялин), андроновские (С.С. Чер-

<sup>1</sup> Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. II. Тбилиси. 1984. С. 914–934. Вопрос о прародине индоиранцев и времени и путях их передвижений в гипотезе В.В. Иванова – Т.В. Гамкрелидзе, по-видимому, представляет одно из наиболее уязвимых мест, поскольку гипотеза предполагает ранний разрыв индоиранской общности, что противоречит данным языка и мифологии.

<sup>2</sup> Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // ЭПИЦАД.

ников, Б.А. Латынин, Ю.А. Заднепровский, М.П. Грязнов), тазабагьябско-андроновские (В.М. Массон), степного типа (Е.Е. Кузьмина, А.М. Мандельштам, М.А. Итина), горно-степные (Г.Е. Марков), андроновско-тазабагьябской общности (Н.А. Аванесова)<sup>3</sup>. Нет единства и в выделении культур, и в установлении культурной принадлежности комплексов. Так, М.А. Итина выделяет материалы Хорезма в особую тазабагьябскую культуру, к которой причисляет также памятники Зеравшана<sup>4</sup>; А. Аскарлов считает тазабагьябские памятники вариантом андроновских, причем относит к ним как материал Хорезма и Махан-дары, так и Ташкентского оазиса, Ферганы и Туркменистана. Сходной точки зрения придерживается Н.А. Аванесова. Б.А. Литвинский признает выделение тазабагьябской культуры, относит памятники Семиречья к андроновской культуре и выделяет особую кайраккумскую культуру, к которой причисляет комплексы Махан-Дары и Ташкентского оазиса; В.М. Массон подчеркивает перспективность выделения вариантов культуры степной бронзы, близких андроновской, одним из которых признает тазабагьябскую культуру, но обособление кайраккумской считает преждевременным<sup>5</sup>; Ю.А. Заднепровский причисляет все памятники скотоводческих племен Средней Азии к андроновской культуре, разделяя их на два варианта: тазабагьябский (или среднеазиатский) и северокиргизский (иначе тьяншанский, или семиреченский); Е.Е. Кузьмина признает выделение тазабагьябской культуры, в ареал которой включает Зеравшан, кайраккумской культуры, территорию которой ограничивает лишь Ферганой, семиреченского варианта андроновской культуры<sup>6</sup>, к которой относит только одну группу памятников; Т.М. Потемкина считает кайраккумскую культуру родственной тазабагьябской, а остальные комплексы относит к алакульской культуре<sup>7</sup>.

<sup>3</sup> *Ганялин А.Ф.* Теккем-тепе // ТИИАЭ АН ТуркмССР. 1956. II; *Черников С.С.* Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана // КСИЭ. 1957. Вып. XXVI. С. 30; *Заднепровский Ю.А.* Памятники андроновской культуры // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М. – Л., 1966. С. 213; *Грязнов М.П.* Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 40; *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. 1959. № 73. С. 116–117; *Кузьмина Е.Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1963. С. 147, 154; *Мандельштам А.М.* Погребения срубной культуры в Южной Туркмении // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 242–243; *Итина М.А.* История степных племен Южного Приаралья. М., 1977. С. 232; *Аванесова Н.А.* Новые памятники андроновской культурно-исторической общности // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тезисы конф. Баку, 1985. С. 39.

<sup>4</sup> *Итина М.А.* О месте тазабагьябской культуры среди культур степной бронзы // СЭ. 1967. № 2. С. 76, 79; *она же.* История степных племен... С. 232.

<sup>5</sup> *Аскарлов А.* Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана // ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962. С. 3, 17; *Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А.* Первобытная культура в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966. С. 213, карта; *Аванесова Н.А.* Проблема истории андроновского культурного единства (По металлургическим изделиям): Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1979; *она же.* Новые памятники... С. 39; *Литвинский Б.А.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайрак-Кумов // Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962. С. 246 сл.; *он же.* Бронзовый век. История таджикского народа. М., 1963. С. 109 (карта), 121, 124; *Массон.* Древнеземледельческая культура... С. 116.

<sup>6</sup> *Заднепровский.* Памятники андроновской культуры. С. 213 сл.; *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. В 4–9. М., 1966. С. 91–94; *она же.* Некоторые спорные вопросы истории первобытной культуры в низовьях Зеравшана // СА. 1968. № 2. С. 307; *она же.* Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 47.

<sup>7</sup> *См. Потемкина Т.М.* Алакульская культура // СА. 1983. № 2. С. 13, 19, 30. Однако могильник Куукты (находящийся в Казахстане, а не в Средней Азии) и погребения Чача отличаются от алакульских по погребальному обряду и керамике. Кайраккумская же культура отличается от тазабагьябской по технике формовки керамики на матерчатом шаблоне, набору примесей, форме сосудов, размещению и мотивам орнамента, конструкции погребальных сооружений, типам украшений, форме и размерам жилищ, типу хозяйства, не знакомому с ирригационным земледелием. Поэтому исследователи единогласно отделяют кайраккумские памятники от тазабагьябских, включая их иногда в андроновскую общность.

Наибольшие трудности вызывает классификация памятников андроновской культуры или культурной общности. Она выделена С.А. Теплоуховым по материалам Южной Сибири, а в 1927-г. М.П. Грязнов показал ее распространение в Казахстанской степи вплоть до Приуралья и отметил особенности в керамике (наличие или отсутствие уступчика на плечике сосуда, орнаментация), которые он считал локальными<sup>8</sup>. Тогда же С.Н. Дурьлиным были подчеркнуты отличия двух групп челябинских могильников (I — кремация и богатый меандровый узор; II — ингумация и бедный узор) и сделан вывод об их разнокультурности. С тех пор между андроноведами длится спор о существовании двух культур или о культурном единстве, достигший своего апогея в последние годы. Поскольку правильная культурная атрибуция памятников имеет принципиальное значение для установления их происхождения и этнической принадлежности, на вопросе о выделении двух культур необходимо остановиться более подробно.

Охарактеризованные М.П. Грязновым и С.Н. Дурьлиным признаки были положены К.В. Сальниковым в основу классификации андроновских памятников Зауралья, где были выявлены три типа: федоровский, алакульский и замараевский, которые рассматривались как три последовательные стадии или этапа развития единой андроновской культуры, принадлежавшей ираноязычному народу, являющемуся предком иранцев — саков и савроматов раннежелезного века<sup>9</sup>. В 50–60-е годы эта схема получила всеобщее признание, была принята М.П. Грязновым и К.А. Акишевым и использована при классификации локальных вариантов Казахстана и Западной Сибири<sup>10</sup>. Итогом этих исследований явилась работа М.Н. Комаровой, демонстрирующая нерасторжимость цепочки взаимосвязанных андроновских памятников всего ареала; принципиальное значение имели также работы А.А. Формозова о происхождении андроновской культуры и введенное им понятие "андроновская культурная общность"<sup>11</sup>.

Первоначально против схемы К.В. Сальникова выступил только В.Н. Чернецов, настаивавший на разделении андроновской культуры на алакульскую — иранскую и федоровскую — угорскую<sup>12</sup>. В 60–70-е годы схема К.В. Сальникова подвергалась критике. А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, А.М. Оразбаев переименовали этапы андроновской культуры Центрального Казахстана, чтобы подчеркнуть локальное своеобразие комплексов<sup>13</sup>.

Е.Е. Кузьмина, развив положение О.А. Кривцовой-Грековой, отметившей синкретический характер могильника Кожумберды<sup>14</sup>, и использовав статистику, выделила смешанный кожумбердинский тип в Западном Казахстане и Приуралье,

---

<sup>8</sup>Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. Вып. II. Л., 1927; Дурьлин С.Н. Раскопки под Челябинском // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. 40. Вып. 2. Челябинск, 1927. С. 105–122.

<sup>9</sup>Сальников К.В. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья // 1 Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948; он же. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. 1951. № 21.

<sup>10</sup>Грязнов М.П. Племена Сибири и Казахстана в эпоху бронзы // Очерки истории СССР. М., 1956; Акишев К.А. Эпоха бронзы Центрального Казахстана: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1953.

<sup>11</sup>Комарова М.Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры // АСГЭ. 1962. Вып. 5; Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. 1951. Вып. XXXIX.

<sup>12</sup>Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 49–62; он же. К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской общности) // Congressus internationalis Fenno-ugristarum. Budapest, 1963. С. 405–415.

<sup>13</sup>Маргулан А.Х., Акишев К.А. и др. Древняя культура Центрального Казахстана. Алмата, 1966.

<sup>14</sup>Кривцова-Грекова О.А. Алексеевское поселение и могильник // ТГИМ. 1948. Т. XVII.

а затем — семиреченский тип<sup>15</sup>. Г.Б.Зданович на массовом хорошо стратифицированном материале выявил в Северном Казахстане, наряду с федоровским и алакульским, чистый петровский и смешанные амангельдинский и бишкульский типы<sup>16</sup>.

Э.А. Федорова-Давыдова и М.Ф. Косарев возродили гипотезу двух культур В.А. Чернецова. Обосновать ее пытался В.С. Стоколос, а в 1983 г. — Т.М. Потемкина. Поскольку большинство сторонников гипотезы двух культур предполагает разноэтничность андроновского населения, необходимо оценить с точки зрения современных требований лежащие в ее основе источниковедческую базу, методику анализа и аргументацию, так как исходные предпосылки возникновения этой гипотезы, у разных авторов различные, давно забыты, и гипотеза некритически воспринимается ее сторонниками. Современная методика выделения археологических культур разработана Н.Я. Мерпертом при выделении ямной культуры, С.С. Березанской — культуры многоваликовой керамики, Н.К. Качаловой — полтавтинской, Г.А. Максименковым — окуневской, В.И. Матющенко — самусьской и других культур. Эта методика предполагает ряд последовательных операций, к которым относятся: 1) сбор материала по всему ареалу; 2) разработка классификационных признаков и классификация памятников по типам на основании суммы признаков; 3) картографирование выделенных типов; 4) определение их хронологии; 5) оценка полученных результатов и определение типов как локальных вариантов, хронологических этапов или отдельных культур в соответствии с принятым определением археологической культуры.

В.Н. Чернецов, установив родство андроновского федоровского орнамента с орнаментом угорских народов Зауралья, выделял две культуры: более северную федоровскую, связанную с уграми, на основании чего признавал федоровцев протоуграми, и более южную алакульскую, родственную срубной, носителей которой он считал иранцами. Основные посылки В.Н. Чернецова в настоящее время не могут быть приняты по ряду причин: 1) федоровские комплексы открыты далеко на юге: на Тянь-Шане и в Южном Таджикистане<sup>17</sup>; 2) С.В. Ивановым установлено<sup>18</sup>, что элементы федоровского орнаментального комплекса пережиточно сохранились не только у угров, но и у народов других языковых семей: кетов, тюркоязычных казахов, киргизов и якутов, ираноязычных таджиков и — добавлю от себя — народов Индостана. Таким образом, федоровский орнаментальный комплекс не может быть признан надежным этническим индикатором; 3) погребальные обряды угров не связаны с федоровской кремацией; 4) на федоровской территории Сибири выявлены иранские и, возможно, индоиранские топонимы<sup>19</sup>, тогда как в Средней Азии угорской топонимики нет.

Э.А. Федорова-Давыдова не ставила вопроса о биэтничности андроновцев, считая их близкородственными племенами, одновременно проживавшими на Юж-

---

<sup>15</sup> Кузьмина Е.Е. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1963; она же. Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона // СА. 1965. № 4; она же. Семиреченский вариант...

<sup>16</sup> Зданович Г.Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской обл. // ВАН. 12. Свердловск, 1973; он же. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1975.

<sup>17</sup> Кузьмина Е.Е., Виноградова Н.М. Beziehungen zwischen bronzezeitlichen Steppen- und Oasenkulturen in Mittelasien // Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden archäologie. 1983. Bd. 5. Abb. 1.

<sup>18</sup> Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М. — Л., 1963. С. 154—158. Рис. 100.

<sup>19</sup> Цленова Н.Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // СА. 1984. № 1.

ном Урале<sup>20</sup>. Она выдвигала гипотезу двух культур на основании находки в могильнике Близнецы двух сосудов, один из которых она сочла алакульским, другой — федоровским, видя здесь взаимодействие двух синхронных культур. К.В.Сальников вышел из затруднения, удревнив федоровский этап, Н.А.Аванесова — омолодив его, а Е.Е.Кузьмина отнесла могильник к кожумбердинскому типу, для которого характерно сочетание сосудов с уступом и без него, что позже приняла и сама Э.А.Федорова-Давыдова<sup>21</sup>. В качестве другого аргумента она указывала на наличие в алакульских могильниках единичных случаев кремации.

М.Ф.Косарев выдвигал предположение о существовании двух культур лишь в качестве рабочей гипотезы, не проводя детальной классификации и сопоставления памятников всего ареала<sup>22</sup>. Относительно угорской этнической принадлежности федоровцев он позже высказывался с большой осторожностью, не настаивая на точке зрения В.П.Чернецова. Он считал, что федоровская культура сформировалась на Урале в XV в. до н.э. и предполагал миграцию федоровцев оттуда в Сибирь лишь в XIII в. до н.э.

В.С.Стоколос рисует картину диаметрально противоположную<sup>23</sup>: федоровцы происходят из Сибири; в XIII в. до н.э. они мигрируют на Урал, где сосуществуют с абашевцами и замараевцами. Основанием для этого построения послужил пересмотр В.С.Стоколосом материалов поселения Кипель, стратиграфия которого явилась некогда основой периодизации К.В.Сальникова. Главные положения В.С.Стоколоса при последующей проверке вызвали возражения специалистов. Разделение В.С.Стоколосом сосудов с очага Кипели (признававшихся К.В.Сальниковым федоровскими) на федоровские горшки и алакульские банки ошибочно, поскольку подобные бедно орнаментированные банки весьма характерны для всех федоровских поселений и нередко встречаются в погребениях, особенно детских<sup>24</sup>. Вывод о происхождении федоровцев из Сибири единогласно отвергают сибиреведы В.И.Матюшенко, М.Ф.Косарев, В.И.Молодин, Г.А.Максименков на основании отсутствия генетической связи с андроновской местной древних культур Афанасьев, Окунево, Ростовка, Самусь, Кроново. Что касается абашевской культуры на Урале, то она датируется, как установлено В.С.Горбуновым, XVI—XIV вв. до н.э.<sup>25</sup> Н.А.Членова показала, что при определении абсолютной хронологии В.С.Стоколос некритически основывался на мнениях авторов, придерживающихся различных хронологических систем; он не дал определения археологической культуры, не поставил вопроса о критериях ее выделения и не провел сопоставления федоровских и алакульских памятников<sup>26</sup>. Таким образом, его тезис остался необоснованным.

<sup>20</sup> Федорова-Давыдова Э.А. Андроновское погребение XV—XIII в. до н.э. // ТГИМ. 1960. Т. 37. С. 56—59; она же. Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1968; она же. Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

<sup>21</sup> Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 315—325; Аванесова. Проблема истории...; Кузьмина. Периодизация могильников... С. 133—138; Федорова-Давыдова. Племена Южного Приуралья... С. 16, 17.

<sup>22</sup> Косарев М.Ф. О культурах андроновского времени в Западной Сибири // СА. 1965. № 2; она же. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. С. 157 сл.

<sup>23</sup> См. Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972. С. 5, 97, 98, 101, 105, 113. Рис. 25.

<sup>24</sup> Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978. С. 91. Табл. XLIII, 4; XLVII, 1, 3; LI, 4, 8, 16; Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 148 сл.

<sup>25</sup> Горбунов В.С. Классификация абашевских могильников Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа, 1976.

<sup>26</sup> Членова Н.Л. Рец. на кн.: Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972 // СА. 1975. № 2. С. 286.

Наконец, Т.М.Потемкина признает уже доказанной гипотезу двух разноэтнических культур<sup>27</sup>. Источниковедческой базой работы явились несколько памятников небольшого периферийного района Притоболья<sup>28</sup>, а полученные по этим материалам выводы экстраполированы на всю гигантскую андроновскую территорию. При классификации материала Т.М.Потемкина опирается на схему К.В.Сальникова 1947 г., хотя андроновцами установлена недостаточность вне Зауралья классификационных признаков этой схемы и введены более тонкие диагностические признаки, позволившие создать региональные схемы, показать локальную специфику чистых федоровских и алакульских памятников и выявить памятники других типов. При характеристике погребального обряда говорится о неустойчивой ориентировке погребений, хотя абсолютно господствует западная; не отмечены грунтовые могильники, большие курганы, курганы с каменным кольцом, кольца, каменные ящики, перекрытия плитами, хотя в степных районах каменные конструкции господствуют; не подчеркивается, что ни один из этих признаков не является диагностическим, так как они характерны для памятников федоровского и смешанных типов. Не разработав единой типологии сосудов (отдельно для банок и горшков) и не проследив распределения типов по памятникам, Т.М.Потемкина для каждого памятника создает особую классификацию, что не дает возможности сопоставить комплексы и не позволяет выявить развитие типов. Содержатся неточности в описании керамики, в характеристике алакульских поселений, металлических изделий, хозяйства, определяющих не культуру, а культурно-хозяйственный тип. На предложенной Т.М.Потемкиной карте (рис. 1) "алакульской культуры" отсутствуют конкретные памятники и не нанесены локальные варианты<sup>29</sup>. Классификация и последующее картографирование типов избавили бы от неверных выводов (на с. 13, 15, 19), что "памятники алакульской и федоровской культур параллельно существовали на смежных территориях", федоровские тяготели "к кругу лесных культур притаежной и лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири", в Центральном Казахстане преобладали федоровские памятники, а "алакульская культура была распространена в основном в бассейнах рек Тобола и Ишима", где и следует видеть центр ее формирования. В действительности же на основной и большей части ареала федоровские и алакульские памятники располагаются чересполосно, причем федоровские распространены не только на Урале и в Сибири, но и по всему Казахстану, на Тянь-Шане, Памире и в среднеазиатском междуречье; алакульские же — на Урале, в Средней Азии, Западном, Северном и Центральном Казахстане, где их, кстати, втрое больше, чем федоровских. Хронология андроновских памятников Т.М.Потемкиной (с. 26) не разработана, и она опирается при датировке раннеалакульских комплексов на работу К.Ф.Смирнова — Е.Е.Кузьминой<sup>30</sup>, отстаивающих систему длинной хронологии, и Г.Б.Здановича и А.Д.Пряхина<sup>31</sup>, придерживавшихся системы короткой хронологии (ныне ими оставленной). Смещение двух систем приводит Т.М.Потемкину к спорным историческим заключениям. В установлении хронологии памятников развитой и поздней бронзы (с. 13) она опирается на разработки Н.А.Аванесовой, хотя работа последней посвящена опровержению гипотезы двух культур, и, следова-

<sup>27</sup> Потемкина. Алакульская культура.

<sup>28</sup> Потемкина. Алакульская культура. С. 14 слл.; она же. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1983. С. 148–158.

<sup>29</sup> Поэтому лучше было бы переиздать карту Н.Л. Членовой (Распространение и пути связей древних культур Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981. Рис. 1).

<sup>30</sup> Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977. С. 50.

<sup>31</sup> Зданович. Периодизация и хронология... С. 21; Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977. С. 121.

тельно, задачей Т.М.Потемкиной, отстаивающей эту гипотезу, было переосмысление результатов Н.А.Аванесовой, в частности обоснование включения в алакульскую культуру памятников кожумбердинского типа, переходный характер которых и в схеме К.В.Сальникова, и в схеме Н.А.Аванесовой и Г.Б.Здановича служит одним из главных аргументов в пользу преемственности этапов единой культуры.

Определения понятий "культурная общность", "археологическая культура", "линия развития", которыми оперирует Т.М.Потемкина, как и оценка значимости различий типов в работе отсутствуют, поэтому выделение алакульской культуры остается необоснованным. Употребление же термина "андроновская культурная общность" при допущении угорской принадлежности федоровцев неисторично, так как иранцы и угры принадлежат к разным языковым семьям. Итак, гипотеза разнотипных культур не является строго аргументированной.

Многие ведущие андроноведы продолжают придерживаться гипотезы единства андроновской культуры, в их числе М.П.Грязнов, М.Н.Комарова, Г.М.Максименков и исследователи Казахстана<sup>32</sup>. Вернулась к ней Н.Л.Членова, обосновывая иранскую или индоиранскую принадлежность федоровцев Сибири<sup>33</sup>. Андроновское единство отстаивает Н.А.Аванесова<sup>34</sup>, предложившая на основе типологии металлических изделий новую схему периодизации культуры: предалакульский (петровский) этап – XVII–XVI вв. до н.э., алакульский – XV–XIV вв. до н.э., кожумбердинский – XIV в. до н.э., федоровский – конец XIV–XIII вв. до н.э., замараево-бегазинская культура – XII–IX вв. до н.э. На близких позициях стоит Г.Б.Зданович, выделяя в развитии единой андроновской общности несколько типов, которые он называет культурами, генетически связанными переходными этапами: петровскую XVII–XV вв. до н.э. – кулевчинский этап – алакульскую XV–XIV вв. до н.э. – кожумбердинский этап – федоровскую XIV–XIII вв. до н.э. – культуру валиковой керамики (XII–IX вв. до н.э.)<sup>35</sup>.

Ни одна из гипотез не получила всеобщего признания; за исключением работы М.Н.Комаровой 1962 г. (см. прим. 11), все они основаны на фрагментарном анализе материалов одной только категории или только отдельного региона, что не позволило учесть все накопленные факты. Поэтому первоочередной задачей представляется систематизация материалов всего ареала по единой программе в соответствии с разработанной в современной теоретической археологии методикой классификации и выделения культур и общностей.

Археологическая культура – динамическая система типов памятников, занимающих сплошную (иногда изменяющуюся со временем) территорию, длительно и единообразно развивающихся во времени и обладающих набором связанных признаков, часть которых является этнографическими, существенно отличающими эту культуру от других культур<sup>36</sup>. Археологическая культура отражает этнографическую культуру древнего народа<sup>37</sup>. Важнейшими этнически значимыми признаками являются погребальный обряд и керамика. Этнокультура

<sup>32</sup> История Казахской ССР. Т. I. Алма-Ата, 1977; *Маргулан А.Х.* Бегазындандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979; *Акишев К.А., Байпаков К.М.* Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата, 1979; *Аганов П., Кадырбаев М.* Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата, 1979; *Максименков.* Андроновская культура...

<sup>33</sup> *Членова.* Археологические материалы...

<sup>34</sup> *Аванесова.* Проблема истории... С. 24.

<sup>35</sup> *Зданович Г.Б.* Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 3–23. Рис. 4.

<sup>36</sup> *Каменецкий И.С.* Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 29; *Захарук Ю.Н.* Методические проблемы археологической науки: Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1981. С. 26, 27; *Ковалевская В.Б.* Кавказ и аланы. М., 1984. С. 26.

<sup>37</sup> Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982; *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983.

ная общность — совокупность этнографических культур отдельных родствен-ных племен, принадлежащих к единой языковой семье.

Исходя из этих посылок, мы предложили новую схему классификации памятников азиатских степей<sup>38</sup>. Источниковедческой базой работы явились материалы исследовавшихся 250 могильников и 170 поселений ареала. Был разработан единый банк признаков, необходимых и достаточных для типологической классификации всего разнообразия памятников. Систематизация основана на анализе закрытых комплексов погребений, классифицированных на типы, выделенные на основании корреляции (устойчивого сочетания) суммы признаков погребального обряда (типов надмогильного сооружения, могилы, погребения, инвентаря, тризны) и керамики (технологии гончарства и типов сосудов по Е.Е.Кузьминой, принципов построения орнамента по С.В.Зотовой и элементов декора и их распределения по зонам по М.Н.Комаровой и Е.Е.Кузьминой<sup>39</sup>). Далее керамика каждого типа могильников сопоставлена с поселенческой и выделены типы памятников. Автором проведено также картографирование типов памятников. Установлена хронология каждого типа на основании: а) стратиграфии; б) построения сквозных типологических рядов; в) датирующих вещей; г) абсолютной датировки типов по системе длинной хронологии на основе синхронизации с другими культурами с проверкой по трем хронологическим шкалам: I — восточноевропейской и через нее — западноевропейской; II — ирано-среднеазиатской; III — китайской.

В результате проделанной работы удалось выявить два чистых типа — алакульский и федоровский XV — начала XIII в. до н.э. и выделить большую группу разновременных смешанных типов.

Подробная характеристика их уже опубликована (см. прим. 38). Важно подчеркнуть, что анализ выявил существенные различия федоровского и алакульского типов: раннефедоровские памятники характеризуются устойчивым сочетанием специфических признаков погребального обряда (курган с цистовой оградой и ограда, циста и сруб в могиле, преимущественно кремация, помещение ребер лошади) и гончарства (формовка сосуда лентами, наложенными со скосом наружу, что обуславливает округлую форму плечика, малое дно, иногда круглое и на поддоне; орнаментация по косой сетке средним и мелкозубчатым штампом); в раннеалакульских — земляной курган, каменное кольцо, сруб или ящик в могиле, ингумация, череп и ноги коня, быка или барана; формовка сосуда часто на матерчатом шаблоне кольцами, наложенными со скосом внутрь, что обуславливает образование уступа на плечике; широкое дно, орнаментация по прямой сетке преимущественно гладким и крупнозубчатым штампом. Поскольку погребальный обряд и особенно гончарство — это устойчивые этнографические признаки, выделение двух независимых традиций не позволяет считать федоровские и алакульские типы последовательными этапами, а заставляет признать их двумя линиями развития, отражающими культурную специфику двух групп населения и ставит вопрос о выделении их в особые археологические культуры.

<sup>38</sup> Кузьмина Е.Е. Андроновская общность (Принципы выделения типов и установления хронологических этапов) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1982; она же. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // ИБ МАИКЦА. М., 1985. Вып. 9; Кузьмина Е.Е., Мерперт Н.Я., Шилов В.П. Новое в изучении культур бронзового века Евразийских степей // Studia Praehistorica. Sofia, 1981. № 5/6; Кузьмина Е.Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сб. М., 1986. Вып. IV. С. 169–228; она же. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.

<sup>39</sup> Она же. Происхождение гончарства ведических ариев // ИБ МАИКЦА. М., 1983. Вып. 5; она же. Гончарное производство племен андроновской культурной общности // Восточный Туркестан в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986; Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // МИА. 1965. № 130; Комарова Относительная хронология...



В Казахстане и Средней Азии выделяются многочисленные типы, в которых в разных сочетаниях выступают элементы федоровской и алакульской традиций: кожумбердинский в Западном, амангельдинский в Северном, атасуский в Центральном, таутаринский — в Южном Казахстане, семиреченский в Семиречье, междуреченский в Средней Азии; на Урале, вероятно, выделяется урефтинский тип. Эти смешанные типы датируются XIV—XII вв. до н.э. и более поздним временем. В отличие от К.В.Сальникова, М.П.Грязнова, Г.А.Максименкова, Н.А.Аванесовой, признающих эти смешанные памятники доказательством перехода от одного этапа к другому, мы рассматриваем их как свидетельство процессов интеграции и ассимиляции, проходивших на разных территориях в разное время и приведших к разным результатам, так что смешанные памятники отличаются значительным локальным своеобразием.

Наличие же выделенных еще М.П.Грязновым в 1927 г. некоторых признаков, общих для алакульских и для федоровских памятников (западная ориентировка погребений, трехчастная конструкция горшка, трехзонный декор, специфические элементы орнамента), и выявление на основной и большей части андроновского ареала многочисленных и ярких памятников синкретических типов, объединяющихся в неразрывную цепочку по ряду признаков, четко отличающих андроновские комплексы от инокультурных, позволяет вслед за А.А.Формозовым говорить о существовании единой андроновской культурной общности, отражающей древнюю этническую общность.

Для решения проблемы этногенеза андроновцев существенное значение имеет установление генезиса их культуры.

С.В.Киселев, К.В.Сальников и А.А.Формозов, придерживаясь полицентрической гипотезы, полагают<sup>40</sup>, что сложение культуры происходило при усилении межплеменных контактов на широкой территории в результате перехода к более прогрессивному скотоводческому хозяйству и металлургии бронзы на основе неолитических культур, в которых уже представлены федоровские элементы: по А.А.Формозову — кельтеминарской, южноуральской и афанасьевской, по К.В.Сальникову — культур Северного и Центрального Казахстана и Урала (Андреево озеро, Шигир, Баборыкино, Кысыкуль).

Действительно, отдельные элементы федоровского комплекса представлены в предшествующих неолитических культурах от Урала до Сибири: техника формовки, начиная с круглого дна; зональное расположение декора; нанесение его гребенчатым штампом; конические сплошь орнаментированные банки, квадратные сосуды. От Центрального Казахстана до Сибири известны единичные находки черепов андроновского антропологического типа, впоследствии типичных для погребений федоровского и смешанных типов. В грунтовых неолитических погребениях фиксируется обряд кремации: на Урале — в пещерах на р. Юрюзань и на Андреевском озере (раскопки С.В.Зотовой), в Северном Казахстане — на Вороньем острове и поселении Бишкуль IV, где в погребениях с кремацией обнаружены также плоскодонные сосуды, в Восточном Казахстане — на Семипалатинских дюнах и у Соловьевской мельницы, где вместе с пеплом найдены архаичные каменные орудия, в Сибири — в могильниках Ростовка, Томском (в неолитических погребениях), Степановском в Васюганье; наконец, случаи трупосожжения отмечает С.В.Киселев в афанасьевских могильниках<sup>41</sup>. Цистовая кладка типична

<sup>40</sup> Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 82–83, 99–100; Сальников. Бронзовый век... С. 145; он же. Очерки... С. 340, 341; Формозов. К вопросу о происхождении... С. 91, 103–104.

<sup>41</sup> Сальников. Очерки... С. 341–342; Зайберт В.Ф. Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим // КСИА. 1973. Вып. 134. С. 111. Рис. 41, 13; Формозов А.А. Доандоновские погребения в Казахстане // КСИИМК. 1951. Вып. XXXIX. С. 153, 154; Киришин Ю.Ф. Бронзовый век Васюганья: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1976. С. 4; Киселев. Ук. соч. С. 82 слл.

для энеолитических жилищ Центрального Казахстана и для оград афанасьевской культуры Сибири<sup>42</sup>.

Однако Восточный Казахстан и Сибирь не могут быть признаны федоровской прародиной, так как федоровский комплекс не выводится из предшествующих культур: самусьской, кротовской, афанасьевской и окуневской. Видимо, не может быть ею и Урал, так как здесь для энеолитической посуды характерна примесь талька, сохраняющаяся в алакульской керамике, но отсутствующая в федоровской; не имеет здесь истоков и проявляется только с появлением федоровцев орнаментация по косой сетке. Наиболее вероятно связать генезис федоровского комплекса с Центральным Казахстаном, где выявлены чистые памятники, сочетающие кремацию, цистовую кладку и горшки на поддонах с ковровым декором. Федоровская керамика гипотетически может быть выведена из посуды энеолитических поселений Караганды 13, 19, 20, 41, 46, Зеленая Балка, Каракоин, Батпак<sup>43</sup>, где отмечаются важнейшие специфические особенности федоровского гончарства: техника наложения лент и формовки дна, орнаментация по косой сетке мелкозубчатым штампом. Ввиду слабой изученности энеолита Казахстана это предположение можно высказать пока лишь гипотетически, но несомненной представляется идея М.Ф.Косарева о принадлежности предков федоровцев к кругу носителей культур азиатских лесостепей и степей, керамика которых характеризовалась гребенчатой геометрической ориентацией.

Лучше разработан вопрос о происхождении андроновских алакульских памятников. Г.Б.Здановичем были выделены памятники петровского типа и показана их генетическая связь с алакульскими<sup>44</sup>. Эти выводы получили дальнейшее развитие в работах В.Ф.Генинга, К.Ф.Смирнова – Е.Е.Кузьминой, Н.Б.Виноградова, В.В.Евдокимова<sup>45</sup>.

К иному выводу пришла Т.М.Потемкина<sup>46</sup>. Она приняла за хронологические демографические различия в могильнике Алабуга между маленькими безинвентарными могилами детей с банками и большими могилами взрослых с петровскими сложнопрофилированными горшками и богатым инвентарем; детские могилы она отнесла к алакульской культуре, хотя аналогичные банки представлены во взрослых петровских погребениях. Датируя алакульские погребения по системе длинной хронологии, а абашевские памятники – по системе короткой хронологии, она пришла к выводу о сосуществовании памятников петровского и алакульского типов друг с другом и с раннеабашевскими, из чего далее ею было сделано заключение об отсутствии генетической связи алакульских и петровских памятников и выделении среди последних особого новокумакского типа, созданного абашевцами. Гипотеза Т.М.Потемкиной вызвала возражения<sup>47</sup>.

<sup>42</sup>Максименков. Андроновская культура... С. 81, 83.

<sup>43</sup>Клапчук М.Н. Стоянка Караганда 15 // СА. 1970. № 4.

<sup>44</sup>Зданович. Керамика эпохи бронзы...; *он же*. Периодизация и хронология...; Зданович Г.Б., Зданович С.Я. Могильник эпохи бронзы у с. Петровки // СА. 1980. № 3; Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников...; *он же*. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

<sup>45</sup>Генинг В.Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4; Смирнов В.Ф., Кузьмина. Происхождение индоиранцев...; Виноградов Н.Б. Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (По памятникам петровского типа): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1983; Евдокимов В.В. Народонаселение степного Притобоя в эпоху бронзы // Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1984.

<sup>46</sup>Потемкина. Алакульская культура; *она же*. Бронзовый век... С. 181–185, 197–200.

<sup>47</sup>Виноградов. Южное Зауралье...; Зданович. Основные характеристики... С. 64, 65.

В.С.Стоколос видит в новокумакских памятниках результат экспансии не абашевской, а срубной культуры<sup>48</sup>, что убедительно оспорено<sup>49</sup>.

Памятники петровского типа, выделенные Г.Б.Здановичем, и новокумакский хронологический горизонт, выделенный К.Ф.Смирновым и нами, — понятия разного таксономического уровня; новокумакский комплекс отнесен нами к петровскому типу; новокумакский хронологический горизонт объединяет разнотипные синхронные памятники XVII (?)—XVI вв. до н.э., предшествующие сейминскому хронологическому горизонту (XV—XIV вв. до н.э.), к которому принадлежат памятники алакульского типа. Хронологическая последовательность алакульского и петровского типов устанавливается на основании бесспорных фактов: а) стратиграфии погребений и поселений; б) технологии и типологии вещей (керамики, металла, псалиев), составляющих типологические ряды; в) синхронизации с другими культурами по импортам и общим типам.

Петровские памятники локализуются в Приуралье, на Урале и в Северном Казахстане. Для них характерны обряд ингумации в могиле с деревянной конструкцией под грунтовым курганом и горшки с подчеркнутым ребром, сформованные на матерчатом шаблоне и орнаментированные налепными валиками и шишечками и узором, выполненным по прямой сетке. Выделяется группа могил с захоронением частей колесниц (Синташта, Улюбай, Берлик), запряженных (иногда взнузданных) коней (Синташта, Улюбай, Берлик, Троицк, Раскатиха) и богатого набора вооружения, а также черепов и ног коней и крупного и мелкого рогатого скота.

Дата типа определяется XVI в. до н.э. по псалиям, аналогичным микенским; архаичные формы металлических изделий позволяют допускать понижение даты до XVII в. до н.э. По заключению Г.Б. Здановича и Н.Б. Виноградова, петровский комплекс формируется (при некотором воздействии абашевской и среднеазиатской культур) на основе энеолитических памятников типа Вишневки в Северном Казахстане, где уже известна техника гончарства на шаблоне и некоторые сходные с петровскими приемы орнаментации. Не отрицая определяющей роли автохтонных культур западноандроновского ареала, В.Ф. Геннинг, К.Ф. Смирнова и Е.Е. Кузьмина подчеркивают сильное воздействие южно-русских культур — абашевской, многоваликовой керамики и полтавкинской.

До недавнего времени в археологии бронзового века евразийских степей противоборствовали две гипотезы: о преобладании в процессе культурообразования миграций или автохтонности. Важнейшим достижением последнего десятилетия явилось утверждение нового взгляда на этот процесс; в истории степей выделяются периоды, видимо, связанные с внедрением принципиально важных культурных достижений (утверждение оседлого скотоводства и смена его кочевым, переход к металлургии бронзы или железа, освоение колесниц или верховой езды), когда плавное развитие культур в степях прерывается, происходят существенные передвижения этнических групп и перегруппировка культурных признаков, в результате чего на основе сходных компонентов, удачно названных В.С. Бочкаревым "блоками культур", формируются новые культуры, специфика которых обусловлена различной степенью участия субстратных элементов и взаимодействующих культур, соприкоснувшихся в процессе миграции. Так рисуется формирование полтавкинской культуры на основе ямной при участии катакомбных элементов, покровских памятников срубной культуры, испытавшей воздействие абашевской, орельско-самарского варианта срубной культуры, включившей многоваликовый субстрат и т.д.

<sup>48</sup> Стоколос В.С. Существовал ли новокумакский хронологический горизонт? // СА. 1983. № 2.

<sup>49</sup> Агапов С.В., Васильев И.Б. и др. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983. С. 18 сл.

Во второй четверти II тыс. до н.э. на широкой территории евразийской степи происходили существенные этнические передвижения, видимо, связанные с массовым внедрением пастушеского скотоводства, металлургии бронзы и конных колесниц: сменяются границы вариантов катакомбной культуры в Подонье; появляется катакомбная и многоваликовая керамика в Поволжье; движутся на восток абашевцы, в Северном Прикаспии вплоть до Мангышлака расселяются полтавкинцы. Эти миграционные волны достигают Приуралья и под влиянием западного импульса, в результате усилившихся контактов и ассимиляционных процессов на западе андроновского ареала происходит формирование памятников петровского типа, на основе которых в середине II тыс. до н.э. складываются памятники алакульского типа. Одновременно или раньше в Центральном Казахстане оформляются памятники федоровского типа. После стабилизации обстановки и унификации срубной общности – в европейской и андроновской – в азиатской степи начинается освоение новых территорий. Продвижение алакульцев с запада на территорию Центрального Казахстана, видимо, вызывает частичную миграцию федоровцев на восток – в Восточный Казахстан и далее в Приобье и Минусинскую котловину. Этот путь расселения федоровцев подтверждается при анализе керамики: наиболее чистые комплексы фиксируются, как говорилось, в Центральном Казахстане, в Восточном Казахстане выделяется группа ранних могильников, по обряду и керамике близких центральноказахстанским; ранние памятники Верхнего Приобья несут следы сходства с восточноказахстанскими, а на периферийных памятниках предтаежной зоны и на Енисее отчетливо выступают черты сильного воздействия местных аборигенных культур.

На основной же андроновской территории Казахстана интенсивно идут процессы консолидации андроновской общности, интеграции носителей федоровской и алакульской культур, при этом в одних случаях преобладающими в культуре становятся алакульские элементы (памятники кожумбердинского типа в Западном, амангельдинского – в Северном, атасуского – в Центральном Казахстане), в других побеждает федоровский компонент (памятники таугаринского типа в Южном Казахстане), а в некоторых случаях наблюдается полное смешение двух традиций (памятники семиреченского типа).

Классификация андроновских материалов основного ареала позволяет перейти к систематизации материалов Средней Азии и реконструкции проходивших здесь исторических процессов.

В Семиречье выявлено три типа андроновских памятников. Переход к отгонной (яйлажной) форме скотоводства позволил пастушеским племенам впервые подняться на горные пастбища. Самый высокогорный могильник расположен на Тянь-Шане в Арпе на высоте 3600 м над уровнем моря. Он принадлежит федоровскому населению (каменные ограды, кремация, горшки с гребенчатым декором, выполненный на косяк сетке); федоровские горшки известны в Киргизии также с Иссык-Куля и из погребения в Пригородном<sup>50</sup>. О проникновении алакульцев свидетельствует поселение у Беловодской крепости<sup>51</sup>. Заселение Семиречья, по-видимому, происходило из Центрального Казахстана. Наиболее многочисленны в Киргизии и Южном Казахстане могильники семиреченского типа<sup>52</sup>, сложив-

<sup>50</sup> *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 1952. № 26; *Кожемяко П.Н.* Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Изв. АН КиргССР. 1960. Т. II. Вып. 3.

<sup>51</sup> *Кузьмина Е.Е., Мокрынин В.П.* Новая стоянка эпохи бронзы в Киргизии и проблема заселения Семиречья андроновскими племенами // Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе, 1985.

<sup>52</sup> *Кузьмина.* Семиреченский вариант...; *Кожемяко.* Погребения эпохи бронзы...; *Абегетов А.* Погребения эпохи бронзы могильника Тегирмен-сай // КСИА. 1963. Вып. 93; *Кожомбердиев И., Галочкина Н.Г.* Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-тюбе // УСА. I. Л., 1972; *Галочкина Н.Г.* Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы // Кетмень-тюбе. Фрунзе, 1977.

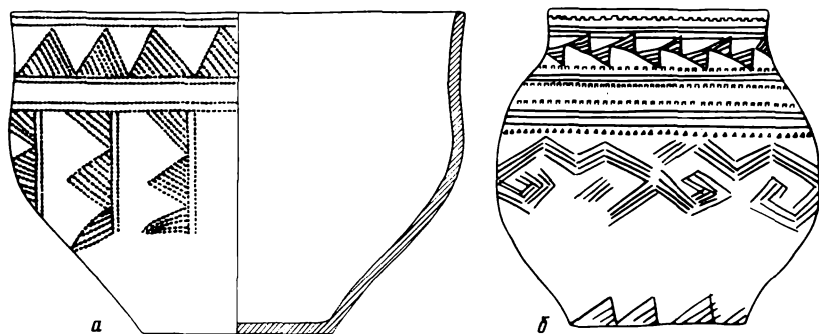


Рис. 1. Андроновская керамика бассейна Сырдарья: а – Ленинское (Чимкентский музей); б – Занги-Ата у Ташкента (случайные находки)

шегося в результате ассимиляции. Смешанное население унаследовало от одних своих предков обряд кремации, цистовую конструкцию могил и формовку сосуда, начиная с круглого дна, от других – обряд труположения, форму горшка с уступом, бедно орнаментированного (преимущественно гладким штампом) или без декора. Семиреченские памятники датируются XIII в. до н.э. и позже на основании поздних типов металлических изделий. Близкородственные семиреченским могильники Вуадиль, Карамкуль и Арсиф открыты в Фергане<sup>53</sup> и датируются эпохой поздней бронзы по типу стрелы.

Большим своеобразием отличаются памятники Южной Ферганы, выделенные Б.А.Литвинским в кайраккумскую культуру<sup>54</sup>. Они представлены разнообразными поселениями бронзолитейщиков и одиночными разнотипными погребениями. Керамика сформована на матерчатом шаблоне и покрыта бедным орнаментом. Фрагментарность материала не позволяет указать четкие культурно определяющие признаки и приходится констатировать лишь принадлежность к андроновской общности.

В Ташкентском оазисе есть единичные позднефеодоровские находки: курган с трупосожжениями и сосудами с гребенчатым орнаментом во Вревской, сосуды в Занги-Ата, пос. Ленинском Южноказахстанской области (рис. 1); несколько невыразительных фрагментов с гребенчатым декором найдены на поселениях Ахангаран, Чильдухтарон, Серкали<sup>55</sup>.

В горах, окружающих оазис, – в Аурахмате, Искандере, Бричмулле, у Газалкента известны курганы с каменной насыпью или выкладками, содержащие труположения и керамику с гребенчатым декором (Бричмулла, Газалкент), а также браслеты с литыми рожками (Аурахмат, Искандер). Курганы датируются позднефеодоровским временем по типу браслетов<sup>56</sup>. Верхняя дата памятников – XI–IX вв. до н.э., когда в Ташкентском оазисе распространяется бургулюкская культура, сложившаяся, видимо, в результате седентеризации и перехода

<sup>53</sup> Гамбурге Б.З., Горбунова Н.Г. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины // СА. 1957. № 3.

<sup>54</sup> Литвинский. Памятники эпохи бронзы...

<sup>55</sup> Воронец М.Э. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР // Труды Музея истории народов Узбекистана. Вып. 1. Ташкент, 1951. С. 68–69; Литвинский. Памятники эпохи бронзы... Табл. 109; Дуке Х. Новая стоянка эпохи бронзы в Ташкентской области // ИМКУ. 1979. Вып. 15. С. 44. Рис. 45; Рахимов С. Стоянка эпохи бронзы Серкали // ОНУ. 1970. № 6. С. 41.

<sup>56</sup> АО 1975. М., 1976. С. 524; Древности Чарвака. Ташкент, 1976. С. 36, 41. Рис. 8, 47; Воронец М.Э. Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН УзССР // ТИИА АН УзССР. 1948, т. 1; Кузьмина. Металлические изделия... С. 71–72.

к земледелию части пастушеских племен и входящая в круг смешанных земледельческо-скотоводческих культур финальной бронзы, распространившихся на широкой территории Средней Азии: Чуст в Фергане, Кучук в Согде, Яз I в Маргиане, Тилля в Южном Бактрии.

Районы Памира и Припамирья также были освоены позднефедоровскими племенами, хоронившими умерших по обряду кремации и ингумации в сопровождении бедно украшенной деградировавшей керамики II типа, близкой семиреченской: могильники Кокуйбель-Су, Кзыл-Рабат, Жарты-Гумбез, Южбок, Боланд-Киик, Кальта-Тур, Даран-Абхарв. На горных тропах у перевалов на Памире открыты петроглифы, аналогичные тянь-шанским и казахстанским, отмечающие пути передвижений. Вероятно, функционировал и другой путь расселения федоровцев — с запада. Пастухи обитали в горах (в пещерах Ак-Танга, Куртеке) и долинах (поселения у совхоза им. Кирова)<sup>57</sup>. На юге Таджикистана андроновское население вступило в контакт с земледельцами бактрийского варианта культуры анау периода Намазга VI на позднем (молалитепинском) этапе ее развития. Особый интерес представляет могильник Тандыр-Йул, где рядом с погребениями с земледельческой керамикой XIII—XI вв. до н.э., сделанной на гончарном круге, открыты два захоронения с позднефедоровскими горшками и серьгой с раструбом. На поселениях Кангурт-Тут и Тегузак андроновская керамика сочетается с земледельческой, причем в шурфе Тегузака она составляет 43%. В Кангурт-Туте найдены также кости лошади, фигурка коня, однолезвийный нож с хвостатым лезвием, литейная форма кинжала с упором позднеандроновского типа<sup>58</sup>, датирующая комплекс XII в. до н.э.

Верхняя дата этих памятников и поселения у совхоза им. Кирова, давшего чистый позднефедоровский комплекс и зеркало с петелькой, XI—IX вв. до н.э., судя по находкам в кроющем слое керамики типа Яз I — Тилля.

Еще отчетливее воздействие андроновских федоровских племен прослеживается в бишкентской (или вахшской) культуре Бактрии<sup>59</sup>: в погребальном обряде — конструкция курганов, каменных колец, выкладок; каменные ящики и цисты; поминальные площадки; свастики, культовые очаги, захоронения животных, наконец, — и это главное — обряд трупосожжения; в гончарстве — типы лепных горшков с округлым плечом, техника лощения сосудов, изредка — геометрический штампованный орнамент. Металлические изделия принадлежат к восточно-андроновской металлургической провинции по составу (высокооловянистая бронза) и типам: двухлопастная втульчатая стрела (Тулхар), двулезвийные ножи с выемкой в основании (Тулхар и могильники Северного Афганистана), характерные для эпохи поздней бронзы двулезвийные кинжалы, форма кинжала с упором (Кангурт-Тут) и с желобчатой рукоятью (Тулхар) и подобные же кинжа-

<sup>57</sup> Литвинский Б.А. Бронзовый век // История таджикского народа. М., 1963. С. 121, 501; *он же*. Древние кочевники "Крыши мира". М., 1972. С. 16, 17, 29. Табл. 66; Литвинский Б.А., Ранов В.А. Раскопки навеса Ак-Танги в 1961 г. // ТИИ АН ТаджССР. 1964. Т. XLII; Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // УСА. I. Л., 1972. С. 41 сл.; Бабаев А.Д. Могильник Южбок II — памятник эпохи бронзы на Западном Памире // АРТ. 1980. Вып. 15. С. 75—87; *он же*. Бронзовый наконечник копья из могильника Южбок // Памироведение. Вып. I. Душанбе. 1984. С. 104—106. На Зеравшане исследуется могильник Дашти-кози. Материал не опубликован.

<sup>58</sup> Kuzmina, Vinogradova. Beziehungen... Abb. 6, 2; 9, 12; Пьянкова Л.Т. Отчет о работе Нурекского археологического отряда // Археологические работы в Таджикистане. 1974. Вып. XIV. Душанбе, 1979. С. 78; Pjankova L. T. Jungbronzezeitliche Gräbfelder im Vachš-Tal, Süd-Tadžikistan. München, 1986.

<sup>59</sup> Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. 1968. № 145. С. 132—141; Кузьмина Е.Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии // ВДИ. 1972. № 1. С. 133—141; *она же*. Культура Свата и ее связи с Северной Бактрией // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 121. Теперь к этой точке зрения склоняется Л.Т. Пьянкова (Древние скотоводы Бактрии (О вахшской и бешкентской культурах) // Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе, 1982. С. 51—58. Рис. 4.

лы из Сартепа и Дашлы 3, а также однолезвийный хвостатый нож (Могильник Бешкент II, поселение Кангурт-Тут)<sup>60</sup>. Тот же процесс взаимодействия степных и земледельческих племен отмечается в Южном Узбекистане. На поселении Джаркутан в верхних слоях кузалинского (XIII–XII вв. до н.э.) и моллалинского (XI–X вв. до н.э.) этапов была обнаружена гончарная керамика с налепным валиком, ornamentированным косыми насечками и сеткой, что отражает влияние степной посуды эпохи поздней бронзы; в храме — более ранняя степная керамика<sup>61</sup>.

Если на востоке Средней Азии шло расселение андроновцев из Казахстана, то на западе — в Закаспии — распространялись срубные племена из Восточной Европы. В XVIII–XVII вв. до н.э. Среднее и Нижнее Поволжье и Северный Прикаспий были заняты племенами полтавкинской культуры, сложившейся на основе ямной и легкой в основу формирования срубной в качестве главного ее компонента<sup>62</sup>. В Северном Прикаспии открыты многочисленные полтавские стоянки и единичные развезенные погребения; небольшие группы полтавкинцев проникали вплоть до Мангышлака<sup>63</sup>.

О продвижении на юго-восток срубного населения свидетельствует цепочка стоянок у родников и древних колодцев вдоль Каспия и далее по кромке песков Каракум до границы с поселениями земледельцев культуры Анау<sup>64</sup>. На стоянках представлена грубая лепная керамика без декора или с бедным геометрическим узором и налепным валиком. По шкале, разработанной для срубной культуры Поволжья<sup>65</sup>, она соответствует посуде этапов III, IV (ивановского — XII–X вв. до н.э.) и V (нурского — IX в. до н.э.). Найдены также каменные стрелы, дротик (Бала-Ишем) и копье (Ашхабад), по типу и составу металла (оловянистая бронза) характерные для степных культур.

А.М.Мандельштамом<sup>66</sup> открыты могильники Патмасай и Каралематасай в Больших Балханах и Гызылгы-Кум и Парау I, II в Кизыл-Арвата с труположениями и сосудами, аналогичными найденным на поселениях. Каменные конструкции могил и роль огня в ритуале указывают на андроновское влияние, но обряд погребения, ориентировка на восток и северо-восток и керамика дают основание признать могильники позднесрубными. Антропологический тип пришельцев — протоевропеоидный, характерный для пастухов евразийской степи, отличен от долихокранного типа анауских земледельцев<sup>67</sup>. Отмеченный погребениями и

<sup>60</sup> *Мандельштам*. Памятники эпохи бронзы... Табл. VIII. 7 (стрела); IV, 3, 4; V, 1 (ножи); IV, 5 (кинжал); *Amiet P.* *Bactriane protohistorique // Syria*. 1977. LIV. Fig. 15, 8 (нож); *Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977. Рис. 36, левый; *Ртвеладзе Э.В.* Бронзовый кинжал из Южного Узбекистана (Вахшувар) // СА. 1981. № 1. С. 285–286; *Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., Медведева И.Н.* Отчет о работах Южно-Таджикостанской археологической экспедиции в 1973 г. // АРТ. 1977. Вып. XIII. С. 88, Рис. 4; ср.: *Кузьмина*. Металлические изделия... Табл. VI, 7–12, 53; VIII, 7, 8, 15; X, 21, 23; *Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 88. Табл. LXIV, 3, 4; LXXVII б, 1–3 (кинжалы); *Членова Н.Л.* Карасукские кинжалы. М., 1976. Табл. 8, 19, 20.

<sup>61</sup> *Рахманов У.* Об ornamentации керамики с поселения Джаркутан. // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1982. Вып. 17. С. 15–19, рис. Приношу благодарность академику А. Аскарору за разрешение ознакомиться с неопубликованными материалами.

<sup>62</sup> *Қачалова Н.К.* К вопросу о памятниках полтавкинского типа // АСГЭ. 1962. Вып. 5; *Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья. Куйбышев, 1980; *Агапов, Васильев и др.* Срубная культура...

<sup>63</sup> *Мелентьев А.Н.* Разведка памятников древности в Западном Казахстане // Поиск и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972; *Кузьмина Е.Е.* Две коллекции из Западного Казахстана // СГЭ. 1986. ХLI; *Васильев*. Энеолит Поволжья.

<sup>64</sup> *Кузьмина*. О южных пределах...

<sup>65</sup> *Агапов, Васильев и др.* Срубная культура... С. 24–27.

<sup>66</sup> *Мандельштам А.М.* Погребения срубной культуры в Южной Туркмении // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 105–108; *он же*. Памятники степного круга на юге Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М. — Л., 1966. С. 240–242. Рис. 52.

<sup>67</sup> *Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. С. 69, 70.

стоянками путь отражает реальную дорогу, по которой происходило переселение на юг степного скотоводческого населения из Поволжья и Западного Казахстана, где следует искать его генезис, так как его культура имеет там многовековое предшествующее развитие.

Другой — самый восточный — форпост распространения памятников срубной культуры — это Ташкентский оазис. Здесь открыты погребения в Янги-Юле, Ореховском<sup>68</sup>, на Никифоровских землях, в Ходжикенте, у Сарагачских минавод, по керамике и обряду (курган с грунтовой могилой, северная или восточная ориентировка, иногда наличие охры) типичные для срубной культуры; с ней же связан и топор Чимбайлыкского клада, а также находки отдельных срубных сосудов с елочным орнаментом или без декора у Ангрена, в Ак-Тепе II, Той-Тепе. Южнее — в районе Самарканда — распространены погребения смешанного типа: федоровские украшения сочетаются в Муминабаде с алакульским обрядом и срубными сосудами, в Чакка — со срубным обрядом и разнотипной посудой<sup>69</sup>.

Наиболее отчетливо процессы интеграции выступают в тазабагыбской культуре. Она локализуется в Южном Приаралье<sup>70</sup>; как особый ее вариант М.А.Ити-на и Е.Е.Кузьмина рассматривают памятники низовий Зеравшана<sup>71</sup>. Тазабагыбская культура характеризуется устойчивым сочетанием ряда признаков: захоронение по обряду труположения головой на запад или юго-запад в могилах без деревянных или каменных конструкций и без курганов или оград; кости животных в могилах отсутствуют; сосуды изготовлены ленточной техникой из глины с примесью дресвы и раковины; форма сосудов разнообразна: банки, горшки (биконические, близкие срубным; с уступом, близкие алакульским; с округлым плечом, близкие кожумбердинским); специфические сосуды с раздутым туловом и цилиндрическим горлом; орнамент нанесен по прямой или по косой сетке по одной, чаще по двум зонам; своеобразен тип жилища с айваном и центральным очагом; специфичен тип хозяйства с доминантой поливного земледелия. Устойчивое сочетание специфических признаков дает твердые основания выделять тазабагыбские памятники в особую археологическую культуру и отказать от терминов андроновско-тазабагыбские и т.п. Культура датируется XV—XI вв. до н.э. по типам металлических изделий, аналогичным западноандоновским и срубным, и импортной, сделанной на круге посуде земледельческой культуры Анау периода Намазга VI. Как установлено С.П.Толстовым и М.А.Итиной<sup>72</sup>, культура сформировалась в результате синтеза местной суярганской культуры и возобладавших пришлых срубных и андроновских элементов, скрещение которых началось еще в процессе миграции в Приуралье и Западном Казахстане. Эта гипотеза подтверждается антропологическими данными: серия тазабагыб-

<sup>68</sup> *Оболдуева Т.Г.* Погребения эпохи бронзы в Ташкентской обл. // КСИИМК. 1955. Вып. 59. С. 145, 146. Рис. 62, 1, 3, 4; *Кузьмина*. Металлические изделия... С. 92, 93. С материалами погребения в Кызыл-Ту и находками на Ахангеране мне не удалось ознакомиться.

<sup>69</sup> *Аскарлов А.* Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // ИМКУ. 1969. Вып. VIII. Материалы погребений Сай-Гус и Сиаб и в колхозе им. Энгельса не опубликованы (*Аванесова*. Новые памятники...).

<sup>70</sup> *Толстов С.П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 67; *он же*. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 47—60; *Итина*. История степных племен...

<sup>71</sup> *Она же*. О месте тазабагыбской культуры... С. 76; *она же*. История степных племен... С. 232; *Кузьмина Е.Е.* Некоторые спорные вопросы истории первобытной культуры в низовьях Зеравшана // СА. 1968. № 2. С. 307; *Гулямов и др.* Древнеземледельческая культура...; *Дукее Х.* Чиракчинское поселение // ИМКУ. 1982. Вып. 17. С. 27. Рис. 3; Сюда же следует отнести материалы стоянки Мадами (*Аванесова*. Новые памятники... С. 38; *Джуракулов М.Д., Мамедов Э.Д.* Работы в низовьях Зеравшана // АО 1984. М., 1986. С. 457—458).

<sup>72</sup> *Толстов*. По древним дельтам... С. 57, 59; *Итина*. История степных племен... С. 139, 140, 176. Следует отметить, что в сложении тазабагыбской культуры принимали участие федоровские племена, к которым восходит орнаментация по косой сетке.



ских черепов отличается смешанностью, преобладают черепа, близкие заволжским, но присутствуют черепа южных типов<sup>73</sup>.

Итак, анализ массового археологического материала показывает, что во второй половине II тыс. до н.э. азиатские степи от Прикаспия до Алтая и пустынные и высокогорные районы Средней Азии были заняты носителями срубной и андроновской культурных общностей. В их развитии выделяется три периода: XVII–XVI вв. до н.э. – время формирования, происходившего в результате процессов интеграции и ассимиляции: срубная общность складывается в Поволжье на основе местной полтавкинской культуры при участии восточноевропейских культур абашевской и многоваликовой керамики; алакульский тип андроновской – в Приуралье и Северном Казахстане на основе местного энеолита при участии абашевского, многоваликового и, видимо, полтавкинского воздействий с запада; федоровский тип, – вероятно, на основе казахстанского энеолита. Второй этап: XV–XIII вв. до н.э. – время расширения ареалов этих культур в процессе колонизации и их активного взаимодействия. В Приуралье образуется широкая зона смешанных срубно-андроновских памятников<sup>74</sup>. В результате продвижения этого смешанного населения в Приаралье и среднеазиатское междуречье здесь при участии местного субстрата формируется тазабагыбская культура. На всей территории Казахстана интенсивно идут процессы взаимодействия федоровской и алакульской культур, что приводит к консолидации андроновской общности. Третий этап: XII–IX вв. до н.э. – переход к яйлажной форме скотоводства, верховой езде, освоению железа и других инноваций в культуре и активного движения на юг.

Продвижение пастушеских племен с севера не носило характера однократной массовой инвазии, а было длительным постепенным процессом. Его начало фиксируют полтавкинские стоянки на Мангышлаке. В третьей четверти II тыс. до н.э. пастушеские племена уже вступили в контакты с земледельцами оазисов юга Средней Азии<sup>75</sup>, что доказывается немногочисленными находками степной керамики без налепного валика в нижней части культурного слоя Намазга VI (XVI–XII вв. до н.э.) на анауских поселениях; появлением изготовленных на гончарном круге сосудов Намазга VI на поселениях тазабагыбской культуры Кокча 15 и 15а в Хорезме, а, главное, на федоровском поселении Павловка в Северном Казахстане в слое, перекрытом каменными оградами финальной бронзы; находками булавок намазгинского типа в Фергане (Хакский клад), Хорезме (литейная форма Кокча 15), Северном Казахстане (имитация из Петропавловского могильника). В степной зоне Средней Азии известны каменные бусы, в том числе из бирюзы и лазурита, изготовленные ювелирами Намазга VI, в могильниках Кокча 3 и Гурдуш, на стоянках на Махан-Дарье и других; импортные каменные бусы изредка встречаются на андроновских памятниках Урала и Казахстана (Синташта, Алакуль, Алабуга, Уралсай, Ушкатта, Киимбай, Аксайман, Боровое, Нуртай, Айшрак, Алтынсу, Большое озеро II у Каркаралинска, Канай) и даже Сибири в могильниках Ростовка и Сопка II; можно полагать, что бронзовые бляхи (рис. 2), распространённые на андроновских памятниках, особенно кожумбердинского и атасуского типов, имитируют бронзовые и каменные печати земледельцев Ирана,

<sup>73</sup> Трофимова Т.А. Черепа из могильника тазабагыбской культуры Кокча 3 // МХЭ. 1961. 5.

<sup>74</sup> Членова. Распространение и пути связей... Карта.

<sup>75</sup> Кузьмина. О южных пределах... С. 146, 149, 154. Табл. на с. 151; Итина. История степных племен... С. 69, 72, 132 сл., 193. Рис. 18, 8; 68, 1; Малютина Т.С. Поселение и могильник у с. Павловка Кокчетавской обл. // АО 1983. М., 1985. С. 513, 514; Гулямов и др. Первобытная культура... С. 202. Табл. XXIII; XXXIV, 23; Kuzmina, Vinogradova. Beziehungen... S. 37; Кузьмина. Металлические изделия... Табл. XVI, 4, 7, 8; Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // ТИИАЭ АН КазССР. 1968. Т. 5. Рис. 30.

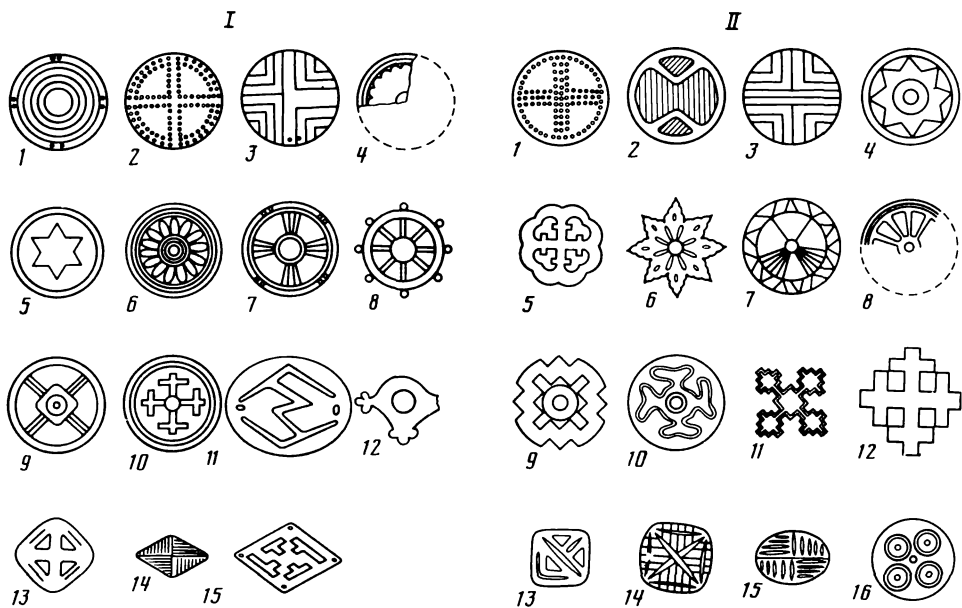


Рис. 2. Андроновские бронзовые бляхи с солярным орнаментом, имитирующие медные и каменные печати Маргианы, Бактрии и Ирана; I – андроновские бляшки: 1 – Тасты-бутак; 2, 3, 14 – Боровое; 4 – Атасу; 5 – Былкылдак III; 6 – Алакуль; 7, 12 – Алексеевка; 8 – Канай; 9, 10 – Былкылдак I; 13 – Малый Койтас; 15 – Агаповка II; II – печати Ирана, Маргианы и Бактрии: 1, 15, 16 – Гиссар; 2 – Аучин; 3, 13, 14 – Гиян; 4, 5, 12 – Бактрия; 6 – Тахирбай 4; 7, 8, 11 – Анау; 9 – Тахирбай 3; 10 – Намазга

Маргианы и Бактрии периода Намазга VI<sup>76</sup>. В Бактрии выявлены следы активного взаимодействия андроновцев с носителями земледельческой культуры Намазга VI на позднем моллалинском этапе и участие федоровцев в сложении бишкентской (вахшской) культуры.

<sup>76</sup> Грязнов. Погребения бронзовой эпохи... С. 209. Рис. 25 (Уралсай – сердоликовая буса); *Кривцова-Гракова*. Алексеевское поселение... Рис. 35, 4; 41 (бляхи); *Оразбаев*. Северный Казахстан... Табл. IV, 8–14; VII, 2 (бляхи – Боровое); VIII, 7–9 (сердоликовые и янтарные бусы – Боровое); *Сальников К.В.* Курганы на озере Алакуль // МИА. 1952. № 24. С. 55, 56, 58, 59, 68, 69. Рис. 5, 7 (бляха, буса из зеленого камня); *Маргулан и др.* Древняя культура... С. 93, 97, 273. Табл. XII; LIV, 13 (бляхи – Былкылдак I, Айшрак); LVII, 4, 9–14 (бусы из зеленого и белого камня – Айшрак, там же янтарная буса); *Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 88. Рис. 3. Табл. XIV, 22; LXXVIIб, 8 (литейная форма бляшки – Канай; бляшка – Малый Койтас); ХХа, 3 (каменная буса – Канай); *Сорокин В.С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. 1962. № 120. Табл. XLI (бляхи); *Итима М.А.* Могильник бронзового века Кокча 3 // Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1961. Вып. 5. С. 86–88. Рис. 28, 7 (бусы сердоликовые); *Матющенко В.И., Ложникова Г.В.* Раскопки могильника у д. Ростовка близ Омска // Из истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 2. С. 23 (бусы из зеленого и белого нефрита); *Кабанов Ю.С. и др.* Андроновские находки на р. Алтын-Су // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 232, 237. Рис. 1, б (две каменные подвески); *Зданович*. Основные характеристики... С. 63 (бусы из бирюзы); *Потемкина*. Бронзовый век... С. 170, 194, 196, 197, 202, рис. 80, б, 8; 88, 1 (бляхи – Алабуга, Убаган, Раскатиха; бусы из бирюзы и серого камня – Алабуга); раскопки Л.Ф. Семенова, колл. Карагандинского музея (бусы сердоликовые – Большое озеро); раскопки Е.Е. Кузьминой (бусы: лазуритовая, из черного и белого камня, сердолика – Ушкатта, Кинмбай); раскопки В.И. Молодина (крестовидные бусы из бирюзы – Сопка II). Приношу благодарность В.Ф. Генингу, Г.Б. Здановичу, В.И. Матющенко, В.И. Молодину за разрешение ознакомиться с материалами. Андроновские бляхи ср. с печатями: *Алиев И.* История Мидии. Баку, 1960. Табл. X, XLIX, XCIV; *Массон*. Древнеземледельческая культура... Табл. IV, 1, 3; XII; XVI; *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. Рис. 33. Табл. XLII–XLVI; *Сарианиди*. Древние земледельцы... Табл. I; III. Рис. 44–50; 63, 64.

Эти факты крайне важны для синхронизации степных памятников с земледельческими, проверки андроновской хронологии и определения времени начала взаимодействия населения двух зон Средней Азии. Однако количество импортов на севере в XV—XIII вв. до н.э. столь невелико, что оно указывает на спортивный характер контактов с земледельцами.

Лишь в конце третьей и особенно в четвертой четверти II тыс. до н.э. пастушеские племена начинают широко осваивать среднеазиатские пустыни и высокогорья. Позднесрубное население движется из Северного Прикаспия на юг по восточному берегу моря вплоть до земледельческих оазисов Туркменистана, позднеандроновское — распространяется из Центрального Казахстана по высокогорьям Тянь-Шаня и Памира вплоть до земледельческих оазисов Таджикистана.

По-видимому, основная причина постоянных передвижений пастушеских племен и освоения ими новых территорий крылась в специфике их хозяйства. В XVII—XIII вв. до н.э. в степях было распространено оседлое комплексное земледельческое и скотоводческое хозяйство с доминантой придомного скотоводства, с преобладанием крупного рогатого скота. Зимой скот содержался в поселке, летом ежедневно возвращался с пастбищ для дойки, что обеспечивало население регулярное питание. Переход к гарантированному мясомолочному рациону привел к демографическому взрыву: продолжительность жизни андроновцев возросла. Создавалось давление избыточного населения, которое должно было уходить и осваивать новые земли.

При придомной форме экстенсивного скотоводства численность стада строго лимитирована площадью ближайших угодий. Стремление увеличить поголовье побуждало осваивать дальние пастбища. Кроме того, при придомном скотоводстве за 20—25 лет ближайшие пастбища истощались и приходилось переносить поселок. Вероятно, одной из причин миграции была также смена экологических условий: в соответствии с ритмами колебания увлажненности и другими факторами в степи периодически складываются благоприятные для скотоводства условия, при которых за короткое время численность поголовья значительно возрастает, что требует смены пастбищ, традиционных маршрутов сезонных перекочевок и вынуждает избыточную часть населения со своим скотом мигрировать. В другие периоды в степях складываются крайне неблагоприятные условия, начинаются падеж скота, эпизоотии и это также оказывается причиной миграции, побуждая население уйти из района, ставшего непригодным для ведения традиционного хозяйства. Все это создавало предпосылки перехода к более прогрессивной подвижной форме скотоводства. Условия для этого медленно вызревали в недрах пастушеских культур: 1) сформировался наиболее пригодный для перекочевок состав стада, в котором на первое место вышел мелкий рогатый скот, увеличилось поголовье лошадей (но свинья в хозяйстве отсутствовала), впервые стал использоваться двугорбый верблюд — бактриан; 2) было изобретено легкое каркасное жилище — протюрта; 3) появились колодцы; 4) произволился сыр и, возможно, кумыс и чал, что позволило длительно сохранять молочные продукты; 5) были выработаны навыки ориентации<sup>77</sup>. Без этих факторов дальние передвижения в степи, а тем более в пустыне и высокогорьях, невозможны. Ни одного из них не существовало в культуре земледельцев. Их традиционное хозяйство, основанное на ирригации, не было приспособлено к дальним миграциям в иной хозяйственно-географической зоне. При разведках в пустынях ремесленная керамика земледельцев не встречается дальше первой гряды барханов. Картографирование же стоянок с керамикой степняков, отражающих путь их передвижений, показы-

<sup>77</sup> Цалкин В.И. Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье // Основные проблемы териологии. М., 1972. С. 66—81; Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата. 1970. С. 136—139; Сорокин В.С. Жилище поселения Тасты-Бутак // КСИА. 1962. Вып. 91; Кузьмина Е.Е., Лившиц В.А. Еще раз о происхождении юрты // Прошлое Средней Азии. Душанбе. 1987, с. 243—250.

вает, что пастухами бронзового века были проложены самые рациональные маршруты, функционирующие до сих пор<sup>78</sup>.

Таким образом, на протяжении II тыс. до н.э. на территории Средней Азии, Казахстана и Северного Прикаспия происходило расселение скотоводческих племен, двигавшихся как в широтном направлении с запада на восток, так и в меридианальном с севера на юг. Никакой встречной массовой миграции земледельческого населения Ирана и юга Средней Азии на север не отмечается. Не прослеживается в этот период и определяющего культурного воздействия со стороны древневосточных цивилизаций.

Продвижение степных племен на юг усилилось в конце II тыс. до н.э., что диктовалось и облегчалось комплексом причин: 1) экономическим фактором — экстенсивным характером придомного скотоводства, повышение продуктивности которого возможно только за счет освоения новых пастбищ, и как результат — переходом к более прогрессивной форме яйлажного скотоводства с сезонными перекочевками части населения и стад, а затем — переходом к кочевому скотоводству, осуществленным в конце эпохи бронзы; 2) распространением всадничества, документированым находками изобретенных в степи типов удил и палиев для верховой езды и типов наступательного оружия конного боя; 3) социальным фактором — расхождением пастушеского общества, документированым появлением семейных кладов бронзовых изделий и появлением грандиозных гробниц знати в Центральном Казахстане; 4) политическим фактором — инвазией с востока носителей карасукской культуры, потеснивших часть андроновского населения; 5) географическим фактором — вероятным изменением в конце бронзового века экологических условий, ставших неблагоприятными для традиционного типа хозяйства (похолоданием).

Южное направление миграции диктовалось тем, что возможности освоения степей в широтном направлении были исчерпаны в третьей четверти II тыс. до н.э.; на севере продвижение лимитировалось зоной тайги, где скотоводство невозможно; кроме того, на юг, вероятно, манили богатства земледельцев и тепло.

В XII—IX вв. до н.э. в степи появляется керамика с налепным валиком. Она найдена в культурном слое периода Намазга VI на поселениях в подгорной полосе Копет-Дага (Анау, Елькен, Намазга, Серманча, Теккем) и в Мургабском оазисе (Аучин, Тахирбай 3, 13, 15, Гонур I, Таип и др.)<sup>79</sup>. В конце периода Намазга VI площадь многих поселений сокращается, другие забрасываются. В Намазга, Елькене, Теккеме степная керамика с налепным валиком перекрывает культурный слой поселений земледельцев, а поселение Теккем погибает от пожара и на пепелище пастухи устраивают свою стоянку. Эти факты — яркое свидетельство того, что вторгшиеся с севера скотоводческие племена способствовали гибели культуры земледельцев, видимо, переживавшей внутренний кризис.

Продвижение на юг пастушеских племен, форсировавших Амударью, фиксируется и в Афганистане, где найдена степная керамика, аналогичная среднеазиатской, бронзовый нож срубно-андроновского типа и двулезвийный кинжал, аналогичные северобактрийским, навершие с протомой лошади, наконец, захоронение лошади в могиле<sup>80</sup>. Интересная картина выявлена на поселении Шортугай: слой

<sup>78</sup> *Виноградов А.В., Кузьмина Е.Е., Смирин В.М.* Новые первобытные памятники в Северо-Восточном Приарале // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973; *Кузьмина Е.Е., Ляпин А.А.* Новые находки степной керамики эпохи бронзы на Мургабе // Археологические памятники Туркменистана. Ашхабад, 1984.

<sup>79</sup> *Массон.* Древнеземледельческая культура... С. 27, 116. Табл. XI; *Кузьмина.* О южных пределах...; *Кузьмина, Ляпин.* Новые находки...; *Сарианиди В.И.* Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА. 1975. № 2; *Масимов И.С.* Изучение памятников эпохи бронзы низовий Мургаба // СА. 1979. № 1. С. 121. Рис. 6, 30–36; *Ганялин А.Ф.* Теккем-тепе // ТИИАЭ АН ТуркмССР. II. С. 36.

<sup>80</sup> *Сарианиди.* Древние земледельцы... С. 5, 66, 148. Рис. 36, левый, 66; *Amiet.* Bactriane protohistorique... Fig. 15, 8.

хараппской культуры перекрыт могилами бишкентской культуры Таджикистана, а в кроющем слое представлена лепная посуда степного типа<sup>81</sup>.

В конце II — начале I тыс. до н.э. появляется мода на орнаментацию посуды налепными валиками в Иране — в Тепе Гияне (откуда происходят также типично степные двукольчатые удила, псалии и бляшки с петелькой, что Р.Гиршман первоначально связывал с миграцией всадников-иранцев из степей), в Афганистане — на Тилля-тепе, Туркмении — Яз I<sup>82</sup>. Распространение на юге моды на орнаментацию посуды налепными валиками, технологически не оправданной на гончарной керамике и представляющей имитацию лепной, и появление металлических изделий, принадлежащих по типу к продукции северных металлургических очагов и не имеющих прототипов в переднеазиатских культурах, указывает на основное направление миграций в XII—IX вв. до н.э., шедших с севера на юг, с территории степей.

Реальность факта миграции подтверждают устанавливаемые археологически уменьшение плотности населения в степях, малочисленность памятников эпохи поздней бронзы по сравнению с памятниками развитого бронзового века, тонкость культурных слоев на поселениях, малочисленность погребений, непропорционально малое число мужских захоронений по сравнению с женскими<sup>83</sup>.

Какова же была этническая принадлежность этого пастушеского населения, отдельные группы которого постепенно проникали в зону древних земледельцев?

В VII—IV вв. до н.э. территория степей Средней Азии, Казахстана и Северного Прикаспия, судя по данным как греческих, так и древнеперсидских письменных памятников, была занята различными кочевыми племенами, говорившими на иранских языках. Исследованиями археологов, особенно К.Ф.Смирнова, К.А.Акишева и Б.А.Литвинского<sup>84</sup> установлено, что их культура генетически связана с предшествующей местной культурой эпохи бронзы. Принципиально важно, что преемственность прослеживается не в отдельных элементах культурного комплекса, а по совокупности признаков — как обусловленных принадлежностью к единой культурно-хозяйственной зоне (что определяет сходство орудий труда, отчасти тип жилища), так и этнически значимых признаков, не связанных со сферой материального производства и поэтому несущих особенно важную информацию о сохранении этнической преемственности: погребальный обряд; круг почитаемых животных, реконструируемый по ритуальным захоронениям и образам в искусстве; технология изготовления керамики; костюм; типы украшений; образы животных, отражающие преемственность мифологических представлений и ритуальной практики; сохранение функционально не обусловленных традиций в производстве.

Поскольку мы признаем ретроспективный метод наиболее надежным методом этнических реконструкций, устанавливаемая по совокупности признаков генетическая преемственность культуры ираноязычных кочевников степей с предшествующей культурой эпохи поздней бронзы дает основание принять гипотезу об индоираноязычной принадлежности населения Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы.

<sup>81</sup> *Francfort H.-P.* The Late Periods of Shortugai and the Problem of the Bishkent Culture. South Asian Archaeology. В., 1979.

<sup>82</sup> *Contenau G., Ghirshman R.* Fouilles du Tépé Giyan près de Nehavend. P., 1935. P. 8, 13; *Сарианиди В.И.* Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. М., 1972. Рис. 7, 2; 9, 1; 12, 1; 22, 4; *Массон.* Древнеземледельческая культура... Табл. XXII, 3; XXIII, 5, 8, 9; XXIV; XXVII; XXVIII, 6.

<sup>83</sup> *Отрощенко В.В.* Срубная культура степного Поднепровья: Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1981. С. 19.

<sup>84</sup> *Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., 1964; *Акишев К.А.* Саки азиатские и скифы европейские // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973; *Литвинский.* Древние кочевники...

Прямая генетическая связь андроновцев и саков подтверждается данными антропологии. Большинство современных народов, говорящих на индоевропейских языках, принадлежит к вариантам европеоидной расы, развивавшейся в Европе с эпохи неолита. Говорящие же на индоиранских языках народы относятся к одному из двух европеоидных типов, различных по своему генезису: 1. Современные северные таджики и древнее ираноязычное население Средней Азии и евразийских степей (саки) принадлежат к антропологическому типу, отличающемуся массивным лицевым скелетом и родственному другим группам индоевропейского населения Европы, причем есть "реальные доказательства исконного формирования северных групп древних иранцев на основе массивных европеоидных комбинаций", ареал которых "охватывал огромную область южно-русских степей, Казахстана и северных районов Средней Азии"<sup>85</sup>. Основным компонентом сложения саков были носители андроновского типа. 2. Другая часть индоиранцев – население Ирана и Северной Индии – принадлежит к долихокранному типу, сформировавшемуся в Передней Азии и фиксируемому в Иране и на юге Средней Азии с неолита, но отличается большой смешанностью расовых типов, указывающей на участие в их формировании пришлых компонентов<sup>86</sup>.

В мифологии народов Ирана и Индии сохранились предания о приходе их с легендарной северной прародины, проанализированные Г.М.Бонгард-Левиным и Э.А.Грантовским<sup>87</sup>. В Авесте отражено представление о родстве всех ираноязычных народов: по легенде их прародитель Тразтаона разделил землю между тремя сыновьями: Сайримой, от которого произошли савроматы (в историческую эпоху обитавшие от Дона до Урала), Турой, от которого произошли туранцы (Тураном называлась северная часть Средней Азии), и младшим сыном – Ираджем, родоначальником жителей Ирана<sup>88</sup>. Есть в Авесте и предание о переселении родоначальником Йимой своего народа на юг вследствие перенаселения и о наступившем на прародине похолодании (Видевдат. II 3).

На северную прародину указывает и одна интересная мифологема: в Ардвисур Яште богиня Анахита изображена в бобровой шубе. Такой атрибут божества мог возникнуть только в результате более древних представлений о связи богини-покровительницы вод с этим животным, обитающим в воде<sup>89</sup>. Кости бобра широко представлены в материалах андроновских поселений: на Урале (Кипель, Ново-Бурино), в Притоболье (Алексеевка), Центральном (Шортанды) и Восточном Казахстане (Усть-Нарым, Мало-Красноярка, Трушниково), на Оби в могильнике Пичугино найден череп бобра<sup>90</sup>.

Ареал бобра в Старом Свете был ограничен лесной зоной; казахстанские находки фиксируют самые южные пределы распространения этого вида, в настоящее

---

<sup>85</sup> *Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970. С. 18–21, 33.

<sup>86</sup> *Алексеев В.П.* Антропологические аспекты индоиранской проблемы // ЭПИЦАД. С. 199–207; *Алексеев В.П., Гохман И.И.* Антропология Азиатской части СССР. М., 1984. С. 21, 27, 35.

<sup>87</sup> *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. М., 1983.

<sup>88</sup> *Christensen A.* Les types du premier homme et du premier roi dans l'histoire légendaire des iraniens // Archives d'études orientales. № 27. Uppsala, 1934.

<sup>89</sup> *Рапопорт Ю.А.* Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971. С. 31.

<sup>90</sup> *Кривцова-Гракова.* Алексеевское поселение... С. 102; *Черников.* Восточный Казахстан... С. 65; *Цалкин.* Фауна из раскопок... Табл. 6; *Макарова Л.А.* Кости животных из некоторых археологических раскопок в Казахстане // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 203; *она же.* Материалы к охотничье-промысловой фауне эпохи неолита и бронзы Казахстана // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 138; *Смирнов Н.Г.* Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне // ВАУ. Вып. 13. С. 32 сл.; *Мартьянов А.И.* Из истории Кузбасса. Кемерово, 1964. С. 240; *Потемкина.* Бронзовый век... С. 309.

время здесь уже не встречающегося<sup>91</sup>. Значит, мифологический образ водной богини с бобром мог сложиться только в этой зоне. Следует отметить, что культ матери-бобрини очень развит у финно-угорских народов – соседей древних иранцев. Связь богини-матери с обитателем водной стихии отмечается и у других ираноязычных степных народов: у скифов это змееногая нимфа – дочь Борисфена (Днепра), у нартов – прародительница Дзерассы – дочь Донбеттыра, живущая в воде в облике водяной черепахи<sup>92</sup>.

В этой связи интересно, что в индоарийском языке соответствующее общеевропейское слово, восходящее к лексеме "вода", означает вообще культовое водяное животное<sup>93</sup>. Как нам представляется, эти данные, вопреки мнению Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова, позволяют говорить о древнем происхождении этого культа и указывают на его сложение в евразийской лесостепной зоне.

Археологические материалы дают основание связать с Казахстаном и формирование другого персонажа индоиранской мифологии – Митры, культ которого сложился в эпоху индоиранской общности и был очень развит у восточноиранских народов вплоть до периода арабского завоевания. В Ригведе и Авесте Митра выступает как солярное божество с солнечным ликом с сияющими лучами, сопоставляемым с колесом солярной колесницы, с одним глазом-солнцем или с тысячью глаз, которыми Митра следит за поддержанием мирового порядка и соблюдением договора. Древнейшие изображения этого персонажа представлены на петроглифах Семиречья в Саймалыташ и Тамгале и бесспорно датируются доскифской эпохой (есть петроглиф-палимпсест, где изображение антропоморфного персонажа перекрыто раннескифским оленем). Антропоморфные фигуры то схематичны и подобны изображениям повозок с колесом и спицами, то представляют персонаж с круглой головой и одним глазом посреди или со множеством глаз и лучами, число которых обычно кратно 3 и 7. Известные поздние изображения Митры восходят к этой иконографии, причем на петроглифах есть и композиция с Митрой, стоящим на спине быка с солярными знаками<sup>94</sup>.

Сопоставления реконструируемого по письменным источникам типа хозяйства индоиранцев и таких этнографически значимых категорий их материальной культуры, как керамика, жилище, костюм, с археологическими реалиями двух областей Старого Света позволяют полагать, что культура предков индоиранцев на прародине была близка культуре пастушеских племен евразийских степей II тыс. до н.э., особенно срубников и андроновцев<sup>95</sup>. В их культуре находят истоки и погребальный обряд, и мифологический bestiарий древних индоиранцев, что служит весомым аргументом в пользу индоиранской атрибуции пастушеских племен Средней Азии и Казахстана эпохи бронзы.

Можно полагать, что разные типы андроновской общности, а также родственные срубная, тазабагьябская и, возможно, вахшская культуры отражают этно-

<sup>91</sup> *Скалон В.Н.* Речные бобры Северной Азии. М., 1951; *Дежкин В.В.* Современное распределение бобров в Евразии // Зоологический журнал. 1961. Т. XI. Вып. 1; *Лавров Л.С.* Бобры Палеарктики. Воронеж, 1981. Рис. 47; *Афанасьев А.В., Баженов В.С., Королев М.Н. и др.* Звери Казахстана. Алма-Ата, 1953. С. 185; *Кожамкулова Б.С.* Антропогенная ископаемая териофауна Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 23; *Лычев Г.Ф.* Ископаемые бобры Казахстана: Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1977.

<sup>92</sup> *Кузьмина Е.Е.* Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинскогоклада // Искусство Востока и античности. М., 1977. С. 21.

<sup>93</sup> *Гамкрелидзе, Иванов.* Ук. соч. Т. II. С. 529–531.

<sup>94</sup> *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. Рис. 34, 43–45; *Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н.* Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата, 1985. Рис. 2–13.

<sup>95</sup> *Rau W.* Zur Vedischen Altertumskunde. Wiesbaden, 1983. *Кузьмина.* Происхождение индоиранцев...; *она же.* Лингвистический и археологический аспекты происхождения индоиранцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1984. С. 44–47.

графические культуры различных племен индоиранской общности, уже распавшейся на степной прародине задолго до начала миграции в Индию и Иран. Такое предположение подтверждается данными Махабхараты, где перечисляются многочисленные родственные ариям племена.

Представляется, что проникновение на юг носителей различных индоиранских диалектов было длительным разновременным процессом, не сопровождавшимся массовой сменой аборигенного населения. Как уже приходилось писать, при миграции в более передовую культурно-хозяйственную зону пришлое население усваивает основной комплекс материальной культуры аборигенов, приспособленный к местным экологическим условиям и потребностям хозяйства. Основными ремесленниками также остаются аборигены, поэтому смены комплекса материальной культуры не происходит и инновации отмечаются лишь в духовной культуре, археологически отражаемой в погребальном обряде, образах искусства и в некоторых освященных традицией и ритуализованных сферах материального производства. Это предположение подтверждается данными ахеменидских письменных источников, в которых ремесленниками выступают неиранцы, и, что особенно интересно, — текстами Шатапатха-Брахманы и Черной Яджурведы, в которых содержится предписание не использовать в ритуале керамику, изготовленную ремесленником-шудрой на гончарном круге, а собственноручно сделать лепной сосуд по рецепту предков<sup>96</sup>. Поэтому поиск следов миграции иранцев в Иране и индийцев в Индии должен ограничиться выяснением изменений в области духовной культуры, а в области материальной культуры — немногих инноваций, служащих этническими индикаторами. На юге Средней Азии и в Иране к числу этих черт принадлежат смена погребального обряда, появление культа коня, фиксируемые ритуальными захоронениями и образами в искусстве<sup>97</sup>, распространение у земледельческих народов экологически не обусловленного костюма, возникшего в степях и общего с кочевниками, влияние гончарных традиций степных племен — появление, наряду с гончарной, лепной посуды или ее имитаций (орнаментация налепными валиками).

Итак, проведенный анализ позволяет установить постепенное продвижение различных родственных пастушеских племен Казахстана и Средней Азии на юг на протяжении II тыс. до н.э., что, может быть, отражает процесс расселения племен индоиранской общности. Встречная миграция из Ирана в Прикаспий в археологических материалах Средней Азии III—II тыс. до н.э. не фиксируется.

## L'IDENTITÉ CULTURELLE ET ETHNIQUE DES TRIBUS PASTORALES DU KAZAKHSTAN ET DE L'ASIE CENTRALE À L'ÂGE DU BRONZE

*Je. Je. Kuzmina*

Les steppes et les montagnes d'Asie centrale furent une zone de contact où avaient lieu les migrations et s'effectuaient les rapports culturels entre les éleveurs et les agriculteurs, aussi l'étude des monuments de ce territoire est-elle importante pour la solution des problèmes ethniques. L'identité culturelle des monuments du Kazakhstan et de l'Asie centrale suscite toujours des controverses, ce qui rend nécessaire une analyse critique des hypothèses inconciliables entre elles avancées jusqu'ici.

En se basant sur l'analyse de 250 nécropoles et de 170 agglomérations de la région, l'auteur classe le matériel au moyen de la corrélation d'une somme de caractères et les distribue entre les types

<sup>96</sup> *Rau W.* Töpferei und Tongeschirr im vedischen Indien. Wiesbaden, 1972; *Грантовский Э.А.* "Серай керамика", "расписная керамика" и индоиранцы // ЭПИЩАД; *Кузьмина.* Происхождение гончарства.

<sup>97</sup> *Погребова М.Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977; *она же.* К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточном Закавказье в доскифскую эпоху // СА, 1977, № 1; *она же.* Закавказье и его этнические и культурные связи с Ираном (XIII—VI вв. до н.э.) // Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1986; *Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев...; *она же.* О некоторых археологических аспектах.



Н.Е. Сазонова

## К ВОПРОСУ О СЛОЖЕНИИ ГОРОДА

**В**опрос о сложении города неоднократно поднимался в специальной литературе. Материал, накопленный по этой теме, весьма обширен и позволяет обобщить выводы, полученные при решении проблем сложения конкретных городов.

В последнее время в советской литературе появился ряд исследований, в которых авторами сделаны попытки именно таких обобщений. Следует назвать прежде всего статьи Э.В. Сайко<sup>1</sup> и Ю.В. Андреева<sup>2</sup>. По мнению Э.В. Сайко, ранний город возникает на базе отделения ремесла от сельского хозяйства (с. 186) и может быть определен как производственный центр раннеклассового общества. Ю.В. Андреев считает, что город можно определить как "устойчивую полифункциональную форму территориальной консолидации гетерогенного населения, непосредственно не занятого в сфере сельскохозяйственного производства" (с. 6). По сути точка зрения Ю.В. Андреева шире и включает в себя то понимание города, которое предлагает Э.В. Сайко: город трактуется как центр одновременно ремесленного производства, торговли, управления, обороны и культуры. Ю.В. Андреев отмечает, что "этот главный сущностный признак города обычно проявляется в достаточно ясно выраженной форме... лишь на сравнительно поздних стадиях развития основных общественных формаций древнего мира, но никак не в момент их зарождения в начале бронзового века"<sup>3</sup>. Как следствие приложения этого определения к конкретным поселениям пришлось бы исключить из числа городов знаменитые урбанизированные центры Мезоамерики и Месопотамии, поскольку в них проживали в основном земледельцы<sup>4</sup>.

Нетрудно заметить, что для Ю.В. Андреева определяющим обстоятельством стало количественное превосходство той или иной из двух категорий населения, городского и сельского, в то время как было бы, очевидно, корректнее обратиться к поискам *качественного* отличия населения раннегородских центров от земледельцев-общинников первобытности. Как известно, количественное господство в рамках одного социума редко играло в древности решающую роль, в то время как качественное превосходство небольших прослоек и групп населения определяло в сущности принадлежность общества к той или иной формации.

Далее, вовсе не бесспорным представляется методологический принцип Ю.В. Андреева — искать "главный сущностный признак" города на далеко не ранних этапах процесса урбанизации. Города с самого начала своего существования качественно отличались от ранних сельскохозяйственных поселений, а потому следует искать определяющие, ведущие признаки города на ранних этапах его

<sup>1</sup> Сайко Э.В. Формирование древнейших городов и становление раннеклассового общества (Методологические аспекты) // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.

<sup>2</sup> Андреев Ю.В. Ранние формы урбанизации // ВДИ. 1987. № 1.

<sup>3</sup> Там же. С. 6 сл.

<sup>4</sup> Там же. С. 7. Прим. 24.

развития, пока качественное отличие города от села еще не "обросло" местными особенностями и теми новыми признаками, которые вторичны по отношению к ведущим и первоначальным.

Чтобы предложить конструктивное решение вопроса о сложении города, следует в двух словах очертить ситуацию, сложившуюся в урбанистике. Как правило, авторы, характеризуюя город, не выходят за пределы списка признаков города (городской цивилизации), предложенного еще в 1950 г. Г. Чайлдом: 1) размеры поселения; 2) централизованное накопление капитала (дань, налоги и т.д.); 3) монументальное строительство; 4) письменность; 5) развитие наук; 6) международная торговля; 7) стратификация общества, государство; 8) сложное искусство<sup>5</sup>. Нередко различные авторы, критикуя Чайлда, противопоставляют его списку признаков предлагаемые ими перечни функций города<sup>6</sup>, совершая недопустимую подмену термина. Справедливость большей части этого списка в качестве археологических признаков города показана В.И. Гуляевым<sup>7</sup>.

В попытках определить город как явление социально-экономической жизни общества исследователи нередко рассматривают и сопоставляют города, стоящие на разных этапах развития, как стадийно синхронные, подменяя выявление первоначальных и важнейших функций города констатацией состояния давно сложившихся центров<sup>8</sup>. Нередко при сопоставлении даже стадийно синхронных городов не учитывается различие их происхождения, что приводит к смешению различных по своей сущности процессов<sup>9</sup>. Поэтому до сих пор нет ни разработанной типологии, ни общепринятой терминологии поселений вообще, и городов в частности<sup>10</sup>.

Не совсем понятно и стремление ряда исследователей выдать социально-экономические процессы, приведшие к сложению ситуации, в условиях которой возник феномен города, за непосредственную причину его возникновения и главную характеристику раннегородских центров. Такие процессы, как сложение ирригационного земледелия<sup>11</sup>, выделение ремесла из сельского хозяйства и развитие торговли<sup>12</sup>, бесспорно, связаны с формированием городов, но вряд ли сыграли роль непосредственно определяющих факторов градообразования. При

<sup>5</sup> *Childe V.C. The Urban Revolution // Town Planning Review. 1950.*

<sup>6</sup> *Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока VII – середины XIII в. М., 1984. С. 3–10; Гуляев В.И. Города-государства майя. М., 1979. С. 14–18; Литвинский Б.А. Древний среднеазиатский город // Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973. С. 100, 104 сл.*

<sup>7</sup> *Гуляев. Ук. соч. С. 18 сл.*

<sup>8</sup> *Большаков. Ук. соч.; Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.*

<sup>9</sup> *Большаков. Ук. соч.; Гуляев. Ук. соч.*

<sup>10</sup> *Большаков. Ук. соч. С. 9 сл.; Сюзюмов М.Я. Проблема возникновения средневекового города в Западной Европе // Средние века. Вып. 31. М., 1968.*

<sup>11</sup> *Виноградов И.В. Раннее и Древнее царства Египта // ИДМ. Т. I. С. 93 сл.; Дьяконов И.М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и история путей развития // Там же. С. 31–35; Дьяконов И.М., Якобсон В.А. "Номовые государства", "территориальные царства", "полисы" и "империи". Проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2. С. 6; Кирчо Л.Б. Проблема древних городов и урбанизации в освещении западных исследователей // Древние города. Л., 1977; Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (В свете данных археологии). Л., 1976. С. 143.*

<sup>12</sup> *Арешян Г.Е. Ранний город как специфическая форма социокультурной организации // Древние города. Материалы Всесоюзной конференции "Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья" (Пенджикент, окт. 1977 г.). Л., 1977. С. 15; Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 99; Дубов И.В. Города, величеством сияющие. Л., 1985. С. 24; Заднепровский Ю.А. Типология и динамика развития городских поселений древней Ферганы // Древний город Средней Азии. Л., 1973. С. 17; Кошеленко. Ук. соч. С. 16; Сайко Э.В. Экономические основы формирования города по археологическим данным // Древний город Средней Азии. Л., 1973; она же. Предпосылки и условия формирования древнего города // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 52; Кирчо. Ук. соч. С. 27 сл.*

этом многие авторы стремятся выделить один, по их мнению, наиболее существенный показатель (так называемый "ведущий признак") города, но делается это на локальных во времени и в пространстве примерах, отчего местные особенности заслоняют сущность явления<sup>13</sup>. Проблема запутана еще и тем, что часто город складывающийся ("предгородское поселение") либо не отличают от города, уже сложившегося, либо вообще лишают права называться городом<sup>14</sup>.

Такое явление мирового масштаба, каким стал город, всегда и везде должно было иметь *одинаковую* сущность, по крайней мере на раннем этапе своего развития. Тогда и формы проявления этой сущности должны быть едины. В самом деле, в Шумере и Мезоамерике ранние города возникали вокруг культовых центров<sup>15</sup>, в древней Греции, древней Руси и в государствах средневековых кочевников — вокруг административных<sup>16</sup>. Таким образом, силой, организующей население будущего города, всегда становились *надстроечные* институты<sup>17</sup>. Наличие в складывающемся городе администрации и жречества создавало постоянный рынок и привлекало в город ремесленников, организующих в городе свои мастерские и, естественно, нередко группирующихся по профессиональному признаку<sup>18</sup>; именно наличие постоянного рынка сбыта обеспечило городу приобретение функций торгово-ремесленного центра, в то время как в деревне (например, в Мезоамерике<sup>19</sup> и Китае<sup>20</sup>) продолжало существовать дошедшее крестьянское ремесло: городской ремесленник работал на нужды администрации и жречества, сельский — на свои<sup>21</sup>. Таким образом, выделение ремесла из сельского хозяйства нельзя относить к числу непосредственных причин градообразования, — наоборот, градообразование послужило катализатором этого процесса. Ремесленные поселки и торговые фактории не приобретали статуса городов, пока не включались в административно-культурную сеть государственного образования, на территории которого находились<sup>22</sup>.

Таким образом, первоначальная и на раннем этапе безусловно основная функция города определялась явлениями надстройки: ранние города были политико-административными, культовыми и (или) военными центрами. С этим хорошо

<sup>13</sup> *Большаков*. Ук. соч. С. 10 сл.; *Кошеленко*. Ук. соч. С. 16 сл.; *Дубов*. Ук. соч. С. 13 сл.

<sup>14</sup> *Большаков*. Ук. соч. С. 10. Прим. 7.

<sup>15</sup> *Гуляев*. Ук. соч. С. 95; *Дьяконов И.М.* Протописьменный период в Двуречье // ИДВ. Ч. I. М., 1983. С. 140; *Меликишвили Г.А.* Об основных этапах развития древнего ближневосточного общества // ВДИ. 1985. № 4. С. 3 сл.

<sup>16</sup> *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 224, 227, 232; *Федоров-Давыдов Г.А.* Исследование социальной структуры средневекового города при археологических раскопках (По материалам золотоордынских памятников) // Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Л., 1970; *Насонов А.Н.* "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 22–24; *Плетнева С.А.* Города кочевников // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987; *Янин В.Л., Алешковский М.Х.* Происхождение Новгорода (К постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 60.

<sup>17</sup> *Андреев Ю.В.* Крито-микенский мир // ИДМ. Т. I. С. 280–282; *Гуляев*. Ук. соч. С. 79, 83, 85 сл., 96, 99; *Фроянов*. Ук. соч. С. 232.

<sup>18</sup> *Андреев Ю.В.* Греция в архаический период и создание классического греческого полиса // ИДМ. Т. II. С. 71; *Гуляев*. Ук. соч. С. 63–68; *Стужина Э.П.* Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М., 1979. С. 26–31; Древнемонгольские города. М., 1965. С. 131; *Сюзюмов*. Ук. соч. С. 115; *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство. Л., 1986. С. 219 сл.; *Кочакова Н.Б.* Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея). М., 1986.

<sup>19</sup> *Гуляев*. Ук. соч. С. 63–68.

<sup>20</sup> *Стужина*. Ук. соч. С. 92–93.

<sup>21</sup> *Распопова В.И.* Согдийский город и деревня в начале VIII в. // Древние города. Л., 1977; *Кочакова*. Ук. соч. С. 251.

<sup>22</sup> *Стужина*. Ук. соч. С. 92 сл.; *Распопова В.И.* К вопросу о специфике города и сельских поселений раннесредневекового Согда // Успехи среднеазиатских археологов. Л., 1979. С. 25 сл. Прим. 19.

согласуется предположение о том, что в подавляющем большинстве случаев механизм образования городов сводился к явлениям типа синойкизма<sup>23</sup>, нередко обусловливавшим общинно-поквартальную застройку жилых массивов<sup>24</sup>. В то же время застройка городов кочевников была усадебной, т.е. иррегулярной, и подчинялась иному принципу пространственной организации, характерному для скотоводческих стойбищ<sup>25</sup>. Город, очевидно, был явно государственным центром и в своей основе вступал в диалектическое противоречие с общинами, составлявшими основную массу его окружения и иногда населения. Поэтому очевидно и то, что развитие города как социального явления шло по пути развития конфликта между противостоящими силами – общиной и государством, по пути их борьбы<sup>26</sup>.

Развитие специфически городской культуры приводило к сложению стереотипа восприятия города как своего рода микрокосмоса<sup>27</sup>. Сложение *идеи города* позволило как бы трансплантировать ее, т.е. совершить целенаправленную акцию градостроительства<sup>28</sup>. Поэтому необходимо ввести различие городов по их происхождению: 1) города, возникшие в результате процесса *градообразования* (города I порядка), и 2) города, возникшие вследствие акции *градообразования* и не имеющие поэтому "догородской" истории (города II порядка)<sup>29</sup>. Возникновение городов II порядка стало возможно только тогда, когда в результате развития городов I порядка идея города уже сформировалась как стереотип мышления и строители заранее знали, что строят *город*, а не что-то другое. Характерно, что города раннесредневековых кочевников, построенные людьми, безусловно знакомыми с земледельческими городами, следовали схеме градообразования, т.е. сселения будущих горожан к административному, культовому или военному центру<sup>30</sup>.

Многие исследователи, анализируя признаки и (или) функции города, в качестве основной характеристики называют отличие города от деревни<sup>31</sup>. Однако плодотворность этого противопоставления остается, как правило, незамеченной; город вообще противопоставляется деревне вообще<sup>32</sup>. Здесь, вероятно, необходимо акцентировать внимание на по меньшей мере два обстоятельства. Во-первых, город может быть противопоставлен *синхронной* ему деревне, во-вторых, город может быть противопоставлен *предшествующему* ему поселению. Очевидно, что возникновение и развитие городов не могло не повлиять на ход развития

<sup>23</sup> Андреев. Греция... С. 74; Дубов. Ук. соч. С. 19; Дьяконов. Протописменный период... С. 129; Гуляев. Ук. соч. С. 95 сл.; Литвинский. Ук. соч. С. 105; Тиранян Г.А. К вопросу о городах Армении доэллинистического времени (VI–IV вв. до н.э.) // Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973. С. 93; Фроянов. Ук. соч. С. 221; Кочакова. Ук. соч. С. 221.

<sup>24</sup> Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983. С. 124 сл.; Стужина. Ук. соч. С. 16–22, 100, 104.

<sup>25</sup> Плетнева. Ук. соч. С. 206 сл.

<sup>26</sup> Грибов Р.А. Северо-месопотамский город в начале XIX – первой половине XVIII в. до н.э. по текстам из Мари // Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973. С. 27–29; Кинжалов Р.В. Культура древних майя. Л., 1971. С. 120; Куция К.К. Городской строй Сефевидского государства // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979. С. 161–166. Прим. 24; Дьяконов. Протописменный период... С. 192; Степугина Т.В. Первые государства в Китае // ИДМ. Т. I. С. 157; Стужина. Ук. соч. С. 93–96; Кочакова. Ук. соч. С. 255 сл.

<sup>27</sup> Долгих В.М., Левинсон А.Г. Архаическая культура и город // ВФ. 1971. № 7. С. 91–103; Стужина. Ук. соч. С. 16–22, 100, 104.

<sup>28</sup> Сюзюмов. Ук. соч. С. 87; Хахутайшвили Д.А. Возникновение городов Иберии и их развитие в античную эпоху // Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973. С. 180.

<sup>29</sup> Массон В.М. Топология древних городов и исторический процесс // Древние города. Л., 1977. С. 6; Хахутайшвили. Ук. соч. С. 180.

<sup>30</sup> Плетнева. Ук. соч. С. 204–210.

<sup>31</sup> Большаков. Ук. соч. С. 9; Гуляев. Ук. соч. С. 15; Сюзюмов. Ук. соч. С. 77.

<sup>32</sup> Греков. Ук. соч. С. 161; Фроянов, Дворниченко. Ук. соч. С. 217 сл.

сельских поселений, поэтому "деревня" догородской эпохи качественно отличается от деревни эпохи городов. Поскольку ведущим механизмом градообразования был синойклизм (или сходные явления), постольку количество жителей раннего города вряд ли превышало число жителей поселений, образующих город. Поэтому никакие количественные показатели не могут служить критериями города; во всяком случае, это не всеобщее правило<sup>33</sup>. Скорее всего, речь должна идти о качественном скачке в развитии поселения, в результате которого оно становится политико-административным, военным или религиозным центром своей округи, т.е. образованием государственного типа, приходящим на смену общинно-родовой организации догородских поселений<sup>34</sup>. Отсюда и выявляются признаки города и городской цивилизации, перечень которых предложен еще Г. Чайлдом в 1950 г.

Предлагаемая Ю.В. Андреевым дефиниция города основана на количественном превосходстве несельскохозяйственного населения в городе. Однако в эпоху политогенеза и классообразования логичнее выделять как основные группы населения не горожан и селян, а эксплуататоров и организаторов производства, с одной стороны, и эксплуатируемых непосредственных производителей — с другой. Оба этих класса древних обществ представлены как в городах, так и в сельских поселениях, и процесс урбанизации есть не что иное, как материализация их изначального конфликта и средство его разрешения в пользу государства. Иными словами, город есть отражение процесса классообразования в материальной культуре.

Давно названы и причины появления городов. В первую очередь это разделение труда и наличие прибавочного продукта<sup>35</sup>, возможность его отчуждения путем эксплуатации соплеменников<sup>36</sup> или соседей (война)<sup>37</sup>. В процессе развития управления экономикой, интенсифицированной во время неолитической революции, и складывается институт государственной власти — вместе с дифференциацией общества<sup>38</sup>. Резиденцией этого института подавления и эксплуатации становится город.

Итак, город есть продукт качественного скачка в развитии общества, скачка, обусловленного общим прогрессом экономики после неолитической революции. Первоначальной функцией города была надстроечная функция административно-политического, религиозного и (или) военного центра. Признаками города могут быть любые явления, обуславливаемые исключительно причинами возникновения и первичной функцией города (если, конечно, они выступают в комплексе). Поэтому в основание типологии городов, видимо, должны быть положены не функциональные особенности центров, находящихся на различных этапах развития и поставленные в те или иные конкретные социально-экономические усло-

---

<sup>33</sup> Ким О.А. Проблема определения общественно-экономического строя древнего хорезмского государства в советской историографии // Раннеклассовые формации. Теоретические проблемы становления государства и города. М., 1984; Кирчо. Ук. соч.

<sup>34</sup> Дубов. Ук. соч. С. 19; Дьяконов. Протописменный период... С. 129; Стужина. Ук. соч. С. 26; Фроянов. Ук. соч. С. 229.

<sup>35</sup> Большаков. Ук. соч. С. 10 сл.; Дьяконов. Протописменный период... С. 127–129; Сайко. Формирование...; Сюзюмов. Ук. соч. С. 78, 81.

<sup>36</sup> Дьяконов, Якобсон. Ук. соч. С. 7; Кинжалов. Ук. соч. С. 115–119; Кнорозов Ю.В. Сообщение о делах в Юкатане Диего де Ланда. Перевод, примечания. М.—Л., 1955, С. 9–40.

<sup>37</sup> Андреев. Крито-микенский мир. С. 285; Гиоргадзе Г.Г. Хеттское царство // ИДМ. Т. I. С. 211; Дьяконов, Якобсон. Ук. соч. С. 7; Кнорозов. Ук. соч. С. 39; он же. Иероглифические рукописи Майя. Л., 1975. С. 250; Кинжалов. Ук. соч. С. 129; Степугина. Ук. соч. С. 153; Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство. Л., 1986. С. 75.

<sup>38</sup> Гуляев. Ук. соч. С. 44–63; Дьяконов. Протописменный период... С. 126–129; Дьяконов, Якобсон. Ук. соч. С. 3; Кнорозов. Иероглифические рукописи... С. 230; Кинжалов. Ук. соч. С. 74–76; Степугина. Ук. соч. С. 193.

вия<sup>39</sup>, а безусловное различие процессов градообразования и градостроительства (т.е. городов I и II порядков). Функциональные же особенности в этом случае станут основаниями следующих уровней классификации. Место города в типологии поселений следует определять, исходя из двойного противопоставления города сельским поселениям (как предшествующим, так и синхронным), из вытекающего отсюда противопоставления "деревни" догородской эпохи деревням эпохи городов, а также из определяемого самим фактом противопоставления города деревне качественного отличия городов от их окружения.

---

<sup>39</sup> *Массон. Типология...* С. 6.

## A PROPOS DE LA GENESE DES VILLES

*N. Je. Sazonova*

Le problème de l'urbanisation de haute époque peut être examiné en s'appuyant sur deux principes fondamentaux de méthode: 1) la recherche des indices déterminants de base qui caractérisent les villes aux étapes précoces de leur développement et 2) la détermination des différences qualitatives entre les habitants des villes de haute époque et les agriculteurs membres des communes rurales de la société primitive. On suppose que le phénomène universel de la ville a toujours et partout eu, à ses premières étapes, une nature identique. Comme le montrent les recherches les plus récentes, les villes précoces du Vieux monde et du Nouveau monde se constituaient autour des centres administratifs et politiques, culturels ou militaires, ce qui provoquait la concentration ultérieure d'artisans et de commerçants dans les villes de haute époque. L'organisation communale de la grande masse de la population des villes précoces entraînait en contradiction dialectique avec les institutions de l'Etat. Aussi l'histoire de l'urbanisme de haute époque nous apparaît-elle comme l'histoire d'une confrontation interminable entre l'Etat et la commune. Le développement d'une culture spécifiquement urbaine rendait plus complexe l'idée de ville qui pouvait être transplantée et contribuer à la fondation de villes nouvelles. D'où la première division fondamentale des villes en villes nées spontanément du fait de l'astygenèse (villes du 1<sup>er</sup> ordre) et villes nées du fait d'une urbanisation délibérée (villes du 2<sup>nd</sup> degré). L'urbanisation dans sa totalité peut être interprétée comme le résultat d'un bond qualitatif dans le développement social provoqué par les progrès généraux de l'économie après la révolution du néolithique. Comme critères archéologiques de la présence d'une ville précoce peuvent donc servir tous les phénomènes exigeant l'existence des causes et des fonctions premières propres à des centres proto-urbains.

Е. М. Алексеева

## ГОРГИППИЯ В СИСТЕМЕ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

**С**ложная ситуация на Боспоре середины I в. до н.э. несколько стабилизировалась при Асандре (47–17 гг. до н.э.)<sup>1</sup>. Он провел обширные мероприятия по укреплению обороноспособности государства, соорудив на европейской части Боспора вал со многими башнями (Strabo. VII. 4. 1, 6). Археологические исследования последних десятилетий выявили сеть крепостей и укрепленных поселений на азиатской стороне Боспора, построенных, очевидно, также при Асандре. Сложная система укреплений опоясала остров, существовавший на месте северо-западной части современного Таманского полуострова и заключенный между Меотидой, Корокондамитским озером и протоком Антикита (Кубани), – важный административный округ в государстве<sup>2</sup>. Цепь укреплений тянется и далее к юго-востоку, она хорошо прослежена на участке между Горгиппией и Батами<sup>3</sup>.

Подступы к Горгиппии с суши прикрывала мощная крепость, исследовавшаяся около станицы Анапской в 1978–1980 гг. (рис. 1). Она занимает чрезвычайно выгодное положение – на краю природной возвышенности. С этой точки местности можно держать под контролем широкую равнину с выводящей из города дорогой и значительную полосу предгорий. Укрепление у станицы Анапской на первом этапе своего существования являлось домом-башней (рис. 1, В<sup>4</sup>) с примыкавшим к нему обнесенным каменной оградой хозяйственным двором (рис. 1, Б – двор раскопан частично). Каменные стены здания имели ширину 2,3 м, дворовой ограды – 1,7 м. Крепость располагалась на мысу, примыкая к естественному обрыву над ныне топкой местностью вдоль речки. Судя по топографии, мыс с юго-восточной стороны мог быть окружен рвом. Никаких следов земледельческо-хозяйственной деятельности и остатков неукрепленных жилищ на примыкающем к крепости равнинном участке, постоянно распахиваемом под зерновые, пока не обнаружено. Внутренняя площадь здания достигала 88 кв.м. Оно делилось на два помещения, было ориентировано углами по сторонам света и крыто черепицей. Размеры здания и толщина его каменных стен позволяют предполагать, что высота его была не ниже 9 м. На второй этаж вела деревянная лестница, упиравшаяся в мощное каменное основание в северном углу постройки. Каменные стены башни уцелели на высоту до 1,7 м, на оба фаса каждой стены выведены большие камни,

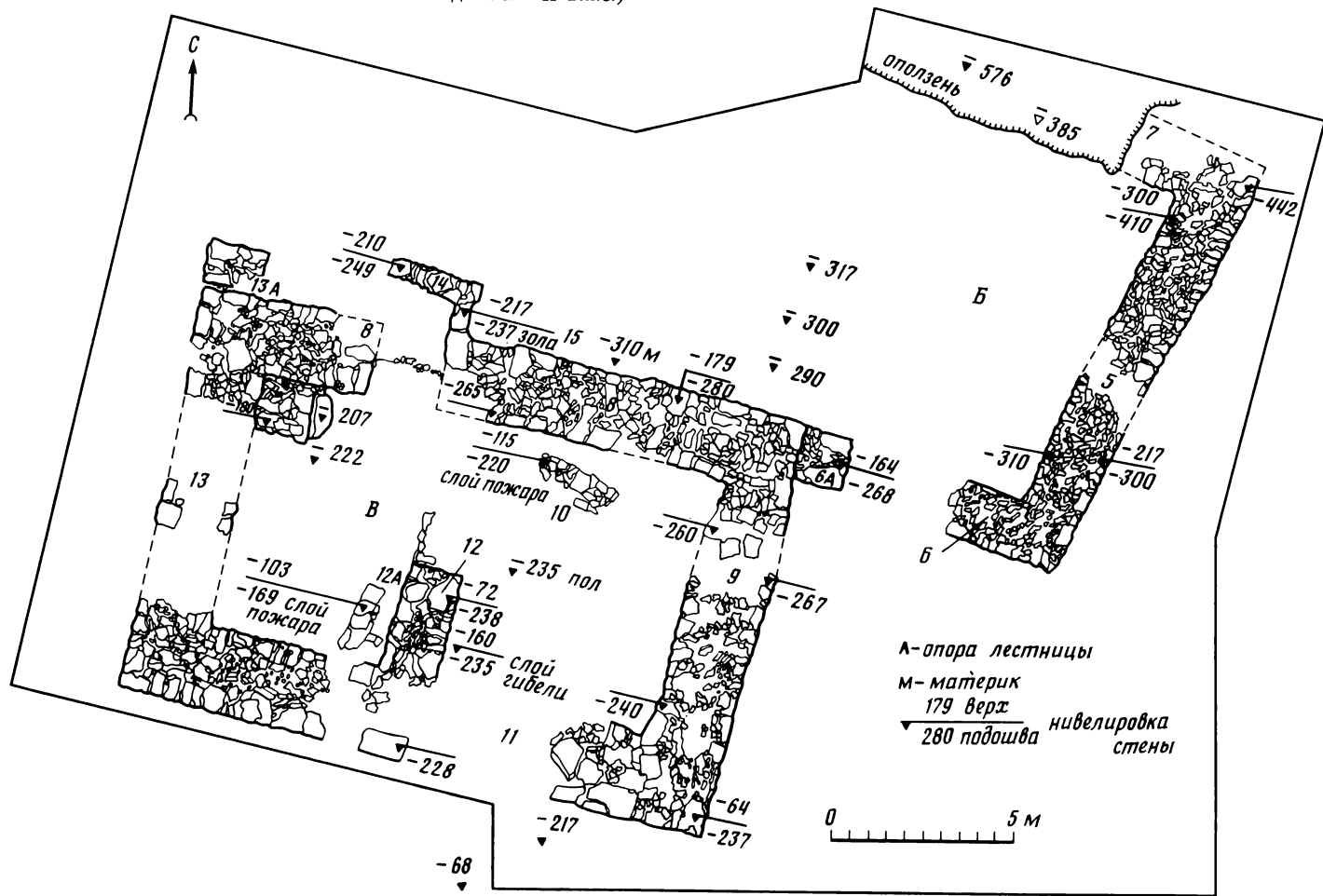
<sup>1</sup> Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 130 сл.

<sup>2</sup> Сокольский Н.И. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta antiqua Philippopolitana. Studia archaeologica. София, 1963. С. 23.

<sup>3</sup> Алексеева Е.М. К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия. I. Краснодар, 1980. С. 20; Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // ВДИ. 1982. № 2. С. 112.

<sup>4</sup> Индекс А в процессе раскопок получила турецкая крепость, перекрывшая укрепление античной эпохи.

Рис. 1. План укрепления в окрестностях Горгиппии (I в. до н. э. – II в. н. э.)





середины кладок заполняет каменный бут, углы выложены из особенно больших камней. Каменной была только нижняя часть стен, верх укрепления был возведен из сырцовых кирпичей, так как его слой представляет собой некий желто-оранжевый монолит с золой, углями и кусками распавшихся саманных кирпичей. Величина и планировка постройки имеют аналогии среди укрепленных усадеб раннего времени в окрестностях Горгиппии<sup>5</sup> и среди синхронных укреплений в горной местности под Новороссийском<sup>6</sup>. Подобные дома-башни известны в античную эпоху и в других регионах<sup>7</sup>. Возведение крепости в станице Анапской, судя по керамике из первого слоя ее гребни, относится к I в. до н.э.

В окрестностях Горгиппии, в совхозе "Рассвет", на расстоянии 2700 м к востоку от возвышающейся над широкой округой башни у станицы Анапской, раскопана синхронная ей усадьба с аналогичной планировкой<sup>8</sup>. Подобная постройка, вероятно того же времени, исследовалась в станице Натухаевской<sup>9</sup>. Рядом с Натухаевской между автодорогами, ведущими в Тоннельную и Раевскую, известен поросший колючим кустарником созданный искусственно каменистый холм с встречающимися на поверхности обломками амфорных стенок (не раскапывался). Внешне он напоминает насыпи, скрывавшие руины укреплений в совхозе "Рассвет" и в станице Анапской. Очевидно, и он содержит остатки подобного здания. Этот холм расположен на поле, где выявлено не менее десятка слабо возвышающихся над поверхностью каменистых пятен с керамикой античного времени. Каждое такое пятно, подобно раскопанному в Джемете и Красной Скале<sup>10</sup>, должно скрывать дом, входящий в сельское поселение типа комы. Мы не знаем, взаимосвязаны ли хронологически и функционально выявленный холм и расположенные рядом с ним каменистые пятна. Возможно, каждое пятно на этом поле скрывает укрепленный дом, подобный домам III—II вв. до н.э., открытым в Джемете на территории ближней хоры Горгиппии. Дома сельских жителей, расположенные рядом с крепостью, могли быть и неукрепленными, подобно тому как это уже установлено для синхронных крепостей Тамани и окрестностей Новороссийска. Дома-башни же вдоль восточной окраины государства, независимо от того, примыкали к ним сельские поселения или нет (укрепленные и неукрепленные), безусловно, выполняли особые функции. Укрепления, выявленные в станицах Анапской, Натухаевской и в совхозе "Рассвет", размещены в пределах видимости друг от друга. Далее, в предгорьях, эту цепь продолжают крепости Цемесской долины<sup>11</sup>. В случае опасности каждая из них могла подать соседней сигнал бедствия. Эти крепости должны были защищать земельные участки азиатского Боспора и служить оплотом центральной власти государства<sup>12</sup>; расположенные на небольшом расстоянии друг от друга, они, очевидно, составляли единую систему обороны, сложившуюся в конце I в. до н.э. и определявшую границы Боспорского государства этого времени, и были его пограничным заслоном<sup>13</sup>.

<sup>5</sup> Алексеева. Ук. соч. С. 27 сл.

<sup>6</sup> Онайко, Дмитриев. Ук. соч. С. 107 сл.

<sup>7</sup> Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 62 сл. Рис. 29.

<sup>8</sup> Крушккол Ю.С. Античное здание в районе Горгиппии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 213—219.

<sup>9</sup> Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // МАК. II. М., 1889. С. 105.

<sup>10</sup> Алексеева. Ук. соч.

<sup>11</sup> Онайко, Дмитриев. Ук. соч.

<sup>12</sup> Сизов В.И. Митридатовские традиции в политике Боспора на рубеже н.э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 83.

<sup>13</sup> Алексеева. Ук. соч. С. 20. Подобное расположение укрепленных пунктов, позволяющее поддерживать оптическую сигнальную связь, отмечено и для Нижнего Побужья первых веков н.э. См. Буйских С.Б., Иевлев М.М. О топографии городищ Нижнего Побужья первых веков нашей эры // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986. С. 71.

Известно, что помимо укрепления сухопутных границ Асандр провел мероприятия по усилению морского флота<sup>14</sup>, которые должны были благоприятно отразиться на горгиппийской гавани. Сведений об особом положении Горгиппии в период деятельности Асандра нет. Он не предоставил ей права городского чекана, в то время как сохранил его за Пантикапеем и Фанагорией.

Чтобы удержать власть, Асандру пришлось противостоять направленному Римом на Боспор Митридату Пергамскому (App. Mithr. 121). В дальнейшем вмешательство Рима во внутренние дела Боспора возрастает, и наступает новый период смут. В конце жизни Асандр передал власть своей жене Динамии (DioCass. L IV. 24), но она правила единолично очень недолго<sup>15</sup>. Рим активно вмешивается в дела Боспора и передает его понтийскому царю Полемону, женив его на Динамии. Боспорцы оказали Полемону "сопротивление из страха быть отданными под его власть, он вступил с ними в битву и одержал победу", но не подчинил их до тех пор, пока "Агриппа не прибыл в Синопу с намерением идти на них походом, — тогда они сложили оружие и сдались Полемону" (Dio Cass. L IV. 20). Эти события происходили в 14–13 гг. до н.э. Сдавшись Полемону, боспорцы не признали его власть, и Полемон был вынужден прибегнуть к карательным мерам<sup>16</sup>. Он разрушил ряд крепостей на Таманском полуострове и неповиновавшийся ему Танаис<sup>17</sup>. Между 14 и 8 гг. до н.э. были сожжены и разрушены укрепления Таманского полуострова и Танаиса. В I в. до н.э. эта участь постигла и укрепленное здание на Раевском городище недалеко от Горгиппии<sup>18</sup>. Первое значительное разрушение крепости около станицы Анапской на подступах к Горгиппии произошло также, видимо, в период утверждения на Боспоре Полемона. Она погибла в сильном огне, ее глинобитный пол приобрел оранжевый цвет и покрылся сажей. Спустя некоторое время крепость была восстановлена, при этом некоторые кладки легли на слой пожара.

Совместное правление Полемона и Динамии длилось, вероятно, не более года, брак был расторгнут. Полемон женился на Пифодориде, связанной родственными узами с домом римских императоров (Strabo. XII. 3. 29)<sup>19</sup>. Динамия вместе с сыном Асандра Аспургом удалилась на азиатский Боспор и оттуда возглавила анти-полемоновскую борьбу, опираясь на дружину соседних с Горгиппией аспургиан, захвативших Полемона в плен и убивших его в 8 г. до н.э.<sup>20</sup> Таким образом, земли, соседние с Горгиппией, оказались втянутыми в эту борьбу.

Короткий период правления на Боспоре Динамии и Полемона совпал по времени с наибольшей активностью римлян в Северном Причерноморье. В это время боспорские контингенты входили в регулярные и вспомогательные части римской армии, на население были возложены обязанности по снабжению продовольствием римских войск; на Боспоре прекращается золотая чеканка<sup>21</sup>; Август определяет, кто будет им управлять; Пантикапеем переименовывается в Кесарию, Фанагория получает название Агриппии<sup>22</sup>. В то же время эта политическая зависимость спо-

<sup>14</sup> Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949. С. 314.

<sup>15</sup> Фролова Н.А. О времени правления Динамии // СА. 1978. № 2. С. 60.

<sup>16</sup> Сокольский Н.И. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 29.

<sup>17</sup> Д.Б. Шелов (Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н.э. М., 1970. С. 231 сл.) обосновывает предположение, что Танаис разрушен перед смертью Полемона; Н.И. Сокольский (ук. соч.) полагает, что карательные меры последовали непосредственно за событиями, описанными Дионом Кассием.

<sup>18</sup> Онайко Н.А. Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора // СА. 1967. № 2.

<sup>19</sup> Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа. М., 1914. С. 13 сл.; Гайдукевич Ук. соч. С. 316 сл.; Фролова. Ук. соч. С. 60.

<sup>20</sup> Гайдукевич Ук. соч. С. 316.

<sup>21</sup> Берге-Делагард А.Л. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗОО ИД. 1911. XXIX. С. 154 сл.

<sup>22</sup> Шелов. Ук. соч. С. 230. Прим. 15; Фролова. Ук. соч.

собствовала развитию широких контактов с различными центрами обширной Римской империи. Меняется направление торговых связей и в Горгиипии — в город начинают поступать италийские и рейнские бронзы, стекло, краснолаковая посуда.

Неизвестно, кем управлялся Боспор после смерти Полемона до утверждения Римом Аспурга на царствование, т.е. между 8 г. до н.э. и 14 г. н.э. Аспург официально благодарит Горгиипию за сохранение верности ему в период отсутствия, — возможно, во время его поездки в Рим<sup>23</sup>. Быть может также, что Горгиипия признала Аспурга раньше и являлась его резиденцией вплоть до утверждения его власти Римом. Другие полисы, особенно переименованные, находились в большей зависимости от Рима. После провозглашения Аспурга царем в 14 г. н.э. с согласия Августа в римско-боспорских отношениях наметился переход к новому этапу, когда вместе с титулами "друга цезаря" и "друга римлян" царь получает римское гражданство<sup>24</sup>. Государство при нем укрепилось. Аспург владел землями от Феодосии до Танаиса, а Херсонес был в зависимом от него положении.

К началу правления Аспурга относится наиболее раннее из эпиграфических свидетельств, называющих Горгиипию полисом<sup>25</sup>. Гражданская община горгиипийян —  $\delta \delta \eta \mu \omicron \varsigma$   $\Gamma \omicron \rho \gamma \iota \pi \pi \acute{\epsilon} \omega \nu$  — признавалась правоспособной административной единицей еще и в конце I в. н.э. (КБН 1118). На обломке надписи времени Савромата I (93/4–123/4 гг.), случайно найденном в 1981 г. в обрыве берега около гостиницы "Анапа", упоминается городской Совет —  $\eta \beta \omicron \upsilon \lambda \eta$ . Ранее были известны три фрагментарные надписи с упоминанием Буле, происходящие с территории Боспора. В одной из них, недатируемой, найденной в Тамани и ныне утерянной, только называется неизвестный Совет (КБН 1100). Почетный декрет I в. из Керчи фиксирует постановление Совета и народа неизвестного полиса — Пантикапея, по мнению одних исследователей. То обстоятельство, что декрет вырезан за пределами Боспора и на привозном мраморе, по мнению других исследователей, наоборот, исключает его связь с Пантикапеем (КБН 432. С. 279). Условно зафиксировано существование Буле и в Фанагории, где найдена плохо сохранившаяся почетная надпись 130 г. с упоминанием Совета и народа, предположительно агриппийцев (КБН 982). Совет Горгиипии "упомянут в связи с его конкретной функцией, распоряжением финансами"<sup>26</sup>: Совету города должны были быть переданы денежные средства или проценты с определенной суммы членами какого-то фиаса. Сохранение терминов  $\eta \beta \omicron \upsilon \lambda \eta$  и  $\delta \delta \eta \mu \omicron \varsigma$   $\Gamma \omicron \rho \gamma \iota \pi \pi \acute{\epsilon} \omega \nu$  в I и II вв., безусловно, подтверждает существование в городе органов власти демократического типа, однако реальное их значение было, по-видимому, очень ограничено. Сохранение в первые века н.э. некоторых полисных институтов в рамках Боспорского царства находилось в соответствии с общей традицией, упорно поддерживаемой многими городами Восточного Средиземноморья, включенными к тому времени в состав Римской империи<sup>27</sup>: некоторые поселения во II в. даже вновь получали статус полиса<sup>28</sup>. Статус Горгиипийского полиса был чисто номинальным. Горгиипия входила в административную систему Боспора, царь приказывал городу и поощрял его<sup>29</sup>, основное делопроизводство в городе осуществляли направлявшие им чи-

<sup>23</sup> Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2.

<sup>24</sup> Фролова Н.А. Монетное дело Боспора первых веков нашей эры: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1985. С. 12.

<sup>25</sup> Блаватская Т.В. Аспург и Боспор в 15 г. н.э. // СА. 1965. № 3. С. 28.

<sup>26</sup> Болгунова А.И. Надписи Горгиипии (Из находок 1971–1981 г.) // ВДИ. 1986. № 1. С. 46–48. № 3.

<sup>27</sup> Свенцицкая И.С. Полис и империя: эволюция императорского культа и роль "возрастных союзов" в городах малоазиатских провинций I–II вв. // ВДИ. 1981. № 4.

<sup>28</sup> Она же. Некоторые черты экономического развития Малой Азии в системе Римской империи // ВДИ. 1956. № 2. С. 19.

<sup>29</sup> Блаватская. Рескрипты царя Аспурга. С. 200.

новники. Они заведовали основными отраслями государственного управления и обеспечивали соблюдение гражданами как законов государства, так и конкретных постановлений царя.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о должностных лицах Горгиипии крайне недостаточны, носят случайный характер и не воссоздают цельной картины административного устройства города. Эпиграфические документы перечисляют главным образом магистратуры общегосударственного ранга. Основной обязанностью царских чиновников являлось взимание налогов в царскую казну. Известно, что при Аспурге горгиипийцы были обложены в пользу казны пропорциональной поземельной податью: они вносили одну одиннадцатую с вина, пшеницы, ячменя и одну двадцатую с проса<sup>30</sup>. Эти сведения о величине фороса Горгиипийского полиса являются единственными для всего Боспора. По-видимому, форос Горгиипии составлял немалую долю взноса, уплачиваемого Митридату "азиатскими областями около Синдики" (Strabo. VII. 4.6). Боспорская система пропорционального обложения сопоставима с десятиной, существовавшей, например, в Афинах, Малой Азии, Сардинии, царстве Селевкидов, Карфагене<sup>31</sup>. В связи с определением величины поземельного налога встает вопрос о системе организации хоры Горгиипии, однако данные, которыми мы располагаем по этому вопросу, позволяют лишь ограничить зону активности полиса радиусом не менее 25 км. Одинаковая на первый взгляд распланировка земель в окрестностях города на небольшие наделы не исключает сложной организации территории, принадлежавшей городу. Помимо родовых земель знати, очевидно, существовали земли городской общины, царские, храмовые и прочие. Многие из родовых наделов могли продолжать традицию местных племен, включенных в состав Боспора<sup>32</sup>.

Надпись из Горгиипии времени Савромата II (174–210 гг.) засвидетельствовала наличие в городе подати в пользу царской казны с торговли и мореходства – вывозной пошлины на хлеб (КБН 1134) – [ἐξ]αλώγιον<sup>33</sup>. Известно, что в IV в. до н.э. вывозная пошлина на Боспоре равнялась 1/30 стоимости вывозимого товара (Dem. XX. 32), но мы не знаем, как долго сохранялась эта величина неизменной.

Сбор пошлин в Горгиипии сдавался на откуп. Его осуществлял ἐνκυκλίῳν οἰκονόμος, известный на Боспоре только по горгиипийской надписи времени Савромата II (КБН 1134)<sup>34</sup>. Лицо с этим титулом являлось государственным магистратом и ведало пошлинами, сборы которых отдавались на откуп разным лицам. Эпиграфические документы засвидетельствовали широкое развитие откупной системы в эллинистическое время в различных частях Греции, Сирии, Сицилии и Малой Азии, а позднее и во всех римских провинциях. С развитием античного общества усложнялась и совершенствовалась система откупа, происходило постепенное стеснение откупа контролем и укрупнение его, слияние откупщиков с чиновниками. Ранее свободный откуп отдельных лиц повсеместно перерос в сложную систему коллегий откупщиков с многоступенчатым дроблением ответственности и аппаратом подсобного персонала откупа. Откупная система Боспора даже в первые века н.э. стояла, видимо, ближе к системе мелкого государственно-откупа Греции, Малой Азии, Египта, чем Римской империи, и была основана на территориальном делении государства. Подобно тому как центральная власть направляла в Горгиипию наместника для управления городом, чиновник

<sup>30</sup> Там же. Письмо В.

<sup>31</sup> Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). СПб., 1899. С. 35, 43.

<sup>32</sup> Эта проблема поставлена мною в статье "К истории Горгиипии", которая принята к печати в ВДИ.

<sup>33</sup> Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.–Л., 1953. С. 204.

<sup>34</sup> Там же. С. 211.

ὁ ἐπὶ τῶν λόγων, исполнявший функции министра финансов, и ведавшая доходами государства специальная коллегия οἱ ἐπὶ τοῦ προσοδικῆς ἐπιστολογραφίου<sup>35</sup>, размещавшаяся в Пантикапее, должны были бы устанавливать нормы откупа для различных территорий царства, в том числе и для полиса Горгииппии; эти верховные финансовые органы могли направлять на места своих представителей. Горгииппийский документ навклеров (КБН 1134) называет сразу трех чиновников, ведающих отдачей пошлин на откуп, которые могли отвечать за несколько одновременно существовавших коллегий откупщиков. Помимо Горгииппии, в Северном Причерноморье откупная система документально засвидетельствована в Ольвии, где право заведования откупами принадлежало народному собранию<sup>36</sup>. Имеющиеся скудные данные об откупах очень важны, так как доказывают единый принцип финансовой организации Боспора и многих соседних эллинских государств.

Горгииппийская надпись середины II в. впервые на Боспоре называет должность ὁ ἐπὶ τῶν φεΐσκων<sup>37</sup>. Основываясь на имеющихся параллелях в Римской империи, А.И. Болтунова полагает, что "фиск" на Боспоре означал хранилище средств, находившихся в распоряжении верховного правителя государства. Ими ведала царская администрация, в отличие от храмовых средств или средств городской казны — последние находились лишь в ведении общины города и городских магистратов. Именно горгииппийские надписи сообщают нам о средствах, пополнявших царскую казну, — пошлинах на урожай, экспортных сборах, конфискациях наследства. В Горгииппии, как и в других частях царства, фиском ведал определённый чиновник. Расходами же сумм, собиравшихся в фисках, распоряжались по указанию царя его эконома, подобные горгииппийским Панталеонту и Феангелу, названным в письме Аспурга.

Один из рескриптов царя Аспурга, установленный в Горгииппии, свидетельствует об обязанностях царских чиновников по опубликованию распоряжений царя о восстановлении в области гражданского права закона Митридата Евпатора, а именно, правил родственного наследования — κληρονομία<sup>38</sup>. Следовательно, в период между правлениями Митридата VI и Аспурга в какое-то сложное время для государства (возможно, при Фарнаке) права на наследство заменялись конфискацией. Проведение в городе капитальных строительных работ осуществлялось боспорским царем также через своих чиновников. Царь Савромат I "снесенные стены города воздвиг от основания, дав их городу преумноженные по сравнению с границами предков" (КБН 1122)<sup>39</sup>. Одновременно Савромат I произвел восстановление "находившихся в небрежении" городских сооружений другого периферийного центра — Танаиса<sup>40</sup>.

Савромат I, а за ним и Котис в 123 г. вели войны с тавроскифами. Особенно активной в отношении соседей была политика Савромата II — он победил сираков и присоединил к Боспору Таврику (КБН 1237). Очевидно, во второй половине I или во II в. заново (в третий раз) строится укрепление в станице Анапской. На слое пожара (отметка — 169) некогда мощного сооружения рубежа эр возник-

<sup>35</sup> Гайдукевич Ук. соч. С. 344.

<sup>36</sup> Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 240.

<sup>37</sup> Кругликова И.Т. Новые эпиграфические памятники из Горгииппии // ВДИ. 1967. № 2. Фрагмент 9; Болтунова А.И. Новая надпись из Горгииппии и несколько замечаний об организации управления государственными доходами Боспорского царства // Еirene. 1968. VII. С. 70 сл.

<sup>38</sup> Блаватская. Рескрипты царя Аспурга. Письмо А.

<sup>39</sup> Блаватская Т.В. Строительная надпись из Горгииппии // ВДИ. 1951. № 2. С. 117 сл.; Болтунова А.И. Надписи Боспора // ВДИ. 1959. № 4. С. 101 сл.

<sup>40</sup> Она же. К истории Танаиса // Кlio. 1960. 42. С. 202.

кает небольшая крепостца (рис. 1) — она ограничена стенами 10 и 12а. Внутренняя стена ранней постройки укреплена дополнительным панцирем 12а и превращена в наружную стену башни. В ее кладках использованы камни предыдущего сооружения, но не самые крупные. Поскольку II век был временем небывало широкого строительства Горгиипии и возведение укрепления было бы городу по силам, можно предположить, что к этому времени отпала необходимость в мощном заслоне на месте старой крепости в станице Анапской. Город был окружен усмирненными племенами и имел свои стены, крепостца могла выполнять роль контрольно-сторожевого пункта.

Две надписи II—III вв. содержат название одной из должностей высшей администрации царства — *ὁ πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας*, засвидетельствованной только горгиипийскими надписями (КБН 1120, 1134). Одна надпись, приобретенная Н.И. Веселовским в Анапе и изданная В.В. Латышевым<sup>41</sup>, относится ко второй половине II, может быть, началу III в. Надпись свидетельствует о том, что лицо, обладающее указанным титулом, выполняет одновременно функции жреца горгиипийского фиаса навклеров. Другая надпись, найденная в 1947 г. Н.В. Анфимовым в кладке фундамента гостиницы "Анапа", изданная А.И. Болтуновой<sup>42</sup>, датируется первой половиной III в. и свидетельствует об установке статуи царя Боспора лицом, занимающим указанную должность. Назначение этой должности разными исследователями толкуется различно, как и назначение ранее известной в Пантикапее и Танаисе должности *ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας*<sup>43</sup>. В.В. Латышев отождествлял эти две должности, а магистрата, обладавшего последним титулом, определял как правителя европейской части Боспора, наместника царской области; он впервые отметил, что эта должность не была позижненной<sup>44</sup>. С.А. Жебелев *ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας* трактовал как правителя царской резиденции, т.е. Пантикапея, а в прибавке слова *πρῶτος* предлагал видеть свидетельство того, что у "градоначальника" Пантикапея были помощники<sup>45</sup>. То обстоятельство, что один из известных *ὁ πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας* исполнял обязанности жреца в горгиипийском фиасе навклеров и тем самым разделял руководство фиасом с другими городскими магистратами, изначально делает несостоятельным мнение С.А. Жебелева, так как это высшее должностное лицо, несомненно, проживало в Горгиипии и не могло быть "градоначальником" Пантикапея. Показательно также исполнение им в фиасе важных обязанностей жреца. Известно, например, что на Боспоре срок жречества исполняли сыновья царей, правившие впоследствии государством (КБН 25); сочетание жреческих функций с царской властью известно в древнем мире повсеместно. В.Ф. Гайдукевич, исходя из множественности лиц, обладавших званием *ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας*, пришел к выводу, что так назывались царские чиновники для любых особо важных поручений (КБН. С. 65—66, 654). А.И. Болтунова убедительно доказала, что деятельность чиновников *ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας* протекала в различных местах Боспорского царства, она документально засвидетельствована в Пантикапее, Танаисе и Горгиипии, причем в последней во времена Савромата II жил глава этой коллегии — *ὁ πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας*. А.И. Болтунова предположила, что чиновники с этим титулом управляли в разных районах царства землями, доходы с которых

<sup>41</sup> Латышев В.В. Неизданные горгиипийские надписи // ИАК. 1910. 37. С. 38—43.

<sup>42</sup> Болтунова А.И. Надпись под статуей из Горгиипии // СА. 1958. XXVIII. С. 110—116.

<sup>43</sup> Фрагмент одной надписи, обнаруженный в 1962 г. в перекопанном грунте во дворе гостиницы "Анапа", предположительно подтверждает наличие этой магистратуры и в Горгиипии. Однако по данному обломку возможно восстановление названия магистратуры и как "наместника" города; см. Кругликова. Ук. соч.

<sup>44</sup> Латышев. Неизданные горгиипийские надписи. С. 42.

<sup>45</sup> Жебелев. Северное Причерноморье. С. 210.

составляли личную собственность царя<sup>46</sup>, что, по мнению Д.Б. Шелова, "является не более чем догадкой"<sup>47</sup>. Исходя из разветвленности аппарата чиновников на Боспоре во II—III вв., нам представляется вероятным предположить, что известный по горгиппийским надписям *ὁ πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας* возглавлял не боспорскую коллегия *ἐπὶ τῆς βασιλείας*, а горгиппийскую коллегия этих магистратов. Такие коллегии со своими управляющими могли существовать в различных частях царства, в том числе и в Горгиппии. Возможно, они объединяли царских чиновников, на попечении которых находились разные отрасли хозяйства и финансовые операции, так или иначе связанные с царской казной. Коллегиальность магистратур была широко распространена в античном обществе, в том числе и в Северном Причерноморье<sup>48</sup>. Подобное толкование должности объясняет и существование в городе параллельно с ней должности царского наместника, под контролем которого находилась жизнь полиса.

Горгиппией управляли представлявшие верховную власть особые наместники, носившие титул *ὁ ἐπὶ τῆς Горγυπτείας*. Портовый город на плодородных землях Синдики, который вел оживленную торговлю хлебом и служил опорным пунктом на юго-восточном рубеже Боспора, являлся особенно важным для государства, поэтому для управления им цари назначали особых чиновников. Известно, что подобные чиновники управляли еще одним не менее важным пограничным городом — Феодосией (КБН 64 — *ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας*). Для управления основной частью Таманского полуострова — в древности острова — была учреждена специальная магистратура начальника острова. Должность наместника Горгиппии упоминается в шести надписях II—III вв., найденных в Анапе (КБН 1115, 1119, 1129, 1132, 1134, 1214). Из них известно, что в 110 г. наместником царя в Горгиппии был некий Фарнакион, сын Пофа, а в 187 г. эту должность занимал Неокл, сын бывшего наместника Горгиппии — *πρὶν ἐπὶ τῆς Горγυπτείας* — Неокла, сына Геродора. Наместник Горгиппии в период правления Савромата II — Мойродор, сын Неокла, совмещал эту должность с обязанностями синагога в фиасе навклеров (КБН 1134). Аналогичное совмещение должностей в неизвестном фиасе отмечает еще одна надпись (КБН 1132). Царские наместники входили в число наиболее состоятельных граждан города. Один из них, например, воздвиг на собственные средства храм Афродите Навархиде (КБН 1115), почитавшейся в портовом городе, очевидно, наравне с Посейдоном. В восстановлении же храма Посейдона, как известно, принимал участие царь (КБН 1134).

Наместнические функции и другие наиболее ответственные магистратуры в Горгиппии, одном из крупнейших городов царства, могли исполнять члены царской семьи. В 1975 г. на городском некрополе исследовался погребальный комплекс II—III вв. из двух склепов и скальной гробницы, содержащий большое число золотых и высокохудожественных предметов. Усыпальницы принадлежали семье знатного гражданина города. На фресках каменного склепа представлены подвиги Геракла, считавшегося родоначальником правившей на Боспоре династии. На центральной шитке золотого венка из скального склепа изображена Афродита Урания, покровительница государства. Резной италийский никола с фигурой Афины Партенос на массивном литом золотом перстне из скальной гробницы дополнен вырезанной в Северном Причерноморье царской тамгой<sup>49</sup>. Эти находки позво-

<sup>46</sup> Болтунова. Надпись под статуей из Горгиппии. С. 115 сл.

<sup>47</sup> Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 263 сл.

<sup>48</sup> Латышев. Исследования об истории ... С. 256.

<sup>49</sup> Алексеева Е.М. Царская тамга на золотом перстне из Горгиппии // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 118 сл.

ляют допустить, что семья, владевшая усыпальницами, была родственна царскому дому.

Горгиппийские надписи упоминают и некоторые военные магистратуры. В частности, среди списков фиасов II – начала III в. шесть раз названа должность стратега – *στρατηγός* (КБН 1134, 1141, 1179)<sup>50</sup>, известная на Боспоре, кроме того, в Пантикапее (I в.; КБН 382, 827) и Танаисе (II – начало III в.)<sup>51</sup>. Стратега называет еще одна горгиппийская надпись посвяжительного характера<sup>52</sup>. Сводка различных мнений относительно характера деятельности стратегов составлена В.В. Латышевым, им же отмечено, что только эпиграфические документы из Ольвии, безусловно, свидетельствуют о том, что стратеги представляли высшее военное начальство<sup>53</sup>. Распространялась ли деятельность стратегов на какие-нибудь отрасли гражданского управления Горгиппии, неизвестно. На ранних этапах развития городов-государств в некоторых из них существовали специальные коллегии стратегов. В эпиграфических документах Мегар должность стратега упоминается рядом с царем и секретарем Совета. Пять стратегов этого города, возможно, соответствовали пяти комам, на которые первоначально делилась его территория, в римское время в Мегарах был один стратег<sup>54</sup>. В Ольвии в римский период стратеги составляли ежегодно сменяемую коллегию из шести человек во главе с "президентом"<sup>55</sup>. Документ навклеров из Горгиппии упоминает трех стратегов вместе. Надпись, найденная в 1962 г., в списке лиц перечисляет двух стратегов<sup>56</sup>. Не ясно, однако, имел ли город свою коллегию стратегов, либо эта коллегия была общегосударственной. Безусловно, в таком стратегически важном центре, как Горгиппия, должность стратега, если рассматривать ее как военную магистратуру, относилась к разряду общегосударственных. Однако в императорскую эпоху повсеместно стратегами называли также гражданских магистратов, они занимались финансами, снабжением, сбором поштин и надзором<sup>57</sup>.

Помимо стратегов из военных магистратур горгиппийские надписи упоминают лохага (*λοχαγός*) и тагматарха (*ταγματάρχης*). Лохаги отмечены трижды в списках неизвестных фиасов II – начала III в. (КБН 1136, 1179)<sup>58</sup>. Возможно, из Горгиппии происходит еще одна надпись второй половины II в., найденная в Западном Прикубанье (КБН 1231), где упоминается должность лохага. На Боспоре должность лохага засвидетельствована в Пантикапее, Фанагории и Танаисе (КБН 36, 1000, 1051, 1251а). Первоначально лохагами называли командиров лоха, военного отряда. В.В. Латышев предполагал относительно этой магистратуры на Боспоре, что название ее "употреблялось не в собственном значении, но обозначало одного из высших военных чиновников"<sup>59</sup>. Во всех указанных надписях, в том числе и горгиппийских, лохаги лишь называются, без определенных круга обязанностей. Известно, что должность лохага не была пожизненной: пантикапейская надпись упоминает *πρὶν λοχαγῶν* (КБН 36). А.И. Болтунова отмечает, что в каждом из наиболее значительных центров Боспора, имевших полисную организацию, был свой лохаг. Горгиппийский лохаг исполнял обязан-

<sup>50</sup> Кругликова. Ук. соч. № 1, 5.

<sup>51</sup> Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. С. 267.

<sup>52</sup> Болтунова. Надписи Горгиппии. С. 46.

<sup>53</sup> Латышев. Исследования об истории ... С. 277–283.

<sup>54</sup> Латышев В.В. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического. СПб., 1884. С. 28.

<sup>55</sup> Там же.

<sup>56</sup> Кругликова. Ук. соч. № 9.

<sup>57</sup> Ростовцев. История государственного откупа ... С. 20, 201 сл.; Жебелев. Северное Причерноморье, с. 211.

<sup>58</sup> Кругликова. Ук. соч. № 1.

<sup>59</sup> Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 127.



ности в своем городе, являясь членом городского фиаса наряду с другими гражданами<sup>60</sup>. По-видимому, должность лохага также следует отнести к разряду государственных магистратур.

Должность тагматарха на Боспоре засвидетельствована только в Горгиипии. Название ее восстанавливается условно из надписи II в. (КБН 1213). Круг обязанностей этого чиновника неизвестен. Название магистратуры, возможно, происходит от военного термина *τάγμα* – строй, отряд.

Перечисленные должности относятся к рангу общегосударственных, городские магистратуры среди них не выявляются. Можно отметить только, что подобно другим центрам Боспора Горгиипии не был чужд институт эпимелей – добровольного почетного попечительства о городских делах, касающихся преимущественно строительства. Известно, например, что наместник города в правление Савромата I воздвиг на собственные средства храм Афродите Навархиде (КБН 1115). Однако эпимелета упоминают только две надписи<sup>61</sup>.

Одна из горгиипийских надписей середины II в. называет архитектора – *ἀρχιτέκτων*<sup>62</sup>. Боспорские архитекторы упомянуты в надписях Тамани и Танаиса. Они возводили укрепления (КБН 1112), благоустраивали заброшенные источники и укрепляли башни (КБН 1249, 1250), устраивали рыночные площади (КБН 1245) – все это, видимо, на средства эпимелетов. Очевидно, архитектором называлось не должностное лицо, а специалист особой квалификации.

Кроме рассмотренных, горгиипийские надписи сохранили названия ряда синодальных должностей. В городе найдены документы фиасов (КБН 1129–1136) и множество обломков надписей со списками личных имен, большая часть которых, по-видимому, также относится к эпиграфическим документам этих сообществ (КБН 1138–1191)<sup>63</sup>. Всего с фиасами Горгиипии связано свыше 90 обломков надписей, что значительно превосходит подобные собрания в других городах Боспора, в том числе и в Пантикапее.

Подобно другим центрам Боспора горгиипийские объединения граждан в сохранившихся документах обычно называются фиасом – *θῆσος*, известны общества, названные синодом – *συνδοχος* (КБН 1135). Члены фиасов в Горгиипии именуют себя только фиаситами – *θησσεῖται* (КБН 1129, 1132, 1134), в то время как в Танаисе, например, упоминаются еще *συνδοεῖται* и *εἰσποιητοὶ ἀδελφοί* (“братья-приемыши”).

Надписи горгиипийских фиасов содержат определенный перечень должностных лиц общества, упоминаемых, как правило, в определенной последовательности. Названия этих должностей полностью не совпадают с терминологией фиасов других центров. Наиболее распространенной является заглавная формула: *θησσεῖται οἱ περὶ ἱερέα* – “фиаситы во главе со жрецом” (КБН 1132, 1134, 1135, 1136)<sup>64</sup>, распространенная также в надписях обществ других городов, в частности Танаиса. Из этой формулы ясно, что фиасы возглавлял служитель культа – жрец. Вторым лицом в фиасе был синагог, он всегда упомянут непосредственно за жрецом (КБН 1129, 1131–1136)<sup>65</sup>. Очевидно, термин

<sup>60</sup> Болтунова А.И. Из черновиков В.В. Латышева // ВДИ. 1951. № 2. С. 125 сл.

<sup>61</sup> Блаватская. Строительная надпись из Горгиипии; Болтунова. Надписи Горгиипии. № 3. С. 48.

<sup>62</sup> Болтунова. Новая надпись из Горгиипии ... С. 70. Кругликова. Ук. соч. № 9.

<sup>63</sup> Там же; Болтунова А.И. Новые эпиграфические материалы из Горгиипии // ВДИ. 1982. № 3. С. 61–66; она же. Надписи Горгиипии. С. 43–61; Сапрыкин С.Ю. Из эпиграфики Горгиипии // ВДИ. 1986. № 1. С. 62–75.

<sup>64</sup> Болтунова. Надписи Горгиипии. С. 48.

<sup>65</sup> Там же. С. 49.

*συναγωγός* также имел культовое значение, он был широко распространен в Египте, на Делосе, во Фракии и других местах. Поланд полагал, что синагог председательствовал в союзе и собирал членов на религиозные празднества<sup>66</sup>. Некоторые дела синагог мог вести и самостоятельно, возглавляя фиаситов без жреца (КБН 1133). За жрецом и синагогом надписи горгиппийских фиасов называют фронтистов (КБН 1129, 1132, 1134, 1135, 1136). Фронтисты в списках синагодов обычно множественны, но действуют и по одному (КБН 1135). Термин *φροντιστής* трактуется исследователями как "попечитель" фиаса.

Лица, руководящие горгиппийскими фиасами, совмещают обязанности в фиасах с исполнением общегосударственных должностей. Так, жрец фиаса навклеров был *ὁ πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας* (КБН 1134), а синагог того же фиаса являлся одновременно наместником Горгиппии; жрец мог совмещать свою должность с обязанностями лохага (КБН 1136), фронтист был казначеем священных сумм (КБН 1134).

За фронтистами во всех документах перечисляются поименно рядовые члены общества — *θεασεῖται*. Среди фиаситов упомянуты в числе прочих стратеги — три одновременно (КБН 1134) — лица, ведавшие отдачей поштин на откуп, — также три одновременно (КБН 1134), казначей священных сумм — *ἑρῶν οἰκονόμος* (КБН 1129, 1130, 1134), ведающий святынями — *ὁ ἐπὶ τῶν ἑρῶν* (КБН 1129), охранитель сирот — *δρανοφύλαξ* (КБН 1129, 1130)<sup>67</sup>, гимнасиарх — *γυμνασιάρχης* (КБН 1140). То обстоятельство, что все эти должности упомянуты отдельно от руководства фиасов — жреца, синагога, фронтистов, иногда даже не в начале, а в середине списка рядовых членов общества, скорее свидетельствует не в пользу синодального характера этих магистратур, однако большинство исследователей многие из них связывает с компетенцией именно союзов.

Как отмечалось, должность стратега была магистратурой общегосударственного ранга, таковой, видимо, являлась и должность распределителя откупов. Должность охранителя сирот на Боспоре известна только в Горгиппии (II в. — КБН 1129, 1130?)<sup>68</sup>. Ксенофонт (*de vect.* II. 7) сообщает о существовании ее в Афинах. Считается, что фиасы брали на себя обязанности по погребению членов союза. В Пантикапее документально засвидетельствованы действия обществ по установлению надгробных памятников в честь усопших членов фиаса. Естественно предположить, что, располагая общими средствами, члены союзов должны были брать на себя и заботы о сиротах своих членов. В.В. Латышев колебался решить, была ли указанная магистратура городского ранга или она являлась должностной обязанностью фиасита (IOSPE. IV. 246). Н.И. Новосадский без сомнения определял ее как магистратуру общества, основываясь на том, что документ, упоминающий охранителя сирот, перечисляет должностных лиц только фиаса<sup>69</sup>. Следует, однако, заметить, что должность охранителя сирот названа не среди руководства, а в перечне рядовых фиаситов, не имеющих никаких должностей, что, на наш взгляд, скорее позволяет возводить разбираемую магистратуру в ранг полисных. Таково же место и гимнасиарха в надписи середины II в., что также позволяет отнести магистратуру в разряд полисных. На Боспоре гимнасиарха упоминает пантикапейский декрет КБН 823. В Танаисе магистратура гимнасиарха названа среди синодальных (КБН 1260а). В Горгиппии, где документально засвидетель-

<sup>66</sup> Poland F. *Geschichte des griechischen Vereinswesens*. Lpz, 1909. S. 355 f.

<sup>67</sup> Болтунова. Надписи Горгиппии. № 5.

<sup>68</sup> Там же.

<sup>69</sup> Новосадский Н.И. Боспорские фиасы // РАНИОН, труды секции археологии. 1928. III. С. 67.

ствовано проведение состязаний на празднике Гермей, должность гимнасиарха, связанная с воспитанием юношества, по-видимому, была общегородской.

Должность *ἱερῶν οἰκονόμος* определяется исследователями как "казначей священных сумм, руководитель финансовыми делами фиаса, финансовый распределитель жертвоприношений" (КБН 1130). В документе горгиппийских навклеров казначей священных сумм является одновременно фронтистом фиаса (КБН 1134). Другой фронтист того же фиаса, упомянутый первым, дополнительной должности не имеет. Еще две горгиппийские надписи (КБН 1129, 1130), в которых названия должности казначея священных сумм сохранились неполно, упоминают магистрата с этим титулом среди прочих фиаситов. Место лица в надписи, где строго определен порядок должностного перечисления, является решающим фактором в раскрытии характера магистратуры. Вряд ли чиновник с такими финансовыми полномочиями в союзе упоминался бы в общем списке рядовых фиаситов. В то же время в масштабах полиса магистратура *ἱερῶν οἰκονόμος*, очевидно, была далеко не второстепенной, так как мы видели, что фиасом навклеров руководили лица самых высоких рангов, казначей же священных сумм являлся в фиасе фронтистом.

Так же и должность "ведающего святынями" была государственного ранга. Во II в. кроме Горгиппии на Боспоре чиновники с указанным титулом известны в Фанагории и Гермонассе (КБН 976, 1045), где они действуют от имени царя (Реметалка – в Фанагории, Савромата I – в Гермонассе), их почетом восстанавливаются храмы. В Горгиппии должность ведающего святынями упомянута в плохо сохранившейся надписи (КБН 1129). По-видимому, лицо с этим титулом в неизвестном фиасе исполняло обязанности синагога, что само по себе подтверждает экстраординарность магистратуры.

Все бесспорные документы горгиппийских фиасов относятся ко II в., второй половине II и началу III в. Фиасы объединяли только мужчин, число членов обществ, судя по наиболее сохранившимся надписям, доходило до 30, фиас навклеров объединял не менее 45 человек. В Танаисе были и более малочисленные фиасы, и вдвое их превышавшие. Танаисские фиасы, надписи которых сохранили упоминание божества, посвящены только безымянному богу, и лишь одна надпись свидетельствует об объединении людей, отмечающих день Танаиса<sup>70</sup>. В Горгиппии был также распространен культ Бога Высочайшего, о чем свидетельствует ряд найденных в городе манумиссий (КБН 1123, 1125, 1126) и посвятельная надпись (1980 г.)<sup>71</sup>. Лишь только один документ из Горгиппии может косвенно свидетельствовать о существовании в городе союза граждан, объединенных вокруг культа Бога Внемлющего<sup>72</sup>. Одна из горгиппийских надписей сообщает об объединении навклеров города вокруг культа Посейдона. Среди множества надписей фиасов (боспорских и в Средиземноморье) этот документ особенно важен именно упоминанием навклеров. Он подтверждает предположение о профессиональном характере объединений. Горгиппийский союз навклеров не одинок. Объединение навклеров, почитавших также Посейдона, существовало во II в. до н.э. на Делосе; известны союзы афинских и римских купцов, союз пальмирских торговцев в Копте<sup>73</sup>. Тем не менее горгиппийский союз навклеров представляет собой явление уникальное. В Римской империи фиасы превратились из добровольных союзов единомышленников в принудительные объединения. Кроме того, отношение римских властей к профессиональным коллегиям часто было настроенным, основание их не поощрялось из-за опасения, что эти

<sup>70</sup> Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. С. 273.

<sup>71</sup> Болтунова. Новые эпиграфические материалы из Горгиппии. С. 32 сл.

<sup>72</sup> Она же. Надписи Горгиппии. С. 48 сл.

<sup>73</sup> Колобова К.М. К вопросу о судовладении в древней Греции // ИГАИМК. 1933. 61. С. 38–42, 78–80; Жебелев. Северное Причерноморье. С. 214. Прим. 1.

общества могут стать центрами оппозиционных идей<sup>74</sup>. Поэтому на общем фоне горгиппийский союз выступает как исключение — ему покровительствует царь. В этом обстоятельстве следует видеть пережитки эллинистических традиций в римское время.

Мнения многочисленных исследователей фиасов наиболее расходятся в толковании их назначения. В зависимости от позиции авторы приводят доводы как в пользу чисто религиозного характера обществ, так и в защиту их торгово-производственного назначения. Мнение К.М. Колобовой<sup>75</sup> о безусловно торговом характере всех известных обществ Боспора в Пантикапее, Танаисе и Горгиппии неубедительно. Документально подтвержден торговый характер только одного боспорского объединения — горгиппийского союза навклеров. Профессиональный характер группировок всегда указывается в начальных формулах надписей<sup>76</sup>. Так, известны объединения земледельцев, охотников, рыболовов, ремесленные коллегии плотников, кожевников, штопальщиков, сукновальщиков, красильщиков, гончаров, медников, мастеров серебряных дел, хлебопеков, корабельщиков, лодочников<sup>77</sup>. К сожалению, при многочисленности документов разнообразных горгиппийских обществ нет никаких данных для частного их определения — выяснения широты полномочий союзов, длительности существования, обязанностей их членов, принципов объединения жителей. Интересен установленный для Танаиса факт одновременного существования в городе нескольких коллегий, объединенных культом Бога Высочайшего<sup>78</sup>. Соответствовало это положение территориальному делению города или Бог Высочайший покровительствовал разным видам деятельности, — эти и многие другие вопросы относительно организации фиасов за неимением данных пока решены быть не могут. Высказывалось мнение относительно военно-религиозного характера фиасов<sup>79</sup>, однако для Горгиппии мы не располагаем данными, подтверждающими вероятность такого предположения. С.Ю. Сапрыкин допускает, что боспорские объединения, определенные в надписях термином *σύνδοσις*, являлись сугубо культовыми, в то время как фиасы могут быть определены как покровительствуемые божествами профессиональные группировки<sup>80</sup>.

Анализ сохранившихся документов фиасов Горгиппии, как и других боспорских городов, безусловно, подтверждает большую социальную значимость обществ. Они включали в число своих членов наиболее выдающихся граждан и стоявших у власти лиц. Причем первые магистраты города занимали и первые должности в фиасах. Таким образом, фиасы представляли интересы самой богатой и влиятельной части общества, способствуя, по-видимому, развитию различных сфер деятельности приносившей наибольшие прибыли. Очевидно, во II—III вв. на Боспоре крупные землевладельцы были в то же время купцами, державшими в руках основную торговлю хлебом; одновременно они занимали высшие магистратуры (это фиксирует документ навклеров) и, возможно, также имели наиболее прибыльные эргастерии. Не случайно поэтому в Танаисе одно и то же лицо

<sup>74</sup> *Свенцицкая И.С.* Роль частных обществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени (По материалам Малой Азии) // ВДИ. 1985. № 4. С. 58.

<sup>75</sup> *Колобова. Ук. соч.*

<sup>76</sup> *Жебелев. Северное Причерноморье. С. 215.*

<sup>77</sup> *Ziebarth E.* Das griechische Vereinswesen. Lpz., 1896; *Ростовцев.* История государственного откупа ...; *Златковская Т.Д.* К проблеме самобытности фракийской культуры в римское время // ВДИ. 1981. № 4. С. 23; *Свенцицкая.* Роль частных обществ ...

<sup>78</sup> *Шелов.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. С. 274, 276.

<sup>79</sup> *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, найденные в 1907 г. // ИАК. 1908. 27. С. 43 сл.; *Новосадский. Ук. соч. С. 43 сл.; Блаватский. Ук. соч. С. 213 сл.*

<sup>80</sup> *С.Ю. Сапрыкин* (Из эпиграфики Горгиппии. С. 67–70) предлагает восстановление еще одной горгиппийской надписи как документа уже известного фиаса навклеров.

исполняло первые должности в двух фиасах одновременно<sup>81</sup>. Так же и в Пантикапее во II в. одному усопшему поставили надгробия два фиаса (КБН 80, 81).

Тем не менее в горгиппийских союзах, подобно танаисским<sup>82</sup>, знатные лица города, занимая ведущие должности в фиасах, составляли в них небольшой процент, растворяясь в массе рядовых членов. Значит, фиасы Горгиппии, как и Танаиса, не были замкнутыми аристократическими союзами. Очевидно, они сплачивали граждан, свободных собственников различных рангов, объединенных интересами одного дела. Каждое общество имело религиозного покровителя, во имя которого делались денежные сборы, сооружались постройки общественного характера, созывались собрания, устраивались трапезы. Общества несли в себе как пережиток истинного полиса идею равенства, на деле давно мнимого, подобно номинальности полисного статуса городов в жестких рамках государства с сильной централизованной властью. Обилие найденных в Горгиппии обрывков синодальных списков подтверждает множественность в городе различных объединений.

Как отмечалось, начиная с правления Динамии Рим осуществлял над Боспором протекторат, определяя порядок престолонаследования. В то же время в государстве развиваются и антиримские настроения: вскоре после смерти Аспурга была предпринята попытка отложиться от Рима. Согласно династическим традициям Боспора, власть в этот момент должна была перейти к его старшему сыну Митридату (VIII или II для Боспора<sup>83</sup>), который в 39/40 г. объявил себя царем (этому событию предшествовало короткое единоличное царствование жены Аспурга Гипеппии, матери Митридата). Правивший в Риме император Калигула постановлением сената возложил управление Боспором и Понтом одновременно на фракийского царевича Полемона II (Dio. Cass. 12. 1 = SC. I. C. 622). Сменивший Калигулу Клавдий вынужден был признать Митридата, который, в свою очередь, стремился править независимо от Рима, провозгласив себя "другом отечества" (КБН 1123). Его планы были раскрыты римскому императору братом Митридата Котисом. В благодарность Клавдий объявил Котиса царем Боспора и оказал ему поддержку, послав легионы. После ухода римских войск оба брата вели ожесточенную борьбу на азиатской стороне Боспора. Митридат опирался на сарматское племя сираков, Котис привлек на сторону боспорского войска сарматское племя аорсов (Тас. Анн. XII. 15–21 = SC. II. C. 238–241). Разорительная междоусобная борьба братьев коснулась и Горгиппии. В ее окрестностях, в районе современного поселка Сукко, обнаружен клад монет, время зарытия которого относится к короткому промежутку деятельности Митридата VIII, царствовавшего до 45 г.<sup>84</sup>

Видимо, также в ходе этой борьбы вместе с другими соседними укреплениями<sup>85</sup> вторично гибнет крепость у станицы Анапской. Построенная при Асандре после разрушений (предположительно, времени Полемона), эта крепость была восстановлена. В результате восстановления уровень полов внутри башни поднялся на 0,3 м до отметки –207, часть каменной опоры лестницы, западный фас стены 12 и камни ограждения входа 15 легли на зольные пятна слоя гибели первого строительного периода (рис. 1). Новый пожар, в котором погибла восстановленная крепость, судя по керамическим находкам, произошел в I в. н.э., но после смерти Аспурга, так как слой гибели второго строительного периода сохранил его тамгу на сосуде.

В период междоусобиц I в. строительство в Горгиппии не было интенсивным, остатки домов I в. фрагментарны, постройки не отличаются монументальностью.

<sup>81</sup> Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. С. 273.

<sup>82</sup> Там же. С. 276 сл.

<sup>83</sup> Шелов Д.Б. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. // ВДИ. 1981. № 4. С. 52.

<sup>84</sup> Крушкoл Ю.С. Клад бронзовых монет времени Митридата VIII из селения Сукко Анапского района // ВДИ. 1978. № 4; Фролова. Монетное дело Боспора ... С. 15.

<sup>85</sup> Крушкoл. Античное здание в районе Горгиппии. С. 219; Онайко, Дмитриев. Ук. соч. С. 119 сл.

Лицо Горгиппии I в. вырисовывается нечетко. В первые века н.э., но не ранее середины I в. на горгиппийском некрополе появляется новый тип погребальных сооружений — большие гробницы с широкими заплечиками. Дно входных колодцев этих гробниц перекрыто огромными каменными плитами или бревнами, под которыми вырыта яма для одного или двух саркофагов, в зависимости от чего все сооружение в плане имеет квадратные или вытянутые пропорции. Эти усыпальницы, судя по наличию в них каменных саркофагов и богатому погребальному инвентарю, принадлежали зажиточной части населения. Внезапное появление на некрополе нового типа гробниц связано с проникновением в город нового населения. Так как большие гробницы близких конструкций выявлены исследователями у аорсов<sup>86</sup>, можно предположить, что в Горгиппии поселилась часть этого народа, поддержавшая Котиса в его междоусобной войне с Митридатом.

Интервенция римских войск, проримская настроенность Котиса, монетная реформа, проведенная Нероном на Боспоре в 62 г., вследствие которой прекращается чеканка золотых статеров, а эмиссии меди проводятся по римской системе, — все это привело к усилению зависимости боспорского царя от римских императоров. Котис впервые прибавляет к своему имени римский династический граепотен и потен — Тиберий Юлий. На Боспоре учреждается культ римских императоров, верховным жрецом которого становится сам царь<sup>87</sup>. Тем не менее Боспор не превратился в одну из провинций империи и сохранил самостоятельность. После смерти Нерона в правление сына Котиса Рескупорида II (68/69 — 93 гг.) Боспор вновь начинает чекан золотых статеров и выпуск медных монет от его имени. На золотых монетах помещаются портреты членов римского императорского дома, на бронзовых — голова боспорского царя. С 80 г. портрет боспорского царя занимает лицевую сторону золотых статеров, а портрет императора помещается на оборотной. При Савромате I (93—123 гг.) изображения головы римских императоров появляются и на меди, но уже в 114 г. окончательно исчезают с медных монет. С этого времени серии боспорских монет носят независимый характер<sup>88</sup>. Эти изменения облика монет отражают колебания степени зависимости Боспора от Рима. Самостоятельное во внутренних делах Боспорское царство проводило удобную Риму внешнюю политику, являясь своеобразным буфером между империей и незавоеванными ею варварами; административные связи Боспора с Римом шли через малоазийскую провинцию Понт-Вифинию, проконсул которой выполнял определенные обязанности по досмотру за Боспором<sup>89</sup>. Рим поддерживал субсидиями боспорскую армию, состоящую из гражданского ополчения, а боспорские солдаты участвовали в войнах Траяна (98—117 гг.) с даками, пешие стрелки — лучники и копейщики — действовали в 136 г. в Малой Азии вместе с другими союзными войсками на стороне Рима против аланов (Arrian. Acies c. Alanos. 3 и 18 = SC. I. C. 520).

Ко II в. официальная титулатура боспорских правителей включала обязательные титулы *φιλόβασις* и *καὶ φιλόρῳμαίος*, что подтверждается, в частности, и горгиппийскими надписями. К этому времени Боспор устанавливает тесные контакты с различными частями огромной Римской империи, о чем свидетельствует обилие в домах Горгиппии и могилах ее некрополя привозных стеклянных и бронзовых изделий, краснолаковой посуды.

II век для Горгиппии явился периодом расцвета. В это время город занимает площадь не менее 40 га<sup>90</sup>. Вероятно, заботами городской общины единообразно

<sup>86</sup> Шелов В.П. Аорсы (Историко-археологический очерк) // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 44 сл.

<sup>87</sup> Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 192.

<sup>88</sup> Фролова. Монетное дело Боспора ... С. 118.

<sup>89</sup> Шелов. Римляне в Северном Причерноморье ... С. 58, 60, 62.

<sup>90</sup> 800 м вдоль моря (считая от Русских ворот Анапы) × 500 м от воды в глубь суши.

мостятся большими плитами улицы, повсеместно строятся новые жилые дома площадью свыше 500 кв. м каждый с множеством глубоких подвалов. В городе возводятся монументальные здания с мраморным декором<sup>91</sup>, отстраиваются храмы, устанавливаются статуи. Размах строительства Горгиипии во II в. подтверждают и эпиграфические памятники<sup>92</sup>. На рубеже I—II вв. царь Савромат восстановил, расширив, городские укрепления (КБН 1112). В 110 г. наместник города воздвиг храм Афродите Навархиде (КБН 1115). Во второй половине II — начале III в. фиас навклеров воздвиг статуи и восстановил храм бога Посейдона (КБН 1134). Надписи II и первой половины III в. свидетельствуют о сооружении в городе памятников боспорским царям (КБН 1118, 1120) и их наместникам (КБН 1119). Рядом с территорией предполагаемой агоры найдена статуя наместника Неокла и обломки двух других таких же больших статуй<sup>93</sup>. Фриз и архитрав с пышным растительным узором, вырезанные из одного камня, мраморные коринфские капители колонн и пиластр, мраморные касеты в обрамлении овалов с изображениями трех рельефных голов Медузы, а также Пана и Сатира свидетельствуют о строительстве монументальных зданий в городе в первые века нашей эры<sup>94</sup>. На городском некрополе знатные граждане возводят себе пышные усыпальницы — каменные склепы с росписями и гробницы с каменными саркофагами<sup>95</sup>. Город развивает собственные ремесла, во второй половине II в. Горгиипия продолжает вывоз хлеба (КБН 1134). В общественной жизни города усиливаются деятельность многочисленных объединений граждан — фиасы. Частые находки надписей на мраморе и сосудах говорят о широкой грамотности жителей Горгиипии. Все это свидетельствует о росте ее населения и развитии городской культуры.

Тем не менее во второй половине II в. в экономической ситуации государства и всего античного мира в целом наступает едва заметный перелом и появляются первые признаки упадка, который в дальнейшем неуклонно прогрессирует. Отражением этого положения явился денежный кризис. Понижение золотого содержания в металле стatera началось при Евпаторе (154—170 гг.), тогда же была предпринята попытка провести денежную реформу; при Савромате II (174—210) процентное содержание золота в статерах вновь падает и проводится денежная реформа; количество золота в статерах снижается и при Рескупориде III (211—226 гг.), а ко времени Иниффимея (234—238 гг.) утрачивается разменная функция медных монет по отношению к статеру, так как сам он становится медным<sup>96</sup>.

Для Горгиипии первых веков н.э., как и для Боспора в целом, отмечено распространение практики отпуска рабов<sup>97</sup>. Горгиипийских манумиссий всего семь, они относятся к I — началу III в.<sup>98</sup> Их наличие делает очевидным использование в хозяйственной жизни города рабского труда. Подтверждением, даже косвенным, широкого распространения здесь труда рабов мы не располагаем. Появление ману-

<sup>91</sup> Пичикян И.Р. Боспорские антаблемнты первых веков нашей эры // СА. 1975. № 1. С. 183; *он же*. К методике реконструкций античных фасадов по архитектурным фрагментам // КСИА. 1978. 152. С. 78 сл.; *он же*. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 243 сл.; Савостина Е.А. Об архитектурных фрагментах из Горгиипии // Горгиипия. Краснодар, 1980.

<sup>92</sup> Алексеева Е.М. Горгиипия // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 83.

<sup>93</sup> Блаватский В.Д. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947. С. 96.

<sup>94</sup> Крюкова И.А., Арзаманов Г.Ф. Специфика ордерной композиции в архитектуре первых веков н.э. (На примере находок из Горгиипии) // СА. 1988. № 2.

<sup>95</sup> Алексеева Е.М. Горгиипия. С. 83 сл.

<sup>96</sup> Фролова. Монетное дело Боспора ... С. 21—29.

<sup>97</sup> Литературу о манумиссиях и, в частности, боспорских см. КБН С. 79.

<sup>98</sup> КБН 1123—1128; Кругликова. Ук. соч. № 3.

миссий отражает определенные сдвиги в правовом сознании общества и предполагает плюрализм социально-экономических структур<sup>99</sup>.

К началу III в. н.э. изменяется ситуация и на границах Боспора. В степях появляются варварские племена, названные античными авторами готами. Собственно готы, племена германской языковой группы, возглавили большие объединения племен различных этнических групп, в том числе сарматских, аланских и других<sup>100</sup>. Передвижения этих племен нарушили жизненный ритм всех центров античной культуры Северного Причерноморья. В конце первой трети III в. была разгромлена Ольвия, войска новых союзов варварских племен придвинулись к восточным границам Боспора. Горгиппия приняла один из первых ударов, вслед за ней в 40-х годах был разгромлен Танаис. Горгиппия была уничтожена вскоре после 239 г., так как повсеместно наиболее поздними монетами из слоя гибели города являются денарии Ининфимея, помеченные этим годом<sup>101</sup>. Город погиб в сильнейшем пожаре, горели все дома. Деревянные перекрытия рухнули и увлекли за собой на дно глубоких подвалов то, что стояло на полах первых этажей. При этом разбились амфоры и пифосы, наполнявшие подвалы (уцелели лишь некоторые из них, которые стояли в углах и под стропилами лестниц). Глинобитные полы подвалов стали черными от угля и сажи. Глиняная обмазка подвальных стен и саманные кирпичи от рухнувших наземных кладок закалились в огне и приняли ярко-оранжевый цвет. Многие осколки керамических и стеклянных сосудов спеклись и оплавившись. Опасность в город пришла внезапно, имущество из домов вынести не успели: в подвалах горели полные зерна и рыбы амфоры, были брошены предназначенные для продажи товары, оставлены бытовые предметы, украшения, деньги. В подвале одного дома на полу найдено свыше ста лежащих горкой монет, — вероятно, они хранились в кошельке или шкатулке в расположенном над подвалом помещении и упали вниз вместе со сгоревшими перекрытиями. Горстка монет была спрятана за камень в стене подвала другого дома. На полах многих подвалов сгоревших домов собрано по нескольку десятков разбросанных монет. Пожарище не расчищалось, погребенное в подвалах имущество не искали. В то же время развалины не погребли людей, — быть может, жители города были уведены завоевателями.

Во второй половине III в. жизнь в Горгиппии возобновилась; на развалинах и слое пожара в отдельных местах возникли постройки, вероятно жилые, но они несравнимы с теми домами, которые им предшествовали. В плане они кривые, невелики по площади, не имеют подвалов. В ряде случаев лачуги прилепились к уцелевшим от разрушения стенам, сохранность построек фрагментарна. Вполне вероятно, что большая часть возродившегося города исчезла в турецкое время. Ведь о планировке Горгиппии от возникновения до момента гибели во всеобщем пожаре нам известно главным образом по постройкам, впущенным в грунт на значительную глубину — подвалам и заглубленным фундаментам. Уровень дневной поверхности второй половины III в. н.э. должен подходить почти вплотную к турецкому, а также и современному. Естественно поэтому, что наземные постройки второй половины III в. целиком утрачены.

На одном из самых крупных раскопов в Анапе, на территории создающегося археологического заповедника "Горгиппия" на 5500 кв.м исследованной площади нам известны только три помещения с позднеантичным материалом, перекрывающие слой всеобщего пожара города. Стены этих помещений возведены наскоро из

<sup>99</sup> *Зельин К.К., Трофимова М.К.* Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969. С. 119 сл.

<sup>100</sup> *Шелов Д.Б.* История античных государств Северного Причерноморья // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 20.

<sup>101</sup> Все монеты из раскопок Анапской экспедиции Института археологии АН СССР за 1972–1986 гг. определены Н.А. Фроловой.



разномасштабных камней, собранных поблизости; кирпичи, видимо, изготовить было негде. Внутри помещений найдены куски больших позднеантичных амфор. По обломкам нельзя определить, когда именно были возведены эти примитивные сооружения, так как узкая хронология боспорских амфор III в. не разработана, и найденные типы мы не можем разделить на амфоры первой и второй половины этого столетия. Регулярно при раскопках Анапы на различных участках древнего города встречаются монеты второй половины III и начала IV в. Среди них есть отдельные экземпляры Рескупорида V (242–276 гг.), Фофорса (285–308 гг.), Рескупорида VI (314–341 гг.). Известно, что после правления Ининфимея (234–238 гг.) боспорский чекан прерывается до 242 г. и возобновляется при Рескупориде V. Наличие монет, помеченных первыми годами правления Рескупорида V, свидетельствует о том, что жизнь в городе возобновилась вскоре после его разгрома.

Однако при постоянно ведущихся в Анапе земляных работах находки второй половины III и IV в. никак нельзя признать массовыми. Возможно, жизнь в городе после пожара возобновилась только на каком-то локальном и пока еще не выявленном участке. От IV в. сохранились только отдельные монеты. В одной из могил городского некрополя найдено краснолаковое блюдо V в. с крестом<sup>102</sup>. Части подобных блюд с аналогичными крестами встречаются и в культурном слое городища. Все указанные наблюдения свидетельствуют о том, что в середине III в. жизнь на месте разгромленной Горгиппии возродилась, но она едва теплилась, цветущий город восстановлен не был.

В то же время в районе селения Гайкодзор в окрестностях Анапы найдено несколько крупных денежных кладов, содержащих монеты Фофорса (285–308 гг.), Радамсада (309–322 гг.), Рескупорида VI (314–342 гг.)<sup>103</sup>. Известно, что в 341/342 г. на Боспоре окончательно прекратился монетный чекан, вероятно, как следствие глубокого экономического упадка<sup>104</sup>. Боспорские же монеты последних серий продолжали использоваться и после прекращения чекана, они встречаются в кладах эпохи гуннского нашествия<sup>105</sup>. Поэтому закрытие монетных кладов в Гайкодзоре может быть отнесено как к периоду экономического кризиса, повлекшего за собой прекращение чекана, так и к более позднему времени опустошительного нашествия гуннов. Так или иначе, но наличие этих кладов документирует возрождение интенсивной жизни в окрестностях погибшей Горгиппии, продолжавшейся, очевидно, вплоть до полного уничтожения боспорских городов гуннским нашествием в 70-е годы IV в.

## GORGIPPIA DANS LE SYSTÈME DU ROYAUME DE BOSPHORE DES PREMIERS SIÈCLES DE N.È.

*Je. M. Aleksejeva*

Durant les premiers siècles de n.è., la ville antique de Gorgippia (Caucase du Nord, l'actuelle Анапа) s'est développée dans le système du Royaume de Bosphore. Encore sous Asandre, au I<sup>er</sup> s. av. n.è., les approches de la ville furent renforcées par une citadelle (dans la stanitsa Anapovskaja) qui faisait partie du système défensif de tout l'Etat. La forteresse fut détruite une première fois quand Polémon s'imposa au Bosphore; la lutte contre lui fut soutenue par la tribu sarmate voisine des Aspurgiens.

<sup>102</sup> Кругликова И.Т. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия. Краснодар, 1982. С. 124. Рис. 6, 3.

<sup>103</sup> Нестеренко Н.Д. Клады Горгиппии // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 87. Н.А. Фролова датирует наиболее поздние монеты в этих кладах 341 г.

<sup>104</sup> Шелов. История античных государств ... С. 21.

<sup>105</sup> Голенко К.В. Второй Патрейский клад монет (1951 г.) // НЭ. 1960. I; Голенко К.В., Сокольский Н.И. Клад 1962 г. из Кеп // НЭ. 1968. VII.

А. И. Сидоров

## АРИАНСТВО В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Современная литература по арианству чрезвычайно обширна и затрагивает самые разнообразные аспекты этого религиозного движения. Необходимо сразу оговориться, что исследование арианства в настоящее время ведется в основном западными учеными. В нашей историографии практически отсутствуют работы, посвященные этому важному явлению позднеантичной культуры, хотя имеется достаточно богатая традиция изучения его в русской дореволюционной историографии. Возобновление (и обновление) прерванной историографической традиции представляется одной из задач нашего антиковедения.

В последние 10–15 лет интерес к изучению арианства особенно оживился. Если в первые послевоенные десятилетия появлялись преимущественно статьи, посвященные истории и содержанию этого еретического учения, и лишь изредка выходили в свет монографические исследования, то в последнее время возросло число монографий. Симптоматичным представляется и переиздание некоторых старых работ по арианству. В частности, можно отметить переиздание книги Г. М. Гваткина "Арианские споры"<sup>1</sup>, где дается краткий очерк истории арианства, которое рассматривается в качестве "алогичного компромисса" между язычеством и христианством (с. 166–167). Данная книга по глубине и серьезности анализа источников уступает другой солидной монографии того же автора<sup>2</sup>, ибо написана в несколько ином жанре, но тем не менее она является хорошим введением в изучение арианства. Другим примером может служить переиздание ряда статей, касающихся различных аспектов проблемы взаимоотношения политики и богословия в период тринитарных споров<sup>3</sup>, т. е. в период IV в.

Этот повышенный интерес к арианству вряд ли случаен. На наш взгляд, он обусловлен двумя причинами. Во-первых, оживление "арианских штудий" связано с той переориентацией в ряде областей исторических знаний, которую можно обозначить как переход от "экстенсивного освоения" источников к "интенсивному изучению" их. Круг источников по истории арианства уже достаточно давно известен и стабилен. И несмотря на некоторое расширение его в последнее время, ждать каких-либо новых сенсационных открытий здесь вряд ли приходится<sup>4</sup>. Сейчас ставится вопрос о более тщательном анализе уже известных источников и выработке новых методов подхода к ним<sup>5</sup>. Во-вторых, пристальное внимание к арианству вызвано и тем, что арианство представляет собою первую ересь в христианстве, ставшем признанной государственной религией Поздней Римской импе-

<sup>1</sup> Gwatkin H.M. The Arian Controversy. N.Y., 1979 (репринт).

<sup>2</sup> Idem. Studies in Arianism. Camb., 1900.

<sup>3</sup> Die Kirche angesichts der konstantinische Wende / Hrsg. von G. Ruchbach. Wege der Forschung. Bd 306. Darmstadt, 1976.

<sup>4</sup> Kannengiesser Ch. Arius and the Arians // Theological Studies. 1983. V. 44. P. 457–459.

<sup>5</sup> Примером такого нового подхода могут служить работы Ш. Канненгиссера, в том числе его статья: Kannengiesser Ch. Les "Blasphemies d'Arius" (Athanasie d'Alexandrie, De Synodis 15): un écrit neo-arien // Memorial Andre-Jean Festugiere. Antiquité paienne et chrétienne. Geneve, 1984. P. 143–151.

рии. Поэтому в глазах последующих поколений арианство предстает как ересь *par excellence*. Оно стало своего рода "эталоном" для оценки позднейших еретических учений. Отсюда понятно, что исследование конфликта арианства с никейским православием позволяет решить более общую проблему "ортодоксии—ереси", столь важную для всей истории христианства. Действительно, во время предшествующего "гностического кризиса" II—III вв. на первый план были выдвинуты космологические, антропологические, гносеологические вопросы, хотя и имеющие немалое значение сами по себе, но все же производные и вторичные. Арианство же поставило под сомнение самую суть христианского вероучения — догмат о Троице, краеугольный камень, на котором базировалась вся стройная система этого вероучения. По выражению Х. Шёнборна, "арианство разрушало не только христианское видение Бога, но и ставило под сомнение ценность тварного мира, который был для Ария не непосредственным созданием Божиим, но продуктом некоей тварной промежуточной инстанции — Сына"<sup>6</sup>. Нельзя сказать, что тринитарная проблема не вставала ранее: ее пытались решить и апологеты II—III вв. Она стояла и перед представителями различных ответвлений монархизма, отстаивавшими идею строго монотеистического "единоначалия Бога"<sup>7</sup>. Но во всей глубине и широте своей она была осознана лишь в период арианских споров. В этой связи возникает вопрос о том, исходил ли "творческий импульс" к постановке данной проблемы от Ария? Статья Р.Д. Вильямса, где затрагивается этот вопрос, позволяет решить его скорее в отрицательном смысле: дискуссия о применении термина "сущность" к сфере тринитарного учения была начата Александром Александрийским и его единомышленниками, а не Арием. Поэтому Александр выступает здесь как "опасный новатор", а Арий — в роли "консерватора"<sup>8</sup>. В самом деле, если обратиться к ситуации той эпохи, следует признать, что введение термина "единосущный" в символ веры и защита его требовали от сторонников ортодоксии куда большего дерзновения мысли, чем от ариан — отвержение его. Ибо этот термин не только не был освящен авторитетом Библии, на что неоднократно указывали ариане, но и серьезно "скомпрометирован" постоянным использованием его у гностиков<sup>9</sup>, в силу чего нам представляется сомнительным обобщающий тезис М.Ф. Уайлза, что именно еретики определяли основные тенденции развития раннехристианской догматики, в сфере которой они часто избирали "поле" для богословских баталий и оружие для них<sup>10</sup>. Последующие христологические и иконоборческие споры показывают, что еретики (монофиситы, несториане и иконоборцы) страдали узким консерватизмом в более значительной степени, чем их оппоненты-православные.

Учитывая тот факт, что работы по арианству весьма многочисленны (некоторые из них остались нам недоступны), целесообразно выделить несколько узловых проблем, вокруг которых разворачиваются научные дискуссии и высказываются различные точки зрения.

Первая проблема, касающаяся идейных истоков арианства и, в частности, роли александрийской и антиохийской школ в формировании его, неоднократно дискутировалась в нашей дореволюционной историографии и имеет более чем вековую историю<sup>11</sup>. Во всей остроте она впервые была поставлена русскими исследователями. Зачинщиком научного спора явился А.П. Лебедев, который сформулировал

<sup>6</sup> Schönborn Ch. Die Christus-Ikone. Eine theologische Hinführung. Schaffhausen, 1984. S. 21.

<sup>7</sup> См. Снацкий А. История догматических движений в эпоху вселенских соборов. Т. I. Тринитарный вопрос. Сергиев Посад, 1914. С. 1—123.

<sup>8</sup> Williams R.D. The Logic of Arianism // JThS. 1983. V. 34. P. 56.

<sup>9</sup> Stead Ch. Divine Substance. Oxf., 1977. P. 190—122.

<sup>10</sup> Wiles M.F. The Making of Christian Doctrine. A Study in the Principles of Early Doctrinal Development. Camb., 1967. P. 32—36.

<sup>11</sup> Экскурс в старую историографию см.: Лебедев Д.А. Вопрос о происхождении арианства // Отл. оттиск из "Богословского Вестника". Сергиев Посад, 1916. С. 4—7.

свою точку зрения следующим образом: "Никейское направление богословской мысли можно именовать александрийским, а антиникейское – антиохийским"<sup>12</sup>. Такая резкая формулировка вызвала не менее резкую реакцию А.М. Иванцова-Платонова, отстаивавшего теорию александрийских истоков арианства: влияние антиохийской школы сказалось лишь на развитии, а не на происхождении арианства<sup>13</sup>. К гипотезе А.П. Лебедева склонялся и известный историк церкви В.В. Болотов<sup>14</sup>, признавая при этом некоторые точки соприкосновения (правда, чисто внешнего характера) арианства с оригенизмом<sup>15</sup>. Данную гипотезу разделял и А. Спасский<sup>16</sup>. Однако однофамилец А.П. Лебедева – Д.А. Лебедев принял сторону А.М. Иванцова-Платонова, считая арианство результатом крайнего развития александрийской (оригенистской) традиции<sup>17</sup>, а Лукиана Самосатского лишь проводником оригенистских идей, сыгравших основную роль в генезисе арианства, но ни в коем случае не "Арием до Ария"<sup>18</sup>. К позиции А.М. Иванцова-Платонова склоняется также и Б.М. Мелиоранский. По его словам, в арианском споре «впервые ярко сказались роль Оригена, как камня, лежащего "на падение и восстание многих": и Арий, и Афанасий оба в известной мере опирались на него, и оба имели на то внутреннее право»<sup>19</sup>. В то же время Б.М. Мелиоранский считал, что богословскую школу нельзя отождествлять с экзегетическим методом. К началу IV в. александрийской и антиохийской школ, в строгом смысле слова, еще не было, ибо и александрийцы, и антиохийцы опирались на Оригена. Если считать ветви оригенизма за особые "школы", то таких "школ" можно насчитать в IV в. пять: староалександрийскую, новоалександрийскую, палестинскую, каппадокийскую и антиохийскую<sup>20</sup>.

Обращаясь к трудам современных западных исследователей, можно наблюдать подобное расхождение мнений. Еще Р. Сэллерс признал Ария ярким выразителем тенденций антиохийской школы, считая тем не менее, что "лукианисты" – сторонники учения Лукиана Самосатского (Антиохийского) отнюдь не соглашались со всеми выводами ересиарха и поэтому их вряд ли должно безоговорочно причислять к арианам<sup>21</sup>. Особенно активно отстаивает гипотезу антиохийских истоков арианства Т. Поллард, указывая на то, что Арий не имел широкой поддержки в Александрии, но получил таковую среди "лукианистов". Богословская оппозиция Афанасию Александрийскому исходила от них, в Александрии же подобная оппозиция отсутствовала. Правда, реакция на арианство со стороны Евстафия Антиохийского и Маркелла Анкирского показывает, что оно было отступлением от "признанной теологии" антиохийской школы<sup>22</sup>. Антиохийской теории происхождения арианства придерживается также Б. Лонерган<sup>23</sup>. Однако и противополо-

<sup>12</sup> Мы ориентируемся на более позднее издание его книги: *Лебедев А.П.* Вселенские соборы IV и V веков. СПб., 1904. С. 63.

<sup>13</sup> *Иванцов-Платонов А.М.* Религиозные движения на христианском Востоке в IV и V веках. М., 1881. С. 90–108.

<sup>14</sup> *Болотов В.В.* Лекции по истории древней Церкви. Т. 4. Пг., 1918. С. 1–13.

<sup>15</sup> *Он же.* Учение Оригена о Святой Троице. СПб., 1879. С. 397–412.

<sup>16</sup> *Спасский.* Ук. соч. С. 150–165.

<sup>17</sup> *Лебедев Д.А.* Вопрос о происхождении арианства. С. 14–29; *он же.* Св. Александр Александрийский и Ориген // Отд. оттиск из "Трудов Киевской Духовной Академии". Киев, 1915. С. 30–33.

<sup>18</sup> *Он же.* Евсевий Никомедийский и Лукиан (К вопросу о происхождении арианства) // Богословский Вестник. 1912. № 4. С. 722–737; № 5. С. 180–189.

<sup>19</sup> *Мелиоранский Б.М.* Из лекций по истории древней христианской Церкви // Странник. 1910. № 7–8. С. 100.

<sup>20</sup> Там же (продолжение) // Странник. 1911. № 6. С. 849–850.

<sup>21</sup> *Sellers R.V.* Eustathius of Antioch and His Place in the Early History of Christian Doctrine. Cambr., 1928. P. 15–16.

<sup>22</sup> *Pollard T.E.* The Origins of Arianism // JThS. 1958. V. 9. P. 103–111; *idem.* Johannine Christology and the Early Church. Cambr., 1970. P. 141–145.

<sup>23</sup> *Lonerган B.* The Way to Nicea. The Dialectical Development of Trinitarian Theology. L., 1976. P. 69.

ложная гипотеза нашла своих сторонников. Так, Ф. Грин считает оригенизм (правда, "деформированный и неправильно понятый") предположительным "родителем" арианства<sup>24</sup>. Александрийскую теорию генезиса арианства развил главный оппонент Т. Полларда М. Уайлз<sup>25</sup> и подкрепил своей аргументацией Л. Барнард, проследивший связь учения Ария с мировоззрением Афинагора и александрийских учителей (Климента, Оригена, Дионисия, Феогноста). При этом Л. Барнард оговаривается, что корни арианства не следует искать в рамках дилеммы: Александрия или Антиохия. Арий опирался на "протоарианскую" традицию, уже существовавшую в раннехристианской церкви. Система его была просто "философским дуализмом", хотя и не без "библейского колорита", и синтезировала в единое и логическое целое различные элементы, наличествующие прежде всего в александрийском богословии, но не исключительно в нем<sup>26</sup>. К александрийской теории примыкает и А.М. Риттер, считающий, что тринитарные споры IV в. возникли внутри александрийской ("христианско-платонической") традиции<sup>27</sup>. Несколько своеобразную позицию в этом плане занял Р. Лоренц, полагающий, что арианство выросло не из тринитарного учения и концепции Логоса Оригена, а из его учения о "предсуществующей душе" Христа. Арий и Евагрий Понтийский суть "ветви одного древа", и "гносис" Ария принадлежит истории оригенизма<sup>28</sup>. Однако точка зрения Р. Лоренца вызвала отпор со стороны Ш. Канненгиссера: хотя он считает, что кризис, вызванный арианством, и был "специфически александрийским кризисом толкования Библии", но подчеркивает различную направленность учения Ария и Оригена – мировоззрение первого не базировалось на предпосылках Оригена, но исходило совсем из иных, философских постулатов<sup>29</sup>.

Наряду с намеченными крайними точками зрения существует и более умеренная. Она отражена, например, в работах Э. Буларана, который приходит к выводу, что известный факт обучения Ария и в Александрии, и в Антиохии имел следствием синтез обеих традиций в его системе<sup>30</sup>. В современной историографии наметился и еще один подход к указанной проблеме. Так, М. Симонетти отмечает, что разграничение александрийской и антиохийской школ нельзя возводить к середине III – началу IV в. Антиориенистская тенденция в Антиохии начинается не с Лукиана, а с Евстафия. В начале IV в. отсутствовала культурная и богословская гомогенность, которая могла бы контрастировать с оригенизмом. Формирование партии ариан происходило в сиро-палестинском ареале, где сильны были традиции крайнего оригенизма, которые и нашли свое выражение в арианстве – ему противостоял "умеренный оригенизм" партии православных во главе с Александром Александрийским<sup>31</sup>. Эту точку зрения разделяет К. Луибхайд, подчеркивающий также, что расхождение двух школ к моменту возникновения арианства выразилось лишь в сфере экзегезы<sup>32</sup>. На необходимость отхода от традиционного видения александрийской и антиохийской школ как неких "монолитных блоков" указывает и Г. Марру, считающий в то же время арианство типично александрийским феноменом<sup>33</sup>.

<sup>24</sup> Green F.W. The Latter Development of the Doctrine of the Trinity // Essays on the Trinity and the Incarnation / Ed. A.E.J. Robinson. L., 1933. P. 252.

<sup>25</sup> Wiles M.F. Working Papers in Doctrine. L., 1976. P. 28–37.

<sup>26</sup> Barnard L.W. The Antecedents of Arius // Vigiliae Christianae. 1970. V. 24. P. 172–188.

<sup>27</sup> Handbuch der Dogmen- und Theologiegeschichte / Hrg. von C. Andresen. Bd I. Göttingen, 1982. S. 146–148.

<sup>28</sup> Lorenz R. Arius judaizans? Untersuchungen zur dogmengeschichtlichen Einordnung des Arius. Göttingen, 1979. S. 221.

<sup>29</sup> Kannengiesser Ch. Holy Scripture and Hellenistic Hermeneutics in Alexandrian Christology: The Arian Crisis. Berkeley, 1982. P. 1–34..

<sup>30</sup> Boularand E. Les débuts d'Arius // Bulletin de Littérature Ecclésiastique. 1964. V. 65. P. 178–179; idem. L'hérésie d'Arius et la "foi" de Nicee. P., 1972. P. 125–174.

<sup>31</sup> Simonetti M. La crisi ariana nei IV secolo. Roma, 1975. P. 20–60.

<sup>32</sup> Luibheid C. Eusebius of Caesarea and the Arian Crisis. Dublin, 1978. P. 102–103.

<sup>33</sup> Marrou H.I. Patristique et humanisme. Melanges. P., 1976. P. 321–330.

Таким образом, проблема истоков и идейного генезиса арианства еще далека от своего решения. Для правильного подхода к данной проблеме требуются еще дополнительные и кропотливые исследования. Одним из вопросов, достойных внимания, представляется вопрос о том, насколько и в какой мере развитие раннехристианского мирозерцания определилось воздействием на него Оригена. Во всяком случае, работы В. Бинерта показывают, что учение его еще при жизни вызвало в Александрии достаточно резкую оппозицию и поэтому ставить знак равенства между александрийской и оригенистской традицией вряд ли возможно<sup>34</sup>. В этой связи большое значение приобретает мировоззрение Дионисия Александрийского, сыгравшее позднее большую роль в арианских спорах, тем более что под сомнение ставится факт дискуссий относительно термина "единосущный" в III в.<sup>35</sup> Внимания требует и такая забытая в историографии (со времени появления работы Л. Редфорда<sup>36</sup>) личность, как Феогност. Подобные конкретные исследования позволили бы подойти вплотную к решению проблемы, касающейся самого феномена "александрийской школы". Пока, во всяком случае, складывается впечатление, что данная "школа" не была однородным мировоззренческим течением и в ней существовало несколько различных тенденций, инородность которых и обнаружилась во время арианских споров. Еще больше неясностей возникает в связи с вопросом об "антиохийской школе" — здесь намного труднее говорить о некоей единой линии развития. Например, вряд ли можно констатировать прямую преемственность между учениями Павла Самосатского и Лукиана<sup>37</sup>, тем более что относительно последнего сохранились чрезвычайно скудные сведения. Вокруг Лукиана образовался кружок учеников, к которому себя причислял и Арий ("солукианисты"); многие из них стали видными деятелями арианской партии<sup>38</sup>, но в какой мере они отражали взгляды своего учителя — сказать трудно. Тот факт, что из Антиохии вышел и Евстафий — непримиримый враг арианства и оппонент Оригена<sup>39</sup>, позволяет думать, что об "антиохийской школе" как о некоем гомогенном целом вряд ли может идти речь (по крайней мере до первой четверти IV в.). Исходя из этих соображений, видимо, следует отказаться от попыток решения проблемы генезиса арианства в плане "единого истока".

Вторая проблема, тесно связанная с предыдущей, относится к сущности арианского учения, а именно: к соотношению в нем элементов религии и философии. Она фактически была поставлена православными оппонентами арианства, которые всячески подчеркивали доминирующее место диалектики и софистики в мировоззрении ариан, называя Аристотеля "епископом ариан"<sup>40</sup>. Такое видение арианства оказало сильное воздействие на оценку этого течения у исследователей XX в. Так, например, Г. Гвоткин считает арианство "философией, облаченной в христианские одежды"<sup>41</sup>. А. Спасский называет ариан "богословами-либералами, в догматических вопросах видевшими не предмет веры, а область научного исследования", и считает, что их следует обозначать не как "рационалистов", но как "рационализи-

<sup>34</sup> *Bienert W.A.* Dionysius von Alexandrien. Zur Frage des Origenismus im dritten Jahrhundert. B.—N.Y., 1978; *idem.* Dionysius der Grosse und Origenes // *Studia Patristica.* V. 16. Pt II. B., 1986. P. 219—223.

<sup>35</sup> *Abramowski L.* Dionys von Rom und Dionys von Alexandrien in den arianischen Streitigkeiten des 4. Jahrhunderts // *Zeitschrift für Kirchengeschichte.* 1982. Bd 93. S. 240—272.

<sup>36</sup> *Radford L.B.* Three Teachers of Alexandria: Theognostus, Pierius and Peter. Cambr., 1908.

<sup>37</sup> *Bardy G.* Paul de Samosate. Étude historique. Louvain — Paris, 1923. P. 401—411.

<sup>38</sup> *Idem.* Recherches sur Saint Lucien d'Antiochie et son école. P., 1936. P. 183—359.

<sup>39</sup> *Кудрявцев Н.* Евстафий Антиохийский // Отд. оттиск из "Богословского Вестника". Сергиев Посад, 1910. С. 1—57.

<sup>40</sup> Исчерпывающая подборка свидетельств христианских писателей на сей счет дана: *Ghelinck de J.* Patristique et Moyen Age. Étude d'histoire littéraire et doctrinale. T. 3. Bruxelles-Paris, 1948. P. 345—310.

<sup>41</sup> *Gwatkin.* The Arian Controversy. P. 6.

рующих богословов"<sup>42</sup>. В. Маркус же говорит о "софистическом рационализме" ариан с преобладанием "формалистической диалектики". Система Ария формировалась под влиянием Аристотеля и противостояла миросозерцанию Афанасия Александрийского с его ярко выраженным "онтологически-спекулятивным" характером<sup>43</sup>. Однако большинство исследователей, рассматривающих арианство под философским углом зрения, включает его в традицию так называемого "христианского платонизма". Так, Г. Стэд считает неправильной альтернативу: находилось ли учение Ария под преимущественным воздействием философии Платона или же под влиянием перипатетиков, ибо к началу IV в. еще были "антиаристотелевские платоники", но уже не существовало "антиплатоновских аристотеликов". Арий опирался на традицию платонизма, уже наличествующую внутри христианской церкви. Среди "христианских платоников" он больше всего обязан Мефодию Олимпийскому, а среди языческих — Нумению и Атику<sup>44</sup>. Совпадает с этим и мнение Л. Барнарда: Арий воспринял идеи платонизма через посредство христианской традиции, причем сам он был скорее религиозным мыслителем, чем чистым философом. В отличие от учения Ария доктрина аномеов испытала влияние (через стоические каналы) аристотелевской логики<sup>45</sup>. Обстоятельно развил данную точку зрения Ф. Рикен: ариане стремились интерпретировать христианский тезис о различии тварного и нетварного бытия с помощью платоновской онтологии. Поэтому космологическая ориентация среднеплатонического понимания бытия, присутствовавшая уже у апологетов и таившая в себе опасность для христианской "керигмы", приобрела в учении ариан крайне резкую форму выражения, что и вызвало отпор со стороны ортодоксальных богословов<sup>46</sup>. В том же духе выдержана оценка арианства и у Р. Хюбнера: миросозерцание ариан базировалось на внебиблейской основе, ибо они защищали "абсолютно трансцендентного Бога греческой философии"<sup>47</sup>. А. Грильмайер также придерживается подобного взгляда: монотеизм Ария ближе к среднему платонизму, чем к подлинно христианскому вероучению, а поэтому Никейский собор являлся реакцией на такое "оязычивание" или "эллинизацию" христианства<sup>48</sup>.

Эту же точку зрения разделяет К. Луибхайд: у Ария прослеживается старая проблема античной философии — проблема бытия и становления. Бог-Отец выступает у ересиарха в качестве нерожденной "Монады", за которой следует несуществовавшая до этого "Диада" ("Бог-Сын"). Тем самым философская проблематика активно внедряется в область богословия. Ставя типично богословские проблемы, Арий пытался решить их чисто логическим путем и именно данный путь привел его к ереси<sup>49</sup>. О явно философском характере учения Ария и о влиянии на него платонизма говорит также и М. Симонетти<sup>50</sup>. Более гибкую позицию занял Ш. Канненгиссер: по его мнению, учение Ария развивалось как бы на двух уровнях — уровне современной ему философской образованности и уровне традиционного церковного толкования Писания, причем оба эти уровня тесно взаимосвязаны. Философия Плотина представляется основным истоком мировоззрения Ария,

<sup>42</sup> Снасский. Ук. соч. С. 167–168, 212.

<sup>43</sup> Marcus W. Der Subordinatianismus als historiologisches Phänomen. München, 1963. S. 103–112.

<sup>44</sup> Stead G. C. The Platonism of Arius // JThS. 1964. V. 15. P. 16–31.

<sup>45</sup> Barnard L. W. What was Arius' Philosophy? // Theologische Zeitschrift. 1972. Bd 28. P. 110–117.

<sup>46</sup> Ricken F. Nikaia als Krisis des altchristlichen Platonismus // Theologie und Philosophie. 1969. Bd 44. S. 321–341; *idem*. Zur Rezeption der platonischen Ontologie bei Eusebios von Kaisareia, Areios und Athanasios // Ibid. 1978. Bd. 53. S. 321–352.

<sup>47</sup> Hübner R. M. Der Gott der Kirchenväter und der Gott der Bibel. Zur Frage der Hellenisierung des Christentums. München, 1979. S. 10–21.

<sup>48</sup> Grillmeier A. Mit Ihm und in Ihm. Christologische Forschungen und Perspektiven. Freiburg im Breslau, 1975. S. 221.

<sup>49</sup> Luibheid C. Finding Arius // The Irish Theological Quarterly. 1978. V. 45. P. 81–100.

<sup>50</sup> Simonetti. Op. cit. P. 60.

который стремится "акклиматизировать" логику Плотина внутри библейского креационизма. Это привело его к столкновению с устоявшейся александрийской традицией комментирования Библии. "Схоластическая герменевтика" Ария соответствует типу "плотинизма", христианизированного на уровне своих фундаментальных принципов и перенесенного в сферу "популярного катехизиса", опирающегося на Библию<sup>51</sup>. Наконец, следует отметить компромиссную точку зрения Е. Буларана, который, с одной стороны, указывает на философские истоки учения Ария (при относительно неглубокой философской культуре его) и манеру пропаганды его, напоминающую манеру софистов, а с другой стороны, подчеркивает большое значение библейской экзегезы в мировоззрении ересиарха<sup>52</sup>.

Указанная проблема имеет прямое отношение и к позднейшей стадии арианского движения, именуемого "аномейством" или "неоарианством". В работах предшествующих десятилетий указывалось на ведущую роль логического стиля мышления в учении аномеев<sup>53</sup>, "аристотелевскую технику философствования" и тесную связь их с неоплатонизмом<sup>54</sup>. Примерно к тем же выводам приходит в своей статье А. Мередит, констатирующий приверженность аномеев к тому кругу идей, который характерен для среднего платонизма и неоплатонизма. Наоборот, их православные оппоненты в лице каппадокийцев хотя и использовали философский язык своего времени, но стремились избежать последствий жесткого подчинения существующим философским моделям<sup>55</sup>. В монографии Т. Копекека история и учение аномейства впервые в историографии представлены с исчерпывающей полнотой<sup>56</sup>. Автор показывает на основе анализа "Апологии" Евномия, что аргументы аномеев базировались на среднеплатонической теории языка. Подобно Альбину, Евномий предполагает "естественное соответствие имен с вещами, обозначаемыми данными именами"; отсюда Евномием делается вывод, что различие имен "Бог-Отец" и "Бог-Сын" влечет различие сущностей. Тем не менее Евномий озабочен стремлением подчеркнуть библейский характер своего учения о рожденности Сына. В "Апологии" содержится и учение о Духе, как третьем по рангу Лице Троицы. Полемика Василия Великого ("Против Евномия") направлена против данной иерархической структуры бытия, где выделяются четыре уровня его: 1) Бог как нерожденная сущность, 2) Сын как первая "тварь", 3) Дух, созданный Сыном и 4) все прочие вещи, созданные опять же Сыном. Анализ "Апологии апологии" Евномия также показывает явную противоположность его богословско-философского метода методу Василия Великого: в отличие от последнего Евномий считал, что наше знание должно идти от сущности предмета к его действиям, и отдавал предпочтение дедукции, а не индукции (как Василий). Это влекло за собой и кардинальное различие в гносеологии: согласно Евномию, человек может познавать сущность вещей и прежде всего познавать посредством имен, естественно принадлежащих им. Для Василия Великого сущность вещей непознаваема — мы можем знать их лишь постольку, поскольку качества (или "энергии") вещей действуют на нас. Подобные расхождения привели к развитию Евномием и Василием двух совершенно различных теорий языка. Исповедание веры, представленное Евномием императору Феодосию, обнажает еще одну существенную черту его мировоззрения: Евномий здесь исходит из постулата, что "не вера

<sup>51</sup> Kannengiesser. Holy Scripture ... P. 35–40.

<sup>52</sup> Boullarand E. Aux sources de la doctrine d'Arius // Bulletin de Littérature Ecclésiastique. 1967. T. 68. P. 3–6; *idem*. Les débuts d'Arius. P. 186–187; *idem*. L'hérésie d'Arius... P. 76, 91, 109.

<sup>53</sup> Vandebusch E. La part de la dialectique dans la théologie d'Eunomius "le technologue" // Revue d'Histoire Ecclésiastique. 1944 / 1945. T. 40. P. 47–72.

<sup>54</sup> Danielou J. Eunome l'Arien et l'exégèse néo-platonicienne du Cratyle // Revue des études grecques. 1956. T. 69. P. 412–432.

<sup>55</sup> Meredith A. Orthodoxy, Heresy and Philosophy in the Latter Half of the Fourth Century // The Heythrop Journal. 1975. V. 15. P. 5–21.

<sup>56</sup> Kopeček T.A. A History of Neo-Arianism. Cambr. Mass., 1979.



ищет понимания, но понимание создает веру". Таким образом, монография Т. Копечека еще раз подтверждает наличие мощного философского пласта в учении аномеев.

Однако наряду с "философской интерпретацией" сущности арианства в историографии можно наблюдать и совершенно противоположную оценку этого течения. Еще А.М. Иванцов-Платонов указывал на то, что вряд ли можно рассматривать ариан как "рационалистов в вопросах веры", ибо они были "горячо увлечены религиозным вопросом" и стремились держаться "на почве Писания"<sup>57</sup>. Его поддерживал и Б.М. Мелиоранский, считавший, что ариане "готовы были первоосновы учения принимать на веру и только развитие их вели путем "эллинских софизмов", но здесь они едва ли отличаются от православных... Разница только в том, что в то время как Афанасий стремится диалектически обосновать и защитить предание, ариане стремятся диалектически обосновать и развить те новые мысли, на которые их навело изучение Св. Писания под их особым, и на сей раз действительно антиохийским углом зрения"<sup>58</sup>. По мнению Б.М. Мелиоранского, суть арианства следует искать в экзегетике. Примерно в том же ключе пытаются решить данную проблему и отдельные западные исследователи. Здесь намечилась тенденция рассматривать арианство под "сотериологическим углом зрения"<sup>59</sup>. Эта тенденция нашла свое наиболее четкое выражение в совместной монографии Р. Грегга и Д. Гроу<sup>60</sup>. В предисловии авторы указывают, что между ранним арианством (Арий, Астерий Софист и Евсевий Никомедийский) и "неоарианством" (Аэтий, Евномий) отсутствовала прямая преемственность; разрыв между ними был значительно большим, чем между православным "староникейством" и "новоникейством". Далее авторы ставят под сомнение традиционный образ Ария как "логика и диалектика", подчеркивая, что свое учение Арий основывал прежде всего на библейской экзегезе. Для ариан исторический Иисус и "предсуществующий Сын" были не только родственными аспектами той же самой христологической реальности, но и двумя полностью совпадающими способами сохранения кардинального принципа арианства – все "твари", включая Спасителя, целиком зависят от Творца. Если для сторонников ортодоксии спасение людей определялось сущностным тождеством Сына с Отцом, то для ариан это спасение детерминировалось тождеством Сына и "тварей". Главная сотериологическая идея арианства: "божественное сыновство" различается по степени, а не по роду, поэтому Христос не является "единственно возможным Сыном". Из данной идеи логически вытекал адопцианизм ариан, космология которых также основывалась на сотериологии. Учение Ария несомненно испытало влияние Павла Самосатского, хотя вряд ли можно установить между ними прямую генетическую связь. Полную противоположность арианству представляло богословие Афанасия Александрийского, который исходит из различия божественной и человеческой природы. Согласно Афанасию, сущностная и вечная связь Христа с Отцом позволила при воплощении божественной природе войти в прямой контакт с человеческой. Данные тезисы Р. Грегга и Д. Гроу суммировали еще в одной их работе<sup>61</sup>, где подчеркивают сложности, связанные с реконструкцией "богословской программы" ариан. Во-первых, арианское учение дошло до нас главным образом в передаче его оппонентов, которые постоянно вставляли исходные сотериологические предпосылки ариан в такие "лингвистические рамки", которые представляются современными исследователями в качестве философских. Во-вторых, подобное

<sup>57</sup> Иванцов-Платонов. Ук. соч. С. 82–86.

<sup>58</sup> Мелиоранский. Ук. соч. // Странник. 1911. № 6. С. 851.

<sup>59</sup> Wiles. Working Papers in Doctrine. P. 35–36; Barbel J. Jesus im Glauben der Kirche. Die Christologie bis zum 5. Jahrhundert. Aschaffenburg, 1976. S. 125.

<sup>60</sup> Gregg R.C., Groh D.E. Early Arianism – A View of Salvation. Philadelphia, 1981.

<sup>61</sup> Gregg R.C., Groh D.E. The Centrality of Soteriology in Early Arianism // Studia Patristica. 1984. V. 15. Pt 1. P. 305–316.

транспонирование сотериологических предпосылок в богословско-философские категории осуществлялось и самими арианами. Мнение этих ученых разделяет Ф. Янг, который ограничивает учение Ария от "софистической философии" аномеев. Сущность учения Ария определялась не философским монотеизмом его эпохи, но экзегетическими дебатами относительно статуса Логоса в церковных кругах. Арий был не "смелым исследователем", но "реакционным консерватором", опирающимся на Библию и предшествующую христианскую традицию<sup>62</sup>. Наконец, можно отметить еще позицию Р. Лоренца, видящего в христологии средоточие учения Ария<sup>63</sup>.

Следовательно, и в оценке сущности арианства мнения специалистов расходятся в диаметрально противоположных направлениях. Это заставляет предполагать, что в арианстве, как и в прочих религиозно-философских течениях поздней античности и раннего средневековья, оба момента ("религия" и "философия") были неразрывно сопряжены, поэтому искусственно выделять какой-либо из них вряд ли целесообразно. Вместе с тем представляется вероятным, что арианство в большей степени, чем никейская ортодоксия, определялось традиционными рамками античного философского мышления. Но в какой мере такая детерминированность традициями античной мысли связана с догматическими отклонениями Ария и его последователей от ортодоксии — этот вопрос требует дополнительного изучения. Попутно можно затронуть и еще один вопрос, возникший в современной историографии, а именно: о связи тринитарных и христологических споров. Высказывается мнение, что арианство, возникнув в качестве тринитарной, разрешилось в христологическую ересь<sup>64</sup>. Констатируется также, что некоторые ариане позднейшего поколения (Луций Александрийский и Евдоксий Константинопольский) придерживались концепции "замены" человеческой души в Христе Логосом и развивали идею "единой природы" Христа<sup>65</sup>. Именно поэтому их иногда считают предтечами Аполлинария Лаодикийского и монофиситов<sup>66</sup>. Однако здесь можно указать на некоторые сомнительные моменты: во-первых, нельзя установить прямую преемственность аполлиарианства с арианством<sup>67</sup>, которая становится еще более проблематичной при учете того известного факта, что Аполлиний был ярким противником ариан. Во-вторых, указанные специфические черты христологии поздних ариан не фиксируются у самого Ария, который, вероятно, более склонялся к адопцианизму. Последующие исследования, возможно, прольют свет на этот пока еще не решенный вопрос.

Третья проблема связана с неоднородностью и достаточной пестротой как никейской ортодоксии, так и антиникейского движения. В свое время В. Виноградов обратил внимание на данную проблему и констатировал, что антиникейское движение "составилось на почве реакции против никейской догматической терминологии, но эта реакция не была арианской, а лишь консервативной". До 356 г. наличие общего врага еще связывало воедино это движение, но поражение никейцев привело ее к распаду. Появление течения аномеев послужило стимулом к формированию партии омиусиан, которую неточно называют "полуарианством"; омиусианство отражало "не совсем удавшуюся богословско-теоретическую попытку вы-

<sup>62</sup> *Young F.M.* From Nicaea to Chalcedon. A Guide to the Literature and its Background. L., 1983. P. 58–64.

<sup>63</sup> *Lorenz R.* Die Christusseele im Arianischen Streit // *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. 1983. Bd. 94. S. 1–51.

<sup>64</sup> *Bouларand.* Aux sources ... P. 9.

<sup>65</sup> *Grillmeier A.* Le Christ dans la tradition chrétienne. P., 1973. P. 215–225; *Gahbauer F.R.* Das anthropologische Modell. Ein Beitrag zur Christologie der frühen Kirche bis Eusebius. Heidelberg, 1973. S. 56–86; *Liebaert J.* L'Incarnation. Des origines au concile de Chalcedoine. P., 1966. P. 113–118.

<sup>66</sup> *Hebart F.* Zur Struktur der altkirchlichen Christologie. Studien zur Vorgeschichte des Chalcedonense. Heidelberg, 1973. S. 171.

<sup>67</sup> *Grillmeier.* Le Christ ... P. 258.

разить свое истинно церковное веросознание в наиболее соответствующих терминах”<sup>68</sup>. В современной историографии этой проблеме уделяется значительное внимание. В частности, можно указать на уже упоминавшуюся монографию К. Луибхайда, посвященную вопросу взаимоотношения мировоззрения известного церковного историка Евсевия Кесарийского и арианства<sup>69</sup>. Здесь автор приходит к выводу, что консолидация антиарианской оппозиции была достаточно длительным процессом и сами воззрения Ария первоначально не были радикально еретическими. Отношение Евсевия Кесарийского к Арию в определенной степени отражает данные процессы: сначала он (не зная многих деталей учения Ария и, в частности, его тезиса о творении Сына “из ничего”) симпатизировал мятежному александрийскому пресвитеру, но в дальнейшем между ними стали намечаться серьезные разногласия. Позицию Евсевия на Никейском соборе трудно объективно оценить вследствие скудости источников. Однако можно прийти к выводу, что признание им основных положений никейского вероисповедания не означало для Евсевия отказа от принципиальных положений своих догматических воззрений. Его полемика с Маркеллом Анкирским показывает, что Евсевий прежде всего стремился сохранить верность Библии и поэтому его следует скорее охарактеризовать как консерватора, чем как “еретика”. В целом Евсевий в своем мировоззрении и особенно в экзегезе принадлежал к оригенистской традиции, которая уже не отвечала новым требованиям эпохи. Он оказался побежденным не потому, что следовал путем Ария, но потому, что традиция, питавшая его мировоззрение, принадлежала прошлому, а не будущему. Работы других исследователей подтверждают традиционализм мышления Евсевия Кесарийского, ориентированного скорее на прошлое, чем на будущее<sup>70</sup>, а также “срединное” положение его мировоззрения в конфликте враждующих сторон<sup>71</sup>. Еще одна работа К. Луибхайда касается вопроса об арианстве Евсевия Никомедийского. Автор исходит из того тезиса, что следует разграничивать богословские убеждения Евсевия и его личные симпатии к Арию и враждебность к Александру Александрийскому. Последнего нельзя рассматривать в качестве единственного “рупора ортодоксии”, ибо к началу арианских споров твердый критерий ортодоксальности еще отсутствовал в тринитарном учении. Евсевий Никомедийский не разделял одного из главных положений арианства — концепции творения Сына “из ничего”, считая, что человеческий разум не в силах постичь тайну происхождения Логоса. Определенное различие между “арианами” и “евсевянами” наблюдается во время Никейского собора и после него. Поэтому нельзя однозначно классифицировать Евсевия Никомедийского в качестве сторонника арианства<sup>72</sup>.

Среди прочих представителей “партии середины” привлекает внимание личность Кирилла Иерусалимского, который был единомышленником православных по содержанию своего тринитарного учения, но расходился в форме выражения его<sup>73</sup>. Наконец, еще одним выразителем консервативной тенденции можно считать Евсевия Эмесского, мировоззрение которого базировалось на трех основных принципах: авторитете Писания, авторитете церкви и “авторитете здравого смыс-

<sup>68</sup> *Виноградов В.* О литературных памятниках полуарианства // Богословский Вестник. 1911. № 4. С. 776 сл.; № 9. С. 755.

<sup>69</sup> *Luibheid.* Eusebius of Caesarea ...

<sup>70</sup> *Weber A.* APXH. Ein Beitrag zur Christologie des Eusebius von Caesarea. München, 1965. S. 171–172.

<sup>71</sup> *Wallace-Hadrill D.S.* Eusebius of Caesarea. L., 1960. P. 121–138.

<sup>72</sup> *Luibheid C.* The Arianism of Eusebius of Nicomedia // The Irish Theological Quarterly. 1976. V. 43. P. 3–23.

<sup>73</sup> *Lebon J.* La position de Saint Cyrille de Jerusalem dans les luttes provoqués par l'arianisme // Revue d'Histoire Ecclésiastique. 1924. T. 20. P. 181–210, 357–386; *Stephenson A.A.* Cyril's of Jerusalem's Trinitarian Theology // Studia Patristica. 1972. V. 11. Pt 2. P. 235–241.

ла”<sup>74</sup>. Позиции Евсевия Кесарийского, Кирилла Иерусалимского и Евсевия Эмесского, несмотря на различие в нюансах, обладали определенным единством<sup>75</sup>. С другой стороны, антиарианская партия также не была однородной. Учение Маркелла Анкирского с его ярко выраженным библейским монотеизмом (за что ему не без основания бросались обвинения в ”савелианстве”)<sup>76</sup> в определенной мере дискредитировало никейскую ортодоксию и заставило ее позднее отделиться от маркеллианства. М. Симонетти относит учения Маркелла Анкирского и Евстафия Антиохийского к так называемому ”азиатскому богословию”, конкурирующему с оригенизмом. Только у Маркелла монархианские тенденции, присущие этому богословию, были очень отчетливо выражены, а у Евстафия тона монархианской концепции в сильной степени смягчаются и приглушаются<sup>77</sup>. Связь евстафиан и маркеллиан фиксируется и позднее (в 60-х гг. IV в.), и она нашла отражение в диалогах Псевдо-Афанасия<sup>78</sup>. Уже престарелый Афанасий Александрийский в отличие от Василия Великого также был склонен идти на союз с маркеллианами, и в этом факте можно уловить некоторую дисгармонию между ”староникейством” и ”новоникейством”<sup>79</sup>. Гипотеза М. Тетца о принадлежности Маркеллу Анкирскому ряда сочинений Псевдо-Афанасия<sup>80</sup> подкрепляет данное впечатление. Мироззрение ученика Маркелла — Фотина также требует внимания, ибо Фотиниане представляли собой определенную силу в догматической борьбе IV в.<sup>81</sup>

Таким образом, тринитарные споры IV в. показывают, насколько сложной была расстановка церковно-политических сил и сколь неоднозначной и многослойной предстает картина многочисленных мироззренческих течений в этот период. А. Спасский совершенно справедливо отметил, что ”настоящее, подлинное арианство никогда не имело распространения на Востоке и не могло составить собой основы антиникейских движений”<sup>82</sup>. Убежденные и последовательные защитники никейской ортодоксии также составляли меньшинство. В такой ситуации решающее значение приобретали лидеры ”партии середины”, ибо от них во многом зависело, к какому из двух полюсов примкнет большинство, а эти лидеры ”партии середины” часто колебались. Поэтому если окидывать взглядом общий ход идейной и политической борьбы в IV в., то он напоминает постоянно волнующееся море, с чередующимися приливами и отливами, встречное движение которых порой сталкивается, вызывая бурные водовороты, увлекающие в свое стремительное течение даже тех, кто старался быть в стороне и остаться ”над схваткой”. Сходную картину можно наблюдать и во всех последующих догматических спорах (особенно в христологических и иконоборческих), которые играли чрезвычайно важную роль в истории Византии. Поэтому борьба вокруг арианства приобретает своего рода показательный характер: выявление скрытых пружин и механизмов

<sup>74</sup> Buytaert E.M. On the Trinitarian Doctrine of Eusebius of Emesa // Franciscan Studies. 1954. V. 14. P. 34–48.

<sup>75</sup> Barten T.M. Cyrille de Jerusalem, Eusebe d'Emese et la Théologie semi-arienne // Revue des Sciences Philosophiques et Théologiques. 1968. T. 52. P. 38–75.

<sup>76</sup> Gericke W. Marcell von Ankyra. Der Logos-Christologie und Biblizist. Sein Verhältnis zur antiochenischen Theologie und zum Neuen Testament. Halle, 1940. S. 110–116.

<sup>77</sup> Simonetti. Op. cit. P. 66–75.

<sup>78</sup> Bizer Ch. Studien zu pseudoathanasianischen Dialogen der Orthodoxos und Aëtios. Bonn, 1970. S. 180.

<sup>79</sup> Tetz M. Narkellianer und Athanasios von Alexandrien. Die markellianische Expositio fidei ad Athanasios des Diakonos Eugenios von Ankyra // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. 1973. Bd 64. S. 75–121.

<sup>80</sup> Tetz M. Zur Theologie des Markell von Ankyra I. Eine Markellische Schrift ”De incarnatione et contra Arianos” // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1964. Bd 75. S. 217–270; *idem*. Zur Theologie des Markell von Ankyra III. Die pseudathanasianische Epistula ad Liberium, ein Markellisches Bekenntnis // Ibid. 1972. Bd 83. S. 145–191.

<sup>81</sup> Speller L.A. New Light on the Photinians: The Evidence of Ambrosiaster // JThS. 1983. V. 34. P. 99–113.

<sup>82</sup> Спасский. Ук. соч. С. 350–351.

ее дает в руки исследователя ключ к пониманию позднейших идейных столкновений. Кроме того, можно предполагать тесную связь всех догматических споров. Тринитарные споры IV в. имели своим результатом определенную унификацию различных мировоззренческих традиций и к концу века уже наличествует как бы "богословское койне"<sup>83</sup>. Это "койне" послужило исходной точкой нового витка догматической борьбы – христологических споров, из которых органично вырастают в свою очередь споры иконоборческие.

Таковы основные проблемы современной историографии арианства. Безусловно в нашей небольшой статье вне поля зрения остался ряд других существенных аспектов тринитарных споров, которых в той или иной степени касаются современные исследователи. Это – проблема взаимосвязи политики и богословия в IV в., вопрос о специфике развития арианства на латинском Западе. В заключение можно лишь констатировать, что многие сложные вопросы истории арианства еще далеки от своего решения<sup>84</sup>.

---

<sup>83</sup> Simonetti. Op. cit. P. 559.

<sup>84</sup> Lienhard J. T. Recent Studies in Arianism // Religious Studies Review. 1982. V. 8. P. 337.

## L'ARIANISME À LA LUMIÈRE DES RECHERCHES MODERNES

*A.I. Sidorov*

L'analyse des travaux modernes consacrés à l'arianisme permet de conclure que les principales controverses que suscite l'historiographie de ce mouvement hérétique se concentrent autour de trois problèmes: les sources idéologiques de l'arianisme, sa nature et l'hétérogénéité tant de l'orthodoxie nicéenne que de la coalition antinicéenne. Pour ce qui est du premier problème, il est douteux qu'il puisse être résolu dans le cadre de la théorie de la "source unique" (l'école d'Antioche ou celle d'Alexandrie): ces deux écoles, au moment de la genèse de l'arianisme, n'étaient pas des grandeurs homogènes et leur différenciation a commencé plus tard, à l'époque des débats christologiques. Le second problème est lié au rapport et à la place respective dans la doctrine arienne de ses éléments religieux et de la philosophie. On pourrait dire que, dans l'arianisme, ces deux composantes étaient indissolublement liées, bien que celui-ci fût plus tributaire que l'orthodoxie nicéenne des paradigmes de la pensée philosophique antique. Enfin, en ce qui concerne le troisième problème, la conclusion s'impose que les partisans convaincus de l'orthodoxie tout comme les défenseurs convaincus de l'arianisme constituaient une minorité à l'époque des débats trinitaires. Les fluctuations que ceux-ci connurent étaient pour beaucoup conditionnées par le "parti centriste" dont la position déterminait souvent laquelle des deux tendances l'emportait.

Н.М. Никулина

## ЭГЕЙСКАЯ ПЕЧАТЬ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ В.В. ПАВЛОВА\*

**П**убликуемая печать — бесспорный в своей подлинности и примечательный в художественном отношении памятник эгейской глиптики. Она была приобретена известным советским востоковедом, специалистом по искусству древнего Египта В.В. Павловым из собрания Б.Н. Кастальского (некоторые геммы из этого большого собрания куплены и Отделом Востока Гос. Эрмитажа). От Кастальских были получены сведения, что печать привезена в 10-е годы нашего века из Греции, оттуда и считали происходящей ее изначально (рис. I, I—5).

Печать имеет форму амигдалоида (продолговатой бусины) и выполнена из темного сердолика. Ее размеры 2,8 × 1,7 см характерны для эгейских гемм этой формы. На выпуклой поверхности камня выгравировано изображение лежащего оленя в профиль. Маленький рог, хорошо видный в оригинале, свидетельствует о том, что это либо совсем молодое животное, либо самка оленя. Гибкое сильное тело оленя обращено влево (на оттиске вправо), голова свободным грациозным движением повернута назад, словно он пугливо вслушивается и вглядывается вдаль.

Уже первые общие впечатления от знакомства с памятником достаточно определены. Ощущение живости и изменчивости, легкости и подвижности, оставляемое изображением, его "импрессионистичность" позволяют отнести эту гемму к классической эпохе эгейского (минойского) искусства. Классическим периодом в искусстве Крита считается время среднеминойского третьего (СМ III) и следующих за ним позднеминойского первого и второго периодов (ПМ I—II) — примерно от 1675 до 1450 гг. до н.э. Однако поза, в которой представлен олень, достаточно сложна: животное уже не бежит и в то же время еще не приобрело собранного положения спокойно лежащей, прижавшейся к земле фигуры с подобранными под себя задними и передними ногами. Эта сложность позы, передающая состояние так называемого "подвижного покоя", заставляет думать не только о классическом этапе в развитии эгейского искусства, но и о более определенном его отрезке. Это не просто эпоха "зенита", как называет время процветания критских дворцов Ф. Матц<sup>1</sup>, но, скорее, последний, завершающий ее этап, сохраняющий старые традиции и открывающий перспективы нового пути развития. Черты намеренной стилизации, схематизации изображения по-настоящему еще не прослеживаются, поэтому как будто бы полностью исключается

---

\*Статья представляет собой переработанный вариант доклада, прочитанного на "Третьих Сергеевских чтениях" (МГУ, январь 1985 г.) и на заседании Ученого совета Гос. Эрмитажа, посвященном памяти М.И. Максимовой (апрель 1985 г.). Автор выражает признательность семье В.В. Павлова за любезно предоставленную возможность публикации памятника.

<sup>1</sup>Matz F. *Minoan Civilization Maturity and Zenith*. Camb., 1964. Ch. XII.

связь с поздним периодом — позднеминойским третьим (ПМ III) и позднеэлладским третьим в материковой Греции (ПЭ III) — примерно 1400–1200 гг. до н.э., но в то же время некоторые симптомы позднего стиля все-таки начинают ощущаться.

Изображение оленя хорошо моделировано и очень естественно в своих формах, тем не менее момент декоративного в нем бесспорно усилен, что характерно вообще для последних стадий в развитии классического стиля (то же наблюдается, например, и в греческом искусстве IV в. до н.э.). Приемы самой композиции и технические особенности резьбы также позволяют думать о завершающем этапе классического периода в истории эгейского искусства.

Данную работу мы не хотели бы ограничивать только задачами атрибуции. Художественное значение памятника, специфика его стилистики допускают, на наш взгляд, несколько большее: рассмотрение его на фоне общих проблем развития эгейской глиптики и эгейского искусства в целом<sup>2</sup>.

К настоящему времени эгейская глиптика изучена достаточно полно и широко. Начало этому было положено в 20–30-е годы нашего столетия, когда эта область, как и вся эгейская культура, только вступала в пору серьезного разностороннего исследования. Рецензируя книгу Ф. Матца о раннекретских печатях, Б. Швайтцер характеризовал ее как "прокладывающую пути"<sup>3</sup>, что вполне отражало общее состояние этой области науки в тот период — почти через три десятилетия после выхода в свет капитальной работы А. Фуртвенглера "Античные геммы", впервые включившей специальный раздел по эгейской глиптике<sup>4</sup>. Тот же новаторский характер имели и разделы, посвященные эгейским печатям в многотомном издании А. Эванса<sup>5</sup>.

За минувшие годы почти полностью был осуществлен замысел Ф. Матца и коллектива сотрудничавших с ним ученых по созданию многотомного корпуса эгейских печатей. Он объединяет все значительные мировые коллекции (прежде всего собрание Афинского Национального музея и Археологического музея в Ираклионе, Оксфордского Ашмолеанского музея, Британского музея в Лондоне и др.). Осуществленное В. Кенной издание гемм Оксфордской коллекции<sup>6</sup> представляет собой не только прекрасно составленный, исчерпывающе полный каталог, но и обобщающий, систематизированный труд, дающий широкую картину развития эгейской глиптики на разных ее этапах. Вслед за своими учителями В. Кенна рассматривает эгейские печати как интереснейшее явление всей эгейской культуры, имеющее важное значение в ее развитии. Вопросы стилистики соотнесены автором с развитием техники резьбы и с общим развитием этой художественной культуры. Работа В. Кенны в известном смысле продолжает и развивает несколько более раннюю по времени работу Х. Бизантца<sup>7</sup>, которая сохраняет свое важное значение и в наши дни. Книга Х. Бизантца — ори-

---

<sup>2</sup> К сожалению, отечественные коллекции, богатые в других своих разделах, содержат слишком мало произведений эгейского искусства (даже огромное собрание Античного отдела Гос. Эрмитажа насчитывает совсем небольшое их количество). Именно это и объясняет отсутствие в нашей литературе специальных работ, посвященных исследованию эгейских художественных памятников. Однако интерес к этой культуре и своеобразному искусству не иссякает, этому способствует ряд интересных историко-филологических, лингвистических, археологических работ. Из последних прежде всего назовем книгу Н.А. Сидоровой "Искусство эгейского мира" (М., 1972).

<sup>3</sup> Schweitzer B. Rez.: Matz F. Die Frühkretischen Siegel. B.-Lpz, 1928 // Gnomon. 1928. Bd 4. Ht 11/12.

<sup>4</sup> Furtwängler A. Die antiken Gemmen. Bd. I–III. B.-Lpz, 1900.

<sup>5</sup> Evans A.J. The Palace of Minos at Knossos. V. I–IV. L., 1921–1936.

<sup>6</sup> Kenna V.E.G. Cretan Seals with a Catalogue of the Minoan Gems in the Ashmolean Museum. Oxf., 1960.

<sup>7</sup> Biesantz H. Kretisch-Mykenische Siegelbilder. Stilgeschichtliche and chronologische Untersuchungen. Marburg, 1954.

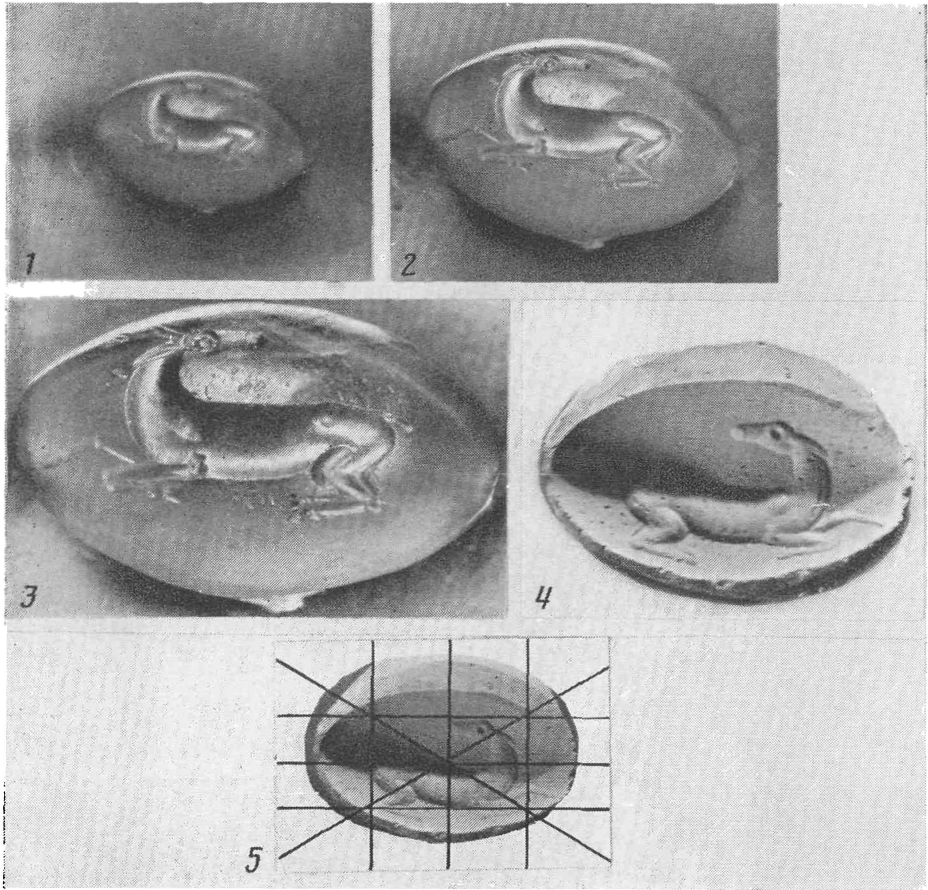


Рис. 1. 1 – эгейская печать из колл. В. В. Павлова, амигдалонд из сердолика с изображением оленя (натуральная величина); 2 – та же печать (увел. –  $1 \times 1,5$ ); 3 – та же печать (увел. –  $1 \times 2,5$ ); 4 – оттиск (увел. в 2 раза); 5 – осевая разметка, применявшаяся при построении изображения



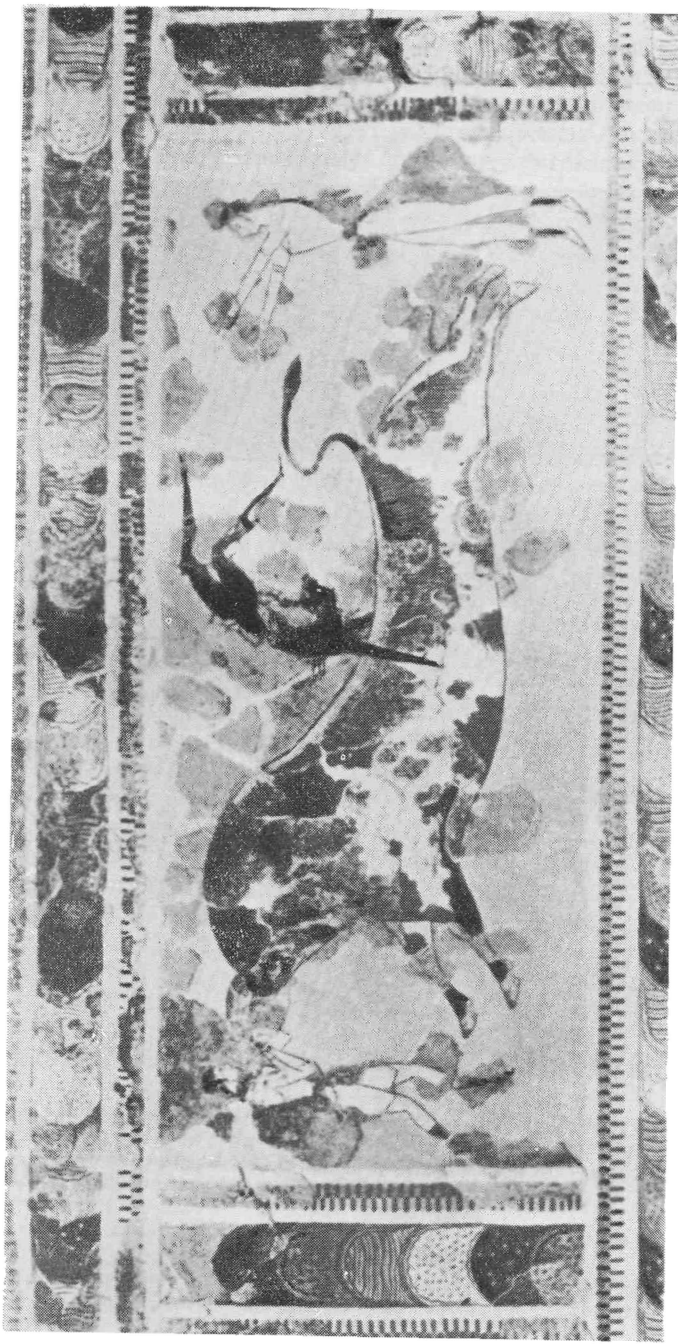


Рис. IV. Ритуальные игры с быком из дворца в Кицессе. Фреска. (ШМ II). Ираклион. Археологический музей

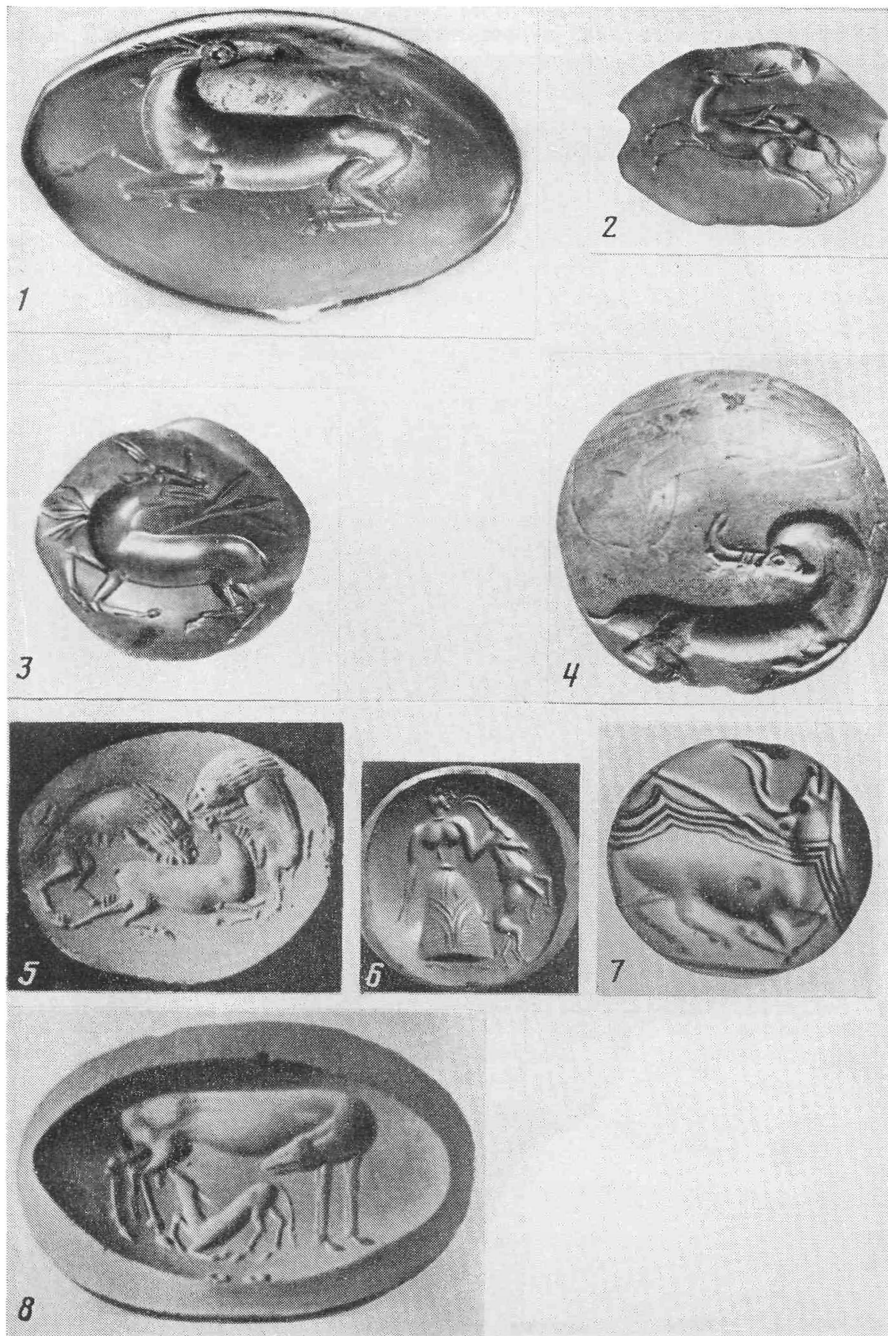


Рис. VII. Стилистические аналогии к публикуемой гемме: 1 — публикуемая гемма из собр. В. В. Павлова; 2 — амигдалоид из сердолика. ПМ I. Мюнхен. Гос. монетное собрание; 3 — амигдалоид из сердолика. ПМ I—II. Мюнхен. Гос. монетное собрание; 4 — лептоид из яшмы. ПМ II. Берлин. Гос. музей; 5 — лептоид из сердолика. ПМ II. Гос. Эрмитаж; 6 — лептоид из сердолика. ПМ II — ПЭ II. Берлин. Гос. музей; 7 — лептоид из агата. ПМ II. Берлин. Гос. музей; 8 — амигдалоид из сердолика. ПМ II. Ираклион, Археологический музей

гинальное исследование, касающееся важнейших вопросов стиля критских и ми-кенских печатей, их природы, истории эгейской глиптики.

В настоящее время состояние науки допускает проведение более детальных исследований: в частности, появились данные для выделения отдельных мастеров и мастерских в общем процессе развития эгейской глиптики, до сих пор представлявшемся совершенно анонимным. Достижения школы Дж. Бизли, известного своими работами в области чернофигурной и краснофигурной греческой вазописи, где впервые были сделаны опыты такого рода отождествлений были остроумно привнесены и в область глиптики<sup>8</sup>. Интересные разделы по эгейской глиптике содержат также каталоги античных гемм известных европейских коллекций (Берлин, Мюнхен, Вена и др.), на которые мы будем ссылаться далее, и общие работы по истории античной глиптики, вышедшие за последнее время (прежде всего издания Дж. Бордмана и П. Цацова<sup>9</sup>).

Переходя от этого очень беглого историографического обзора к исследуемому памятнику, обратимся прежде всего к анализу его формы. Специфика формы, как известно, всегда играет важную роль в атрибуции древнего произведения, в глиптике особенно. Согласование изображения и формы печати порой может быть довольно сложным, даже не соотносимым хронологически (для более позднего по времени изображения может использоваться форма старой заготовки), поэтому ни форма без изображения, ни изображение вне связи с формой не являются основными моментами в окончательной атрибуции. И все-таки, как правило, форма геммы и изображение, гравированное на ней, бывают связаны непосредственно, более того, форма в силу своей большей хронологической определенности может корректировать сделанные выводы. Часто уже в начале исследования именно она дает ту необходимую направляющую, которой мы следуем затем при дальнейшем анализе художественного произведения. Именно так обстоит дело и с публикуемой геммой.

Печати-амулеты в форме амигдалоида появились в эгейской глиптике еще на раннем этапе СМ периода, в эпоху Древних дворцов, т.е. до 1700 г. до н.э.<sup>10</sup> В СМ III и второй промежуточный периоды, в XVII в. до н.э. эта форма уже имела довольно широкое распространение, и в следующий ПМ период, особенно в XVI–XV вв. до н.э., стала наряду с лентоидом самой популярной формой эгейских гемм. Заимствованная некогда минойской глиптикой извне, форма амигдалоида, как и исходная форма лентоида, получила затем собственно эгейскую "транскрипцию"<sup>11</sup>. В минойской модификации она уже не встречалась на тех соседних территориях, которые с раннеминойского (РМ) периода были, как известно, тесно связаны с Критом и имели исключительно важную роль в развитии его глиптики<sup>12</sup>. Древняя Анатолия, Египет, Месопотамия, Сирия, Ливия, влияние искусства которых минойская глиптика испытала на себе, не знают этой формы печати. Лентоид и амигдалоид становятся типично эгейскими формами классического времени. Они как будто изначально продиктованы самой природой этой морской цивилизации, находят аналогии в отшлифованной волнами гальке и раковинах. Поскольку эгейская традиция в глиптике сочетает

<sup>8</sup> См., например, *Kenna V.E.G. Some eminent Cretan Gem-Engravers // Festschrift für F. Matz. 1962, P. 4–13.*

<sup>9</sup> *Boardman J. Greek Gems and Finger Rings. L., 1970; Zazoff P. Die Antiken Gemmen. Bd I. München, 1983. S. 25–50.* (здесь же см. исчерпывающую библиографию).

<sup>10</sup> Правда, амигдалоид (равно как и лентоид – чечевицеобразная, вогнутая или выпуклая печать) встречается в это время лишь в зачаточном состоянии, но тем не менее фиксируется вполне определенно.

<sup>11</sup> Лентоид – редуцированная форма дисковидной, "пуговичной" печати, распространившаяся из Восточного Средиземноморья, по-видимому, из сирийской глиптики; амигдалоид – редуцированная форма бусины-амулета, распространившаяся из Сирии и Египта.

<sup>12</sup> *Matz. Op. cit.; Kenna. Cretan Seals... Ch. I.*

одновременно традицию и амулета, и печати (хотя отдает предпочтение первой, особенно в позднюю эпоху<sup>13</sup>), возникновение и развитие названных форм оканчивается как бы исторически обусловленным. Лентоид — печать и амулет, амигдалоид — амулет и печать. Указанные доминанты, определенные самим характером этих форм, играют немаловажную роль в дальнейшем их развитии.

В. Кенна точно сформулировал требования, предъявляемые к печатям: "Печать должна иметь четкое, гарантированное изображение. Плоскость ее должна быть либо ровной, либо слегка изогнутой, удобной для оттиска"<sup>14</sup>. И лентоид с его немного выгнутой или немного вогнутой поверхностью, напоминающий гальку, и амигдалоид (обычной бочкообразной, миндалевидной или раковинообразной формы) с его умеренно выпуклой поверхностью вполне удовлетворяли этим требованиям. Функционально они были оптимальным вариантом печатной формы. Однако со временем появляется производная, новая форма — форма большого амигдалоида (порой более 30 мм в длину), менее компактная, но зато более декоративная. Эта разновидность наряду с обычной характерна как раз для ПМ периода. Наша печать приближается к ней по размерам. Появление таких амигдалоидов прежде всего было обусловлено возрастающей ролью амулета в эгейской глиптике этого времени. Удлиненный, большой амигдалоид, несомненно, менее удобен в качестве печати, но более эффективен в качестве амулета. Его резное изображение приобретает гораздо больший удельный вес и значение, что ощутимо и на нашем памятнике. Кстати, надо отметить, что функция амулета усиливается одновременно и в лентоидах ПМ периода, хотя сама их форма не отражает происходящих перемен, остается неизменной. Совсем неслучайно и появление в этот период особых резных камней, объединяемых исследователями в "группу талисманов"<sup>15</sup>. Они несут на себе особые культовые символы (подобных не знает глиптика других древних культур). Несомненно, что все это — явления одного порядка, объяснимые причинами сугубо религиозного характера. Лентоиды в поздний период эгейской глиптики (ПМ III) постепенно исчезли: они были вытеснены амигдалоидами и близкими им цилиндрами, также выполнявшими роль амулета (интересно, что цилиндр — собственно печатная форма — здесь не используется по назначению).

Хотелось бы отметить еще один отнюдь немаловажный момент: усиление собственно декоративных тенденций в позднеминойский период, что затронуло также и развитие форм эгейских печатей (хотя последнее вторично в общем процессе). Это обстоятельство также объясняет появление некоторых крупных разновидностей печатей. Уже к концу СМ III и во второй промежуточный период печать и амулет явно превращаются в предметы украшения. Об этом свидетельствует особое многообразие используемых материалов и повышение роли обрамления<sup>16</sup>. В ПМ период декоративное начало проявляет себя еще более активно. Крупные амигдалоиды (гладкие и имеющие грани<sup>17</sup>) — вовсе не единственное характерное явление этого времени. Интересен и факт более широкого использования больших золотых перстней, появившихся еще в предшествующий СМ период. Резные их изображения — в основном сугубо культового значения, как и сам массивный, часто богато орнаментированный перстень (его щиток и шин-

<sup>13</sup> В этом отношении минойская глиптика близка египетской, так как месопотамская, сирийская, анатолийская традиции были прежде всего традициями печати (недаром здесь так велика роль цилиндрической формы).

<sup>14</sup> *Kenna*. *Cretan Seals...* P. 28.

<sup>15</sup> *Kenna V*. *The Cretan talismanic Stone in the Late Minoan Age // Studies in Mediterranean Archaeology*. V. 24. Lund, 1969.

<sup>16</sup> *Idem*. *Cretan Seals...* P. 46.

<sup>17</sup> Наряду с амигдалоидами, имеющими гладкую поверхность, используются и довольно крупные амигдалоиды с одной граненой или уплощенной стороной; изображение при этом все равно располагается на выпуклой части камня.

ка), — бесспорно, служили уже не только амулетом-печатью, но и дорогим украшением. Крупные амигдалоиды и крупные золотые перстни встречаются не только на Крите, но и в погребениях материковой Греции. Достаточно большое их количество обнаружено в ахейских купольных гробницах (в частности, большую известность получили находки из купольной гробницы в Вафио<sup>18</sup>). Х. Бизантц был несомненно прав, говоря о том, что золотые перстни ПМ и ПЭ периодов с многофигурными культовыми изображениями уже почти не использовались как печати<sup>19</sup>. То же следует сказать и об очень крупных амигдалоидах, которые трудно использовать в этом качестве (это, кстати, демонстрирует оттиск нашей геммы — рис. I, 4). (Рис. I, IV, VII — вклейки)

Итак, анализ формы публикуемого памятника, которая очень характерна для классического периода, вполне подтверждает общую его первоначальную датировку ПМ или ПЭ периодами, высказанную в начале работы. Более точную датировку на основании формы дать невозможно.

Поскольку амигдалоиды (и обычные по типу, и более крупные) в равной степени распространены в это время не только на островах (более всего на Крите), но и на материке, судить по форме о месте происхождения печати также весьма затруднительно.

Материал, из которого сделана рассматриваемая гемма, чрезвычайно характерен для амигдалоидов (особенно крупных) в ПМ период. Сердолик любили использовать для печатей этой формы, поскольку он был и прочен, как все минералы кварцевой группы, и исключительно эффектен по цвету. Трудно опять-таки говорить об островном или материковом происхождении данного сердолика, так как этот материал был широко распространен во всем Средиземноморье. Количество гемм из сердолика, найденных в Микенской Греции, также довольно велико, поэтому сам по себе материал никак не решает проблемы происхождения памятника.

Продукция материка поначалу действительно в основном имитировала критскую. Мы знаем это по печатям из шахтовых гробниц в Микенах<sup>20</sup>. Однако критские камнерезные мастерские, возникшие на территории ахейских центров, не только быстро приспособивались к новым вкусам, но и обрели поколения собственных, ахейских мастеров. Эти мастера и продолжали традицию, и смело экспериментировали, развивали и изменяли устоявшиеся нормы, оказывая обратное влияние на минойскую глиптику (памятники ПЭ II, III и ПМ II, III показывают это довольно отчетливо). Наша печать, если она и связана с материковыми мастерскими, скорее принадлежит к числу традиционных произведений раннеклассической ориентации. Такой ретроспективизм как раз характерен и для ПМ, и для ПЭ периодов.

Особая выразительность цвета, фактурность полудрагоценного камня, конечно же, не могли не привлекать внимания резчиков. Как только развитие самой техники резьбы позволило перейти к твердым породам камня (а это случилось, как известно, в СМ II, с началом работы на станке), значительно расширился набор материалов, используемый эгейскими художниками. Горный хрусталь, агаты, сердолик, халцедон, яшмы, гематит во множестве разновидностей и оттенков обогащают "палитру" минойской глиптики. В ПМ период с усилением декоративных тенденций интерес к особенностям материала еще более возрастает. Эффект просвечивания в прозрачных или полупрозрачных породах и эффект полихромной узорности, пестрой нарядности в полупрозрачных и непрозрачных породах всегда мастерски обыгрывался эгейскими резчиками в создаваемых ими

<sup>18</sup> Εφημερίς Ἀρχαιολογική. 1889, Πύλαξ 10.

<sup>19</sup> Biesantz. Op. cit. S.11.

<sup>20</sup> Karo G. Die Schachtgräber von Mykenai. Athens, 1915–1916; Corpus der minoischen und mykenischen Siegel. Bd I. Nationalmuseum in Athen. B., 1964 (далее — Corpus).

произведениях. Укрупнение некоторых форм (в частности амигдалоида) давало новые, дополнительные эффекты, усиливало и усложняло связи между материалом, формой и изображением. Форма печати "активизировала" материал, материал "акцентировал" форму, а изображение приобретало при этом большую репрезентативность, монументальность, что соответствовало общим стилистическим устремлениям времени.

Перейдем теперь к анализу самого изображения и технических особенностей его исполнения.

Изображение оленя не относится к числу самых популярных в эгейской глиптике. Изображения быка, дикой или домашней козы, а в более позднее время — льва (ПМ и ПЭ периоды) встречаются неизмеримо чаще. Однако и этот образ характерен для эгейских печатей-амулетов. Мы находим его в разные периоды, начиная с самого раннего<sup>21</sup>. Наиболее интересны изображения оленей, относящиеся к СМ II, СМ III и второму промежуточному периодам<sup>22</sup>. Это настоящие шедевры эгейской глиптики на раннем этапе ее классического развития. Выделившиеся еще на иероглифической стадии, натуралистические, или натурные, изображения животных приобретают теперь все более широкое распространение. Первоначально используя образительную традицию знака, они затем получают большую свободу, жизненную конкретность, связанность с окружающей природой (в СМ III появляются даже первые элементы реального пейзажа). Изображения оленей и диких коз представляются нередко в один из моментов охоты на них. Они выглядят почти идентичными: по существу различие — только в рисунке рогов. Характер этих животных, их повадки настолько близки, что повторяются они в одних и тех же движениях и позах. Так называемый "натуралистический — натурный стиль", который развивался в СМ III — ПМ I периоды и известен более всего по эгейской живописи (монументальной и вазовой), оставил нам замечательные изображения разных животных. Достаточно вспомнить фрагменты фресок из Кносса, Агия Триады или богатых жилищ Феры. Есть среди них и изображения оленей<sup>23</sup>. Несомненно, что многие из этих живописных образов (и это весьма существенно) уже имели своих предшественников — аналогичные изображения в глиптике, которая в СМ II, III в отдельных своих новшествах значительно опережала другие виды эгейского искусства<sup>24</sup>. Прежде чем появиться в монументальных формах, во фресках и раскрашенных рельефах, эти образы родились в формах культовой миниатюры, имевшей исключительное значение в этом обществе.

Точное ощущение натуры, острая наблюдательность, творческая фантазия и знание анатомии животного, особенностей его движения создали эти прекрасные образы, удивляющие своей "импрессионистической" легкостью и динамикой. Изображения на резных камнях лишены сложной живописной полихромии, зато они отличаются исключительной пластической утонченностью (рис. II, 2, 3, 6). Несомненно, что стиль и иконография произведений, относящихся к ПМ и ПЭ периодам (и в том числе публикуемого памятника), неразрывно связаны с предшествующим временем, восходят к нему своими истоками.

Основные мотивы или, точнее, иконографические схемы, которыми резчики СМ периода постоянно пользовались при изображении коз и оленей (мы уже говорили о близости этих образов), сводились преимущественно к четырем вариантам решений. Три из них были известны в минойской глиптике еще в РМ II и в СМ I (в Додворцовый период и в эпоху Древних дворцов), четвертый был

<sup>21</sup> Corpus. Bd. I. B., 1964, № 499; Bd II. Teil 1. Irakleon. Archaeologische Museum. Die Siegel der Vorpalastzeit. B., 1969, № 70, 98, 481; Bd II. Teil 2. Die Siegel der Altpalastzeit. B., 1977.

<sup>22</sup> Evans A. The Palace of Minos at Knossos. V. I. L., 1921. Fig. 20 (a, c, d, g, m, s); Corpus. Bd VII. Teil 2. Die Englischen Museen. B., 1967, № 67.

<sup>23</sup> Evans. The Palace of Minos... V. II. Pt. 1. Fig. 201.

<sup>24</sup> Kenna. Cretan Seals... P. 40 f.

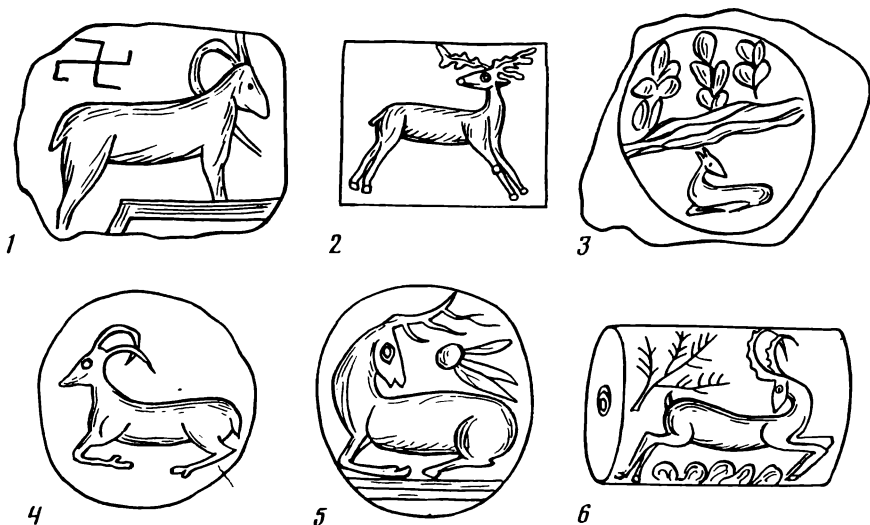


Рис. II. Древнейшие иконографические типы, встречающиеся на эгейских печатах с оленями и горными козлами. А. Мотив стоящего животного: 1 – отпечаток на глине. Кносс, СМ IIВ. Оксфорд, Ашмолеанский музей; 2 – уплощенный цилиндр из яшмы. СМ IIВ. Лондон, Британский музей. В. Мотив лежащего животного: 3, 4 – оттиски печатей на глине. Кносс, СМ IIВ. Оксфорд, Ашмолеанский музей; 5 – двусторонняя призма (Мессенский Пилос, ПЭ I. Афины, Национальный музей. С. Мотив бега в схеме "сбранного" галопа: 6 – уплощенный цилиндр из агата. Кносс, СМ III

открыт лишь в конце СМ II (на позднем этапе Древних дворцов). Пришедшие на Крит из памятников Передней Азии<sup>25</sup>, эти иконографические типы представляли животных в наиболее характерных для них позах, точно определявших основные состояния: 1) идущая или стоящая в профиль фигура (иногда с повернутой назад головой) (рис. II, 1, 2); 2) фигура животного, спокойно лежащего на земле с поджатыми под себя ногами (рис. II, 3–5); 3) профильное изображение бега с напряженными задними и поднятыми в воздух, согнутыми передними ногами (схема "малого" или "сбранного" галопа – рис. II, 6; III, 2); второй и третий типы также имели в качестве разновидностей изображение с повернутой назад головой; 4) последняя из этих иконографических схем, определившая новый тип изображения, – схема так называемого "большого" или "вытянутого" галопа<sup>26</sup> подобно первым трем была заимствована эгейским искусством из памятников соседних восточномедиземноморских территорий (рис. III, 1). Ранее СМ II последняя схема не встречалась в минойской глиптике, но с этого времени стала использоваться довольно широко. Животное изображалось в этом случае как бы летящим, в сильном движении оторвавшимся от земли, параллельно которой располагались и передние, и задние его ноги. В той же схеме представлялись обычно и охотничьи собаки, преследующие бегущего оленя или козу. Любопытно, что именно схемы бега – "вытянутого" и "сбранного" ("большого" и "малого") галопа – находят в СМ II, СМ III периоды особенно широкое распространение, причем не только в связи с изображениями данных животных, но и с другими. Две первые иконографические схемы исполь-

<sup>25</sup> Frankfort H. *Cylinder Seals. A Documentary Essay on the Art and Religion of the Ancient Near East*. L., 1939; Porada E. *Seal Impressions of Nuzi* // *Annuel of the American Schools of Oriental Research*. V. XXIV, for 1944–1945.

<sup>26</sup> Reinach S. *La Representation du Galop dans l'art ancien et moderne* // *Revue archéologique*. 1900. Ser. 3. T. XXXVI. P. 216–251.

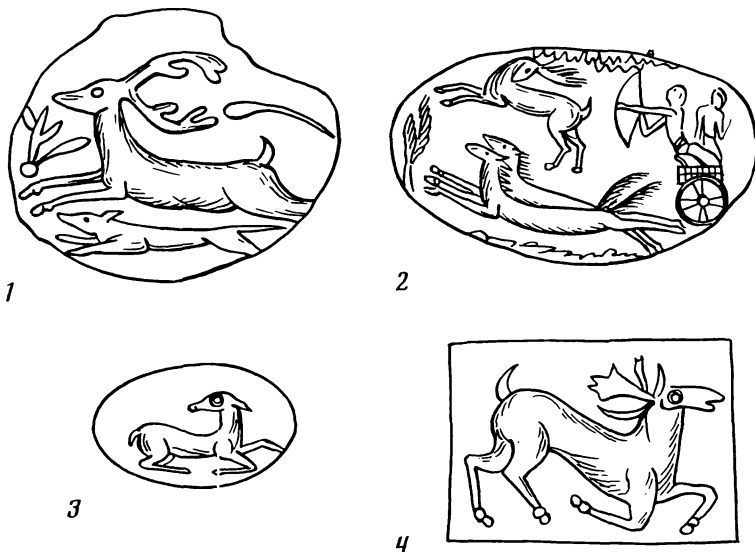


Рис. III. А. Мотив бегущего оленя в схеме "вытянутого" (или "большого") галопа; 1 – оттиск на глине. Пилос, ПЭ I. Афины, Национальный музей. В. Мотивы, производные от основных иконографических типов: 2 – золотой перстень. Микены, ПЭ I. Афины, Национальный музей; 3 – публикуемая гемма из колл. В.В. Павлова; 4 – призматическая печать из сердолика. Пилос, ПЭ I–II. Пилос, Археологический музей

зовались теперь также в наиболее подвижных своих вариантах – с повернутой назад головой.

Введение нового мотива, новой иконографической схемы не случайно в СМ период, это обусловлено самим ходом развития изобразительного искусства, последовательной ориентированностью его на природу. Интерес к живому, естественному движению, готовому легко переходить из одного состояния в другое, интерес к предельно интенсивному, стремительному движению, к конкретному ощущению момента, характерного для жизни животного в окружающей его природе, слияние с этой природой, представленной пейзажным фоном, – в этом существе "натуралистического, или натурального" стиля. Не статическое, вечностное, являющееся знаком, а реальное, одушевленное, имеющее тем не менее значение ожившего религиозного символа, служит основой – в этом своеобразии подхода эгейского искусства к природе, определяющее характер его стиля в раннеклассический период – период возродившейся вновь дворцовой культуры.

Нетрудно заметить, что иконографическая схема изображения, использованная на нашей печати (рис. III, 3), отличается от перечисленных выше древних. Она производна и логически должна быть позднее названных четырех. Для того чтобы вернуться к этому вопросу, остановимся прежде на общих стилевых проблемах следующего ПМ периода, в который она возникла. Позднеминойский период – следующий за СМ III и вторым промежуточным периодом этап в жизни Новых дворцов на Крите, новый этап в социально-экономической и культурной жизни эгейского общества, в развитии его религии, художественной культуры и больших дворцово-культовых архитектурных комплексов. СМ III, второй промежуточный периоды – начало процветания, ПМ I–II – стадия наивысшего развития этой культуры и постепенно проявляющийся декаданс, ПМ III – последний этап жизни критских дворцов (в основном дворца в Кноссе, единственного возродившегося после катастрофы, происшедшей в середине – второй половине XV в. до н.э.). Большой материал дает возможность наблюдать этот процесс развития на памятниках минойского искусства.



Усиление власти царя, усиление роли основных религиозных культов, поддерживаемых царской властью, численное увеличение аристократии, приближенной ко двору, — все это сказывалось на самом направлении дальнейшего культурного развития. В этом нетрудно увидеть сходство с тем, что было в этот период и на соседних восточных территориях (в Египте времени XVIII династии, в Передней Азии), хотя при этом, разумеется, было и достаточно исторически обусловленных отличий. Тяга к подчеркнуто монументальному искусству, к исключительной масштабности и нарядности создаваемого, роскошество и размах, которых не знало прежде искусство этой территории, стремление к особой тектонической выразительности и одновременно осязаемости, конкретности изображаемого — все это характерно не только для так называемого "дворцового" стиля ПМ периода на Крите (ПМ IB и ПМ II), пришедшего на смену "натуралистическому — натурному". Это характерно почти для всех районов древнего мира со второй половины II тыс. до н.э. в большей или в меньшей степени. Искусство всех этих древних государств неповторимо в своеобразии, однако основная линия его стилистического развития совпадает, и это имеет определенную историческую логику.

"Дворцовый стиль", начавший складываться в минойском искусстве еще в середине XVI в. до н.э., т.е. в ПМ I, поначалу был очень близок прежнему, "натуралистическому" стилю, особенно в искусстве малых форм (в глиптике и вазописи). Он был как бы его продолжением, новой фазой развития. Лишь постепенно на протяжении ПМ IA начинает выявляться его специфика. К ПМ IB прежние сюжеты трактуются уже несколько иначе, а кроме того, внедряются, получая широкое распространение, совершенно новые сюжеты, непосредственно связанные с культом и дворцовым церемониалом, дворцовой жизнью. Естественно, эти сюжеты прежде всего находят свое отражение в монументальной живописи и раскрашенном рельефе, которые украшают царский дворец в Кноссе, главном центре Крита в это время. Искусство малых форм больше сохраняет свою приверженность прежнему репертуару культовых символов, хотя и сюда проникает то новое, что наблюдается в сюжетику "большого" искусства (имеются в виду сложные многофигурные культовые сцены на некоторых резных камнях и золотых перстнях этого времени).

Живые, свободные "импрессионистические" композиции "натуралистического" стиля, готовые бесконечно продолжаться, развиваться во времени и пространстве, сменяются теперь повсюду композициями более уравновешенными, четко ограниченными, организованными (вспомним фреску "Игры с быком" из Кносса — рис. IV). Новое проявляется и в подаче сюжета, и в выразительных средствах. Независимо от количества фигур эти композиции приобретают замкнутость картины, а не кадрированность произвольного изображения, имеющего декоративный бордюр. Интерес к природе не иссякает, меняется подход к ней. Натурные формы приобретают большую обобщенность, стилизованность, выразительность легко читаемого контура и цветовых сопоставлений. Образы утрачивают прежнюю свободную динамичность, но не лишаются живости и характерности реального движения. Они теряют непосредственность, но обретают экспрессию тектоники. Все чаще используется принцип симметрии, которым почти не пользовались до ПМ II периода, и принцип геральдики, имевший место прежде только в некоторых заимствованных мотивах (в частности, как раз в произведениях глиптики). Формы не лишаются свободы и естественности, но при этом получают как бы некоторые дополнения: подчеркнутую стройность, вытянутость, особую изысканность очертаний. Момент монументально-декоративного значительно усиливается, живое, натурное снова начинает восприниматься через определенную схему, накладываемую на увиденное в самой природе. В этой условности одновременно и реминисценции ранней стилизации, и совершенно новая фаза в развитии художественного видения и восприятия, обуслов-

ленная новым этапом общественного и религиозного развития. Вряд ли можно полностью согласиться с мнением некоторых исследователей (в том числе Ф. Матца и Х. Бизантца), объясняющих "дворцовый" стиль на Крите исключительно влиянием усиливавшихся на этой территории греков-ахейцев. По мнению, например, Бизантца, тектонический принцип ахейского искусства вытесняет живое, "натуралистическое" начало в минойском искусстве, постепенно приводит его к застыванию и условному схематизму позднего периода. Недаром основные памятники "дворцового" стиля происходят главным образом из района Кносса<sup>27</sup>.

Не отрицая известного ахейского влияния, действительно все более усиливавшегося в первой половине XV в. до н.э., следует, как нам кажется, взглянуть на это явление и с более широких историко-художественных позиций. Мы знаем, никакие заимствования в истории искусства невозможны без достаточной внутренней подготовленности к этому восприятию самого искусства. Плодотворные заимствования непременно находят объяснения в его художественном стиле, в ходе историко-художественного развития. "Натуралистический" изобразительный стиль эгейского искусства уже не мог вернуться к ранним своим рубежам и не мог развиваться дальше в направлении иллюзорности, так как он уже достиг наивысшей точки в своем восхождении к этой цели. Кроме того, заметно изменилась историческая ситуация, условия развития этого искусства. От него требовали иных форм для выражения более сложного религиозного содержания. Начинается завершающий этап художественного развития в пределах классического периода, этап синтеза собственных достижений и достижений молодого ахейского искусства. Символическое, знаковое снова обретает здесь огромное значение и смысл в связи с иным этапом в развитии эгейской религии. Изобразительное искусство должно было выйти из сферы живой природной ориентированности и войти в сферу сложной религиозной повествовательности.

Искусство Крита продолжает влиять на искусство Ахейской Греции, а искусство Ахейской Греции — на Крит, складывается единый, смешанный стиль, который на этом этапе справедливо именуется исследователями "крито-микенским"<sup>28</sup>. Только исходя из всего сказанного выше и можно объяснить такое явление, как "дворцовый" стиль. Что же касается тезиса о том, что "дворцовый" стиль существует только на материале Кносса, то он не совсем обоснован. Черты нового читаются и в памятниках других центров, иное дело, что стиль этот сложился в Кноссе раньше, чем на прочих территориях, и развился здесь полнее. Это объясняется особой исторической ролью Кносса в данный период. То, что произошло три с половиной тысячи лет назад с так называемым "эгейским импрессионизмом"<sup>29</sup>, через много столетий повторится и с европейским импрессионизмом XIX в., который неизбежно вступил на определенном этапе в фазу постимпрессионизма с его упорными исканиями монументального.

Как уже отмечалось, черты нового, репрезентативного "дворцового" стиля лучше всего прослеживаются в памятниках монументального искусства, в известных нам фресках и живописных штукковых рельефах из самого Кносского дворца. Они происходят из разных его частей, датируемых ПМ IB и ПМ II периодами. Это знаменитая фреска "Складных стульев" с ее фрагментом — прекрасной "Парижанкой", "Дамы в голубом", так называемые "миниатюрные фрески", расписной штукковый рельеф "Царь-жрец", композиции "Игры с бы-

<sup>27</sup> Matz F. Die Agais. München, 1950. S. 268 f.; Biesantz. Op. cit. S. 46—48.

<sup>28</sup> Biesantz. Op. cit. S. 81. Совершенно правильный сам по себе, этот термин, однако, порождает некоторое неудобство своим совпадением с общепринятым наименованием всей культуры в целом.

<sup>29</sup> Термин "эгейский импрессионизм", на наш взгляд, вполне употребим в научной литературе, разумеется, при необходимых разъяснениях в самом тексте.

ком” и ”Процессии дароносцев”, фреска Тронного зала с птицеголовыми грифонами. Одновременно черты этого стиля усматриваются и в произведениях малых форм: в полихромных культовых статуэтках и в фаянсовых рельефах из святилища-сокровищницы в западной части Кносского дворца (ПМ IА) (рис. V), в нарядных росписных вазах, покрытых сложными орнаментальными рядами растительных и морских мотивов, и, конечно же, в изображениях на печатках-амулетах, при всей их традиционности.

В глиптике более чем где бы то ни было продолжают господствовать ”натуралистические” мотивы. Впрочем, в начале ПМ II, т.е. примерно с 1475 г. до н.э., в ”дворцовом” стиле вообще наблюдается заметное усиление натурной формы<sup>30</sup>. В изображениях на резных камнях также можно заметить некоторые обогащения мотивов и распространенных ранее иконографических схем. Тонкий натурализм форм прежнего стиля и в глиптике вступает в новую фазу: природное и стилизованное, реальное и формальное, снова уводящее в какой-то мере в область художественной фантазии, как бы приводятся в классическое согласование и равновесие. Изображение в итоге монументализируется. Оно укрупняется и приближается к смотрящему на него. Резчик старается заполнить им все поле камня, старательно вписывая в эллипсовидные или округлые его очертания. Сложные сочетания и переходы ритмов, использование симметрии определяют характер его решений. Тема движения снова занимает художников, однако она приобретает уже иную формальную аранжировку. Выбирается момент баланса в сложном переходном движении, передается либо состояние ”подвижного покоя”, либо уравновешенного движения даже в сценах культовых игр с быком, где используется схема так называемого ”вытянутого” галопа. Появляются сложные развороты фигур, усиливающие впечатление пространственности, глубинности изображенного. Фигура подчиняется плоскости, подчиняется обрамлению и в то же время получает известное развитие в глубину. Поверхность, или линия земли, теперь не обозначается, как это было в SM период, и фигура получает абстрактное окружение, условную воздушную среду. В это время используются не только профильные изображения, но и изображения в фас и сзади, с тыловой стороны. Это было совершенно новым открытием, экспериментом, неизвестным до того древнему миру. Смелость художественных решений, разнообразие и сложность композиций совершенно удивительны в эгейском искусстве этого этапа, даже если брать только изображения животных<sup>31</sup> (рис. VI). Сопоставление профильного и тыльного особенно часты в резных камнях с изображением лежащих быков<sup>32</sup>. Это не случайная находка, это новый иконографический тип, новая схема (рис. VI, I). Фигурные группы встречаются постоянно, их не меньше, чем одиночных изображений. И еще один немаловажный факт — момент эмоционального в общем решении. В какой-то мере он присутствовал и в изображениях ”натуралистического” стиля (достаточно вспомнить ”фреску с голубой птицей”, найденную в районе Кносского дворца или знаменитую кошку из Агия Триады). В позднеминойский период (и более всего в ПМ II) эмоциональное в подаче образа, темы не только усиливается, но и приобретает почти драматическое звучание. Патетика есть и в сценах культовых игр с быком, и в изображениях львиной охоты, даже в пейзаже. Кстати, именно в это время встречаются вполне самостоятельные изображения природы, хотя по существу они культовые по своему значению (взять хотя бы известный отпечаток геммы из Кносса с изображением гнущихся под ветром деревьев<sup>33</sup>). Это также ново для древней глиптики и древнего искусства в целом.

<sup>30</sup> Matz. *Minoan Civilization...* S. 35.

<sup>31</sup> Corpus. Bd VII. Teil 2. № 103, 105, 112, 128; Bd. I. № 19, 20, 45, 229, 250.

<sup>32</sup> Corpus. Bd I. № 109, 240, 275, 432; Bd VII. № 127; *Kenna. Cretan Seals...* № 311.

<sup>33</sup> Evans. *Palace of Minos. V. I. Fig. 519.*

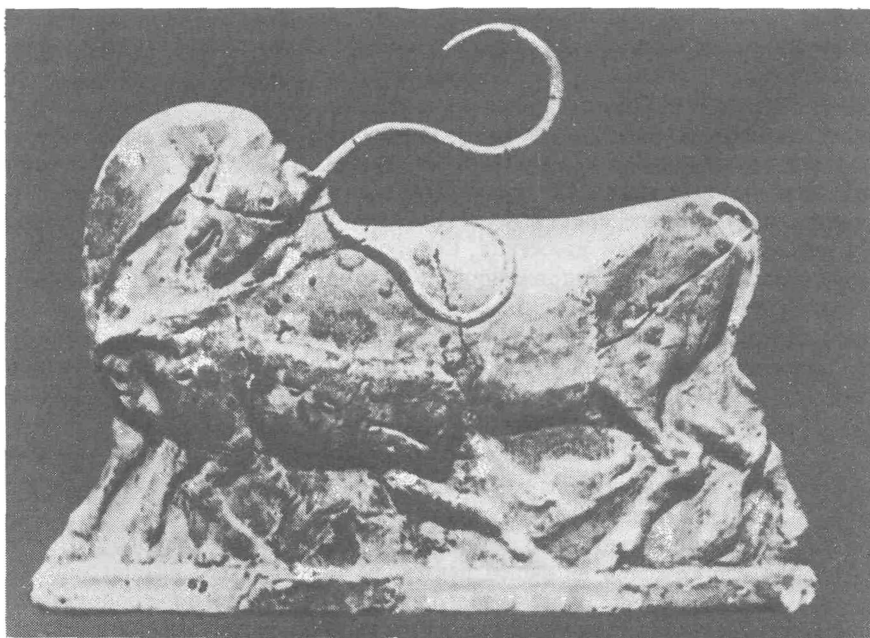
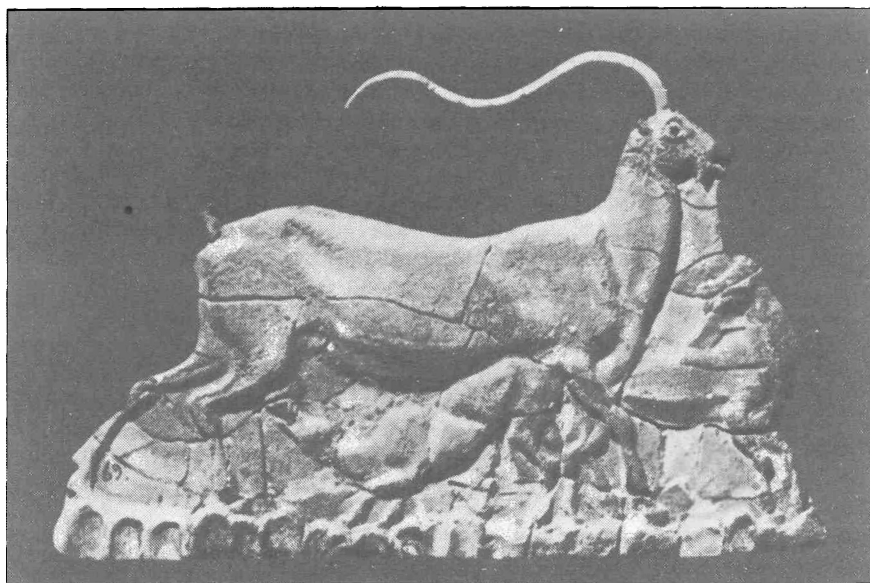


Рис. V. 1–2. Фаянсовые рельефные пластины. Кносс. (ПМ IA). Ираклион, Археологический музей

Пример обогащения мотива, усложнения иконографии — явления, характерного для ПМ и особенно для ПМ II периода, дает и изображение на нашей печати (рис. III, 3). В позе лежащего оленя мы усматриваем модификацию прежних иконографических схем, распространенных в СМ III, втором промежуточном и ПМ IA периоде. Новая схема, представленная здесь, остроумно сочетает схему так называемого "собранного" галопа и схему спокойно лежащего животного. Переходность состояния схвачена с удивительной наблюдательностью и точностью:

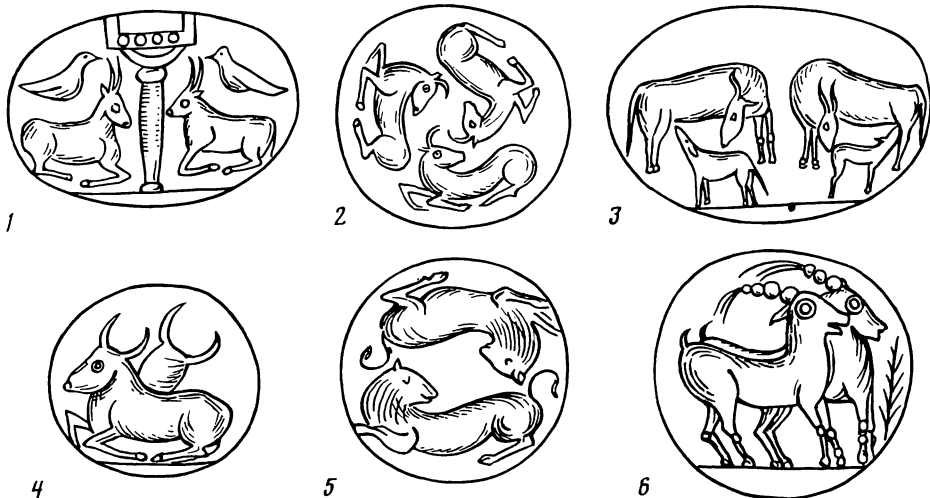


Рис. VI 1–6. Варианты сложных композиционных решений, встречающиеся на эгейских резных камнях в ПЭ, ПМ периоды: 1 – оттиск на глине. Микены, ПЭ I. Афины, Национальный музей; 2 – лентоид из полосатого агата. ПЭ I–II. Лондон, Британский музей; 3 – халцедоновая печать. Микены, ПЭ I. Афины, Национальный музей; 4 – лентоид из полосатого агата. ПМ I–II. Лондон, Британский музей; 5 – лентоид из сардоникса. ПЭ II. Афины, Национальный музей; 6 – лентоид из оникса. Микены. ПЭ II. Афины, Национальный музей

это не само движение и не покой, но нечто среднее, что можно определить как "утихающее движение" или "подвижный покой". Момент "импрессионистичности", характерный, как уже отмечалось, для "натуралистического стиля", в какой-то мере все еще присутствует, но одновременно появляется та уравновешенность, успокоенность движения, которой не было в более ранний период. Это соединение легкости и напряженности, покоя и скрытой потенциальной энергии и было завоеванием нового стиля. Любопытно, что существует еще одна разновидность этого переходного, комбинированного иконографического типа, встречающаяся на некоторых резных камнях данного времени<sup>34</sup>. В ней животное представлено не лежащим, а почти стоящим, припадающим только на одну переднюю ногу (рис. III, 4).

Итак, еще одна веха – иконографическое определение нашего памятника. Исходя из него, рассматриваемая гемма может быть датирована более конкретно ПМ IV – ПМ II, т.е. именно эпохой "дворцового" стиля.

Соединение противоположного, гармонизация противоположного есть и в самом решении изображения на нашей печати, не только в его иконографической схеме. Это также в пользу более точного его стилистического и хронологического определения (рис. I). Занимающая почти всю поверхность камня фигура животного с такой уверенностью и точностью вписана в овал амигдалоида, так свободно и красиво повторяет его очертания, что невольно вызывает восхищение артистизмом композиции. Изображение не имеет ни четко обозначенных горизонталей, ни четко обозначенных вертикалей; линии изящно изгибаются и круглятся. Только в нижней части (в рисунке ног) и вверху (в очертаниях головы) они соединяются под углом. Фигура оленя в профиль с повернутой назад головой напоминает S-образную спираль, очень характерную для построений ПМ IV, ПМ II. Контур прекрасно ее выявляет, его чистота и ясность поистине классичны. Композиция, которую схематично можно представить этой спиралью, представляет

<sup>34</sup> Corpus. Bd V. Teil 2. Kleine Griechische Sammlungen. 1975. № 644 (Pilos. Arch. Mus. № 14).

собой вариант "закрытой", замкнутой композиции, однако в ней есть и намек на возможное развитие вовне, т.е. элемент выхода, "открытости". Даже в характере самой композиции, таким образом, отражается стремление к гармонизации разных направлений и сил. Это могло быть только на самом высоком этапе классического развития (нечто подобное было позднее и в греческом искусстве второй половины V – первой половины IV в. до н.э.).

Изображение оленя на нашей гемме, кажется, настолько укрупнено, приближено к рассматриваемому его, настолько уравновешено в своих частях, что представляется не миниатюрным, а именно монументальным. Оно выглядит почти "картиной", настенной живописной композицией, повторяющей эгейские дворцовые фрески. Точно выдержанные расстояния от края камня до границ изображения (от верхнего края – до поднятой головы, от нижнего края – до линии живота и соответственно от правого края – до изгиба шеи) усиливают впечатление его собранности и устойчивости (рис. I, 5). Свободные участки поля имеют значение настоящей рамы, бордюра, которая в ПМ период играла такую большую роль в монументальной эгейской живописи. Уравновешенность нижней и верхней, правой и левой композиционных зон содействует тому же впечатлению.

Реальная весомость тела животного зрительно несколько облегчается, поэтому оно выглядит еще более изящным. Это ощущение создается в основном благодаря положению поднятой и повернутой назад головы, положению подвижных согнутых стройных ног. Статичный объем тела приобретает, таким образом, определенную динамизацию. Сила, направленная вниз, к необозначенной поверхности земли, которая все равно подразумевается, уравновешивается в какой-то мере другой силой, направленной вверх и как будто распрямляющей фигуру животного. Так достигнуто классическое соединение весомости и легкости, напряженности и свободы, успокоенности и подвижности, о котором уже говорилось выше в связи с общим развитием стиля эгейского искусства в ПМ период.

Исключительная композиционная уравновешенность данного изображения объясняется, конечно, не только художественной интуицией резчика, который был, как видно, прекрасным мастером. За этим стоит тщательный расчет изображения, характерный более всего как раз для глиптики ПМ периода (рис. I, 5). Прежде всего отчетливо прослеживаются основные осевые линии, вертикаль и горизонталь, проходящие через середину сторон амигдалоида. Именно они помогают правильно разместить изображение оленя на поверхности камня, вписав его сначала в прямоугольник. Ограниченная очертаниями прямоугольника фигура оказывается в результате и точно вписанной в очертания овала. Кроме горизонтальной и вертикальной осей при построении существуют еще и вспомогательные диагональные оси, проходящие через крайние точки изображения (ухо и линия перехода от шеи оленя к голове и изгиб задней ноги, затем – подогнутая передняя нога и наиболее высокая точка изогнутой спины). Пересечение диагональных осей приходится как раз на середину спины оленя. Это и есть композиционный центр всего изображения. Одновременно, как и следовало ожидать, данная точка совпадает с точкой пересечения горизонтальной и вертикальной осей. Композиции на печатях других форм (на поверхности лентоида, призмы, менее крупного амигдалоида) также создавались резчиками при помощи осевой разметки, однако изобразительная поверхность на небольших резных камнях была гораздо меньше, и это облегчало решение, делало его более компактным.

Эллипс амигдалоида или большого перстня – более сложная геометрическая фигура, требующая большей слаженности, согласованности вписанного в нее изображения. Именно это и демонстрирует наш памятник. Нетрудно заметить, что основная часть фигуры оленя на нашем камне находится как раз в нижней его половине. Выпуклость поверхности амигдалоида и рельефность тела живот-

ного, таким образом, удачно соотносены резчиком. Углубленное изображение воспринимается более объемным, хотя оно и "негативно". Эффектно и размещение на выпуклой поверхности камня изогнутой шеи оленя и приподнятой его головы: они кажутся за счет этого более подвижными, удлиненными в своих пропорциях. Оптические искажения не только учитываются эгейскими мастерами, они остроумно используются ими, ставятся на службу образному решению. Знания анатомии, уже удивлявшие нас в произведениях предшествующего периода, становятся теперь — и это показывают изображения на геммах — еще глубже и совершеннее. Сложность поз, вызванных переходностью момента в изображении движущейся фигуры, требовала еще более тщательного изучения и тела животного и тела человека, который, как уже говорилось, занял в ПМ период исключительно важное место в эгейском искусстве.

Все части тела оленя на нашей печати, как уже отмечалось, прекрасно соотносены и переданы с большой точностью, хотя и в несколько более вытянутых пропорциях. Их трактовка отличается свободой и тонкостью светотеневой моделировки. Благодаря плавным переходам легкой светотени формы хорошо выявлены, а рисунок контуров не акцентирован излишне. Изображение действительно представляется поэтому как бы погруженным в воздушную среду. Нет ни элементов пейзажного фона, ни поверхности земли. Фигура оленя дается в условном пространстве, которое выглядит значительно более глубоким, чем это было в изображениях на печатях других форм. Мы видим это по оттиску нашей геммы. Выпуклость вытянутого по форме амигдалоида увеличивает и ощущение гибкости фигуры. Усиливается не просто объемность изображения, достигается впечатление известной одухотворенности; ощущается мягченность и подвижность контура (особенно если рассматривать это изображение, гравированное на сердолике, на просвет). Надо сказать, что эффект просвечивания резного изображения всегда учитывался эгейскими художниками (еще большее значение придавали этому позднее греческие мастера в классический и эллинистический периоды). В этом случае изображение снова перестает быть "негативным", англифическим и начинает казаться, как в оттиске, настоящим рельефом. Ощущение условной плоскости, которой подчинено это изображение, вовсе не исчезает, однако при этом усиливается ощущение условного пространства. Это характерно именно для глиптики ПМ периода. В глиптике натурные впечатления дольше сохраняли в этот период свою определяющую силу, хотя и они подвергались формальной аранжировке, подобно другим видам изображений.

Однако то, что было естественно в рельефе-миниатюре и объяснялось самой его природой, конечно, должно было быть иначе в монументальной живописи, раскрашенном рельефе и вазописи "дворцового" стиля, где плоскости стены или поверхности сосуда оказывались господствующими в большей мере. В глиптике ПМ I, II как раз удавалось достичь некоторого слияния, органического соединения пространства и плоскости, плоскости и объема.

Невольно происходят изменения и в представлениях о времени в связи с изображением. Время не утратило конкретности, но при этом обрело большую протяженность благодаря сложному характеру самого движения, ощутимо возросшей объемности изображения.

Изображение оленя на нашей печати не имеет той ювелирной проработанности деталей, которой отличались миниатюрные изображения животных на геммах СМ III периода<sup>35</sup>, оно виртуозно в тех пределах, которые были достигнуты глип-

---

<sup>35</sup>СМ., например, известную призматическую печать с бегущим, козлом или печать из коллекции Тышкевича с быком и акробатом из Ашмолеанского музея, которые кажутся верхом технического совершенства: *Evans*. The Palace of Minos. V. I. Fig. 204 S; *Kenna*. Cretan Seals... № 201 (inv. 1938. 946); 202 (inv. 1938. 964); *Furtwängler*. Die Antiken Gemmen. Bd I. Taf VI, 9.

тикой позднеклассического этапа. Сохраняя тщательность моделировки и верность в характеристике наиболее важных участков изображения (шея, грудь, бедро задней ноги, лопатка передней, сухожилия), мастер прибегает одновременно и к некоторому обобщению форм, их стилизации. Это обобщение еще не приводит к сглаживанию рельефной формы, не кажется ущербным для натуры. По существу оно едва улавливается; то, что разовьется на следующем, последнем этапе существования эгейского искусства, здесь лишь зарождается. В нашей гемме пока счастливо соединяются натурные впечатления и формальные опыты или, иначе, "коррекции" художника. Далее это гармоническое единство начнет нарушаться, формальное, условное возобладает над живой природной формой.

Художник явно заостряет черты, определяющие образ данного животного, делает его более характерным, более красивым, пользуется для того и композиционными средствами, и пропорциональным решением, пластическими возможностями и выразительностью контура. Изображение оленя приобретает у него изысканность орнаментального мотива и в то же время еще сохраняет трепетность живого, реального. Плотно прижатые большие уши, настороженно глядящий вдаль крупный глаз и раздувающиеся чуткие ноздри – в этом и живая наблюдательность и поэтическая обобщенность.

Таким образом, подробный стилистический анализ изображения на нашей гемме также позволяет считать его произведением "дворцового" стиля или направления, близкого к нему, поскольку в глиптике оно не имеет такого четкого выражения, как в монументальной живописи и вазописи.

Возможна и более точная датировка нашей печати в пределах ПМ I, ПМ II. Обратимся для этого к собственно глиптическим параллелям, которые позволяют это сделать. Ближайшие стилистические аналогии в эгейской глиптике связаны, как это можно видеть из сопоставлений, прежде всего с ПМ II, ПЭ II (точнее, с ПМ IIА, ПЭ IIА) (рис. VII, 1–8). Это не только изображения оленей<sup>36</sup>, но и других животных: характерные для этого времени изображения быков, диких коз, грифонов, сцены охоты с участием в них льва или собак<sup>37</sup>. Общими оказываются: и сюжетная интерпретация, и принципы построения изображения, о которых уже говорилось выше (линейная и объемно-пространственная композиция), выразительные пластические средства и, что особенно показательно, сама техника резьбы, ее приемы: более обобщенная, но очень тонкая работа резцом, сочетание длинных прямых врезов и мелких кружков сверла, использование более крупного трубчатого сверла для изображения глаза и т.д. В геммах ПМ IIВ, ПЭ IIВ и тем более ПМ III, ПЭ III техника резьбы заметно меняется<sup>38</sup>. Пластическая интерпретация мотива в ПМ III, ПЭ III упрощается, изображение становится более острым в своей характерности, но более беглым по исполнению. Следы, оставляемые инструментом на поверхности камня, не разрабатываются. Техника резьбы, ее приемы вполне соответствуют принципам условно-символического подхода к изображению. Оно становится более экспрессивным в своей сознательной упрощенности, но зато почти совсем утрачивает гармоничность живой натурной формы. В нашем памятнике этого нет.

<sup>36</sup> *Brandt E.* Antike Gemmen in deutschen Sammlungen (далее – AGD). Bd I. Staatliche Münzsammlungen (München). München, 1968. № 46 (inv. A. 1181 – лентоид из желто-белого агата; олень и лев); *Zweierlein-Diehl E.* AGD. Bd II. Staatliche Museum Preussische Kulturbesitz, Antikensammlung. Berlin, München, 1969. № 344 (inv. FG 15 – лентоид из светлого халцедона; лев, напавший на оленя); *Corpus*. Bd I. № 344 (inv. 8497, Дворец Мессенского Пилоса, помеш. 105); № 412 (inv. 5252, Скирос – лентоид из агата; собаки, напавшие на оленя); *Eyans.* Palace of Minos. V. IV. P. 11. Fig. 491 (амигдалоид из сарда – кол. Sangiorgi; лев, напавший на оленя).

<sup>37</sup> См., например, *Corpus*. Bd VII. Teil 2. № 105, 128, 258; *Kenna.* Cretan Seals... № 311; AGD II. № 46, 53; AGD I. № 39. 60.

<sup>38</sup> *Corpus*. Bd V. Teil I. № 297; № 336; AGD. Bd I. № 59, 70а. Два последних камня датируются ПМ IIВ – ПМ III.



ПМ ПВ, ПЭ ПВ, — по-видимому, нижняя хронологическая граница для нашей печати. Нетрудно увидеть, что от этой нижней границы наша гемма находится тем не менее на известном расстоянии: ее положение ближе к началу ПМ ПА, ПЭ ПА, так как наряду с аналогиями в данном периоде для нее могут быть использованы и аналогии, существующие в ПМ ИВ, ПЭ ИВ, даже ПМ IA, ПЭ IA (рис. V). К числу печатей, связанных с рубежом ПЭ ИВ — ПЭ ПА и ПЭ ПА, относятся памятники, найденные в комплексе знаменитой купольной гробницы из Вафио<sup>39</sup>, к числу более ранних произведений ПЭ IA принадлежат некоторые геммы с акрополя Микен, открытые в пределах круга гробниц А и вне его<sup>40</sup> (рис. III, 2; IV, 1, 2). Что касается территории самого Крита, то к числу памятников ПМ ИВ относятся хорошо датированные печати из Оксфордского Ашмолеанского музея<sup>41</sup>, а к числу произведений ПМ IA — поздние памятники из святилища-сокровищницы в Кноссе, в том числе известный отпечаток геммы с оленем и сакральными узлами<sup>42</sup>.

Традиционность нашей печати, ее связанность в истоках и характере изображения с более ранними произведениями эгейской глиптики (геммами СМ III — ПМ IA), а также исключительная деликатность технического исполнения<sup>43</sup> позволяют, как нам кажется, не только отнести ее к раннему этапу ПМ ПА, ПЭ ПА или рубежу ПМ ИВ — ПМ ПА (ПЭ ИВ — ПЭ ПА), но и поставить в один ряд с весьма совершенными работами этого времени. Если говорить более конкретно о дате, то, по-видимому, это либо 1475—1450 гг. до н.э. (время ПМ ПА), либо несколько шире — 1500—1450 гг. до н.э. (время ПМ ИВ — ПМ ПА)<sup>44</sup>. Сужать эти хронологические рамки, видимо, вряд ли целесообразно. Таким образом, реальнее представляется датировка именно 1500—1450 гг. до н.э.

Среди аналогий нашему изображению может быть использован и прекрасный по своему качеству сердоликовый лентоид из Гос. Эрмитажа с изображением двух львов, напавших на оленя<sup>45</sup>. По времени он примерно соответствует нашей гемме<sup>46</sup> (рис. VIII, 1).

Поскольку в глиптике этого периода, по верному замечанию целого ряда специалистов, наблюдается любопытное соединение минойского и ахейского; формируется единый "крито-микенский" стиль, мы намеренно используем в данном случае двойную атрибуцию (минойскую и элладскую). Наличие в этом общем стиле сначала минойской, а затем ахейской доминанты, как уже говорилось, исторически обусловлено. На позднем этапе, особенно после катастрофы 1450—1400 гг. до н.э., ахейцы уже занимали господствующее положение на острове<sup>47</sup>. Естественно, что именно их вкусы и религиозные представления становятся основными. Это подтверждается документально археологическим материалом. Из сказанного, однако, не следует, что в первой и особенно во второй половине XV в

<sup>39</sup> *Biesantz*. Op. cit. S. 123 f.; *Corpus*. Bd I; *Furumark A.* Chronology of the Mycenaean Pottery. Stockholm, 1941.

<sup>40</sup> *Biesantz*. Op. cit. S. 123 f.; *Corpus*. Bd I; *Furumark*. Op. cit.

<sup>41</sup> *Kenna*. Cretan Seals...; *Corpus*. Bd VII. Teil 2.

<sup>42</sup> *Evans*. The Palace of Minos. V. IV. P. 11. Fig. 562.

<sup>43</sup> *Kenna*. Cretan Seals... P. 75.

<sup>44</sup> Именно этим временем принято датировать памятники гробницы Вафио (*Corpus*. Bd I; *Kenna*. Cretan Seals... P. 52 f.).

<sup>45</sup> *Максимова М.И.* Античные резные камни Эрмитажа. Л., 1926. Табл. I, 5; *Неверов О.Я.* Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976. С. 49. Табл. 1.

<sup>46</sup> Стилистически эрмитажная печать, на наш взгляд, несколько дальше отстоит от начала ПМ IA; она относится скорее к середине XV в. до н.э. Наша печать по времени ей предшествует.

<sup>47</sup> *Matz*. Minoan Civilization. P. 6, 44 f.

до н.э. не существует более произведений собственно критского и ахейского искусства порознь. В целом ряде случаев их нетрудно разграничить, более того, можно говорить о критских и материковых мастерских. И все-таки тенденция к слиянию стилей прослеживается со всей определенностью. Для многих памятников (не только памятников глиптики) часто трудно говорить о месте их изготовления. Наша печать в числе таких произведений. Минойская по своему характеру, она могла быть выполнена и на греческом материке. Во всяком случае кажется вполне правдоподобным ее происхождение из ахейских гробниц. Сведения о том, что эта печать была приобретена на юге Греции, вовсе не опровергают ни минойской, ни ахейской версии. Можно только еще раз отметить явно "минойскую" стилистическую доминанту этого памятника, его традиционность.

Поскольку рассматриваемая нами печать, как и десятки других памятников эгейской глиптики, несмотря на свою художественную значимость, прежде всего является культовым предметом, невольно встает вопрос о связанности данного изображения с религиозными представлениями, с эгейскими культами и религиозно-изобразительной традицией этого искусства. В заключение остановимся на этих вопросах.

Эгейские печати из полудрагоценных цветных камней и распространенные в эпоху расцвета золотые резные перстни, как уже говорилось, служили в первую очередь амулетами, т.е. выполняли непосредственно религиозную функцию. Кроме того, они служили знаком достоинства, печатью и своеобразным украшением. Важно, что и в качестве последних они также имели определенную религиозную обусловленность. Сам факт возможного удвоения, размножения изображенного на печати с помощью оттиска не мог не иметь у древних, в том числе и у минойцев, мистического смысла. Это, на наш взгляд, исключительно важно и имеет параллели в других культурах. Что касается роли такого амулета-печати в функциональном значении украшения, то и здесь трудно говорить о бытовом, утилитарном его характере. И в этом качестве гемма тесно связана с религиозными обрядами и ритуалом. Резные золотые эгейские перстни со сложными культовыми композициями, как уже отмечалось, видимо, почти не использовались как печати и служили именно своеобразной "культовой миниатюрой", ритуальным украшением. Не случайно их изображения так связаны с эгейским монументальным искусством.

Изображения священных животных, постоянно присутствующие на эгейских геммах, несомненно, имели для древних определенную магическую силу. Они были культовым символом, обладавшим божественной силой, поэтому вместе с печатью-амулетом они становились объектом культа. С какими эгейскими культами могли быть связаны непосредственно эти образы и, в частности, образ оленя?

Эгейскую религию часто называют дуалистической или религией "двойного монотеизма"<sup>48</sup>, поскольку в ней, подобно хеттской религии, одинаково значимы и культ верховного женского божества — Великой богини Матери, и культ верховного мужского божества — бога неба и погоды, бога грома и молнии, воды, тепла и света. Оба эти культа, как известно, действительно теснейшим образом связаны у минойцев и составляют великую пару богов, находящую параллели в других древневосточных религиях (Тешуб и Хебат, Хор и Хатхор и др.). Соответствующим этому эгейская религиозная символика, как это уже было отмечено исследователями, в частности М. Нильссоном<sup>49</sup>, имеет "двойную ориен-

---

<sup>48</sup> *Persson A.W.* The Religion of Greece in Prehistoric Times. Berkeley and Los Angeles, 1942. P. 8, 9.

<sup>49</sup> *Nilsson M.I.* The Minoan — Mycenaean Religion / Ed. 2. Lund, 1950.

тацию". Священные рога, двойная секира-лабрис, эгейская колонна, связанная с более древним культом дерева, сакральный узел, солярные символы (кресты, круги, свастики), различные виды спиралей — все это могло быть связано с обоими божествами, что подтверждают памятники искусства и в особенности глиптики. Кстати, именно глиптика, как известно, дает для исследователя эгейской религии особенно широкие возможности<sup>50</sup>.

Во множестве использовались в Эгейском мире и анималистические персонализации, хорошо известные во всех древневосточных религиях (особенно в древнем Египте). Однако и здесь "двойная ориентация", равно как и недифференцированность на раннем этапе самих религиозных представлений, делают определение этих изображений чрезвычайно затруднительным.

Из единого эгейского культа Богини Матери и связанных с ним божеств — культа Владычицы Богов и Всего Сущего со временем, видимо, выделились разные женские божества (модификации этого культа), некоторые из них нашли свои параллели в микенской религии (например культ Геры)<sup>51</sup>. Однако трудно вычленил эти культы в ПМ период и трудно говорить вообще о конкретном времени их появления. Возможно, что в ПМ II период уже существовала та самая ипостась, которую можно определить как *πότνια θηρών* — "Владычица зверей". Сложность в том, что наряду с женскими изображениями такого рода с быком, львом, дикими козами, оленем встречаются и мужские, которые определяются как "Владыка зверей". Эта модификация мужского культа также распространена в крито-микенской религии. У греков потом тоже (изображения оленя, например, соединяются не только с Артемидой, но и с Аполлоном, сохранявшим и в классический период свою древнюю связанность с солярным культом). Это отражают, в частности, известные итальянские монеты Кавлонии<sup>52</sup>.

Поскольку рога животного часто ассоциировались у древних с культом дерева и священные животные — особенно быки — часто изображались рядом со священным деревом, колонной или алтарем (рис. VI, 1), можно, видимо, говорить о связи этих изображений с вегетационным аспектом основных эгейских культов, хотя и с некоторой осторожностью<sup>53</sup>. К сожалению, изображение на нашей печати не имеет определенных символических дополнений, однако такие дополнения распространены на других геммах с изображениями оленей. Большинство эгейских печатей имеет в этом случае либо изображение ветви, либо солярные круги (либо и то и другое вместе)<sup>54</sup> (рис. II, 5). Только в одном из известных нам случаев на поле геммы с оленем встречаются изображения сакрального узла<sup>55</sup>.

<sup>50</sup> Это подтверждают лучшие работы в этой области; кроме названных выше работ А. Перссона и М. Нильссона, статей Ф. Матца, см. также: *Picard Ch. Les Religions Prehelleniques, Crete et Mycenes. P., 1948*; *Buchholz H.G. Zur Herkunft der Kretischen Doppelaxt. München, 1959*.

<sup>51</sup> *Nilsson. Op. cit. P. 388*. Все то, что вмещали затем у позднейших греков культы нескольких женских божеств — Геры, Деметры, Гестии, Артемиды, Афродиты, Афины, — соединялось когда-то у минойцев в одном культе женского божества — Богини Матери (см., например: *Matz F. Gottererscheinung und Kultbild im Minoischen Kreta // Abhandlungen d. Akad. d. Wiss. und Literatur. Mainz, 1958. № 7*).

<sup>52</sup> *Franke P. Hürner M. Die Griechische Münzen. München, 1964. № 90, 91*.

<sup>53</sup> О вегетационном цикле в эгейской религии писал когда-то А. Перссон (*Op. cit. P. 46*).

<sup>54</sup> *Corpus. Bd I. № 363* (отпечаток на глине из Мессенского Пилоса — бегущий олень и охотничья собака, на поле — ветви дерева), *CM III; № 272* (одна из сторон призматической печати; лежащий олень, на поле — растения), *CM III; Corpus. Bd IV. № 264* (лентоид из гематита; над изображением животного — ветвь растения), *ПМ II; Evans. The Palace of Minos. V. I. P. 11. Fig. 491-bis* (амигдалоид из сарда, колл. Санджорджи; лев, напавший на оленя, на поле — концентрические круги), *ПМ II; Corpus. Bd V. № 366* (отпечаток на глине из Мессенского Пилоса; лежащий олень, на поле — ветвь), *ПМ II — ПЭ II*.

<sup>55</sup> *Evans. The Palace of Minos. V. IV. P. 11. Fig. 562*.

Итак, не уточняя возможного отношения нашего изображения к культуре верховного женского или мужского божества — в настоящее время, как мы видели, сделать это слишком трудно, остановимся только на одном аспекте — связанном с ними культе священного дерева и культе возрождающейся природы. И хотя наше изображение лишено явных символических добавлений, определенный магический смысл оно все равно содержит. Акцентирует это, на наш взгляд, одна деталь — символическое изображение глаза, характерное для эгейской глиптики еще со СМ периода<sup>56</sup>. Нетрудно увидеть, что дважды повторенный круг — основной и оконтуривающий его — придает изображению глаза животного особое значение и силу. Выполненный с помощью трубчатого сверла крупный глаз оленя, традиционно переданный в фас при профильном изображении головы, в точности повторяет те солярные символы, которые порой мы встречаем на поле резных камней. Солнечное око и реальное око животного оказываются непосредственно связанными в мифологических представлениях древних.

Возможно, определенную роль в данном случае имеет и символика самого камня (даже в позднейшей греческой глиптике это еще сохранялось): горящий на солнце ярко-красный сердолик, как будто излучавший свет и тепло, вполне мог ассоциироваться у минойцев с энергией верховных божеств, с животворными силами возрождающейся с наступлением весны природы.

Художественные традиции эгейского искусства классического периода (включая и переходный ПМ II) оказываются исключительно долгими и плодотворными, они живут потом в искусстве греков. Пройдя этап геометрики, во многом все-таки продолжавший искания субмикенского периода, хотя и при явном снижении качества, технического мастерства, более позднее греческое искусство начало постепенно снова возвращаться к живой натурной форме, осваивать закономерности ее развития. Оно постигло, наконец, сложное единство природного образа, сочетающее противоборствующие, разнонаправленные внутренние силы, пришло к законченным, уравновешенным гармоническим решениям "свободного", т.е. исключительно развитого классического стиля. То, что греческое искусство времени своего расцвета во многом повторяет предшествующее ему эгейское (может быть, более всего минойское искусство классического периода), не вызывает теперь особого удивления. Это объясняется прежде всего определенными стадийными совпадениями в области художественного развития, о чем уже писали многие исследователи, в том числе Ф. Матц, а еще раньше А. Ригль<sup>57</sup>.

## LE SCEAU ÉGÉEN PROVENANT DE LA COLLECTION DE V.V. PAVLOV

*N.M. Nikulina*

Le sceau qui fait l'objet de cet article provient de la collection de l'orientaliste soviétique, maintenant décédé, V.V. Pavlov qui était un amateur passionné de pierres et un fin connaisseur des oeuvres de glyptique. C'est à lui que l'auteur de l'article doit d'avoir été initié à ce domaine intéressant de l'art ancien.

Le gemme publié est une oeuvre incontestablement authentique et artistiquement remarquable de la glyptique égéenne. Il avait été acheté par V.V. Pavlov dans la collection de B.N. Kastal'skij

<sup>56</sup> Солярные символы в виде концентрических кругов были распространены на печатях еще в эпоху древних дворцов (Corpus. Bd I. № 431 — стеатитовая печать в виде диска, двойные и тройные концентрические круги). Такие же круги встречаются и на поле некоторых более ранних гемм.

<sup>57</sup> Reigl A. Zur kunsthistorischen Stellung der Becher von Vafio. Gesammelte Aufsätze. Augsburg, Wien, 1929. S. 71–90.

А.И. Иванчик, Б.Г. Петерс

ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ  
ИЗ РАСКОПОК ПАТРЕЯ В 1986 г.

**В** 1986 г., во время работ на Патрейском городище (пос. Гаркуши, Темрюкский р-н, Краснодарский край), в 50 м севернее раскопа IV (раскоп IV разбит на северном берегу Таманского залива, в 100 м западнее "батареи"), в куче камней, собранных со вспаханного огорода местных жителей, был обнаружен обломок мраморной плиты с греческой надписью (рис. 1), имеющий свежий скол. Это вторая надпись, достоверно происходящая с территории Патрейского городища. Предыдущая находка сделана в 1949 г., во время раскопок Патрея экспедицией Московского и Ярославского педагогических институтов<sup>1</sup>.

В "Корпусе боспорских надписей", в разделе "Патрасий"<sup>2</sup>, имеются еще три надписи. Одна надпись на стеле<sup>3</sup>, о месте находки которой имеются противоречивые сообщения, что она найдена "близ урочища Фонтан", находящегося севернее городища, или "около татарского селения Ада". Если последнее сообщение верно, то местом ее обнаружения можно считать Патрейское городище, которое, видимо, находилось рядом с хутором Ада, нанесенным на карту Таманского полуострова К.К. Герцем<sup>4</sup> (Рис. 1 – вклейка).

В "Корпусе боспорских надписей" в этом разделе приведены надписи еще двух надгробий<sup>5</sup>, но нам представляется сомнительным, что они связаны с Патрейским городищем, так как указанное место их находки – "у каменной батареи" – расположено значительно западнее Патрея.

Наша надпись вырезана на обломке беломраморной плиты: высота – 0,165 м, ширина – 0,09 м, толщина – 0,03 м. С задней стороны плита имеет неровности, вероятно, для крепления ее в стене, в углублениях прослеживаются остатки известкового раствора. Наружная ее сторона отполирована. Сохранилась часть верхнего края плиты длиной 0,85 м. На плите имеются остатки четырех верхних строк надписи. Высота букв – 0,025 м, ширина – 0,023 м, расстояние между строками – 0,010 м. Буквы тщательно вырезаны. Внутри некоторых букв сохранились оранжевые разводы, возможно остатки красной краски. Между верхней строкой и краем плиты оставлено пространство 0,03 м. Перед тем как вырезать буквы, резчик разметил плиту тонкими горизонтальными и вертикальными

<sup>1</sup> Башкиров А.С. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949–1951 гг.//Уч. зап. Ярославского пед. ин-та. 1957. Вып. XXII (XXXII). С. 315 сл. Рис. 15; Крушкoл Ю.С. Раскопки древнего Патрея//ВДИ. 1950. № 2. С. 231–234; она же. Раскопки древнего Патрея за 1948–1949 гг.//Труды Моск. гор. пед. ин-та им. Потемкина. 1949; Розанова Н.П. Эллинская надпись из раскопок Патрея 1949 г.//СА. 1958. XXVIII С. 262–265. Рис. 1 = КБН 1020.

<sup>2</sup> О необходимости предпочесть форму *Πατραεύς* (Strabo. XI. 2.8) форме *Πάτραυς* (FGrH. 1F 214, apud Steph. Byz., s.v.) см.: Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. I: *Πάτρος, Πάτραυς, Πατραεύς*//Проблемы античного источниковедения. М.–Л., 1986. С. 79–87.

<sup>3</sup> КБН 1017.

<sup>4</sup> Герц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова. Собр. соч. Т. I. СПб., 1898. С. 134.

<sup>5</sup> КБН 1018, 1019.

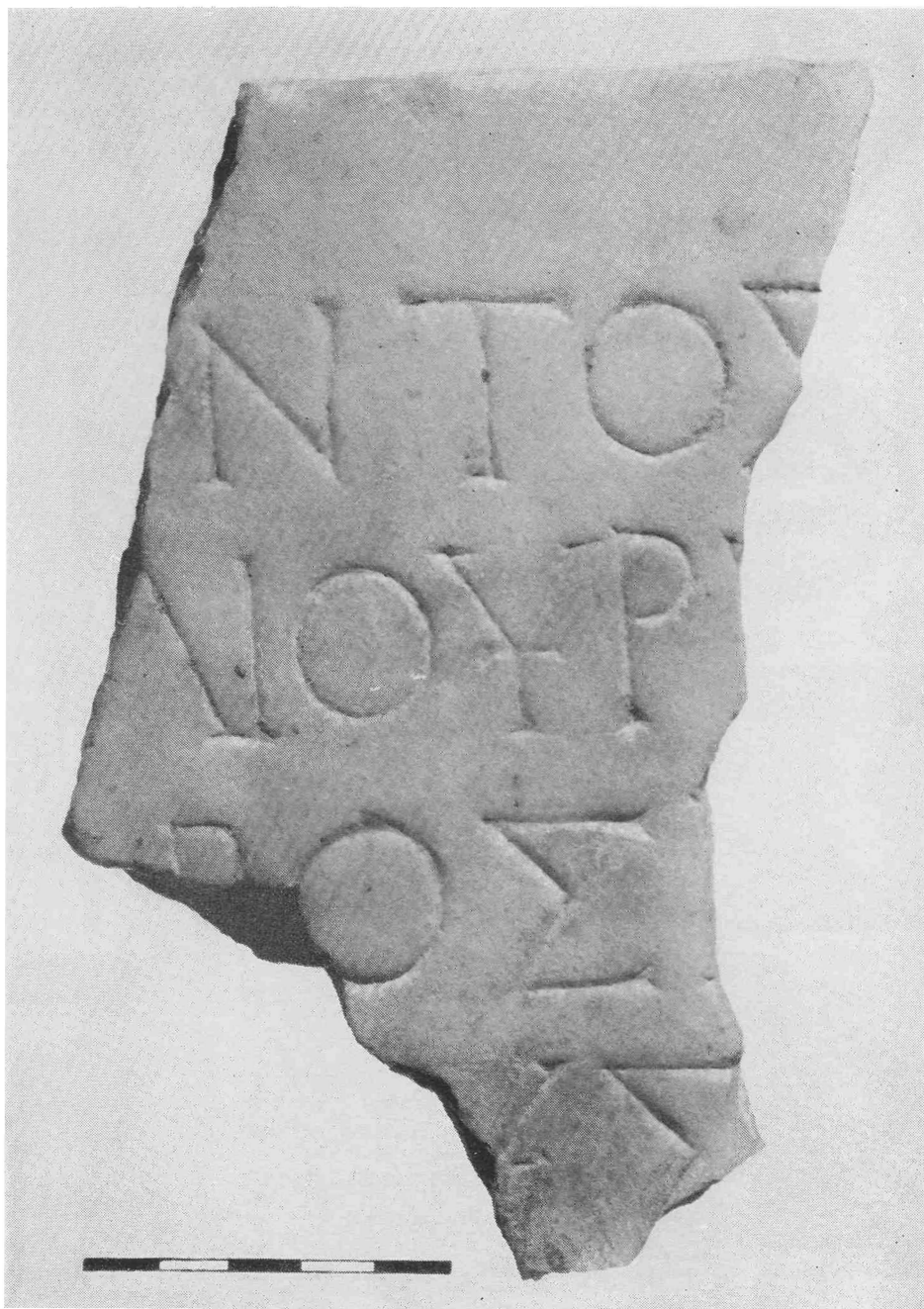


Рис. 1. Обломок мраморной плиты с греческой надписью из работ на Патрее 1986 г.

линиями, пересекающимися под прямым углом и создающими на плоскости сетку. Верхняя горизонтальная линия расположена на 0,018 м от ровного края и ему параллельна. Ниже ее на 0,005 м идет вторая линия, на таком же расстоянии ниже идет третья линия, на которой вырезаны части букв первой строчки. Четвертая линия на расстоянии 0,026 м ограничивает нижние части букв, пятая и шестая линии соответственно находятся на расстоянии 0,005 м, и на последней вырезаны верхние части второй строки и т.д. В одном случае горизонтальная линия получилась двойная. Вертикальные линии параллельны друг другу и располагаются на расстоянии 0,010 м. Таким образом, буквы вписываются в образованные прямоугольники, и резчик мог использовать по надобности одинарную или двойную их ширину.

На нашей плите частично сохранились четыре верхние строки надписи, в которых отчетливо читается 15 букв. Так как сохранился верхний край плиты, можно восстановить формульное начало надписи<sup>6</sup>:

[Βασιλεύ] ὀντος [βασιλέως Τιβε—]	В царствование царя Тиберия
[ρίου Ἰου] λίου Ἐρ[σκουπόριδος]	Юлия Рескупорида,
[φιλοκρίσσι] ρος κ[αὶ φιλορωμαί—]	друга Цезаря и друга римлян,
[ου εἰσεβο] ῆς. . .	благочестивого. . .

Как видно из приведенного в примечании перечня надписей, в которых сохранился аналогичная титулатура, наша надпись может принадлежать любому из четырех Рескупоридов (II–V). Судя по начертанию букв, можно считать, что она изготовлена при Рескупориде II (68–91/93 гг. н.э.), в правлении которого на Боспоре складывается монументальный шрифт<sup>7</sup>. Особенно характерны начертания круглого *омикрона*, отличающегося от удлинённого архаизированных надписей III в.н.э., острые углы *сигмы* и *ню*, форма *ипсилона* с перекладиной и примерно одинаковыми верхней и нижней частями<sup>8</sup>. Украшения букв минимальны: они имеют лишь короткие треугольные утолщения на окончаниях глас, что также характерно для боспорского раннего монументального шрифта. Шрифт нашей надписи особенно близок шрифту надписи IOSPE.II. 39. Все это говорит о том, что она относится к концу I в.н.э.

Сохранившийся текст надписи не позволяет точно определить категорию, к которой следует ее отнести, однако насечка на обратной стороне плиты и следы известкового цемента дают возможность предположить, что она была вделана в стену. В таком случае, вероятно, перед нами фрагмент строительной надписи.

Упомянутая выше патрейская надпись из раскопок 1949 г. чрезвычайно близка публикуемой. У этих двух фрагментов совпадают (возможны небольшие погрешности при замерах, проведенных разными лицами) не только форма и размеры букв, но и характер и толщина плиты, на которой эти буквы вырезаны. Одинакова и нанесенная на оба фрагмента сетка, по которой резчик вырезал буквы. Если учесть, что фрагменты найдены неподалеку друг от друга, то тогда весьма вероятно предположение, что они принадлежали одной надписи. Окончательное суждение можно было бы получить в результате совмещения двух фрагментов, однако это оказалось невозможным. Все наши попытки найти надпись 1949 г., как и кабинет археологии МГПИ, где она, по словам Н.П. Розановой<sup>9</sup>, а вслед за ней и составителей КБН<sup>10</sup>, хранилась, оказались безуспешными. Таким

<sup>6</sup>Ср. КБН 36, 58, 69, 70, 74, 76, 77, 966, 986, 1021, 1052, 1115, 1124, 1125, 1133, 1134, 1136, 1179, 1205, 1207, 1217, 1239, 1241, 1244, 1249, 1250, 1260, 1260а, 1261, 1277, 1281, 1283, 1285.

<sup>7</sup>Болтунова А.И., Книпович Т.Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре//НЭ. 1962. III. С. 21.

<sup>8</sup>Там же. С. 21 сл. Табл. III, 5. С. 27 сл.

<sup>9</sup>Розанова. Ук. соч. С. 262.

<sup>10</sup>КБН 1020. С. 587.

образом, представление о данном фрагменте нам пришлось составить лишь по фотографии и описанию.

Надо отметить, что восстановление текста надписи, предложенное Н.П. Розановой, не представляется нам достаточно убедительным. Сомнительным является расположение текста надписи в два столбца — достаточно редкий случай в боспорских надписях этого времени. Далее, она в своей реконструкции расположила в два столбца восстанавливаемое начало надписи, совершенно не учитывая того, что за этим началом должен идти остальной текст, и скорее всего все начало должно было бы попасть в первый столбец (кстати, в ее восстановлении слишком узкий и состоящий из строк разной длины). Уязвимым представляется и восстановление сохранившейся в изломе наклонной гасты как принадлежащей *мю* — в монументальном шрифте начала нашей эры *мю* имела вертикальные боковые гасты<sup>11</sup>, так что здесь следует предполагать *альфу* или *лямбду*. Наконец, буквосочетание *ΥΟΥ* совсем не обязательно понимать как целое слово *υου*. Действительно, если предположить, что оба фрагмента принадлежат надписям (надписи) с одинаковым текстом, то его восстановление будет выглядеть следующим образом (впереди идет фрагмент надписи из раскопок 1949 г., который стыкуется с нашими двумя верхними строчками):

[Βασιλ] ἐϋοντος [βασιλέως Τιβε—]  
[ρίω] υἱοῦ Ἰουλίου Ῥῆ [σκοῦπτορίδος]  
[φιλοκ] αἰ [σ] αρος κ [αἰ φιλορωμαί—]  
[ου ἐυσεβο] ὕς . . .

Сочетание *ΥΟΥ* мы восстанавливаем как [Τιβερίω] υἱοῦ [ίου]. Препятствием этому предположению является указание Н.П. Розановой, что в начале первой строки на фрагменте 1949 г. сохранился остаток вертикальной гасты. Впрочем, судя по фотографии, сохранившийся фрагмент буквы может быть истолкован и как апекс *эпсилона*. Конечно, из-за отсутствия самого фрагмента надписи это остается лишь предположением. Сохранившиеся от третьей строки апексы трех букв могут принадлежать А, Ι, Α, остаток *сигмы* между *йотой* и второй *альфой*, естественно, не сохранился, поскольку, как видно на нашем фрагменте, верхняя гаста *сигмы* идет чуть ниже верхней границы строки, а апексы *альфы* и *йоты* несколько выше ее.

Невозможность аутопсии фрагмента надписи 1949 г. не позволяет судить, соединяются ли оба фрагмента в контакте, но, судя по фотографии, это едва ли так. С большой долей вероятности можно говорить во всяком случае, что оба фрагмента принадлежали надписям, исполненным одним и тем же резчиком в близкое время, с одинаковым текстом, например укрепленным на двух одновременно восстановленных башнях.

L'INSCRIPTION GRECQUE TROUVÉE LORS DES FOUILLES  
DE PATRASYS EN 1986

A.I. Ivančik, B.G. Peters

Cette inscription a été trouvée en 1986 sur le site de Patrasys. Elle contient les vestiges des quatre lignes du haut où peut être reconstruite la titulature standard de Tiberius Julius Rhescuporis II (68–91/93). Elle ressemble beaucoup à un fragment trouvé à Patrasys en 1949 (CIRB n° 1020), les deux inscriptions datent de la même époque et proviennent sans doute du même atelier. Le fragment de 1949 se rapporte aussi à l'époque de Rhescuporis II, non à celle de Kotys II, comme supposé antérieurement. Il est possible que les deux inscriptions contenaient un même texte.

<sup>11</sup> Болтунова, Книпович. Ук. соч. С. 10, 20 сл. Табл. III.



# ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

## ПРОБЛЕМЫ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ БОСПОРА

VI—II вв. до н. э.

(По поводу выхода книги В.А. Анохина  
«Монетное дело Боспора». Киев, 1986)

Вопросы чеканки монет Боспора, крупнейшего в Северном Причерноморье государственного образования, продолжают привлекать к себе внимание исследователей. Однако со времени выхода классического общего исследования А.Н. Зографа "Античные монеты" (М., 1951) и книги Д.Б. Шелова "Монетное дело Боспора VI—II вв. до н.э." (М.—Л., 1954) не появлялось монографической разработки монетного дела Боспора на протяжении всех периодов его существования. Поэтому недавний выход книги В.А. Анохина "Монетное дело Боспора" (Киев, 1986) следует признать заметным явлением в советской нумизматической литературе.

Книга В.А. Анохина посвящена истории монетного дела Боспора с начала возникновения чеканки и до ее окончания. Автор считает, что по истории монетного дела Боспора нет исследований широкого хронологического диапазона, а "в работах обобщающего характера отсутствуют методические разработки по хронологии, типологии, весовым нормам монет и пр." (с. 4). Таким образом, выделен круг проблем, решению которых должно помочь его исследование. Однако хотелось бы отметить, что именно этим проблемам посвящено исследование А.Н. Зографа, чей очерк не только охватывает широкий хронологический диапазон, но и содержит разработку вопросов хронологии, типологии и метрологии монет Боспора. О книге Д.Б. Шелова, охватывающей период боспорской чеканки с VI по II в. до н.э., никак нельзя сказать, что она носит эмпирический характер. Четыре десятка статей К.В. Голенко также содержат ценные материалы и могут служить основой для исследования типологии и метрологии боспорских монет. История монетного дела Боспора первых веков нашей эры, основанная на поштемпельном анализе более 20 тысяч монет с учетом данных метрологии и результатов химического анализа царского золота и меди, помогает решить ряд проблем по истории этого государства<sup>1</sup>.

Таким образом, В.А. Анохин творил не на пустом месте, и намеченные им выводы требуют пристального рассмотрения и сравнения со сложившимися представлениями. Особое внимание должно быть уделено самим методам хронологической классификации монетного дела. При этом сразу бросается в глаза, что и дата возникновения чеканки, и дата последней боспорской эмиссии, приведенные автором, не соответствуют нумизматическим данным. К сожалению, эта новизна — не достоинство рассматриваемого исследования, а его существенный недостаток.

<sup>1</sup> Šelov D., Pochitonov E. K.V. Golenko zemřel // Numismaticke listy. 1976. XXXI. Č. 2. P. 57–60. N<sup>o</sup> 1, 2, 4–11, 14–17, 19–24, 30–34, 37, 38, 41–42, 45–47, 52–61, 63–73, 75–76; Frolova N.A. The Coinage of the Kingdom of Bosphorus A.D. 69–238 // BAR I. Oxf., 1979; eadem. The Coinage of the Kingdom of Bosphorus A.D. 242–341/342 // BAR I. Oxf., 1983.

Ведь хронология монетной чеканки Боспора в книге В.А. Анохина сводится к произвольному распределению всех монет от второй половины VI в. до н.э. до начала I в. до н.э. по десятилетиям. К тому же конец чеканки, определенный как 633 г. б.э. = 336 г. н.э. (с. 130), основывается на ошибке в прочтении даты на стateraх последнего Рескупорида, выпущенных в 638 г. б.э. = 341 г. н.э. (с. 132–133). Статеры 638 г.б.э. происходят из Тиритакского клада 1946 г. (1 экз.), Кепского клада 1962 г. (7 экз.), клада с Шум-речки (Анапа, 1972) (1 экз.) и Гай-Кодзорского клада (Анапский р-н, 1977) (1 экз.). Дата на них четко различима – НЛХ, т.е. 638 г.б.э = 341 г. н.э., но эту дату автор без всякого основания считает «ошибкой резчиков».

Вызывает удивление и периодизация монетного дела Боспора, предложенная автором, которая разбита на следующие периоды: 1) автономный (около 530–379 гг. до н.э.); 2) период ранних Спартокидов (около 379–275 гг. до н.э.); 3) время денежного кризиса (около 275–210 гг. до н.э.); 4) период поздних Спартокидов (210–109 гг. до н.э.); 5) понтийский период (около 109–15/14 гг. до н.э.); 6) раннеримский период (14/13 г. до н.э. – 91/92 г. н.э.); 7) среднеримский период (93/94 – 210/211 гг. н.э.); 8) позднеримский период.

Хронологические границы последнего периода автор не приводит, хотя все остальные даны им с поразительной, но ничем не оправданной точностью. Если обратиться к историографии периодизации монетного дела Боспора (ее вообще нет в книге В.А. Анохина), то следует напомнить, что А.Н. Зограф предложил четкую периодизацию истории античных монет, которую, как он полагал, необходимо учитывать при обзоре развития монетного дела в каждом отдельном центре. Выделены периоды: архаический, классический, эллинистический и императорский – от возникновения принципата до правления Анастасия (491–518 гг. н.э.)<sup>2</sup>. Эту хорошо продуманную периодизацию принимают Д.Б. Шелов<sup>3</sup> и другие советские нумизматы, поскольку она учитывает весь путь исторического развития античного общества. Предлагаемая же периодизация противоречит общепринятой хронологии не только Боспора, но и всего древнего мира. В науке давно устоялись такие понятия, как Рим эпохи царей, Рим эпохи Ранней республики, позднереспубликанского периода, точно так же, как Рим периода Ранней и Поздней империи<sup>4</sup>. Однако терминов «раннеримский, среднеримский и позднеримский периоды» не существует.

Точно так же не подходит к понятию ранней боспорской чеканки и термин «автономный период», который В.А. Анохин ограничивает 530–379 гг. до н.э. Что имел в виду автор под этим понятием? Если автономия понимается им как период существования независимого полиса, то Пантикапей всегда оставался им в той или иной степени<sup>5</sup>. Если же автор использует в книге для своей периодизации термин «автономный» в том смысле, как его давал Н. Эккель (т.е. до включения данного полиса в Римскую империю или в сферу влияния Рима), то этот период должен включать весь чекан от середины VI до I в. до н.э., а не до 379 г. до н.э. Почему в качестве конечной даты автономного периода выбран именно 379 г. до н.э.? Почему следующий за ним хронологический отрезок поименован периодом «ранних Спартокидов»? Этот монархический род пришел к власти, как известно, в 438 г. до н.э. (Diod. XII. 31)<sup>6</sup>: если же этот период начинать с Левкона I, то его правление началось в 389, а не в 379 г. до н.э. Аргументов в защиту столь четкой хронологической границы первого периода в книге не содержится, и сам

<sup>2</sup> Зограф. Античные монеты. С. 94 сл.

<sup>3</sup> Шелов. Монетное дело...

<sup>4</sup> Машкин Н.А. История древнего Рима. М., 1956; Кузищин В.И. История древнего Рима. М., 1982.

<sup>5</sup> Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 24–94.

<sup>6</sup> Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1984. С. 82–144.

автор подчеркивает, что его схема "не учитывает политических ситуаций – смены династий Археанактидов и Спартокидов, смены правлений отдельных Спартокидов, разной их продолжительности и др." (с. 18). Если добавить, что не приняты во внимание и особенности социально-экономического развития Боспора, то приходится заключить, что даты периода автономной чеканки искусственны и непонятны.

К вопросам монетной хронологии В.А. Анохин подходит предельно просто: все даты эмиссий он устанавливает чисто арифметически, произвольно, предполагая, будто каждая выделенная им серия или выпуск пантикапейских, нимфейских, фанагорийских или феодосийских монет "соответствовала какому-то отрезку времени, циклу" (с. 16), а "вопрос продолжительности циклов может быть упрощенно сведен к попытке найти такие узкие хронологические отрезки, в течение которых могли выпускаться отдельные серии монет" (с. 17). На основе этих не очень ясных утверждений далее конструируется удивительный тезис, что все циклы равны десятилетиям. После этого следует итоговое заключение: поскольку от 530 до 379 г. до н.э. прошло 150 лет, то "на 150 лет чеканки приходится выпуск примерно 13–14 серий, что и дает периодичность около 10 лет" (с. 17). Однако в начале следующей страницы автор насчитывает в автономном периоде уже не 13–14, а 16 серий. Тем не менее этот метод датировки по десятилетиям принят за основу истории всего монетного дела Боспора. Считая, что ранняя дата чеканки Пантикапея – середина VI в. до н.э. – фактически никем не была обоснована и опираться при вычислении хронологических границ автономного периода на нее нельзя, он обращается к "верхней" дате этого периода, за которую он принимает дату присоединения Феодосии при Левконе I (389/388 – 349/348 гг. до н.э.). Поэтому заключительные эмиссии Феодосии он датирует 390–380 гг. до н.э., не ссылаясь при этом ни на одного из исследователей, занимавшихся чеканом Феодосии<sup>7</sup>, в частности на Д.Б. Шелова, установившего, что Феодосия утратила свою самостоятельность еще в первые годы правления Левкона I<sup>8</sup>. Итак, В.А. Анохин отталкивается от даты 380 г. до н.э., полагая, что именно эта дата "позволяет установить следующие ориентировочные даты всех серий Пантикапея, если отводить на каждую из них в среднем по десять лет": серии П-1 – 540–530 гг. до н.э., П-2 – 530–520 и т.д. до П-16 – 390–380 гг. до н.э. (с. 17).

Результатом произвольного обращения с методом хронологической классификации, а правильное, игнорирования этого метода, явилось расхождение датировок одних и тех же выпусков, данных на разных страницах книги. Так, в названии первой главы стоит дата начала автономного периода – 530 г. до н.э., а на с. 17 первая пантикапейская серия монет (П-1) датирована 540 г. до н.э. Каким образом она получена, неясно. Конец автономного периода в заголовке – 379 г. до н.э., а в тексте (с. 17) последняя серия автономного периода (П-16) имеет дату 390–380 гг. до н.э.

Приведенная автором хронологическая канва выпусков первых серий Пантикапея неверна, и вследствие его ошибочного представления о том, что каждый номинал выпускался последовательно только через 10 лет, В.А. Анохин допускает, что тетробол, триобол, драхма и ее фракции не могли быть отчеканены одновременно. Исходя из этого предположения, он не только датирует, но и формирует серии, состоящие из однотипных монет: П-1 (тетробол) – 530–520; П-2 (триобол) – 520–510; П-3 (драхма) – 510–500 и т.д., в то время как во всех античных центрах (например в Афинах VI–V вв. до н.э.) все номиналы одного и того же типа (декадрахма, тетрадрахма, дидрахма, драхма, триобол и более мелкие фракции оболы в 5, 4, 3, 2,  $1\frac{1}{2}$ ,  $1\frac{3}{4}$ ,  $\frac{1}{2}$ ,  $\frac{1}{4}$  и т.д.) выпускались одновременно<sup>9</sup>.

<sup>7</sup> Шелов Д.Б. Феодосия, Гераклея и Спартокиды // ВДИ. 1950. № 3. С. 171.

<sup>8</sup> Он же. Монетное дело ... С. 42.

<sup>9</sup> Head B. V. *Historia Numorum*. Oxf., 1911. P. 386–372.

Подобная система чеканки монет существовала на Эгине<sup>10</sup>, в Коринфе<sup>11</sup> и других античных городах, она вытекает из самой природы денежного обращения.

Можно привести другой пример. Пантикапейские монеты одного и того же типа "голова льва – вдавленный квадрат" (триобол) (табл. 1, 4) В.А. Анохин датирует 500–490 гг., а драхму, по стилю ничем не отличающуюся от триобола (табл. 1, 7), датирует 490–480 гг. (с. 136 сл.). При этом игнорируются все те аргументы, на которых прежде строили свою систематизацию монет раннего Боспора А.Л.Бертье-Делагард, А.Н. Зограф, Д.Б. Шелов. Автор отвергает датировку начала эмиссий серебра в Пантикапее серединой VI в. до н.э.<sup>12</sup> на том основании, что первые монеты Афин, Эгины, Коринфа относятся к 560–550 гг. до н.э. (с. 17). Но именно такие данные, как общие принципы развития техники чеканки и эволюции quadratum incusum, присущи в одинаковой мере и пантикапейским, и всем типам монет греческих городов периода архаики.

Систематизации монет раннего периода посвящен в книге отдельный параграф (с. 5–15). Прежде всего следует сказать, что монеты не разбираются по штемплям. В каталоге, который по сути своей является списком монетных типов, приводится только один экземпляр монеты каждого типа, а известное автору количество монет этого типа (только автономного периода) указано в скобках. Проверить же наличие данного в скобках числа монет, их вес, место хранения невозможно, так как все эти необходимые данные отсутствуют. Поэтому относиться серьезно к решению В.А. Анохиным вопросов систематизации и метрологии ранних монет Боспора (с. 20–23) нельзя.

Итак, проведя систематизацию монет Пантикапея "автономного" периода, автор разбил их на 16 серий. Но при описании серий от П-1 до П-16 допущены расхождения в датах с серии П-1 до П-6 на 10 лет, с серии П-7 до П-16 на 10–12 лет:

Текст (с.17)	Каталог	Текст (с. 17)	Каталог
П-7 (480–470)	(470–460)	П-12 (430–420)	(423–413)
П-8 (470–460)	(460–450)	П-13 (420–410)	(413–403)
П-9 (460–450)	(450–438)	П-14 (410–400)	(403–393)
П-10 (450–440)	(438–433)	П-15 (400–390)	(393–389)
П-11 (440–430)	(433–423)	П-16 (390–380)	(389–379)

Начиная с серии П-6 расхождения между текстом и каталогом касаются и центров чеканки. Так, в каталоге в серию П-6 помещены выпуски храма Аполлона (А-1), который, по мнению автора, чеканил монеты типа "голова льва – квадрат с двумя точками" (кат. № 14). Таким образом, он относит к эмиссиям храма Аполлона пантикапейские монеты, даже ничем не доказывая этого положения. Следующая серия монет Пантикапея (П-7) в тексте состоит из двух выпусков (№ 15–16) того же типа "голова льва – квадрат, 4 точки" (с. 7) и нового типа "муравей – квадрат, 2 точки" (№ 18). При этом автор заключает, что "использование особого типа аверса – муравья вместо привычного – головы льва – легко можно объяснить стремлением избежать смешения мелких номиналов..." (с. 7 сл.). Следовательно, эти типы монет объединяются в один выпуск и относятся к пантикапейским. Но в каталоге тип с муравьем (№ 18) отнесен к выпускам храма Аполлона (А-2). Путаница продолжается и далее. В каталоге все в том же выпуске храма Аполлона (А-2) указано, что храм отчеканил еще и монеты типа "голова льва – квадрат с двумя точками" (№ 17). Но монеты этого типа В.А. Анохин еще ранее поместил в серию А-1, которую датировал вместе с серией П-6 490–480 гг. Теперь же один и тот же тип монет, один и тот же номинал он датирует

<sup>10</sup> Ibid. P. 394–396.

<sup>11</sup> Ibid. P. 398–400.

<sup>12</sup> Зограф. Античные монеты. С. 164; Шелов. Монетное дело ... С. 13 сл.

временем 470–460 гг. Причем в выпуске А-1 (№ 14) указывается: номинал – гемиобол, вес – 0,57 г, количество экземпляров – 18. В выпуске А-2 (№ 17) – гемиобол, вес – 0,25 г, количество экземпляров – 76. На табл. 1 № 14 и 17 – монеты одного и того же типа, но явно двух различных номиналов, так как № 14 больше по виду и размеру № 17 в два раза. Иными словами, недопустимо датировать однотипные монеты годами с разницей в 30 лет. Для решения же вопроса о номиналах автор должен был привести известные ему веса 18 (А-1) и 76 монет (А-2). Кроме того, помещенный в этот же выпуск А-2 уже упомянутый нами тип монет с изображением муравья и двумя точками (№ 18) отличается от типа монеты ”муравей – четыре точки” (№ 13) только своим реверсом.

Тем не менее В.А. Анохин относит № 13 (с. 136) к выпускам Пантикапея, а № 18 к эмиссии храма Аполлона (с. 137). Вопрос о том, чему может доверять читатель – данным текста или данным каталога, можно уже не ставить, так как непозволительная небрежность в обращении с таким важным источником, каким являются монеты, легкомысленное отношение к принципу их хронологизации не вызывают сомнений.

То же самое можно сказать и о следующей серии П-8. В каталоге она датируется временем 460–450 гг. (с. 137), а в тексте – 470–460 гг. (с. 18). Но в тексте не сказано, что на Боспоре в это время чеканил монету еще и храм Аполлона, а в каталоге к этому периоду отнесены эмиссии А-3 и А-4. При описании монет, из которых состоит серия А-3, допущены ошибки. Монета № 24 с изображением льва на л.с. имеет на реверсе не четырехлучевую, а восьмилучевую звезду (табл. 1, 24), точно так же, как и монета № 25 с изображением муравья на л.с. (табл. 1, 25). Опять-таки монета № 25 с изображением муравья на л.с. отнесена к эмиссии храма, а № 22 с изображением муравья и четырьмя точками на о.с. – к чекану Пантикапея. Получается, по В.А. Анохину, что монеты с муравьем с 460 до 413 г. одновременно выпускались Пантикапеем (№ 22) и храмом (№ 25, 47), точно так же как монеты с изображением льва начиная с 480 до 413 г. (с. 138) выпускались и храмом, и Пантикапеем. При этом автор совершенно игнорирует вопрос о монетной регалии, о доходах от чеканки монет, о разделе этих доходов, не приводя никаких аналогий этому явлению.

По мнению В.А. Анохина, в 460–450-е годы храм Аполлона выпускал монеты (А-4) типов ”голова льва – АПОЛ” и ”муравей – АПОЛ” (№ 26–28), т.е., по предложенной систематизации монет ранней чеканки Боспора, выходит, что монеты с буквами АПОЛ выпущены раньше, чем монеты тех же типов, но с буквами ПА (№ 29–32), которые он датирует 460–438 гг. С этим трудно согласиться хотя бы потому, что еще А.Н. Зограф указывал на эволюцию надписей на боспорских монетах: ПА или АП, потом ПАН, ПАНГ и, наконец, ПАНТ. Монеты с надписью АПОЛ должны быть одновременны монетам с надписью из четырех или пяти букв. По систематизации, предложенной В.А. Анохиным, эволюции в написании имени города Пантикапея не наблюдается. Монеты с буквами ПА должны датироваться более ранним временем, чем монеты с надписью АПОЛ.

Путаницу в определении центра чекана монет с изображением муравья, которая существует в книге В.А. Анохина, наглядно можно представить в следующем виде:

Годы до н.э.	№ по каталогу	Центр чеканки
480–470 муравей – 4 таблетки	13	Пантикапей
470–460 муравей – 2 точки	18	храм Аполлона
460–450 муравей – две четырехлучевых звезды	22	Пантикапей
муравей – 8-лучевая звезда	25	храм Аполлона
муравей – АПОЛ	28	храм Аполлона

Годы до н.э.	№ по каталогу	Центр чеканки
450–438 муравей – 8-лучевая звезда, ПА	32	Пантикапей
муравей – 8-лучевая звезда, АП	35	храм Аполлона
438–433 муравей – 8-лучевая звезда, ПАН	38	Пантикапей
433–423 муравей – 8-лучевая звезда, ПАНТИ	41	Пантикапей
423–413 то же	47	Пантикапей
муравей – АПОЛ	50	храм Аполлона
413–403 муравей – баран, ПАНТ	56	Пантикапей

Таким образом, по систематизации ранних монет Боспора, разработанной автором книги, получается, что на одном и том же монетном дворе в одно и то же время одни и те же монеты с изображением муравья на л.с. были чеканены двумя разными властями. Автор объясняет это таким образом: "... наиболее перспективным должно явиться предположение о двух эмитентах, равноправных относительно монетной регалии" (с. 13). Но этой гипотезе автора вряд ли найдется аналогия в истории монетного дела какого-либо античного полиса. Он усугубляет положение, вводя еще одного "эмитента", выпустившего, по его мнению, монеты "с неясной атрибуцией" (с. 10). В разделе, так и озаглавленном, он сравнивает монеты типа "лев – баран, ПАНТИ" с монетами Пантикапея типа "голова Аполлона – голова барана, ПАНТИ" (№ 57–58). Автор считает, что обе серии одновременны и, судя по надписям, чеканены на монетном дворе Пантикапея. "Однако ни то, ни другое обстоятельство не дают оснований включить их в число городских монет, поскольку одновременный выпуск монет одинаковых номиналов, но с различными изображениями, представлялся бы и нецелесообразным, и противоречащим всей практике боспорского монетного дела" (с. 10). Комментировать эту фразу излишне. Иными словами, тип монет "голова Аполлона – баран, ПАНТИ" на с. 10 отнесен к монетам с неясной атрибуцией, т.е. к неизвестному центру, а в каталоге они (№ 57–58) отнесены к храму Аполлона (А-7), несмотря на то, что на монете помещена надпись ПАНТИ. Но В.А. Анохин так объясняет этот факт: "Город переходит к выпуску монет с головой барана (№ 54–56). Аполлонийские монеты заимствуют этот тип вместе с надписью ПАНТИ" (с. 14). Далее он пишет: "Отказавшись по каким-то причинам от помещения надписи АПОЛ, второй эмитент сохранил свою самостоятельность, заменив надписи полным и даже еще более выразительным эквивалентом – изображением Аполлона, то есть того божества, которое, конечно, и подразумевала эта надпись" (с. 14). Таким образом, по В.А. Анохину, получается, что изображение Аполлона заменило собой этникон города. С такими идеями спорить, конечно, не приходится.

Но и это еще не все, что можно сказать о недопустимости систематизации ранних пантикапейских монет, построенной в основном на ошибочных представлениях автора. Монеты с изображением муравья, ранее отнесенные к Пантикапею (№ 22), и монеты этого же типа л.с., но с восьмилучевой звездой на реверсе, отнесенные им к чекану храма Аполлона (№ 25), на с. 10 приписаны уже к монетам с неясной атрибуцией. Отсюда идут и просчеты в датировках, что особенно выявляется при вычислении хронологических границ выпусков аполлонийских монет, описания которых даны в тексте, на с. 10–14.

Текст	Серия серебра храма Аполлона	№ каталога	Синхронность выпускам Пантикапея	Дата по каталогу до н.э.
С. 11–12	I серия	26–28	П-8	460–450 (с. 137)
С. 11	II серия	48–50	П-12	423–413 (с. 138)
С. 12	III серия	33–35	П-9	450–438 (с. 137)

Из таблицы видно, что третья серия храма выпущена на 25 лет раньше, чем вторая. Но в каталоге эмиссии монет храма автор делит уже не на серии, а на выпуски от А-1 до А-8 и дает им датировки, отличные от датировок, приведенных на страницах текста. В тексте на с. 12, прав. стб., неожиданно объявляется, что чеканка "Аполлонии" в целом "возникает одновременно с пантикапейской серией П-6", т.е. в 480–470 гг., а не в 460–450 гг., как указывается на этой же странице (с. 12, лев. стб.): "... возвращаясь к первой серии монет с надписью АПОЛ, остается признать, что они вместе с монетами со звездой синхронны пантикапейской серии П-8". Возникает вопрос, какой из дат начала "аполлонийской" чеканки придерживается сам автор — 460–450 или 480–470 гг.?

Столь же запутаны данные и о конце храмовой чеканки. Автор пишет: "Наиболее легко определяется место последней серии, идентичной по типу реверса серии П-9" (с. 11, лев. стб.), которая получает дату 450–438 гг., но в каталоге после этой серии идут еще выпуски А-6 (№ 48–50), датируемые 423–413 гг., А-7 (№ 57–58) с датой 413–403 гг. до н.э. и А-8 (№ 70–72) с датой 403–393 гг. до н.э. Следовательно, в книге имеются и две даты конца чеканки храма Аполлона — 450–438 и 403–393 гг. до н.э. Это нельзя расценить иначе, как небрежность и безответственность, недопустимые в научном труде.

Не следует напоминать, что к храму Аполлона (или к городу Аполлонии) можно относить только монеты, имеющие на о.с. буквы АПОЛ, как это и считали все писавшие о них ученые. Этих монет известно всего только четыре типа: 1) лев — квадрат, АПОЛ (№ 26); 2) муравей — квадрат, АПОЛ (№ 28); 3) лев — квадрат, разделенный на прямоугольники, звезда, АПОЛ (№ 48); 4) муравей — квадрат, разделенный на прямоугольники, АПОЛ (№ 50). Спорными могут быть типы: 1) лев — квадрат, звезда, АП (№ 34); 2) муравей — квадрат, звезда, АП (№ 35). Датировка этих типов монет должна остаться прежней. Д.Б. Шелов предлагал датировать монеты с АПОЛ второй—третьей четвертями V в. до н.э. Новыми аргументами в пользу датировки третьей четвертью V в. до н.э. могут явиться данные недавних раскопок Пантикапея, по которым храм был воздвигнут в Пантикапее около середины V в. до н.э.<sup>13</sup> Таким образом, если скорректировать результаты исследований археологии Боспора с нумизматическими данными, то, по-видимому, монеты с надписью АПОЛ могут датироваться второй и третьей четвертью V в. до н.э.

Что же касается монет с изображением муравья на л.с., то прежде всего следует привести описание всех известных 12 типов, которые отличаются только изображениями оборотных сторон: 1) квадрат и 4 точки (№ 13); 2) квадрат и 2 точки (№ 18); 3) квадрат, разделенный на прямоугольники, в двух из которых по четырехлучевой звезде (№ 22); 4) квадрат и восьмилучевая звезда (№ 25); 5) квадрат с буквами АПОЛ (№ 28); 6) квадрат с четырьмя прямоугольниками, на двух из них ПА и восьмилучевая звезда (№ 32); 7) квадрат с четырьмя прямоугольниками, на двух из них буквы ПА и четырехлучевая звезда (№ 35); 8) квадрат, буквы ПА и восьмилучевая звезда (№ 38); 9) квадрат с четырьмя прямоугольниками, на них ПАНТИ и восьмилучевая звезда (№ 41); 10) квадрат с восьмилучевой звездой, вокруг ПАНТИ (№ 47); 11) квадрат, разделенный на прямоугольники, восьмилучевая звезда, АПОЛ (№ 50); 12) л.с. — муравей, о.с. — квадрат, внутри него голова барана, вверху ПАНТИ (№ 56). Из описания типов видно, что типы оборотных сторон монет с муравьем проходят такую же эволю-

<sup>13</sup> Блаватский В.Д. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. // МИА. 1957. 57. С. 29–33; Пичикян И.Р. Ордерная архитектура Северного Причерноморья // ВДИ. 1975. № 1. С. 120; он же. К методике реконструкций античных ордерных фасадов по архитектурным деталям // КСИА. 1978. Вып. 152. С. 75–76; он же. Малая Азия — Северное Причерноморье. М., 1984. С. 156–170; Толстиков В.П. Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. 1987. № 1. С. 113.

цию, как и типы о.с. монет Пантикапея. Считать их чеканкой храма Аполлона, если на них стоят надписи ПА, ПАН, ПΑΝΤΙ, нет оснований. Бесспорно, что монеты Пантикапея с указанными легендами, монеты с надписями ΑΠΟΛ и монеты с изображением муравья и надписями ПА, ПАН, ΠΑΝΤΙ и ΑΠΟΛ объединены общностью типов то лицевых, то оборотных сторон, а монеты без надписи раннего времени с изображениями на л.с. головы льва или муравья — общностью типов оборотных сторон.

Необходимо собрать все типы монет Пантикапея, Мирмекия и монет с надписью ΑΠΟΛ и разобрать их по штемпелям. В результате сравнения штемпелей можно было бы увидеть, с какого времени на монетном дворе Пантикапея стали чеканить монеты с изображением муравья. Этой работы пока что никто не проделал, как не сделал этого и В.А. Анохин. Если же не принимать во внимание сам тип — изображение муравья как говорящую эмблему города Мирмекия, то можно приписать их чекану Пантикапея, потом чекану храма Аполлона, а монеты с муравьем без надписей объявить "монетами с неясной атрибуцией", как это и сделано в книге (с. 10). Если же учесть, что изображение муравья служило говорящей эмблемой Мирмекия, как изображение тюлена (*φώκη*) на монетах города Фокеи (650—479 гг. до н.э.)<sup>14</sup> и лист сельдерея (*σέλωον*) на монетах Селинунта (*Σελωνός*), города в Сицилии<sup>15</sup>, то следует обратить внимание на удивительное сходство и эволюцию типов изображений на о.с. монет Пантикапея и Мирмекия. Объяснение идентичности типов можно найти только в предположении о союзной чеканке этих городов.

Что такое союзная чеканка? Это принятие двумя или более городами общей типологии и единой системы весов для своих монет. Решение союзных городов выпускать совместно монеты, типы изображений на которых в той или иной степени идентичны, свидетельствует, как считает Л. Уоррен, о поразительной жизнеспособности этих полисов и практической деятельности<sup>16</sup>. Примером самой древней чеканки союзной монеты являются эмиссии Аркадской лиги, создание которой Л. Уоррен относит к VI в. до н.э.<sup>17</sup>, а М. Каспари — к концу VI в. до н.э.<sup>18</sup> На рубеже VI—V вв. появляется Беотийский союз, а несколько позже — Акарнанская лига, Этолийская, Эолийская, Фессалийская, Халкидская, Эпирская, Ликийская, Ахейская, Локрийская лиги, первая и вторая Афинская конфедерация, Дельфийская амфикифия, Ионийская лига и другие<sup>19</sup>. Внутреннее устройство, структура союза включают не только чрезвычайно полную монополию на чеканку самого союза, но в то же время предоставляют полную свободу чеканки монеты каждому отдельному городу, входящему в союз. Помимо этого наблюдается и промежуточная средняя стадия<sup>20</sup>. В некоторых случаях отдельные города, не потеряв права на собственную чеканку, и без вмешательства федерального правительства, для общего удобства (а в основном для удобства небольших городов) использовали для чеканки своей монеты центральный монетный двор, применяя для эмиссий своих монет штемпели центрального монетного двора<sup>21</sup>. Характерным признаком союзной чеканки служат общие типы изображений то на лицевой, то на оборотной стороне монеты. Так, на южноиталийских союзных монетах городов Великой Греции архаического времени на одной из сторон при-

<sup>14</sup> Gardner P. The Types of Greek Coins. Camb., 1883. Pl. IV, 7.

<sup>15</sup> Imhoof-Blumer G., Keller O. Tier- und Pflanzenbilder auf Münzen und Gemmen des klassischen Altertums. Lpz., 1889. S. 55, № 9—12. Taf. IX, 9—12. А.Н. Зограф приводит и другие примеры (Античные монеты. С. 57).

<sup>16</sup> Warren L. An essay on Greek Federal Coinage. L., Camb., 1863. P. 1—12.

<sup>17</sup> Ibid. P. 11.

<sup>18</sup> Caspari M.O.B.A. Survey of Greek Federal Coinage // JHS. 1917. 37. P. 168—179.

<sup>19</sup> Ibid. P. 168—180.

<sup>20</sup> Ibid. P. 177.

<sup>21</sup> Warren. Op. cit. P. 10.



существует тип самого города, выпустившего монету (например, на монетах Каулонии — Аполлон, Посейдонии — Посейдон, Кротона — треножник, Сибариса — бык), а на оборотной стороне — тип одного из изображений монет любого другого союзного города<sup>22</sup>. Поэтому появились монеты Кротона и Сибариса, Кротона и Пандосии, Посейдонии и Сибариса и другие<sup>23</sup>.

Другой характерной чертой союзной чеканки городов является единая весовая система, по которой чеканятся монеты каждого союза<sup>24</sup>. Ученые, исследовавшие союзную чеканку, рассматривают этот факт как свидетельство широких коммерческих и политических отношений, существовавших между городами союзов. Для подтверждения гипотезы о существовании союзной чеканки на Боспоре в конце VI — второй половине V в. до н.э. важны следующие моменты: возникновение чеканки союзов городов в конце VI в. до н.э., идентичность типов изображений, единая весовая система, анэпиграфность монет, практика чеканки союзных монет на одном монетном дворе наряду с собственной местной чеканкой, коммерческий и политический характер части монетных союзов и равноправие между городами — членами любого монетного союза<sup>25</sup>. Примером подобной чеканки могут быть эмиссии монет союза городов — Фокеи, Теоса, Массалии, Эрифр. Анэпиграфные электролитные и серебряные монеты Фокеи первой половины VI в. до н.э. с изображением головы грифона, герба Теоса, часто приписывали Теосу<sup>26</sup>. В Массалии, колонии Фокеи, чеканились монеты с типами Фокеи<sup>27</sup>. Появление теосского грифона на фокейских монетах объясняют легендой об основании Фокеи кодридскими царями из Теоса и Эрифр. Грифон, герб теосцев, часто изображался на фокейских монетах, в то время как от изображения "обнаженного всадника"<sup>28</sup> (Эрифра?) на анэпиграфных монетах Фокеи воспроизводили только голову коня и тюленя слева от нее<sup>29</sup>.

Следует сказать, что мысль о принадлежности чеканки союзу боспорских городов принадлежит Ю.Г. Виноградову<sup>30</sup>, который предложил новую интерпретацию монет с надписью АПОЛ, видя в них эмиссию конфедерации боспорских полисов — одновременно военной симмахии и религиозной амфиктионии, а в легенде АПОЛ — имя бога Аполлона Врача<sup>31</sup>. Эмиссии монет с надписью АПОЛ Д.Б.Шелов датировал второй-третьей четвертью V в. до н.э.<sup>32</sup> По мнению Ю.Г. Виноградова, монета чеканилась от имени храма бога Аполлона, строительство которого на акрополе Пантикапея приходится как раз на вторую четверть V в. до н.э.

Возвращаясь к эмиссиям в Пантикапее и Мирмекии серебряных монет, следует отметить, что монеты первого древнее монет второго, так как тип их оборотной стороны проходит более длительную эволюцию, чем в Мирмекии (монета последнего с вдавленным четырехугольным квадратом не была известна Д.Б. Шелову)<sup>33</sup>. Но с того момента, когда типы реверса монет Мирмекии и Пантикапея совпадают<sup>34</sup> (конец VI в. до н.э.), можно полагать, что на Боспоре были

<sup>22</sup> Gardner. Op. cit. P. 10; Зограф. Античные монеты. С. 98.

<sup>23</sup> Gardner. Op. cit. P. 31. Pl. VI, 1, 2, 16, 17.

<sup>24</sup> Caspari. Op. cit. P. 177; Gardner. Op. cit. P. 33.

<sup>25</sup> Caspari. Op. cit. P. 180.

<sup>26</sup> Balcer J.M. Phokaia and Teos. A Monetary Alliance // Schweizerische numismatische Rundschau. 1970. Bd II. P. 26. Pl. 4, 16–19, 20–21.

<sup>27</sup> Ibid. Pl. 7, 72–74.

<sup>28</sup> Ibid. Pl. 5, 38.

<sup>29</sup> Ibid. Pl. 5, 39.

<sup>30</sup> Доклад на конференции, посвященной памяти В.Ф. Гайдукевича (Ленинград, февраль 1984 г.).

<sup>31</sup> Изложение его гипотезы см.: Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. 1984. № 3. С. 47. Прим. 95.

<sup>32</sup> Шелов. Монетное дело... С. 212. № 14; Schelov D.B. Coinage of the Bosphorus VI–II B.C. Oxf., 1978. P. 185 f. Not. 17–18. Pl. 1. № 14.

<sup>33</sup> Анохин. Монетное дело Боспора. № 6 (ГИМ. А 6679).

<sup>34</sup> Там же. № 17 – Пантикапей. № 18 – Мирмекий.

предприняты попытки к созданию союза двух этих городов. Идентичность типов их оборотных сторон, надписей и единая весовая система в течение целого столетия могут быть объяснены существованием между ними той конфедерации, которая известна нам, например, между городами Фокеей и Митиленой, так как монеты обоих городов анэпиграфны, чеканены по единой весовой системе и определить ранние монеты Митилены V в. до н.э. трудно<sup>35</sup>, ибо они даже не имеют отличительных знаков, а о союзе их имеется надпись, найденная на острове Лесбос<sup>36</sup>.

Достижения историков и археологов в изучении истории боспорских полисов середины VI—V в. до н.э. позволяют сделать предположение о союзной чеканке Пантикапея и Мирмекия с конца VI до второй четверти V в. до н.э. Изменение политической ситуации сделало возможным создание союза боспорских городов, объединившего и взявшего под свое покровительство большинство полисов Боспора. Доказательством существования этого союза могут быть монеты с изображением муравья и надписями ПА, ПАН, ПАНТИ, а также монеты с изображением муравья и надписью АПОЛ. Монеты храма Аполлона второго типа имеют на л.с. изображение головы льва в фас, которое присутствует на монетах Пантикапея с самого начала монетных эмиссий столицы Боспорского государства.

Образование монетного союза тесно связано с вопросом о военной симмахии боспорских городов. Как уже неоднократно отмечалось исследователями, изучавшими эту проблему, Ф.В. Шеловым-Коведяевым<sup>37</sup> и В.П. Толстиком<sup>38</sup>, идея о союзе независимых боспорских полисов под эгидой Археанактидов в 480/479 г. до н.э. (Diod. XII. 31.1), выдвинутая вначале в осторожной форме Д.П. Каллистовым<sup>39</sup>, принятая В.Ф. Гайдукевичем<sup>40</sup> разделенная некоторым образом В.Д. Блаватским<sup>41</sup>, получила свое развитие в работах Ю.Г. Виноградова<sup>42</sup>, который показал, что первоначально боспорское объединение сложилось как федеративный союз — симмахия. Это объединение полисов Боспорского государства произошло незадолго до политического оформления власти Археанактидов — в 80-х годах V в. до н.э.<sup>43</sup> Ю.Г. Виноградов полагает, что катализатором этого объединения была скифская экспансия, заставившая эллинские апойкии Боспора сплотиться в федеративный союз — симмахию для защиты своей независимости от варваров<sup>44</sup>. Он полагает, что после успешного разрешения боспорско-скифского конфликта в пользу греков симмахия могла распасться, но могла существовать и дальше со статусом оборонительного союза<sup>45</sup>. Мнения авторов по вопросу о длительности этого союза расходятся. В связи с этим исследования В.П. Толстикова заслуживают особого внимания. Им собраны археологические данные, свидетельствующие о том, что до первой четверти V в. до н.э. боспорские поселения развивались в мирной обстановке<sup>46</sup>. Это заставляет обратить особое

<sup>35</sup> Seltman S. Greek Coins. L., 1960. P. 30.

<sup>36</sup> Tod M.N. A Selection of Greek Historical Inscriptions. II. Oxf., 1948. P. 36—38. № 112; Healy J.F. Notes on Monetary Union between Mytilene and Phokaia // JHS. 1957. LXXVII. P. 267 f.; Bodenstedt F. Die Elektronmünzen von Phokaia und Mytilene. Mainz, 1983.

<sup>37</sup> Шелов-Коведяев Ф.В. Образование Боспорского государства: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1983; он же. История Боспора...

<sup>38</sup> Толстиков. К проблеме образования... С. 24.

<sup>39</sup> Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 193—197.

<sup>40</sup> Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949. С. 42.

<sup>41</sup> Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. 1954. 33. С. 30; он же. О происхождении боспорских Археанактидов // Античная археология и история. М., 1985. С. 210.

<sup>42</sup> Vinogradov Ju.G. Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jhr. v. Chr. // Chiron. 1980. 10. S. 69; он же. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 394—420.

<sup>43</sup> Виноградов. Полис ... С. 398.

<sup>44</sup> Там же. С. 417.

<sup>45</sup> Там же.

<sup>46</sup> Толстиков. К проблеме образования ... С. 27—34.

внимание на нумизматические данные середины VI – первой четверти V в. до н.э. и на необходимость сопоставления их с археологическими. Типологическое единство оборотных сторон монет Пантикапея и Мирмекия, наблюдающееся на рубеже VI–V вв. до н.э. и свидетельствующее о зарождении монетного союза, позволяет подтвердить предположение Т.В. Блаватской, относившей формирование объединения боспорских полисов еще к рубежу VI–V вв. до н.э.<sup>47</sup> Одновременные эмиссии трех типов монет на Боспоре, принадлежащие Пантикапею, Мирмекию и храму-святилищу Аполлона, могут относиться ко времени конфедерации боспорских полисов, союз которых был одновременно военной симмахией, религиозной амфикинией<sup>48</sup> и монетным союзом. Таким образом, предположение Ю.Г. Виноградова об аполлонийских монетах как о храмовой чеканке амфикинии выглядит вполне обоснованным.

А.Н. Зограф считал, что храмовые выпуски принципиального отличия с типологической стороны от городских монет не имеют, поскольку религиозный характер типов в V в. до н.э. свойствен и городской чеканке. Храмовый чекан недолог: он шел в основном на оплату расходов и сделок, связанных с празднествами и играми, собиравшими большое число участников, примером чему служит храмовая чеканка Олимпии и Дельф в первой половине V в. до н.э.<sup>49</sup> Возможно, во второй половине V в. до н.э., уже после возведения святилища, создание конфедерации полисов ознаменовалось выпуском монет с надписью АПОЛ. Чекан их интенсивен, хотя кратковременен, так как количество таких типов оборотных сторон насчитывает всего четыре варианта. После прекращения эмиссий с надписью АПОЛ было отчеканено только четыре типа союзных монет: 1) лев – ПАНТИ; 2) муравей – ПАНТИ; 3) лев – баран, ПАНТИ; 4) муравей – баран, ПАНТИ. Утверждение на Боспоре династии Спартокидов, по-видимому, положило конец союзной чеканке. Что же касается монет Нимфея, Фанагории и Феодосии, то все они исследованы Д.Б. Шеловым, книга В.А. Анохина не содержит ничего нового.

Вызывает возражение и постановка В.А. Анохиным вопроса о денежно-весовых системах. При определении весовой системы ранних монет Пантикапея В.А. Анохин отверг метод, применявшийся Д.Б. Шеловым для вычисления нормального веса по всей массе монет, назвав его эмпирическим (с. 22). В приведенной им таблице II (с. 23), носящей название "Нормативный и наивысший вес боспорских серебряных монет (ок. 530–379 гг. до н.э.)", нет объяснения методу вычисления нормативного веса, а нормальный вес, указанный в таблице, не вычислен нигде в тексте. Кроме того, в таблицу III (530–379 гг. до н.э.) не включены серии монет от П-1 до П-4, хотя они в каталоге датированы этим временем.

Взять хотя бы серию П-2. Диапазон колебания весов триобола – от 3,02 до 2,28 г (17 экз.); по персидской системе весовая норма триобола – 2,73 г, следовательно, ее можно включить в таблицу III и считать, что она чеканена по персидской системе. Но в книге, на с. 22, написано, что серия П-2 чеканена по эгинской весовой системе. Решить этот вопрос нельзя, так как веса 17 экз. не приводятся. Неясен вопрос о весовой системе серии П-5 – 490–480 гг. Монеты, входящие в нее, не отнесены ни к эгинской, ни к персидской (с. 22) системам, потому что веса младших номиналов этой серии соответствуют эгинской системе, а веса старших уступают им. Поэтому автор отнес драхму к персидской системе, поставив знак вопроса (с. 22 сл.) и заметив при этом: "В определении весовой системы приоритет следует отдавать весовым данным старшего номинала, которые опре-

<sup>47</sup> Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М., 1959. С. 9–16.

<sup>48</sup> Об амфикинии и племенных союзах см: Бузольт Г. Очерк государственных и правовых греческих древностей. Харьков, 1894. С. 72–82.

<sup>49</sup> Зограф. Античные монеты. С. 97 сл.

деленно указывают на понижение весовой нормы". Неизвестно лишь, как доказано, что только старший номинал определяет весовую систему. Следует отметить, что в тексте существует путаница и с весами серии П-6. Старшие номиналы внесены в персидскую систему весов, а младшие отсутствуют (с. 22).

В заключение следует сказать, что у В.А. Анохина переход на чеканку монет по персидской системе весов имеет четыре датировки: 1) с. 22 (справа) — конец VI в. до н.э.; 2) с. 22 (ниже) — 470—460 гг. (П-7); 3) с. 23 (справа) — табл. III — 530—379 гг. до н.э.; 4) с. 23 (слева) написано, что переход к персидской системе произошел ок. 490 г. до н.э. (также с. 24). Таким образом, выводы о персидской системе весов на Боспоре конца VI — IV в. до н.э. не подкреплены массовым материалом и не могут быть проверены, ибо в каталоге дан вес только одного экземпляра. Прекрасно выполненные фототаблицы могут быть хорошим пособием для коллекционера, так же как и описания монет к ним.

Проблемы чеканки монет IV—III вв. до н.э. рассматриваются В.А. Анохиным в главе "Период ранних Спартокидов (ок. 379—275 гг. до н.э.)" (с. 31—47). Всем исследователям, занимавшимся до него разработкой систематизации и хронологии чеканки Боспора IV—III вв., он приписывает не существующие в их работах недочеты. Так, например, он считает, что "Д.Б. Шелов только повторил А.Н. Зографа" (с. 31)<sup>50</sup>, а "хронологию выпусков монет Пантикапея IV—III вв., разработанная П.О. Карышковским<sup>51</sup>, не отражает действительного хода чеканки" (с. 33 сл.). Автор полагает, что и работа Е. Похитонова, посвященная хронологии пантикапейских золотых монет<sup>52</sup>, "неприемлема в большей своей части" (с. 32). Не отмечается и тот факт, что основу датировки золотых монет, выпуск которых является определяющим элементом для всего изучаемого периода, заложил еще К. Реглинг<sup>53</sup>. В.А. Анохин уверен, что использование в качестве хронологической канвы для эмиссий серебра и меди датировки золотых статеров, чему придавали решающее значение А.Н. Зограф, Д.Б. Шелов, П.О. Карышковский, имеет ограниченный характер "из-за немногочисленности выпусков золота", а потому "основу построения хронологии монетной чеканки Пантикапея IV в. до н.э. должны составлять многочисленные выпуски серебра" (с. 32).

Это положение нельзя признать правильным, так как хронология эмиссий золотых монет разработана не только методом стилистического сравнения изображений на них, но в основном построена на анализе совместных находок вкладах пантикапейских статеров и золотых монет Филиппа II, статеров Лампсака и кизикинов, а также на анализе находок в археологических комплексах<sup>54</sup>. Поэтому наиболее действенным представляется метод, использованный А.Н. Зографом, Д.Б. Шеловым и П.О. Карышковским, которые разработали хронологическую классификацию серебра Пантикапея конца IV — III в. до н.э., взяв за основу хронологию пяти выпусков статеров Пантикапея, предложенную К. Реглингом, а впоследствии ими самими же уточненную. Отрицая метод использования датировок эмиссий золотых монет в качестве хронологической канвы для выпусков серебра, В.А. Анохин тем не менее постоянно обращается к предложенной ими хронологии статеров, пытаясь синхронизировать выпуски золота и серебра (с. 35 сл.),

<sup>50</sup> Шелов. Монетное дело ... С. 88—125.

<sup>51</sup> Карышковский П.О. Рец. на кн.: Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н.э. // СА. 1957. № 1. С. 277; он же. Стоимость монетных металлов в Ольвии и в Боспорском государстве в IV в. до н.э. // ВДИ. 1958. № 3. С. 134 сл.; он же. Заметки по нумизматике античного Причерноморья (9) // ВДИ. 1961. № 4. С. 116—119; он же. Заметки по нумизматике античного Причерноморья (11) // ВДИ. 1964. № 1. С. 134—139.

<sup>52</sup> Pochitonov E. Nekolik spornych otazek neistarsich bosporskych minci // NS. 1960. № 6. С. 17—37.

<sup>53</sup> Regling K. Der griechische Goldschatz von Prinkipo // ZfN. 1931. XLI. S. 35.

<sup>54</sup> Шелов. Монетное дело ... С. 131—148.

но считает, что "определение общего количества и последовательности выпусков золота и серебра облегчает задачу их синхронизации" (с. 35). Здесь следует заметить, что установление "общего количества золота и серебра" – задача неразрешимая, тем более что оно ничего не может дать для их хронологии.

Что же касается эмиссий золотых монет Пантикапея, то автором не внесено ничего принципиально нового в их систематизацию. Как было выявлено предыдущими исследователями, по весу статеры распадаются на две группы – тяжелую и легкую. К. Реглинг, Д.Б. Шелов, А.Н. Зограф разбили выпуски статеров на пять групп. П.О. Карышковский вывел шесть групп, а В.А. Анохин – семь. Но его седьмая группа ничем не отличается от шестой группы, выделенной П.О. Карышковским. Просто он приводит как отдельный выпуск драхму аттического веса (П-27), ошибочно полагая, что весь набор номиналов, например дидрахм и драхм, не может быть выпущен одновременно. Поэтому выпуск золота он удлиняет на 10 лет, давая дату 284 г. до н.э. вместо 294 г. до н.э., которую привел П.О. Карышковский.

В разделе, посвященном систематизации монет IV–III вв. до н.э. (с. 32–36), даты семи различных хронологических групп золота не приведены. Систематизация золотых и серебряных монет этого периода разработана крайне небрежно. С золотом I группы (№ 91–92) соотнесены типы серебра и меди (№ 93–96, с. 32). Золото II группы (№ 97) имеет синхронные выпуски серебра (№ 98). Далее идет серия серебряных монет (№ 99–101), не соотнесенная ни с каким выпуском золота и без датировки. В тексте указан для нее только код – П-19 и П-20 (с. 33). В каталоге можно найти даты этого выпуска, но нигде не имеется аргументированных доказательств того, что серия П-19 относится к 359–349 гг. до н.э. Что же касается серии П-20, состоящей из одного типа серебра (№ 101), то о ней просто сообщается, что она относится к совместному правлению Спартока II и Перисада I, т.е. 349/8–344/3 гг. (с. 42). Золото III группы выпускалось совместно с серебром типа № 103, а следом за ним серебряные монеты (№ 104–108), которые не имеют соответствующих эмиссий золота (с. 34). IV группа золота (№ 109), одновременно с которой, по систематизации В.А. Анохина, выпущена только медь (№ 110–114), в тексте указана без дат (с. 35). В каталоге статер № 109 входит в серию П-24, которая датирована 314–310 гг. (с. 140). В тексте эта серия упомянута, но состав ее не приведен, зато дана датировка 314–311 гг. (с. 42). Таким образом, автор с легкостью оперирует и годами, и десятилетиями, не затрудняя себя объяснениями столь точных дат.

При описании золота V группы в тексте указан только статер № 115, даты не приведены (с. 35). Несколькими страницами ниже (с. 42) находим, что "правлением Евмела (310/9–304/3) можно датировать последний выпуск статеров тяжелого веса, не связанный ни с какими другими типами монет (П-25)". Заглянув в каталог (с. 141), можно узнать, что П-25 и есть № 115. О последней группе золота написано: "П-27 – золотые драхмы, серебряные тетрадрахмы, тетроболы и т.д. (№ 119–123)" (с. 35), причем указывается, что золото выпускается по аттической системе, а серебро – по хиосской (с. 42). Таким образом, из приведенного описания систематизации монет IV–III вв. видно, что она сделана бессистемно, небрежно, наспех. Кодировка и номера перемежаются друг с другом, даты не только не аргументированы, но часто просто отсутствуют. Поэтому остается в силе исследование монетного дела Боспора IV–III вв. до н.э., проделанное Д.Б. Шеловым и П.О. Карышковским на основе использования метода стилистического сравнения, на анализе совместных находок монет и изучении их метрологических данных. Для сравнения датировок групп золота, данных Д.Б. Шеловым, П.О. Карышковским и В.А. Анохиным, можно составить следующую таблицу:

Серии золота	Д.Б. Шелов, 1956	П.О. Карышковский	В.А. Анохин, 1986
1	70–60 гг. IV в. до н.э.	Вторая четверть IV в. до н.э. – СА. 1957. № 1. С. 277	379–369 гг. до н.э.
2	50–40-е гг. IV в. до н.э.	50–40-е гг. IV до н.э. – ВДИ. 1961. № 4. С. 119	369–359 гг. до н.э.
3	30-е гг. IV в.	30-е гг. IV в.	344–334 гг. н.э.
4	20-е гг. IV в.	330–315 гг.	314–310 гг. до н.э.
5	Последнее десятилетие IV в.	310/9–304/3 гг.	310–304 гг. до н.э.
6		303–204 гг. – ВДИ. 1958. № 3. С. 234	304–294 гг. до н.э.
7			294–284 гг. до н.э.

По сути дела, шестую серию золота аттического веса выделил и датировал П.О. Карышковский. Хронологии монетных выпусков IV–III вв. времени Спартока (303–284 гг. до н.э.) на Боспоре посвятил отдельный § 4 (с. 41–42) В.А. Анохин, но опять-таки, пользуясь своим ”методом датировки хронологически изолированных выпусков или серий монет десятилетними отрезками времени” (с. 42), который позволяет, как он считает, ”точно датировать четыре серии времени Левкона – они как раз укладываются в 40-летний период его правления”. ”Таким образом, – заключает автор, – относящиеся к данному периоду три его серии П-17 – П-19 можно отнести соответственно к 379–369, 369–359 и 359–349 гг. до н.э.” (с. 42). В основе этой датировки лежит убеждение автора в том, что изображение льва – это ”говорящий тип” Левкона I (с. 1, 42, 43). Он просто не осведомлен о том, что слово *λευκός* означает не ”лев” (*λέων*), а ”белый, ясный, светлый”. Помимо этого изображение льва не может быть датирующим фактором для монет IV в. до н.э., так как оно присутствует в типологии монетного дела Пантикапея с момента возникновения самой чеканки. Точно так же изображение головы безбородого сатира на л.с. монет серии П-20 не может ”надежно обособлять их от выпусков Левкона” (с. 42) и вследствие этого быть отнесенным ко времени Перисада I (349/8 – 311/10 гг.), потому что оно отмечено В.А. Анохиным в серии П-17, датируемой им как раз правлением Левкона (с. 42).

Приведем еще один пример. В.А. Анохин пишет, что ”при Сатире на монетах Пантикапея перестают помещать традиционные изображения – голову льва в фас, вместо него основным типом становится голова сатира. Этот факт обычно рассматривается как второстепенный..., в действительности же он отмечает важные изменения в политике Спартокидов к городской чеканке” (с. 43). Автор считает, что одним из недостатков предшествующих исследований явилась почти полная оторванность нумизматических датировок от исторической хронологии, но сводит это к датам правления Спартокидов. Это упущение преодолевается простой декларацией о том, что серии монет П-17 – П-19 были выпущены Левконом I, П-20 – Спартоком II, П-25 можно датировать правлением Евмела, П-26 и П-27 – временем Спартока III (304/3 – 284/3 гг.), а П-28 отнести к Перисаду II (284/3 – 245 гг.) (с. 42). Еще раз необходимо обратить внимание на то, что ни изображение головы льва, ни изображение головы сатира не могут быть датирующими элементами, а их появление в типологии монет Пантикапея никоим образом не может отмечать изменений политики Спартокидов по отношению к городской чеканке.

Для решения вопроса о денежно-весовой системе Пантикапея конца IV–III в. до н.э. должен быть приведен весь метрологический материал, которым оперирует автор, делая свои выводы. Между тем, как это было указано выше, проверить выводы автора не представляется возможным. Взять хотя бы вес золотых

монет. Автор приводит весовую норму статеров I категории (тяжелые статеры) – 9,1 г. Вот как она выведена: "Из общего числа монет всех пяти групп тяжелого веса свыше 36% составляют статеры весом 9,1 г. Отсюда можно заключить, что эта норма оставалась неизменной для всего тяжелого золота" (с. 36). Заметим, что 36% – это даже не 50%, следовательно, этот вывод нуждается в дополнительном исследовании материала. Нормативным весом легкого статера (вторая категория) указан вес в 8,58 г (с. 37). Но в каталоге в серии П-26 из 9 экземпляров дан вес только одного экземпляра (с. 140).

Некоторые положения автора в принципе неприемлемы. Так, например, он указывает, что найти вес пантикапейской драхмы можно "благодаря наличию золотых монет и данных об оценке кизикина на Боспоре", а также "расчетом норм веса золотых статеров, состава и веса кизикинов, радио золота и серебра, с той оговоркой, что эти расчеты должны рассматриваться как приблизительные, но абсолютно верные. Последнее остается пока невозможным" (с. 38). Трудно что-либо понять из этих слов. Ясно одно: если бы автор привел в тексте или в каталоге своей книги весовые данные драхм IV–III вв., построил весовую шкалу, то ему не пришлось бы прибегать к таким расчетам. Но и методом весовой шкалы для вычисления нормативного веса любого номинала В.А. Анохин не пользуется, а вычисляет весовые нормы арифметическим путем, подкрепляя их умозрительными заключениями. Заслуживает быть приведенным здесь и его другое доказательство: "Исходя из веса драхмы 5,39 г, другие номиналы должны были иметь следующие нормы: триобол – 2,7 г, диобол – 1,8 г, обол – 0,9 г, гемиибол – 0,45 г, тетартеморий – 0,22 г" (с. 38). Проверяет он правильность веса драхмы в 5,39 г, используя данные из речи против Формиона ([Dem.] XXXIV. 23): 28 аттических драхм могли приравняться к 22,5 пантикапейским. Отсюда:  $4,29 \times 28 : 22,5 = 5,34$  г. Далее этот теоретический вес в 5,34 г он сравнивает с "наибольшим весом сохранившихся монет из всех серий по каждому номиналу" (с. 39), т.е. арифметически вычисленный вес сопоставлен с весом одного лишь экземпляра.

Хотелось бы напомнить, что монеты сами являются наиважнейшим историческим источником, а если бы автор собрал воедино все весовые данные пантикапейских драхм и обработал бы их соответствующим образом, то в результате он смог бы подтвердить правдивость литературной традиции. Критикуя П.О. Карышковского за определение двух номиналов серебра типа "голова безбородого сатира в венке – голова быка" (№ 120–121 – серия П-27) как драхму и гемидрахму этинской системы, а не хиосской, как думает сам В.А. Анохин, он добавляет, что "определение их как номиналов хиосской системы в некоторой степени подкрепляется наличием золотой драхмы аттического веса в составе этой серии, а также тем, что по набору номиналов она дополняет предыдущую" (с. 39). Безусловно, эти доводы не могут быть доказательствами принадлежности какого-либо типа серебра ни к хиосской, ни к какой другой системе. Только весовые данные могут играть определяющую роль. Причем здесь В.А. Анохин допускает ошибку. П.О. Карышковский определил серебряную монету с головой сатира в венке – головой быка (№ 120) не как драхму, а как дидрахму<sup>55</sup> и дал средний вес этого номинала – 11,75 г. В.А. Анохин определяет номинал этого типа, давая вес одной монеты (11,85 г, № 120), как "тридрахму хиосской системы (норматив – 11,7)" (с. 39, стб. справа), т.е. вес – тот же. Из приведенных данных ясно, что автор книги, предполагая использование на Боспоре новой хиосской системы веса для чеканки серебряных монет, должен доказать свой тезис, приведя, хотя бы в виде исключения, веса всех 10 известных ему серебряных монет типа № 120. Но так

<sup>55</sup> Карышковский. Заметки ... (11); он же. О начальной дате денежного кризиса на Боспоре в III в. до н.э. // ВДИ. 1964. № 1. С. 135. Рис. 1. № 8, 9 – дидрахмы; № 7, 10 – гемидрахмы.

как он не делает этого, то имеются все основания считать их монетами эгинской системы. Делая попытку объяснить отношение боспорских правителей к монетному делу, автор полагает, что найдет объяснение в типологии монет: "Почему в конце рассматриваемого периода неожиданно появляется изображение Аполлона, которое ведет себя неустойчиво, занимая то ведущий, то, наоборот, замыкающий номинал, а спартокидовский сатир существенно уступает ему свои позиции" (с. 45). Он уверен, что развитие типологии пантикапейских монет объясняется "только сочетанием монетной регалии и права частной собственности с начала IV в. до н.э." (с. 46). Так, "... на реверсе появляется новый для Пантикапея тип — голова барана, что, скорее всего, следует объяснить влиянием представителя новой династии на монетное дело" (с. 46), но не уточняется, к влиянию какого правителя Боспора относится введение изображения головы барана! О праве на чеканку монет высказывается два взаимоисключающих положения, следующих одно за другим: "Правом монетной чеканки обладала только городская община Пантикапея, и правитель, занимавший должность архонта, не мог на него претендовать. Мало вероятно, чтобы должность архонта как высшего магистрата города не включала бы такую важнейшую функцию, как чеканка монет" (с. 46). Комментарий, как говорится, излишни.

В главе III "Денежный кризис (около 275–210 гг. до н.э.)" В.А. Анохин делает попытку пересмотреть вопрос о кризисе денежного обращения на Боспоре в III в. до н.э. Суть кризиса выразилась в деградации веса медных монет, в неоднократных надчеканках основных типов меди и перечеканке медных монет. Всеми исследователями, изучавшими монеты Боспора периода денежного кризиса<sup>56</sup>, было признано, что первым его проявлением следует считать надчеканки монет типа "сатир — лев, осетр" (Шелов. Монетное дело... Табл. V, 61) изображениями звезды и горита. Вторым этапом была перечеканка этих надчеканенных монет изображением нового типа — "сатир — лук, стрела". Третий этап кризиса — надчеканка уже дважды перечеканенных монет клеймом в виде венка. Одновременно с третьей надчеканкой были выпущены новые монеты типа "сатир — лук, стрела", меньшего веса и размера. Следовательно, проявление кризиса прослеживается в перечеканке и надчеканке монет. В.А. Анохин же считает, что надчеканка и перечеканка меди, напротив, демонстрируют "здоровые экономические тенденции" (с. 48). Он рассматривает это явление как "стремление приблизить ценность медных монет к торговой цене меди" (с. 48). Но всеми признано, что в эллинистическое время в большинстве античных государств медная монета была разменной монетой, металлическая ценность которой была условной, а контрмаркирование монет свидетельствует о критическом состоянии финансов в государстве<sup>57</sup>. А.К. Марков приводит перечень медных монет, которые имели надписи, обозначающие, каким номиналам серебра они равны: на медной монете

<sup>56</sup> Зограф. Античные монеты. С. 177–179; он же. Денежное обращение Северного Причерноморья // АГСП. С. 155; Голенко К.В. Датировка медных монет Пантикапея конца III–II в. до н.э. // КСИИМК. 1955. 58. С. 131–138; Брабич В.М. Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н.э. // КСИИМК. 1956. 66. С. 67; Шелов Д.Б. Пантикапейские монеты третьей четверти III в. до н.э. с надчеканками // КСИИМК. 1952. 43. С. 138–140; он же. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н.э. // МИА. 1954. 33. С. 58–70; он же. Денежная реформа Левкона I // ВДИ. 1953. № 1. С. 30–39; он же. Монетное дело ... С. 107 сл., 124 сл., 148; он же. Еще о боспорских монетах периода денежного кризиса III в. до н.э. // СА. 1981. № 2. С. 31–42; Карышковский П.О. К истории денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н.э. // ВДИ. 1957. № 2. С. 145–146; он же. Новые материалы к истории денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н.э. // ВДИ. 1960. № 3. С. 139–141; он же. К вопросу о причинах и характере денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н.э. // ВДИ. 1964. № 4. С. 114–119; он же. О начальной дате ... С. 134–139; Фролова Н.А. О денежном обращении Боспора в III в. до н.э. // СА. 1970. № 4. С. 33–40.

<sup>57</sup> Le Rider J. Contremarques et surfrappes dans l'antiquité grecque // Études d'archéologie classique. IV. Nancy, Louvain, 1975. P. 27–56.



Родоса — дидрахма; на бронзе Византия — драхма; в Самофракии на меди — триобол; на меди Металонта ок. 330 г. до н.э. — обол и даже тетрадрахма<sup>58</sup>. Поэтому трудно согласиться с В.А. Анохиным в том, что началом кризиса следует считать не перчеканки и надчеканки монет, а выпуск новых — типа "сатир — лук, стрела". Но не признавая в факте перчеканок явления, связанные с началом кризиса, он изменяет дату последнего, перенося его с конца IV в. на 275 г. до н.э.

Известно, что стоимость металла в отчеканенной монете всегда выше стоимости металла в слитке. Доказано, что стоимость металла в отчеканенной римской золотой или серебряной монете выше стоимости того же количества металла в слитке на 20–25%<sup>59</sup>. Что же касается медной монеты, то излишне "приближать ценность медных монет к торговой цене меди", потому что ценность отчеканенной монеты все равно выше стоимости количества металла, израсходованного на нее. Медная монета, будучи вспомогательной, разменной, в большинстве случаев являлась монетой условной ценности<sup>60</sup>. Ни датировка, ни схема последовательности выпусков типов меди периода кризиса, предложенные автором, не могут быть приняты по следующим причинам: а) надчеканки и перчеканки монет типа "сатир — лев, осетр" знаменуют собой начало кризиса денежного обращения в конце IV в. до н.э.; б) монеты Левкона II (№ 154–156) не могут относиться к середине кризиса (в Анапском кладе 1954 г. они найдены вместе с заключительными эмиссиями кризисной меди<sup>61</sup>); в) В.А. Анохин считает, что выпуск монет Левкона II не мог быть заключительным этапом кризиса на основании слов К.В. Голенко. Но обратившись к статье Д.Б. Шелова об Анапском кладе 1954 г., он выяснил бы, что в кладе имеются монеты типа "сатир — лук, стрела", но перчеканенные из монет типа "сатир — голова быка", изображения на которых претерпевали такую же эволюцию, как и монеты типа "сатир — лук, стрела". Монеты Левкона не имеют следов надчеканок или перчеканок. В Анапском кладе 1977 г. (1050 экз.), не просмотренном автором, нет монет Левкона, хотя имеются многие типы перчеканенных монет. Таким образом, монеты Левкона являются заключительными эмиссиями меди на Боспоре, выведшими государство из кризиса денежного обращения.

В предложенную В.А. Анохиным схему последовательности выпусков медных монет в период кризиса вошли монеты, которые датируются А.Н. Зографом и Д.Б. Шеловым концом III—II в. до н.э., т.е. относятся к следующему периоду; типы этих монет: Аполлон—дельфин (№ 140); Аполлон—треножник (№ 141); Аполлон—лук, стрела (№ 146); крыло—треножник (№ 142)<sup>62</sup>. В действительности эти монеты датируются II в. до н.э. Они не могли чеканиться в период кризиса. Так, в кладе 1964 г. из с. Виноградского найдены монеты типа "Аполлон—лук, стрела", перчеканенные из монет типа "Аполлон—горит", которые датируются второй половиной II в. до н.э.<sup>63</sup> Следовательно, они выпущены не в конце III в., как полагает В.А. Анохин (№ 146), а в конце II в. до н.э. Нельзя согласиться с мнением автора, что заключительными эмиссиями кризиса были монеты типа "Посейдон—прора", так как они в основной массе имеют перчеканки и надчеканки.

Предложенная предшественниками В.А. Анохина последовательность эмиссий меди на Боспоре в период кризиса основывалась на анализе перчеканок монет III в. до н.э. из совместных находок в кладах. Для того чтобы внести изме-

<sup>58</sup> Марков А.К. Античная нумизматика. Т. II. СПб., 1903. С. 195–196. Ср. *Head. Historia Numorum*. P. 79–80.

<sup>59</sup> *Bolin S. State and Currency of the Roman Empire to 300 A.D.* Stockholm. 1958. P. 81, 88, 201–202, 213, 232.

<sup>60</sup> Зограф. Античные монеты. С. 49.

<sup>61</sup> Шелов Д.Б. Анапский клад монет 1954 г. // НЭ. 1960. I. С. 208–214. Табл. II. № 50–54.

<sup>62</sup> Он же. Находки монет в Фанагории в 1947–1951 гг. // НЭ. 1962. III. С. 59–60.

<sup>63</sup> Салов А.И. Клад боспорских монет из поселка Виноградского // НЭ. 1974. XI. С. 94–98.

нения в схему выпусков медных монет периода кризиса, В.А. Анохин должен был бы изучить вновь найденные клады, в которые входили монеты III–II вв. до н.э.: клад 1959 г. из Судака<sup>64</sup>; Анапский клад 1976 г. (500 экз.); клад из с. Фадеево (Анапа, 1977 г., ок. 2000 экз.); клад, найденный в г. Анапе в 1977 г. (1050 экз.) (три последние хранятся в Анапском краеведческом музее)<sup>65</sup>, и продемонстрировать на монетах смену одного типа другим. До тех пор, пока они не будут разобраны по штампелям, целесообразно оставить и прежнюю датировку периода кризиса, и прежнюю последовательность выпуска меди. Заключительные эмиссии меди на Боспоре в III в. до н.э. В.А. Анохин не берется установить (с. 56).

Вопросы о номиналах меди III в. до н.э., по его мнению, освещены в литературе неудовлетворительно, но решение им вопросов метрологии меди при помощи изображений на монетах, а не данных весов возвращает нумизматику к первой половине XIX в. (с. 31–42). Например, тетрагалки "сатир–лев, осетр", надчеканенные "горитом" и "звездой", он объявляет халками только потому, что в конце IV в. до н.э. были выпущены монеты "сатир – горит", считавшиеся халком. Автор делает вывод, что надчеканка "горитом" уменьшила стоимость тетрагалков в четыре раза (с. 48 сл.). Тип меди "сатир – лук, стрела" объявляется оболом только потому, что в конце IV в. до н.э. были выпущены монеты с этими же изображениями, номинал которых определялся как обол. Таким образом, В.А. Анохин заключает: "стоимость медных монет сначала снизили в 4 раза, а потом повысили в 8 раз" (с. 50).

В разделе "Причины, ход и пути преодоления кризиса" (с. 51–55), подвергая критике своих предшественников, когда-либо выражавших мнение о причинах кризиса (А.Н. Зограф, В.Ф. Гайдукевич, В.М. Брабич, Д.Б. Шелов, П.О. Карышковский), автор приходит все-таки к тем же выводам, что и указанные нумизматы. Но с его соображениями о полноценности медной монеты согласиться нельзя. Он объясняет обилие меди ее полноценностью и "необходимостью начеканить монеты из нее во столько раз больше, во сколько раз медь считалась дешевле вышедшего из обращения золота и серебра..." (с. 53). Как уже говорилось выше, медная монета была фактически знаком стоимости. При решении вопроса о праве на чеканку автор допускает весьма странные предположения. Например, он полагает, что городская казна, которой распоряжались как своею собственной правители Боспора, была опустошена кризисом. Это побудило Левкона II произвести выпуск монет за свой счет, положив начало царской чеканке на Боспоре (с. 57). Каких правителей, опустошивших городскую казну, имел в виду В.А. Анохин, неизвестно. Но то, что, по мнению автора, Левкон выпустил монеты за свой счет, обнаруживает полное непонимание сути вопроса о монетной регалии. Базируясь на типологии меди, автор высказывает мнение, что на Боспоре в период кризиса одновременно монеты чеканились от имени города, царя Левкона II, храма Аполлона, храма Посейдона, храма Афины, а также привлекались другие источники финансирования (с. 57–60). Подобного явления не зафиксировано в истории монетного дела ни одного античного государства.

В главе IV, посвященной "Периоду поздних Спартокидов (около 210–109 гг. до н.э.)", В.А. Анохин заявляет, что "начало рассматриваемого периода определено условно серединой правления архонта Гиgienонта" (с. 67). В таблице V, озаглавленной "Царская и городская чеканка на Боспоре в конце III–II вв. до н.э.", приводя даты правления царей Спартока V, Перисада III, Перисада IV и Перисада V, он указывает только вторую половину правления Гиgienонта. Вместо даты 220–210 гг. до н.э. приводятся 210–200 гг. (с. 68). Автор датирует монеты Гиgienонта этими годами, считая, что чекан их был возможен только после преодоления кризиса. Необходимо отметить, что объяснение конечной даты этого пе-

<sup>64</sup> Казаманова Л.Н. Клад монет IV–II вв. до н.э. из Судака // ВДИ. 1963. № 4. С. 144–151.

<sup>65</sup> Нестеренко Н.Д. Клады Горгиипии // КСИА. 1981. 168: С. 87.

риода — 109 г. до н.э. — тоже отсутствует, хотя это важно, потому что в последнее время конец правления Перисада V датируют не 109, а 111 г. до н.э.<sup>66</sup>

В разделе "Систематизация и хронология выпусков" (с. 61) высказано мнение, что надчеканки на монеты типа "Посейдон—прора" проводились в два приема. Автор считает, что сначала, в 210—200 гг. до н.э., налагалось клеймо с изображением головы Афины, а потом клеймо с изображением головы сатира (около 200—190 гг.), хотя такой разрыв — около 30 лет — вряд ли возможен. Но, как было сказано выше, монеты типа "Посейдон—прора" (№ 144) всеми исследователями относятся к концу III в. до н.э.<sup>67</sup> Тип монет "голова Посейдона — голова сатира" (№ 154) В.А. Анохин считает выпущенным в 190—180 гг. до н.э., а А.Н. Зограф и К.В. Голенко датировали его III в. до н.э. В качестве доказательства эти исследователи приводили следующее наблюдение: изображение головы Посейдона на монетах типа "Посейдон—прора" идентично изображению этого божества на монете типа "Посейдон—сатир", а изображение сатира в свою очередь очень близко к его изображению на надчеканке, имеющейся на монетах типа "Посейдон—прора"<sup>68</sup>. Это дает веские основания для датировки их одним и тем же временем — второй четвертью — концом III в. до н.э.

В.А. Анохин утверждает, что "надчеканки не преследовали цель изменить номинал оболов, а имели какое-то иное назначение" (с. 66); хотелось бы знать, какое. Надчеканка медных монет клеймом с изображением "венка" (№ 157) датируется автором 180—170 гг. (с. 142), но П.О. Карышковский, опубликовавший две монеты такого типа<sup>69</sup>, считал, что она могла быть сделана только в начальный период кризиса, в первые десятилетия III в. до н.э., потому что клеймом "венок" была надчеканена монета, первоначальный тип которой "сатир — львиная голова, осетр" был перечеканен типом "сатир—лук, стрела, ПАН", сверх которого наложены клейма — звезда, а на о.с. — изображение лука в горите, а затем только клеймо в виде венка. Вторая монета, изданная П.О. Карышковским и приведенная В.А. Анохиным в каталоге под № 157, не имеет перечеканок типом "звезда—горит", однако первоначальный ее тип ясен — "сатир—лук, стрела, ПАН", эмиссии которого имели место в первой четверти III в. до н.э.<sup>70</sup> Так что датировка перечеканки в виде венка первыми десятилетиями III в. до н.э. сомнений не вызывает.

Датировка В.А. Анохиным клейма "венок" 180—170 гг. (с. 64) изменяет дату кризиса. Получается, что он длился даже не до 210 г. до н.э., как указано в главе III, а с 275 по 170 г., т.е. почти 100 лет. Это лишний раз убеждает в правильности заключительной даты кризиса, предложенной Д.Б. Шеловым, — третья четверть III в. до н.э. Распределение и датировка медных монет, отнесенных автором к 210—103 гг. до н.э., произвольны и лишены доказательств, несмотря на то, что существует несколько статей К.В. Голенко, сумевшего установить последовательность выпусков многих монет II в. до н.э. Например, В.А. Анохин датирует серебро типа "Аполлон—курильница" (№ 164) 170—160 гг., помещая после них серебро типа "Аполлон—лира" (№ 168), отчеканенное, по его мнению, в 150—140 гг. Приводя эти данные, В.А. Анохин не ссылается на К.В. Голенко, который твердо

---

<sup>66</sup> *Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 66.

<sup>67</sup> *Зограф А.Н.* Мирмекийский клад III в. до н.э., найденный в 1934 г. // МИА. 1941. № 4. С. 150 сл.

<sup>68</sup> *Голенко К.В.* К хронологии некоторых медных монет Боспора III в. до н.э. // НЭ. 1970. VIII. С. 19—21.

<sup>69</sup> *Карышковский П.О.* Заметки по нумизматике античного Причерноморья // ВДИ. 1957. № 2. С. 145 сл. Рис. 1—2.

<sup>70</sup> *Фролова, О* денежном обращении... С. 34 сл. Рис. 1. № 4.

установил эту последовательность, опубликовав монету типа "Аполлон–лира", перечеканенную из серебра типа "Аполлон–курильница"<sup>71</sup>.

Золотая чеканка представлена в этот период статерами Гиgienонта и Перисадов. Полемизуя с К.В. Голенко и приписывая ему "неоднократные высказывания в печати его мнения о неподлинности статера Гиgienонта" (с. 61), В.А. Анохин пишет, что "попытка обоснования этой точки зрения содержалась в статье, опубликованной уже после смерти автора" (с. 61–62). Но на с. 51 статьи К.В. Голенко, на которую ссылается автор, нет ни слова о Гиgienонте, а наличие трезубца, о котором пишет В.А. Анохин, относится у К.В. Голенко к статерам Перисада и имеет другой смысл<sup>72</sup>. Классификация статеров Перисадов В.А. Анохиным не внесла ничего нового в наши знания об их чеканке. Хронология золотых эмиссий Перисадов должна строиться не только на анализе стиля изображений, который, кстати, не может дать таких точных (до одного десятилетия) дат, как это получается у В.А. Анохина, но опираться и на анализ совместных находок монет в кладах и археологических комплексах.

С классификацией статеров Перисада тесно связан вопрос о типологии монет, касающийся, в частности, интерпретации отдельных деталей изображений на монетах Гиgienонта, Перисада и Спартока. В.А. Анохин выразил свое негативное отношение к идее – видеть в монограммах на монетах указанных правителей имена магистратов, ответственных за выпуск монет, а в буквах, расположенных на о.с. статеров, – годы правления Перисада. Он полагает, что "знаки на "перисадах" обозначают лиц, финансирующих выпуск, а сами монограммы или буквы являются знаками собственности" (с. 70). Для доказательства этого положения им составлена таблица (с. 69, табл. VI), которая носит название "Дополнительные знаки на царских золотых и серебряных монетах Боспора III–II вв. до н.э.". Таблица состоит из двух граф, одна из них – "Тип монет", а вторая – "Принадлежность и финансирование выпуска". Из второй графы следует: если монета не содержит дополнительного знака, то она принадлежит царю или он финансировал ее выпуск; если на монете монограмма под треном, то монета выпущена городом; если монограмма – в поле монеты, то монета выпущена или принадлежит частному лицу. По этой таблице получается, что: 1) статеры и драхмы Гиgienонта, имея в поле о.с. две монограммы, принадлежат или финансируются одновременно и городом и частным лицом, хотя на них имеется полная надпись имени и титула архонта Гиgienонта, которая свидетельствует, что это монеты данного правления; 2) дидрахмы Спартока V (№ 152) имеют одну монограмму. По таблице В.А. Анохина следует считать, что дидрахмы принадлежат частному лицу, несмотря на то, что надпись на монетах ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΠΑΡΤΟΚΟΤ говорит сама за себя; 3) золото и серебро Перисада III (№ 156, 161), имея его титул и имя, должны принадлежать частному лицу, так как в поле о.с. есть буква Θ = (9); 4) статеры Перисада IV с именем и титулом царя одновременно принадлежат и городу (монограмма под треном), и неизвестному лицу, скрывающемуся, по мнению автора, за буквами ΔΙ (14); 5) из статеров Перисада V оказываются выпущенными самим Перисадом только те, которые не имеют монограмм или других букв (№ 178а); статеры Перисада V с монограммой (№ 178) выпущены городом, а с монограммой и буквой Κ (20) – частным лицом (№ 185). При этом автор не берет на себя труд объяснить, как это возможно: все золотые и серебряные монеты имеют надпись с титулом и именем царей, а доходы от их чеканки идут, следовательно, другим, частным лицам.

<sup>71</sup>Голенко К.В. Несколько серебряных монет Пантикапея II в. до н.э. со следами перечеканки // НЭ. 1968. VII. С. 37. Табл. 1, 1, 2; он же. Две монеты Пантикапея III в. до н.э. // НЭ. 1965. V. С. 56.

<sup>72</sup>Он же. Новая монета царя Спартока // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 50–55.

Недопустимость и научная необоснованность подобных рассуждений не требуют комментариев. Но странный вывод, который делает автор из данных таблицы VI, заслуживает быть приведенным: "Из десяти различных комбинаций знаков на царских золотых и серебряных монетах (табл. VI) следует, что царь, город или некое лицо финансировали выпуски монет соответственно один, два и один раз, какие-то два лица — один раз и город с каким-то лицом — четыре раза. Единоличное и групповое финансирование разделяется поровну, по пять раз" (с. 70). Прежде всего напомним, что еще А.Н. Зограф обращал внимание на обоснованность гипотезы Ч. Зелтмана о возможности частной инициативы в монетной чеканке<sup>73</sup>. Кроме того, уместно задать автору вопрос, что такое групповое финансирование в практике монетного дела античных государств и в чем его экономический смысл? Как было отмечено выше (гл. II), метод автора определять принадлежность монет по типам, монограммам, буквенным обозначениям, а не по надписям и имени города — ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ или имени и титула царя — неприемлем. По В.А. Анохину получается, что право чеканки имеют все, кроме города (с. 70): "Ряд факторов позволяет признать вывод об устраниении города от чеканки серебра и меди достоверным и объяснимым". Следовательно, этникон, имеющийся на всех серебряных и медных монетах — ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ, он не принимает во внимание; это — беспрецедентный случай.

И, наконец, последний вопрос, поднятый в этой главе, — это вопрос о власти Гиgienонта, которому пришлось "довольствоваться только титулом архонта" (с. 68). На с. 67 автор сетует: "Странно, но факт, что появление среди боспорских царей III–II вв. до н.э. правителя с титулом архонта не привлекло внимания современных исследователей". Далее читателю предлагаются две гипотезы: во-первых, о происхождении Гиgienонта не из дома Спартокидов и, во-вторых, о том, что архонт наследовал царю Левкону II, убитому — как это можно вывести из схолий к "Ибису" Овидия — своей женой Алкатоей. Однако после всего сказанного выше читателю уже не покажется странным тот факт, что В.А. Анохин остался в неведении относительно того, что первое его "открытие" было сделано почти за 70 лет до него М.И. Ростовцевым<sup>74</sup>, а второе принадлежит В.Ф. Гайдукевичу<sup>75</sup>, основополагающая монография которого в переработанном немецком издании попросту отсутствует в "Списке литературы". Этот факт — лишнее свидетельство того, с каким пренебрежением отнесся создатель "Монетного дела Боспора" ко всей той богатой научной традиции, которая создавалась до него усилиями не одного поколения русских и советских исследователей боспорской истории и нумизматики.

Н.А. Фролова

L'EMISSION DE MONNAIES AU BOSPHORE AUX VI<sup>e</sup>–II<sup>e</sup> SS.  
AVANT N.E.

N.A. Frolova

Le livre de V.A. Anokhin, *Le monnayage au Bosphore* (Kiev, Naukova dumka, 1986) reexamine les problèmes de la frappe de monnaies au Bosphore entre le VI<sup>e</sup> et le II<sup>e</sup> ss. av. n.e. (ch. I a IV, pp. 3–71). Mais la classification chronologique des monnaies du Bosphore de cette période proposée par l'auteur ne peut être acceptée, car elle repose sur une méthode erronée de datation de certaines séries ou émissions dégagées par l'auteur par décennies choisies arbitrairement (pp. 16, 17). La systématisation des monnaies du Bosphore de la période indiquée proposée par V.A. Anokhin suscite également des objections. Ainsi, les premières monnaies anepigraphiques des Panticapee sont at-

<sup>73</sup> Зограф. Античные монеты. С. 98.

<sup>74</sup> Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на Юге России. Пг., 1918. С. 102.

<sup>75</sup> Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. В., 1971. S. 93.

tribnees au temple d'apollon, alors que les donnees archeologiques temoignent que la construction du temple ne pouvait avoir eu lieu avant la seconde moitie du Ve s. av. n.e. Les monnaies de Myrmekion sont attribuees simultanement a deux centres de frappe – Panticapee et le temple, sans parler d'un groupe de monnaies "a attribution incertaine" (p. 10). Les monnaies de Panticapee avec les inscriptions ПАН, ПАНТ, ПАНТИ sont attribuees au temple d'Apollon. En determinant les limites chronologiques du regne des premiers Spartocides, l'auteur lie la datation des monnaies representant une tete de lion (II – 17–19) au regne de Leukon I<sup>er</sup> (389/8–349/8), en interpretant l'image de lion comme un embleme du nom Leukon (pp. 31, 42, 43), et date les monnaies representant une tete de satyre du regne de Satyros I<sup>er</sup> (pp. 30, 43). Pareille classification chronologique n'est guere acceptable dans un ouvrage scientifique.

Les donnees metrologiques sur lesquelles l'auteur fonde ses conclusions sur les systemes des poids au Bosphore sont inverifiables, car le catalogue n'indique le poids que d'un seul echantillon de chaque type de monnaie.

S'appuyant sur la typologie des monnaies, il affirme qu'au Bosphore les monnaies etaient frappees simultanement par la cite, le roi ou l'archonte, le temple d'Apollon, le temple de Poseidon, le temple d'Athena et meme par des particuliers (p. 57, 70–71). Jamais un tel phenomene n'a ete atteste pour aucun Etat antique.

A la lumiere des dernieres etudes sur le Bosphore de l'epoque de la genese de l'Etat du Bosphore (Ju.G. Vinogradov, F.V. Selov-Koved'ajev, V.P. Tolstikov), l'idee de Ju.G. Vinogradov comme quoi une confederation des *poleis* bosporanes – a la fois symmaquie militaire et amphictyonie – serait apparue au Bosphore, peut trouver sa confirmation d'abord dans la frappe commune de Panticapee et Myrmekion, puis, a la fin du Ve s. av. n.e., dans les emissions de monnaies portant les inscriptions ΑΠΟΛ, ΠΑΝ, ΠΑΝΤ, ΠΑΝΤΙ possedant des types d'avvers et de revers identiques.

## ВЗГЛЯДЫ ДЕМОКРИТА НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ОБЩЕСТВА

I. В разное время различные стороны философии Демокрита Абдерского обращали на себя внимание. Для классической древности он по преимуществу "физик" (в античном понимании), в период поздней античности, вероятно, пользовались популярностью его этические сочинения, физические же были почти полностью утрачены (III–V вв.). В Новое время он возрождается как атомист. До недавнего времени Демокрит рассматривался главным образом как натурфилософ. Однако исследование его этических и – неразрывно с ними связанных – социально-политических фрагментов<sup>1</sup> показало, что его политические воззрения представляют огромный интерес.

Свидетельства и фрагменты, касающиеся социально-политических взглядов Демокрита, содержатся в сборниках этических изречений у Стобея, "Демократа", Максима, Антония Мелиссы и др. В последнее, самое полное издание С.Я. Лурье вошли наиболее надежные свидетельства и фрагменты<sup>2</sup>.

Этические и социально-политические взгляды Демокрита подверглись в литературе самой различной оценке, что связано не только с состоянием источников, но отчасти с идеологической борьбой вокруг линии Демокрита в философии. Мало учитывалась связь политических воззрений философа с обстановкой его родного города Абдер, а также вероятность эволюции его взглядов<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> О связи этики и политики у древних философов см. *Жебелев С.Д.* Греческая политическая литература и Политика Аристотеля // *Политика Аристотеля*. СПб., 1911.

<sup>2</sup> *Лурье С.Я.* Демокрит. Тексты, перевод, исследования. Л., 1970. № 595–732 (далее – Л. с соответствующим №).

<sup>3</sup> Из двух более или менее вероятных дат жизни Демокрита – 460–356 гг. до н.э. (Аполлодор) и 470–366 г. до н.э. (Фрасилл) – мы считаем вслед за С.Я. Лурье (см. комм. к Л. I и VI) более достоверной дату Фрасилла, поскольку она исходит от Аристотеля и лучше согласуется с другими источниками о датах жизни Демокрита.

На наш взгляд, наиболее полным исследованием социологических и политических взглядов Демокрита стала работа Н. Ирибаджаква о Демокрите<sup>4</sup>. обстоятельно, с марксистских позиций написан труд Ф. Пападопуло<sup>5</sup>; исследование политических взглядов Демокрита посвятил свою работу Г. Альдерс<sup>6</sup>. Имеются две специальные работы советских ученых А.О. Маковельского и С.Я. Лурье<sup>7</sup>. Определенное внимание уделено этому вопросу в общих трудах по истории философии Дж. Бернета, В. Гатри, Г. Властоса, А. Крокевича и др., а в СССР — М.А. Дынника, В.Ф. Асмуса, В.Е. Тимошенко, В.С. Нерсесянца и др. Однако споры вокруг взглядов Демокрита продолжаются.

II. В научной литературе прежде всего отмечается, что в учении материалиста Демокрита об обществе, как правило, нет религиозно-мифологических объяснений, ссылок на волю богов и рока<sup>8</sup>. В частности, убеждение Демокрита в смертности души и тела и отсутствии загробного мира влекло за собой последовательную ориентацию всех его этических и социальных взглядов только на земную жизнь и реальное общество. Некие образования атомов, которые, по Демокриту, люди принимают за богов, согласно логике его учения, не вмешиваются, по крайней мере сознательно, в человеческую жизнь и обращаются к ним или их страшиться нет никакого смысла (Л. 472а, ср. 735).

В философии Демокрита человек выступает в качестве индивида, атома общества, частицы вселенной, "того, что мы знаем", но что требует дополнительного познания (Л. 9; 65 и комм.). Мир человека и мир космоса связывает демокритовская концепция необходимости и случайности<sup>9</sup>. В.П. Горан, детально рассмотрев соотношение необходимости и случайности у Демокрита, показал, что "тухе" обозначает у него либо обыденное понятие слепой "удачи", либо мифологему, но не философскую категорию случайности<sup>10</sup>. В объяснении природы и общества Демокрит был предшественником механического детерминизма, однако вопреки обвинению Эпикура (Л. 57) не был приверженцем идеи предопределения. Идея необходимости (ананке), которая стала у Демокрита техническим термином, не исключала в его философии ни разума, ни свободы воли человека, ни оценки его действий. Демокрит признавал и объективную случайность как "совпадение" (συμβεβηκός) событий как в жизни природы, так и общества<sup>11</sup>. Все явления (кроме самой вселенной) имеют свою естественную или человеческую причину и исследовать их — высшая задача ученого (Л. VIII, 29; "Причины" (Αἰτίαι) — как заглавия произведений в Л. СХV). Демокрит не допускал никакой извне заданной цели в природе, причиной же событий в обществе считал действия людей, вызванные потребностями жизни, волей (это признавал за ним и Эпикур, Л. 36а) и прежде всего — разумом.

<sup>4</sup> Ирибаджаква Н. Демокрит смеющийся философ. Философско-исторические и социологические взгляды на Демокрит. София, 1978.

<sup>5</sup> Παπαδόπουλος Φ. Δημόκριτος. Ὁ φιλόσοφος και φυσιοδίης, ο θεωρητικός τῆς δημοκρατίας [Ἄ Φῆρα]. 1967.

<sup>6</sup> Alders G.J.D. The political faith of Democritus // Mnemosyne. 1950. V. IV. N 13. P. 302.

<sup>7</sup> Маковельский А.О. Этические и политические взгляды Демокрита // Труды Азерб. гос. ун-та им. С.М. Кирова. Т. 3. Вып. 1. Сер. филол.; Luria S. Zur Frage der materialistischen Begründung der Ethik bei Demokrit. В., 1964.

<sup>8</sup> История античной диалектики. М., 1972. С. 37; Kirk J.S., Raven. The Presocratic Philosophers. Camb., 1980. P. 425; Vlastos G. Ethics and Physics in Democritus // Philos. Rev. 1945. V 54; 1946. V. 55.

<sup>9</sup> Эта концепция была впервые исследована молодым К. Марксом в работе "Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 40. С. 147–234).

<sup>10</sup> Горан В.П. Необходимость и случайность в философии Демокрита. Новосибирск, 1984.

<sup>11</sup> Л. 22–41 и комм.; Горан. Ук. соч.; Богомолов А.С. Детерминизм, спонтанность и свобода в философии Демокрита // ВФ. 1982. № 3. С. 119–128; Виц Б.Б. Демокрит. М., 1979. С. 164–182; Она же. Об одной догадке Демокрита // Наука и религия. 1979. № 8. С. 55–57.

”Мудрый человек – мера всех существующих вещей” (Л. 97) – так Демокрит исправлял изречение Протагора ”человек – мера вещей”, а из мышления, говорил он, ”рождаются следующие три способности: принимать правильные решения, говорить безошибочно и действовать как должно” (Л. 822). Напротив, ряд изречений Демокрита был направлен против ”неразумных”, которые, согласно традиции, были предметом пресловутого смеха Демокрита (Л. LXI–LXVIII). Однако, что является разумным и кто мудр? ”Физик” Демокрит полагал, что мудрость – это постижение природы вещей или, в конечном счете, движения атомов<sup>12</sup>. Мудрость у Демокрита совпадала с понятием истины, которая, в отличие от мнения софистов, была одной и той же для всех людей объективной истиной (Л. 89).

Люди выступают у Демокрита в качестве атомов общества, подвластных тем же законам, что и макрокосмос, в частности закону притяжения подобного к подобному (Л. 11; 289; 315–319). Об этом свидетельствует один из отрывков Плутарха, в котором приведены слова Демокрита: ”Люди... привлекаемые взаимным влечением друг к другу, точно (связанные) веревкой, встают на новый день...” (Л. 511). Итак, люди по природе дружелюбны, из индивидуумов же складывается общество, как из атомов – тело. Демокрит чрезвычайно высоко ценит дружбу, а именно ”истинную дружбу” (Л. 658–666 в), но одновременно ”единомыслие” (*δμόνοια, δμοφροσύνη*) во всем обществе (Л. 711; 713). Дружным коллективом граждан, организованным ”для великих дел” (Л. 713), представлен в высказываниях Демокрита полис.

Полис и его законы должны, по Демокриту, быть основой общего единомыслия: ”Ибо государство (*πόλις*), идущее по верному пути, величайшая опора. И в этом заключается все: когда оно в благополучии, все в благополучии, когда оно гибнет, все гибнет” (Л. 595, ср. 599). Как видим, Демокрит высоко ставил закон полиса, который при условии добровольного подчинения может обеспечить счастье людей. ”Закон стремится помочь жизни людей. Но он может этого достигнуть только тогда, когда сами граждане желают жить счастливо...” (Л. 608). Человек счастлив, продолжает Демокрит, если стремится к делам ”справедливым и законным” (Л. 740). Однако закон (*νόμος*) должен быть справедливым и, стало быть, по Демокриту, не должен противоречить природе (*φύσει*) (Л. 751); сопротивляться потребностям природы и неразумно (Л. 717), и бесполезно (Л. 519). Такова была позиция Демокрита в споре, который разгорелся в середине V в. до н.э. в результате обоснования софистами радикального различия порядков, существующих от ”природы”, и порядков, возникающих по установлению, согласно закону (*νόμος, τέχνη*)<sup>13</sup>.

Все эти термины (так же, как несколько раньше антитеза ”неписанного права” – *νόμος ἄγραφος* и ”писаного” – *νόμος γεγραμμένος*) употреблялись настолько абстрактно, что могли служить выражением взглядов и настроений самых различных слоев<sup>14</sup>. Демокрит долго не противопоставлял эти понятия, хотя и склонялся к ”природе” как истинной сущности вещей. Законы, говорил он, создаются людьми (Л. 569), а не природой или богами. Закон внушает страх перед наказанием и поэтому лучше, если люди поступают справедливо не по закону и принуждению, а осознанно (Л. 607), а также из ”стыда перед собой” (Л. 604), чтобы впоследствии не испытывать угрызений совести (Л. 740). Способность устыдиться Демокрит не считал врожденной; она, по его мнению, проявляется

<sup>12</sup> О понятии *φύσις* см. Рожанский И.Д. Анаксагор. М., 1972. С. 65–114.

<sup>13</sup> См. Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 156; Виц. Демокрит. С. 118–124.

<sup>14</sup> Так, для олигархов V в. до н.э. ”естественное право” означало ”право сильного”; это было кредо платоновского персонажа Калликла (*Plat. Gorg.* 483 а–484 с), а в жизни – беспринципных деятелей вроде Алкивиада. Для софиста Антифонта ”естественное право” было равнозначно биологическому равенству людей.



в детском возрасте в результате обучения (Л. 692). Однако поскольку эта способность присуща не всем людям, необходимы законы (Л. 570).

С точки зрения атомистической теории "по природе" все люди состоят из атомов; всем им присущи атомы огня, т.е. души и разума. Но если неразумные люди плохо ими пользуются, не следят за надлежащим состоянием души (Л. 784), терзают тело непомерными желаниями и попойками (Л. 776а; 767; 794), не "оттачивают" разум (Л. 750), то разумные люди и мудрецы своим образом жизни добиваются равновесия души и гармонического движения атомов в теле (Л. 735; 739; 752), что и составляет основу счастья — *εὐθυμία*. Иных различий "по природе" между людьми атомизм Демокрита не предполагает. Можно сказать, что философские предпосылки политических взглядов Демокрита — атомистическая теория — не только ориентировали на реальную действительность и рациональные причинные связи, но косвенно вели к признанию демократического равенства граждан.

III. Занимался ли Демокрит вообще политической деятельностью, интересовался ли вопросами социальной жизни и политики? Основоположники марксизма подвергли резкой критике толкование некоторыми философами центрального понятия этики Демокрита — эвтимии — в духе квиетизма и отрешенности от мира: "Демокрит не только не удалялся от мира, а, наоборот, был эмпирическим естествоиспытателем и первым энциклопедическим умом среди греков"<sup>15</sup>. Аргументы К. Маркса и Ф. Энгельса остаются в силе и находят подтверждение при детальном рассмотрении социальной позиции философа.

Демокрит подобно многим его философским предшественникам, но, по всей вероятности, дольше, чем другие, путешествовал по странам Востока (Л. XIV—XXII); побывал он и в Афинах (Л. XXIV)<sup>16</sup>. Кроме того, для составления своего календаря с предсказанием погоды он должен был делать наблюдения в Македонии и Фракии (Л. 424, 7). Список произведений Демокрита (даже если он содержит частично работы учеников), содержание фрагментов и свидетельств о Демокрите обнаруживают многообразные направления его исследовательской деятельности. "Моральные сочинения" значатся в тетралогиях Фрасилла на первом месте и, несомненно, играли важную роль в творчестве Демокрита. Это восемь сочинений (главное среди них "Об эвтимии" и сборник "Рог Амалфеи"), при написании которых Демокрит, как видно, использовал произведения своих предшественников<sup>17</sup>. Человеческим делам был посвящен весь его "Малый мирострой", второе по значимости произведение Демокрита после "Большого миростроя" (CXV; III, 1; I).

Согласно устойчивой легенде, после возвращения из странствий Демокриту угрожало привлечение к суду, так как он растратил свою часть отцовского наследства (отказавшись от земли в пользу братьев, он взял свою долю в деньгах, которые ушли на путешествия). По законам Абдер за подобную растрату полагалось изгнание и отказ в погребении на родине (Л. XI; XIX; XXVI—XXVIII).

<sup>15</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3, С. 126.

<sup>16</sup> Мнение Деметрия Фалерского о том, что Демокрит "даже не приезжал в Афины" (Л. XXIX), опровергается многими авторами и приведенной Цицероном цитатой из произведения Демокрита (Л. XXIV).

<sup>17</sup> О возможности использования Демокритом мотивов древневосточной повести см. Л. XIV и комм.; Виц-Маргулес Б.Б. Демокрит и Ахикар // VIII Всес. конференция по древнему Востоку. Тезисы докладов. М., 1979. С. 29—31. Аргументы М. Вельмана и Г. Дильса в пользу гиперкритического отрицания восточных путешествий Демокрита (их приписали Болю — "Псевдодемокриту") повторил в своей работе Г. Штекель (*Staeckel H.* // RE. 1970. Supplbd XII. Col. 197—200). Однако их доводы убедительно опровергает С.Я. Лурье в комм. к № XVI и XCI своего издания Демокрита. О путешествиях Демокрита сообщают 11 авторов и среди них — Мегасфен и Феофраст, свидетельства которых более ранние, чем сведения Бола из Менды ("Псевдодемокрита") (ок. 200 г. до н.э.). См. также *Маковельский А.О.* Демокрит и Древний Восток // Доклады Азерб. АН СССР. Т. II. № 2. 1946. С. 81—83.

Демокрит, возможно прибегнув к помощи родичей, сумел защититься; он ознакомил абдеритов со своими сочинениями, которые те признали мудрыми (Л. XXVIII). В другой раз его посчитали обезумевшим, и, согласно легенде, лично прибывший в Абдери Гиппократ разуверил в этом жителей города (Л. XIII а; XXIX; XXIX а; ср. LXXIX; 540). Дошедшие до нас рассказы о том, как Демокрит не заметил быка, привязанного к его беседе (Л. XIII), как искал уединения и укрылся в надгробном памятнике (Л. XIII а) или оставил якобы свою землю на выпас для скота<sup>18</sup> и т.п., свидетельствуют не об отчужденности Демокрита от мира, а лишь о его увлеченности наукой; аналогичную оценку дают и авторы приведенных свидетельств (ср. Л. LVIII–LX – Дионисий Галикарнасский, Плутарх, Петроний; LXIII а – Аристотель, Лукиан).

Приверженность Демокрита чистой умозрительности подтверждает легенда, будто он на старости лет ослепил себя с тем, чтобы дневной свет не затмевал остроты ума (Цицерон и Авл Геллий – Л. XLIII; XLIV). К. Маркс считал это свидетельство весьма правдоподобным вымыслом, поскольку оно подчеркивает внутреннюю противоречивость, присущую Демокриту<sup>19</sup>. Действительно, такое противоречие было присуще демокритовской теории познания, которая противопоставляла чувственное, "темное" познание (*γνώμη σκοτίη*) ясному, разумному (*γνώμη γησιή*), способному проникнуть в мир атомов и сущность вещей. Вполне вероятно, что в старости, когда зрение "обманывало" философа, он полагал, что можно обходиться и без него (или таким образом утешал себя). Однако факт его самоослепления с помощью зажигательных стекол решительно отрицает Плутарх (Л. XLV); Цицерон, передавший ту же легенду, отмечает, что слепота нисколько не мешала Демокриту заниматься человеческими делами: "Демокрит, потеряв зрение, не мог отличить белого от черного, но хорошее и дурное, справедливое и несправедливое, благородное и позорное, полезное и вредное, великое и малое различать он мог" (Л. XLII).

Демокрит ставит вопрос о причастности гражданина к делам общества как гражданского коллектива. "Дела государственные (*τὰ κατὰ τὴν πόλιν*) надо считать много более важными, чем все прочее; каждый должен стараться, чтобы (государство) было благоустроено (*ἄξεται εὖ*), не добиваясь больших почестей, чем ему приличествует, и не захватывая большей власти, чем это полезно для общего дела". Далее следуют слова о полисе как "величайшей опоре"<sup>20</sup>. Это изречение Демокрита свидетельствует о том, что он полон надежд относительно общего благополучия при условии участия всех граждан в делах полиса.

Ходили легенды о том, что советы Демокрита спасли город от эпидемии (Л. XXXIII), что он предсказывал погоду, урожай и цены на рынке (Л. XXXIV–XXXV), в отношении людей проявлял необычайную проницательность (Л. XXXVI; XXXVII; XLI). По-видимому, эти рассказы скорее отражают мнения сограждан

<sup>18</sup> Эта версия противоречит более вероятной, что Демокрит оставил землю брату, у которого после возвращения жил (Л. XX).

<sup>19</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 40. С. 163. Однако о признании роли чувственного восприятия Демокритом как источника познания свидетельствует отрывок из Галена (Л. 79–80), который не был известен К. Марксу, поскольку впервые опубликован в 1901 г. Согласно Аристотелю, теория Левкиппа–Демокрита исходила из доводов, согласуемых с чувствами (Л. 146). Демокрит же был начинателем индуктивной логики (см. Лурье С.Я. Очерки по истории античной науки. Греция эпохи расцвета. М.–Л., 1947. С. 440–445). В "Немецкой идеологии" особое внимание К. Маркс и Ф. Энгельс уделили именно эмпирическому методу Демокрита.

<sup>20</sup> Л. 595. Требование Демокрита о том, что не следует добиваться слишком больших почестей, вовсе не обязательно толковать в духе совета беднякам смириться со своим положением, как это делает С.Я. Лурье (Очерки... С. 280; Л. комм. к 595). Демокрит явно имел в виду честолюбцев, которые, по его словам, рвались к власти. Он требовал "справедливости" (ср. Л. 619) в распределении почестей – по заслугам (*ὡς ἄξεται, ἀξίως*) (Л. 668; 669; 670; 672а). Ср. речь Перикла (*Thuc.* II, 37; *ἀπ' ἡρετῆς*).

о Демокрите, чем подлинные факты. Однако в словаре Суды сохранилось прямое свидетельство о его политической деятельности: "Он был архонтом в Абдерах, почтенный так за свою мудрость" (Л. XXX), подтверждаемое находкой серебряной монеты с гербом Абдеры и надписью "при Демокрите"<sup>21</sup>.

В качестве доказательства аполитичности Демокрита иногда приводится изречение: "Не подobaет добрым гражданам, пренебрегая собственными делами, заниматься чужими: ибо собственные дела тогда страдают". Но Демокрит одновременно учил, что нельзя пренебрегать и общественными делами (Л. 612; 648). В представлении греков V в. до н.э., как правило, личная жизнь была неотделима от общественной. Протагор заявлял, что он дает "уменьше наилучшим образом управлять своим домом – также в делах общественных... касающихся государства" (Plat. Prot. 318e). Демокрит в данном случае высказывал общее мнение, что не может быть хозяином государства тот, кто не стал хозяином в собственном доме. Кроме того, "чужие дела" (*οθνεΐα*, *ἄλλα*) – не только общественные; совет Демокрита "не совать нос в чужие дела" осуждал практику доносов, сикофанства, сутяжничества, осмеянных в "Осах" Аристофана. И наконец, Демокрит выступает против всякого рода суеблизости, *πολιπραγμοσύνη*; индивид, стремящийся к благому состоянию духа, не должен "сверх меры" (*πολλά*, *παρὰ δόξαν*, *maiora viribus nostris*) заниматься ни частными, ни общественными делами (Л. 737).

Видимо, нет особенного противоречия в том, что Демокрит, согласно Плутарху, "убеждает изучать политическое искусство как самое важное" (Л. 728), а согласно Цицерону, – отказался от политической деятельности, посвятив себя "познанию вещей" (Л. 729). Вполне вероятно, что отказ последовал после архонства и сравнительно активного участия в политических делах родного города, т.е. в более пожилом возрасте. Кроме того, он, в отличие от Платона, не настаивал на том, чтобы "мудрецы" – философы стояли во главе государства. Да и в своей научной деятельности, как видно, Демокрит обращается к людям, выступает как просветитель и наставник. И все же нельзя вполне исключить определенное изменение его взглядов.

Со временем на родине Демокрит снискал общее признание и уважение. Судя по сохранившимся свидетельствам, еще в молодости он получил денежную награду за свои произведения; впоследствии ему была воздвигнута медная статуя (по некоторым свидетельствам – несколько статуй).

IV. Сохранилось прямое высказывание Демокрита в пользу демократии: "Бедность в демократическом государстве (*ἐν δημοκρατίῃ*) надо предпочесть тому, что называется счастливой жизнью в монархии (дословно: "у династов") настолько же, насколько свобода лучше рабства" (Л. 596). С этим высказыванием можно связать похвалу смелости и неустранимости суждений (Л. 602) и откровенности речи (Л. 597), т.е. "свободы слова", требование защиты подвергшихся несправедливости (Л. 624), а также осуждение методов действия страхом, так как "страх порождает лень" (Л. 610). Итак, Демокрит решительно высказывается за власть демоса против власти "династов".

Понятия *δυναστής*, *δυναστία* означали власть единоличных правителей и олигархических вождей<sup>22</sup>. Кого конкретно мог иметь в виду Демокрит? Юные годы Демокрита прошли в атмосфере, когда была еще свежа память о прошедших

<sup>21</sup> Монета датируется 450–430 гг. до н.э., что дало повод полагать, что речь идет о каком-то другом Демокрите. Однако принятая нами дата рождения Демокрита (ок. 470 г. до н.э.) вполне согласуется с датировкой монеты и, в свою очередь, ею подтверждается.

<sup>22</sup> Herod. II. 32; IX, 2; Soph. Ant. 604; Plat. Rep. VI. 498 e, 499; Thae. 176; Gorg. 525 d; Polit. 291 d; Thuc. II. 62.3; Xen. Hell. II. 446. В смысле: "крайние олигархи" см. Arist. Pol. IV. 1292 b 19; 1293 a 31; Plat. Legg. IV. 176 c. Целый ряд других параллелей и литература вопроса приведены в кн.: Фролов Э.Д. Греческие тираны. М., 1972. С. 72. Династия в Фессалии им метко названа "корпоративной тиранией".

Греко-Персидских войнах. Через Абдеры дважды, незадолго до рождения Демокрита, прошли полчища Ксеркса. И хотя Абдеры были вначале его союзником (Herod. VI. 46, 48; VIII. 120) и их знатные люди (в том числе, по преданию, отец Демокрита – Л. XI) оказали ему "гостеприимство", согласно сообщению Геродота (VII. 118; 120), город разорился. Вхождение в Афинский морской союз (после 478 г. до н.э.) способствовало восстановлению экономики Абдер (Diod. XIII. 72; XV. 36; Strabo. XIV. 644). Именно персы насаждали и поддерживали правление "династов", например, в Беотии и Фессалии. Антитеза *ἐλευθερία* – *δουλεία* возникла как противопоставление статуса греков статусу варваров<sup>23</sup>, под которыми в период Персидских войн чаще всего подразумевались персы. Одно из изречений Демокрита характеризует его пренебрежение к персидскому престолу: "Сам Демокрит, как говорят, сказал, что он предпочел бы нахождение одного причинного объяснения (*αἰτιολογίαν*) сану персидского царя" (Л. LVIII, 29).

Некоторые исследователи (например Г. Альдерс) усматривают в "династах" намек на олигархических правителей, насаждаемых Лисандром, наподобие 30 тиранов в Афинах. Изречение Демокрита (Л. 596) следует отнести, по-видимому, ко второй половине V в. до н.э., поскольку именно в это время стал широко употребляться термин *δημοκρατία*<sup>24</sup>. Видимо, в 40-е годы V в. до н.э. была написана и обнародована III книга "Истории" Геродота (III. 80–82) с ее "политическим трактатом" о разных формах государственного устройства<sup>25</sup>. Впоследствии эта тема была развита и обобщена в "Государстве" Платона и "Политике" Аристотеля соответственно их взглядам. Словом *δυνασταί* Демокрит как бы охватывает геродотовские монархию (в смысле, близком к тирании) и олигархию и противопоставляет им демократию.

Несколько изречений Демокрита у Стобея и "Демократа" на первый взгляд противоречат вышеприведенному высказыванию. Они касаются обязанностей и прав должностных лиц: "Тяжело быть под началом человека худшего" и "Естественно, чтобы властвовал лучший" (Л. 614; 688)<sup>26</sup>. Демокрит считал также, что когда "плохие граждане" добиваются почетных должностей, они становятся тем более небрежными и "пренебрегаются безрассудства и наглости" (Л. 614). Эти изречения приводятся обычно в качестве доказательства якобы аристократических взглядов Демокрита или его приверженности олигархической тенденции<sup>27</sup>.

Что имел в виду Демокрит? Даже если бы "лучший" и "сильный" у него означало "благородный" и "знатный", то и это не означало бы отрицания демократии: представителями античной демократии длительное время были люди знатного рода (Солон, Клисфен, Перикл и др.)<sup>28</sup>. Благородство у Демокрита мыслится

<sup>23</sup> Исаева В.И. Принципы межполисных отношений конца V – середины IV в. до н.э. // Античная Греция. Т. 2. М.: Наука, 1983. С. 113. Крайнее выражение подобного взгляда см. у Аристотеля (Polit. III, 1285 a 19).

<sup>24</sup> Слово "демократия" впервые употреблено в афинском декрете относительно Колофона (IG I<sup>2</sup>. 15.37 – если верна реконструкция надписи). Однако у греческих авторов оно не встречается вплоть до второй половины V в. до н.э. (Vlastos G. ΙΣΟΝΟΜΙΑ ΠΟΛΙΤΙΚΗ // Isonomia. Studien zur Gleichheitsvorstellungen im griechischen Denken. В., 1964. S. 1, 3).

<sup>25</sup> См. Лурье С.Я. Геродот. М.–Л., 1947. С. 60–63; Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1951. С. 138–141, 195 сл.; Фролов. Факел Прометей. С. 150 сл.; Маргулес Б.Б. Геродот и софистическая литература // ВДИ. 1960. № 1. С. 21–34. Сопоставление различных форм правления вызывалось рядом причин: соседством персидской монархии, появлением "варварских" государств на периферии греческого мира, эволюцией политического строя и характером политической борьбы в греческих полисах.

<sup>26</sup> В Л. 614 переведено "сильнейший", но из противопоставления "худшему" видно, что *κρείσσων* следует переводить "лучший" (как в Л. 688).

<sup>27</sup> Так, например, Г. Дильс (комм. к FVS В 267) сравнил эти изречения со словами Калликла в Платоновском "Горгии" (Plat. Gorg. 483d–484c) о праве "сильнейшего" на власть, невзирая ни на какие законы и обычаи.

<sup>28</sup> Ср. Л. 688, комм.

в качестве духовного качества (*ἡ τοῦ ἡθεος ἐντροπίη*), в отличие, например, от благородства животных (Л. 783)<sup>29</sup>. Таким образом, подразумеваются прежде всего моральные и умственные качества правителей, что подтверждается словами: "Опрометчиво давать-безумному меч, а порочному силу" (Л. 614). Кроме того, во всех изречениях Демокрита о должностных лицах речь идет только о выборных правителях и каковы бы они ни были, в течение срока должности им надлежит подчиняться: "Закону, правителю и более мудрому прилично повиноваться" (Л. 599), а наложившим справедливое наказание – не мстить (Л. 613).

Демокрит утверждал, что для глупых лучше повиноваться, чем начальствовать (Л. 655), слушаться более мудрых (Л. 599). Но нет никаких оснований думать, что Демокрит считал глупцами людей из демоса, а умными исключительно знать и богатых. Ни мудрость, ни глупость Демокрит не считал наследственными: "Больше людей становится хорошими благодаря упражнению, чем от природы" (Л. 684); "Больше можно возлагать надежд на будущее людей, получивших образование, чем на богатство невежд" (Л. 697); "Иногда молодым присущ разум, а старцам – безрассудство, ибо разуму учит не время, а надлежащее воспитание и природа" (Л. 683). Демокрит чрезвычайно высоко ценил образование, воспитание и упражнение, которые дают (*μεταρσμοῖ*) человеку "новый облик", выявляя природу (Л. 682; 684), но "многие, которых не учили разуму, живут разумно" (Л. 685). Лучшим средством воспитания Демокрит считал привычку к труду и убеждение, а не страх перед наказанием (Л. 692). Теория воспитания Демокрита во многом перекликалась с педагогическими взглядами другого абдерита – Протагора, а также с воззрениями представителей школы Гиппократа<sup>30</sup>.

Совет Демокрита мудрецу (или государственному деятелю) не иметь своих детей, а взять на воспитание удачного ребенка кого-либо из друзей (Л. 724) свидетельствует о его убеждении, что духовные качества не наследуются. Несомненно, что в условиях греческого общества времени Демокрита отказ от оценки человека по происхождению носил демократический характер.

Итак, "лучшие" люди, которым следует, согласно Демокриту, поручить управление государством, – не знатные или богатые граждане; это способные от природы люди, трудолюбивые и правильно воспитанные. Демокрит предъявляет к правителю ряд требований; по его словам, допустить несправедливость для правителя то же самое, что не вернуть деньги, отданные на хранение: "... ибо избирают архонта не для того, чтобы он поступал дурно, а для того, чтобы он поступал хорошо" (Л. 616). Более того, правитель в ответе перед народом; если он будет править несправедливо, то приобретет дурную славу, может попасть в беду, а "заслужить у людей прощение – нелегко" (Л. 612). Эти высказывания несовместимы с олигархической или тиранической формой правления – речь, как видим, идет о демократическом полисе и его должностных лицах.

Впрочем, прямое высказывание Демокрита в пользу демократии является единственным только по терминологии. В середине V в. до н.э. и позже демократическая форма правления в противовес аристократии и олигархии обозначалась обычно как *ἰσονομία*, что видно уже из Геродота (III. 80–82)<sup>31</sup>. Понятие "исономия" – равноправие, "равнозаконие" (Э.Д. Фролов) или "равное распределение" (С.Я. Лурье) лежало в основании демокритовской картины мира и вполне соответствовало его знаменитому принципу *μη μάλλον τοῖον ἢ τοῦον*

<sup>29</sup> Явную моральную нагрузку несут изречения Демокрита о прекрасном (Л. 785–788), о понятии "зло" (Л. 738).

<sup>30</sup> Демокрит (Л. 682), Протагор (FVS 80 В 3) и Гиппократ (Nomos 2) в равной степени обращают внимание на природные способности (*φύσης*), упражнение (*μελέτη*, *ἄσκησις*) и время (*χρόνος*) в деле воспитания.

<sup>31</sup> Фукидид противопоставляет "династическому строю" – "исономический" (*Thuc.* IV. 78).

(”не более такое, чем иное”). Во взглядах на общество он проявляется как – частый у греческих писателей – идеал равенства граждан полиса: τὸ ἴσον. Но если обычно лозунг исономии не касался отношений собственности<sup>32</sup>, то изречение Демокрита явно связано с требованием и равного среднего достатка: ”Прекрасно во всем равенство (τὸ ἴσον); мне не по душе ни избыток, ни недостаток” (Л. 749)<sup>33</sup>. Лозунгом Демокрита было также равное подчинение законам и справедливости граждан, правителей и судей (Л. 615; 618; 624) демократического полиса.

V. В разное время и в разных полисах античная демократия была то более ограниченной даже внутри гражданского коллектива, то более широкой. Г. Альдерс, например, утверждает, что высказывание Демокрита в пользу демократии, сохранившееся у Стобея (IV.1.42), ничего еще не решает: Демокрит только предпочитает демократию крайней олигархии и тирании, но он не говорит, что демократия – лучшая форма правления. Даже Платон в ”Законах” был противником деспотии, высказывался за ἐλευθερία и δμῶνοια, но от демократии был далек. Рассматривая другие изречения и находя их противоречивыми, Г. Альдерс приходит к выводу, что Демокрит думал о смешанной форме правления<sup>34</sup>. Так ли это?

Политическая концепция Демокрита, как мы видели, допускала избрание любых достойных, не исключая в принципе бедных и незнатных граждан (мужчин), что несовместимо даже с умеренной олигархией и не противоречит самой широкой (для граждан) демократии. Демокрит, сам будучи архонтом, заботился о неуклонном соблюдении законов именно демократического полиса, требуя от должностных лиц, чтобы они не поддавались лести (Л. 611) или подкупу (Л. 639). Более того, Демокрит выступает с практическим предложением: ”... надо устроить как-нибудь так, чтобы правитель, если он не совершал никакой несправедливости и даже строго наказывал тех, кто ее совершал, не попадал бы впоследствии под их власть” (Л. 613). Он предлагает издать закон в защиту такого правителя. Это предложение, возможно, было высказано уже в то время, когда широко распространилась деятельность сикофантов. Их иногда считают демократами, но это были большей частью беспринципные доносчики, которые в корыстных целях обвиняли олигархов и демократов<sup>35</sup>. Демокрит, видимо, сам чуть не пострадал от них в молодости<sup>36</sup>, а будучи архонтом, возможно, опасался мести. Видимо, поэтому он и советовал: ”Берегись наветов, даже если они ложны: ведь большинство людей (οἱ πολλοί) не ведают истины, а считается лишь с общепринятым мнением” (Л. 650a). Во второй части этой фразы можно было бы усмотреть недоверие к народу, однако Демокрит считал, что постижение истины является трудным даже для мудреца: истина – в глубоком колодеце (Л. 51). Даже чувственные качества вещей оказываются результатом мнения, в действительности же – атомы и пустота (Л. 51; 83). Но

<sup>32</sup> Исавва В. И. Проблема *πάτριος πολιτεία* у Исократ // ВДИ. 1976. № 3. С. 44. Однако в этой же статье даны примеры высказываний против *πλεονεξία*, в пользу справедливого распределения благ (с. 45).

<sup>33</sup> Ср. Л. 739 с предпочтительным умеренном состоянии. Фрагменты 749 и 739 опровергают мнение Г. Альдерса, что Демокрит предлагал ”правление зажиточных” (op. cit. P. 310).

<sup>34</sup> *Aalders*. Op. cit. P. 309 f., 312.

<sup>35</sup> Так, например, сикофанты на службе Тридцати тиранов подвергли фальшивым обвинениям Лисия; его брат, тоже метек, по их доносу был лишен имущества и казнен. См. подробнее: *Soziale Typenbegriffe im alten Griechenland und ihr Fortleben in den Sprachen der Welt*. Bd. 4. В., 1981. S. 11–23. S.v. Sykophanten.

<sup>36</sup> Согласно Диогену Лаэртцию (IX.39), Демокрита обвиняли в нарушении закона ”завистники и сикофанты” (Л. XXVIII); согласно другой версии – невежественные богачи (FVS 68 В 299). Ср. изречение Демокрита против клеветы: ”Меч рубит, а клевета разделяет друзей” (Л. 666 b).

большинство людей не мудрецы-ученые, они обычно руководствуются "мнением" и могут поверить даже клевете.

Законодательное предложение Демокрита в пользу выборных архонтов, ограждавшее их от возможных преследований после годичного срока их должности, было тем более оправдано, что человек, выступающий с обвинением, мог получить право *'άδεια*<sup>37</sup>. В Теосе, чьей колонией были Абдеры, выборные правители назывались *τιμοῦχοι*. Достаточно сравнить мнение Демокрита о почестях (*τιμαί*) по заслугам (Л. 619) и предостережение (Л. 595) от присвоения большей, чем положено, власти, т.е. от возможности служебного злоупотребления, чтобы прийти к выводу: проект Демокрита не только не был олигархическим, но не противоречил даже широкой демократии. Данные о Демокрите, который был архонтом и одновременно "патриотом" Абдер, достаточно убедительно свидетельствуют о том, насколько последовательным демократом он был.

Абдеры были периферийным полисом на фракийском побережье Эгейского моря, близ устья реки Нест, основанным около 650 г. до н.э. ионийцами. Отнюдь не случайно в V в. до н.э. в Абдерах сложилась философская школа. Когда под тяжестью персидского владычества был приостановлен рост ионийских городов, а вместе с тем и ионийской философии, философские центры переместились на запад и северо-восток. Абдеры находились на скрещении путей, ведущих с запада в Персию, а с юга к Черноморским проливам и к Крыму. В Абдерах родились и выросли Демокрит, Протагор, учил Левкипп, гостил Гиппократ; отсюда вышли Анаксарх, Бийон и Гекатей Абдерский; влияние Демокрита и Протагора испытали хиосцы Несса и Метродор, мелиец Диагор, Диоген из Смирны, Аполлодор из Кизика, Навсифан из Теоса, Диотим из Тира. Школа Аристотеля, уроженца близлежащей Стагиры, располагала наиболее ценными и достоверными свидетельствами философии Демокрита<sup>38</sup>.

Безусловно, существовала определенная связь между расцветом философской мысли в полисе и социально-политическим строем Абдер. Легендарные свидетельства об обвинении Демокрита за растрату родового имущества косвенно характеризуют полис находящимся на той стадии развития, когда он активно вторгался в сферу семейно-родовых отношений и связанные с ними формы собственности<sup>39</sup>. По мнению Ф. Пападопуло, влиятельный отец Демокрита возглавлял демократическую группировку<sup>40</sup>. Некоторые данные о характере абдерской демократии можно извлечь из сопоставления эпиграфического материала, полученного из раскопок в Теосе, где существовал демократический строй типа афинского, но с некоторыми архаическими чертами. В надписи, происходящей из Теоса и датируемой 470 г. до н.э. (так называемой *Teiorum dirae* — "Теосские проклятия")<sup>41</sup>, содержатся следующие клятвы и сакральные запреты: 1) запрещается колдовство против общины в целом и отдельных ее членов; 2) нанесение вреда зерноснабжению; 3) непослушание по отношению к должностным лицам; 4) предательские действия должностных лиц; 5) нарушение мира, включая грабеж на дорогах и на море; 6) пособничество действиям чужеземцев против общины Теоса. За все подобные действия подвергался проклятию не только нарушитель

<sup>37</sup> Фролов Э.Д. Социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н.э. (Материалы и документы). Л., 1964. С. 123.

<sup>38</sup> См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 126 — об Аристотеле как о наиболее достоверном источнике по философии Демокрита.

<sup>39</sup> Кошеленко Г.А. Полис и город // ВДИ. 1980. № 1. С. 7. Можно предположить, что, получив награду за труды, Демокрит вновь приобрел участок земли, где построил, если верить свидетельству Псевдогиппократовых писем, дом. Не владея землей, Демокрит не мог быть избранным архонтом.

<sup>40</sup> Пападопулоу. Ук. соч. С. 10. Т. Юрс (*Jürss T. Von Thales zu Demokrit*. В., 1982. S. 122) указывает на принадлежность Демокрита к слою купцов и ремесленников.

<sup>41</sup> СIG № 3044; Syll<sup>3</sup>. № 37, 38; Tod<sup>2</sup> № 23; Meiggs—Lewis. № 30.

клятвы-закона, но и его род. В свое время С.Я. Лурье высказал мнение, что, поскольку Абдеры – колония Теоса, основные положения их законодательства должны были быть во многом схожими<sup>42</sup>. В опубликованном П. Германом найденном варианте теосской надписи говорится: "Я не буду преследовать (судом), конфисковать (его) имущество или не велю убить, если это не будет в согласии со всеми или большинством на Теосе, если приговор не будет вынесен на основе закона государства, и в Абдере, если не будет согласован со всеми вместе или с большинством". Упоминаемый в обеих надписях "айсимнет" выступает в найденном варианте в качестве синонима "тирана"<sup>43</sup>. Таким образом, за попытку насадить "айсимнета" всякий, как это видно из текста надписи, подвергается проклятию. Следовательно, речь идет об опасности антидемократического переворота, совершаемого насильственно, вопреки законам демократического полиса и воле народного собрания. Абдерская демократия ограждала себя от тирании так же, как афинская демократия после Писистратидов (Arist. Ath. pol. 16.10) или позднее закон Евкрата 387/6 г. до н.э., а также политикой ostracism в отношении тех, кто стремился к захвату власти и тирании<sup>44</sup>. По-видимому, законы Абдер, которые защищал Демокрит, служили выражением отнюдь не "умеренной", а достаточно широкой для античного полиса демократии, когда для принятия постановления требовалось решение всего гражданского коллектива.

Демокрит иногда приводит выдержки из законодательства (см., например, Л. 621–623), в полном согласии с содержанием теосской надписи и мнением абдерита Протагора (Plat. Prot. 322 d) о людях, не причастных к "стыду и правде", настаивает на суровых мерах по отношению к врагам справедливости, в частности к грабителям и пиратам.

Абдерская демократия преграждала дорогу тиранам, что нашло отражение в изречении Демокрита о демократии и свободе, направленном против "династов". Хотя Демокрит и не верит в действенность религиозных клятв, наподобие приведенных в теосской надписи (Л. 791), он тем не менее призывает к повиновению законам полиса (Л. 599 и др.), заботится об авторитете магистратов, опасается тиранов, незаконно захвативших власть или ею злоупотребляющих (Л. 595, 596) – словоупотребление его почти то же, что и в теосской надписи. Демокрит определяет цель государства – "общее благо" (Л. 595, ср. 88 и 647). Несмотря на философские разногласия оба современника-абдерита, Демокрит и Протагор, выступают в защиту античной демократии. Демократический строй Абдер сохранялся, как видно, при активной поддержке его идеологов, что в свою очередь способствовало развитию науки и философии.

В том факте, что Демокрит, вопреки большинству философов, сознательно не добивался признания в демократических Афинах (Л. XXIV, XXV), некоторые исследователи усматривают черты приверженности Демокрита олигархической тенденции. Судя по дошедшим до нас свидетельствам о его жизни, Демокрит гордился своим полисом и добился на родине почета; кроме того, он испытал тяготы жизни на чужбине (Л. 732). Его взгляды были близки духовной атмосфере кружка Перикла; ряд совпадений объединяет его изречения и высказывания в речи Перикла у Фукидида (II, 37–42).

<sup>42</sup> Лурье. Очерки... С. 384; комм. к Л. 595; 623; 625; 734; 737.

<sup>43</sup> *Hermann P.* Teos und Abdera im 5 Jahrhundert v. Chr. Ein neues Fragment der Teiorum Dirae // Chiron. 1981. Bd. 11. S. 16–24.

<sup>44</sup> *Фролов.* Греческие тираны. С. 4, 37. Подобные законы и клятвы приведены у Андокида (I.75.97.98). П. Герман приводит аналогичные декреты – меры защиты против айсимнетов из Милета и Амфилоя (Syll.<sup>3</sup> 58; 194), а также надпись III в. до н.э., согласно которой из Теоса и Абдер был изгнан взбунтовавшийся фрурарх (SEG. XXVI. 1306). Угрозы магистратам, не выполняющим постановлений демоса, содержатся в упоминаемой теосской надписи.



По-видимому, справедливо наблюдение С.Я. Лурье, обнаружившего в изречениях Демокрита выпады против Клеона<sup>45</sup> (Л. 595, см. также Л. 614, где сказано о правителях "безрассудных", "наглых" и "злых"). Вполне возможно, однако, что этот образ правителя сформировался под влиянием Фукидида (III. 36–41). Даже если допустить, что Демокрит был против Клеона, то причиной было отнюдь не "низкое" происхождение последнего. При Клеоне были значительно увеличены повинности афинских союзников и соответственно усилилось их недовольство (Thuc. II. 63.1; III. 37.2). Новая раскладка фороса увеличила и сумму платежей Абдер<sup>46</sup>. Демокрит, который постоянно призывал к "единомыслию" и ратовал против принуждения, не мог одобрять увеличения обложения и расправ Афин с непокорными союзниками наподобие предложения Клеона казнить после восстаний всех митиленян (Thuc. III. 40). Клеон был слишком предубежден против образованных и умных руководителей, и поэтому слова Демокрита о наиболее разумных людях можно рассматривать и в качестве фрагмента его полемических суждений с распространенными в то время взглядами.

У Демокрита могла вызывать непонимание и политическая практика Афин, посылающих своих архонтов, не избиравшихся к тому времени народом, в другие полисы<sup>47</sup>. Допустим, наконец, что Демокрит мог выступать против Пелопоннесской войны: "Междоусобная война — зло для обеих сторон: это бедствие одинаково и для победителей и для побежденных" (Л. 712). Совокупностью всех этих причин, возможно, и определялось сдержанное отношение Демокрита к Афинам и поэтому, согласно Диогену Лаэртскому, он "предпочел не прославить себя славой города, наоборот, прославить собой место своего жительства" (Л. XXV).

Когда в Афинах в 411 г. до н.э. произошел олигархический переворот и олигархические правители Афин начали насаждать подобные им правительства в союзных городах, Фасос примкнул к противникам, а Абдеры отложились от союза. В 404 г. до н.э. фракийское побережье было захвачено Спартой. Только в IV в. до н.э. Абдеры, так же как и Фасос, вернулись во второй Афинский союз. Если судить по сообщаемым датам смерти (другие прямые свидетельства отсутствуют), Демокрит был еще жив.

Как Демокрит решал социальные вопросы? Мечтая о равенстве достатка, он требовал от богатых помощи малоимущим, а бедным советовал довольствоваться имеющимся<sup>48</sup>. В условиях расцвета полиса практика литургий еще способствовала сохранению полисного коллектива, и, видимо, в тесной связи с этим следует рассматривать социальный призыв Демокрита. Однако бесспорные противоречия в сохранившихся высказываниях Демокрита свидетельствуют, по крайней мере, об определенной эволюции его взглядов.

Некоторые изречения Демокрита перекликаются со взглядами киников<sup>49</sup>. Отмечая растущее социальное неравенство, "дурную жизнь" богатых граждан, "ненасытное стремление к деньгам", "нечестные прибыли" (Л. 626–632; 639–643), Демокрит должен был прийти к выводу, что защищаемое им общество не отвечает провозглашаемому им идеалу равенства граждан и "хорошо управ-

<sup>45</sup> Лурье. Очерки... С. 280.

<sup>46</sup> В работе Пуйо приводится немисливо высокая цифра — 75 талантов. Предполагается, что произошла синтетика Абдер с Фасосом и Дикайей и указана общая сумма фороса: если для Фасоса 60 талантов (двойной форос мог быть наложен в качестве наказания за мятежи), то на долю Абдер с Дикайей приходилось 15 талантов. (Pouilloux J. Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos. P., 1954).

<sup>47</sup> Кондратюк М.В. Архэ и афинская демократия // Античная Греция. Т. 1. М.: Наука, 1983. С. 360.

<sup>48</sup> Л. 644–645 а; 651–654; Лурье. Очерки... С. 283.

<sup>49</sup> Stewart Z. Democrit and the Cynics // Harvard Studies in Classical Philology. 1958. V. 63. См. также Kirk, Raven. Op. cit. P. 426.

ляемого” государства. Видимо, к этому времени следует отнести такие его высказывания: ”Старость и бедность — две неизлечимые болезни” (Л. 702); ”Закон — только дурная выдумка” (Л. 57), ”то, что кажется справедливым, таковым не является, несправедливо же то, что противоречит природе” (там же)<sup>50</sup>. Для мудреца Демокрит теперь требует свободы от законов (Л. 725), а также выхода за рамки полиса (Л. 730). В его этике обнаруживаются элементы аскетизма, который ранее он отвергал (Л. 717–718). Человек, полагает теперь Демокрит, нуждается не в среднем достатке, а лишь в самом необходимом (Л. 646; 750а; 732)<sup>51</sup>.

Подвергшимся определенной переоценке ценностей представляется и утверждение Демокрита, что ”эвтимия”, высший духовный идеал человеческой жизни, более доступна беднякам, чем богачам (Л. 651; 653; 657а), и что истинно счастлив не стремящийся к накоплению материальных благ. Изменился, видимо, и характер пресловутого ”смеха” Демокрита<sup>52</sup>. В своем учении об эвтимии Демокрит был философом радости и спокойствия души. Однако отдельные изречения позднего периода творчества позволяют трактовать ”смех Демокрита” в качестве прообраза его социальной сатиры и обличения, что прежде всего усваивается традицией, сохранившей для последующих поколений большую часть этических фрагментов Демокрита.

На один из таких источников — киника Деметрия — ссылается Сенека в ”De beneficiis” (7 1.3). Демокрит у Лукиана — это высмеивающий суеверия философ (Luc. Sacrif. 15; Vit. Auct. 13; Alex. 17; Philops. 32), что также восходит к кинической традиции. Социальный ”смех Демокрита” запечатлен в кинической диатрибе или греческом романе, составленном в начале I в. н.э. и содержавшем переписку Гиппократа с Демокритом. В этом романе говорится о том, как прибывший по зову абдеритов косский врач для излечения якобы безумного Демокрита удостоверяет, что философ мудрее всех окружающих<sup>53</sup>. В последующей переписке Демокрита с Гиппократом философ осуждает и высмеивает людские пороки, бывшие также традиционным предметом нападок киников: стяжательство, жадность, глупость, нечестность, дурные страсти и т.п. Сличая ”Письма” и фрагменты Демокрита, С.Я. Лурье обнаружил добрый десяток дословных совпадений текстов и целый ряд характерных для Демокрита выражений: видимо, автор ”Писем” хорошо знал его произведения. При этом С.Я. Лурье пришел к выводу, что легенда о ”смеющемся” Демокрите имела и другую (противопоставление ”плачущему” Гераклиту), независимую от ”Писем” версию (Л. комм. к LXI–LXIII, с. 400–401).

Было бы глубоко неверным приписывать Демокриту современное понимание характера античного полиса и положения рабских слоев в нем. Сохранилось изречение Демокрита: ”Слугами (*οἰκέταισιν*, в переводе С.Я. Лурье: ”рабами”) пользуйтесь как частями тела: каждым по своему назначению” (Stob. IV. 19, 45 — Л. 710). В других аналогичных случаях Демокрит употребляет выражения *δοῦλοι*, *σώματα* (Л. 596; 706; 781; 819). Ойкетов того вре-

<sup>50</sup> Последний тезис получил развитие у софиста Антифонта, последователя Демокрита и Протагора, в трактате ”Об истине” (425 г. до н.э.).

<sup>51</sup> Ср. высказывание Антония Мелиссы 1,31: ”Богатство, соответствующее природе, состоит из хлеба, воды и одежды для тела” (Л. 750 а).

<sup>52</sup> Знаменитый ”Демокритов смех” не есть выдумка эпигонов (Л. комм. к LXI, с. 401).

<sup>53</sup> *Littre E. Oeuvres complètes d'Hippocrate. V. IX. P., 1839–1861; Маковельский.* Этические и политические взгляды... С. 347–361; Античная эпистолография. Очерки. М., 1957. С. 205–207; комм. к Л. LXIII и Л. LXI. ”Письма” стали источником ряда свидетельств о Демокрите, например Суды (Л. LXVII; LXXIX) и Ипполита (Л. LXVIII), они вошли во все издания фрагментов Демокрита, в издание Лурье — под № XIII а; LXIII; 6; 472 а; 489; 828 и в комм. Факт взаимоотношений Демокрита с Гиппократом находит подтверждение в ряде совпадений отдельных мест их сочинений; кроме того, Гиппократ действительно побывал в Абдерах, а Демокрит был автором двух медицинских трактатов (Л. CXV).

мени — несвободных земледельцев, домашних слуг и т.п. — можно объединить словом "домочадцы"<sup>54</sup>. Изречение Демокрита пронизывает убеждение в необходимости специализации труда<sup>55</sup> и одновременно в том, что рабы и их хозяева составляют нечто единое. В двух фрагментах Демокрит представлен учтиво беседующим со служанками, одна из которых даже высмеяла его (Л. XXXVI; XXXVII). Все это позволяет предположить, что идеалом Демокрита, возможно, был "благородный раб" вроде гомеровского Евмея. "Этот благородный раб (*δουλος*) Евмей вызвал у древних такое уважение, что они предприняли изыскания об его матери. Демокрит назвал ее Пенией..." (Л. 819). Мы не найдем у Демокрита утверждения, что рабами становятся "по природе", так же как и противопоставления "эллины — варвары". В данном случае его мысль сводится к тому, что крайняя бедность (*πενία*) породила раба. Сохранился рассказ о том, что Демокрит выкупил из рабства Диагора Мелосского, который стал его учеником (Л. LXXVI). Весьма вероятно, что эта легенда, подобно легенде о Протагоре (Л. LXIX; LXX), безотносительно ее исторического правдоподобия, связана с традицией о демократических взглядах Демокрита, оценивающего людей по способностям и независимо от их социального положения.

Софисты Антифонт и Алкидамант утверждали, что природа никого не делает рабом<sup>56</sup>. Многие киники считали рабство противоестественным и осуждали его<sup>57</sup>. Как и они, Демокрит, вопреки привычным представлениям, полагал: "Не в рабах и не в деньгах счастье, а в рассудительности и правильном мышлении" (Л. 781; ср. также Л. 750 а). Следующая фраза из Псевдогиппократовых писем продолжает эту тему. Демокрит пишет: "И ему (неразумному человеку) не стыдно называть себя счастливым, тогда как он копает глубины земли руками закованных в цепи людей, из коих одни погибают под обвалами слишком рыхлой земли, а другие, подчиненные в течение многих лет этой необходимости, пребывают в этом месте наказания, как в своей родине" (пер. А.О. Маковельского). Эта фраза не вошла в издание 1970 г., где "Письма" включены не в полном объеме. Возможно, она показалась С.Я. Лурье невероятной для Демокрита, но ее нельзя выбросить из контекста. Здесь мы вновь сталкиваемся с такими характерными для Демокрита понятиями, как необходимость, стыд перед самим собой, и даже образ рабов напоминает метафору отрывка об ойкетах: хозяева копают землю их руками.

Независимо от свидетельств рассказов или романа суровое осуждение Демокритом богатства и накопительства обращалось и против крупных рабовладельцев<sup>58</sup>. Признание труда благом (например Л. 771) объективно возвышало людей труда, включая рабов. Критика существующего общества, с которой в определенный период своей жизни выступал Демокрит, была критикой с демократических позиций.

Б.Б. Виц-Маргулес

<sup>54</sup> См. *Доватур А.И.* Рабство в Аттике VI—V вв. до н.э. Л. 1980. С. 28; *Klees H.* Herren und Sklaven. Wiesbaden, 1975. S. 30 f.; *Soziale Typenbegriffe...* Bd. 3. S. 298—390.

<sup>55</sup> Ср. *Хен.* Сурор. I. VIII. 2; *Plat.* Resp. II. 369 С и др.

<sup>56</sup> Антифонт: "От природы мы все и во всем устроены одинаково — и варвары и эллины..." (Охуґh. Пар. XI № 1364; fr. В/FVS<sup>11</sup> 87. 44. Col. 2); *Лурье.* Очерки... С. 292. О подобных взглядах см. полемику Аристотеля (Pol. 1255 b 20).

<sup>57</sup> *Нахов.* Ук. соч. С. 35, 37, 39, 116; *Müller R.* Sozialutopisches Denken in der griechischen Antike. В., 1980. S. 17.

<sup>58</sup> *Ирибаджиков.* Ук. соч. С. 156.

*B.B. Vic-Margules*

L'étude des vues socio-politiques de Démocrite présente un énorme intérêt, car, à la différence de celles de Platon et d'Aristote, elles expriment l'idéologie de la démocratie antique. Les prémisses philosophiques des opinions de Démocrite sur la société et sa théorie atomique supposaient l'égalité des hommes en tant qu'atomes de la société. Sa vie et nombre de ses maximes attestent qu'il a pris une part active dans les affaires et la politique de sa *polis* natale, Abdère, ou il fut même un certain temps archonte. Démocrite était partisan de la liberté et de la démocratie et opposé à la monarchie, à la tyrannie et à l'oligarchie, il préconisait aussi un revenu moyen égal pour tout le monde.<sup>1</sup> Les représentants de la *polis* démocratique devaient être élus d'entre les citoyens les plus raisonnables et les plus justes, indépendamment de leur origine aristocratique ou populaire. Il proposait qu'on les protège, après l'expiration du délai d'exercice de leur charge, contre la vengeance des personnes qu'ils auraient châtiées. Des données archéologiques — la stèle des *Teiorum dirae* découverte par P. Herrmann en 1976 — a confirmé qu'un régime démocratique était en vigueur à Abdère et que les décisions étaient prises avec la participation de tous les citoyens. Des maximes de Démocrite font écho à cette inscription. A l'époque de la crise de la *polis*, les opinions de Démocrite ont dû évoluer et se rapprocher de l'idéologie des pauvres. Les lois existantes ne lui semblent plus équitables, la pauvreté s'avère incurable. Démocrite voit l'issue dans une restriction des besoins. Ses opinions de l'époque exercent de l'influence et ressemblent à bien des égards à l'idéologie des premiers cyniques. Ceux-ci conservent les écrits moraux de Démocrite. La diatribe du début du I<sup>er</sup> s. de n.è. ayant la forme d'une correspondance entre Hippocrate et lui, reproduit sa critique des contradictions sociales. Elle permet aussi de supposer une évolution des opinions de Démocrite sur la condition des esclaves.

## РОДОСКИЕ АГЕТОРИИ

В надписи, изданной А. Маюри<sup>1</sup>, перечислены 27 сообществ, декретирующих почести некоему лицу, имя и характер заслуг которого неизвестны: верхняя часть камня не сохранилась. По шрифту надпись датирована издателем III в. до н.э. Среди союзов, награждающих неизвестного различными венками, три, безусловно, гентильные: это две диагонии (сткк. 29 и 39) и одна патра (стк. 21)<sup>2</sup>. Остальные союзы, по нашему мнению, — частного характера. В надписи перечислены: объединение *στραταγῶν τῶν [σ]υναρξάντων* (стк. 7), две ассоциации *ἀγεμόνων* [— *συναρξάντων*] (стк. 9) и *Ἀγητορείων* (стк. 33)<sup>3</sup>, две — *στρατιωτῶν ἀκολο[υθησάντων]* (стк. 11) и *Ἀγη[τ]ορείων* (стк. 13) и один союз *Ἀστυμηδείων συστρατευσάντων* (стк. 37)<sup>4</sup>. В декрете фигурируют такие культовые ассоциации, в название которых входит имя божества и окончание на *-οται(-ται)* (сткк. 2, 15, 20, 25, 26), три группы технитов — служителей Диониса и Муз (сткк. 5, 30—32, 35—36) и, наконец, клубы, называвшиеся по имени основателя или председа-

<sup>1</sup> *Maiuri A.* Nuove iscrizioni greche delle sporadi Meridionali // *Annuario della R. Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente.* 1916. II. P. 139. N 10.

<sup>2</sup> Не дополненное А. Маюри *Παγκλιανῶν* — *ωται*, как показала К.М. Колобова (Из истории раннегреческого общества. Л., 1951. С. 99), следует восстанавливать *Παγκλιανῶν πατριωτῶν*.

<sup>3</sup> Лица, входившие в ассоциации *στραταγῶν* или *ἀγεμόνων συναρξάντων*, могли некогда составлять коллегию в государственно-правовом смысле, но к моменту издания надписи, завершив исполнение должности (аорист причастия), образовывали частное товарищество.

<sup>4</sup> На Родосе известно много ассоциаций ветеранов: IG XII.1. 41 = SGDI 3777; IG XII.1.107 = SGDI 3819; IG XII.1.43 = SGDI 3779; IG XII.1.75b = SGDI 3810. Cf.: СЕННУ. V. II. P. 687.

теля (с окончанием на  $-εωι$ )<sup>5</sup>, которые, видимо, были образованы в целях взаимного развлечения и общения<sup>6</sup>.

Среди этих многочисленных сообществ четырежды фигурируют объединения Агеториев: стк. 13:  $στρατ[ωτ]ῶν Ἀγῆτορείων$ , стк. 19:  $Μου[σαῖοτ]ῶν Ἀγῆτορείων$ , стк. 33:  $ἀγεμόνων Ἀγῆτορείων$ , сткк. 35–36:  $Ἀγῆτορείων Πολυστρατείων τῶν [π]ερ[ὶ] Διόνυσου καὶ τὰς Μούσας τεχνιτῶν$ .

А. Маюри высказал предположение о родовом характере ассоциаций Агеториев<sup>7</sup>, Ф. Поланд сомневался в этом, но не аргументировал своей точки зрения<sup>8</sup>. Подробно развила гипотезу А. Маюри К.М. Колобова, считавшая Агеториев патрой диагонии Агеторидов<sup>9</sup>. В линдийских документах эта диагонация появляется дважды (IG XII. 1. 922 = SGDI 4236; Clara Rhodos. 1932. II. P. 175. N 4), но никаких указаний на существование патры Агеториев нет<sup>10</sup>.

Рассмотрим, как соотносится то, что нам известно об Агеториях, с представлениями о родосских патрах. Гентильный характер патр общепризнан. Стефан Византийский толкует фратрию как культовое объединение связанных друг с другом патр, т.е. групп семей, ведущих генеалогию от одного предка (Steph. Bys. S.v. *φρατρία*). Дошедшие надписи родосских патр довольно многочисленны и подтверждают вывод Г. Бузольта о том, что патра – дорийский синоним  $γένος$ <sup>11</sup>. При этом следует иметь в виду, что как генос, так и патра в классическую, а тем более в эллинистическую эпоху претерпели значительную трансформацию по сравнению с предшествующим периодом и название "родовые" для них почти условно. Члены такой организации объединялись на деле не фикцией общего предка, а реальной общностью святынь и культа<sup>12</sup>. Вопрос о том, индивидуально или в качестве корпорации входили члены гентильной организации в гражданскую общину, до сих пор окончательно не решен<sup>13</sup>.

Известно, что  $γείη$  и  $πάτρα$  могли иметь подразделения. В одной из родосских надписей упомянут  $Εὐδαλιδῶν πατριωτῶν τῶν ἐν Οἴαις κοινόν$  (NS 18). Локальные группы имел род Саламиниев в Аттике<sup>14</sup>. Однако традиция не содержит никаких сведений о том, чтобы генос или патра делились на такие группы, как те, которые в нашей надписи названы Агеториями.

Настораживают прежде всего техниты. Актеры начали образовывать корпорации, называвшиеся обществами технитов, лишь с III в. до н.э.<sup>15</sup> Аристотель в "Риторике" (III. 2. 1405a23) вынужден объяснять читателю, кто такие техниты:  $... καὶ ὁ μὲν Διονυσοκόλακας, αὐτοὶ δὲ αὐτοῦς τεχνίτας καλοῦσιν ταῦτα ἄμφοι μεταφορᾷ, ἢ μὲν ῥυπαρῶντων, ἢ δὲ τοῦνωντων$  – "и он их называет *Διονυσοκόλακας* они же сами себя – технитами. И то и другое – метафора, но одно (наименование) – ругатель-

<sup>5</sup> Об этом окончании см. прим. 27.

<sup>6</sup> Об этом типе частных ассоциаций на Родосе см. *Ziebarth E. Das griechische Vereinswesen*. Lpz, 1896. S. 198 f.

<sup>7</sup> *Maïuri*. Op. cit. P. 141 sg.

<sup>8</sup> *Poland F. Μουσαῖοτῶν* // RE. 1933. Hlbd 31. Sp. 770; *idem. Technitai* // RE. 1934. Hlbd 10. Sp. 2514.

<sup>9</sup> *Колобова*. Ук. соч. С. 98 сл.

<sup>10</sup> В IG XII.1.832 = SGDI 4188 патра, название которой не указано, чествует [Публия Э]лия Агетора. К.М. Колобова (ук. соч. С. 98 сл.) полагала, что это отход от практики обозначения патры. Gen. plur. собственного имени объясняется тем, что подразумевалась патра Агеториев. Мы не можем признать этот косвенный довод основательным.

<sup>11</sup> *Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde*. Bd I. München, 1920. S. 133. Подробно о патрах см.: *Колобова*. Ук. соч. С. 90–95; *Andrewes A. The Patrai of Kamiros* // BSA. 1957. 52. P. 30–37.

<sup>12</sup> Ср. *Bourriot F. Recherches sur la nature du génos*. V. 2. Lille; Paris, 1976. P. 1043–1344.

<sup>13</sup> Ср. противоположные точки зрения: *Littmann R.J. Kinship in Athens* // AS. 1979. 10. P. 9; *Guarducci M. Orgeoni e tiasoti* // Rivista di filologia. 1935. 13. P. 339.

<sup>14</sup> *Ferguson W.S. The Salaminioi of Heptaphylai and Sounion* // Hesperia. 1938. VII. Ht 1. P. 45 f.

<sup>15</sup> *Bieber M. The History of Greek and Roman Theatre*. L., 1961. P. 84; *Poland. Technitai*. Sp. 2477.

ное, другое же — напротив” (пер. авт.). Видимо, в его время они уже существовали, но не успели распространиться и приобрести такую повсеместную известность, как в последующие столетия. Сообщества технитов представляли собой союзы одновременно профессиональные и культовые<sup>16</sup>. Эти союзы были обычно довольно крупными, но все три группы технитов нашей надписи Ф. Поланд приводит в качестве редкого примера существования мелких локальных подразделений большой корпорации<sup>17</sup>. Представляется, однако, совершенно невозможным, чтобы недавно возникшая профессионально-религиозная ассоциация технитов, пусть даже индивидуально и входивших в какую-либо патру, выделилась внутри нее в особое подразделение<sup>18</sup>.

В рассматриваемой нами надписи упомянуты *Μουσαιοτάι Ἀγητόρειοι*. Частные союзы почитателей Муз известны во всем греческом мире<sup>19</sup>, но название *Μουσαιοτάι* характерно именно для Родоса<sup>20</sup>. Известна еще одна надгробная надпись, которую оставил *τὸ κοινὸν τὸ Μουσαιοτῶν* (IG XII. 1. 680 = SGDI 4112). В то же время нам не известно ни одного случая культа Муз в гентильном сообществе.

Агемоны Агетории и воины Агетории, по мнению К.М. Колобовой, на котором она, впрочем, не настаивала с полной уверенностью, могли представлять собой ”объединения типа мужских союзов старших и младших членов рода”<sup>21</sup>. Но, с одной стороны, нет никаких свидетельств о существовании таких подразделений в гентильных сообществах Греции исторической эпохи<sup>22</sup>. С другой стороны, коль скоро среди перечисленных в надписи сообществ уже есть, помимо воинов Агеториев и агемонов Агеториев, как еще один союз агемонов, так и другая ассоциация воинов, нет серьезных оснований сомневаться в том, что и Агетории воины, и Агетории агемоны — тоже объединения лиц, участвовавших в одной военной компании или отправлявших одну воинскую должность.

Все эти соображения подводят нас к тому, чтобы считать ассоциации Агеториев частными. Собственное имя Агетор зафиксировано на Родосе: [Публий Э]лий Агетор фигурирует в надписи II в. до н.э. (IG XII. 1.832 = SGDI 4188). Гетиторы (nom. sing. *Ἡγήτωρ*) жили в Колофоне в IV в. до н.э.<sup>23</sup> Павсаний упоминает аркадского атлета Агетора (Paus. V. 21.3)<sup>24</sup>. Значит, Агетории могли носить это название по имени своего основателя, председателя или покровителя — практика, чрезвычайно широко распространенная на Родосе в течение всего эллинистического периода<sup>25</sup>, причем названия такого рода образовывались путем добавления окончания *-ειοι* к имени собственному. Это было вполне естественно для греческого слуха: в классический период так обозначали последователей какого-либо лица: например, *Πυθαγόρειοι* (Herod. II. 81) или *Βρασιδεῖοι* (Thuc. V.67.1).

<sup>16</sup> Подробно о технитах см. Poland. Technitai. Sp. 2477–2558.

<sup>17</sup> Ibid. Sp. 2514.

<sup>18</sup> Как полагала К.М. Колобова (ук. соч. С. 288. Прим. 114).

<sup>19</sup> Poland F. Geschichte des griechischen Vereinswesens. Lpz, 1909. S. 206 f.

<sup>20</sup> Poland. Μουσαιοτάι. Sp. 770.

<sup>21</sup> Колобова. Ук. соч. С. 99.

<sup>22</sup> О возрастных классах в древней Греции см.: Jeanmaire H. Courroi et Courètes. Lille, 1939; Luria S. Ein milesischer Männerbund im Lichte ethnologischer Parallelen // Philologus. 1927. 83. S. 2; idem. Kureten, Molpen, Aismyneten // Acta Antiqua Acad. Scient. Hung. XI; Андреев Ю.В. Спартанские всадники // ВДИ. 1969. № 4.

<sup>23</sup> Meritt B.D. The Inscriptions of Colophon // AJPh. 1935. LVI. P. 358. ll. 254. 279. 422. 865–866; Comm. P. 372.

<sup>24</sup> Агетор — эпikleза некоторых богов: Зевса в Лакедемоне (*Xen. de ger. Lac. XIII. 2*; *Nic. Dam. ap. Stob. Floril. 44. 41*), Гермеса в Мегалополе (*Paus. VIII. 31.4*), Аполлона в Аргеосе (*Schol. Theocr. V. 83*; *Hesych. s.v. ἀγήτωρ*). Кроме того, на Кипре агетором назывался жрец Афродиты (*Hesych. s.v. ἀγήτωρ, ἀγητόρειοι*). Однако если бы интересующие нас союзы обозначались производным от эпитета божественного патрона, то по сложившейся на Родосе традиции они назывались бы Агеториястами.

<sup>25</sup> Poland. Geschichte... S. 75.

На Родосе образованное таким образом слово дс бавляли при обозначении культового союза к производному от имени божества<sup>26</sup>, а при обозначении ассоциации типа клуба оно употреблялось независимо. Иногда в одно название входили два слова на *-ειοι* (IG XII.1.163: τὸ κοινὸν Ἀπολλωνιαστῶν Θεα(καὶ)δητείων Ἀστυμηδείων, — по мнению Ф. Гиллера фон Гертингена, здесь к имени основателя Феэдета добавлено имя его сына Астимеда; NS 18: Ἱερομβρότειοι Κλεισιπίειοι Πολυχάρμειοι)<sup>27</sup>.

Если стоять на изложенной точке зрения, то по характеру групп Агеториев можно предположить, кто был этот Агетор. Он много воевал и занимал видный военный пост, будучи, безусловно, коренным гражданином Линда. Этот человек покровительствовал искусствам, недаром группа технитов и товарищество Мусаистов приняли его имя. Поскольку техниты были Ἀγῆτορείοι Πολυστράτειοι, вероятно, главой или основателем союза был Полистрат, а Агетор лишь оказывал им покровительство, являясь, например, эвергетом.

Имя Агетор, использовавшееся как эпikleза божества, обладало особым звучанием. Нельзя исключить возможности того, что это имя было дано некоему лицу при его посмертной героизации (героизировали же Брасида под его собственным именем и Софокла, великого драматурга, который почитался сообществом оргеонов в Аттике под именем Дексион)<sup>28</sup>. Во всяком случае, кем бы ни был Агетор, ассоциации Агеториев, обладая всеми чертами, характерными для частных сообществ, ни в коей мере не соответствуют сложившемуся на сегодняшний день представлению о гентильных объединениях.

Ю.Б. Устинова

## LES AGETORII DE L'ILE DE RHODES

Ju. B. Ustinova

Une inscription du III<sup>e</sup> s. trouvée à Lindos (île de Rhodes) énumère 27 communautés décrétant des honneurs à une personnalité dont le nom et les mérites nous sont inconnus. Parmi ces associations figurent quatre fois des communautés d'Agatorii: les Agatorii soldats, les Agatorii hégémons, les Agatorii Mousaïstes et les Agatorii Polystratei, tekhnites de Dionysos et des Muses. L'article montre qu'en dépit d'une opinion répandue, on ne peut qualifier ces associations de gentiliques. Les unions de tekhnites, qui ne sont apparues qu'au III<sup>e</sup> s., ne peuvent aucunement avoir été membres d'associations gentiliques. Les organisations de soldats ayant participé à une même campagne ou rempli une même charge sont largement représentées à Rhodes; la liste analysée mentionne nombre de telles organisations, et il n'y a aucune raison de voir précisément dans les Agatorii soldats et hégémons des associations de membres aînés et de membres cadets du clan. L'appellation de "Mousaïstes" caractérisait les associations privées.

D'autre part, le nom propre d'Agator est attesté tant à Rhodes qu'hors de l'île. Les Agatorii devaient sans doute leur nom au président de leur union: une telle pratique était très répandue à Rhodes de l'époque hellénistique. Agator était aussi probablement le nom du Lindopolite de marque à qui le décret est consacré.

<sup>26</sup> Ср. список родосских культовых союзов: *Hiller von Gärtingen F. Rhodos // RE. Suppl. V. Sp. 832–834.*

<sup>27</sup> О значении и происхождении окончаний на *-ειοι*, *-δαι* см.: *Andrewes. Op. cit. P. 32 f.* Патронимическое окончание *-δαι* свидетельствует о большей древности соответствующей ассоциации; слова на *-ειοι* в принципе моложе. Поэтому на *-δαι* оканчиваются лишь названия гентильных объединений, а на *-ειοι* — и гентильных, и частных, возникших позже (часть патр в IG XII.1.695 имеет окончания на *-δαι*, часть — на *-ειοι*). Естественно, что Агеториды — это гентильное объединение, диагония, называемая по имени предка, а Агетории — частная ассоциация, носящая имя основателя или покровителя.

<sup>28</sup> *Körte A. Die Ausgrabungen am Westabhang der Akropolis. IV: Das Heiligtum des Amyntos // AM. 1896. XXI; Ferguson W.S. The Attic Orgeones // Harvard Theological Review. 1944. 37. 2. P. 86–91.*

## ПРОБЛЕМЫ ТИТУЛАТУРЫ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

Пожалуй, едва ли какой-либо сюжет истории античного общества столь запутан и полон противоречий, как история принципата и характер императорской власти. Принципат, казалось бы, буквально соткан из малосовместимых и вовсе несовместимых принципов. С одной стороны, мы видим практически неограниченную монархическую власть, которая контролирует всю жизнь общества, с другой — возникает сложная проблема соотношения власти принцепса и сената, новой бюрократической монархии и старых полисных или, скорее, квазиполисных институтов.

Крайне противоречив правовой аспект римского принципата. Если корни императорской власти совершенно определенно связаны с республиканским правом, то теперь, приобретая новое содержание и оказавшись в новых условиях, старые институты приобретают и качественно новый характер, в значительной степени теряя генетическую связь с прошлым. Так, например, не до конца ясным остается юридическое основание власти императора. Исследователи спорят, был ли это какой-либо особый империй, появившийся при Августе; можно ли считать таким основанием сочетание проконсульского империя и трибунской власти или же его следует искать в более общем и сложном основании, именуемом *auctoritas*.

Вторая проблема — соотношение между принцепсом и сенатом. С одной стороны, император стоит над сенатом и определяет реальную политику государства, а сенатские дискуссии часто выливаются в славословия правителю. Стремление императорской власти подавить сенат достаточно очевидно, однако, вроде бы имея возможность это сделать, правитель не решается доводить эту политику до логического конца, и официальная идеология всячески подчеркивает значение сената и его роль сотрудника принцепса. С другой стороны, сенат является хранителем континуитета императорской власти и может не только не согласиться с принцепсом, но и лишить его власти. Подавляя сенат, император вынужден с ним сотрудничать.

Ряд противоречий возникает и при определении принципата как военно-бюрократической монархии, которое можно встретить довольно часто. Между тем, бюрократия формируется постепенно и только к концу I — началу II века всерьез вытесняет сенатскую администрацию, во многом еще основанную на старых республиканских принципах, а понятие "монархия", по крайней мере в том смысле, который оно получило в Средние века и Новое время, довольно трудно применимо к системе, в которой правитель был выборным и считался, хотя бы отчасти, магистратом "республики". Официальная идеология постоянно подчеркивает, что положение не изменилось, *libertas* продолжает существовать, а принципат есть возрождение и новый этап развития "свободной республики".

Разумеется, рассмотреть этот комплекс проблем в пределах статьи невозможно, и ее сюжетом станет более частный вопрос о титулатуре императора, на примере которого можно проследить некоторые закономерности развития идеологии принципата. Тем не менее, прежде, чем переходить к исследованию этого сюжета, необходимо сделать несколько замечаний общего характера.

Историки времени принципата, независимо от их политических взглядов, отчетливо понимали, что конец гражданских войн и приход к власти Августа были началом новой эпохи. Пожалуй, наиболее отчетливо представление о принципате, как о восстановленной республике выражено в *Res gestae* Августа (1.3.35) и сочинении Веллея Патеркула (II, 89), однако и они не ставят знак равенства между эпохой до времени Августа и временем после него. Авторы следующего поколения уже совершенно определенно проводят грань между эпохами. Сенека (*De clem.* I.9) противопоставляет *principatus* и *commune rei publicae* и выдвигает идею, что с установлением принципата заканчивается установленная Юнием Брутом свобода, начинается единовластие, и Римская держава вступает в стадию старости. Это изменение очевидно и для Тацита. Вначале Римом правили цари,



затем Луций Брут установил "свободу и консульство" (*libertatem et consulatum*). Этот строй был прерван режимом децемвиров, а затем после *dominatio* Цинны и Суллы и *potentia* Цезаря, Помпея и Красса государство перешло в руки Августа, взявшего его под свой *imperium* (Tac. *Ann.* I.1).

Еще более определенно проводят разделение более поздние авторы. Светоний начинает свой труд с биографии Юлия Цезаря. Аппиан (В.с.1.6) указывает, что единовластие (*μοναρχεῖα*) было основано Цезарем и Августом. Дион Кассий, наиболее подробный историк принципата Августа, нисколько не сомневается, что власть последнего была монархией (Dio Cass. 53.17.2; 18.2; 52.40.1), и его интерес ко времени этого императора как раз и был вызван переломным характером эпохи. Л. Анней Флор начинает с Августа последнюю эпоху римской истории, время старости (Flor. I.8), а в IV в. эту схему заимствует Аммиан Марцеллин (XIV.6.3–5). С Августа начинается монархия и для Геродиана (I.1.4) и Зосима (I.5.2–4).

Вместе с тем, современники Римской Империи понимали и известную раздвоенность своей эпохи. Тацит в речи Гальбы, обращенной к Пизону, пишет, что последнему предстоит править людьми, "которые не могут терпеть ни полное рабство, ни полную свободу" (*imperaturus es hominibus, qui nec totam servitutem pati possunt nec totam libertatem*. Hist. I.16). Тота в данном случае обозначает всю полноту качества и перевод Г.С.Кнабе как "настоящая" представляется раскрывающим смысл слова. Дион Кассий (56.43.4) считает, что Август соединил монархию с демократией, гарантировав общество и от демократического "безрассудства" и от тиранического произвола. В *Res gestae* постоянно говорится о восстановлении *res publica* и передаче власти в руки сената и народа, лозунг *libertas* продолжает оставаться одним из главных при принципате, а пропаганда времени Империи всячески подчеркивает различие между римским принцепсом, правящим по закону, и варварскими правителями, которые властвуют по произволу.

Сами императоры понимали свои права и обязанности по-разному, и весьма характерным примером являются два высказывания двух разных по стилю правления императоров. Нерон похвалялся, что ни один император до него не понимал, что дает принципат (Suet. Nero. 37), а Антонин Пий, став принцепсом, сказал жене, что теперь потерял и то, что имел (SHA. Pius. 7). Если один принцепс считал себя стоящим выше богов, то другого хвалили за то, что он вел себя как рядовой сенатор. В рамках самого принципата существовал, таким образом, широкий диапазон интерпретации прав и полномочий принцепсу.

Не удивительно, что такая сложная и противоречивая политическая система не могла не вызывать различные оценки в историографии. Можно выделить четыре основных взгляда на принципат, развитие которых происходило в хронологическом порядке.

Первый из них существовал со времен поздней античности до появления "*Römisches Staatsrecht*" Т. Моммзена. Типичным для этого этапа был взгляд на принципат как на монархию, типологически мало отличающуюся как от эллинистических монархий, так и от монархий Западной Европы. Таким видели принципат историки Возрождения и Просвещения, эта же точка зрения встречается у историков XVIII и начала XIX в. (Ж. Боссюэ, Ш. Монтескье, Ф. Шампаньи, Ж.Ж. Ампер). У некоторых исследователей, например у Л.де Тиллемона и Эд. Гиббона, уже появляется взгляд на принципат, как на переходную форму от республики к монархии, однако и для них история Рима четко делится на Республику и Империю, а принципат однозначно квалифицируется как монархия<sup>1</sup>. Это принципиальное определение было главным итогом первого этапа исследования.

<sup>1</sup> *Ampere J.J. L'Empire Romain a Rome*. Т. 1. P., 1867; *Tillemont L. de. Histoire des empereurs*. V. IV. P., 1872. P. 1 ff.; *Gibbon Ed. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. 2 ed. V.1. L., 1897. P. 379.

Новый взгляд на принципат и второй этап его изучения был связан с фундаментальным трудом Т. Моммзена "Römisches Staatsrecht". Исследуя правовой аспект магистратской и императорской власти, Моммзен обратил внимание на сущность магистратского империя и наличие континуитета между империем царей, республиканских магистров и императоров и рассматривал эту правовую структуру как нечто неизменное на протяжении истории Рима. По мнению немецкого исследователя, власть принцепса представляла собой не монархию, а чрезвычайную магистратуру, состоящую из двух основных элементов: проконсульского империя и трибунской власти, которые дополняются рядом полномочий частного характера. Опираясь на эти выводы, Т. Моммзен пришел к выводу, что созданная Августом и поддерживаемая его преемниками политическая система представляет собой двоевластие (диархию) императора и сената<sup>2</sup>.

Заслугой Т. Моммзена является то, что он впервые детально рассмотрел правовую основу принципата и поставил проблему принципата как системы. Именно он впервые определил принципат как сложную систему политического дуализма и отметил роль республиканской традиции в его формировании. Теория Т. Моммзена вскоре стала господствующей, и большинство исследователей в конце XIX — начале XX в. стали ее сторонниками.

Некоторые, как П. Виллемс, приняли ее практически целиком<sup>3</sup>, другие, как Эд. Мейер или Г. Ферреро, шли даже дальше и видели в принципате восстановленную республику<sup>4</sup>. Наконец, третьи принимали ее с существенными оговорками. Так, Э. Миспуле, соглашаясь с мнением Т. Моммзена, что власть Августа и его преемников была составлена из полномочий республиканских магистратов, отказывался видеть в Империи систему диархии и объявлял принципат абсолютной монархией<sup>5</sup>.

Третий этап исследования принципата был начат работой В. Гардтгаузена, который вернулся к тезису о монархическом характере принципата. Исследуя главным образом политическую историю империи, он считал восстановление республики конституционной фикцией и отрицал наличие диархии. Хотя в правовом плане власть римских императоров была совмещением республиканских магистратур, это последнее придавало ей принципиально иное, новое качество<sup>6</sup>.

Довольно скоро теория монархии нашла большое количество сторонников. Они выступили против преувеличения роли правового фактора, поставив в центр исследования реальную социально-политическую сущность режима принципата и сделав предметом рассмотрения некоторые новые аспекты, как, например, культ императора<sup>7</sup>. Такого рода пересмотр был необходим, однако историческая реальность оказывалась значительно сложнее этой правильной в своей основе схемы. Целый ряд явлений правового, идеологического, политического и религиозного характера оказывались необъяснимыми с этих позиций, а отбрасывать их, считая фикцией, ширмой и порождением лицемерной политики Августа и его преемников, становилось все труднее. Это вызвало появление новых теорий, постепенно вытеснивших теорию монархии.

Уже в 20–30-е годы XX в. появляются работы, в какой-то степени возрождающие теорию Т. Моммзена о наличии политического дуализма<sup>8</sup>. Новая концепция принципата впервые с достаточной полнотой была выражена А. фон Премерштейн-

<sup>2</sup> Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd 2. Lpz, 1887.

<sup>3</sup> Willems P. *Le droit public Romain*. P., 1883; Karlowa E. *Römische Rechtsgeschichte*. Lpz, 1885. S. 494; Schiller H. *Geschichte der römischen Kaiserzeit*. Bd 4. B., 1887. S. 483–744.

<sup>4</sup> Meyer Ed. *Kaiser Augustus* // Meyer Ed. *Kleine Schriften*. Halle. 1910. S. 441–492.

<sup>5</sup> Mispulet Cl. *Les institutions politiques des Romains*. V. 2. P., 1883.

<sup>6</sup> Gardthausen V. *Augustus und seine Zeit*. Bd 2. T. 1. B., 1891–1904.

<sup>7</sup> Gage J. *De Caesar à Auguste. Ou est le probleme des origines du principat?* // RH. 1936. P. 279–342.

<sup>8</sup> Dessau H. *Geschichte der Römischen Kaiserzeit*. B., 1924. S. 61.

ном. Премерштейн считал, что власть императора имела в основе систему клиентелы, на базе которой создавались "личные партии" политических деятелей эпохи гражданских войн. С победой Августа такая "личная партия" пришла к власти и стала во главе общины, а принцепс стал патроном всего государства, превратившегося в его клиентелу. Премерштейн считает, что принципат – это господство императора, но правовая форма этого строя выходит за пределы смысла, понятного современному историку. Принцепс является главой государства, но четко фиксированного правового положения он не имеет<sup>9</sup>.

Идея принцепса как правителя без четко фиксированных полномочий при доминировании неправовых факторов в его положении становится весьма популярной. Так, М. Грант и А. Маделен видят главный источник власти императора не в каких-либо правовых основах, а в особом личном авторитете, который, по их мнению, выражен в понятии *auctoritas*<sup>10</sup>.

Новая концепция принципата получила свое окончательное оформление в ряде работ 40–60-х годов и преобладает в западной историографии и по сей день. В. Кункель выдвинул тезис о том, что единой монархической конституции, по сути дела, не было, и ее элементы были по возможности определены в рамках республиканского права, а потому не могли выразить в правовом плане идею новой монархии<sup>11</sup>. Другой исследователь, Эрнст Мейер, полагает, что государственную систему принципата можно описать, но нельзя четко дефинировать<sup>12</sup>.

Наиболее полно эти взгляды на сущность принципата выражены в работах Л. Викерта. Примечательно, что именно им написаны статьи в RE и в международном издании "Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt", причем вторая представляет собой развернутый комментарий к первой. Подробно проанализировав практически все аспекты принципата как системы, он приходит к следующему выводу: "Определить характер монархического принципата в государственно-правовом плане нам мешают методы, которые сознательно и бессознательно используют принцепсы и их помощники, чтобы привести в соответствие видимость и действительность. Можно описать эту государственную форму, но ее нельзя четко дефинировать... Сочетание правовых и политических элементов, которые соединились, но не слились в принципате, не определяется ни одной из известных нам государственно-правовых категорий"<sup>13</sup>.

Такая постановка вопроса вызывает определенные возражения. Ставя в центр исследования правовые, социологические и идеологические аспекты, ее сторонники обращают меньше внимания на экономические и политические факторы, что представляет императорскую власть в известной изоляции от внутренней и внешней политики Империи. Заметен и методологический тупик, который выразился в отказе от дефиниции системы принципата.

В русской историографии с самого начала утвердился тезис о принципате как монархии. После выхода в свет "Römisches Staatsrecht" Т. Моммзена отечественная историография вступила в полемику с немецким исследователем, в ходе которой выработала более сильную аргументацию. В. И. Герье выступил как против идеи о континуитете римского государственного строя на протяжении всей его истории, так и против тезиса о диктатуре, считая, что власть принцепса была монархической, а "восстановленная республика" – прикрывающей ее правовой фикцией<sup>14</sup>.

<sup>9</sup> *Premmerstein A. von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats. B., 1937. S. 63 ff.*

<sup>10</sup> *Grant M. From imperium to auctoritas. A Historical Study of the Aes Coinage in the Roman Empire 49 B.C. – 14 A.D. Camb., 1946; Magdelaine A. Auctoritas principis. P., 1947.*

<sup>11</sup> *Kunkel W. Römische Rechtsgeschichte. B., 1948. S. 35.*

<sup>12</sup> *Meyer Er. Römische Staat und Staatsgedanke. B., 1948. S. 338.*

<sup>13</sup> *Wickert L. Princeps (civitatis) // RE. 1954. XXII. Sp. 2296; idem. Forschungen zum Römischen Prinzipat // ANRW. 1972. S. 76.*

<sup>14</sup> *Герье В.И. Август и установление империи // Вестник Европы. 1877. № 6.*

Наиболее последовательная критика концепции Т.Моммзена содержится в работе Э.Д.Гримма. Автор считает принципат монархией, хотя и отмечает, что монархическая власть переживает этап становления и окончательно складывается только во времена Юлиев – Клавдиев и Флавиев. Э.Д.Гримм не только противопоставляет правовым аргументам школы Т.Моммзена исследование политической реальности, но и считает, что немецкий исследователь неправильно определил собственно правовую сущность принципата, которая представляла собой не "диархию", а настоящий монархический строй<sup>15</sup>.

Отличительной чертой советской историографии является интерес к социально-экономическому содержанию принципата. Уже в работе В.С.Сергеева принципат определяется как "республиканская монархия", представляющая известный компромисс между военной монархией и сенатской властью, который, однако, развивался в сторону монархического строя<sup>16</sup>.

Наиболее полно проблемы принципата были исследованы в работах Н.А.Машкина, С.Л.Утченко и Г.С.Кнабе. Характеризуя социальную опору принципата, Н.А.Машкин отмечает, что режиму приходилось лавировать между различными социальными группировками, ни одна из которых не была его единственной опорой. Характерной чертой принципата была юридическая неопределенность, однако, несмотря на это, можно говорить о монархической сущности принципата<sup>17</sup>. С.Л.Утченко определял принципат, как монархию, отмечая, что республиканские элементы были ширмой, ловко используемой властью для прикрытия своего положения<sup>18</sup>. Г.С.Кнабе, опираясь на разработанную в советской историографии 60–80-х годов проблему полиса, решает вопрос о принципате именно с этих позиций. Одной из главных задач Империи было приведение полисной системы в соответствие с потребностями Рима как мировой державы. Принципат возник из необходимости решить эту задачу и носил компромиссный характер. Такой компромисс предполагал сохранение республиканских политических форм, с одной стороны, и опору на те силы, которые выступали как разрушители традиционных норм, с другой<sup>19</sup>.

Таким образом, в советской историографии наметились перспективные пути решения проблемы принципата. Вместе с тем, ряд аспектов ее остаются нерассмотренными, и одним из таких вопросов является вопрос об императорской титулатуре.

Рассмотрение титулатуры имеет смысл по ряду причин. Во-первых, это очень удобный исходный пункт для рассмотрения сущности императорской и любой другой монархической власти, во-вторых, титул, как правило, очень четко выражает идеологическое и правовое положение его носителя, а рассмотрение терминологии может служить хорошим начальным этапом для рассмотрения существа дела.

Правитель монархического государства обычно имеет полный официальный титул и более краткие варианты титула, употребляемые в обиходе. Первый обычно множествен и используется в официальных документах, а второй состоит из одного-двух слов.

Лучшим источником для восстановления полного титула являются надписи. Основные его элементы появляются уже при Августе, и надпись Dessau 104 дает наиболее типичный вариант: Imperator Caesar divi f. Augustus, pontifex maximus, cos. XIII, tribunicia potestate XXXII, imp. XXVI, pater patriae. Основными элемента-

<sup>15</sup> Гримм Э.Д. Исследования по истории развития императорской власти. Т. I. СПб., 1900. С. 243–248, 361, 387, 402–403, 453.

<sup>16</sup> Сергеев В.С. Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. С. 373–411.

<sup>17</sup> Машкин Н.А. Принципат Августа. М. – Л., 1949. С. 382, 393.

<sup>18</sup> Утченко С.Л. Кризис и падение римской республики. М., 1952. С. 266–268.

<sup>19</sup> Кнабе Г.С. Корнелий Тацит и проблемы истории древнего Рима эпохи ранней Империи. М., 1983. С. 140, 142–143, 168.

ми титула оказываются, таким образом, следующие: преномен "император", имена "Цезарь" и "Август", титулы верховного понтифика и консула, указание на трибунскую власть и количество императорских аккламаций и титул отца отечества.

Такая полная надпись — явление нечастое для времени Августа. Как правило, те или иные компоненты титула опускаются. Так, в 32 надписях с титулом Августа, приведенных у Г. Дессау, преномен императора встречается 31 раз, число аккламаций упомянуто 15 раз, титул верховного понтифика — 14, отца отечества — 10, а упоминание трибунской власти и консульства встречается в 20 надписях.

Имя Августа в полном титуле встречается в разных вариациях: *Imp. Caesari divi f. Augusto pontif. maxim., cos. XI, tribunic. potest. XI* (Dessau 89); *Imp. Caesar divi f. Augustus, pontifex maximus, imp. XII, cos. XI, trib. pot. XIV* (Dessau 91); *Pater patriae Imp. Caesar divi f. Augustus, pontifex maximus, cos. des. XIII, tribunic. potestat. XXI* (Dessau 100); *Imp. Caesari Aug. parenti patriae* (Dessau 101). Достаточно различны и варианты титула на монетах, где сокращение вызывалось и дополнительными соображениями, трудностями чеканки и отсутствием места: *Caesari Augusto; Caesaris Augusti divi f.; Aug(ustus); Aug. trib. pot; Caesar Augustus divi f. pater patriae; Imperator Caesar divi f. cos. VI*.

Сходна с августовой и титулатура Юлиев—Клавдиев, а ее неустойчивость выражается в целом ряде факторов. Во-первых, какой-либо элемент титула может отсутствовать. Так, Клавдий вообще не пользовался императорским преноменом, которого практически нет и в надписях Нерона. Более того, в источниках содержится совершенно определенное указание на то, что Клавдий от этого преномена вообще отказался (Suet. Claud. 12). Светоний сообщает об аналогичном отказе Тиберия (Suet. Tib. 26), хотя в его надписях титул иногда встречается. Звание отца отечества Тиберий взял только в 31 г., т.е. через 17 лет после прихода к власти, не сразу принимает его и Нерон. Позднее Вителлий отказался от имен "Цезарь" и "Август". Во-вторых, можно было опускать отдельные элементы титула в целях экономии места. Пропускаются, как правило, титулы отца отечества, число аккламаций и консульства. Наконец, часто происходит перемена мест отдельных частей титула, причем зачастую таким образом подчеркивается какая-либо сторона деятельности императора, например, в качестве верховного понтифика в надписях, связанных с религией. Таким образом, порядок титулов в надписи Dessau 104 является наиболее частым, но никоим образом не единственно возможным.

В надписях и отчасти на монетах императоров от Веспасиана до Пертинакса порядок, характерный для надписи Dessau 104, становится более жестким и соблюдается гораздо систематичнее, что говорит о фиксации титулатуры, однако и здесь пропуски отдельных титулов и перемены их мест не исчезают. Например, в надписях Нервы, Адриана и Антонина Пия часто пропускается число аккламаций, а Тит и Траян, наоборот, это фиксировали. В надписях Тита не встречается титул "отец отечества".

Новое изменение заметно при Северах. Наряду с титулами традиционного типа в надписях появляются два новых варианта. Первый — это сокращение старого титула: *Caesar Augustus*. Это новшество явно имело монархический смысл, поскольку все компоненты, наиболее связанные с республиканской титулатурой, были убраны. Еще сильнее эта тенденция видна в появлении титула *dominus noster* "наш господин", обычно употребляемого только в сочетании с именами "Август" и "Цезарь".

В императорской титулатуре III в. можно выделить четыре типа титулов. Это, во-первых, старый развернутый флавианско-антониновского типа титул (например, Dessau 489 — Максимиан), во-вторых, титул *Imperator Caesar Augustus* (например, Dessau 532 — Галлиен и Валериан), в-третьих, *dominus noster* (например, Dessau 531 — Валериан и Галлиен) и, наконец, сочетание первого и третьего типов

(например, Dessau 642 — Диоклетиан и его соправители). Начиная с Диоклетиана, четко заметно преобладание второго и третьего типов, при Константине *dominus postea* практически вытесняет все остальные варианты, а с V века становится практически единственным.

Таким образом, титулатура императора состояла из сочетания весьма различных в правовом, социально-политическом и идеологическом отношении титулов, которые постоянно менялись, а жесткий фиксированный порядок практически не соблюдался. Все это говорит о крайней сложности правового и идеологического восприятия императорской власти.

Это еще более заметно при рассмотрении кратких титулов, где основной материал дают литературные источники. На роль такого краткого обиходного обозначения могут претендовать титулы *dominus* и *imperator*, имена-титулы "Цезарь" и "Август" и редкий в документах, но распространенный в литературных текстах титул *princeps*. Заметим, что статистически ни один из них не является единственным обозначением правителя, а некоторые обозначают не только его.

Литературные источники также показывают значительное разнообразие. У Веллея Патеркула Август и Тиберий, как правило, именуется *Caesar* (51 раз), Август 16 раз назван *Augustus*, Тиберий — ни разу. *Imperator* по отношению к правителю встречается всего 3 раза (вообще в тексте — 10 раз), а титул *princeps* — 11 раз. В тексте Тацита слово *princeps* встречается 315, *imperator* — 107, а *Caesar* — 223 раза по отношению к принцепсу и 58 раз по отношению к членам правящего дома. Светоний использует *princeps* — 48, *imperator* — 29, а *Caesar* — 52 раза. Наконец, в тексте Аврелия Виктора и "Эпитомы о Цезарях" *princeps* встречается 48, *imperator* — 29, *Caesar* — 42, а *Augustus* — 15 раз.

Плюрализм и неопределенность усиливаются за счет нескольких дополнительных факторов. Принцепса часто называют просто по личному имени, либѣ посредством описательных форм типа: *arbiter rerum*, *rector generis humani*, *rerum potitus*, *omnium rerum potitus*, *rector*, *dominus rerum*. Такая неопределенность терминологии достаточно типична для политической терминологии римлян.

Столь же различные обозначения имела сама власть. Как правило, ее называют *imperium*, что, однако, обозначает не только императорскую власть, но и власть магистрата республики и даже власть вообще. Реже встречается *principatus*, которое меньше раскрывает содержание власти и больше передает идею первенства. Пропорция между этими двумя терминами выглядит следующим образом: у Тацита 96 : 43, у Светония 71 : 17, у *Scriptores Historiae Augustae* — 293 : 8, у Аврелия Виктора — 92 : 4, у Веллея Патеркула — 7 : 3. Кроме этих терминов, императорскую власть обозначают словами *potentia*, *potentia supra*, *potestas*, не говоря уже о более конкретных *regnum*, *tyrannis*, *dominatio*, *dominatus*.

Терминология греческих авторов подтверждает имеющуюся картину. Так, у Диона Кассия правитель чаще всего обозначается как *αὐτοκράτωρ* — 133, а также *Καίσαρ* — 76, *δεσπότης* — 13, а в отдельных случаях — *μόναρχος*, *κύριος ἡγεμών*, *πρόκριτος*. У Плутарха в биографиях Гальбы и Отона *αὐτοκράτωρ* встречается 28, *Καίσαρ* — 34, *ἡγεμών* — 4 раза, в редких случаях императора называют *Σεβαστός* или *ἄρχων*. Несколько отличается терминология Геродиана, который предпочитает называть правителя *βασιλεύς* (118 раз), но использует и *αὐτοκράτωρ* — 21, *Καίσαρ* — 14, *Σεβαστός* — 15 раз, а кроме того, *δεσπότης*, *ἄρχων*, *τύραννος*.

При обозначении власти у этих авторов встречаются: *αὐταρχία*, *μοναρχία*, *ἡγεμονία*, *βασιλεία*, *ἀρχή*, *κράτος*, *ἐξουσία*, *τύραννις*, *δεσποτεία* и описательные формы *προστασία τῶν κοινῶν*, *αὐτοτελῆ ἀρχή*, *ἐξουσία τοῦ αυτοκράτορος*. Кроме того, ни один из терминов, кроме имен "Цезарь" и "Август", не является точным переводом с латыни, а два важнейших титула, *princeps* и *imperator*, строго говоря, не имеют греческих эквивалентов. С другой стороны, *ἄρχων* и тем бо-

лее *ἡγεμόνων* могут обозначать не только императоров, но и их чиновников, дуксов, префектов, наместников провинций.

Следующим этапом исследования должно быть рассмотрение конкретного политического содержания терминов *princeps* и *imperator*. Термин *princeps* детально разобран Л. Викертом. Немецкий исследователь прав, когда утверждает, что слово *princeps* нельзя считать четким фиксированным монархическим титулом римских императоров<sup>20</sup>, однако мы не согласны с полным отрицанием содержащегося в термине правового значения<sup>21</sup>. Будучи в основе неправовым понятием, термин *princeps* проникает и в юридические тексты и в надписи и приобретает определенный правовой оттенок.

Л. Викерт убедительно показывает, что в отдельных сочетаниях *princeps* может терять свой особый терминологический смысл, что иллюстрирует небольшая, но характерная подборка, сделанная нами из смысловой цепи, построенной автором. *Principes civitatis – principes eius ordinis – princeps Romanae civitatis* (Liv. XXVII. 11. 11) – *iudicio gloriae... rebus gestis princeps* (Cic. Ad sen. 5) – *princeps civitatis atque eloquentiae* (Vell. Pat. II. 22. 3)<sup>22</sup>. Если в первом сочетании терминологический характер слова виден весьма отчетливо, то постепенно этот смысл утрачивается. С другой стороны, первые части цепи связаны с политическим контекстом, а последние уже полностью лишены этой связи. Слово *princeps* принадлежит политическому словарю по преимуществу, но отнюдь не исключительно. Так, Веллей Патеркул называет Вергилия *princeps carminum* (Vell. Pat. II. 36), а Светоний использует *princeps gregis* (Suet. Calig. 58).

Кроме того, в политическом контексте термин *princeps* не является исключительным обозначением римского правителя. Рассматривая текст Ливия, Л. Викерт находит, что этот автор использует термин по отношению к различным государствам, в том числе городам Италии, Греции и Македонии, *principes* есть в Галлии, Испании, Нумидии, Карфагене. Подобного рода примеры можно найти как у Цезаря, Саллюстия и Варрона, так и у авторов императорской эпохи: Тацита, Светония, Аммиана Марцеллина, *Scriptores Historiae Augustae*<sup>23</sup>. Заметим, что это обычно либо немонархические государства и полисы, либо племена, находящиеся на ранней стадии государственности, либо государства с полумонархической, диктаторской или скрытой монархической формой правления. Как правило, если речь идет об иностранном государстве, термин употребляется во множественном числе, однако встречается и единственное: Маробод (Vell. Pat. II. 108) и Сегимер в независимой Германии (ibid. II. 117); лидеры галльских повстанцев Сакровир и Флор (ibid. II. 117); пальмирский правитель Оденат (SHA. Aurel. 33); неизвестный *princeps* из греческих провинций (Suet. Claud. 16)<sup>24</sup>.

Наконец, термин *princeps* очень широко используется применительно к политическим деятелям Республики. Л. Викерт видит основное различие между эпохами Республики и Империи в том, что при Республике существует плюрализм – *principes*, на смену которому приходит единичность – *princeps* в империи. Вместе с тем есть факты, показывающие, что дело обстоит несколько сложнее – единичность *princeps* встречается и при республике. Викерт приводит список из 72 политических деятелей республиканского периода, названных *principes*, от Госта Гостилия до Секста Помпея, в числе которых упомянуты Фурий Камилл, оба Сципиона, Марий, Сулла, Красс, Помпей, Цезарь и др.<sup>25</sup>.

Плюрализм *principes* не исчезает и при Империи. *Principes viri* окр. ают императора, образуя элиту сената и управленческого аппарата. Они вместе с Августом

<sup>20</sup> Wickert. *Principes...* Sp. 2001.

<sup>21</sup> Ibid.

<sup>22</sup> Ibid. Sp. 2036–2037.

<sup>23</sup> Ibid. Sp. 2004–2014.

<sup>24</sup> Ibid. Sp. 2006–2014.

<sup>25</sup> Ibid. Sp. 2017–2028.

отстраивают Рим (Vell. Pat. II.89.4), Тиберий созывает совет из 20 principes civitatis (Suet. Tib. 55), с principes civitatis советуются Клавдий и Нерон (Suet. Claud. 35; Tac. Ann. XV. 5). Л. Викерт приводит список из 27 человек, названных principes civitatis у авторов императорской эпохи, которые не являются императорами<sup>26</sup>. Постепенно дистанция между principes и principes увеличивается, что заметно и в терминологии. Если в первом понятии усиливается фиксированность, то во втором она исчезает, эти люди становятся principes viri, primores, primores civitatis. Примечательно, что старое представление остается и в таком позднем источнике, как Scriptores Historiae Augustae, где принципсом назван еще не ставший императором Валериан (SHA. Trig. Tyr. 12). Зенобия пишет в письме Аврелиану: Gallienum, Aureolum et ceteros principes non putavi (ibid. 30). По крайней мере, Авреол императором не был, а под ceteri явно имеются в виду лица, не занимавшие трона.

Таким образом, анализ термина principes позволяет сказать, что он выражает идею главенства в самой общей форме. Это и глава государства, единоличный правитель, но это и первый среди равных. Такое расплывчатое монархическое понятие определенно сохраняет генетическую связь с республиканской терминологией.

Обозначение imperator также досталось в наследство от республики — его первое известное нам упоминание встречается уже в "Анналах" Энния. К I в. до н.э. термин имеет уже двойкий смысл, причем трудно сказать, какой оттенок является более древним. Во-первых, это общий термин, обозначающий военное командование, т.е. imperator как носитель imperium. Во-вторых, imperator — это титул, который солдаты давали победоносному полководцу. Римляне даже пытались определить минимум убитых врагов, достаточный для получения этого титула (10 тыс. по Аппиану, 4–6 тыс. по Диодору, 1–2 тыс. по Цицерону)<sup>27</sup>. Эти два значения могут использоваться в единстве, в разграничении и в противопоставлении. До II–I вв. до н.э., как правило, imperator фигурирует во втором значении, и противопоставления нет. Последнее становится более частым во времена гражданских войн. Так, Цезарь (Bell. Civ. III.31) пишет, что Сципион без всяких оснований получил императорскую аккламацию. У Саллюстия императором назван восставший против законного правительства Катилина (Sall. Cat. 60). В "Африканской войне" описано, как солдаты Цезаря и Сципиона возмущаются тем, что их противники называют своих командующих императорами (Bell. Afr. 45).

Установление принципата обозначило здесь переход более резкий, чем в случае с principes, что связано с более официальным характером термина и его связью с военным управлением. "Частные" императоры исчезли не сразу, но достаточно быстро, и последним носителем такого титула был Юний Блез в 23 г., после чего императорский титул получали только принцепсы (Tac. Ann. III.74). Тем не менее старые традиции продолжали существовать, проявившись довольно необычным способом. Принцепсы сохранили различие смыслов титула (носитель империя и победоносный полководец) и присвоили оба: первый в качестве praepositi, а второй в виде второго титула с указанным количеством аккламаций. Август вслед за Юлием Цезарем берет себе императорский преномен, однако в Ранней империи его употребление имеет хаотический характер. Некоторые правители его не берут, хотя это вовсе не лишает их военной власти, другие используют его нерегулярно (Калигула, Нерон). Иногда императоры ставят его после имени, что превращает звание из имени-титула просто в титул. С Нервы и Траяна титул становится непременным атрибутом официаль-

<sup>26</sup> Ibid. Sp. 2028–2029.

<sup>27</sup> Rosenberg E. Imperator // RE. 1914. Bd 17. Sp. 1140–1154.



ных документов, со времени Септимия Севера он конкурирует с *dominus noster*, а ко времени Константина почти исчезает.

Для окончательного суждения сопоставим употребления терминов *imperator* и *princeps*. Чаще всего, особенно у поздних авторов, они используются как синонимы и, как правило, это не разные содержания, а скорее — разные формы выражения. Вместе с тем, различие явно имеет место и особенно заметно оно у Тацита. Термин "император" чаще всего встречается у него там, где речь идет об армии и военных действиях, т.е. в 1-й и 2-й книгах "Анналов" и в "Истории". В книгах 3–5, где описания войн практически нет, чаще используется *princeps*. Увеличение пропорции в сторону термина "император" показывает и милитаризацию Империи и усиление авторитарного характера власти.

Иногда, однако, мы встречаем и противопоставление. Наиболее характерный случай — это высказывание императора Тиберия у Диона Кассия: *δεσπότης μὲν τῶν δοῦλων, αὐτοκράτωρ δὲ τῶν στρατιωτῶν τῶν σε λοιπῶν πρόκριτος εἶμι* (Dio. 57, 8. 2). "Я — господин для рабов, император для воинов, а для остальных — принцепс". Сходно и высказывание Плиния Младшего: *cui principi cives, cui imperatori milites peperissent* (Pan. 22.9).

Все сказанное выше позволяет уточнить значения обоих титулов. Если *princeps* выражает более гражданский стиль правления, неопределенное первенство с элементом республиканского наследия, то *imperator* — термин военный и отражает более военный и авторитарный характер власти. Последний титул сильнее фиксирован и выражает монархическую сущность в гораздо большей степени. Единство преобладает над различием, но последнее не исчезает целиком.

Термин *dominus noster* помогает определить развитие императорской власти. Из фразы Диона Кассия видно, что из всех трех понятий он выражает самую сильную степень власти. Понятие *dominus* взято из частноправовой сферы и предполагает качество господина по отношению к рабу (*servus*) или вообще подвластному человеку. *Dominus* может быть противопоставлен *imperator-princeps*, может быть синонимом и, наконец, может использоваться в сочетании. Первый вариант чаще используется в начале, а второй и третий — в конце Империи. Наконец, именно в Поздней империи появляется странное сочетание *dominus* и *libertas*, острившее старый дуализм, и другое сочетание *dominus liberorum*. В одном из латинских панегириков сказано: *ut... cum domini vocemini, libertati civium serviatis* (Pan. III.13.3). Наконец, слово *dominus*, как и *princeps*, допускает использование не в строго терминологическом значении: *dominus liberorum — dominus generis humani* (Aug. Vict. 39) — *omnium dominus urbium, omnium nationum* (Pan. V.44.5). Титул *dominus* существует буквально с начала Империи. Август и Тиберий его отвергают, но то, что он был им предложен, показывает, что для некоторых из императорских приближенных он не звучал одиозно. Калигула же и Домициан заставляли называть себя именно так. Еще у Тацита и Светония *dominus* чаще всего содержит пейоративный оттенок, однако Плиний называет так Траяна, а Адриан первым именуется *dominus* в латинских папирусах<sup>28</sup>. В греческих надписях *κύριος* и *δεσπότης* встречаются и ранее. Начиная с Септимия Севера, *dominus* начинает фигурировать в латинских надписях, а с Диоклетиана появляется регулярно.

Дополнительные оттенки придают термины *rex* и *tyrannus*, которые, не будучи титулами правителя, часто используются по отношению к нему. Чтобы понять смысл термина *rex*, надо определить, какое политическое содержание вкладывали в него римляне. Самым ранним было представление о римском рексе, который во многом мыслился, подобно термину "принцепс", как выборный правитель, имеющий большую власть, но обязанный править по закону и в согласии с сенатом и народом. На это представление наслышлось нечто противоположное,

<sup>28</sup> Wickert. *Principes...* Sp. 2130–2135.

связанное с образом последнего царя Тарквиния Гордого и практически тождественное с понятием *tyrannus*, незаконным правителем, подавляющим общество. Таким образом, римский термин *rex* имел двойственное и противоречивое значение, на которое наслоилося греческое понятие *βασιλεύς*, также созданное из синтеза философского представления о царе как легитимном и хорошем правителе, противопоставляемом тирану и правящем на благо подданных, и другого образа, основанного на реальной политической действительности эллинистического времени. Вся сложность этого понятия хорошо вписывалась в терминологию принципата.

В начале Империи, как и во времена Республики, *rex* чаще выступает в своем пейоративном плане, и такое обращение к императору избегается. Особенно силен этот оттенок у Тацита, а Марциал (XII, 15.4) называет Домициана *superbus rex*. Вместе с тем Сенека часто использует слово *rex* в значении хорошего правителя (*De Clem.* I.3.3; 4.3; II.1.3; 5.2). Плиний, Сенека, Квинтилиан и Светоний часто используют *rex* как синоним к *imperator*<sup>29</sup>. Косвенным путем слово проникает и в официальную терминологию — *lex regia* (*Dig.* I.4.1 — Ульпиан).

Источники четко ощущают правовую разницу между *rex* и *princeps* (*Tac. Hist.* I.16), однако по мере развития императорской власти историки начинают осознавать близость понятий. Светоний (*Tib.* 14.2) пишет о предсказании, данном Тиберию: *etiam regnaturum, sed sine regio insigni ignota, scilicet Caesarum potestate* — "он будет править, но без царских инсигний; тогда, следовательно, еще не была известна власть Цезарей". Дион Кассий (53. 17. 29) пишет, что у императоров есть все, что и у царей, кроме имени. Его современник Геродиан использует *βασιλεύς* как главный термин, обозначающий правителя.

В Поздней империи эта сложная ситуация во многом остается. *Rex* не фигурирует в официальной титулатуре латинских надписей и монет, но на примере США и Аврелия Виктора видно, что латинские авторы используют этот термин, хотя и не очень часто. Напротив, у грекоязычных авторов термин *βασιλεύς* очень употребителен. Как правило, термины *rex*, *regnum* используются нейтрально, как синоним к *imperator*, *imperium*, но иногда встречаются и в пейоративном смысле.

Если употребление *rex* показывает абсолютистские элементы власти, то употребление *tyrannus* дает некоторые представления об элементах узурпации. Появившись в греческой политической мысли просто как обозначение нелегитимного правителя, оно постепенно приобретает новый смысл и обозначает правителя дурного, жестокого, эгоистичного и правящего не на благо подданных, а в своих эгоистических целях. Именно в этой двойственности понятие приходит и в Рим. Л. Векерт полагает, что два значения термина *tyrannus* появились в хронологическом порядке: до III в. н.э. господствовал смысл "дурной правитель", который потом был вытеснен смыслом "незаконный"<sup>30</sup>.

Нам представляется, что положение было несколько сложнее. В Рим пришли одновременно оба понятия, которые уже давно сосуществовали в греческой политической мысли<sup>31</sup>. Цезаря и Августа называли *tyranni* прежде всего за то, что они захватили власть, которая не принадлежала им по закону. Тиберий и Нерон, напротив, были названы так за жестокий характер правления, поскольку их приход к власти был абсолютно легитимным. Между этими понятиями нет глубокой пропасти. Тиран — это тот, кто захватывает власть, ему не принадлежащую, т.е. узурпатор, однако это и тот, кто, будучи законным правителем, не правит для общего блага, а всячески притесняет и подавляет подданных (*Sen. De Clem.* I.11.4), т.е. опять-таки присваивает право, которого у него нет.

<sup>29</sup> Wickert. *Princeps...* Sp. 2112–2115.

<sup>30</sup> Ibid. Sp. 2171, 2173.

<sup>31</sup> Фролов Э.Д. Греческие тираны. Л., 1972. С. 4, 5.

Тиранией, таким образом, может считаться и узурпация власти и ее превышение. В словоупотреблении авторов мы действительно можем встретить разные варианты. Оба смысла могут быть связаны, существовать отдельно и даже противопоставляться. Так, в серии биографий, объединенных под названием "Triginta tyranni", автор явно пишет о некоторых из них с симпатией, противопоставляя "законному", но порочному Галлиену. Императоры часто обвинялись в тирании враждебной им пропагандой, кроме того, современники, вероятно, видели какое-то сходство между тиранией и властью императора.

Наконец, особенностью императорской титулатуры было частое использование имен-титолов и тяга к титуляризации имен, ярким примером которых является использование имен "Цезарь" и "Август". Можно найти и ряд других, весьма характерных, хотя и менее распространенных примеров. Это и имя "Антонин", которое брали все императоры вплоть до Гордианов, прозвище "Германик", когномены "Север", "Флавий". Эти имена еще не переходят в титул, но тенденция к этому явно имеется.

Л. Викерт объясняет это чисто династическими моментами, но причин в данном случае несколько. Называние по имени создавало некую эмоциональную связь с соименным правителем. Кроме того, в связи имени и титула в какой-то мере сохранялась полисно-республиканская традиция, больше ориентированная на личность, нежели на должность и функциональное положение.

Анализ титулатуры правителя показывает довольно сложную картину. Мы видим образ правителя, сложившийся в результате взаимодействия полисно-республиканской традиции и новых тенденций монархии. Принципы эти часто сосуществуют, иногда они даже не противоречат друг другу. Напротив, в других случаях происходит явное столкновение старого с новым, либо вытеснение первого вторым. В некоторых случаях создается некая равнодействующая, создающая имперско-республиканскую традицию. Постепенное вытеснение республиканских или квазиреспубликанских представлений было длительным процессом, а их остатки продолжали существовать даже в поздние периоды.

А.Б. Егоров

## QUELQUES PROBLEMES POSES PAR LA TITULATURE DES EMPEREURS ROMAINS

А.В. Jegorov

Les problèmes du principat sont parmi les plus difficiles et les plus discutés de l'histoire antique. Les Romains eux-mêmes étaient conscients du dualisme de leur système, cela se voit aussi bien dans leur théorie politique que dans leur pratique.

Il y a eu quatre opinions différentes sur l'histoire du principat. Avant la *Römische Staatsrecht* de Th. Mommsen, les chercheurs estimaient que le principat était un système monarchique. Après Mommsen, on a pensé que le principat était une diarchie de l'empereur et du sénat. Un nouveau point de vue s'établit avec la parution de l'ouvrage de V. Gardthausen pour qui l'Empire romain était une monarchie à l'état pur. Enfin, A. von Premerstein, J. Béranger, L. Wickert *et al.* se sont de nouveau dressés dans leurs travaux contre la théorie monarchique. Le point faible de leur argumentation est la façon dont ils exagèrent le caractère unique du principat.

L'analyse des titres impériaux révèle certains aspects de ce système. Nous pouvons suivre l'évolution de plusieurs éléments principaux du titre: *princeps*, *imperator*, *Augustus*, *Caesar* et, plus tard, *dominus noster*. Les sources épigraphiques et littéraires montrent que ce n'étaient pas les seuls titres du chef d'Etat romain.

Le terme *princeps* ne désignait pas seulement l'empereur romain, mais aussi les principaux leaders de la République et de l'Empire, ainsi que les chefs et leaders étrangers. Ce terme désigne le leadership au sens large et son sens monarchique est lié à la terminologie de la République.

Le terme *imperator* révèle l'aspect militaire et autoritaire du pouvoir de l'empereur, mais il est très souvent employé comme synonyme de *princeps*. *Dominus noster* reflète le pouvoir le plus fort et c'est pour cela qu'il a pris le dessus à partir du III<sup>e</sup> s., bien qu'il fût apparu dès le I<sup>er</sup> s. Quelques éléments d'appréciation nouveaux sont fournis par les termes *rex* et *tyrannus* appliqués au principat.

Le principat était un système dualiste où coexistaient deux tendances: celle de la monarchie impériale et celle de la cité-république. La première fut la plus forte et prédomina, mais elle ne fut pas suffisamment forte pour éliminer la seconde.

## ПРОБЛЕМА СЛАВЯНИЗАЦИИ КАРПАТО-БАЛКАНСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СВЕТЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ГЛАГОЛОВ ОБИТАНИЯ У ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

Формально жизнь и творчество Прокопия Кесарийского (он родился между 490 и 507 гг.) выходит за принятые в антиковедении рамки античного периода. Однако разрыв между концом античности (условно 476 г.) и началом написания первого труда Прокопия "История войн" (543–545 гг.) столь незначителен, что, учитывая ориентацию Прокопия на классические образцы в языке и манере изложения (Геродот, особенно Фукидид), вполне допустимо относить его творчество с равным успехом как к позднеантичной, так и к ранневизантийской литературе. Во всяком случае самый авторитетный в греческой лексикографии античной эпохи словарь Лидделла–Скотта включает Прокопия в корпус своих источников.

Вместе с тем труды Прокопия содержат множество сведений о различных народах, вступающих в контакт с Византийской империей, в том числе и о славянах. Эти сведения ретроспективно могут рассматриваться в качестве свидетельств, целиком принадлежащих поздней античности, например сообщения Прокопия о местопребывании славян в эпоху Юстиниана на правом берегу Истра несомненно предполагают их пребывание там не позднее первой четверти – середины V в. (см. ниже).

И наконец, последнее, что оправдывает публикацию данной работы на страницах ВДИ. В свое время журнал последовательно поместил в переводах С.П. Кондратьева "Тайную историю" (ВДИ. 1938. № 4) и "О постройках" (ВДИ. 1939. № 4), а затем не потерявшую определенного значения и сейчас хрестоматию А.В. Мишулина "Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э." (ВДИ. 1941. № 1).

Таким образом, предлагаемая работа как бы возрождает традицию публикации в журнале позднеантичных и ранневизантийских свидетельств о славянах, являющихся первостепенным источником по их этногенезу и ранней истории. Настоящая статья является продолжением обширной двухчастной работы "К хронологии и характеру славянизации карпато-балканского пространства (По лингвистическим и филологическим данным)"<sup>1</sup>. В ее первой части с привлечением значительно углубившихся в послевоенные годы знаний о дославянских языках и этнической ситуации к югу от Карпат была предпринята попытка новой ревизии языковых (топонимика, апеллативы) и историко-филологических (Приск, Иордан) аргументов приверженцев гипотезы более ранней, чем можно судить по прямым свидетельствам византийских авторов, инфильтрации славян в этот регион – во II–IV вв.<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Часть I (К хронологии...) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 52–96; часть II (Славянские топонимы у Прокопия Кесарийского) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 43–47.

<sup>2</sup>Из недавней литературы о "тихой" экспансии славян (без каких-либо новых данных) см. Иванов С.А. Оборона балканских провинций Византии и проникновение "варваров" на Балканы в первой половине VI в. // ВВ. 1984. № 45. С. 51–53.

Эта проверка показала полную несостоятельность всей системы доказательств подобных гипотез как с фактической, так и с процедурной стороны, за четырьмя чрезвычайно важными исключениями: славянское происхождение достаточно определенно подтвердилось для двух гидронимов, упоминаемых Приском (Prisci fr. 8, P. 299–300. Ed. L. Dindorf. Hist. gr. min. I): Τύσας (описка из Τισας) и Τιψησας – современные левые притоки Дуная – Тиса и Тимиш, впадающие в него неподалеку друг от друга, ср. у Иордана соответственно Tisia (Iord. Get. 33. 178), Tibisia (ibid. 178); славянскими, бесспорно, являются два общеизвестных апеллатива – strava (ibid. 258) и μέδος (Prisc., ibid.).

В таком случае для территории, где Паннония смыкается с Дакией, в левобережье Дуная (район нижнего и, возможно, среднего течения Тисы и Тимиша), terminus post quem наличия здесь славян (с некоторым удревлением) оказывается дата посольства Максимиана от императора Феодосия II к Атилe в 448 г., в котором участвовал Приск, т.е. за 79 лет до первой исторической даты, связанной со славянами, на чем специально остановимся ниже.

Переходя к областям континентальной части собственно Балкан, располагающимся по правую сторону Дуная, необходимо настоятельно подчеркнуть, что хронология и характер проникновения и заселения славянами трех обширных районов карпато-балканского пространства – Паннонии, Дакии и собственно Балкан (условно правобережье Дуная – Фракия, Верхняя и Нижняя Мёзия, Иллирик) – значительно варьируются в зависимости от конкретно-исторических и этнологических обстоятельств в данных географических регионах, путей миграции отдельных групп славян и даже целей движения. Несомненно, процесс славянизации осуществлялся поэтапно.

Относительно Дакии, во всяком случае прибрежной, можно с уверенностью сказать, что процесс славянизации уже превратился в факт истории ко времени первого прямого письменного упоминания славян в 527 г. – даты, без особых логических усилий реконструируемой из известного пассажа Прокопия в "Historia arcana"<sup>3</sup>. Тот же Прокопий, фиксирующий по годам многочисленные набеги славян на империю, упоминает славян – Σκλαβηνοί и "Αυται (по преимуществу первых) 41 раз на протяжении De bello Gothico, согласно подсчетам Ф.В. Шелова-Коведяева<sup>4</sup>, и, за единственным исключением (Proc. В VII. 40. 33), всегда сообщает (или это имеется в виду) об их возвращении после набега за Истр именно в Дакию, которая, по Прокопию, выглядит плацдармом, куда стекались разноплеменные группы славян, присоединяясь, как я думаю, к уже осевшим здесь племенным славянским образованиям; отсюда они и совершали с целью грабежа и захвата рабов (в основном на продажу) свои έφοδοί. Весь тон изложения Прокопия, его знакомство с бытом, социальной организацией и нравами склавинов и антов (В. III. 14. 22–30) наряду с прямыми высказываниями свидетельствуют о том, что пребывание указанных группировок славян в прибрежных областях Дакии стало привычным для империи в период правления Юстиниана. Это вполне согласуется с сообщениями Иордана (среди-

<sup>3</sup> Ἰλλυριούς δὲ καὶ Θράκηνη ἄλην, εἰη δ' ἂν ἐκ κόλπου τοῦ Ἰουίνου μέχρη ἐ, τὰ Βυζαντιῶν προἰστέια, ἐν τοῖς Ἑλλάς τε καὶ Χερρονησιωτικῶν, ἡ χώρα εἶστιν, Οὐννοί τε καὶ Σκλαβηνοί καὶ "Αυται σχεδόν τι ἀπὸ πάντων καταθέοντες ἕτος ἕξ ὅθ' Ἰουστινιανὸς παρέλαβε τὴν Ῥωμαίων ἀρχήν, ἀνήκεστα ἔργα ἐβρῆσαντο τοὺς ταύτη ἀνθρώπους – "Иллирию же и всю Фракию, возможно, от Ионийского залива вплоть до предместий Византии, в том числе Элладу и область Херсонеса, гунны и склавины и анты [разоряли], совершая набеги почти каждый год, с тех пор как Юстиниан принял власть над ромеями, и творили там над тамошними людьми побительные дела" (Hist. arc. XVIII. 20); на протяжении всей работы греческий текст дается по изданию: Procopii Caesariensis Opera omnia / Ed. J. Naurg. V. I–IV. Lipsiae, 1963–1964.

<sup>4</sup> Пользуюсь случаем поблагодарить Ф.В. Шелова-Коведяева за предоставление мне материалов своей работы, выполненной в семинаре по античной балканистике на филологическом факультете МГУ.

на VI в.), трижды упоминавшего славян и каждый раз вне пределов Балканского полуострова.

Однако Прокопий, уделяя славянам несравненно большее место в своих сочинениях, нежели Иордан, аналогично последнему ничего не говорит в прямой форме о хронологических рамках появления славян к югу от Карпат, тем более в правобережье Дуная, на Балканах<sup>5</sup>, равно как и об условиях их закрепления в этом ареале, ср. выше в примыкающих к цитированному месту отрывках (Hist. agr. XVIII. 16–19) о готах и гепидах в области Сирмия.

Именно отмеченным обстоятельством обусловлена цель предлагаемой работы. Она заключается в стремлении восполнить этот существенный пробел, но не посредством реально-исторического комментария, неизбежно связанного с различного рода конъектурами и логическими построениями, а попытаться обнаружить в семантико-грамматической структуре самого текста свидетельства, содержащиеся в нем в неявном виде и могущие служить отправными эвристическими пунктами исторических выводов. В то же время такой подход для филолога, особенно историка-филолога, сопряжен с определенными трудностями, поскольку в современных условиях, когда лингвистика и филология не всегда правомерно разграничены, все большую актуальность при интерпретации древнего или средневекового текста приобретает необходимость использования методик, теперь ставших прерогативой лингвистики: синхронного и исторического семантического анализа, этимологии апеллативной и топономастической лексики и т.д. Подобные соображения вынудили нас ввести по существу тавтологический термин "лингвофилология". Под лингво-филологическими данными здесь, как и в ряде других работ, понимаются факты, выявляемые посредством некоторых филологических процедур, замыкающихся в слове, функционирующем в рамках определенного текста различной протяженности. Совокупность указанных методик помимо критики текста в традиционном смысле в качестве одного из основных компонентов должна обязательно включать лингвистическую обработку ключевых слов и цельных выражений в целях воссоздания как можно более полно их семантических объемов в диахронической перспективе. Подобная методика вполне лежит в русле современной медиавистики, считающей необходимым при содержательной интерпретации письменного текста применять так называемый контент-анализ, т.е. сплошное филолого-лингвистическое обследование языкового узуса автора на фоне языка и литературы его времени.

Штудирюя Прокопия на предмет изучения балканских аспектов этногенеза славян, я обратил внимание на определенную и достаточно строгую системность в употреблении трех глаголов обитания: *οἰκέω*, *νέμω* и *ἰδρύομαι* – при указании на место пребывания того или другого этноса во времена Прокопия или прежде. За недостатком места оставим в стороне воспроизведение семантической эволюции этих этимологически совершенно различных глаголов, приведшее к включению части их лексико-грамматических значений в данное семантическое поле (для первых двух глаголов это сделано нами в другом месте<sup>6</sup>), и сразу позволим себе

---

<sup>5</sup> Об осторожной гипотезе относительно славянской принадлежности туземного населения района, очерченного топонимами, засвидетельствованными Прокопием в De aedificiis, в между-речье среднего течения Моравы и верховьев Тимока вокруг Наисса (совр. Ниш), для которых с большой степенью вероятия устанавливается славянское происхождение, см. Гиндин. Славянские топонимы ...; он же. К вопросу о хронологии начальных этапов славянской колонизации Балкан (По лингво-филологическим данным) // Балканско езикознание. 1983. XXVI. № 1. С. 32 сл.; он же. Значение лингво-филологических данных для изучения ранних этапов славянизации карпато-балканского пространства // Формирование ранних форм государственности у славян. М., 1986.

<sup>6</sup> См. Гиндин Л.А. Членение скифских племен по данным лингво-филологического анализа (Геродот. Кн. IV) // Этногенез народов Балкан... С. 36–42.

сформулировать результаты анализа семантической дистрибуции глаголов *οἰκέω* и *νεύω* на протяжении всей исторической прозы классической эпохи (*ἰδρύομαι*, в единичных случаях употребляемое в интересующем нас значении, получает распространение в постклассический период). Чрезвычайно показательным получился анализ функционирования *οἰκέω* и *νεύω* в IV книге Геродота в применении к различным скифским и другим племенам Восточной Европы. Употребление этих глаголов оказалось связанным (за единственным явным исключением) с представлениями о типе хозяйственной деятельности и образе жизни; при этом в категорию кочевников в соответствии с языковым чутьем Геродота зачислялось всякое племя, ведущее иной образ жизни и тип хозяйства, чем греческий. Действительно, только к скифам-пахарям (*αροτῆρες*), производящим хлеб на продажу, было применено *οἰκέουσι*.

В пределах сферы обитания оказалось правомерным следующим образом очертить семантику сопоставляемых глаголов: *οἰκέω* ‘жить домом, ведя с о в е р ш е н н о оседлое ойкосное хозяйство, организованное в рамках урбанистической (полисной) цивилизации со свойственными ей интенсивными способами обработки земли’ (см., например, ”Труды и дни” Гесиода). По отношению к негреческим племенам это означало ‘вести тип хозяйствования, сходный с греческим’, затем уже ‘жить вообще’ в смысле *βίβω, βιοτεύω*. В противоположность этому *med. pass. νεύομαι* применительно к негреческим племенам ‘поддерживать существование, жить, обитать, обретаться, добывая средства к существованию иными, чем привычные грекам, формами ведения хозяйства, менее интенсивными, вплоть до натурального (отсюда медий), применяя другие способы обработки земли (например, переложное, подсечное земледелие), кочевым и отгонным скотоводством, наконец, простым собирательством, обусловившим, на взгляд греков, н е д о с т а т о ч н о о с е д л ы й, н е с т а б и л ь н ы й о б р а з ж и з н и, сопровождающийся более или менее частыми изменениями местожительства’, поэтому понятие ‘пастись’ одинаково было применимо и к животным, и к людям аналогично совр. русск. *пастись* (ср. особенно знаменательный пассаж *Proc. Ae. IV. 1. 4—6*, специально интерпретируемый ниже).

За тысячу лет, отделяющих Геродота от Прокопия, естественно ожидать смещения семантических параметров слов и возникновения новых семантических противопоставлений. У Прокопия двучленная оппозиция сменяется трехчленной: к *οἰκέω* — *νεύομαι* активно подключается глагол *ἰδρύομαι*, совершенно не имеющий в отличие от первых этимологического статуса индоевропейских терминов социальной организации. Семантика *ἰδρύομαι* (деноминатив от незасвидетельствованного \**ἰδρυ-* — к и.-е. \**sed-* ‘сидеть, садиться, ставить’, ср. лат. *sedeo, consido* и пр.; особенно употребителен перфект *ἰδρῦμαι*) обрисовывается в медии следующим образом: 1) ‘осно(вы)вать, ставить (о стране, домах, городе)’, особенно часто ‘воздвигать, сооружать (о храме, статуе)’; 2) ‘находиться, быть расположенным (о месте, городе и т.п. — начиная с Геродота)’; затем ‘(по)селиться, обосновать (вы)ваться, сидеть’ (в переносном смысле), ‘населять’ (особенно о б э т н о с е, п л е м е н н о й г р у п п е — также с Геродота)<sup>7</sup>. Однако у Геродота применительно к этносу встречаются только единичные употребления, например VIII. 73: *Οἰκέει δέ τῆν Πελοπόννησον ἔθνεα ἑπτὰ. τούτων δὲ τὰ μὲν δύο αὐτόχθονα εἶντα κατὰ χώραν ἰδρύνται νῦν τῆ καὶ τὸ πάλαι οἰκεον, Ἀρκάδες τὰ καὶ Κυνοῦριοι* — ”Населяют ведь Пелопоннес семь племен. Два же из них, будучи автохтонными, теперь обитают в области (букв. сидят на земле) той же самой, что и населяли в древности, — аркадяне и кинурии”; обращает на себя внимание предложная конструкция с *ἰδρύνται*, указывающая на живость переносного значения.

<sup>7</sup> *Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon / A new edition by St. Jones and R. McKenzie. Oxf., 1948. S. v.*

У Прокопия наблюдается совершенно иная картина. Глагол *ἰδρύομαι* (медиальный залог) выражает второй круг значений в перфекте, плюсквамперфекте и реже аористе, т.е. в настоящем – в смысле лат. *perfectum praesens*, давнопрошедшем и прошедшем совершенного вида, причем в оппозиции к *οἰκέω* он встречается в не поддающемся учету количестве. В то же время *νέμομαι*, как правило, функционирует в своем прямом, специализированном значении ‘пастись, кочевать’ применительно преимущественно кномадам или народам, зачисляемым в их категорию. Семантическая эволюция за счет расширения значения *οἰκέω* по линии ‘жить вообще’, ‘находиться в каком-либо месте (доме, городе, географической области)’ (с затуханием экономического оттенка) привела к тому, что во всяком случае в языке Прокопия, военного историка, в целом мало интересовавшегося этнографическими подробностями, *οἰκέω* употребляется по отношению к различным племенам независимо от их образа жизни. По сравнению с Геродотом здесь присутствует другой семантический критерий, основанный по крайней мере на двух признаках.

1. Они могут быть а в т о х т о н н ы м и, например В. VIII. 5. 11 – part. aor. *ῥήκησαμένοις*, о готах; В. VIII. 20.3 – plqr. *ῥήκητο*, о германцах (?); В. VI. 14. 24 – τὸ παλαιὸν *ῥήκητο*, о рогах (полный контекст см. ниже); В. VIII. 20. 1 – perf. *ῥήκηται*, о жителях о-ва Бриттия; особенно симптоматично даже о явных номадах – гуннах (В. VIII. 3. 3): ... τὰ τῆδε *ῥήκημένα Οὐννικὰ ἔθνη ἐς γῆν τῆν τε Περσῶν καὶ Ρωμαίων ἄγουσιν* “живущие здесь [у Кавказских гор] гуннские племена в землю и персов и ромеев приходят”; В. VIII. 3.5: *Οὐννοι δὲ οἱ Σαβεῖροι ἐπικαλούμενοι, ἐνταῦτα ῥήκηται καὶ ἄλλα ἄλλα Οὐννικὰ ἔθνη* “ведь гунны, так называемые сабейры, тут живут [у Кавказского хребта] и некоторые другие гуннские племена”; то же в В. VIII. 11. 23. Уместно сопоставить это место с В. VIII. 4. 7, где говорится о тех же гуннах, но уже переместившихся в северопричерноморские области (район Меотиды) с востока: “*Υπὲρ δὲ Σαγῶν Οὐννικὰ ἔθνη πολλὰ ἰδρύνται*” “За сагинами многие племена гуннов сидят (perf.)”; причем о сагинах, перечисленных чуть выше среди “автохтонов”, говорится: *μετὰ δὲ αὐτῶν Σαγῶν μὲν οἰκοῦσι* “за ними [зехами] сагины живут (praes.)”.

2. Их должны считать да в н о п е р е с е л и в ш и м и с я в те области, где их застал Прокопий, тем более в пределах империи; например, о готах трижды в В. VIII. 5. 10–13, особенно: *μετὰ δὲ δόντος βασιλέως ῥήκησαντο ἐς τὰ ἐπὶ Θράκης χωρία* “после того как император даровал, населили землю в области Фракии”, о гуннах-кутригурах – В. VIII. 5.15: *καὶ αὐτῶν Κουτρίγουροι μὲν παιδάς τε καὶ γυναῖκας μεταπεψάμενοι ἐνταῦθα ἰδρύσαντο, οὗ δὲ ἐμὲ ῥήκηται καὶ ἐς* “и из них кутригуры, вызвав и детей и жен, осели там, где живут (perf.) и при мне”; затем В. VIII. 18.14 и множество подобных пассажей.

В случаях явной оппозиции с глаголом *οἰκέω* в одних и тех же контекстах и самостоятельно *ἰδρύομαι* может быть использован (кстати, в полном соответствии со своим этимологическим семантическим комплексом) по отношению к племенам: 1) о с е ш и м, обосновавшимся в результате переселения, например о герулах – В. VI. 14.24: ... οὗ δὲ ῥογοὶ τὸ παλαιὸν *ῥήκητο*... *ἐνταῦθα ἰδρύσαντο* – “... где с древности живут роги ... там [в Италии] осели [герулы]”, см. еще выше приведенный контекст В. VIII. 5.15 о кутригурах и т.д., 2) особенно осевшим при переселении вдали от империи, например также о герулах – В. VI. 15.1: *Ἡνικά* Ἐρουλοὶ Λαγγοβαρδῶν ἠσσηθέντες τῇ μάχῃ ἐξ ἠθῶν τῶν πατρῶν ἀνέστησαν, οἱ μὲν αὐτῶν, ... *ῥήκησαντο ἐς τὰ ἐν Ἰλλυριοῖς χωρία, οἱ δὲ δὴ ἄλλοι Ἰστρον ποταμῶν διαβαίειν οὐδὰμῃ ἐγνώσαν ἀλλ’ ἐς αὐτάς που τὰς ἐσχατίας τῆς οἰκουμένης ἰδρύσαντο* – “когда герулы, побежденные в бою лангобардами, поднялись из отчих мест, одни из них ... переселились в иллирийские земли, а вот другие решили нигде не переходить реку Истр, но осели где-то на самых крайних пределах обитаемой земли”; В. VIII.5.5: ... *ἐς αὐτὴν που τὴν ταύτης ἀκτὴν οἱ Τετραξίται καλούμενοι Γότθοι τὸ παλαιὸν ῥήκητο*..., πολλῶ δὲ αὐτῶν ἀποθεν Γότθοι τε καὶ Οὐσιγότθοι καὶ Βανδίλοι



καὶ τὰ ἄλλα Γοτθικὰ γένη ξύμπαντα ἴδρυντο — ”[за Меотийским болотом], где-то на самом его берегу, готы, называемые тетракситами, с древних времен живут ... много вдали от них осели и готы и визиготы и вандалы и все другие готские племена”; относительно готов-тетракситов правомерно специально сравнить в ином контексте — В. VIII. 5.20: *οὐ δὲ τότε οἱ Τετραξίται Γότθοι ἴδρυντο* — ”где тогда тетракситы-готы осели (plqr.)”, ср. еще В. VIII. 5.21; и, наконец, 3) по отношению к племенам кочевников и племенам, включаемым Прокопием по тем или иным признакам в их разряд, осевшим или находившимся в процессе оседания во времена Прокопия. Самый показательный в этом смысле контекст, существенно важный, помимо того, для характеристики славян в духе идеологических установок Прокопия и всей обстановки на северных границах империи, содержится в De aedificiis IV.1.4–6; к сожалению, это поразительный по богатству информации пассаж незаслуженно редко цитируется в научной литературе, поэтому приведем его целиком: *γεγένηται γὰρ ἐπαξίως τῷ τε γειτονήματι ποταμοῦ Ἰστρου καὶ τῇ ἐνθένδε διὰ τοὺς ἐγκεκμημένους τῆ, χώρα βαρβάρους ἀνάγκη ἔβη γὰρ αὐτῇ γειτονοῦντα διακεκλήρωται Οὐννικά τε καὶ Γοτθικά, καὶ τὰ ἐν Ταύροις καὶ τὰ ἐν Σκύθαις ἀνταίρει, καὶ ὅσα Σκλαβηροὶ καὶ ὅσα ἄττα, εἴτε Σαυρομάτας Αμαξοβίου εἴτε Μετανάστας ταῦτα δὴ ἐκάλουν τὰ ἔβη οἱ τῶν ἱστοριῶν ἀναγραφόμενοι τὰ ἀρχαιότατα, καὶ εἴ τι ἄλλο θηριῶδες ἀνθρώπων γένος ἢ νέμεσθαι, ἢ ἰδρῦσθαι ἐνταῦθα ξυμβαίνει* — ”Ибо они [дела Юстиниана] достойны [т.е. соответствовали политической обстановке] как соседства с рекой Истр, так и необходимости, отсюда [возникшей] из-за нажимающих на эту область [империи] варваров. Ведь соседствовать с ней выпало [на долю] племенам гуннским и готским, и те, что в Таврии, и те, что в Скифии, поднимаются против и сколько [ни есть] склавинов, и сколько [ни есть] иных, — именно эти племена звали писатели-историки древнейших времен или савроматами-амаксобиями или метанастами — и всякий другой дикий (букв. звероподобный) род людей, если случается [ему] там или кочевать (gesp. пастись, пасти стада) или осесть”. Особого внимания здесь заслуживают два обстоятельства: во-первых, склавины упомянуты вместе с основными народами, расшатывающими устой Византийской империи, и, во-вторых, они объединены с к о ч е в н и к а м и или п е р е с е л е н ц а м и. В соответствии с этим глагольные формы *νέμεσθαι* (inf. praes. med.) и *ἰδρῦσθαι* (inf. perf. med.) употреблены здесь практически в позиции нейтрализации, по терминологии Э. Бенвениста, поскольку оба состояния равно присущи кочевым племенам.

В качестве итогов семантического анализа данных глаголов на уровне текста следует отметить, что имеются естественные нарушения выявленной функциональной системы, носящие вполне закономерный статистический характер, главным образом по линии свободного синонимического варьирования между *οικεω* и *ἰδρυνομαι*. (см., например, В. VIII. 5.10: *Βαυδύλων μὲν ἦορ ἐνθένδε ἀναστάντων ἐπὶ τε Λιβύης ἰδρυσσόμενων, ἐν Ἰσπανίᾳ δὲ Οὐσιόγοθων οἰκησασσόμενων* ”когда вандалы, уже поднявшись оттуда, осели в Ливии, а в Испании стали жить визиготы”, см. еще позицию нейтрализации по сравнению с вышеприведенным В. VIII. 5.13 в В. V. 12.10), когда возможные оттенки значений данных глаголов трудно уловимы: *μετὰ δὲ αὐτοὺς ἐς τὰ πρὸς ἀνίσχοντα ἥλιον θόρυγγι βαρβαροί, δοντος Αυγουστου πρώτου βασιλέως, ἰδρύσαντο* ”за ними на восток торинги-варвары, по дару Августа, первого императора, поселились”.

Тем не менее существует явная семантическая иерархия трех интересующих нас глаголов, накладывающая определенные ограничения на их употребление Прокопием: *οικέω* со значением ‘жить, населять и т.п.’ может применяться ко всем племенам, особенно с оттенками, отмеченными выше, в том числе в смысле *βοιτεύω* ‘жить вообще’; *ἰδρύνομαι* — по преимуществу к племенам, менявшим место жительства в результате миграций, фиксируемых наличным текстом при многочисленных описаниях постоянных этнических перемещений на границах империи,

что склоняет нас к переводу его форм на русский язык ‘сидеть, оседать, обраться’, более общо — ‘обосновываться’; *νέμομαι* в своем специализированном значении ‘кочевать, пасти стада’ — только к племенам кочевников или близким к ним по тем или иным характеристикам, согласно представлениям Прокопия, см. на фоне приведенных выше употреблений форм о гуннах в B.V.1: *Πάσαι μὲν Οὐννων, τῶν τότε Κιμμερίων καλούμενων, πολὺς τις ὄμιλος τὰ χωρία ταῦτα ἐνέμοντο* — ”В древности же огромная орда гуннов, называемых тогда киммерийцами, кочевала (plqr.) в тех землях”.

Представленные факты и наблюдения (хотя их большая часть за неимением места осталась вне пределов изложения) дают достаточные основания для перехода к основной задаче работы: выявлению в тексте Прокопия семантико-функциональной дистрибуции данных глаголов обитания применительно к племенам славян. Таких словоупотреблений сравнительно немало: *ἰδρύομαι* встречается четырежды в формах: *ἰδρύνται* (perf. med.) — три раза, *ἰδρῦσθαι* (inf. perf. med.) — один раз; *νέμομαι* — дважды; *νέμονται* (praes. med.), *νέμεσθαι* (inf. praes. med.); *οἰκέω* — трижды; *ῥήκνται* (aor. med.) и *οἰκοῦσι* (praes. act.) два раза.

Прокомментируем каждый пассаж по отдельности, не упуская из виду Ae. IV.1.4–7, уже рассмотренный выше. Из них три незначительно варьируют одно и то же свидетельство о левобережье Истра как месте распространения славян.

1... *Μαρτῖνός τε καὶ Βαλεριανὸς ἦκον, ἐξακουσίους τε καὶ χιλίους στρατιώτας ἰππεῖς ἐπαγομένω. καὶ αὐτῶν οἱ πλείστοι Οὐννοι τε ἦσαν καὶ Σκλαβηνοὶ καὶ ἼΑνται οἱ ὑπὲρ ποταμὸν Ἴοτρον οὐ μακρὰν τῆς ἐκεῖν ὄχθης ἰδρύνται* (B. V.27.2) — ”... и Мартин и Валериан прибыли, приведя 1600 конных воинов. И среди них большинство были гунны и склавины и анты, которые за рекой Истр недалеко от того берега обретаются (букв. сидят)”. Речь идет об осаде готами Рима и прибытии к ним на помощь морским путем войск из Византии; примечательно, что славяне вместе с гуннами выступают здесь в качестве основного ядра имперского войска; см. о подобном еще и B. VII. 22. 1–3, где в связи с защитой местными крестьянами под предводительством Туллиана горного прохода в область луканов от готов сообщается, что ”вместе же с ними охраняли 300 антов, которых Иоанн там по просьбе Туллиана раньше оставил; ведь искусны эти варвары лучше всех сражаться в труднопроходимых (в данном случае — гористых) местах” — *καὶ ἼΑνται δὲ αὐτοῖς τριακόσιοι ξυνερούλασσον, οὐσπερ Ἰωάννης ἐνταῦθα διθηέντι Τουλλιανῶ ἀπολιπὼν πρότερον ἔτυχεν\* ἀγαθοὶ γὰρ οἱ βάρβαροι οὗτοι μάχεσθαι ἐν δυσχωρίαις πάντων μάλιστα*. Обычно обращают внимание лишь на привычку славян-антов сражаться в гористых условиях, то же об антах в B. VII. 40. 7.

2. Во время изнурительной осады Ауксина, защищаемого готами, Велизария понадобился пленный из осажденных. Упомянутый в B. V. 27. 2 Валериан пообещал ему: *εἶναι γὰρ τῶν αὐτῶν οἱ ἐπομένων ἐκ τοῦ Σκλαβηνῶν ἔθνος, οἱ κρύπτεσθαι τε ὑπὸ λίθῳ βραχεῖ, ἢ φυτῶ τῶ παρατυχόντι, εἰώθασι καὶ ἀναρπάξω ἀνδρα πολέμιον. τοῦτο τε αἰεὶ παρὰ ποταμὸν Ἴοτρον, ἐνθα ἰδρύνται, ἔς τε Ῥωμαίους καὶ τοὺς ἄλλους βαρβάρους ἐνδεκννται* — ”Ибо есть среди подчиненных ему кое-кто из племени склавинов, которые имеют обыкновение скрываться за малым камнем или случайно попавшей порослью и хватать врага (букв. вражеского воина). Это они часто выказывают (т.е. проделывают) у реки Истра, где обретаются (букв. сидят), как в отношении ромеев, так и других варваров” (B. VI. 26. 18–19). Определенно здесь имеются в виду те же самые славяне, которые пришли в числе 1600 всадников Мартина и Валериана, чем, думается, обусловлено употребление идентичного, но без уточняющих наречий фразового оборота относительно места пребывания славян.

3. После гибели римского военачальника Хильбудия, поставленного Юстинианом защищать границу по правому берегу Истра от постоянных набегов варваров — гуннов, склавинов и антов, ”река навечно стала легко доступной варварам

по их желанию, а область ромеев [легкодоступной] для нападений” (*ὅτε ποταμὸς ἔσβατος ἀεὶ τοῖς βαρβάροις κατ’ ἐξουσίαν καὶ τὰ Ῥωμαίων πρᾶγματα εὐέφοδα γέγονε* – 545/6 г. В. VII. 14.6). В этой же главе Прокопий дает довольно пространную характеристику обычаев, нравов и образа жизни славян, содержательные моменты которой и обусловили постановку *νέμομαι* в позиции, совершенно тождественной глаголу *ἰδρύομαι* в приведенных выше пассажах. К сожалению, нет возможности привести полностью весь этот замечательный отрывок, и я ограничусь лишь самым необходимым в плане нашего семантического анализа глаголов обитания: *ὁμοίως δὲ καὶ τὰ ἄλλα ὡς εἶπεῖν ἅπαντα ἑκατέρους ἐστὶ τε καὶ νενομίσται τοῦτοις ἄνωθεν τοῖς βαρβάροις* (В. VII. 14.22) – “а также одинаково и остальное, можно сказать, все у тех и других [племен–склавинов и антов], и издавна [это] установлено у этих варваров; *οἰκοῦσι δὲ ἐν καλύβαις οἰκτραῖς διεσκητημένοι πολλῶ μὲν ἀπ’ ἀλλήλων ἀμείβοντες δὲ ὡς τὰ πολλὰ τὸν τῆς ἐνοικήσεως χῶραν*. (В. VII. 14. 24) – “живут они в достойных сожалению хижинах, располагаясь (букв. раскидывая палатки, шатры) далеко друг от друга, каждый меняя насколько можно часто место поселения”<sup>8</sup>; *ἐστὶ δὲ καὶ μίᾳ ἑκατέρους φωνῇ ἀτεχνῶς βαρβαρος. οὐ μὴν οὐδὲ εἶδος ἐς ἀλλήλους τι διαλλάσσουσι* (В. VII. 14,26–27) – “и ведь у обоих [склавинов и антов] один язык, совершенно варварский. И даже внешне они друг от друга ничем не отличаются; *δίαιταν δὲ σκληρῶν τε καὶ ἀπημελημένην ὥσπερ οἱ Μασσαγῆται, καὶ αὐτοὶ ἔχουσι ... ἀλλὰ κά τῷ ἀρελεῖ διασῶζουσι τὸ Οὐννικὸν ἦθος* (В. VII. 14. 28) – “образ жизни [они имеют] грубый и неприсохотливый, как массагеты ... но и даже в простоте своей они сохраняют гуннский нрав”; *καὶ μὴν ὄνομα Σκλαβηνοῖς τε καὶ Ἄνταις ἐν τὸ ἀνέκαθεν ἦν. Σπόρους γὰρ τὸ παλαιὸν αμφοτέρους ἐκάλουν, ὅτι δὴ σποράδην, οἶμαι, διεσκητημένοι τῆν χῶραν οἰκοῦσι. διὸ δὴ καὶ γῆν τινα πολλὴν ἔχουσι τὸ γὰρ πλεῖστον τῆς ἐτέρας τοῦ Ἰστρου ὄχθης αὐτοὶ νέμονται* (В. VII. 14.29) – “и даже имя у склавинов и антов было вначале одно. Действительно, в древности оба [племени] называли спорами, как раз потому, я думаю, что они, разбросанно расположив жилища, населяют землю (т.е. живут рассеянно, в разных местах). Именно поэтому-то они занимают неимоверно какую обширную землю, ведь они обретаются (букв. пасутся, кормятся) на большей части другого [левого] берега Истра”.

Итак, последний пассаж содержит четкие и недвусмысленные указания на то, что Прокопий и здесь подобно цитированному месту из *De aedificiis* имел полное основание по тем сведениям, которыми он располагал, причислять славян к кочевникам или “переселенцам”: 1) живут они в *καλύβαις*, видимо полуземлянках с двускатной крышей, археологически прослеживаемых для праславян вообще, и в этом ареале в частности<sup>9</sup>, чем вызвана дважды постановка медиального причастия от специфического глагола *διασκηναῶ* (–εω) в основном этимологическом значении ‘раскидывать шатер, разбивать палатки, располагаться лагерем’<sup>10</sup>; 2) “насколько можно часто” меняют места обитания и “живут рассеянно”, занимая поэтому, по мысли Прокопия, чрезвычайно обширные пространства, что, несомненно, обусловлено типом ведения хозяйства, например переложным или под-

<sup>8</sup> Обоснование перевода “место поселения” см.: Гиндин Л.А. Некоторые проблемы методики реконструкции славянской культуры по данным ранневизантийских памятников // Славянские культуры и мировой культурный процесс. Минск, 1985. С. 94–97; ср. в переводе С.П. Кондратьева “места жительство” // Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С.297.

<sup>9</sup> Сводку данных по этому вопросу см.: Popović VI. Note sur l’habitat paléoslave // Lemerle P. Les plus anciens rescueils des Miracles de St. Démétrius. T. II. Commentaire. P., 1981.

<sup>10</sup> Ср. другие употребления *καλύβη* Прокопием: В. II. 19. 31–32; 30.12; III. 17.10; VI. 13. 10 ‘военная палатка’; II. 21. 3–4 ‘тент, шатер’; IV. 2. 19; 6. 10–11 ‘хижина, лачуга’ (о маврусиях); специально о *καλύβαις* у Прокопия см. Иванов С.А. Славяне и Византия в VI в. по данным Прокопия Кесарийского. Канд. дис. М., 1983. С. 94.

сечным земледелием, сопряженным со скотоводством, см. о крупном рогатом скоте у славян в комментируемом сообщении, § 23: καὶ θύουσιν αὐτῷ [sc. θεῷ ἐνί] βόας – ”и приносят ему [единому богу] в жертву быков”; 3) образ жизни – как у массагетов, племени экзотического и, по свидетельству Страбона, ”живущего на манер кочевников и скифов” (ὡς ποιμαδικῶς καὶ Σκυθικῶς – Strabo. 513. 7), обычаи – гуннские.

Такое представление о славянах послужило вполне достаточным условием для употребления применительно к ним в качестве глагола обитания довольно редкого у Прокопия и уже приобретенного узкоспециализированное значение *νεμῶμαι*; см. выше о его семантической специфике по сравнению с *οἰκέω* на материале Геродота.

Постановка *ἰδρῶμαι* в двух других функционально и по существу тождественных контекстах представляет собой образцовую позицию нейтрализации, где *ἰδρῶμαι* выступает своего рода синонимом *νεμῶμαι* в семантической сфере обитания, поскольку, как уже писалось, для типа ведения хозяйства и обусловленного им образа жизни ”кочевников” равно характерна как частая смена мест поселения, так и соответственно временное оседание. Поразительно, что в плане реконструкции этнографических взглядов Прокопия на славян все три рассмотренные сообщения о славянах построены совершенно аналогично неоднократно упоминаемому пассажиру из *De aedificiis* (IV. 1. 4–7), где оба глагола употреблены одновременно: кочевникам или переселенцам ”случается здесь или кочевать (пастись, пасти стада), или оседать” – ἢ νεμέσθαι, ἢ ἰδρῶσθαι ἐν ταῖθα ξυμβαίνει. Что же касается глагола *οἰκέω*, то он оба раза употреблен в приведенных отрывках в значении ’жить вообще’, ’существовать’.

Остановлюсь еще на одном важном моменте. Прокопий нигде не сопровождает свои сообщения о славянах временными характеристиками, он не знает, во всяком случае не касается, предыстории славян, за исключением пассажа о спорах. По большей части Прокопий, говоря о месте пребывания или миграциях какого-либо этноса, не довольствуется необходимой в данном случае темпоральной глагольной формой, а сопровождает ее временными наречиями: τὸ παλαιόν, πάλαι ’издревле’, ἀνέκαθεν ’с самого начала, с древности’, ἀεί ’всегда, постоянно’ и т.п. или даже применяет целый оборот ἐς ἐμέ ’при мне, т.е. в мое время’. По отношению к славянам он, напротив, использует глагольные формы без наречий и притом только в презенсе или в медиальном перфекте, формах, как известно, во временном отношении практически равнозначных; разница лишь в том, что перфект, особенно медиальный, обозначает состояние именно в настоящем, т.е. современное говорящему в качестве результата прошедшего действия. Когда Прокопию необходимо выразить прошлое состояние, он пользуется медиальным плюсквамперфектом, чаще всего добавляя для выражения временного плана наречие, например: ἀνέκαθεν ἰδρυντο (B. V. 12. 11), τὸ παλαιόν ... ὤκνητο (B. VIII. 20.3) и т.д., или просто аористом, как правило, без уточнения посредством наречий. Таким образом, на фоне контекстов, описывающих большинство других племен, выбор формы медиального перфекта *ἰδρυνται* в позициях, тождественных употреблению активного презенса *νεμῶμαι*, или постановка рядом их инфинитивов при отсутствии временных наречий неизбежно должны были создавать и создают впечатление недавнего появления славян в сфере интересов империи и соответственно на арене истории. Подобное заключение совпадает с датировками появления славян на смежных территориях: в нижнем течении Тисы и Тимиша не позднее 448 г. (по Приску); в Полабье – в конце V – первой декаде VI в., согласно конъектуре на основе сообщения того же Прокопия в B. VI. 15. 1–3, о части герулов, которые, будучи побеждены лангобардами, ”осели где-то на самых окраинах обитаемой земли [острове Фуле – совр. Скандинавия]” (контекст см. выше), причем в начале движения от среднего течения Истра на север ”они ... прошли (букв. сменили)

подряд все племена склавинов” (οὗτοι ... ἡμειψαν μὲν τὰ Σκλαβηνῶν ἔθνη ἐφεξῆς ἀπαυτα)<sup>11</sup>.

Дабы исчерпать весь материал о славянах, приведу еще два места об антах – В. VIII. 4.7: καὶ αὐτῶν καθύπερθευ ἐς βορρᾶν ἀνεμον ἔθνη τὰ Ἀντῶν ἄμετρα ἴδρυνται ”выше них [гуннов-утигуров, о которых сказано ζῆκηνται с указанием на древность] к северу [от Меотиды] сидят бесчисленные племена антов” и В. VII. 40.5: ἦνικά Ἰουστῶος δὲ Γερμανοῦ θεῖος τὴν βασιλείαν εἶχεν, Ἀνται, οἱ Σκλαβηνῶν ἀγχιστα ζῆκηνται, Ἰστρου ποταμὸν διαβάντες στρατῷ μεγάλῳ ἐσέβαλον ἐς Ῥωμαίων τὴν γῆν ”когда Юстин, дядя Германа, владел царской властью, анты, которые ближе всех живут к склавинам, перейдя реку Истр, огромным войском напали на землю ромеев”. Выбор οἰκέω, видимо, обусловлен употреблением в умозаключении общего порядка, без указания на конкретное место обитания.

В связи с изложенным хотелось бы в заключение отметить настоящую необходимость отражения семантических нюансов глаголов οἰκέω, ἴδρῦμαι и νέμομαι, во всяком случае, при научном переводе Прокопия.

Л.А. Гиндин

LE PROBLEME DE LA SLAVISATION DE L'AIRE  
CARPATO-BALKANIQUE A LA LUMIERE D'UNE ANALYSE  
SEMANTIQUE DES VERBES 'HABITER' CHEZ PROCOPE  
DE CESAREE

L. A. Gindin

Le but de cette étude est de déterminer les limites chronologiques de l'apparition des Slaves au sud des Carpates et plus loin, sur la rive droite du Danube, dans les Balkans, cela non au moyen d'un commentaire des informations directes de Procope sur les Slaves, mais d'une analyse des témoignages figurant, pour ainsi dire, "virtuellement" dans la structure sémantico grammaticale et sémantique du texte lui-même. Les verbes "habiter" analysés furent οἰκέω, νέμω, ἴδρῦμαι dans leurs emplois vis-a-vis des tribus slaves (Σκλαβηνοί et Ἀνται.) L'interprétation de tous les usages dans les passages consacrés aux Slaves et comparativement aux multiples usages a propos d'autres tribus, conduit a la conclusion que le choix par Procope du parfait moyen ἴδρυνται dans les situations où est utilisé le présent actif νέμονται ou l'emploi simultané côte à côte de leurs infinitifs νέμεσθαι et ἰδρῦσθαι reliés par la conjonction ἦ, n'ont rien de fortuit. A défaut des adverbes de temps τὸ παλαιόν, πάλαι, ἀνέκαθεν, cela crée inévitablement l'impression que les Slaves, du point de vue de Procope, n'ont que fort récemment fait leur apparition dans la sphère des intérêts de l'Empire.

<sup>11</sup> Специально см. *Баришић Ф.* О најстаријој прокопијевој вестии о словенима // Зборник радова САН. Кн. XXXVI. Византолошки институт. Кн. 2. Београд, 1953. С. 25 сл. (с литературой).

## ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НА ОСТРОВЕ ФАЙЛАКА

Хорошо известно, что изучение археологических памятников эллинистического Востока в сущности делает еще только самые первые шаги. Число зафиксированных пунктов еще очень невелико, кроме того, лишь на немногих из них проведены раскопки в сколько-нибудь значительных масштабах. Естественно, что в такой ситуации очень большое внимание специалистов привлекают результаты археологических исследований, проведенных на острове Файлака в Персидском заливе. Архитектурные остатки, значительный вещественный материал, монетные клады, греческие надписи — все это в совокупности позволяет получить достаточно полную картину истории небольшого поселения, расположенного на периферии эллинистического мира. Подобное сочетание различных категорий источников, дополненное к тому же данными античной письменной традиции, делает этот памятник почти исключительным среди всех известных памятников эллинистического Востока.

Остров Файлака расположен в 13 км от побережья Кувейта (частью территории которого он и является), у самого входа в Кувейтский залив. Он невелик по размерам (11,5 × 5 км), богат пресной водой, в древности на нем, видимо, имелись леса. Европейской науке этот остров стал известен благодаря краткому описанию побывавшего здесь К. Нибура. Подробное описание природных условий и этнографии Файлаки было осуществлено Х.Р.П. Диксоном, находившимся в Кувейте в 1929—1936 и 1941 г. в качестве английского политического представителя<sup>1</sup>. Хотя случайные археологические находки на острове фиксировались уже в 30-е годы (там, в частности, была найдена известная греческая надпись Сотела-афинянина<sup>2</sup>), первые настоящие археологические исследования были осуществлены здесь лишь в 1958—1963 гг. Датской археологической экспедицией, проводившей рекогносцировки и раскопки на территории целого ряда государств, расположенных на восточном побережье Аравийского полуострова<sup>3</sup>. Помимо памятников бронзового века экспедиция исследовала небольшую крепость эллинистического времени — было найдено много интересных материалов, среди которых необходимо отметить греческие надписи, два клада монет, остатки мастерской по изготовлению терракот и т.д.<sup>4</sup> Результаты этих исследований вызвали большой интерес специалистов по проблемам археологии и истории эллинистического Востока: обсуждались надписи, найденные на острове<sup>5</sup>, материалы Файлаки активно использовались

<sup>1</sup> Подробнее см. *Salles J.-F.* Introduction // *Failaka. Fouilles francaises.* 1983. P., 1984 (Travaux de la Maison de l'Orient, № 91). P. 9.

<sup>2</sup> См. *Tod M.N.* A Greek Inscription from Persian Gulf // *JHS.* 1943. 63. P. 112 f.; *Bull. ép.* 1944. LVII. P. 237.

<sup>3</sup> Об истории исследования см. *Salles.* Op. cit. P. 9—19; *Bibby G.* Dilmoun. La découverte de la plus ancienne civilisation. P., 1972; *Бибби Дж.* В поисках Дильмуна. М., 1984.

<sup>4</sup> См. *Glob P. V.* Investigations in Kuwait. *Kuml.* 1958, P. 166—171; *Albrecht E.* Alexander the Great's visiting card. *Kuml.* 1958. P. 172—190; *Jeppesen K.* A Royal Message to Ikaros. *Kuml.* 1960. P. 158—193; *Mørholm O.* Greek Coins from Failaka. *Kuml.* 1960. P. 199—207; *Rousell A.* A Hellenistic terracotta workshop in the Persian Gulf. *Kuml.* 1958. P. 191—200; *Jeppesen K.* A Hellenistic Fortress on the island Ikaros (Failaka) in the Persian Gulf // VIII<sup>e</sup> Congrès d'Archéologie classique. Paris, 1963. P., 1965. P. 541—544; *Mørholm O.* New Coin finds from Failaka. *Kuml.* 1979. P. 219—235.

<sup>5</sup> *Picard C.* Les marins de Néarque et les relais de l'expédition d'Alexandre dans la Golfe Persique // *RA.* 1961. P. 60—65; *Altheim F., Stiehl R.* Die Seleukideninschrift aus Failaka // *Klio.* 1965. 46. S. 273—281; *Bull. ép.* 1967. LXXX. № 651; *Cohen G.* The Seleucid Colonies. Wiesbaden, 1978. P. 42—44.

многими авторами, создававшими общие схемы историй<sup>6</sup> и культуры<sup>7</sup> эллинистического Востока.

Параллельно с исследованиями Датской археологической экспедиции некоторые работы осуществлялись также и Департаментом древностей и музеев Кувейта, правда, они были ориентированы главным образом на консервацию уже открытых памятников<sup>8</sup>. В начале 70-х годов на о-ве Файлака небольшие по масштабам археологические исследования провела американская экспедиция из университета Джона Гопкинса<sup>9</sup>; к сожалению, дальнейшие работы этой экспедиции, осуществившей в 1974–1975 годах ряд шурфов, в печати до сего времени отражения не нашли<sup>10</sup>. В 1976 г. исследования на острове проводили археологи Университета Венеции<sup>11</sup>, однако отчет об этих работах также не был опубликован. В 1982 г. по просьбе Департамента древностей и музеев Кувейта экспедиция Смитсоновского института (Вашингтон, США) провела электромагнитометрическое изучение ряда памятников о-ва Файлака<sup>12</sup>. Однако все исследования, проведенные после окончания работ Датской экспедиции, были в общем незначительны и имели спорадический характер. Только в 1983 г. на о-ве Файлака возобновились более серьезные археологические исследования, которые стала проводить Французская археологическая экспедиция при участии Департамента древностей и музеев Кувейта. Эта экспедиция, подобно предшествующей ей датской, ведет свои работы в ряде стран восточного побережья Аравийского полуострова и изучает памятники различного времени, причем эллинистические памятники Файлаки занимают в этих исследованиях очень важное место: уже появились публикации, освещающие первые результаты работ экспедиции<sup>13</sup>.

Таким образом, история археологического изучения о-ва Файлака хотя и коротка, но насыщена событиями: здесь сделаны важные открытия, освещающие различные исторические периоды. В данном обзоре будут рассматриваться, однако, только вопросы, связанные с изучением памятников эллинистической эпохи. Необходимость анализа этих материалов диктуется очевидной важностью памятника и необходимостью более полного учета материалов Файлаки при изучении общих вопросов истории и культуры эллинистического Востока. При этом необходимо указать на то, что в последние годы Датская археологическая экспедиция начала публикацию "окончательных" отчетов по итогам раскопок. Эти отчеты вводят в научный оборот новые, ранее практически не учитывавшиеся материалы (например, керамику)<sup>14</sup>, одновременно пересматриваются и уточняются предварительные публикации (например относительно найденных на острове терракотовых статуэток эллинистического времени)<sup>15</sup>. Кроме того, новые исследования

<sup>6</sup> Например: Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 111–113.

<sup>7</sup> Например: Schlumberger D. L'orient hellénisé. P., 1970. P. 25–27; Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток. М., 1985. С. 29 сл. Schneider G. Kulturgeschichte des Hellenismus. Bd I. München, 1967. S. 841.

<sup>8</sup> Salles. Op. cit. P. 15.

<sup>9</sup> Ibid.; Howard-Carter T. The Johns Hopkins University Reconnaissance expedition to the Arabian Gulf // BASOR. № 207. P. 6–39.

<sup>10</sup> Salles. Op. cit. P. 15.

<sup>11</sup> Ibid.

<sup>12</sup> Ibid. P. 15 suiv.; Howard-Carter T. Survey of Failaka Island. 1982 // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. 1983. V. 13. P. 19.

<sup>13</sup> Failaka. Fouilles françaises. 1983 / Sous la direction de J.-F. Salles. P., 1984 (Travaux de la Maison de l'Orient. № 9); Calvet Y., Gaubert A., Salles J.-F. French excavations at Failaka. 1984 // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. 1985. V. 15. P. 11–26.

<sup>14</sup> См. Hannestad L. Ikaros. The Hellenistic Settlements. II. 2. The Hellenistic pottery. 2 vol. Aarhus, 1983 (Jutland Archaeological Society Publication. XVI, 2).

<sup>15</sup> Mathiesen H.E. Ikaros. The Hellenistic Settlements. I. The Terracotta figurines. Copenhagen, 1982 (Jutland Archaeological Society Publication. XVI, 1).

французских археологов не только дополняют, но и корректируют в некоторых отношениях результаты работ Датской экспедиции. Если раньше в этом регионе памятники эллинистического времени с о-ва Файлака были практически единственными, известными ученым, то в настоящее время число таких памятников умножилось благодаря активным исследованиям на восточном побережье Аравийского полуострова; соответственно появилась возможность рассматривать памятники острова не изолированно, а в рамках истории всего региона<sup>16</sup>. К тому же в настоящее время имеется значительно более полное и более отчетливое представление об основных чертах политики в этом регионе Александра Македонского, Селевкидов и Аршакидов, что позволяет поставить памятники Файлаки в более точно определенный исторический контекст.

Естественным представляется начать рассмотрение памятников Файлаки с архитектурных остатков<sup>17</sup>. Датская археологическая экспедиция в течение пяти сезонов вскрывала остатки крепости (F 5) и жилой квартал (F 6), расположенные в юго-западной части острова. Крепость первоначально была квадратной в плане (58,6 м в стороне) и ориентирована по странам света. Ее стены и башни были выполнены из блоков местного камня неправильной формы, в качестве связующего раствора использовалась жидкая глина; стены имели толщину 2,10–2,25 м, по всем четырем углам располагались башни. В южной стене крепости (обращенной к берегу) располагались защищенные башней ворота. Второй вход в крепость находился в середине северной стены, он был меньшего размера и защищался двумя небольшими башнями. Большая часть укреплений поверх каменной кладки (достигавшей местами 7 м) имела еще и кладку из сырцового кирпича (сохранившаяся высота — до 70 см). В отчетах указываются две лестницы, ведущие на стены (с западной и восточной сторон), однако на опубликованных чертежах обозначена только одна (у западной стены).

Внутри крепости были выявлены два храма (А и В), ориентированные на восток, перед каждым из которых располагались алтарь и здание из сырцового кирпича. Храмы были выполнены из блоков известняка различных размеров, связующим служил глиняный раствор (никаких признаков того, что для скрепления блоков использовались металлические крепления, нет). По определению исследователей, строительная техника достаточно примитивна и имеет только внешнее сходство с греческой: развитие ее объясняется, с их точки зрения, наличием в этом районе значительных залежей мягкого камня и появлением каменной архитектуры здесь уже в бронзовом веке (храм на о-ве Бахрейн). Храм А представляет собой обычный греческий храм в антах (11,5 × 7,5 м), целла — квадратная в плане (5 м в стороне), глубина пронаоса — чуть больше 4 м. Сохранность конструкций храма не очень хорошая: сохранились один-два ряда камней над стилобатом, однако наличие очень большого числа каменных блоков на территории храма и вокруг заставляет предполагать, что стены были выполнены целиком из камня. Пол пронаоса был глинобитным, в целле же — выложен из известняковых плит (различного размера). У задней стены целлы, прямо по оси здания, видимо, находилась культовая статуя, сохранились остатки ее базы. Можно достаточно отчетливо представить характер двух колонн, украшавших фасад храма, базы которых сохранились *in situ*. Каждая из баз имела в основании квадратную плиту 55,5 см в стороне (отвечающую абаку ионийской колонны), на которой располагалась собственно база "персеполитанского типа". Над одной из этих баз

<sup>16</sup> Одну из первых попыток см. *Boucherlat R., Salles Y.-F.* The History and Archaeology of the Gulf from the fifth century B.C. to the seventh century A.D.: A Review of the evidence // Proceedings of the 14 Seminar for Arabian Studies held at Oriel Colledge, Oxford, on 22<sup>nd</sup>–24<sup>th</sup> July 1980. L., 1981. P. 65–94.

<sup>17</sup> Кроме упомянутой выше литературы см. также: *Hannestad L.* Danish Archaeological Excavations on Failaka // *Arabie Orientale, Mésopotamie et Iran Méridional de l'âge du fer au début de la période islamique* / Sous la direction de R. Boucherlat et J.-F. Salles. P., 1984. P. 59–66.



(также *in situ*) сохранилась круглая плита, имитирующая тор ионийской колонны, соединенная с базой битумом. Капители колонн ионические: одна из них была найдена в пронаосе. Были обнаружены также три каменных акротерия: один центральный и два угловых, украшавших, по всей видимости, треугольный фронтон здания. Фрагменты карниза, найденные при раскопках, как считают сейчас исследователи, не могли принадлежать собственно зданию храма (как это предполагалось в первых публикациях): карниз мог относиться либо к базе культовой статуи, либо к алтарю, расположенному в 5 м от храма. Алтарь был прямоугольным (4,58 × 2,48 м) в плане и ступенчатым. Боковые грани алтаря были украшены пальметами, по стилю и технике изготовления очень похожими на акротерии.

Храм В — гораздо худшей сохранности. Определение этого здания как храма базируется главным образом на том, что перед ним был найден круглый в плане алтарь (диаметр 1,6 м). Дошли до нас в сущности только стилобат (частично) и один-два нижних ряда кладки стен. Здесь были найдены две дорические капители (одна целая, вторая фрагментированная) диаметром 30 см, вероятно, принадлежавшие этому храму.

Крепость пережила два этапа своего существования. На втором этапе она была расширена в северном направлении: построена новая стена, отстоящая на 14 м от прежней в северо-западном секторе, а затем идущая под углом в направлении северо-восточной башни. Видимо, одновременно три остальные стены были усилены, а южные ворота крепости — полностью закрыты. Северный вход также преобразился: здесь был создан узкий коридор-проход, идущий от новой стены к старой. Видимо, тогда же был выкопан ров, окружавший крепость со всех четырех сторон.

Исследователи Файлаки считают, что первоначально крепость не предназначалась для жительства гражданского населения. Однако вскоре после ее возведения в ней появляется население, переселившееся сюда, видимо, в поисках безопасности. Жилища располагались очень тесно и очень скоро незастроенной осталась только площадка перед храмом А. Некоторые дома строились непосредственно у крепостных стен, под жильем была приспособлена и одна из башен. Жилища имели самые различные размеры и самую различную планировку, большинство из них неоднократно перестраивалось — в качестве строительного материала использовались грубооббитые камни на глиняном растворе. Стены, сохранившиеся на высоту 0,5–1 м, видимо, целиком возводились из камня. Вероятно, освоение жителями крепости происходило не в результате целенаправленной деятельности администрации, а в результате стихийного движения населения, причем произошло это уже после того, как Селевкиды утратили контроль над островом: лишенные государственной защиты жители острова в поисках безопасности поселились внутри крепости, покинутой селевкидским гарнизоном.

Значительные материалы дали раскопки Французской археологической экспедиции, главным образом по исследованию святилища эллинистического времени в секторе В6<sup>18</sup>. Оно расположено у самого берега моря, так что в период бурь волны заливают это место и уже размьли южную часть святилища. Можно согласиться с французскими исследователями, полагающими, что в древности береговая линия проходила гораздо южнее. Святилище представляет собой прямоугольное в плане здание, ориентированное в направлении юго-запад — северо-восток: общая длина 20,5 м, сохранившаяся ширина 7 м (можно предположить, что первоначальная ширина была равна 12 м). Здание было выполнено из грубо обработанных камней, уложенных в приблизительно горизонтальные ряды. Стены были поставлены прямо на песок, без фундаментов, связующим являлась земля. Полы

<sup>18</sup> Gaubert A., Salles J.-F. Le sanctuaire hellénistique (B6) // Failaka. Fouilles francaises. 1983. P., 1984. P. 73–188.

представляли собой утрамбованный песок с добавлением глины. Святилище пережило два периода своего существования. В первом периоде оно состояло из двух помещений и имело гораздо меньшие размеры, чем во втором. Западное помещение имело внутренние размеры 3,50 × 4,50 м, а ширина стен была равна 70–80 см. В этом помещении недалеко от западной стены были обнаружены остатки квадратной в плане каменной платформы (сторона 1 м), назначение которой неясно: это могло быть и основание алтаря, и база культовой статуи. Данное помещение, видимо, должно быть определено как наос храма. Восточное помещение было отделено от первого стеной (ширина 70 см), имевшей широкий дверной проем; сохранившаяся длина помещения – 6,5 м (предполагаемая – 8 м), ширина – 3,7 м; оно определяется как пронаос. Вход в помещение был фланкирован двумя деревянными столбами, стоявшими на каменных плитах. В пронаосе было обнаружено два каменных алтаря, на одном из которых имелось грубое силуэтное изображение человека. К западу от святилища была выявлена каменная платформа алтаря, прямоугольная в плане (2,0 × 1,2 м).

Большое количество находок (монеты, терракотовые статуэтки, керамика, украшения) позволяют, по мнению французских археологов, достаточно точно датировать первый этап существования святилища: конец III – первые годы II в. до н.э. Его Т-образный план, как показывают специальные исследования<sup>19</sup>, типичен для месопотамских храмов, т.е. оно было возведено в соответствии с вавилонскими принципами<sup>20</sup>. На втором этапе здание было несколько перестроено. Основное, что отличает святилище этого времени от более раннего, это появление продолговатого двора перед пронаосом. В наосе не было отмечено никаких изменений, однако, видимо, платформа перестала существовать и ее остатки скрылись под поднявшимся уровнем пола. Некоторым изменениям подвергся пронаос: в его северной части были отгорожены тонкой и, возможно, не очень высокой стенкой два маленьких помещения, аналогичное помещение было создано и в южной части пронаоса, были ликвидированы столбы, отмечавшие вход в это помещение, а внутри его была обнаружена каменная конструкция – по мнению исследователей, база для стелы. При этом они не исключают возможности, что именно здесь находилась большая надпись (см. ниже), найденная Датской экспедицией. Двор, стены которого были возведены в этот период времени, имел длину 13,5 м. В центре двора обнаружена каменная платформа (1,5 × 1 м), являвшаяся, вероятно, основанием для алтаря. В ходе раскопок был найден значительный материал (видимо, остатки приношений в храм), на основании анализа которого исследователи считают, что промежуток между первым и вторым периодами был очень коротким (последний, по их мнению, охватывал бесспорно первую и, возможно, вторую половину II в. до н.э., – т.е. святилище существовало в то же самое время, что и крепость). Среди находок необходимо отметить небольшой алтарь с остатками греческой надписи, выполненной красной краской. Сохранность ее достаточно плохая. Авторы предлагают чтение: *Θεοκύβρου/σωτηρίας/[-]ο[-]ϑε[-]ας/Ἀρτέμιδος[-]* и датируют ее концом II в. до н.э.<sup>21</sup>

Французские археологи проводили раскопки и на Тель Хазне (где была случайно обнаружена первая греческая надпись на Файлаке)<sup>22</sup>. Раскопки показали, что греки жили здесь в здании, незадолго до этого покинутом жителями. Исследователи считают это здание святилищем негреческого типа. В числе находок необходимо отметить черепок с частично сохранившейся греческой надписью.

Среди специальных публикаций отдельных категорий археологического мате-

<sup>19</sup> Ghirshman R. Terrasses sacrées de Bard-è Nichandeh et Masjid-i Solaiman. P., 1976. P. 188; Bernard P. Quatrième campagnes de fouilles à Ai-Khanoum (Bactriane) // CRAI. 1969. P. 335.

<sup>20</sup> Gaubet, Salles. Op. cit.

<sup>21</sup> Ibid. P. 137 suiv.

<sup>22</sup> Calvet, Gaubet, Salles. Op. cit. P. 15–17.

риала большое внимание привлекает издание "корпуса" находок терракотовых статуэток и матриц для их изготовления, сделанных в ходе работ Датской археологической экспедицией<sup>23</sup>. В корпусе представлено 129 терракот, в том числе 19 форм-матриц для их изготовления (№ 91–108 каталога), а также глиняные кубики, фишки для игры (№ 126–128) и терракотовый волчок (129). Подавляющее число терракотовых фигурок и матричных форм дошли в очень фрагментированном виде. Происходят они из раскопок объектов F 4 и F 5 юго-западной части острова, возникших в эллинистическое время. Первый из них – жилой квартал, представляющий собой комплекс помещений, где была обнаружена большая часть матричных форм (№ 93–103, 106–107). Объект F 5 – это квадратная в плане крепость (см. выше), с территории которой происходит основная часть терракотовых фигурок, представленная в публикации.

Каталог состоит из трех частей. В первой представлены терракоты, относимые автором к восточным типам (№ 1–70); во второй – к греческим образцам пластики, причем сначала показаны собственно терракотовые статуэтки (№ 71–90), затем – керамические матрицы-формы для изготовления терракот (№ 91–108); в третью часть каталога отнесены фрагменты терракот, не поддающиеся атрибуции (№ 109–125), а также указанные выше мелкие поделки из обожженной глины (№ 126–129). Затем следуют небольшие статьи-сводки, в которых рассматриваются вопросы местного производства терракот, происхождения привозных терракот, хронологической привязки образцов терракотовой пластики, обнаруженных на острове, а также проводится специальное исследование различных типов терракот, необходимое для понимания религиозных воззрений населения Файлаки в селевкидо-парфянское время. Завершает публикацию небольшой каталог, показывающий соответствие локализации мест находок терракот с конкретными фигурками и открытыми на острове археологическими объектами.

Рассмотрим подробнее типологию и некоторые наиболее важные и интересные находки терракотовых фигурок с Файлаки, представленные в публикации. Предварительно необходимо отметить, что большинство из них дошло во фрагментах, часть фигурок подвергалась ремонту и реставрации еще в древности. Терракоты покрывались краской различных цветов – от светло-желтого до насыщенных красновато-бурых оттенков. Некоторые терракоты были вылеплены вручную, некоторые – оттиснуты в одно- и двусторонних матрицах. Встречаются образцы фигурок, выполненные в комбинированной технике, когда одна часть фигурки была оттиснута штампом, другая – лепилась от руки и в дальнейшем мастер-коропласт соединял их в единое целое. Точная датировка терракот затруднительна, поэтому для их привязки к тому или иному хронологическому периоду использовался метод сравнительных аналогий с образцами из ряда регионов Ближнего и Среднего Востока.

Обнаженные женские статуэтки, идольчики-всадники, фрагментированные статуэтки животных и птиц, глиняные модели лодок, а также фрагмент терракотового рельефа-плакетки отнесены к группе терракот восточного типа. Эта группа терракотовых изделий находит многочисленные аналогии на Востоке еще до греко-македонского завоевания, некоторые варианты таких фигурок бытовали и позже, в селевкидское и парфянское время. Статуэтки обнаженных женских персонажей, переданных коропластом во фронтальной позе, представлены в двух вариантах: стоящая женская фигурка с опущенными и прижатыми к телу руками и женская фигурка в аналогичной фронтальной позе, придерживающая обеими согнутыми в локтях руками грудь. Статуэтки выполнены в невысоком рельефе в односторонней матрице, тыльная часть фигурки обработана паль-

<sup>23</sup> Mathiesen. Op. cit.

цами и уплощена, формы тела переданы с соблюдением пропорций. Голова единственной целой терракоты (у остальных головы не сохранились) моделирована весьма схематично: черты лица и прическа даны в условной манере, выделен лишь длинный нос, выполненный по сырой модели защипом. Фигурки ангобированы покрытием от темно-бурого до желтого цвета. Одна из них имеет остатки желтоватой поливы. Трудно дать точную атрибуцию этих фигурок, однако Х.Е. Матиесен полагает, что их можно связать с культом женского божества плодородия. Тот факт, что в ряде случаев такие фигурки нагих женщин находили не только при раскопках святилищ и жилых комплексов, но и в погребениях, приводит автора к предположению о том, что это могли быть амулеты — символы счастья и любви; не исключается связь этих фигурок с Артемидой, культ которой на Файлаке эллинистического времени был весьма популярен.

Терракотовые фигурки всадников на конях, статуэтки лошадей, вылепленных, как правило, от руки (имеются и фигурки, выполненные в комбинированной технике), выделяются в отдельный подвид терракот восточного типа. Эти довольно грубо моделированные поделки являются одним из самых распространенных типов терракотовых фигурок, встречающихся на огромной территории от Сирии до Ирана, и связываются с солярным культом плодородия (через почитание "великой" богини-матери) или рассматриваются как игрушки-поделки, служившие votивным целям (их часто находили в мужских погребениях). Среди файлакских находок этого типа имеются разновидности, находящие аналогии в ряде памятников Ближнего и Среднего Востока: это всадники, оседлавшие двух коней (анalogии — в Сузах и в Масджид-и Солайман, так называемые *ἄμφιπτοι* — по Р. Гиршману); одна из фигурок всадника, имеющая плоский головной убор круглой формы (терракоты из Суз и Масджид-и Солайман, передающие облик македонских кавалеристов в кавзии); наконец, хорошо сохранившаяся статуэтка бородатого всадника, трактованная в условной манере, где автор корпуса усматривает остатки кирбасия и башлыка (тип ахеменидских всадников), — она изготовлена в матрице, в то время как конь вылеплен от руки. Судя по имеющимся аналогиям из Ниппура ахеменидского времени, статуэтки бородатого воина датируются доэллинистическим временем, это базируется еще и на том, что всадники-идольчики ахеменидского времени имеют более реалистичную трактовку головы и лица, в то время как для парфянского периода характерна более условная передача головы и тела всадника.

Очень интересны терракотовые поделки, представляющие собой выполненные матричным способом модели лодок (№ 47—63). По форме и ряду характерных черт конструкции они делятся на два типа. Археологически целые экземпляры имеют длину 17,5—18 см, приподнятые на один уровень корма и нос лодок составляют в высоту 8,4—9,5 см. Если первый тип не имеет каких-либо дополнительных деталей отделки, кроме утолщения планшира, идущего по верхнему полю бортов и двух отверстий-клюзов для якоря на носу и на корме, то второй тип более сложен: он имеет на бортовой опояске налепы, показывающие уключины для весел, а с внутренней стороны небольшими поперечными валиками показаны небольшие переборки-шпангоуты, верхние части которых связаны планширным утолщением-опояской. Моделей второго типа обнаружено меньше, нежели конструктивно более простых поделок лодок первой разновидности. Ряд исследователей полагает, что подобные модели лодок использовались как хранилища для жертвоприношений и неких церемониальных и магических объектов. Другие видят в них детские игрушки. Иногда они связываются с культом восточного лунного божества Сина, не исключена их связь (через греческую Селену) с восточной Нанайей, которая ассоциировалась в Дура-Европос и Сузах с Артемидой. Датировка этих терракотовых моделей затруднена. В Селевкии на Тигре они встречаются в слоях середины II в. до н.э., а в Вавилоне — в более ранние периоды. Но никаких точных признаков, датирующих файлакские модели лодок, кроме

того заключения, что они могли быть популярны в культах от ахеменидского до парфянского периода включительно, нет.

Из зооморфных статуэток, представленных в рассматриваемой коллекции, следует упомянуть голову животного (возможно, верблюда), рог (фрагмент статуэтки, возможно, быка), а также фрагментированное изображение сидящей со сложенными крыльями птицы.

Две терракотовые статуэтки сидящих мужчин, исполненные в комбинированной технике, отнесены также к восточным типам, так как персонажи, изображенные мастером-коропластом, явно парфянского происхождения. На это указывает специфическая моделировка черт лица, тела и облачения. Наиболее интересна первая фигурка (№ 67), представляющая собой сидящего на троне и увенчанного короной бородатого мужчину. Одет он по-восточному, характер некоторых частей его одежды указывает на парфянское (иранское) происхождение. Его левая рука покоится на коленях, правая была, очевидно, поднята на уровень груди, возможно, в традиционном жесте адорации. Ноги фигурки скрещены. Трон, сохранившийся лишь частично, имеет широкую спинку, слегка наклоненную назад. Общая высота фигурки 25 см. Самое неожиданное в этой терракоте заключается в следующем. Голова фигурки представляет собой объемно выполненную и пластично моделированную головку женского персонажа (аналог которой имеется среди греческих типов терракот — № 77), использованную местным коропластом вторично для изготовления мужской сидящей фигуры. Для этого женская прическа, волнистые волосы которой разделены на прямой пробор, оказалась прикрыта вылепленной от руки короной, напоминающей тип *согона mugalis*. Были наклеены усы с приподнятыми вверх концами и длинная борода треугольной формы, почти прикрывшая женский рот. Уши украсили лепные серги-кольца, раскрашенные, как и корона, в желтый цвет, имитирующий, очевидно, золото. Голубой краской покрыта борода и усы. Сохранилась также голубая раскраска правой руки и шаровар персонажа.

Вторая статуэтка мужского персонажа — ручной лепки и в отличие от рассмотренной выше выполнена в технике круглой скульптуры. Она меньше по размеру, также фрагментирована, положение рук и ног сидящего персонажа было аналогичным первой статуэтке. Лицо сбито, сохранилась лишь часть короны, венчавшей голову. Трон, который был выполнен отдельно, не сохранился. Х.Е. Матиесен считает возможным свести эти две фигурки в единую композицию — божество и царь или же царь и его сын или наследник. С другой стороны, более крупную по размерам статуэтку автор сближает по ряду признаков с изображением парфянского царя Митридата II, который в 122 г. до н.э. подчинил своей власти субаршакидское государственное объединение в рамках Парфянского царства — Харакену вместе с островом Файлака. Отсюда и предполагаемая датировка обеих статуэток — конец II в. до н.э. Терракотовая головка мужчины с окладистой бородой и шапкой конической формы с двумя горизонтальными валиками в ее нижней части, по мнению автора корпуса, имеет аналогии среди находок в Селевкии на Тигре. Поэтому, как он полагает, нет оснований для более ранних датировок, чем селевкидо-парфянское время.

К образцам терракот восточного типа относится также верхняя часть небольшой рельефной плитки шириной 7 см с двумя сквозными отверстиями для крепления. Сюжет рельефа, изображенный на ней, определить не удастся, так как остатки его сохранились лишь в верхней части.

Комплекс терракот греческого типа (№ 71–90) представлен прежде всего мужскими и женскими головками, моделированными в традиционной греческой манере. Это мужская голова высотой 7,7 см, увенчанная стефаной с листьями лавра или оливы, исполненная в реалистической манере в технике объемного штампа (лишь тыльная сторона терракоты подправлена пальцами коропласта). Она сближается с изображением юного Геракла (анalogии из Тарса и Делоса, а также статуя

Геракла из Тира, которая в дальнейшем стала моделью-прототипом для изображений на эллинистических монетах). Вероятная датировка терракоты — II в. до н.э. При этом, однако, не исключается возможность того, что отраженный в этой терракоте образ может быть и идеализированным портретом Александра Балы или Деметрия I, имевшим аналогии как в терракотах, так и в бронзе, поскольку эта головка, являющаяся репликой статуи Геракла из Тира, может быть примером влияния последней на формирование портретистики селевкидских монархов. Две женские головки с характерным головным убором типа калафа являются собой, по мнению издателя, вотивные поделки, которые использовались в культовых целях в качестве курильниц-тимиариев (об этом свидетельствует наличие и форма калафа). В них усматривается смешение восточной и греческой техники моделирования. Они имеют аналогии в Дура-Европос, Ай-Ханум, а также в Северном Причерноморье (Мирмекий). Примерная датировка — около II в. до н.э. Три фрагментированные головки, изготовленные двойным штампом, в первом случае — изображение девочки, в двух других — женщины, имеют аналогии в материалах коропластики Танагры, а также Селевкии на Тигре. Их возможная датировка — конец IV — начало II в. до н.э.

Из фрагментов женских изображений, трактованных в греческом стиле, выделяется бюст женщины, исполненный в технике высокого объема (слегка уплощена лишь тыльная часть скульптуры). Левая рука статуэтки приподнята, правая, очевидно, покоилась вдоль тела. Хитон, переданный коропластом обильной драпировкой, на левом плече перехвачен тремя застежками, на правом — одной. Прическа опоясана диадемой или лентой, волосы на затылке собраны в пучок. Статуэтка датируется раннеэллинистическим временем. Головка этой терракоты была выполнена, очевидно, в той же матрице, что и головка скульптуры № 67, которая после ее значительной переделки стала частью изображения мужского персонажа, восседающего на троне. Ряд фрагментов женских терракотовых фигурок, облаченных в хитоны, датируется II в. до н.э. (№ 78–85). Есть в числе находок и фрагментированная терракота обнаженного персонажа, в котором предлагается видеть изображение музыканта (в одном из фрагментов Х.Е. Матиссен предполагает часть правой руки с остатками лютни). Параллели этой статуэтки имеются среди находок в Вавилоне и Уруке-Варке. Три фрагмента терракотовых постаментов-баз с сохранившимися остатками ступней, а также фрагмент ступни статуэтки завершает перечень предметов коропластики греческого типа. Характерно, что одна из этих подставок (№ 87), на которой остались следы двух фигур, сохранила остатки желтоватой глазури.

В коллекции файлакских находок представлены 19 матриц-форм для изготовления терракот, в основном фрагментированных. Они также дают сравнительно широкий спектр художественных образов. Две из них представляют собой портреты Александра Македонского, одна — статуэтку Ники в развевающихся одеждах, весьма динамично и мастерски трактованную. Шесть фрагментов матриц были предназначены для изготовления женских фигурок, полуобнаженных и задрапированных в тонкие одежды (точная атрибуция затруднена). Две матрицы служили для оттиска небольших изображений рыб длиной ок. 7 см. Если все перечисленные матрицы-формы были предназначены для поделок из глины, то четыре формы служили, как полагает автор каталога, для изделий мастера-горевта при рельефном декорировании ваз. Удалось определить некоторые сюжеты этих матриц: это персонаж дионисийского культа (бегущий или танцующий сатир), женское изображение (сохранилась часть прически), фигурки мужчин.

Х.Е. Матиссен полагает, что наличие матриц-форм среди находок на Файлаке свидетельствует о попытках жителей острова наладить собственное производство терракотовых фигурок. Однако, как подчеркивается, ни одна из найденных терракотовых фигурок не изготовлена в этих формах. Ныне на острове отсутствуют также какие-либо залежи глины, пригодной для изготовления терракот: мало-

вероятно, чтобы глина для изготовления этих мелких поделок была объектом импорта. Судя по всему, лишь несколько изделий из глины очень плохого качества (№ 70–80 – фрагментированные статуэтки женщин в складчатых одеждах) могло быть изготовлено местными коропами на острове. То же можно заключить и в отношении терракоты, изображающей сидящего на троне мужчину в парфянских одеждах (№ 67). Все остальные терракоты – привозные. Судя по имеющимся аналогиям, импортные терракоты поступали на остров из Суз, Вавилона и Селевкии на Тигре. Не исключено, что одним из транзитных пунктов, связывавших Файлаку с регионом Месопотамии и Сузианы, являлся Спасину-Харакс.

С хронологической точки зрения комплекс терракотовых фигурок, найденный на Файлаке, обнимает весь эллинистический период, однако большинство из них следует датировать преимущественно концом III–II в. до н.э. Только фрагмент постамента базы для одной какой-то монофигурной композиции (№ 87) может датироваться постэллинистическим временем.

Весьма смешанный ассортимент терракот греческого и восточного типов свидетельствует о почитании на острове различных божеств, как западных, так и восточных. Можно достаточно уверенно идентифицировать только греческие божества. Это – Геракл, Ника, возможно, Афродита. Статуэтки восточного типа могли почитаться в связи с культом женского божества, столь популярного на Ближнем и Среднем Востоке. Скорее всего это была традиционная богиня плодородия, дополнительным аргументом к определению которой служат матрицы с изображением рыб, использовавшихся обычно в качестве вотива, сопровождавшего этот культ. Статуэтки всадников Х.Е.Маттесен связывает с почитанием островитянами солнечного божества, но при этом не исключаются и какие-то влияния земледельческих культов, в частности и почитание луны (через модели лодок).

Раскопки Французской экспедиции добавили новый значительный материал для понимания характера коропастики Файлаки. Особенно много находок дал Телль Хазие – более ста целых и фрагментированных статуэток<sup>24</sup>, однако, судя по кратким упоминаниям в тексте и нескольким рисункам<sup>25</sup>, этот памятник не дал новых типов терракот. Новый тип дали лишь раскопки святилища В6<sup>26</sup> – голову бородатого мужчины (возможно, Геракла) на подставке. Все же было сделано одно интересное наблюдение: опираясь на исследование Э. Лагарса и Ж.Леклана<sup>27</sup>, французские археологи пришли к выводу, что можно уточнить происхождение одного из наиболее интересных типов женских терракотовых статуэток – головок с головным убором типа калафа: они полагают, что этот тип имеет левантийское или кипро-финикийское происхождение<sup>28</sup>.

Большой интерес вызывает и публикация керамики из раскопок Датской экспедиции<sup>29</sup>, вышедшей в двух томах в серии трудов экспедиции. Первый из них является собственно исследованием керамики, второй – полным каталогом находок. Первый том состоит из двух частей: в первой изучается керамика Файлаки эллинистического времени, во второй исследуются проблемы греческого влияния на ближневосточную керамику эллинистического периода.

Опубликовавшая керамику Л.Ханнестад делит ее на две хронологические группы, условно названные "керамика нижнего уровня" и "керамика верхнего

<sup>24</sup> Calvet, Gaubet, Salles. Op. cit. P. 16.

<sup>25</sup> Ibid. Fig. 7.

<sup>26</sup> Gaubet, Salles. Op. cit. P. 132. Not. 42.

<sup>27</sup> Lagarce E., Leclant J. Vase plastique en faïence KIT 1747: une fiole pour eau de jeunesse // Fouilles de Kition II. Objets égyptiens et égyptisants. Nicosie, 1976. P. 259 suiv.

<sup>28</sup> Gaubet, Salles. Op. cit. P. 125 suiv.

<sup>29</sup> Hannestad L. Ikaros; см. также: Hannestad L. The Pottery from the Hellenistic Settlements of Failaka // Arabie Orientale, Mésopotamie et Iran Méridionale de l'âge du fer au début de la période islamique. P., 1984. P. 67–84.

уровня”, хотя с точки зрения стратиграфии памятника четкой границы между ними нет. В общем ”нижний уровень” — это время, когда поселение еще сохраняло свой первоначальный характер, ”верхний уровень” отвечает тому периоду, когда храмы уже перестали функционировать. С точки зрения абсолютных дат ”нижний уровень” охватывает время примерно от середины III в. до н.э. до самого конца II или начала I в. до н.э.; ”верхний уровень”, — вероятно, самый конец I в. до н.э. — I в. н.э.

Наиболее обычной и многочисленной является глазурованная керамика, встречающаяся в обоих слоях. Глазурь всегда покрывает сосуд целиком. Глазурованные сосуды очень редко имели декор, который представлен некоторыми простейшими вариантами (вдавленные и зигзагообразные линии, ряды вдавленных вертикальных полосок и т.п.). Глина обычно светло-коричневая, иногда красноватая, сероватая или желтоватая. Среди глазурованной керамики выделяется одна специфическая группа — В1, которая характеризуется светло-желтой и темно-зеленой глазурью. С точки зрения формы керамика этой группы также отличается от основной массы глазурованных сосудов. Для нее характерна большая ”разработанность”, в частности кольцевой поддон и сильно профилированный венчик. Среди сосудов этой группы зафиксированы: рыбное блюдо, низкие чаши, чаши с сильно отогнутым венчиком, месопотамская амфора, чаша с угловатым профилем и отогнутым венчиком и т.д. Единственный район, где была зафиксирована подобная керамика, — Сузиана, где она представлена в слоях позднепарфянского времени.

Среди обычной глазурованной керамики наиболее распространены небольшие чаши и тарелки, а среди чаш — чаша с загнутым внутрь венчиком. Этот тип представлен в обоих уровнях. Нижняя часть чаши может быть оформлена различным образом. Целый ряд чаш имеет углубление в середине дна (черта, заимствованная из другого популярного типа керамики — рыбного блюда). Очень широко представлены чаши, для которых характерны угловатые изломы стенок и вертикально стоящие венчики (имеется несколько вариантов). Среди менее популярных видов чаш — чаши со скругленным дном, часть из них — явное подражание так называемым ”мегарским чашам”, другие — подражание восточным вариантам *terra sigillata*.

Среди тарелок наиболее распространены так называемые рыбные блюда. Они представлены среди находок верхнего и нижнего слоя, а также в группе В1. Зафиксировано большое разнообразие их вариантов. Встречаются также тарелки с сильно отогнутым наружу венчиком (зафиксированы и в верхнем и в нижнем слоях, но более типичны для верхнего). Вполне возможно, что сосуды этого типа являются подражанием металлическим. Среди закрытых форм глазурованной керамики широко представлены амфоры, причем двух вариантов: амфоры греческого типа и амфоры месопотамского типа. К закрытым типам относятся кувшинчики и фляги (две разновидности: большие и маленькие).

Изучение глазурованной керамики Файлаки бесспорно показывает ее большое сходство с глазурованной керамикой Южной Месопотамии и Юго-Западного Ирана. Некоторые типы (чаши с угловатым изломом стенок и вертикально стоящим венчиком, месопотамский вариант амфоры) явно восходят к прототипам, существовавшим в Месопотамии в нововавилонское и персидское время, однако основная часть входит в греческий ”керамический репертуар”.

Следующей по частоте встречаемости группой керамики является керамика типа *eggshell ware*: подобное название объясняется тем, что сосуды этого типа имеют очень тонкие стенки. Обычная форма — очень высокие узкие кубки (но встречаются и другие формы: чаши со скругленным дном, чаши с угловатым изломом стенок и вертикально стоящим венчиком и т.д.). Глина очень хорошо отмучена, цвет — от серого и серо-зеленого до светло-коричневого и светло-желтого. Керамика этой группы встречается и в верхнем и в нижнем слоях. Она (подобно



глазурованной) чрезвычайно похожа на керамику Южной Месопотамии и Юго-Западного Ирана.

Среди керамики зафиксирована также группа, которую называют аравийской красноокрашенной или аравийской черноокрашенной. Она (подобно глазурованной и eggshell) также является столовой и представлена рядом форм. Подобная керамика широко распространена во многих центрах восточного побережья Аравийского полуострова (Тхадис, Айн Джаван, Таруг, Бахрейн). Сравнительно небольшое количество находок заставляет думать, что она была импортирована, а не произведена на месте. Среди столовой посуды выделяются фрагментированные набатейские чаши и несколько фрагментов чернолаковой аттической керамики. Есть также находки обычной керамики, формы которой, как правило, совпадают с формами глазурованной. Наиболее популярной формой является блюдо — та форма, которая не зафиксирована среди глазурованной керамики. Хозяйственная посуда представлена большими пифосоподобными сосудами и греческими амфорами, среди последних выявлено пять ручек родосских амфор с хорошо читаемыми клеймами. Представлено три эпонима (Митион, Аристонид, Ксенофант) и два фабриканта: Тамо и Менекрат. Все эти клейма автор, ссылаясь на мнение В.Грейс, относит к короткому промежутку времени (вероятно 225—220 гг. до н.э.). Кухонная посуда представлена горшками, восходящими как к греческим, так и к аравийским прототипам.

В целом керамика, найденная при раскопках на Файлаке, характеризуется большим разнообразием типов. В то же самое время внутри каждого типа почти не наблюдается внутренней эволюции. Отличия между первым и вторым периодами заметны лишь в глазурованной керамике: во второй период на смену ранее широко распространенным белой, светло-зеленой и желтой глазури приходит темно-зеленая, несколько меняется и репертуар форм. Набатейская керамика появляется также только во второй период.

Нет никаких доказательств того, что на острове существовало собственное керамическое производство, хотя, с другой стороны, судя по размерам, большие хозяйственные сосуды, предназначенные для хранения продуктов, должны были производиться на острове. Видимо, часть керамики, обнаруженной при раскопках, была ввезена на Файлаку из различных центров Аравийского полуострова (набатейские, красно- и черноокрашенные сосуды). Высококачественная столовая посуда и часть обычной импортировалась из Месопотамии и Сузианы либо производилась на месте, но по импортным образцам.

Во второй части первого тома данной публикации, носящей название "Изучение греческого влияния в переднеазиатской керамике эллинистического периода", Л.Ханнештадт рассматривает керамику на территории от восточного побережья Средиземного моря до Бактрии (Ай Ханум). Она приходит к выводу, что греческое влияние сыграло важную роль в создании репертуара керамических форм во многих областях Селевкидского государства. Кроме того, в ряде мест (Ай Ханум, Дура-Европос) были сделаны попытки наладить собственное производство чернолаковой керамики, а в Сузах экспериментировали с месопотамской глазурью, стремясь сделать ее похожей на аттический черный лак. Во всех этих регионах одновременно продолжалось производство керамики и в соответствии со старыми местными традициями. При исследовании греческого влияния необходимо учитывать одно важное обстоятельство: его роль в производстве керамики различалась от региона к региону. В частности, на восточном побережье Средиземного моря эллинизация керамического производства была почти абсолютной: после того как возникал новый, эллинизированный репертуар керамических форм, он становился очень консервативным и мало менялся на протяжении веков. Широкое греческое влияние на керамическое производство сочеталось с очень небольшим количеством импортной керамики из собственно Греции (значителен был лишь импорт в конце IV—III в. до н.э. аттической чернолаковой керамики).

В целом, по-видимому, торговля керамикой не играла сколько-нибудь серьезной роли, что особенно стало заметно после середины III в. до н.э. К тому же целый ряд районов (особенно в Иране) оказался вообще незатронутым греческими влияниями. Л. Ханнштадт приходит к выводу, что степень эллинизации керамики прямо зависела от уровня греко-македонской колонизации того или иного района.

Одними из важнейших находок на острове являются греческие лапидарные надписи. Первая из них была обнаружена случайно еще в 30-е годы (до 1937 г.)<sup>30</sup> и опубликована в 1943 г.<sup>31</sup> Надпись сохранилась почти целиком, она выполнена не очень умелой рукой. Основное содержание надписи не вызывает сомнений и разночтений — это посвящение некоего Сотела вместе с солдатами Зевсу-Спасителю, Посейдону, Артемиде-Спасительнице. Разночтения касаются только слова, следующего за именем Сотела, сохранившегося не полностью — 'Αθηναίο... Возможно восстановление 'Αθηναί[ου] или 'Αθηναί[ος]. При первом чтении будет: "Сотел, сын Афиней", при втором — "Сотел, афинянин"<sup>32</sup>. В последнем исследовании, посвященном надписям с Файлаки<sup>33</sup>, выдвигается еще одно предположение: на основании сравнения с несколькими раннеэллинистическими надписями авторы предполагают, что в данном случае может быть умышленно пропущено слово καί. При подобном толковании начало перевода надписи будет следующим: Сотел и Афиней и т.д. Наиболее вероятная дата надписи (судя по начертанию букв) — IV — начало III в. до н.э. Из содержания надписи видно, что посвящение сделано греческими воинами, находившимися на острове. Это либо участники военной экспедиции, либо солдаты расквартированного на острове гарнизона. Античная традиция свидетельствует об исследовательских экспедициях, направленных Александром Македонским для изучения восточного побережья Аравийского полуострова (с целью подготовки большого похода для завоевания этого района), и об активной деятельности в этом районе ряда первых селевкидских царей (вплоть до Антиоха IV), стремившихся укрепить свои позиции. Наиболее известна военная экспедиция Антиоха III против Герры, однако характер данной надписи не позволяет, по мнению исследователей, отнести ее ко времени Антиоха III. Наиболее вероятно<sup>34</sup> предположение, что она была оставлена либо кем-то из состава разведывательных экспедиций, посланных Александром Македонским, либо является одним из свидетельств колонизационной деятельности одного из первых селевкидских царей. Последнее предположение более предпочтительно, так как наиболее ранние археологические находки эллинистического времени могут быть отнесены лишь к середине III в. до н.э.<sup>35</sup>, т.е. посвящение может считаться поставленным воинами из состава селевкидского гарнизона в самый ранний период его пребывания на острове.

Вторая надпись была обнаружена в ходе работ Датской археологической экспедиции в 1959 г. внутри храма А крепости<sup>36</sup>. Надпись на алтаре весьма короткая, и (хотя сохранилась частично) ее восстановление, видимо, не может вызвать сомнений. Изучение камня *de visu*<sup>37</sup> показывает, что это посвящение "богам" от лица живущих на о-ве Икарос. По всей вероятности, посвятителю — жителям военной колонии. В ходе раскопок в 1959 г. в 7–8 м к востоку от храма А также была найдена большая надпись (ее база обнаружена *in situ*, против

<sup>30</sup> См. Rouché Ch., Sherwin-White S.M. Some Aspects of the Seleucid Empire: the Greek Inscriptions from Failaka, in the Arabian Gulf // Chiron. 1985. 15. P. 4.

<sup>31</sup> *Ibid.* Op. cit. P. 112 f.

<sup>32</sup> Bull. ép. 1967. LXXX. № 651.

<sup>33</sup> Rouché, Sherwin-White. Op. cit. P. 5.

<sup>34</sup> *Ibid.* P. 9.

<sup>35</sup> *Ibid.* P. 10.

<sup>36</sup> Jeppesen. Op. cit. P. 186, 193; Altheim, Stiehl. Op. cit. S. 274.

<sup>37</sup> Rouché, Sherwin-White. Op. cit. P. 10–13.


фасада храма)<sup>38</sup>. Надпись не очень хорошей сохранности, часть текста повреждена, что порождает значительные трудности в интерпретации. Судя по всему, надпись представляет собой два документа: 1) письмо Анаксарха, обращенное к жителям о-ва Икарос; 2) письмо Икадиона к Анаксарху, содержащее инструкции царя относительно устройства дел на острове. Документы составлены в соответствии с правилами селевкидской канцелярии. Ранее считалось, что надпись относится к середине III в. до н.э., однако последние издатели пришли к выводу, что дату можно определить следующим образом: 109 год, 10 числа месяца *артемисия*, т.е. апрель-май 203 г. до н.э. Следовательно, царь, упомянутый в письме, — это Антиох III, активная деятельность которого в Персидском заливе хорошо засвидетельствована нарративными источниками. В документе указывается, что те мероприятия, которые должны быть осуществлены, были намечены еще “предками” царя, но, к сожалению, не ясно, кто именно из предшественников Антиоха III имеется в виду. Не совсем понятно, какой пост занимает Икадион: был он сатрапом Вавилонии, “области Красного моря” или, что маловероятно, Сузианы; Анаксарх же, видимо, — чиновник более низкого ранга, отвечавший за дела в более мелком административном подразделении. Не совсем ясно, каков статус населения острова: бесспорно только то, что оно не составляло полиса, а, вероятно, каким-то образом объединялось вокруг святилища, как это было в ахеменидское время: во всяком случае, единственные упоминаемые должностные лица в надписях — “неокоры”. Святилище, о котором идет речь в тексте, по мнению исследователей, было перемещено, что, возможно, было связано со строительством форта и необходимостью поместить святилище под защиту стен.

Можно предполагать, что в храмах А и В осуществлялся культ богов Спасителей: Артемиды и Зевса. Исследователи считают необходимым подчеркнуть, что эти культы по своему характеру были греческими, о чем свидетельствуют не только архитектура храмов, но и упоминание в тексте надписи агона, как спортивного, так и мусического. В надписи говорится о мерах, которые селевкидское правительство планирует предпринять для защиты прав населения острова: несмотря на плохую сохранность этого места надписи, ясно, что речь идет о предоставлении участков земли на условиях наследственной аренды (в связи с этим говорится о каких-то ущемлениях прав жителей в предшествующее время) и о других правах, в частности о праве беспошлинного ввоза товаров на остров, которое, видимо, уже ранее было гарантировано жителям. Издатели надписи полагают, что идет речь о реорганизации селевкидской колонии, которая была создана еще при Селевке I, имевшей целью обеспечение позиций Селевкидов в торговле с Аравийским полуостровом и Индией.

Среди находок, сделанных во время раскопок на Файлаке, важное место занимают монетные находки. Во время работ Датской экспедиции было обнаружено два клада и некоторое количество монет в слое. Первый из кладов<sup>39</sup> включал в себя 13 тетрадрахм, из которых 12 принадлежат одному типу. Тринадцатая монета принадлежит чекану монетного двора Суз и была выпущена в первые годы царствования Антиоха III, между 223–212 гг. до н.э. Поскольку сохранность монеты очень хорошая, О. Моркхольм, опубликовавший этот клад, предполагает, что она находилась в обращении очень недолго. С его точки зрения, клад был зарыт между 210–200 гг. до н.э. 12 остальных монет также очень хорошей сохранности и должны быть примерно того же времени, что и селевкидская монета. На лицевой стороне изображен Геракл в львином скальпе, на оборотной стороне — сидящий на троне Зевс Олимпийский, здесь же греческая надпись ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ несколько варваризованного характера. Кроме того, имеется

<sup>38</sup> Jeppesen. Op. cit. P. 174–198; Altheim, Stiehl. Op. cit. S. 273–281; Bull. ép. 1967. LXXX. № 651.

<sup>39</sup> Mørkholm. Greek Coins... P. 153–207.

знак  — южноаравийская буква *шин*. На некоторых монетах (очень похожих на данные), найденных на Бахрейне, читается имя бога Шамаша. О.Моркхольм предполагает, что эти подражания монетам Александра Македонского были чеканены в Герре.

Второй клад<sup>40</sup> состоит из 16 монет (10 тетрадрахм и 6 драхм). Из числа тетрадрахм четыре — селевкидского чекана, выпущенные на монетном дворе Суз. Одна из них относится к чекану Селевка II (246–226 гг. до н.э.) и три — Антиоха III (223–187 гг. до н.э.). Еще четыре тетрадрахмы принадлежат к тому же типу, который был встречен в первом кладе, — предположительно к чекану Герры. В этом кладе имелось также две тетрадрахмы и четыре драхмы, которые О.Моркхольм относит к чекану царя Абиатхи, местонахождение которого — еще нерешенная проблема (оно могло быть расположено либо на севере Аравии, либо, что более вероятно, на восточном побережье полуострова). О.Моркхольм полагает, что и этот клад был сокрыт в период 210–200 гг. до н.э. По его мнению, сокрытие обоих кладов может быть связано с событиями аравийской кампании Антиоха III в 204 г. до н.э.

Кроме этих двух кладов были сделаны следующие монетные находки: три серебряные монеты (одна тетрадрахма — подражание из Герры, драхма и полдрахмы — подражания Абиатхи); 19 идентифицированных бронзовых монет (15 из них относятся к чекану трех царей селевкидской династии — Антиоха III, Селевка IV и Антиоха IV, т.е. охватывают время с 223 по 163 г. до н.э., три относятся с определенностью ко времени ранее 223 г. до н.э.).

Рассмотрение всех этих материалов показывает, что остров Файлака представляет очень большой интерес для понимания многих вопросов истории эллинистического Востока. Прежде всего необходимо указать на то, что при его исследовании можно использовать как данные письменной традиции, так и эпиграфические, археологические и нумизматические данные. До относительно недавнего времени исследователи были убеждены, что остров Икарос античной традиции — это современный остров Харк<sup>41</sup>, однако открытие второй и особенно третьей греческой надписи на Файлаке с бесспорностью показало, что Икарос — это современный остров Файлака.

Возможность использования данных нарративных источников, конкретно приложимых к пункту, исследуемому археологами, не так часто представляется исследователям эллинистического Востока. Достаточно сказать, что до сего времени с бесспорностью нельзя указать название древнего города, остатки которого известны сейчас как городище Ай Ханум. Хотя исследования П. Бернара показали, что Ай Ханум — это, вероятнее всего, Александрия Оксиана, тем не менее это утверждение до открытия бесспорных документальных материалов остается только предположением, хотя и наиболее вероятным.

Отождествление же Икароса с островом Файлака бесспорно потому, что мы видим в данном случае согласование данных письменной традиции и эпиграфики. Еще одним важным обстоятельством, на которое необходимо обратить внимание, является то, что поселение на Файлаке, по всей видимости, было военной колонией Селевкидов<sup>42</sup>. Хотя в литературе существуют различные мнения относительно статуса данного поселения<sup>43</sup>, сопоставление первой и третьей надписи, кажется, должно снять всякие сомнения в этом. Если этот вывод подтвердится, то памятники Файлаки приобретут особое значение, так как до сего времени

<sup>40</sup> *Idem*. *New Coin...* P. 219–236.

<sup>41</sup> *Ghirshman R.* *Île de Kharg. Téhéran*, 1960. Подробнее см.: *Boucherlat, Salles.* *Op. cit.* P. 70 f.

<sup>42</sup> *Cohen.* *Op. cit.* P. 42–44.

<sup>43</sup> См., например: *Boucherlat, Salles.* *Op. cit.* P. 74, где утверждается, что данное поселение являлось "священным убежищем".

беспорные археологические остатки селевкидской военной колонии известны не были: они хорошо известны по нарративным и эпиграфическим данным<sup>44</sup>, однако на территории восточноэллинистического региона не было пока ни одного памятника, который можно было бы бесспорно считать остатками военной колонии. Исследование острова под этим углом зрения позволит сделать ряд важных наблюдений относительно природы столь важного института Селевкидского государства.

В связи с этим необходимо указать, что в уже имеющейся литературе по эллинистическим памятникам Файлаки существуют некоторые неясности, порожденные недостатками информации, содержащейся в публикациях, и порождающие в свою очередь неточности в исторических интерпретациях. Так, например, Ш.Руше и С.М.Шервин-Уайт, анализируя надписи с Файлаки<sup>45</sup>, сопоставляют информацию, содержащуюся в третьей надписи, с археологическими материалами и приходят к выводу, что широко распространенное мнение о "сегрегации" греко-македонского и местного населения не подтверждается раскопками острова. Однако при этом они не учитывают одного достаточно важного обстоятельства: жилища, расположенные внутри крепости, не являются изначальными и не могут считаться жилищами военных колонистов. Крепость первоначально имела военную функцию<sup>46</sup> и внутри нее не было никаких жилых построек. Жилища появились там только тогда, когда гарнизон оставил крепость и жители острова (в поисках безопасности) переселились под прикрытие стен<sup>47</sup>. Следовательно, использовать материалы, полученные при исследовании этих домов, для характеристики образа жизни селевкидских военных поселенцев нельзя. Необходимо также отметить, что в настоящее время очень сильно ощущается отсутствие сводной публикации по архитектурным памятникам Файлаки, подобной публикациям по мелкой пластике и керамике, так как имеющиеся публикации носят предварительный и обобщенный характер. Однако надо отметить, что во французских публикациях недавних раскопок на острове, несмотря на их предварительный характер, содержится значительная информация.

Особый интерес представляет храмовая архитектура острова. Наличие двух греческих по устройству храмов (хотя и с некоторыми восточными чертами) в сопоставлении с данными надписей о почитании греческих божеств и существовании на острове спортивных и мусических агонов указывает на "греческий стиль" жизни на Файлаке и служит подтверждением сложности религиозной ситуации на территории эллинистического Востока (достаточно указать, что на городище Ай Ханум раскопки вскрыли храмы только восточного типа). Однако недавние раскопки Французской археологической экспедиции показали, как опасно оперировать недостаточными материалами, поскольку в результате этих раскопок было обнаружено наличие на острове и храма месопотамского типа, в котором, однако, была найдена греческая надпись на алтаре с посвящением Артемиде. Можно полагать, что на эллинистическом Востоке (на первом этапе) греки воспринимали традиционные архитектурные формы, сохраняя в других отношениях свои старые формы культа. Принятие восточных архитектурных форм, видимо, не всегда свидетельствует о синкретизме в собственно культе.

Некоторые замечания могут быть сделаны и относительно некоторых категорий находок. Прежде всего необходимо обратиться к произведениям коропластики, опубликованным главным образом в "Трудах" Датской экспедиции (как мы уже отмечали, терракотовые статуэтки, обнаруженные Французской экспедицией,

<sup>44</sup> См. *Cohen*. *Op. cit.*; *Bar-Kochva* B. *The Seleucid Army. Organisation and Tactics in the great campaigns*. *Cambr.*, 1976. P. 20–48.

<sup>45</sup> *Rouché, Sherwin-White*. *Op. cit.* P. 33.

<sup>46</sup> А. Лоуренс называет ее фортом (*Lawrence A.W.* *Greek Aims in Fortification*. *Oxf.*, 1979. P. 179).

<sup>47</sup> *Hannestad*. *Danish Archaeological Excavations...* P. 59–66.

в сущности еще не опубликованы). В целом публикация терракот с Файлаки выполнена на высоком научном уровне. Эти материалы позволяют значительно дополнить наши знания не только в плане изучения различных аспектов истории искусства малых форм народов Ближнего и Среднего Востока, но и подкрепить ряд выводов, касающихся исследования развития торгово-экономических контактов, ремесленного и, в частности, керамического производства, религии и духовной культуры населения этих регионов в селевкидо-парфянской эпохе.

Хотелось бы в связи с этим высказать ряд соображений, касающихся атрибуции и назначения некоторых терракот, представленных в опубликованном корпусе. Уже неоднократно отмечалось в литературе, что тип терракотовых фигурок, показывающих всадников-идольчиков, восседающих на столь же схематично выполненных конях, имеет весьма обширный ареал распространения: они часто встречаются на многих памятниках древнего Востока (от Ближнего Востока до Средней Азии) и датируются временем от Ахеменидов до Сасанидов включительно. Для Средней Азии, в частности, семантика этого образа изучалась рядом исследователей<sup>48</sup>. Выводы, к которым они пришли, можно отчасти распространить и на анализируемые терракоты из Файлаки. В Средней Азии эти фигурки выполняли задачу массового прославления правящего дома, героизируя, а может быть, и обожествляя их дальних степных предков, не расстававшихся с конем. Безусловно, что наряду с династической темой в этих фигурках переплеталась народная культурно-мифологическая тема<sup>49</sup>. В связи с этим предлагаемая автором публикации обобщенная трактовка связи данного типа фигурок с солярным культом и культом плодородия нуждается в коррекции. В принципе практически все терракотовые фигурки через своих посредников-героев и божеств низкого ранга можно связать с более глобальным и абстрактным почитанием света, солнца и плодородия вообще. В данном же случае, как представляется, мужские фигурки, оседлавшие коней, выражают скорее всего связь их почитателей с культом предков-кочевников. Ахемениды, парфяне и пришедшие им на смену Сасаниды — это по сути представители древнейшего иранского кочевого населения, оставившего в своей традиционной культуре при всех ее незначительных внешних различиях очень глубокий след. Почитание же таких образов македонянами (как это было, например, в Масджид-и Солайман) не является исключением. Только на этот раз древний местный образ всадника стал рассматриваться всадниками македонской кавалерийской катойкии в качестве покровителя и этой иноэтничной группы завоевателей, ненамного опередивших в своем культурном развитии завоеванных. При этом он приобретает ряд дополнительных локальных атрибутов (кавзия, нагая богиня, помещенная между конскими головами, и т.д.).

Есть у нас замечания и по анализу терракоты, изображающей сидящего на троне мужчину (№ 67), которая связывается с изображением парфянского царя Митридата II. Представляется, что давать столь неожиданную моделировку изображения, пусть обожествленного, но тем не менее реально существовавшего аршакидского правителя — большая смелость со стороны ваятеля. А искать черты внешнего сходства черт женского лица и формы прически, пусть даже приобретенного мужественности добавлением усов и бороды, при сравнении с традиционными монетными портретами этого правителя весьма рискованно. Отметим, что при раскопках царской крепости Митридатокерта были обнаружены конструктивные остатки мебели из слоновой кости, часть которых, по мнению некоторых исследова-

<sup>48</sup> Пугаченкова Г.А. Халчаян. Ташкент, 1966. С. 230–234; она же. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. С. 125–127; Мухитдинов Х.Ю. Терракоты Саксанохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии: Автореф. дис... канд. ист. наук. Душанбе, 1973. С. 27–29.

<sup>49</sup> Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979. С. 120.

телей, принадлежит трону Митридата I<sup>50</sup>. Поскольку на рассматриваемой терракоте (№ 67) трон не сохранился полностью, достаточно сложно провести сравнительный анализ его конструкции с тронном из Нисы. Однако отличия все же имеются. В файлакском изображении спинку трона образуют две широкие и плоские стойки, перекрещивающиеся на уровне плеч персонажа перекладиной, концы которой значительно выступают за боковые стойки. В предлагаемой Г.А. Пугаченковой реконструкции трона Митридата I его спинка имеет две профилированные стойки с поперечной перекладиной на уровне плеч сидящего, причем подлокотники отсутствуют. Именно эта конструкция больше соответствует изображению тронов на парфянских монетах<sup>51</sup>.

Плохая сохранность фигурки второго сидящего персонажа едва ли может помочь в атрибуции статуэток. Сведение их в единую композицию (либо боже-ство — царь, либо царь — его сын или наследник) также затруднительно по следующим причинам. В наскальных рельефах Юго-Западного Ирана парфянского времени (только этот вид изобразительного искусства можно привлечь для сравнения) всегда заметна определенная иерархия изображенных на них богов, героев, правителей и простых смертных, подчеркнутая их позами и величиной фигур, переданных в монофигурных композициях. К примеру, на рельефе Хунг-и Ноурузи Митридат I показан верхом на коне, правитель Элимаиды — стоящим во фронт, так же, но в меньших размерах переданы фигуры сопровождающей его свиты, наконец, слуга царя показан профильной фигуркой малой величины. На одном из регистров рельефа Танг-и Сарвак мы видим в принципе аналогичную сцену. Все эти материалы показывают, что в парфянском искусстве существовали определенные выработанные каноны для подобных сцен. Следовательно, предположение автора о единой композиции, объединяющей эти две фигурки, вряд ли справедливо.

Определенные замечания могут быть высказаны и относительно публикации керамики Файлаки. Они касаются второй части, где автор дает общую картину греческого влияния на керамическое производство Востока в эллинистическую эпоху. Поражает неполнота картины. Все керамические комплексы, обнаруженные на территории советской Средней Азии, автору совершенно неизвестны. Между тем керамика того типа, который обычно называется "айханумским комплексом"<sup>52</sup>, представлена во многих центрах Северной Бактрии, Согда, Маргианы. В Бактрии это Дальверзинтепе, Тамошотепе, Халчаян, Старый Термез, Калаи-Кафирниган и др.<sup>53</sup> В Согде керамика этого типа зафиксирована при раскопках Афрасиаба<sup>54</sup>, в меньшем количестве — Еркургана<sup>55</sup>, еще в меньшем количестве на памятниках Бухарского Согда<sup>56</sup>. В Маргиане также зафиксирована керамика айханумского типа<sup>57</sup>. Без учета этих материалов, думается, создать общую картину керамического производства эллинистического Востока и роли в его развитии греческого компонента невозможно.

Некоторые замечания могут быть сделаны и относительно публикаций монетных находок с Файлаки. Прежде всего необходимо указать на одно важное обстоятельство, подчеркивающее характер и масштаб связей между Сузами и Файлакой:

<sup>50</sup> Она же. Трон Митридата I из парфянской Нисы // ВДИ. 1969. № 1. С. 161–171.

<sup>51</sup> Там же. С. 168.

<sup>52</sup> Седов А.В. Керамические комплексы айханумского типа на правом берегу Амударьи // СА. 1984. № 3. С. 171–180.

<sup>53</sup> Там же. С. 171.

<sup>54</sup> Шишкина Г.В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. № 2.

<sup>55</sup> Исмаилов М.Х. Стратиграфия городища Еркурган в Южном Узбекистане // СА. 1978. № 3.

<sup>56</sup> Ураков Б. Культура Бухарского Согда во второй половине I тыс. до н.э. и первой половине I тыс. н.э. (На основе изучения керамических материалов): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1982; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 286.

<sup>57</sup> Древнейшие государства... С. 237 сл.

бронзовые монеты, выпущенные на монетном дворе Суз селевкидского времени, за пределами Сузианы зафиксированы только в одном месте – на Файлаке<sup>58</sup>. Видимо, этот факт должен быть учтен при анализе истории Файлаки.

Завершая обзор публикаций материалов эллинистического времени, полученных в результате многолетних исследований острова Файлака, необходимо еще раз подчеркнуть тот высокий научный уровень, на котором они выполнены. Высказанные здесь замечания отнюдь не преуменьшают большого значения работы, которую проделали датские и французские археологи, введя в научный оборот обширные материалы, важность которых трудно переоценить. Можно смело утверждать, что информация, доступ к которой получили историки, археологи, искусствоведы, занимающиеся проблемами эллинизма на Востоке, будет способствовать решению целого ряда важных проблем истории и культуры эллинистического Востока.

*В.А. Гаибов, Г.А. Кошеленко, С.В. Новиков*

---

<sup>58</sup> *Le Rider G. Suse sous les Séleucides et les parthes. P., 1965. P. 27.*

L'ÉTUDE DE SITES L'ÉPOQUE HELLÉNISTIQUE DANS  
L'ÎLE DE FAYLAKA

*V.A. Gaibov, G.A. Košelenko, S.V. Novikov*

Les auteurs passent en revue les résultats des fouilles archéologiques des monuments de l'époque hellénistique dans l'île de Faylaka (Koueit). Le matériel de ces fouilles doit contribuer à la solution d'un grand nombre de problèmes importants de l'histoire et de la culture de l'Orient hellénistique.



# КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

*История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия/Под ред. И.М. Дьяконова. М., 1983. 534 с. с илл. и картами*

Первая часть первой книги коллективного труда "История древнего Востока" открывает собой трехчастную серию, посвященную древнейшим цивилизациям Азии и Северной Африки. Эта часть имеет подзаголовок "Месопотамия", однако содержание ее гораздо шире: первая глава посвящена предыстории древневосточных цивилизаций и охватывает всю Переднюю Азию, а также Среднюю Азию на стадии каменного века и начального этапа энеолита; последующие шесть глав (II–VII) отведены целиком истории Месопотамии и Элама вплоть до XI в. до н.э.

Основным автором рецензируемой части является И.М. Дьяконов; его соавтором в первой главе выступает В.М. Массон, а в разделах, посвященных шумерской и вавилонской культурам, – В.К. Афанасьева; пятый параграф пятой главы ("Законы Хаммурапи") принадлежит перу В.А. Якобсона, а седьмой параграф написан К.Х. Кушнаревой.

Введение, адресованное читателям редколлегией, формулирует основную цель предпринимаемого издания – создание обобщающей работы, отражающей накопленные к настоящему времени знания об историческом развитии указанного выше региона в соответствии с требованиями современной науки.

Отечественная историография знает три предшествующие работы аналогичного характера – труд Б.А. Тураева, монографию В.В. Струве и коллективный труд "Всемирная история" (т. I–II). Однако, как справедливо указывается во введении, со времени появления наиболее позднего из этих всеохватывающих трудов прошло почти 30 лет. За это время было сделано немало открытий, уточнялись многие теоретические положения, велась борьба за ликвидацию упрощений исторического процесса; все это сделало необходимым появление нового обобщающего труда.

В вводной части формулируется ряд важнейших теоретических положений, связанных с пониманием авторами места и роли древнего Востока во всемирной истории человечества.

Прежде всего они акцентируют внимание на том, что именно на древнем Востоке возникла древнейшая форма классового общества, которое было основано на эксплуатации рабов и оказало влияние на более позднее античное рабовладельческое общество. Авторский коллектив решительно отмежевывается от теории феодализма на древнем Востоке и от гипотезы об особом "азиатском способе производства". Не вступая в предварительную дискуссию по этим вопросам, авторы выражают надежду, что сами материалы, собранные и подвергнутые критическому анализу в данном труде, будут говорить за себя и убедительно подтвердят установки, принятые всеми участниками авторского коллектива.

Во введении также приводится высказывание К. Маркса о различии античного рабства, основанного на товарном производстве, и патриархального рабства и подчеркивается, что его нельзя понимать в смысле полной противоположности греко-римского и восточного обществ. На Востоке классическое рабство проявляется с меньшей четкостью, чем в Греции и Риме, но в принципе система социальных отношений была повсюду в древности одна и та же, но в разных странах имелись свои отличия и не только между Востоком и Европой, но и между отдельными странами как на Востоке, так и в Европе. Как известно, в более поздних классовых формациях, даже в капиталистической, социальные отношения в разных странах не были однотипными.

Далее в введении рассматривается вопрос о причинах, по которым древний Восток опередил Европу в своем развитии и раньше перешел от доклассового общества к классовому, и указывается, что природные условия ускоряли в одних местах и замедляли в других об-

ший неизменный ход исторического развития. Введение также касается проблемы хронологических рамок; поскольку грань, отделяющая древний рабовладельческий мир от средневекового феодального, оказывается различной для разных стран (ввиду неравномерности развития) авторами было решено заканчивать изложение III–IV вв. н.э., т.е. временем, когда в большинстве стран прежний социальный строй уступил место новому. Конечно, эта датировка является условной, поскольку в некоторых странах новые социальные отношения складывались с опозданием. Однако в целом предложенная авторским коллективом периодизация является наиболее надежной, и надо надеяться, что она утвердится в науке на современном этапе.

Рассматриваемый нами том, посвященный, как видно из подзаголовка, зарождению древнейших классовых обществ и первых очагов рабовладельческих цивилизаций, весьма сложен по своей источниковедческой базе. Здесь сочетаются сведения совершенно разных по типу источников: наряду с данными исторических документов удачно используются лингвистические изыскания, а также максимально привлекаются памятники материальной культуры. Вполне естественно, что археологический материал преобладает в первой главе, посвященной древнейшему этапу развития; однако и в дальнейшем изложении памятники материальной культуры чрезвычайно широко используются наряду с памятниками письменности. Особенно характерно это для V главы (§ 3), освещающей состояние Месопотамии в первые века II тыс. до н.э.

I глава рецензируемого труда – “Предыстория древневосточной цивилизации” – принадлежит в основном перу В.М. Массона (§ 2–6, 9, 10). § 1, написанный И.М. Дьяконовым, содержит описание природных условий на Ближнем Востоке до IV тыс. до н.э. Этот очерк краток, но очень емкий и занимает важное место в книге – соразмерно той роли, которую, как подчеркивает редколлегия, играет в развитии исторического процесса географическая среда.

В.М. Массон в своем обзоре процесса становления и развития самого человека и человеческого общества до начала цивилизации по необходимости выходит за пределы Месопотамии – в сущности, изначально о собственно Месопотамии говорить вообще невозможно, ибо значительная часть ее будущей территории находилась еще под водой. Автор обобщает сведения о культурных достижениях нескольких групп раннеземледельческих неолитических племен, занимавших сопредельные территории: анализирует археологические памятники Палестины (особенно натифийской культуры и Иерихона), Малой Азии (Чатал Хююк), а также привлекает для сравнения результаты раскопок в более отдаленных странах – Иране, Средней Азии и даже, – правда, “в весьма незначительных масштабах” – в Египте. Таким образом, в силу необходимости он вторгается частично в круг материалов, которые относятся к последующим томам коллективного труда. Это нарушение общей структуры является неизбежным за отсутствием соответствующих памятников в незаселенной вплоть до конца неолитической эпохи Месопотамии. Собственно история Месопотамии начинается лишь с VI тыс. до н.э. Накануне переселения будущих насельников Месопотамии в долину Тигра и Евфрата у них имело место “отделение обществ, основанных на производстве и воспроизводстве не только орудий, но и продукта производства, от обществ с первичной производящей экономикой, где производились и воспроизводились лишь орудия производства, а продукт непосредственно присваивался из самой природы” (с. 63). Подчеркивается, что этот переход будущих обитателей Месопотамии на более высокую стадию развития был медленным и постепенным, при этом еще долго сохранялась роль собирательства и охоты. Автор § 8, 11–13, И.М. Дьяконов справедливо предостерегает от упрощения в понимании процесса выделения пастушеских племен из массы земледельческого скотоводческого и охотничьего населения: “чистые” скотоводы, полностью оторвавшиеся от земледельческого труда и оседлого образа жизни, появились на Востоке лишь к концу II тыс. до н.э. с появлением иных (кроме осла) транспортных животных (с. 64).

Первые поселенцы, по мнению И.М. Дьяконова, прибыли в Месопотамию с востока, из бассейна рек Карун и Керхе (т.е. с территории позднейшего Элама – с. 36). Хотя новые формы экономики возникли еще в горах, отнюдь не эти области стали основным центром последующего прогресса (с. 65). Именно болотистые речные долины, заселенные позже горных местностей, стали родиной древнейших цивилизаций, основанных на ирригационном земледелии.

Совершенно по-новому ставит И.М. Дьяконов проблему этнической принадлежности древнейших обитателей Месопотамии. Ссылаясь на результаты лингвистических исследований, автор убедительно доказывает, что шумерскому языку предшествовали один или даже

два – “протоевфратский” и “прототигридский” (или “банановый”) – языковых пласта. До-шумеры не знали письменности, но нешумерские слова могут быть вычленены из шумерской лексики. Существование различных дошумерских племен, говоривших на разных языках, подтверждается и археологическими данными, а именно – наличием разных способов погребения (в убайдских некрополях покойники оказываются в вытянутом положении, а в Хассуне и Халафе – в скорченном (с. 86). Позднее дошумерские племена полностью ассимилировались с шумерскими и семитскими. Что касается вопроса о прародине шумеров, то И.М. Дьяконов считает, что современное состояние науки не позволяет его пока решить. Столь же загадочным продолжает оставаться и язык шумеров.

Прослеживая экономическое развитие племен, заселивших с начала VI тыс. Месопотамию, И.М. Дьяконов отмечает, что это развитие далеко не всегда было прямолинейным. Так, например, культурный уровень периода Варки, сменившего в середине IV тыс. до н.э. в Южном Двуречье убайдскую культуру, в некоторых отношениях характеризуется известным отставанием, а именно – исчезновением прежней высокохудожественной расписной керамики. Очевидно, это было связано с массовым выпуском глиняных изделий, изготовленных с помощью гончарного круга. Новые гончары уже не имели времени наносить на посуду магические узоры, поскольку это могло бы помешать процессу массового производства продукции (с. 87, ср. с. 110).

Отмечается неравномерность социально-экономического развития Верхней и Нижней Месопотамии, что связывается с отсутствием в последней благоприятных условий для ирригации. Гончарный круг и монументальная архитектура появляются здесь лишь в III тыс. до н.э. В связи с замедлением развития экономики, очевидно, происходит задержка и в процессе социального разложения общества.

Автором прослеживается роль в Месопотамии большесемейных, а позднее более мелких семейных общин, которые являлись организаторами хозяйства, и необычайно редкие случаи передела общинной земли (главным образом на неполивных участках).

Вторая глава (с. 107–161) посвящена Протописьменному периоду в Двуречье (ок. 3000–2750 гг. до н.э.). Характеризуя общественные отношения в этот период, И.М. Дьяконов (основной автор главы) отмечает наличие разрозненных общин, заселявших небольшие деревни. Подчеркивается, что они были патрилинейными и патрилокальными. Автор решительно отрицает наличие в них даже следов матриархата. В принципе он прав, говоря, что почитание богинь плодородия само по себе не доказывает высокого положения женщин в обществе; не могут служить доказательством этого и засвидетельствованные следы обычая полиандрии. Безусловно, эта форма брака способствовала сохранению семейной общины после смерти отца и совместного хозяйства неразделенных братьев, что было скорее в интересах мужей, а не их общей жены. Однако некоторые оговорки, мне кажется, нужно все-таки сделать. Утверждение об отсутствии каких-либо следов матриархата, “насколько можно проследить в глубь веков”, является, на наш взгляд, преувеличением. Глухие воспоминания о существовании матриархата в глубокой древности все-таки сохранились в мифах, упоминающих, например, богинь (шумерскую Нинхурсанг и аккадскую Иштар) в небесном совете богов, обсуждающем вопрос о том, чтобы наслать всемирный потоп.

Анализируя формы организации шумерского общества в Протописьменный период, автор подчеркивает, что основной территориальной единицей был храм, являвшийся центром тяготевшей к каналу округи. “. . . создание храмов предшествовало созданию городов”, – констатирует он (с. 111), принимая, таким образом, существующую на этот счет шумеро-вавилонскую традицию. Следует, однако, подчеркнуть, что это вполне обоснованное положение в корне отлично от модернизаторской теории “городской революции в Месопотамии”, выдвинутой в свое время Г. Чайлдом. Несомненно, переселение жителей из мелких, возможно, еще родовых деревень под стены главного храма отнюдь не приводило к отрыву населения от сельского хозяйства и противопоставлению городских форм жизни сельским. Что касается форм политической организации шумерского общества, то автор видит в ней типичную военную демократию с правителем-жрецом во главе.

Храмовые хозяйства нуждались в письменности, и она была изобретена на рубеже IV и III тыс. до н.э. В § 3 автор подробно характеризует первоначально весьма примитивную систему древнейшей шумерской письменности, а также возникшую позднее систему аккадского письма; он касается также тех трудностей, которые возникают при интерпретации записанных ими текстов.

На основании документов, расшифрованных А.А. Вайманом, автор считает возможным говорить о появлении первых рабов. Значительная часть этих рабов (и прежде всего дети,

рожденные рабынями) вливалась в ряды персонала храмовых хозяйств на равных с прочими работниками основаниях. Отмечается также появление группы лиц, задачей которых было управление, а не участие в производстве.

К концу Протописменного периода черты классового общества проявляются более отчетливо. Значительная часть урожая с храмовой земли, обрабатываемой общинниками и рабами, идет не только на общие нужды, но достается жрецу-правителю и находившемуся в его ведении персоналу. Для этого этапа характерно уже отделение войска от народа (появление дружины вождя-правителя) и введение налогов (пока еще нерегулярных и натуральных). В самом конце Протописменного периода формируется классовое общество и государство. Эта коренная перемена была обусловлена значительным ростом производительных сил, связанных с созданием региональных ирригационных систем.

Глава III (§ 1–6 написаны И.М. Дьяконовым) посвящена Раннединастическому периоду (2750–2315 гг. до н.э.). § 1 отведен освещению сложных проблем хронологии этой эпохи. Автор детально анализирует основной первоисточник – так называемый “Царский список”, отмечая его компилятивный характер и искажения, объясняемые политическими мотивами, и выявляя скрытые в нем возможности для воссоздания системы относительной хронологии. В разделе освещен также сложный вопрос о системе абсолютной хронологии Нижней Месопотамии. Несмотря на то что хронология Раннединастического периода все еще содержит некоторые спорные моменты, налицо огромный прогресс науки: еще в начале XX в. хронологические расхождения в истории древней Месопотамии измерялись тысячелетиями!

Говоря о начале Раннединастического периода, автор проявляет большую осторожность в отношении разного рода гипотез, связанных с этническими передвижениями и социальными катастрофами. Обращаясь к вопросам об этническом составе населения Месопотамии, автор приходит к интересным выводам: начиная примерно с конца IV тыс. в стране сосуществовали три языка: дошумерский “банановый”, шумерский и восточносемитский (аккадский). В конце концов, семитский язык оказался в роли основного: дошумерский язык исчез, а аккадский победил и постепенно вытеснил язык шумеров, восприняв множество шумерских терминов и самую шумерскую письменность. Это отнюдь не объяснялось могуществом и многочисленностью восточных семитов, а лишь тем, что они были подвижными пастушескими племенами, быстро сливавшимися с соседними народами.

Далее автор подробно рассматривает борьбу различных номов Двуречья за преобладание в стране. Дается интересное описание борьбы южношумерского города Урука с главным центром Северного Шумера Кишем. Эта война тесно связана с деятельностью урукского правителя Гильгамеша, превращенного позднейшей традицией в легендарного героя. Подробно анализируются находки из так называемых “Царских гробниц” Ура, которые позволяют проследить связи этого важного южного центра Месопотамии с отдаленными странами.

Большое внимание автор уделяет истории города Лагаша, династия которого по каким-то политическим мотивам не была включена в “Царский список”. К концу Раннединастического периода этот город стал весьма могущественным и вел успешные войны с соседним городом Уммой. В Лагаше был найден интересный архив храма богини Бабы (с. 201–207). В хозяйствах этого храма работало около 200 рабынь, а также 90 детей рабынь. Ближе к рабскому было положение так называемых “незрячих” (как предполагает автор, это шумерское выражение можно понимать как “те, которым не подобает глядеть (на культ?)” или же “те, которые работают не разгибаясь и не поднимая глаз” (?) – с. 202). Часть их получала наделы на “земле кормления” и владела известной долей самостоятельности. Однако не исключалась их купля и перепродажа. Все свободное население делилось на общинников и храмовых (позднее – царских) людей. Первые жили на земле больших семейных коллективов, а вторые – на земле бога (государственно-храмовой) (с. 204).

Недовольство широких масс общинников сделало необходимыми реформы, которые были проведены правителем Лагаша (*энси*) Уруинимгиной, принявшим позднее царский титул (*лугаль*). Его реформы автор считает незначительными и недолговечными. Уруинимгина правил лишь недолго в конце XXIV в. и потерпел поражение в борьбе с правителем соседней Уммы – Лугальзагеси. И.М. Дьяконов проявляет сдержанность, оценивая историческую роль последнего. Несмотря на то что Лугальзагеси удалось на некоторое время объединить все Южное Двуречье, государство его было лишь конфедерацией “номов”, которую он возглавлял только в качестве общего верховного жреца. Автор несомненно прав в своей интерпретации широковещательного заявления Лугальзагеси о том, что бог Энилил “предоставил ему путь” от Нижнего моря (Персидского залива) до Верхнего моря (Средиземно-

го): это был, конечно, не захват торгового пути, но лишь использование его торговыми посредниками царя (с. 211–212).

Глава IV "Первые деспотии в Двуречье" (автор § 1–6 И.М. Дьяконов) (с. 233–315) содержит детальный анализ двух попыток объединения Двуречья в единую централизованную рабовладельческую державу: сперва во главе с семитским центром Аккаде, а вторично, после временного распада и ослабления страны – под властью старинного шумерского города Ура. Все эти три периода охватывают около трех с лишним столетий (2316–2003 гг. до н.э.).

В этой главе мы знакомимся с политической надстройкой, представляющей собой типичную восточную деспотию, с практикой обожествления царской власти, напоминающей аналогичное явление в древнем Египте. Основатель государства нового типа Саргон Аккадский противопоставляется автором вышеупомянутому Лугальзагеси, который только номинально возглавлял всю страну. Подчеркивается, что Саргону удалось создать единую ирригационную систему и подавить сепаратизм соперничавших друг с другом центров. Прослеживаются успехи Саргона и его преемников во внешней политике (покорение Сирии и Киликии).

Местная номовая знать была в основном подавлена, но широкие народные массы, первоначально поддерживавшие Саргона, на деле ничего не выиграли от последовавших перемен. В стране царил недовольство, вспыхивали восстания. Особенно подчеркивается насильственное отчуждение земельных участков за минимальную оплату, производившееся одним из преемников Саргона – Маништушу. Аккадское государство, ослабленное социальными противоречиями, рухнуло под ударом внешнего врага – кутиев, вторгшихся с востока, уничтоживших в Двуречье царскую власть и обложивших данью зависевших от них правителей. В этот период особенно выдвинулся правитель города Лагаша – Гудеа, которого, как полагает автор, можно рассматривать как наместника кутиев в Шумере (с. 263). Детально анализируя состояние Шумера при Гудее, автор выступает против широко распространенного взгляда на правление Гудеи как на эпоху процветания шумерского народа: напротив, он полагает, что это было временем жреческой реакции, и в этом смысле говорит о временном регрессе по сравнению с аккадским периодом. Господство кутиев было недолговечным, и на смену им пришла III династия Ура, наиболее заметным представителем которой был Шульги. Хотя новой столицей оказался шумерский город Ур, это не было, по мнению И.М. Дьяконова, возрождением Шумера, ибо к этому времени шумеры и аккадцы уже сливались в один народ.

Многочисленные документы III династии Ура подтверждают рабовладельческий характер шумеро-аккадского общества в этот период. Подобным их пониманием И.М. Дьяконов продолжает линию исследования, начатую акад. В.В. Струве. Государственный сектор поглотил храмовые земли. Органы общинного самоуправления были сильно ограничены. Экономической базой централизованной монархии были обширные поместья, управляемые царскими чиновниками и связанными с ними жрецами. В них работало около полумиллиона человек (обоих полов). Работницы прямо назывались рабынями, а работники носили название *гуруш* (молодцы), но фактически мало отличались от рабов, ибо были лишены средств производства и эксплуатировались путем прямого внеэкономического принуждения (с. 277). В отличие от акад. В.В. Струве, который сравнивал поместья III династии Ура с римскими латифундиями, И.М. Дьяконов проявляет в этом вопросе осторожность и говорит о псевдолатифундиальной системе (с. 288). Созданная царями III династии Ура бюрократическая система централизованного и всеобъемлющего царского хозяйства, сложившаяся к началу XXI в. до н.э., просуществовала до его конца.

В рецензируемом труде подчеркивается, что этот срок не может считаться слишком коротким: напротив, удивительно, что эта система могла на тогдашнем уровне производительных сил "три всей своей дорогостоящей громоздкости и бюрократичности, вообще просуществовать около ста лет" (с. 288).

III династия Ура пала под ударами внешних врагов, в первую очередь семитов-амореев. Хотя главные центры еще не были затронуты, вся сложная бюрократическая система III династии Ура рухнула. Воспользовавшись ситуацией, с востока вторглись эламиты и в 2003 г. до н.э. разграбили город Ур, который долгое время пролежал в развалинах. Однако эламские завоеватели не пытались соедать новую державу на развалинах прежней – задачу организации нового государства взяли на себя аморреи. На господство в стране претендовали прежде всего династии Иссина и Ларсы. Автор отвергает существовавшую до недавнего времени точку зрения, что Иссин и Ларса были царствами, основанными одновременно на развалинах государства III династии Ура: новейшие данные свидетельствуют о том, что Ларса была основана позднее (с. 316). Следует особо отметить, что И.М. Дьяконов предлагает свою периоди-

зацию исторической полосы, следующей за крушением государства Ура: период возвышения Иссина он включает в предшествующую эпоху "первых деспотий в Двуречье" как ее завершающий этап, в то время как царство Ларсы по его экономическим и культурным признакам он относит к следующему, Старовавилонскому периоду, включающему в себя и возникновение царства Вавилона (с. 316). Кроме правителей Иссина и Ларсы, появлялись и другие местные правители, также претендовавшие на господство. Таким образом, на протяжении свыше двух веков наблюдается полный распад страны. В такой обстановке выдвинулся и постепенно получил преобладание город Вавилон, не игравший до того значительной роли. После длительных войн и победы в 1763 г. до н.э. над царем Ларсы Рим-Сином I вавилонский царь Хаммурапи создает мощную централизованную державу, которая, подобно аккадской и урской, стала типичной восточной деспотией.

Глава V посвящена так называемому Старовавилонскому периоду, главным образом деятельности Хаммурапи. Авторы (И.М. Дьяконов и В.А. Якобсон) разделили обзор вавилонской истории времени царя Хаммурапи на две части, одна из которых посвящена анализу Законов Хаммурапи (далее – ЗХ), а другая – всем остальным документам этого времени. Такое необычное разделение исторического материала является вполне обоснованным. Дело в том, что в ЗХ дается несколько идеализированная картина Вавилонского государства. Например, в них нет ни намека на неравноправие северных и южных областей страны, в других же документах того времени выявляется приниженное положение южных городов. Не случайно вскоре после смерти Хаммурапи происходят восстания именно на юге страны.

В рецензируемом труде подчеркивается, что при Хаммурапи во вновь объединенной (в третий раз) Месопотамии установилась тоталитарная система, напоминавшая порядки III династии Ура. Частное предпринимательство свелось к минимуму (с. 370). Одной из важнейших реформ Хаммурапи было превращение купцов в *тамкаров* (фактически в царских чиновников). Купцы должны были действовать под государственным контролем, причем обязаны были пускать в продажу продукты царского хозяйства, обеспечивающие царю наибольший доход. Усилилось вмешательство царя в судебные процессы. Большое значение получили царские судьи, решение которых было окончательным.

Не обходилось дело без исключений. В Сиппарском номе наблюдались несколько иные порядки, отчасти нарушавшие абсолютную власть царя. Особую роль там играли безбрачные жрицы (*надитум*), пользовавшиеся значительными экономическими привилегиями. Они могли приобретать в частную собственность поля и финиковые плантации (что другим лицам, как правило, воспрещалось) и активно участвовали в торговле и ростовщичестве, причём этой деятельностью занимались значительно энергичнее, чем делами культа. Вряд ли царская собственность от этого особенно страдала, ибо в значительной степени *надитум* были связаны родством с царским домом.

Другой особенностью Сиппара было наличие привилегированной гавани (*карум*), где существовала организация купцов, торговавших с северными пастушескими областями. Отсюда направляли вверх по Тигру и Евфрату шерсть и ткани, а в обратном направлении, вероятно, лес и металлы. Здесь регулярно собиралось народное собрание. Объединение торговцев имело самостоятельное управление, возглавляемое выборными и регулярно сменявшимися четырьмя лицами.

Судя по ЗХ (§ 5), население резко делилось на два класса – свободных и рабов. Подлинными рабами были рабы-чужеземцы. Долговое рабство по существу отсутствовало: свободный человек мог за долги отдаваться в кабалу, но лишь на три года и хозяин не имел права его убить. Свободные люди делились на две категории, обладавшие различными юридическими правами: *мар-авелим* и *мушкедум*. Первые являлись господствующей прослойкой. Как правило, они были членами общины (патриархальной или общины неразделенных братьев) и играли видную роль в суде и администрации. Юридически гораздо ниже их стояли *мушкедум*. Они не были членами общин, ибо являлись, по мнению авторов, пришельцами или изгоями, утратившими связь с общиной. Их использовали для работ на царской земле.

Могущество Вавилонской державы оказалось более кратковременным, чем преобладание аккадской и урской деспотий. При преемниках Хаммурапи неоднократно восстают южные области страны. С другой стороны, происходит вторжение касситов, которые пришли с территории современного Луристана и, отклонившись к северу, овладели зависимым от Вавилона Ханейским царством, а позднее установили свое господство над всей Вавилонией.

Заключительный параграф V главы посвящен краткой истории Элама, тесно связанного с Месопотамией. Отмечается, что разговорным языком в Эламе был аккадский, а канцелярским и литературным – шумерский. Поэтому включение истории Элама в первый том, озаг-

лавленный "Месопотамия", является закономерным. В этом разделе по-новому ставится вопрос о формах семьи в Эламе. Вопреки традиционному взгляду о наличии матриархата и фратриархата в такую позднюю эпоху, как II тыс. до н.э., подчеркивается, что данные семейные формы ограничивались лишь царскими семьями.

VI глава работы озаглавлена "Среднеавилонский период в Нижней Месопотамии и Эламе".

Здесь прослеживаются коренные изменения, которые произошли в стране во второй половине II тыс. до н.э. Прежде всего происходит значительное ослабление централизованной системы. Большую роль начинает играть мощная военная сила – касситы. В вопросе о происхождении этого народа многое остается неизвестным, ибо своей письменности у них не было и вопрос о классификационной принадлежности их языка является до сих пор открытым. Вопрос же о том, говорили ли касситы на одном из автохтонных языков Азии, близком к иранским, и поклонялись ли они индоиранским божествам, автор рецензируемой книги – на наш взгляд справедливо – склонен решать отрицательно.

Огромную помощь касситам, добившимся господствующего положения в Месопотамии, оказали их успехи в коневодстве. Правда, лошадь, как справедливо указывает И.М. Дьяконов, была известна в Месопотамии с XXI в. до н.э., но до прихода касситов она использовалась крайне редко. Именно касситы внесли значительное усовершенствование в устройство колесницы и выучку лошадей и впервые выработали конно-колесничную тактику боя. В начале XVI в. до н.э. касситы прочно утвердились в Месопотамии, и родоначальник касситской династии Агум II именуется себя царем касситов и аккадцев. Однако территория касситской Вавилонии была менее обширной по сравнению с державой Хаммурапи. В XIII–XII вв. Вавилония была ослаблена в результате нашествий арамейев и эламитов, и в 1158 г. до н.э. касситская династия была свергнута.

И.М. Дьяконов успешно разрешает ряд сложных и подчас вызывающих споры вопросов, характеризующих экономику касситского периода. При этом он удачно избегает упрощения. Признавая некоторый хозяйственный регресс в начале рассматриваемого периода, он приводит данные о значительном подъеме к концу его. Особенно это сказывается в расцвете ремесел. В сельском хозяйстве прослеживается процесс освоения целинных земель, вызвавший повышение удельного веса урожая пшеницы и эммера по сравнению с урожаями ячменя.

Большой интерес представляют соображения автора относительно социальных перемен в стране. Отмечаются неоднократные сообщения о пожалованиях различным лицам участков земли с освобождением их от поборов, служб и повинностей. Хотя царь оставался формально собственником этих земель, но признавалось открыто, что они дарились на вечные времена. Автор решительно возражает против попыток истолковать эти пожалования как признак феодализации. Сторонники феодального строя на древнем Востоке предполагают, что касситская феодальная знать получала земли за счет местного населения. На самом деле ничего подобного не было. Пожалования делались не из земли общинного фонда, а из царской земли и не только касситам, но и коренным вавилонянам. Касситские колесничные отряды не представляли собой феодальной аристократии, но находились на царском снабжении. Эти выводы И.М. Дьяконова являются справедливыми и очень важными. Царский земельный фонд при касситском господстве сильно сокращался. Земля дарилась не только отдельным лицам, но и храмам. Громоздкий административный аппарат сильно упрощался.

Другим характерным явлением, свидетельствующим об ограничении царской власти, является предоставление автономии ряду городов. Даже Вавилон из столицы страны превратился в самоуправляющийся город.

В противовес теории феодализации в рассматриваемый период автор приводит убедительные данные о развитии рабовладения, притом не за счет рабов-чужеземцев, а в результате развития долговой кабалы. Закабаленные должники в отличие от времен Хаммурапи стали называться рабами. Констатируется жестокая эксплуатация рядовых земледельцев, которых автор сравнивает со спартанскими илотами и решительно отказывается называть их крепостными (как это принято в буржуазной науке).

Раздел, посвященный культуре древней Месопотамии (автор В.К. Афанасьева), по своей структуре является весьма своеобразным. Соответствующие материалы не сосредоточены воедино, но разбросаны по всей книге в параграфах, завершающих I–IV главы, а также в отдельной VIII главе. Это разединение несколько затрудняет показ общей картины развития культуры народов Месопотамии.

Автор уделяет много внимания теоретическим вопросам, касающимся не только народов

Месопотамии. Справедливо отмечается эмоциональное восприятие мира древним человеком. Для наиболее древнего периода в развитии искусства особенно большое значение придается керамике. Совершенно правильно оцениваются росписи на древнейших сосудах, которые не были простым украшением, но характеризовали своеобразную систему представлений. Мы знакомимся здесь со сложными магическими понятиями, определяющими мирозерцание дописьменного периода. Особенно замечательным является часто повторяющийся на изображениях образ стремительного движения разных существ (женщин с распущенными волосами, рогатых животных, рыб и змей, упорно двигающихся в одном и том же направлении). В этих образах подчеркивалось вихревое, центростремительное движение, обязательно лишь в одну сторону (с. 72). Это не могло быть случайным, но безусловно было связано с каким-то магическим действием (скажем – “от себя”, воспроизводящим идею мирового круговорота). Конечно, такие идеи были понятны и доступны лишь создавшим их жрецам. Интересно сопоставить эти взгляды с упомянутым в другом месте представлением о том, что “убежавший день” означал у шумеров и аккадцев то, что обогнало людей и ушло в прошедшее.

Очень интересны наблюдения В.К. Афанасьевой, относящиеся к зачаткам земледельческих культов, о чем свидетельствуют находящиеся в хранилищах зерна фигурки женщины-матери. Прослеживаются также признаки тотемизма (ритуальное поедание рыбы на пиру общины рыбаков). Говоря о древнейших религиозных представлениях, автор констатирует, что на этом этапе тщательно избегались нарушения табу или проявление ритуальной нечистоты, а о каких-либо этических запретах не могло быть и речи.

В обзоре древнейшей архитектуры детально прослеживается появление столь оригинального типа строения, как зиккурат.

При анализе скульптуры Раннединастического периода В.К. Афанасьев отмечает отличие шумерского искусства от египетского. Так, на шумерском скульптурном портрете на спине и плече изображаемого лица делалась надпись, поясняющая, кого изобразил художник. В Египте в этом не было надобности, ибо легко можно было узнать изображенного человека по портретному сходству. Таким образом подчеркивается условность, господствующая в шумерском искусстве.

Говоря об искусстве периода первых деспотий, автор считает возможным, с известными оговорками, говорить о реализме в скульптуре, приводя в качестве примера скульптурный портрет Саргона Аккадского и знаменитую стелу Нарам-Суэна. Вполне обоснованно подчеркивается тесная связь и взаимовлияние шумерского и аккадского искусства, предвещающая слияние двух народов.

В обзоре литературы отмечается, что в течение всего III тыс. до н.э. ведущая роль в Месопотамии принадлежала шумерской культуре. Слово и пластика в Шумере имели своим источником фольклор. Устная литература уходила своими корнями в незапамятные времена. Особенно интересно наблюдение относительно фактов отражения в литературе дошумерской традиции и дошумерского языка. На основе устного творчества складываются позднее произведения письменной литературы. Особый, весьма интересный жанр составляют так называемые этиологические сказания, восхваляющие творчество богов, открывших новые занятия – скотоводство и земледелие. К сожалению, порой материал изложен с чрезмерной краткостью. Например, упомянут лишь мимоходом своеобразный жанр “споров” той или иной отрасли хозяйства или самих хозяйственных предметов. Читатель не сразу поймет, о чем идет речь. Хотелось бы видеть также хотя бы краткое изложение содержания басни “Спор Плуга с Мотыгой”, в которой шумерский писатель оказал явное предпочтение мотыге. В целом, однако, обзор шумерской литературы, столь повлиявшей в дальнейшем на аккадскую, дан автором в исчерпывающем виде, и соответствующий параграф (§ 8 в IV главе) является одним из наиболее интересных.

Необычайно интересна также последняя, VII глава, специально посвященная вавилонской идеологии во II тыс. до н.э. Обряд священного брака божеств плодородия, связанный с общинными культами, как выявляется здесь автором, потерял свое значение и на первый план выдвинулись в эту эпоху религиозные представления. Основной функцией религии на этом этапе стало освящение существующего классового строя. Когда номовые государства (государства-общины) окончательно уступили свое место деспотической монархии, исключительное значение получил общегосударственный культ Мардука, бога – покровителя столичного города Вавилона. Этот бог стал почитаться как покровитель праведного суда, что свидетельствует о появлении этического момента в религиозных представлениях. При касситском господстве происходило отождествление многих касситских богов с вавилонскими. По спра-



ведливому утверждению автора, попытки противопоставлять касситскую религию вавилонской и связывать ее с индоиранскими верованиями не имеют достаточных оснований.

В сфере науки и техники, по наблюдениям автора, в Вавилонии прослеживается во II тыс. значительный прогресс. Бронза, встречавшаяся прежде очень редко, становится основным материалом для изготовления орудий и оружия. Для ее получения требовалось большое количество олова, которое стало доставляться из долины Хильменд (в современном Юго-Восточном Афганистане), где были открыты огромные залежи этого металла. Другим техническим достижением было использование стекла, которое появилось в начале II тыс. у хурритов, а в XIII в. проникло от них в Вавилонию. Очень значительными были достижения в изучении филологии. Шумерский язык, переставший быть разговорным, изучался в специальных школах как литературный язык. Показательно, что в этих школах учились не только мальчики, но и девочки.

Автор отмечает значительные успехи вавилонской математики во II тыс. до н.э. Вавилонские ученые решали квадратные уравнения, знали "теорему Пифагора" и располагали методами нахождения "пифагоровых чисел" более чем за 1000 лет до самого Пифагора. Решались даже стереометрические задачи (с. 458). Значительны были достижения в сфере медицины. Кроме жрецов-знахарей, которые наряду с заклинаниями применяли иногда способы примитивной психотерапии, имелись уже и настоящие врачи. Упоминаются хирурги, производящие ампутации и сращивание переломов, а также гинекологи. Магическая практика не всегда противостояла науке. Автор отмечает, что наряду с текстами, фиксирующими гадания, встречались вполне реальные наблюдения по анатомии людей и животных. С другой стороны, маги занимались вычислительной астрономией. Таким образом, кульгово-магическая практика в качестве своего побочного продукта часто имела разработку положительных знаний. Некоторые наблюдения через Финикию и Малую Азию проникли в Грецию и Италию и оказали влияние на античную науку (с. 461 сл.).

Что касается аккадской художественной литературы, то она развивается в основном во второй половине II тыс. до н.э. Аккадские авторы отнюдь не повторяли механически шумерские образцы, но вносили в них много нового. Характерной особенностью аккадской художественной литературы является почти полное отсутствие прозы. Автор приходит к интересному выводу, что аккадская литература – это уже литература в полном смысле слова, со своими эстетическими средствами воздействия, со своей идейной, а не только культовой задачей (с. 469).

Анализируя сказание о Гильгамеше и легенду об Адапе, автор отмечает стремление их создателей разрешить проблему бессмертия, что оказывается недостижимым даже для величайших героев. Значительное внимание уделяется замечательному произведению "Разговор господина и раба", где доказывается, видимо, идея о тщете жизни. Два других вавилонских произведения – "Вавилонская теодиция" и "Невинный страдалец" – выдвигают этические моменты, чуждые более древней литературе (с. 475), так же как и сказка о ниппурском бедняке. Наконец, затрагивается вопрос о зачатках драмы в Вавилонии. О вавилонской архитектуре и скульптуре говорится очень мало. Подробнее сообщается о глиптике, причем отмечается, что изобретение в касситское время алмазного сверла привело к появлению замечательных печатей из агата, сердолика и халцедона.

Итак, в большинстве своем выводы авторов рецензируемого коллективного труда являются новыми, оригинальными и надежно обоснованными. Лишь некоторые частные моменты представляются мне спорными. На них я и хотел бы задержать внимание.

1. На с. 179 говорится о прямых связях Шумера и Индии. Мне кажется, что, принимая во внимание низкий уровень тогдашнего кораблестроения и мореплавания, можно говорить лишь о косвенных связях, через посредство промежуточных стран, расположенных по берегам Персидского залива.

2. Совсем убедительным следует признать утверждение, что от реформ Урунимгини выиграли в основном жрецы (с. 210). Дело в том, что в надписи Урунимгини вполне отчетливо говорится о резком уменьшении поборов, взимавшихся жрецами за совершение заупокойных обрядов. Вместо прежних 420 хлебов жрец имел право получать только 80. Если учесть колоссальную роль религиозной идеологии того времени, не дававшей возможности уклониться от выполнения обрядов, но такое сокращение поборов более чем в пятикратном размере должно было принести рядовым жителям Лагаша, в особенности беднякам, значительное облегчение, а жрецам – существенный убыток.

3. В разделе, посвященном Эламу, имеется досадный пропуск. Ничего не говорится о продвижении эламитов в XVIII в. до н.э. далеко на запад, до берегов Мертвого моря. Правда,

об этом имеются лишь сведения Библии, связывающие данный поход эламитов с легендарным Авраамом, но самый факт нашествия эламитов, по-видимому, имел место. Библейский автор (кн. Бытия, гл. XIV) просто использовал глухое воспоминание о нем для прославления скромного вождя небольшого племени, который якобы нанес поражение эламитами и вырвал из плена своего племянника – Лота.

4. На с. 386 утверждается, что вопрос о том, обучились ли касситы коневодству у индоиранских племен, остается все еще неясным. Мне кажется, что при решении этого вопроса надо учитывать, что в "Хеттских законах" (в отличие от ЗХ) очень много говорится о лошадях. Поэтому можно предполагать, что в Месопотамию первые лошади попали с запада, из Малой Азии, и касситы, которые при своем проникновении в Северную Месопотамию соприкасались там с хеттами, могли заимствовать у них коневодство, и, конечно, усовершенствовали его.

Я хотел бы подчеркнуть, что взгляды и выводы всех авторов рецензируемого тома в общем и целом вполне согласованны. Пожалуй, лишь в одном месте наблюдается разноречие: если И.М. Дьяконов считает, что никаких, даже самых отдаленных следов матриархата в Месопотамии нельзя проследить, то В.К. Афанасьева, напротив, утверждает, что лишь в касситский период в Вавилонии окончательно восторжествовал патриархат и "мужчина стал всемогущим хозяином не только в земной жизни, но и в царстве богов" (с. 453).

Подведем теперь итоги и отметим основные черты, характерные для рецензируемого труда. Хотя в нем имеются спорные моменты и в отдельных случаях нельзя обойтись без полемики, надо отметить, что эти детали не имеют принципиального значения. В целом научный труд, в создании которого основная роль принадлежит И.М. Дьяконову, базируется на глубоком анализе источников, изученных в подлиннике, и это придает ему огромную ценность. Можно смело сказать, что в ближайшие годы этот труд будет основным и руководящим при изучении шумерского и аккадского обществ. Все главные выводы обоснованы с большой тщательностью и являются вполне убедительными. Отметим в заключение наиболее важные из этих выводов.

1. Автор вполне справедливо отмечает, что смешение шумеров с дошумерским населением, а затем с аккадцами было вполне мирным. То же, видимо, было и с рядом других народов (амореями, хурритами, эламитами, касситами), с которыми у шумеров не было вражды и отдельные столкновения не были серьезными. Исключением являются взаимоотношения с кутиями, о которых в шумерских документах содержатся язвительные и враждебные отзывы, но дело в том, что эта вражда не была связана с этническими моментами. Скорее всего дело объясняется отсталостью в развитии кутиев, сохранивших еще многие обычаи и понятия родоплеменного строя. Кутии стремились навязать свои обычаи народам Южной Месопотамии и противились установлению у последних централизованной власти (они "унесли лугальство", т.е. государственный строй шумеров и аккадцев), и это вмешательство во внутренние дела покоренного населения было причиной раздоров. Шумеры и аккадцы, несмотря на резкое различие языков, действовали в ряде случаев вполне согласно, и весьма показательно, что, как подчеркивают авторы, они носили общее название – "черноголовые". В искусстве и литературе это сотрудничество дало ценные результаты. Особенно показательно, что клинопись, созданная шумерами, распространилась (в разных формах) не только по всей Месопотамии, но и в ряде других стран Западной Азии. Все это авторы рассматриваемого труда обосновывают весьма удачно.

2. Основной территориальной единицей в Шумере долгое время был не город, а храм ("создание храмов предшествовало созданию городов" – с. 111).

3. В связи с этим отчетливо показано, что крупная территориальная община в древней Месопотамии долгое время не превращалась в городскую. Автор предлагает определять ее как ном, применяя этот греческий термин, которым, как известно, египтологи обозначали основные территориальные единицы в Египте.

4. Вопрос об отделении ремесла от сельского хозяйства И.М. Дьяконов трактует очень осторожно, избегая упрощений и преувеличений. Он показывает, что это был длительный процесс. Кочевой быт стал в полной мере возможным лишь после появления в больших размерах одомашненных верблюдов.

5. Говоря о хозяйственном прогрессе, И.М. Дьяконов избегает упрощения в характеристике происходивших сдвигов, учитывая моменты замедления и временного регресса. Так, в XX–XIX вв. до н.э. в связи с переселением амореев, бывших в основном овцеводами, многие плодородные области в Месопотамии захирели и процветавшие прежде участки превращались в пастбища для овец. Конечно, что явление было временным и не нарушало общего хода экономического развития Шумера и Аккада.

6. И.М. Дьяконов решительно выступает против высказывавшейся теории феодализации общества в касситский период. Он приводит ряд убедительных фактов, которые полностью опровергают выводы модернизаторов.

7. Вполне правильно отвергается гипотеза об экономической и социальной катастрофе, которая произошла якобы в XXVIII в. до н.э. Никаких явных признаков этого потрясения автор в источниках не находит.

8. Верно отмечается различие в формах рабовладения на разных стадиях и доказывается, что наиболее четко рабовладельческие отношения прослеживаются в касситский период, когда рабовладельческая система принимает особенно жестокий характер. Однако даже на этой стадии рабовладение в Месопотамии не дошло до апогея и остановилось примерно на уровне досолоновского рабства в Греции.

9. Подлинной, официально признанной частной собственности на землю древняя Месопотамия не знает, но фактически (особенно в касситское время) наследственный владелец пожалованной царем земли чувствовал себя нередко полным собственником (и притом наследственным) своего участка.

10. Подавление сепаратизма номов было прогрессивным явлением. Создание централизованной деспотии наблюдалось несколько раз и приняло наиболее отчетливую форму в период III династии Ура. Однако в касситский период выяснилась невозможность сохранения тоталитарной монархии, но, конечно, дело заключалось не в феодализации, а в наступлении нового этапа рабовладельческого строя.

Таковы основные выводы рассматриваемого труда.

Безусловно, рецензируемая работа, выполненная коллективом авторов, возглавляемым И.М. Дьяконовым, будет с интересом изучена специалистами, а также более широким кругом читателей, интересующихся историей древнего Востока.

*Д.Г. Федер*

*И.Н. Хлопин. Историческая география южных областей Средней Азии (античность и раннее средневековье). Ашхабад: Ылым, 1983. 212 с., илл.*

В аннотации к рецензируемой книге отмечено, что в результате системного анализа исторических источников автор предлагает "свою локализацию ряда областей и племен древности", нарушая тем самым традиционные представления об исторической географии юга Средней Азии эпохи Ахеменидов, античности и раннего средневековья.

Все это не может не вызвать закономерного интереса у исследователей, занимающихся сходными проблемами, тем более что и во введении к монографии И.Н. Хлопин подчеркивает необходимость пересмотра устоявшихся взглядов на историю, маршрут и хронологию среднеазиатских походов Александра Македонского, а также ставит ряд других вопросов, связанных с новой интерпретацией письменных источников от времени образования Ахеменидского государства до падения Сасанидского Ирана.

Рецензируемая монография состоит из введения, четырех глав – "Под властью Ахеменидов", "Парфянская держава", "Южные области Средней Азии в составе Сасанидского Ирана", "Поход Александра Македонского в Среднюю Азию", заключения и приложения, содержащего краткий очерк истории Арии. Монографию иллюстрируют карты, типологические и хронологические таблицы.

В свою очередь каждая глава состоит из отдельных очерков, зачастую не связанных тематически и хронологически. Так, очерк о доахеменидских государственных образованиях в Средней Азии почему-то включен в главу "Под властью Ахеменидов", а главы "Парфянская держава" и "Южные области Средней Азии в составе Сасанидского Ирана" помещены перед главой "Поход Александра Македонского в Среднюю Азию", что нарушает хронологическую последовательность событий и целостность восприятия, не дает возможности проследить изменения в исторической географии юга Средней Азии, происходящие в тот или иной временной период.

Разумеется, в рамках небольшой рецензии невозможно рассмотреть все проблемы исторической географии юга Средней Азии, проанализированные автором в его исследовании.

Поэтому остановимся только на тех из них, которые вызывают у нас определенное сомнение в правильности аргументации и выводов И.Н. Хлопина. Но прежде всего подчеркнем весьма важное значение всех проблем, исследуемых автором рецензируемой монографии, что само по себе уже определяет ее большую научную значимость.

В первой главе монографии рассматривается маршрут похода Кира II в Среднюю Азию (с. 8 сл.), приводятся таблицы о податных округах Дария I, составе вооруженных сил армии Ксеркса, о народах в составе державы Ахеменидов и их вооружении по Геродоту. Не лишена интереса картосхема распределения народов по типам вооружения: бактрийским и мидийско-персидским (с. 30). В специальном очерке этой главы, посвященном реке Акес Геродота, автор предлагает для нее новую локализацию, отождествляя ее с Атреком (с. 32 сл.), а не с Герирудом – Тедженом (как считают И. Маркварт, В.Б. Хеннинг, И. Гершевич, В.М. Массон). Этот вопрос до сих пор оживленно дискутируется в науке, хотя последней точки зрения придерживаются многие зарубежные и советские исследователи; высказывались также и другие гипотезы<sup>1</sup>.

По мнению автора, основное в локализации реки Акес – это "выяснение места, где была возможность соседства названных Геродотом пяти народов: гирканов, парфян, хорезмийцев, сарангов, таманеев" (с. 39). Таким местом, согласно И.Н. Хлопину, следует считать предгорья Копетдага, долину Атрека и низовья Узбоя (с. 43, рис. 3). Это заключение не представляется бесспорным, так как окончательно не установлено наличие в низовьях Узбоя памятников VII–VI вв. до н.э., которые могли бы принадлежать именно хорезмийцам, хотя постановка такого вопроса возможна<sup>2</sup>.

Исходя из своей локализации реки Акес, И.Н. Хлопин считает несостоятельной гипотезу И. Маркварта о "Большом Хорезме" (с. 52 сл.), полагая, что в предахеменидское время на территории Средней Азии "не было никакого раннегосударственного объединения народов во главе с хорезмийцами" (с. 56). Более того, по мнению автора, хорезмийцы не могли "в силу своей отсталости осуществлять руководство над более культурными во всех отношениях оседлыми народами Средней Азии", т.е. над парфянами, гирканиями, ариями и др. (с. 56). Однако хорошо известны факты, когда так называемые отсталые народы в течение длительного периода времени "осуществляли руководство" оседлыми народами Средней Азии (среднеазиатские завоевания кочевей, тохаров, гуннов, монголов и т.д.). Выводы автора рецензируемой монографии в этом вопросе излишне категоричны и не опровергаются, как нам представляется, гипотезу И. Маркварта, поддержанную и рядом советских ученых.

Анализ только письменных источников, даже несмотря на "несколько отличные методические приемы" (с. 4), использованные автором, все же не вносят принципиально новое в решение проблемы ранних среднеазиатских государств. Необходим комплексный подход к интерпретации письменных источников в неразрывном единстве с новейшими археологическими материалами. Однако И.Н. Хлопин не использовал в полной мере археологические данные и при написании такого важного раздела книги, как "Поход Александра Македонского в Среднюю Азию" (с. 121 сл.). Здесь И.Н. Хлопин, суммируя выводы предыдущих глав рецензируемой книги, ставит задачу подвергнуть сомнению устоявшиеся интерпретации исторических фактов и проверить "правильность осмысления того или иного явления", зафиксированного в письменных источниках (с. 122). Задача эта, несомненно, важна и требует конкретных аргументов.

Вопрос об Оксе–Амударье как границе между Бактрией и Согдианой Н.И. Хлопин рассматривает в отрыве от некоторых источников и исследований, освещающих данную проблему (с. 150). Будто и не было столетней дискуссии на эту тему. Далеко не все историки походов Александра Македонского писали об Оксе как рубеже между Бактрией и Согдом. Есть утверждение о том, что Аркс–Окс разделяет "скифов и бактрианов" или же Яксарт–Танаис "отделяет бактрианов от скифов"<sup>3</sup>, есть и предположение о том, что реки соединяют области, а разъединяют горы<sup>4</sup>, существует точка зрения об условности границ между

<sup>1</sup> Массон В.М. Еще раз о геродотовой реке Акес // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967. С. 172–176; Воробьева М.Г. Проблема "Большого Хорезма" и археология // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.

<sup>2</sup> Юсупов Х. Археологические памятники Узбоя и проблема водного пути из Индии в Каспий // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад, 1984. С. 80 сл.

<sup>3</sup> Дьянков И.В. Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982. С. 21 сл.

<sup>4</sup> Дьяконов М.М. Сложение классового общества в Северной Бактрии // СА. 1954. Т. XIX.

Бактрией и Согдианой по Оксу<sup>5</sup>, что может объясняться, в частности, склонностью античных авторов (не имевших достаточно полного представления о зонах и границах расселения восточных народностей) выделять рубежи по рекам<sup>6</sup>. Наконец, имеются эпиграфические памятники, свидетельствующие о распространении бактрийской письменности и языка к северу от Окса вплоть до Гиссарского хребта и, напротив, показывающие полное отсутствие на этой территории вплоть до раннего средневековья согдийской письменности и языка. Эти данные, имеющие исключительно важное значение, совершенно определенно указывают, что границей, разделяющей бактрийский и согдийский этносы, был не Окс—Амударья, а Гиссарский хребет, возможно, в районе Дарбанда, где сейчас выявлены пограничные стены, отделяющие кушанскую Бактрию от кангуйского Согда. Об этом же свидетельствуют и данные топонимики, к северу от Дарбанда имеются топонимы согдийского происхождения, к югу — их нет.

Все это, к сожалению, не учтено автором. Исходя из ошибочной трактовки южной границы Согдианы, он к тому же неверно помещает некий город Наутаку в районе Шерабада. Для доказательств данного положения автор привлекает косвенные данные: сведения ал-Макдиси о наличии городка Навидаха на Джейхуне (Амударье) и имеющийся около Шерабада кишлак Наувах с будто бы созвучным названием, расположенный по пути "из Балха (Мазари-Шерифа) в Самарканд, примерно в 30 км от берега Амударьи". Свой этюд о локализации Наутаки автор заключает словами: "локализация античной Наутаки равносильна установлению точного путевого указателя" (с. 151 сл.). Рассмотрим этот вопрос более подробно, поскольку здесь достаточно ясно прослеживается метод, который И.Н. Хлопин применяет для решения сложных проблем исторической географии. Отметим вначале две показательные ошибки, свидетельствующие о пренебрежении автора к точным фактам и географическим ориентирам: Балх и Мазари-Шериф вовсе не равнозначные пункты, а два разных города, расположенные в 30 км друг от друга; кишлак Наубаг (а не Наувах) находится в 55 км к северу от Амударьи, а не в 30 км от нее (с. 152).

Установленная автором будто бы однозначность трех названий: Наутака, Навидах и Наубаг далека от истины, поскольку все они имеют разное значение. Во втором компоненте слова Наутака, на наш взгляд, можно предполагать слово *utaka* — "область" или слово *tak* — "свод, арка, подножье", тогда как в слове Навидах — второй компонент *dah* "деревня", а в слове Наубаг — *bag* "сад". И первый компонент при внешнем сходстве также мог означать разные понятия: *pau* — "новый", *pav* — "желоб". Все это подвергает серьезному сомнению предложенную И.Н. Хлопиным локализацию согдийской Наутаки. Но кроме того, им допущены и историко-географические ошибки. Из текста Макдиси совершенно очевидно, что городок Невидах (или Невида, по В.В. Бартольд) находился между Керкухом (Керки) и большой хорасанской дорогой, проходящей через Амудь (Чарджу) в пределах современной Туркмении, тогда как кишлак Наубаг расположен в Сурхандарьинской обл. Узбекистана, в совершенно противоположной стороне. Нельзя не отметить и другую неточность автора, когда он категорически утверждает, что Наутака — это не провинция, а город в Согдиане у переправы через Окс. По Курциу Руфу (кн. VII. II. 19), это согдийская область, которую называют Наутака<sup>8</sup>, согласно Арриану (III. 30. 1, 2), — "согдийская земля"<sup>9</sup>. Это обстоятельство было подчеркнуто уже В.В. Григорьевым<sup>10</sup>. Таким образом, Наутака — это не город, а область расселения согдийцев. К тому же Бесс был пленен македонцами не в городе, а в небольшом поселении согдийской области Наутака, которое Арриан определял как "селение, укрепленное стеной с воротами" (III. 30. 1, 2). Этот тип поселения находит довольно четкие аналоги в планировке большинства памятников V—IV вв. до н.э., открытых в восточной части долины Кашкадарьи<sup>11</sup>.

<sup>5</sup>Массон В.М. К локализации Согда // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Вып. II. Кн. 3. Ташкент, 1950.

<sup>6</sup>Ставиский Б.Я. О северных рубежах кушанской Бактрии // История и культура народов Средней Азии. М., 1976. С. 44.

<sup>7</sup>МИТТ. Т. I. М.—Л., 1939. С. 184, 189; Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. М., 1963. С. 132.

<sup>8</sup>Курций Руф. История Александра Македонского / Под ред. В.С. Соколова. М., 1963.

<sup>9</sup>Арриан. Поход Александра / Пер. М.Е. Сергеенко. М.—Л., 1962.

<sup>10</sup>Григорьев В.В. Поход Александра Великого в Западный Туркестан / ЖМНП. СПб., 1881. С. 20.

<sup>11</sup>Ртвеладзе Э.В. Ксениппа — Паретака // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981; Сагдуллаев А.С. Поселения раннежелезного века в бассейне Кашкадарьи // СА. 1984. № 3.

Указанное Аррианом селение находилось на расстоянии 10 дней пути от Окса, даже поэтому Наутаку никак нельзя помещать в 30 км к северу от Амударьи. Примерно в таком же плане решается автором вопрос о локализации Паретаки. Игнорируя последовательность упоминания областей и народов у Арриана [“Александр, покончив с Согдианой и овладев Скалой, пошел на паретаков... покончив с этим (т.е. с покорением скалы Хориена. — Э.Р., А.С.) Александр пошел в Бактрию” (Агг. 21, 22)], И.Н. Хлопин заставляет Александра из Согдианы “перелететь через Бактрию” в Сакастан, где и локализует Паретакену, а затем вновь вернуться в Бактрию (с. 161–162). Но из Согды в Сакастан, находящийся в тысяче километров от него, иного пути, как через Бактрию, нет. Поэтому нет никаких оснований для пересмотра локализации Паретакены между Гиссарским хребтом и Оксом—Амударьей, которую принимают многие исследователи, основываясь на тщательном анализе сведений письменных источников и археолого-топографических данных<sup>1 2</sup>.

Несостоятельны и некоторые другие представления автора об исторической географии юга Узбекистана и Таджикистана. Так, древняя дорога от Окса в долину Кашкадарьи через Дербент не выводила сразу же к городу Чиракчи (с. 153), а имела совершенно определенное направление<sup>1 3</sup>. Более конкретного подхода требует и вопрос о локализации Зариаспы, которую автор произвольно помещает на месте Келифа лишь потому, что здесь в X в. н.э. имелся рабат Зу-л Карнейна. Однако если следовать подобному принципу в локализации, то с равным успехом на отождествление с Зариаспой могли бы претендовать и Термез и расположенный неподалеку от него Пардагви, ибо средневековые письменные источники также связывают их с местопребыванием Александра Македонского<sup>1 4</sup>. Что же касается археологических данных, то в Келифе пока не выявлены материалы этого времени, которые, кстати сказать, имеются в районе Шуроба, Термеза и значительно выше Келифа — в округе Керки и Дейнеу<sup>1 5</sup>.

Несостоятельно категорическое утверждение автора, что правобережье Окса в греко-бактрийское время “захолустная окраина” (с. 152). Достаточно напомнить о недавних выдающихся находках в храме Окса на Тахти-Сангине<sup>1 6</sup>, об Амударьинском кладе<sup>1 7</sup>, убедительно опровергающих этот столь поспешный вывод. Отметим, что выявление и изучение памятников греко-бактрийского времени на правобережье Окса началось совсем недавно и наука вправе ожидать в будущем не менее интересных открытий, в частности, в Термезе и на Кампыр-тепе.

Вызывает сомнение и ряд других локализаций, предложенных И.Н. Хлопиным. Так, Маргиана ахеменидского времени помещается им в верховьях Мургаба, чтобы найти точки соприкосновения с западными рубежами Бактрии (с. 103). При этом совершенно игнорируются археологические материалы, свидетельствующие об отсутствии здесь оседлых поселений V–IV вв. до н.э.<sup>1 8</sup>

Он считает, что восстание Фрады вспыхнуло именно в верховьях Мургаба и после разгрома его Дадаршишем центр перемещается в область низовий Мургаба “никогда прежде не игравшую никакой роли в политических событиях VI–IV вв. до н.э.” (с. 103). Вывод ничем не аргументируется и автор не объясняет, какую же роль тогда играла высокоразвитая культура низовий Мургаба эпохи бронзы и раннего железа<sup>1 9</sup>.

Подобный подход к решению важных проблем истории и исторической географии Средней Азии едва ли оправдан и, очевидно, не может быть принят специалистами.

За последние 10–15 лет новые археологические исследования значительно изменили традиционные представления об историко-культурном развитии древнего населения Средней Азии. Картографирование зон оседлого расселения, изучение его особенностей и типов, характера и закономерностей, позволяет ставить и решать разные вопросы исторической географии.

<sup>1 2</sup> Ртвеладзе. Ксениппа — Паретака. С. 95–101; Пьянков. Ук. соч. С. 44–47.

<sup>1 3</sup> Сагдуллаев А.С. Древние пути на юге Узбекистана // ОНУ. 1981. № 7. С. 36. Рис. 2. С. 37–38.

<sup>1 4</sup> Пилипко В.Н. О некоторых станциях на средневековом торговом пути из Термеза в Бухару // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад, 1984. С. 158–159.

<sup>1 5</sup> Пилипко В.Н. Следы древнейшего обитания человека на Средней Амударье // Известия АН ТССР. 1977. Вып. 6. С. 90.

<sup>1 6</sup> Litvinskiy B., Pichikyan I. Monuments of Art from the Sanctuary of Oxys (Northern Bactria) // Acta Antiqua Acad. Scient. Hung. 1980. 28. P. 26–83.

<sup>1 7</sup> Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Л., 1979.

<sup>1 8</sup> Юсупов Х. Археологическое исследование Тахтабазарского района // КД. Вып. V. Ашхабад, 1977.

<sup>1 9</sup> Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. 1959. Вып. 73.; Масимов И.С. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА. 1979. № 1.

Важное значение приобретает изучение границ и структуры исторических областей на основе картографии археологических памятников, а также исследование географических, социально-экономических и культурных признаков, образующих единство районов и областей расселения древнего населения Средней Азии.

Историческое картографирование (как и локализация мест и событий, древних путей и переправ, границ между областями), основанное лишь на сведениях письменных источников, без учета археолого-топографических данных или археологической географии в целом, топонимических и эпиграфических материалов уже не отвечает требованиям современной науки и не в состоянии решить эти проблемы. Представляется, что в целом интересная и полезная монография во многом бы выиграла, если бы в ней в полной мере использовались эти данные.

*Э.В. Ртвеладзе, А.С. Сагдуллаев*

*В.А. АНОХИН. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 182 с. 40 табл.*

История Боспора, самого значительного античного государства на территории нашей Родины, неравномерно и недостаточно освещена в сохранившихся произведениях древних авторов и эпиграфических документах, поэтому монеты боспорских городов и правителей всегда рассматривались как источник важных сведений по экономике, политической истории и культуре Восточного Крыма и Прикубанья с VI в. до н.э. по IV в. н.э. Наука располагает целым рядом исследований и статей по боспорской нумизматике, среди которых выделяются по своему значению общий очерк истории монетного дела, принадлежащий А.Н. Зографу, труды Д.Б. Шелова, Н.А. Фроловой, П.О. Карышковского и К.В. Голенко.

В.А. Анохин рассматривает всю нумизматику Боспора за тысячелетний период его существования. На 39 таблицах им приведены изображения 777 монет, притом не только из государственных и некоторых частных коллекций СССР, но и из ряда зарубежных собраний. В состав книги включены каталог монет и библиография, включающая 170 названий. Приложение и особая таблица монограмм, встречающихся на монетах Боспора. Все это делает рецензируемую книгу немаловажным явлением в отечественной нумизматической литературе и заставляет внимательно рассмотреть ее достоинства и недостатки.

Нам представляется, что серьезные замечания заслуживает сама структура работы: она неудачно скомпонована и неудобна для пользования. Чтобы получить полное представление о какой-либо монетной эмиссии и взглядах автора на ее характер, время выпуска и метрологические особенности, приходится обращаться ко многим местам текста: главы разбиты на разделы, содержащие описания монет, хронологические заключения, замечания о монетно-весовых системах, а также рассуждения об организации монетного дела и исторические выводы. Такая структура заставляет читателя в каждом конкретном случае искать интересующий его материал сразу во многих местах текста и, кроме того, в каталоге; при этом возникает множество ненужных по существу повторений. В заключительных главах автор сокращает количество разделов, чувствуя, по-видимому, неудобство первоначально принятой системы изложения, и эти главы гораздо легче читаются. Кроме того, частые ссылки на таблицы и изображения монет в использованных В.А. Анохиным трудах приводят к громоздкости научного аппарата; было бы, вероятно, достаточным ограничиться во всех случаях ссылками на приложенные к книге таблицы и номера каталога, указав в последнем в тех случаях, когда монета описана по литературе, откуда заимствованы описание и изображение данного экземпляра.

Используя в своей работе труды многих исследователей, В.А. Анохин не счел нужным предположить ей сколько-нибудь подробный историографический очерк. По ходу изложения он упоминает многих своих предшественников, но преимущественно в тех случаях, когда их взгляды вызывают его критические замечания. Выводы А.В. Орешникова, А.Н. Зографа, К.В. Голенко, Н.А. Фроловой и других ученых излагаются обычно без ссылок, как общеизвестные. Поскольку во введении к рассматриваемой книге подчеркнуто, будто в нумизматической литературе по монетам Боспора "отсутствуют методические разработки по хронологии, типологии, весовым нормам монет и пр. и преобладают традиционные определения, подкрепленные случайными аналогиями" (с. 4)<sup>1</sup>, читателю остается, по-видимому, сог-

<sup>1</sup> Здесь и далее в скобках указаны страницы (или номера монет по каталогу) рецензируемого труда.

ласиться с тем, что именно В.А. Анохиным впервые возведено прочное здание истории монетного дела Боспора и созданы соответствующие "методические разработки". Что же соответствует в книге этой декларации?

Внимательный анализ исследовательской методики В.А. Анохина заставляет, к сожалению, отметить, что он не только с недопустимой легкостью перечеркнул все достижения нумизматической науки в области изучения монет Боспора, – на которых, нелишне отметить, базируется его собственный труд – но и не предложил ни новой основополагающей методики, ни самостоятельной и достоверной концепции развития монетного дела Боспора. Более того, приходится констатировать, что ряд выдвигаемых им отправных положений вызывает серьезные сомнения.

Применяемая В.А. Анохиным методика установления хронологии отдельных монетных серий основывается на предлагаемой им периодизации истории монетного дела Боспора и на приурочении конкретных серий к определенным отрезкам времени, которые почему-то именуется циклами. В принципе это верно, но трудно назвать такой подход новым. Верно, без сомнения, и то, что начальные и конечные даты периодов устанавливаются "наблюдениями над стилем монет, конкретными историческими данными" (с. 16–17), но ведь так поступали все исследователи боспорских монет, начиная, по крайней мере, с Б.В. Кене. Новизна предлагаемой В.А. Анохиным методики состоит лишь в том, что каждый "цикл" боспорской чеканки должен составлять "в среднем по десять лет" (с. 17). Такое утверждение предполагает абсолютно равномерное, чисто эволюционное развитие монетного дела при Археанактидах и при Тибериях Юлиях, при Спартокидах и при последнем Рескупориде. Между тем частота и интенсивность монетных эмиссий античных государств определялись не заранее запланированной циклическостью, а реальными потребностями и не были одинаковыми в периоды расцвета и в моменты кризисов. В рецензируемом труде, кстати сказать, десятилетняя циклическость не выдерживается: некоторые серии относятся к пятилеткам (№ 36–38, 80–83, 101, 109–115), а некоторые – к тридцатилеткам (№ 133).

Общая периодизация истории денежного хозяйства Боспора была разработана А.Н. Зографом давно и, безусловно, может быть улучшена. Периодизация В.А. Анохина не вызывает возражений, за исключением того, что грань между его "раннеримским" и "среднеримским" периодами с гораздо большими основаниями может быть проведена в 377 г. боспорской эры (80/81 г. н. э.), когда на монетах появляется полное имя царя и монета приобретает тот внешний облик, который сохраняется до конца чеканки. Представлялось бы целесообразным также не относить монеты Савромата II и его сына Рескупорида к разным периодам, но выделить в III в. н.э. период кризиса (царствование предпоследнего Рескупорида и его соправителей) и начинать позднеримский период с эмиссии чисто медных "статеров", т.е. с воцарения Фофорса.

Уже при конкретном анализе монет первого периода В.А. Анохину пришлось столкнуться с тем, что выделенных им монетных серий в этом периоде больше, чем десятилетий. Это привело его к утверждению о параллельном выпуске некоторых серий, причем часть их представляла якобы не государственную, а храмовую монету. Сначала в роли "эмитента" выступил храм Аполлона, которому приписываются не только монеты с надписями АП и АПОΛ (в этом случае гипотеза о храмовой чеканке опирается на нумизматические факты), но и монеты с сокращениями ΠΑΝΤΙ и ΠΑΝ с изображениями Аполлона (№ 57, 58) и даже традиционной львиной головы (№ 70–72). Более поздние серии с изображением Аполлона и легендой ΠΑΝΤΙ признаются, правда, государственными, но зато выдвигается новая, но ничем не подтверждаемая догадка, будто такие монеты изготовлены из металла, который предоставлялся тем же храмом Аполлона (с. 46–47). Неоднократно повторяя эту мысль (с. 58, 59, 70, 71 и др.), автор нигде не уточняет, что имеется в виду: передача храмом металла в собственность государства с последующей чеканкой монет из уже принадлежащего государству металла или чеканка монет из металла, юридическим владельцем которого в момент чеканки оставался храм. Не уточняется этот вопрос и далее, когда автор на основании появления на монетах изображений Посейдона и Афины связывает эти монеты с деятельностью соответствующих храмов (с. 60, 70 и др.). Идея о соответствии монетных типов собственникам металла, из которого изготавливались монеты, настолько овладела автором, что на основании дифферентов на монетах римского времени, когда на смену изображениям божеств на аверсах монет приходит портрет царя, столь же голословно выдвигается и многократно повторяется утверждение о том, что такими дифферентами специально отмечались монеты, изготовленные из металла, предоставлявшегося храмами того же Посейдона или Ареса либо римскими императорами (с. 107, 108 и др.).

Если монетная чеканка осуществлялась из металла, переданного храмом или императором в собственность Боспорского государства, то выделение монет из такого материала в особую группу лишено вообще всякого смысла. Если же, как это, по-видимому, желает сказать В.А. Анохин, храм отдавал на монетный двор принадлежащий ему металл, то и в таком случае



трудно было бы понять, зачем понадобилось особо выделять такие группы монет. Во всяком случае всегда, когда известны реальные факты изготовления монет по заказу отдельных лиц или корпораций из принадлежавших им слитков или предметов, владельцы металла усматривали смысл этой операции в превращении своих металлических ресурсов в монету общегосударственного образца, не имеющую никаких опознавательных признаков. Только при этом такое мероприятие имело экономический смысл и не затрагивало строго оберегаемого любым государством права на выпуск монеты. Появление на рынке монет со "знаками несомненности" немислимо при сколько-нибудь развитом денежном хозяйстве, поскольку неизбежно привело бы к различному рыночному курсу одновременных и однотипных монет и тем самым к нарушению процесса денежного обращения.

Впрочем, о процессе обращения металлической монеты В.А. Анохиным высказываются и другие несостоятельные предположения. Так, он полагает, будто констатация существования на Боспоре "с его высокоразвитой торговлей" тенденции к накоплению сокровищ является "антиисторической" (с. 54), тогда как К. Маркс показал, что функция создания сокровищ "возникает из условий обращения золотой и серебряной монеты"<sup>2</sup>, так что "даже в развитом буржуазном обществе имеет место закапывание в землю денег как сокровище"<sup>3</sup>. Надчеканка монет в период кризиса объясняется В.А. Анохиным легальным понижением их номинала (с. 41, 59), хотя смысл наложения клейм на разменную монету, являющуюся по своей экономической сущности "простым знаком своей собственной стоимости"<sup>4</sup>, понятен лишь тогда, когда клеймением надеются повысить или хотя бы удержать на первоначальном уровне курс разменной монеты (исключением является надчеканка очень сильно стертых кружков). Правда, функции разменной монеты при чисто металлическом обращении В.А. Анохин понимает так, что "стремление приблизить ценность медных монет к торговой цене меди (речь идет именно о разменной монете! – Н.Г.) демонстрирует здоровые экономические тенденции" (с. 48). Это означало бы, например, применительно к Риму, что редукция полноценных либральных ассов была проявлением "нездоровых" тенденций. . .

Говоря о методике изучения боспорского монетного дела, нельзя признать верным и тем более "несомненным" (так! – Н.Г.), будто "теоретическую весовую норму номинала следует искать среди монет самого тяжелого веса, но никак не среднеарифметического или определенного по методу весовой шкалы" (с. 21). Не говоря о том, что здесь одним предложением опровергаются все результаты развития метрологии, такое положение неверно по существу: поскольку любой вид античной монеты выпускался *al magis* в большом количестве экземпляров и современные нумизматы всегда располагают лишь более или менее представительными выборками из некогда обращавшейся монетной массы, к научному установлению реального веса того или иного номинала можно подойти, только применяя статистические методы обработки имеющихся данных. Что касается "теоретической весовой нормы номинала", которая всегда отличалась от его действительного веса в том или ином государстве, то она не может быть определена без обращения к письменным источникам.

Таковы общеметодические принципы, которые В.А. Анохин кладет в основу своих заключений о хронологии, типологии и метрологии боспорских монет, повторяя и варьируя их по ходу изложения, причем при каждом следующем воспроизведении каждая ранее высказанная гипотеза или догадка выступает в качестве твердо установленного факта.

Переходя к замечаниям по отдельным вопросам, было бы несправедливо умолчать о том, что В.А. Анохин проявляет наблюдательность и критичность по отношению к материалу, вполне обоснованно исправляет ряд явных погрешностей у своих предшественников, формулирует ряд достоверных выводов и выдвигает несколько интересных и продуктивных предположений. Мысль о принадлежности ранних боспорских монет к персидской системе, безусловно, заслуживает признания (с. 22–23), равно как классификация и хронология золотых и крупных серебряных монет IV – начала III в. до н.э. (с. 32–35). Нельзя не согласиться с критикой попытки отнесения части статов с именем Перисада ко времени Митридата Евпатора (с. 63). Особо следует отметить заслугу автора, опубликовавшего новый статов царши Динамии и несколько редких монет. Нам представляется убедительной также предлагаемая В.А. Анохиным датировка монет Кесарии и Агриппии (с. 84–85) и некоторые его замечания о самых поздних монетах Боспора. Однако в книге немало и надуманных, претенциозных

<sup>2</sup>Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 145; ср. Маркс К. К критике политической экономии // Там же. Т. 13. С. 118.

<sup>3</sup>Маркс К. К критике политической экономии. С. 113.

<sup>4</sup>Там же. С. 97; ср. Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 136–137.

и необоснованных утверждений. Учитывая дискуссионный характер многих из них, мы ограничиваемся несколькими примерами такого рода.

Мелкие серебряные монеты с изображением муравья послужили основой для распространённого представления о существовании монетной чеканки в маленьком городке Мирмекии. В.А. Анохин совершенно основательно опровергает такой взгляд, подчеркивая, что все такие монеты являются представителями одного номинала, а в тех случаях, когда на них имеются надписи, в них нет и намёка на Мирмекий (с. 7–8, 10). Автор считает их чеканенными в Пантикапе, но двумя "эмитентами": полисом (№ 6, 10, 13, 22, 32, 38, 41, 47, 56) и храмом Аполлона (№ 18, 25, 28, 35, 50), хотя в двух первых случаях на монетах нет никаких буквенных обозначений. Столь же произвольно отнесение одной разновидности монет с изображением муравья к Феодосии (№ 66).

Приводя таблицу наивысших весов боспорских серебряных монет конца VI – начала IV в. до н.э., автор различает среди них девять номиналов. Представляется, что весь этот вопрос нуждается в строгой корректировке на основе сравнения монетных штемпелей – при практически одинаковых размерах кружков и широком разбросе индивидуальных весов разграничение номиналов, которое должно было осуществляться без ошибок в практике обращения, представляет очень непростую задачу. Вполне вероятно, что в раннее время на Боспоре различали только пять номиналов (драхмы – гемидрахмы – оболы – гемы-оболы – тетартемории).

Следуя примеру А.Н. Зографа, считавшего изображение сатира на пантикапейских монетах "говорящей" эмблемой правителя (т.е. Сатира I), В.А. Анохин сначала высказывает предположение о подобной связи между изображением льва и именем Левкона I (с. 30), повторяет эту догадку (с. 31), а затем настаивает на ней как на установленном факте (с. 43). Приходится заметить, что "омонимическая связь" между монетным типом и именем правителя (с. 30) существует лишь на почве элементарного незнания того, что по-гречески лев (*λέων*) и антропоним "Левкон" (от *λευκός* – 'светлый', 'белый') не связаны между собой. По-видимому, автору не следовало бы так смело опровергать (с. 43) вполне естественную интерпретацию данного монетного типа А.Н. Зографом и Д.Б. Шеловым.

Касаясь расчетов золотого содержания кизикинов и построенных на этом основании метрологических заключений (с. 36–37), следует отметить, что теоретический вес кизикского стatera (по В.А. Анохину – 16,344 г) сопоставляется со средним весом афинских драхм, который принимается равным 4,29 г. Однако подобные расчеты следует производить или на базе теоретических весовых норм (тогда для аттической драхмы необходимо принимать 4,37 или 4,36 г), или на основе реальных весов (в этом случае вес кизикина составляет 16,02 г). Хотя на недопустимость смешения в процессе расчетов теоретических весовых норм и действительных весов автору было указано более десяти лет назад (ВДИ. 1976. № 4. С. 33), он даже не счел нужным включить в список литературы статью, в которой метод его расчетов был подвергнут критике.

В.А. Анохин утверждает, будто "общий вид монетного дела в эпоху кризиса (речь идет о III в. до н.э. – Н.Г.) остается неясным", и воздерживается от общего историографического очерка по этому вопросу, ограничиваясь, по обыкновению, отдельными критическими замечаниями в адрес тех ученых, чьи взгляды он опровергает. В этой критике он, однако, далеко не всегда корректен в изложении отвергаемых концепций. Когда, к примеру, было сформулировано заключение, что золото Филиппа, Александра и Лисимаха подорвало роль серебра как меры стоимости, речь шла о том, что во внутреннем обращении ряда причерногорских полисов с конца III в. до н.э. серебряная монета ухудшается по составу сплава, весовые нормы номиналов плохо соблюдаются и постепенно происходит замена серебра медью. Существование тетрадрахм Александра и эллинистических государств неоспоримо, но эти монеты практически не проникали ни в Ольвию, ни на Боспор. О "низведении серебра до роли вспомогательного металла" (?) пишет только сам В.А. Анохин (с. 54), тогда как критикуемый им автор констатирует факт превращения серебряной монеты в такое же вспомогательное средство обращения, каким была медная монета (ВДИ. 1961. № 4. С. 118; ЗОАО. 1960. Т. 1. С. 119), а это далеко не одно и то же.

Рассматривая монеты Фарнака, В.А. Анохин полностью искажает смысл предложенной советскими нумизматами (НС. 1972. V. XII. P. 29–31, 33–34) интерпретации титула "царь царей" на золотых статерах этого правителя. Критикуемые им исследователи как раз показали, что Фарнак (пользуясь формулировкой В.А. Анохина) был расчетливым и дальновидным политиком, стремившимся к восстановлению державы своего отца, и в их работе подчеркивается, что он постоянно учитывал политическую обстановку на Востоке, при которой принятие восходящего к Ахеменидам титула "царь царей" регулировалось определен-

ным международным этикетом (разумеется, на основе реального соотношения сил), а не определялось случайными прихотями того или иного властителя. Вряд ли можно признать соответствующим научной этике обвинение именно этих авторов в том, что Фарнак рассматривается ими "как простой любитель пышной титулатуры" (с. 77).

В постоянных полемических выпадах против своих предшественников В.А. Анохин не всегда последователен. Укажем в качестве примера на то, что его заключение о том, что "применение различных монограмм при одном правителе (речь идет о так называемом "темном периоде" боспорской истории на рубеже эр. — *Н.Г.*) является неоспоримым фактом" (с. 89), подтверждает правильность отбрасываемой им точки зрения А.Л. Бертье-Делагарда и Н.А. Фроловой (с. 90), согласно которой монограммы на статерах 289–306 гг. боспорской эры не принадлежат правителям Боспора.

При описании боспорских монет римского времени в рассматриваемой книге также немало надуманных и необоснованных утверждений. Так, монеты с пятиколонным храмом на аверсе (по В.А. Анохину — на реверсе: с. 153, № 370–372) и с царскими инсигниями на обеих сторонах (№ 376) отнесены к чеканке царя Рескупорида (с. 98, 100–101), хотя в нумизматической литературе первые обоснованно отнесены к числу монет Котиса I и его супруги, а вторые — Котиса II, так что отказ от этих определений требует более строгой аргументации, нежели в книге.

Трудно было бы перечислить все частные утверждения В.А. Анохина, не имеющие в его работе прочного обоснования, но служащие основанием для ответственных выводов. Из чистого предположения, например, будто часть статеров I–III вв. н.э., имеющая простой дифферент (шарик или "точку"), отмечена таким способом, чтобы подчеркнуть, что эти монеты изготовлены из металла, поступавшего на Боспор в качестве субсидий (с. 107; автор даже не пытается раскрыть экономический или политический смысл такой маркировки), во многих местах последующего изложения выводятся конкретные заключения о характере взаимоотношений Рима и Боспора (с. 109, 114, 123, 127), а в заключении утверждается, что "точка" уже "надежно может быть объяснена как знак монетных эмиссий, субсидированных Римом" (с. 135). Подобным образом сначала постулируется (на основе десятилетних "циклов" чеканки, существование которых является лишь гипотезой) постоянная смена типов боспорских монет при смене правителей (с. 42), затем под эту схему подгоняются нумизматические данные (с. 64–65), а в заключение этот тезис объявляется фактом (с. 135). На основании монеты с явно искаженной монограммой (табл. 40, 44) конструируется третье правление царицы Динамии (с. 93), причем сама монета (№ 293) даже не представлена на таблицах, равно как и очень сомнительная медная монета с царским титулом Асандра (№ 246).

Было бы несправедливо на основании изложенного отрицать всякое положительное содержание в рецензируемом труде. Многие утверждения В.А. Анохина заслуживают внимания и продвигают вперед изучение темных и спорных вопросов боспорской нумизматики (см. выше). Не лишена значения попытка систематизации ранних монет боспорских городов, а полный и систематический иллюстративный материал принесет немалую пользу и исследователям, и собирателям древних монет. Однако в работе немало произвольных, недоказанных утверждений. Неприятное впечатление производят аподиктический характер изложения, стремление рассматривать каждое свое предположение как несомненную истину, а также резкий, местами вызывающий тон в отзывах о других специалистах. При критическом использовании книга В.А. Анохина может все же служить полезным, хотя и не всегда надежным руководством по нумизматике Боспорского царства; во всяком случае, она не избавляет от необходимости обращаться к ранее изданным книгам и статьям на эту тему.

*Н.Н. Грандмезон*

История Пергама вызывает активный и устойчивый интерес исследователей<sup>1</sup>. Продолжением давней и богатой историографической традиции стал подготовленный Р. Алленом новый труд, посвященный проблемам политического развития государства Атталидов, или, как определил сам автор, его конституционной истории. В книге исследуются также и многие конкретные события истории Пергама, прежде всего те, которые не были подробно описаны античными авторами и известны из отдельных кратких сообщений нарративных источников и надписей.

Книга состоит из семи глав: "Характер источников", "Пергам при Филетере и Эвмене I", "Царствование Аттала I", "Царство Атталидов после Апамейского мира", "Галаты", "Царские культы" и "Город Пергам"; основной текст дополнен четырьмя приложениями. В данной рецензии анализ книги делается, однако, не по главам: нами выделены четыре важнейшие группы вопросов, по которым и ведется разбор.

1. *События политической истории*. Р. Аллен не предлагает читателям полного и систематического изложения истории царства Атталидов, но делает ряд важных и содержательных экскурсов в область событийной истории. Мы не согласны, однако, с мнением ученого, что при Лисимахе Филетер в Пергаме, занимая связанную с финансами должность, обладал лишь гражданской властью (с. 9)<sup>2</sup>. С нашей точки зрения, Филетер имел и военные полномочия<sup>3</sup>. Из эпиграфического источника известно, что уже через несколько лет после установления собственной власти в Пергаме он обладал достаточными военными силами, чтобы оказать помощь городу Кизику (OGIS. № 748). Да и трудно представить, чтобы хранитель казны в крепости не имел определенных военных контингентов для защиты вверенных ему сокровищ. Анализируя положение Филетера в Пергаме, Р. Аллен поддерживает уже высказывавшуюся до него мысль о том, что признание власти Селевкидов Филетером носило формальный характер, в действительности он обладал политической самостоятельностью (с. 13 сл.).

Тенденция к формированию совершенно самостоятельного государства (*δυναστεία*) ярко проявилась при преемнике Филетера Эвмене I (с. 20, 22). При изложении событий правления последнего Р. Аллен высказал два заслуживающих внимания предположения. Первое объясняет причины похода Антиоха I против правителя Пергама между 263 и 261 гг. до н.э.: Эвмен I в самом начале своего правления установил власть над городом Питана, подчиненном прежде Селевкидам (с. 20 сл.). Второе предположение заключается в том, что уже при Эвмене I после овладения зоной Элаитского залива и городом Элея был создан пергамский флот, хотя первые упоминания о нем в источниках относятся только ко времени правления Аттала I (с. 26, 28).

Деятельность первого пергамского царя Р. Аллен подробно анализирует в главе "Царствование Аттала I" и в приложении "Войны Аттала I с галатами и принятие им царского титула". По мнению ученого, между Пергамом и Сирией в период после 216 г. до н.э. (начало совместной борьбы против отпавшего наместника Селевкидов в Малой Азии Ахея) и до Второй Македонской войны сложились дружественные отношения, которые скреплялись договорами (с. 58–60) (Polyb. XXI. 17.6; App. Сут. 38). Причины последующего сближения Пергама с Римом Р. Аллен объясняет необходимостью защиты государства Атталидов от Македонии

<sup>1</sup> Van Capelle A.G. *Commentatio de regibus et antiquitatibus Pergamenis*. Amsterdam, 1840; Thraemer E. *Pergamos*. Lpz, 1888; Ussing J. *Pergamos. Seine Geschichte und Monumente*. B., 1899; Cardinali G. *Il Regno di Pergamo*. Roma, 1906; Hansen E. *The Attalids of Pergamon*. Ithaca. N.Y., 1971; McShane R. *The foreign Policy of the Attalids of Pergamon*. Urbana, 1964; Hopp J. *Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden*. München, 1977.

<sup>2</sup> См. об этом также: Bengtson H. *Die Strategie in der Hellenistischen Zeit*. Bd 2. München, 1944. S. 195.

<sup>3</sup> В эллинистическую эпоху соединение гражданской и военной власти было явлением распространенным. См. Бикерман Э. *Государство Селевкидов*. М., 1985. С. 175, 184, 190 сл. Известна эта практика и в Пергаме (Климов О.Ю. *Царские должностные лица в полисах Пергамского государства // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка, литературы*. 1982. Вып. 3. № 14. С. 43 сл.).

(с. 74). Можно добавить, что в начале II в. до н.э. упрочению союза с Римом способствовала и возникшая сирийская угроза. Автор рецензируемой книги справедливо, на наш взгляд, выступил против стремления некоторых ученых (например М. Олло) приписать Атталу I имперские амбиции и широкие завоевательные планы в Эгейде (с. 66 и др.). Р. Аллен пишет: "...Аттал никогда не рассматривал союз с Римом как средство территориальной экспансии. Представления об Аттале как о создателе империи есть фантазия современных историков" (с. 74).

Вопросы политической истории Пергама II в. до н.э. рассматриваются в труде Р. Аллена сравнительно кратко. Ученый разделяет популярное в историографии мнение о том, что территориальный рост царства Атталидов после 188 г. до н.э. явился результатом римских благодеяний, наградой Эвмену II за верность Риму в борьбе против Антиоха III (с. 76, 78 и др.)<sup>4</sup>. На наш взгляд, роль союзников Рима – Пергама и Родоса в данной войне была более значительной, чем принято считать. Источники, уделяя главное внимание действиям римской армии и флота, сообщают между тем, что Эвмен II весьма активно способствовал разжиганию конфликта (Liv. XXXV. 13, 17, 23), выставил в составе союзной эскадры около 50 кораблей (App. Syr. 22; Liv. XXXVI. 43), принимал участие со своими отрядами в военных действиях на суше (Liv. XXXV. 50–51. 39; XXXVII. 8; Dio Cass. IX. 20), выполнял важную дипломатическую миссию, подстрекая к выступлению против Антиоха III приморские города Эолиды (Liv. XXXVII. 8; Dio Cass. IX. 20), наконец, сыграл вместе со своим братом Атталом заметную роль в битве при Магнезии (App. Syr. 33–34, 36; Liv. XXXVII. 41. 43). Источники также показывают, что уже до войны, а затем и в ходе ее Эвмен II рассчитывал на территориальные приобретения в результате победы над Антиохом III (Liv. XXXV. 13; XXXVII. 14–15). Значительным было участие пергамского царя и в дипломатических переговорах союзников с Антиохом III. Эвмен II фактически настоял на продолжении военных действий, когда после переправы римской армии в Малую Азию в 190 г. до н.э. сирийский царь пытался заключить мир (Polyb. XXI. 10). Показательно, что после битвы при Магнезии послы Антиоха III начали переговоры только тогда, когда убедились в благожелательном отношении к миру со стороны Эвмена II (Polyb. XXI. 16. 5–6; Liv. XXXVII. 45). Поэтому думается, что предоставление Пергаму новых территорий по Апамейскому миру 188 г. до н.э. можно рассматривать и как признание римским сенатом заслуг своего главного союзника.

События времени правления Эвмена II и Аттала II Р. Аллен излагает кратко и в основном традиционно. Что касается последнего пергамского царя, то ученый справедливо отметил, что Аттал III и его деятельность известны нам только во враждебной Пергаму литературной традиции. Действительно, немного найдется исторических персонажей, которые обрисовывались бы столь мрачными красками, как Аттал III. На основании анализа эпиграфических источников Р. Аллен указывает на продолжение Атталом III политической линии своих предшественников, на активную его деятельность в области религиозной политики, в развитии царского культа (с. 84). В этом отношении исследователь продолжил традицию осторожного, более тщательного изучения источников о правлении последнего пергамского царя, начатую в зарубежной науке Дж. Кардинали, а в советской – К.М. Колобовой<sup>5</sup>. Решение Аттала III о передаче царства Риму Р. Аллен не ставит под сомнение, но не дает этому факту удовлетворительного объяснения и не пытается выяснить содержание завещания. Он пишет, что решение Аттала III передать царство Риму должно быть объяснено его личными качествами и обстоятельствами правления, а не на основе распространенного мнения о зависимости Пергама от Рима при предшественниках Аттала III (с. 84). Завещанием последнего пергамского царя,

<sup>4</sup> Более или менее категорично данное суждение выражено в работах Т. Моммзена, Т. Франка, М. Кэри, Э. Бэдиана, Г. Скалларда и других ученых (*Моммзен Т.* История Рима. Т. I. М., 1936. С. 704; *Frank T.* Roman Imperialism. N.Y., 1921. P. 183, 186 etc; *Badian E.* Roman Imperialism in the Late Republic. Oxf., 1968. P. 2; *Errington R.M.* The Dawn of Empire. Rome's Rise to the world Power. Ithaca. N.Y., 1972. P. 183; *Cary M.A.* History of the Greek World from 323 to 146 B.C. L., 1932. P. 213; *Scullard H.H.* A History of the Roman World from 753 to 146 B.C. L. – N.Y., 1980. P. 272 f.).

<sup>5</sup> *Cardinali G.* La morte di Attalo III e la rivolta di Aristonico // *Saggi di Storia Antica e di Archaeologia offerti a G. Beloch.* Roma, 1910. P. 269–320; *Колобова К.М.* Аттал III и его завещание // *Древний мир.* М., 1962. С. 545–554.

как считает ученый, было вызвано и восстание Аристоника, которого Р. Аллен рассматривает как претендента на царскую власть (с. 85). Основанием для такого утверждения служит установленный на основе нумизматического материала факт: Аристикон объявил себя Эвменом III. Не рассматривая специально данную проблему, которая требует тщательного разбора, отметим спорность вывода ученого. Известно, например, что царями объявляли себя и вожди рабских восстаний на острове Сицилия Эвн и Сальвий.

2. *Развитие системы государственного управления.* Р. Аллен поддерживает популярный в научных исследованиях тезис о большой роли военных побед Пергама в принятии Атталом I царского титула (с. 28 и др.) и в связи с этим достаточно подробно рассматривает все имеющиеся свидетельства о его борьбе с галатами и Антиохом I Гираксом. По его мнению, в развитии органов государственного управления в Пергамском царстве важнейшим событием явился 188 г. до н.э., когда в выросшем территориально государстве были введены новые должности и создана система административно-территориального деления (с. 170, 174 и др.). Специальный раздел четвертой главы ученый посвятил вопросу о царском государственном аппарате, но в основном ограничился лишь сводкой имеющегося в настоящее время по этому вопросу материала. К сожалению, проблема развития государственных органов рассмотрена в труде Р. Аллена менее обстоятельно и интересно, чем другие вопросы. Впрочем, в значительной степени это объясняется особенностями источников – их лаконичностью и недостаточным количеством.

3. *Положение полисов в государстве Атталидов.* Положение полисов в государстве Атталидов Р. Аллен исследует в двух тесно связанных между собой аспектах: с точки зрения взаимоотношения общин с царской властью и с точки зрения внутреннего политического развития полисов и изменений, происходивших в городском строе в III–II вв. до н.э. Рассматривая взаимоотношения городов с центральной властью при Аттале I, исследователь значительное внимание уделит известному пассажу из сочинения Полибия (V. 77–78), в котором описан поход Аттала I по западным областям Малой Азии в 218 г. до н.э. При этом Р. Аллен предпринял попытку определить особенности положения полисов различных областей Малой Азии в государстве Аттала I. По мнению ученого, более жестким и разнообразным по формам был контроль над полисами Эолиды и Мизии, которые были ближе к столице и имели исторически более прочные и давние связи с династией (с. 55 и др.). Предполагаемая Р. Алленом ситуация вполне вероятна, но следует признать аргументацию ее слабой и недостаточной, ученый допускает в данном случае некоторые фактические натяжки. Например, разбирая фразы из письма Аттала I городу Магнезии на Меандре по поводу празднеств в честь Артемиды Левкофриены *τας ὑπ' ἐμὲ πόλεις; αἱ πόλεις δὲ αἱ περὶ ὁμοίαι ἐμοί* – RC. № 34. 12. 19–20, он без оговорок заявляет, что в столь резком тоне речь может идти только о городах Эолии (с. 45), хотя источник не дает оснований для такого именно понимания. Более убедительной представляется мысль ученого о том, что размещение царских гарнизонов в полисах было явлением редким (с. 75).

В историографии эллинизма уже давно высказывалась мысль о том, что в подвластных Атталидам городах Малой Азии после Апамейского мира очень большую роль играла коллегия стратегов, подобно тому как это было в городе Пергаме: назначаемые царями стратеги занимали в городской системе управления ключевые позиции. В этом усматривали (или – в более осторожной форме – допускали) влияние династии на развитие городского строя<sup>6</sup>. Р. Аллен также склоняется к данному выводу (с. 105 сл.), но убедительной аргументации в пользу этой точки зрения не дает, а некоторые приведенные им факты просто опровергают ее. Вслед за некоторыми другими исследователями (М.И. Ростовцев, Э. Хансен)<sup>7</sup> Р. Аллен допускает, что Атталиды отдавали предпочтение политическому строю столицы царства и, может быть, поощряли принятие его другими городами (с. 106). Этот вывод нельзя принять, ибо факты прямого влияния династии на политический строй полисов редки. Напротив, различия в системе летосчисления городов, предоставление права законодательной инициативы разным

<sup>6</sup> См. *Fränkel M.* Die Inschriften von Pergamon Bd I. В., 1890. S. 158; *Swoboda H.* Zu den Urkunden von Pergamon // *RhM.* 1891. Bd 64. S. 497–510; *Jones A.H.M.* The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxf., 1971. P. 55; *Rostovtzeff M.* Pergamum // *САН.* V. 8. P. 604. Сомнения высказывал Дж. Кардинали (*Il Regno...* P. 233), Э. Хансен отрицательно отнеслась к этой идее (*Op. cit.* P. 200).

<sup>7</sup> *Rostovtzeff.* *Op. cit.* P. 602; *Hansen.* *Op. cit.* P. 199. М.И. Ростовцев высказывал эту мысль о городах, оказавшихся под властью Атталидов на ранних этапах истории царства.

магистратам, а не только стратегам, свидетельствуют против данной точки зрения. Сходные черты городского строя Пергама и ряда городов Малой Азии объясняются общими тенденциями развития.

Характеризуя положение зависимых от династии и обложенных налогами городов, Р. Аллен указывает на относительную самостоятельность их в решении внутренних вопросов, справедливо отмечает, что Атталиды при обычных обстоятельствах не размещали в городах государства гарнизоны и не назначали должностных лиц с военной властью (с. 109 и др.).

Изучению городского строя столицы царства посвящена заключительная, седьмая глава. По мнению Аллена, основатель династии Филетер сохранил существовавший до него полисный строй и не производил конституционных изменений (с. 160). Рассматривая развитие городского строя Пергама при Эвмене I, исследователь присоединяется к широко распространенному в историографии мнению о назначении стратегов в полисе царями начиная с времени Эвмена I<sup>8</sup> и высказывает весьма вероятное предположение о том, что введение этой практики было связано не только с укреплением власти самого династа в городе, но также и с изменениями в международном положении после победы Эвмена I над Антиохом I при Сардах (с. 167). В результате при Эвмене I установился значительно более жесткий контроль за жизнью города, за деятельностью полисных институтов, чем при его предшественнике.

Р. Аллен считает, что введение в Пергаме царских должностных лиц *ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως* и *ὁ ἐπὶ τῶν ἱερῶν προοδῶν* приходится на время после 188 г. до н.э. Бесспорных доказательств этого нет, поэтому не следует исключать возможность того, что названные царские должности вводились в городе в связи с принятием царского титула Атталом I и формированием при нем нового административного аппарата. Подводя итог обзору институтов Пергама, Р. Аллен приходит к выводу о сохранении в городе старых прав, системы управления, законов, но отмечает при этом, что политическая свобода столицы была ограничена назначением царских должностных лиц, практикой назначения стратегов, наконец, прямыми царскими распоряжениями (с. 176 сл.).

4. *Религиозная политика Атталидов и царские культы.* Вопросы, связанные с религиозной политикой Атталидов и развитием царских культов, рассматриваются Р. Алленом в главе шестой "Царские культы", в специальном разделе четвертой главы, посвященном празднествам в честь Афины, и в других частях книги. Он указывает, что культ богини Афины и связанные с ним празднества служили Атталидам средством идеологического воздействия в связи с изменившимся после 188 г. до н.э. положением династии в греческом мире (с. 121).

Разбор материала о царских культах Р. Аллен предваряет двумя общими замечаниями. Во-первых, он справедливо указывает на необходимость различать религиозное почитание монархов (worship) и их обожествление (deification) (с. 145). Во-вторых, подчеркивает разницу между централизованным государственным культом царя или членов его семьи и вводимыми в городах по их собственной инициативе культами отдельных царей. Автор также замечает, что нередко независимые от династии полисы воздавали царям почести не менее активно, чем зависимые города. Пример такого рода дают Милет, Кос (с. 146).

В развитии культов Атталидов Р. Аллен отмечает две важные вехи. Первую составляет правление Аттала I, при котором в связи с принятием царского титула практика почитания монарха распространилась весьма широко, в том числе за пределы его владений. Известно, что при жизни на площади Сикиона ему была поставлена статуя рядом со статуей Аполлона, а позже воздвигнуто еще одно его золотое изображение и принято решение ежегодно приносить царю жертвы (Polyb. XVIII. 16). Следует, однако, согласиться с исследователем в том, что все-таки при Аттале I не сложилась стройная система культового почитания царя ни в Пергаме, ни на территории царства (с. 147 сл.). Второй вехой в развитии царского культа,

---

<sup>8</sup>См. *Tarn V.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 77, 157; *Ussing.* Op. cit. S. 11; *Cardinali.* Il Regno... P. 254; *Schwahn W.* Strategos (hellenistisch) // RE. 1935. Suppl. YI. Sp. 1118; *Jones A. H.M.* The Greek City from Alexander to Justinian. Oxf., 1940. P. 168; *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor. V.I. Princeton, 1950. P. 134; *Rostovtzeff.* Op. cit. P. 593; *idem.* SENHW.V.I. P. 558; *Bengtson.* Op. cit. S. 232; *Hansen.* Op. cit. P. 23 f., 188.

по мнению Р. Аллена, стал 188 г. до н.э. В это время получает распространение практика признания царей и членов царской семьи богами после смерти, засвидетельствовано также отправление культа царей в гимназиях (с. 149 сл., 154). Главными центрами царского культа являлись Пергам, Теос, а также независимый от власти Атталидов, но поддерживавший с ними тесные связи Милет (с. 120).

Отмеченные выше положения книги Р. Аллена, касающиеся царских культов и вообще религиозной политики Атталидов, традиционны и не вызывают возражений. Но необходимо добавить, что в полисах культ царя рассматривался прежде всего как культ общинный, городской. Поэтому введение культа монарха предшествовало постановлению собрания, в котором регламентировался характер почестей (OGIS. № 308, 309, 332). Местный, полисный характер культа виден также в том, что иногда он приобретал в полисах свои особенные черты. Например, обожествленная после смерти царица Аполлониды в Теосе названа не только культовым именем "Благочестивая" (*Εὐσεβής*), которое имело официальный характер, но вместе с тем наделена эпитетом Алобатерия в знак того, что прибыла в Теос на корабле (OGIS. № 309. 14). Неоправданно мало внимания уделил Р. Аллен техникам Диониса и коллегии атталистов, чья деятельность составляет своеобразную черту религиозной политики правителей Пергама. Большой интерес представляет исследование Р. Алленом ряда надписей Милета, на основании которых им был сделан вывод о прижизненном обожествлении Эвмена II в этом городе (с. 119). Как известно, считалось, что культ Атталидов не развился до уровня признания богом живого носителя верховной власти. Вывод автора дает, таким образом, принципиально новое освещение религиозной политики династии.

Ценным дополнением к основному тексту книги Р. Аллена служат приложения, посвященные разбору генеалогии Атталидов, вопросу о времени рождения Аттала III и его отца, о войнах Аттала I с галатами и принятии им царского титула, о царице Стратонике. Большое значение имеет и публикация 26 надписей по истории Пергама.

В рецензии затронуты только отдельные вопросы и проблемы, рассмотренные в монографии. Этот труд отличается проблемностью, основательностью, тщательным исследованием эпиграфического материала, в результате чего автору удалось внести некоторые уточнения в события политической истории, сделать ряд новых наблюдений относительно развития государственного строя и религиозной политики Атталидов. Автор предлагает также новые датировки некоторых известных надписей. Нет сомнений, что книга Р. Аллена представляет собой заметный вклад в исследование истории эллинистического Пергама и будет полезна всем интересующимся историей эллинизма.

О.Ю. Климов

*D. BRIQUEL. Les Pelasges en Italie. Recherches sur l'histoire de la legende. Roma, 1984. P. I—XIX, 647*

Вряд ли о каком-либо другом древнем народе античной эпохи в новое время вели такие длительные споры, при этом придерживаясь диаметрально противоположных мнений, как о пеласагах. Истоки этого спора восходят ко времени формирования критического метода в антиковедении. Для родоначальника этого направления Б.Г. Нибура пеласаги — вполне реальная этническая группа, отождествлявшаяся им с сиккулами<sup>1</sup>. Современник Нибура А. Швеглер, тщательно исследовавший сведения о пеласагах в Италии Дионисия Галикарнасского, Варрона, Вергилия и его комментаторов, Страбона и многих других древних авторов, отнесся к ним в высшей степени иронически и высказал сомнение в возможности существования столь гонимого и неуживчивого племени<sup>2</sup>. В конце XIX в. весь корпус сведений о пеласагах

<sup>1</sup> Niebuhr B. Die Römische Geschichte. Bd I. B., 1833. S. 56.

<sup>2</sup> Schwegler A. Römische Geschichte. Bd I. Tübingen, 1853. S. 165.



проанализировал Эд. Мейер и пришел к выводу, что пеласги в древнейшую эпоху были обитателями Фессалии и Крита, а "появление" их в других частях Средиземноморья – следствие не каких-либо этнических и миграционных процессов, а фантазия древних авторов, расширяющей круг обитания этого маленького народа. Считая подобное решение пеласгийского вопроса окончательным, Эд. Мейер надеялся, что после появления его работы имя пеласгов, "висящее, как фантом, вскоре погрузится в объятие ночи, и о нем вспомнят, может быть, через тысячи лет"<sup>3</sup>.

Мнение столь авторитетного ученого, как Эд. Мейер, способствовало усилению негативизма в разработке пеласгийской проблемы. Б.В. Фармаковский, выясняя этническую принадлежность носителей крито-микенской культуры, пишет: "Мы должны вычеркнуть из истории и этнографии древнейшей Греции один народ, который до последнего времени считали первоначальными обитателями на Балканском полуострове, на островах, в Малой Азии и даже в Италии. Этот народ пеласги... Сведения о пеласагах, как общем населении Греции в глубокие доисторические времена, представляют собой источник, не имеющий никакой исторической ценности"<sup>4</sup>. Также У. Лиф считал пеласгов этнографической фикцией<sup>5</sup>. Производя слово *πελασγοί* от греческого *πέλας* – "рядом, около", этот ученый трактовал этнимом как призрак, шагавший вместе с переселяющимися греками, задерживаясь на местах их останков, где на пути греческих переселенцев имелись естественные препятствия.

Так зародился историографический миф о пеласагах. Но время его жизни измерялось лишь годами преобладания в антиковедении гиперкритического направления, а не вечностью. Уже в 20-х годах отношение к пеласагам меняется. Вопреки всему тому, что писали о пеласагах Эд. Мейер, К. Белох, У. Лиф и другие гиперкритики, Ф. Шахермайр восстанавливает доверие к античной традиции, "возвращая" пеласагам, помимо Фессалии и Крита, также Эпир, Аттику, Аркадию, Троаду, Халкидику, Лесбос<sup>6</sup>. Однако ни Шахермайр, ни писавший позднее Ф. Лохнер-Хюттенбах (рассматривавший пеласгов как ветвь иллирийского этноса<sup>7</sup>) пеласгов Италии не касались. И если продолжали высказываться мнения о нереальности существования пеласгов на древнейшей этнической карте Италии, то эти мнения не опирались на анализ античной традиции.

Рецензируемая книга является фактически первой работой, в которой данные античной традиции о пеласагах в Италии собраны и исследованы с исчерпывающей полнотой. Все упоминания о пеласагах в Италии, а их около 60, распределены по регионам, начиная с северного вплоть до крайней южной оконечности полуострова: 1) долина По и Адриатика (с. 3–98); 2) Этрурия и область фалисков (с. 101–352); 3) область сабинов и Лаций (с. 355–522); 4) юг Италии (с. 525–626). В каждом из этих четырех регионов выделяются города, связываемые с пеласагами античной традицией: Спина, Равенна, Кортонна, Церре, Тарквинии, Рим. Все относящиеся к пеласагам сведения приводятся на языке оригинала нередко с переводами на французский и с филологическим и историческим разбором. Таким образом, перед нами уникальный корпус сведений античной традиции об итальянских пеласагах, соединенный с исследованием текстов.

Уже заголовок книги показывает, что Д. Брикель следует той историографической линии, для которой пеласги – не какая-либо этническая или историческая реальность, а легенда. При этом автор ставит перед собой цель выяснить, когда, как и при каком участии эта легенда возникла и получила распространение. Причастными к ее формированию оказываются, по мнению Д. Брикеля, как целые народы, так и отдельные древние авторы в силу своей заинтересованности, причины которой он стремится вскрыть. В отличие от своих предшественников – А. Розенберга, А. Неппи Мадоны и Л. Паретти, считавших распространение пеласгийской легенды исключительно делом греков<sup>8</sup>, Д. Брикель объясняет некоторые ее аспекты вкладом этрусков, признававших греческую генеалогию своих мифологических героев – Нана, сына Пеласага (с. 148–155), и Корифа, сына Дардана (с. 165–168).

<sup>3</sup> Meyer Ed. Forschungen zur Alte Geschichte. Bd I. Stuttgart, 1893. S. 111.

<sup>4</sup> Фармаковский Б.В. Культура эгейская, критская и микенская. СПб., 1907. С. 147.

<sup>5</sup> Leaf W. Troy. A Study in Homeric Geography. L., 1912. P. 331 f.

<sup>6</sup> Schachermayr F. Etruskische Frühgeschichte. B., 1929.

<sup>7</sup> Lochner-Hüttenbach F. Die Pelasger. Wien, 1960.

<sup>8</sup> Rosenberg A. Herodot und Kortona // RhM. 1914. LXIX. S. 615–625; Neppi Modona A. Cortona etrusca e romana // Polimnia. 1930. VII. P. 744–758; Paretti L. L'origine etrusche. Firenze, 1926. P. 32–36.

Отцом пеласгийской легенды (разумеется, если можно считать свидетельства о переселении народов в Италию легендой) Д. Брикель называет Гекатея Милетского (с. 125–136). Это утверждение явилось результатом тщательного анализа всех фрагментов Гекатея и параллельного изучения всей древнейшей греческой традиции о пеласагах. Расположив этот материал по воображаемым клеткам источниковедческой таблицы, Д. Брикель отыскал у поздних авторов сведения о пеласагах, восходящие к Гекатею. Поскольку Гекатей называет Фессалию Пеласгией (FGtH I. Fg. 14), то к нему, как это резонно предполагает Д. Брикель, должны восходить сведения Ликофрона и Диодора Сицилийского о Фессалии как исходной территории миграции пеласгов, а не Эпира и Аркадии, как у других древних авторов. Это допущение подтверждается анализом "энотрских" полеонимов, под которыми следует искать названия пеласгийских городов.

Установление содержания сведений Гекатея о пеласагах позволило Д. Брикелю лучше понять версию Геродота о пеласагах, в корне отличающуюся от версии Гекатея. Геродот, как известно, по многим пунктам спорил со своим великим предшественником<sup>9</sup>. Д. Брикель воспринял пеласгийскую концепцию Геродота как продолжение спора "отца истории" с Гекатеем. При этом сочувственное отношение Гекатея к пеласгам объясняется тем, что он был выходцем из Милета и поэтому с симпатией относился к этрускам (Милет был союзником Сибариса, а Сибарис был союзником этрусков<sup>10</sup>); отсюда принятие Гекатеем пеласгийской легенды в форме, предпочтительной для этрусков (с. 136 сл.). Геродот же принял лидийскую теорию происхождения этрусков и отменил пеласгийскую, будто бы исходя из стремления сблизить греков и варваров в Малой Азии.

Таким же образом делается попытка выявить факторы, определившие разработку пеласгийской теории Геллаником. Это, во-первых, религиозные контакты между Спиной и Дельфами, выразившиеся в сооружении в Дельфах сокровищницы спинетов, и, во-вторых, активная торговля греков с этрусками Спины в V в. до н.э., подтверждаемая археологией. Именно поэтому в рассказе Гелланика Спина стала местом первой высадки пеласгов и исходным пунктом их дальнейшего распространения по полуострову (с. 18–20).

Место, занимаемое пеласагами у Филиста, Д. Брикель объясняет тем, что Филист был сиракузянином, другом, сподвижником и историком Дионисия Старшего, и в силу этого он должен был отрицательно относиться к этрускам, с которыми воевал сиракузский тиран (с. 51–53). Именно поэтому, как полагает Д. Брикель, Филист, в отличие от других историков IV в. до н.э., излагавших традиционную версию о пеласагах-тирренах, говорит о двух различных народах – пеласагах и тирренах. Версия Филиста рассматривается как доказательство того, что труд историка стал оружием политической пропаганды Дионисия Старшего. Последующее двадцатилетнее пребывание Филиста в Италии в качестве изгнанника (Plut. Dion. 19) также сыграло свою роль, превратив его в сторонника политики молосской державы – Эпира на западе. Мифическое "присутствие" в Италии пеласгов как выходцев из Эпира должно было послужить оправданием нового переселения в эту страну, возглавляемого Александром Молосским (с. 47). К Филисту же, по мнению Д. Брикеля, восходит свидетельство Диодора Сицилийского о пеласагах в долине р. Пада (Diod. XIV. 113. 1–2)<sup>11</sup>.

Версию об аркадском происхождении пеласгов Д. Брикель возводит к "Всеобщей истории" Эфора (с. 64–74). Таким образом, более поздние авторы, сообщавшие о прибытии в Италию из аркадского Паллантея Эвандра и его спутников и основании ими Палатина, излагали версию Эфора. Последователями Эфора были Псевдо-Скимн из Хиоса (II в. до н.э.), давший наиболее подробное изложение рассказа Эфора, а также Страбон, Дионисий Галикарнасский, Ливий, Валерий Максим, Авл Геллий, Солин.

Еще одна версия о появлении пеласгов в Италии представлена у Иеронима из Кардии (III в. до н.э.): пеласгов изгнали из Греции лапифы. Поскольку лапифы (Il. II. 738) были

<sup>9</sup> *Немировский А.И.* Рождение Клио. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 65.

<sup>10</sup> Дружеские отношения между Сибарисом и этрусками выявляются также из анализа текста договора между Сибарисом и этрусками, где последние фигурируют под именем "сердаев"; см. *Немировский А.И.* Этрусски. От мифа к истории. М., 1963. С. 55–56.

<sup>11</sup> Задолго до Д. Брикеля Н.Н. Залесский отметил, что одним из источников сведений Диодора о пеласагах в долине Пада была история Сиракуз, но без уточнения, кто был ее автором: *Залесский Н.Н.* Этрусски в Северной Италии. Л., 1959. С. 17.

обитателями Фессалии, это дает основание думать, что пеласги считались изгнанными из Фессалии. Упоминание пеласгов в Италии греческими авторами IV–III вв. до н.э. (Аристотель, Ликофрон, Дамаст Сигейский, Агафокл из Кизика) Д. Брикель пытается объяснить в свете появления новой политической силы – Рима и реакции на этот фактор враждебных Риму государств. Так, пеласгийскую легенду используют цари Эпира в целях обоснования своего присутствия в местах первоначального расселения пеласгов (с. 510–512). Также и в наиболее обширных сведениях о пеласагах Дионисия Галикарнасского Д. Брикель усматривает определенную политическую подоплеку. Стремясь нарисовать широкую картину переселения пеласгов в Италию, Дионисий будто бы исходил из тенденции представить Рим как город, обладавший значительно более древней историей, чем об этом сообщает полуполюгендарная традиция. Пеласгийская легенда позволила Дионисию объявить Рим “греческим полисом” и отвергнуть легенду о его варварском происхождении и тем самым поднять исторический престиж новых владык ойкумены.

У нас не вызывает сомнений возможность использования древними авторами различного рода легенд для обоснования тех или иных мифологических или политических концепций древности. Видеть в рассказах древних о древнейшем населении Италии объективное, лишенное каких-либо тенденций изложение легенд было бы, разумеется, ошибочным. Но попытка представить всю античную традицию о пеласагах как результат политической заинтересованности отдельных древних авторов или стоящих за ними государств не может не вызвать возражения. Легенды, даже если они в некоторых случаях становились разменной монетой в политической игре, имели некую историческую основу, выявление которой является задачей каждого исследователя древних преданий. Трудно себе представить, что оживление пеласгийской легенды было результатом одной или двух экспедиций царей Эпира в Италию.

Анализируя каждое свидетельство античной традиции о пеласагах, Д. Брикель ищет его первоисточник. Разумеется, против такого подхода трудно было бы возразить, если бы на деле он не сводился к отысканию инициатора конструкции легенды и выяснению руководивших им мотивов, тогда как далеко не всегда автор, писавший о старине, задавался политической целью. С другой стороны, именно такой дифференцированный подход к свидетельствам о пеласагах позволил Д. Брикелю отвергнуть некоторые указания традиции как возникшие из ошибочного смешения пеласгов с тирренами. Так, проанализировав утверждение Дионисия Галикарнасского (I,21.3–4) о захвате пеласагами Кампании, Д. Брикель убедительно показал, что оно не имеет никакой опоры в ранней литературной традиции и основывается исключительно на том, что в Кампании имелся город Ларисса, а название “Ларисса” известно Гомеру как пеласгийское (с. 541 сл.). Вполне возможно, что этрусская колонизация Кампании, подтверждаемая ныне археологическими и эпиграфическими данными, послужила Дионисию Галикарнасскому основанием для принятия тезиса о переселении пеласгов и в эту часть Италии.

К числу бесспорных достижений Д. Брикеля принадлежит выявление в традиции о пеласагах в Италии трех версий исходного пункта переселения народа. Согласно первой, как уже говорилось, пеласги пришли из Фессалии, согласно второй, восходящей к Эфору, – из Аркадии, согласно третьей, выдвинутой Филистом, – из Эпира. Таким образом, упоминание Фессалии, Аркадии и Эпира в связи с пеласагами может служить критерием для выявления первоисточника, когда отсутствуют ссылки на предшественников.

Ограничив свою задачу исследованием данных античной традиции о пеласагах в Италии, автор не высказал своей точки зрения по тем вопросам, которые связаны с пеласагами как древнейшим населением Балканского полуострова и Эгеиды. Для него пеласги в Италии – легенда. А заселяли ли они реально те области, откуда их традиция передвинула в Италию? Оставляя решение этого вопроса тем, кто намерен исследовать пеласгийскую легенду в восточносредиземноморском регионе, Д. Брикель формально прав. Но по сути дела, не высказав своего отношения к выходящим за рамки выбранного им региона вопросам, он допустил ошибку. На самом деле, если пеласги к востоку от Италии представляли собой историческую и этническую реальность, нет оснований отрицать возможность переселения части этого народа, особенно в тот период, когда погиб крито-микенский мир и изменилась этническая карта Малой Азии и сиро-финикийского побережья. И можем ли мы, рассматривая древнейшее этническое население Италии, пренебречь свидетельствами древнеегипетских источников. А этим источникам были известны народы, этнонимы которых совпадают с названиями островов – Сардиния и Сицилия, а также с именем итальянского народа сердаев, с которым заключили союз сибариты.

Разумеется, наши замечания не могут ни в коей мере умалить значение проделанного Д. Брикелем труда. Независимо от того, будут ли соглашаться или оспаривать вывод о пеласагах в Италии как о легенде, к рецензируемой книге будут обращаться как к первому корпусу сведений о пеласагах в Италии и отдавать должное эрудиции автора и ряду его положений о характере античной традиции.

*А.И. Немировский*

*J. HORNBLOWER. Hieronymus of Cardia. Oxford Univ. Press, 1981. 301 p.*

В отечественной и зарубежной исторической науке греческая историография раннеэллинистического периода является наименее изученной. И тому есть объективные причины, заключающиеся в том, что большая часть сочинений этого времени не сохранилась до наших дней или же дошла в незначительных фрагментах. Монография Дж. Хорнблауэр, предмет которой – всестороннее исследование творчества греческого историка конца IV – начала III в. до н.э. Гиеронима из Кардии, чьи свидетельства (ввиду их уникальности) представляют особую ценность для изучения социально-экономического и политического периода преемников Александра Македонского, восполняет важный пробел.

Рецензируемая работа содержит введение, пять глав – “Жизнь и творчество Гиеронима”, “Диодор Сицилийский и Гиероним”, “Произведение Гиеронима”, “Достоверность свидетельств историка” (последняя в свою очередь подразделяется на две части, первая из которых посвящена проблеме составления “Истории диадохов и эпигонов”, вторая – разбору вопроса о ее тенденциозности); завершает монографию глава “Гиероним и его мастерство”, в которой подробно анализируются литературные особенности манеры изложения Гиеронима. Помимо заключения, библиографического списка использованной литературы, общего и специального индекса греческих терминов монография Дж. Хорнблауэр включает два приложения, представляющих на наш взгляд особую ценность: первое приложение содержит развернутый комментарий автора книги к сохранившимся фрагментам Гиеронима из Кардии (добавим, что здесь же приведены тексты фрагментов, воспроизведенные фотомеханическим способом по классическому изданию фрагментов греческих историков Ф. Якоби); второе приложение посвящено скрупулезному анализу словоупотреблений в “Исторической библиотеке” Диодора Сицилийского и “Истории диадохов и эпигонов” Гиеронима из Кардии.

Естественно, что интерес автора книги к личности Гиеронима из Кардии (на полуострове Херсонес Фракийский) обусловлен прежде всего интересом к историческим событиям, свидетелем и активным участником которых довелось стать Гиерониму. Обстоятельства необыкновенно долгого жизненного пути Гиеронима (как передают, он дожил до 104 лет) и тот факт, что при Александре и его преемниках он занимал достаточно высокие государственные должности, служат для исследователя античности поводом для того, чтобы на примере этой самобытной личности эллинистического историка проследить драматические перипетии эволюции мира классических полисов и зарождение эллинистических монархий, дать более или менее развернутую характеристику соответствующего времени и страны.

В настоящее время мы располагаем 12 свидетельствами о Гиерониме из Кардии и 18 фрагментами его истории о диадохах и эпигонах, посвященной пятидесятилетнему периоду после смерти Александра и завершившейся, по-видимому, смертью Пирра в 272 г. до н.э.<sup>1</sup> Свой труд Гиероним из Кардии создал будучи уже в преклонном возрасте, и степень его влияния на освещение традицией периода правления преемников Александра Македонского оказалась столь значительной, что ни один из поздних историков, касавшихся этого периода, не в состоянии был пренебречь его сочинениями. Авторитетность исторических свидетельств Гиеронима из Кардии отмечали такие авторы, как Дионисий Галикарнаский (I в. до н.э.), который использовал его сочинения в качестве источника в своей “Древней истории Рима” для описания войн Пирра (Dion. Hal. AR I.5 = F 13). Высокая

<sup>1</sup> Нельзя с уверенностью утверждать, что существовало продолжение “Истории диадохов”, своего рода второй части сочинения Гиеронима – “История эпигонов” (ἡ περὶ τῶν ἐπιγόνων πραγματεία), о которой упоминает Дионисий Галикарнаский (AR I. 6). Возможно, Дионисий в данном случае имеет в виду все ту же “Историю диадохов”.

оценка труда Гиеронима в более поздний римский период стала общим местом для составителей компиляций эпитом, авторов биографий выдающихся деятелей древности, для которых Гиероним оказался непрекращаемым авторитетом в оценке событий, связанных с историей правления диадохов.

Это отнюдь не означает, что сочинение Гиеронима не подвергалось нападкам со стороны приверженцев риторических "расцветок": тот же Дионисий Галикарнасский, например, характеризуя состояние греческой историографии в эллинистический период, весьма низко оценивает литературную манеру изложения Гиеронима<sup>2</sup>. Однако было бы неверным считать, отмечает Дж. Хорнблауэр, что лишь литературные достоинства Гиеронима вызывали непонимание современников режима Августа: по мнению исследовательницы, в римский период интерес к греческой историографии эллинизма упал (см. Paus. I.6.1). Дошедшую до наших дней "Всеобщую историю" Полибия (III–II вв. до н.э.) можно считать в известной мере счастливым исключением. Период с I в. до н.э. по I в. н.э. был отмечен в римском обществе стремительным появлением авторов энциклопедического направления, общей чертой которых, считает Дж. Хорнблауэр, была тяга к составлению эпитом – сжато изложенных событий. Такие приверженцы концепции всеобщей истории, как Диодор Сицилийский ("Историческая библиотека"), Помпей Трог (современник Тита Ливия), Николай Дамасский ("Всеобщая история") направляли свои усилия на составление компиляций, используя материал исторических сочинений предшественников, и подчас делали это без должного понимания. Аналогичным образом и Арриан, человек своего времени, подверженный наподобие других риторическим новациям "второй софистики", вовсе не ставил в "Походе Александра" перед собой задачи с максимальной бережностью передать тексты Птолемея, Аристула или историю диадохов и эпигонов (*τὰ μετὰ Ἀλέξανδρον*) Гиеронима из Кардии, которые он использовал в качестве источников. Дж. Хорнблауэр высказывает предположение, что одной из целей Арриана было создать на основе свидетельств эллинистических источников о македонских царях (в том числе и на основе свидетельств Гиеронима) собственную, более свободную версию хода событий, отвечающую духу времени. Иными словами, Арриан в данном случае выступал, по мнению автора книги, в роли эпитоматора, ограничивавшегося передачей лишь некоторых моментов в содержании каждой из книг, входивших в труд Гиеронима. Во многом схожим образом поступал и Плутарх, использовавший сочинения Гиеронима в биографиях Эвмена, Деметрия и Пирра. Несколькими фрагментами Гиеронима мы обязаны эпитоме Фотия (IX в.) и Ватиканскому кодексу<sup>3</sup>, содержащему сжатое изложение истории Родоса со ссылкой на Гиеронима.

Подобное состояние немногочисленных фрагментов создает для исследователя, рискнувшего составить цельное представление о композиции труда Гиеронима и его исторической концепции, казалось бы, непреодолимые трудности. Однако состояние источников не остановило Дж. Хорнблауэр, проявившей в данном случае не только высокий уровень эрудиции, мастерства, но и присущую ей как исследователю смелость. И действительно, даже беглое ознакомление с фрагментами Гиеронима показывает, что оригинал его труда представлял собой обширное и содержательное произведение, написанное на основе большого и разнообразного исторического материала, касающегося не только военной, но и политической истории времени диадохов.

Большое место в книге Дж. Хорнблауэр отводится комментированию фрагментов Гиеронима; при этом автор книги в значительной мере использует материал "Исторической библиотеки" Диодора Сицилийского, особенно кн. 18–20, в которых излагается история диадохов и в основе которых, как известно, лежат свидетельства Гиеронима из Кардии. Одно из выдвигаемых ею методических положений заключается в том, что она исключает вероятность того, что Диодор Сицилийский в той или иной степени искажил смысл находящихся у него под рукой свидетельств предшественников и, в частности, свиде-

<sup>2</sup> "Именно более или менее удачным соединением слов отличается больше всего поэт от поэта и ритор от ратора. Древние писатели почти все проявляли великую заботу о соединении: потому-то так прекрасны у них и стихи, и песни, и проза. У позднейших этого нет за немногим исключением; а писатели последнего времени вовсе пренебрегают соединением, и никто не признает, что оно необходимо и что оно содействует красоте речи. Потому-то и оставили они такие сочинения, которые никто не в силах дочитать до конца: я говорю о Филархе, Дуриде, Полибии, Псаоне, Деметрии из Каллатии, Гиерониме, Антилохе, Гераклиде, Гегесии Магнесийском и множестве других" (пер. М.Л. Гаспарова) (*Dion. Hal. De comp. verb. IV. 30 = FGrH 154 T12*).

<sup>3</sup> *Bartoletti V. // PSI. 1951. XII(2). P. 158 ff. N 1284; P. Berl. 11632 = FGrH 533.*

тельств Гиеронима. Допуская, что Диодор мог парафразировать данные источника, автор книги тем не менее настаивает: Диодор Сицилийский проявляет последовательность и усердие в передаче деталей, избегает собственных добавлений и своеобразных интерпретаций, что позволяет, по мнению Дж. Хорнблауэр, с уверенностью судить о степени достоверности фрагментов Гиеронима. Более того, это позволяет в несколько новом свете представить не только самого Гиеронима, но и автора "Исторической библиотеки", выполняющего в данном случае роль своего рода посредника между нами и Гиеронимом. Подробному доказательству этого тезиса автор книги посвящает одну из глав ("Диодор Сицилийский и Гиероним"), поскольку, как она полагает, использование традиционных методов критики источников в данном конкретном случае не позволяет достичь желаемых результатов. Подобный подход, считает Дж. Хорнблауэр, создает одновременно предпосылки для того, чтобы с наибольшей полнотой охарактеризовать труд Гиеронима из Кардии в качестве продукта своего времени.

На основании сохранившихся фрагментов Гиеронима, подробного анализа 18–20 книг "Исторической библиотеки" Диодора Сицилийского и косвенных свидетельств о Гиерониме Дж. Хорнблауэр приходит к выводу, что "История диадохов и эпитогонов" Гиеронима из Кардии отмечена концептуальными чертами так называемой "всеобщей истории" (*κοινὴ ἱστορία*). Справедливости ради стоит заметить, что концепция всеобщей истории была присуща и ряду других раннеэллинистических историков, например, Эфору, Тимею из Тавромения. Традиционная замкнутость гражданских коллективов греческих полисов, характерная в целом для классического периода их социально-экономического развития, к IV в. до н.э. дала первые трещины – обнаружившийся кризис полисных отношений объективно способствовал утверждению в общественно-политической мысли греков идеи всеэллинистического единства, что нашло свое отражение и в историографии этого времени. Большинство историков, сохранявших "генетические" связи с родными полисами, тем не менее оказались невольно вовлеченными в бурный процесс перемен, происходящих в мире греческих полисов (возникновение эллинистических держав, таких, как сирийская держава Дионисия и его преемников Агафокла и Гиерона II, держава Александра Македонского, затем образование эллинистических царств в Египте, Азии и Македонии). Не были исключением Гиероним из Кардии и Дурид Самосский, в сочинениях которых по-разному отразился процесс начавшегося политического объединения разрозненных полисов под властью Македонии.

Дж. Хорнблауэр подробно анализирует известные по источникам основные вехи биографии Гиеронима из Кардии, неизменно связанной с династией Антигонидов: благодаря земляческим связям и опираясь на поддержку своего друга Эвмена Кардийского, пользовавшегося влиянием при дворе македонских правителей, Гиероним был принят там с большим почетом. После смерти Эвмена в 317/316 г. до н.э. Гиероним служил у соправителей Антигона Одноглазого и Деметрия Полиоркета (Diod. 18,41; 18,50; 19,44): на этот период жизни приходится миссия пребывания Гиеронима в Южной Сирии. Летом 301 г. до н.э. он участвует в сражении при Ипсе (Ps.-Lucian. Масроб. 11). После присоединения Деметрием Полиоркетом к своей державе в 292 г. до н.э. Беотии, сохранявшей до этого независимость, царь назначает Гиеронима на должность гармоста в Фивах – военного и гражданского правителя. Длительное время Гиероним входил в ближайшее окружение Антигона Гоната, успешно стремившегося к упрочению внутреннего и внешнего положения своей державы. Видимо, вместе с Антигоном Гонатом Гиероним был в Пелопоннесе в 272 г. до н.э., когда в Аргосе погиб Пирр (Paus. I. 13).

Как видно из этого краткого перечня *cursus vitae*, Гиероним принимал самое деятельное участие в политике Антигонидов, что обуславливало его приверженность промакедонской ориентации. Вместе с тем нет оснований утверждать, что Гиероним игнорировал или пренебрегал характерными для традиционного полисного мышления оценками и представлениями (хотя свидетельства такого рода отсутствуют, подчеркивает Дж. Хорнблауэр).

Переходя к рассмотрению исторической концепции труда Гиеронима, автор книги отмечает, что побудительным мотивом для ее создания могло стать сочинение Дурида Самосского (*Μυκεδονικά*), появившееся несколько раньше, чем история Гиеронима (точная хронология невозможна из-за отсутствия данных, но, как отмечает Ф. Якоби, используемый ими материал во многом схож). Приверженность Дурида широко распространенной в греческой историографии того времени риторической обработке материала, фиксация внимания на экзотических и анекдотических фактах, граничащих с вымыслом, ставившая под сомнение достоверность свидетельств Дурида Самосского, могла побудить Гиеронима воспользоваться приобре-

тенным им опытом деятеля государственного масштаба, доподлинными свидетельствами очевидцев событий и первоисточников, чтобы продемонстрировать собственные, отличные от Дурида и ему подобных, методы историографии. Заметим, впрочем, что критиковать своего предшественника было обычной практикой для историографии начиная со времен Геродота и Фукидида. Схожим образом мог действовать Птолемей, который в пику Клитарху, написавшему "Историю походов Александра" в 12 книгах, создал собственное произведение на аналогичную тему. Следует отдать должное наблюдениям Дж. Хорнблауэр: "дух соперничества", процветавший в среде эллинистических историков, был своего рода катализатором, обнаруживающим слабые и сильные стороны историка, а в результате чрезвычайно способствовал развитию эллинистической историографии в целом.

Однако вне поля зрения автора книги оказывается другая, не менее существенная сторона, связанная с идейным содержанием исторического произведения. Различные элементы исторического повествования, заключенные в широкие рамки "всеобщей истории", служили по сути выражением различных концепций исторического процесса, определяли различное его понимание и в конечном счете отражали общественные противоречия, характерные для времени Дурида Самосского и Гиеронима из Кардии. Дуриду и близким ему авторам, ориентирующимся на занимательность рассказа, была присуща тенденция изображать сильные личности в свете скандальных и анекдотических историй, вызывавших большой интерес, но вряд ли могущих претендовать на достоверность. Эта тенденция вызывалась отчасти чувствами местного полисного патриотизма, отчасти – чувствами протеста против прижизненного обожевления новоявленных полководцев и царей ("жертвами" анекдотов стали Эвмен, Деметрий, Антигон и др.). Причем подобный подход к обрисовке исторических персонажей, в котором при внимательном рассмотрении можно подметить определенную политическую тенденцию, подкреплялся широко распространенной в период эллинизма историко-философской концепцией о всемогущем господстве судьбы – Тюхе, олишветворящей силу внешних обстоятельств, игру случая. Насколько велико было вмешательство судьбы и насколько существенную роль она играла – все это в значительной степени зависело от оценки конкретно-исторической ситуации автором. Напротив, свидетельства фрагментов Гиеронима из Кардии вызывают тем большее доверие, что он, следуя концепции "всеобщей истории", исходил при изучении явлений по возможности из целого, не ограничиваясь частичным исследованием предмета. Он сознавал необходимость не только достоверного описания политических событий, носящих общи исторический для греческого мира характер, но и раскрывал их причинно-следственные связи.

На целом ряде примеров Дж. Хорнблауэр подробно прослеживает, насколько сильное влияние на позицию Гиеронима как "прагматического" историка оказали методологические установки Фукидида, требовавшего от историка конкретного знания положения дел в государстве, изучением которого он занимается. По мнению Дж. Хорнблауэр, этими чертами отмечены фрагменты Гиеронима, в которых большое значение уделяется определению причинной связи событий (*αἰτίας*) и делается попытка разобраться в причинах междоусобной борьбы эллинистических правителей за верховную власть. Непосредственным предшественником Гиеронима был Феопомп (IV в. до н.э.), с выходом сочинения которого "История Филиппа" в греческую историографию входит преувеличение роли личности, выяснение скрытых мотивов поступков и замыслов исторических персонажей, определяющих общий ход происходящих в мире событий. Автор книги приходит к выводу, что, используя достижения Фукидида и Феопомпа, Гиероним из Кардии все же во главу угла ставил собственный жизненный опыт и личные наблюдения; при этом Дж. Хорнблауэр не исключает, что изложение Гиеронима могло быть пристрастным (как, например, энкомий Эвмену Кардийскому) или субъективистски окрашенным (ср., например, упрек, брошенный Павсанием Гиерониму в том, что он тенденциозно излагал события в благоприятном для Антигонидов духе, – Paus. I.9.7=F 9).

Не подлежит сомнению, что две тенденции в греческой историографии эллинизма, представленные в нашем случае именами Дурида и Гиеронима, были ориентированы – одна на риторическую обработку исторического материала и развлекательность, что сближало этот род историографии с распространившейся в эллинистический период беллетристикой; другая тенденция предполагала по возможности правдивое и достоверное изложение событий. О политической подоплеке подобного противостояния этих направлений в греческой историографии, обусловленного характером социальных отношений, уже говорилось; что же касается конкретно упоминаемых эллинистических историков, то Дж. Хорнблауэр, на наш взгляд, убедительно показывает: Дурид Самосский и Гиероним из Кардии выражали две противополо-

ложные точки зрения на военно-политическую историю периода правления преемников Александра.

Уже отмечалось, что труд Гиеронима был известен многим из хронологически следовавших за ним авторов – будь то Нимфид из Гераклеи, писавший о диадохах, Агафархид Книдский, современник Птолея Сотера II, или Артемидор (100 г. до н.э.), книги которого послужили источником для "Географии" Страбона. Однако удивительно, что Полибий в своей "Всеобщей истории" (во всяком случае в дошедших до нас книгах) ни разу не упоминает о Гиерониме из Кардии. Этот факт Дж. Хорнблауэр использует в своей аргументации как свидетельство совпадения взглядов Полибия и Гиеронима по поводу изложения и трактовки истории Македонии в III в. до н.э. Так, по словам Полибия, дом Антигонидов "всегда мечтал о всемирном владычестве" (V.102,1), а в другом месте отмечает, что "люди, в коих вызывают удивление морские сражения и флоты Антигона, Птолея и Деметрия, наверное, должны быть поражены чрезмерностью этих событий" (I.63,7); нельзя исключать того, замечает Дж. Хорнблауэр, что в обоих случаях Полибий опирался на свидетельства Гиеронима. Упоминание Полибием Понтийского царства, которое "сохранилось еще от времен персов, ибо при Александре его проглядели" (V.55,10), по мнению автора, представляет собой реминисценцию из Гиеронима (ср. Нег. F3=Appian. Mithr. 8). Менее убедительно, на наш взгляд, сопоставление Дж. Хорнблауэр сообщений Полибия о действиях Митридата (V.43) и отрывка из Диодора Сицилийского (19.40,2) с целью обосновать зависимость обоих авторов от свидетельств Гиеронима из Кардии. Во всяком случае невольное или умышленное умолчание Полибием имени Гиеронима остается невыясненным. Приходится лишь, как это делает автор книги, задавать вопросы, не ожидая ответов на них: может быть, Гиероним был все же настолько малозаметным историком, что Полибий не рискнул и упомянуть о нем? Или, напротив, имя Гиеронима ко времени Полибия обладало уже настолько непререкаемым авторитетом, что автор "Всеобщей истории", раскритиковавший в пух и прах многих своих предшественников за ошибочные, по его мнению, методы историографии, не посмел критиковать Гиеронима? Тем не менее спустя столетие отношение и к Гиерониму и к Полибию в "Исторической библиотеке" Диодора Сицилийского было одинаково уважительно.

Было бы неверным рассматривать на равных степень разработки исторических концепций и уровень осмысления материала у Гиеронима и Полибия: различие их индивидуального мастерства настолько очевидно, что не требует особых доказательств. Гиероним, несмотря на ряд присущих ему достижений, принадлежал IV веку до н.э. со всеми вытекающими отсюда последствиями. Как и другие греческие историки его времени, он, судя по шести сохранившимся фрагментам, наряду с вопросами, касающимися политической истории, активно использовал этнографические, географические экскурсы, а также описания легендарного прошлого Фив, Фессалии, Рима, Nabateйского государства. Отметим при этом, что поздние авторы обнаружили тенденцию считать эти экскурсы более привлекательными, чем разделы, посвященные политической истории.

Традиция включать в историческое произведение материал так называемой *ἀρχαιολογία*, что было обычным делом для авторов IV–III вв. до н.э. (особенно преуспел в этом Тимей из Тавромения), генетически восходила к распространенной еще во времена Гелланика литературе об основании полисов. Раннеэллинистические историки в полном согласии с традицией, систематизировали свидетельства в рамках *ἀρχαιολογία* относительно интересовавшего их полиса или государства, его географического положения, странных обычаев, общественного строя и религиозных верований, не пренебрегая и данными мифологии. К периоду эллинизма сложилась некая модель этого "общего места", используемая чаще в риторических целях и отнюдь не исключая различия вариаций. Впервые это можно обнаружить у Гекатея Абдерского, а затем выработанному им образцу успешно следовали историки Мегасфен (IV в. до н.э.), Берос и Манефон (оба III в. до н.э.). Собственно, это было наглядное развитие приемов, которыми пользовался еще Геродот в своих экскурсах<sup>4</sup>. Естественно, что в контексте политической истории место *ἀρχαιολογία* было более ограниченным, чем в сугубо этнографических или географических сочинениях. По всей видимости, полагает Дж. Хорнблауэр, образцовой парадигмой для описания Фессалии и Рима служила Гиерониму *ἀρχαιολογία* Сицилии в "Истории" Фукидида (VI. 1–5), где он,

<sup>4</sup> Murray O. Herodotus and Hellenistic Cultur // CIQ. 1972. V. XXII. P. 207.



предваряя рассказ о вторжении афинян в Сицилию, описывает расположение острова, сообщает сведения о коренном негреческом населении и т.п.<sup>5</sup>

Однако парадигма *ἀρχαιολογία* Фукидида не предполагала включения этнографических экскурсов; Гиероним, как показывает его сообщение о Набатейском асфальтовом озере (F 5=Parad. Flor.), обращался к Геродотовой традиции: отрывок Диодора (19,94) о набатеях, в основе которого, по мнению Дж. Хорнблауэр, лежат свидетельства Гиеронима, совершенно того же рода, что и λόγος Геродота об эфиопах. Фрагмент Гиеронима косвенно свидетельствует об устойчивом интересе греков к Южной Аравии, об их попытках наладить торговые связи с этими областями Восточного Средиземноморья и по возможности закрепиться там. Видимо, с этой целью в 312 г. до н.э. по инициативе Антигона в глубь страны была послана экспедиция во главе с Гиеронимом, принявшим должность эпимелета. По всей видимости, в его задачу входило составить отчет об Асфальтовом озере для Антигона. Рассказ Гиеронима, очевидца событий, типологически можно сравнить с периплом Персидского залива, который Неарх составил для Александра, или с периплом Каспийского моря Патрокла, составленным для Селевка или Антиоха и бывшим частью обширного труда об Индии (FGrH 712).

Λόγος Гиеронима включает два из четырех традиционных элементов *ἀρχαιολογία*: странные обычаи (*νόμοι*) и достопримечательности (*θαυμάσια*). При всей внешней идеализации набатеев и их образа жизни, подчеркивает Дж. Хорнблауэр, достоверность описания Гиеронима не вызывает сомнений: перед нами историческое свидетельство очевидца, а вовсе не эллинистическая утопия.

В заключение отметим, что в своем исследовании Дж. Хорнблауэр приходит к выводу, что несмотря на трудности, обусловленные состоянием дошедших фрагментов Гиеронима из Кардии и скудостью свидетельств о нем, было бы неверным относиться к фрагментам Гиеронима как к поверхностным и не заслуживающим особого внимания документам; напротив, она не устает повторять, что введение в научный оборот свидетельств Гиеронима способствует более точному представлению о состоянии раннеэллинистической историографии и позволяет по-новому оценить значение его труда.

В.Н. Илюшечкин

<sup>5</sup> Возможно, схожим образом Гиероним дал и описание Крита: сохранившийся фрагмент с определенностью говорит лишь о размерах острова. Об *ἀρχαιολογία* Рима у Гиеронима прямо Дионисий Галикарнасский не говорит, отмечая лишь, что это была первая попытка такого рода, предпринятая греком (*Hier. F13=Dion. Hal. AR I,5,4*).

## СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ КОЛЛОКВИУМ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ\*

С 25 по 30 августа 1986 г. в г. Самарканде состоялся советско-французский коллоквиум на тему "Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. – VIII в.н.э.)". Этот коллоквиум был организован в соответствии с договором о научном сотрудничестве, заключенном между Институтом археологии АН УзССР, Институтом искусствоведения им. Хамзы Министерства культуры УзССР и группой № 29 ("Урбанизация доисламской Центральной Азии") Центра археологических исследований Национального центра научных исследований Франции. В работе коллоквиума приняло участие более 80 ученых – историков и археологов из Франции и СССР.

Заседания открыл заместитель директора Института археологии АН СССР *Р.М. Мунчаев*, который подчеркнул важность советско-французского научного сотрудничества в изучении прошлого народов центральноазиатского региона. Было заслушано и обсуждено более 50 докладов и сообщений, посвященных различным вопросам культуры Бактрии-Тохаристана и Согда в эпоху античности и раннего средневековья.

Начнем с докладов наших французских коллег о раскопках Ай-Ханум. Как известно, в 1964–1978 гг. на этом городище, расположенном на севере Афганистана, были вскрыты разнообразные сооружения эллинистического города, в том числе гимнасий, которому посвятил свой доклад глава французской делегации на коллоквиуме *П. Бернар*. Он отметил, что наиболее изучен последний период существования гимнасия (датируется второй четвертью II в. до н.э.), когда он включал северный ансамбль, к которому с юга примыкал бассейн для купания. Своими монументальными размерами и некоторыми чертами конструкции гимнасий лучше всего из известных греческих гимнасиев соответствует описанию Витрувием идеального типа этого сооружения. Но отсутствие колоннады во дворе северного ансамбля, функциональная нерасчлененность разных помещений, преобладание чрезмерно удлиненных комнат, как в местной догреческой архитектуре, настойчивая склонность к симметрии отличают бактрийский гимнасий от подобных греческих сооружений. Его колоссальные размеры не отвечали реальным нуждам города. Кратковременное существование этого гимнасия, оставшегося незавершенным, объясняет малочисленность обнаруженных здесь находок. Правильность определения характера сооружения подтверждает, в частности, греческая надпись, в которой упоминаются покровители гимнасия – Гермес и Геракл. Планировка зданий более ранних периодов восстанавливается плохо в силу нарушения слоев под каждое новое сооружение.

Об оборонительных сооружениях Ай-Ханум шла речь в докладе *П. Лериша*. Город был снабжен мощной фортификационной системой, укрепления шли вдоль берегов Окса и Кокчи, которые служили границей Нижнего города, затем – вдоль плато Верхнего города. Северо-восточная мощная стена, фланкированная массивными башнями, прикрывала Нижний город со стороны долины; южный участок Верхнего города был отделен от него стеной и рвом, так что образовалась неприступная цитадель. В этой системе обороны нашла отражение доминирующая в IV в. до н.э. защитная схема, известная под названием "большое кольцо". Однако использование толстых стен и массивных четырехугольных башен навеяно не греческими и не среднеазиатскими, а месопотамскими примерами. Этот тип статичной обороны позволял привлекать небольшое количество защитников, но был возможен при наличии многочисленной и легко мобилизуемой рабочей силы. С начала II в. до н.э. в фортификационной системе происходят изменения (уточнение стен и др.), свидетельствующие о переходе к активной обороне, предусматривающей большее число защитников. Тем самым военная архитектура приспособлялась к изменениям в политических и социальных условиях.

В ходе работ в Ай-Ханум были вскрыты многочисленные остатки жилых построек, о которых рассказал в своем докладе *Г. Лекюйо*. Наиболее значительные и оригинальные сооруже-

\*Хроника написана на основе тезисов коллоквиума: "Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. – VIII в.н.э.)" / Отв. ред. Г.А. Пугаченкова. Ташкент: Фан, 1986.

ния открыты в юго-западном квартале и в северо-восточной части городища. Жилища в плане прямоугольные, с двухколонными портиками, двором-садом и служебными пристройками. За исключением немногих элементов, связанных с греческими традициями, происхождение этого типа жилища, по мнению докладчика, следует искать скорее в местной архитектуре, к сожалению, еще очень мало известной. Помимо этих жилищ были раскопаны дома другого типа, более простые и скромные. Они расположены в менее благоприятных для жизни частях города. Среди различных по характеру жилых построек, несомненно, можно выделить дома знати. Ясно также, что наряду с греками здесь жили и представители местного населения.

С результатами раскопок сокровищницы Ай-Ханум ознакомил в своем докладе *Кл. Рапэн*. Состав и разнообразие найденных материалов свидетельствуют о богатстве царских сокровищ. Это предметы из драгоценных металлов и камней (лазуруты, агата, бирюзы, сапфиры и др.). Обнаружены сосуды, о назначении которых свидетельствуют надписи, сделанные чернилами на плечиках и отмечавшие периодические поступления денег в дворцовую казну. Они дают сведения о количестве и типе монет в каждом пополнении; кроме драхм упомянуты индийские монеты. На других сосудах указано, что они содержали благовония и оливковое масло. Два фрагмента папируса позволяют локализовать в одной из комнат греческую библиотеку. Как показывают все эти находки, торговые связи города ограничивались в основном среднеазиатским регионом. Находки индийского происхождения Кл. Рапэн склонен связывать с индийским походом Евкратиды. Употребление греческого языка указывает, что греко-бактрийцы сохранили до конца своего присутствия в Средней Азии (т.е. до середины II в. до н.э.) глубокие культурные связи со средиземноморским Западом.

В исследованиях советских археологов значительное место занимает проблема этнокультурного развития народов Средней Азии. *Б.А. Литвинский* посвятил свой доклад бактрийско-тохаристанскому аспекту этой проблемы. Начав с историко-археологического изучения Бактрии-Тохаристана и обрисовав экологический аспект древней и средневековой цивилизации этого региона, докладчик охарактеризовал затем основные этапы его культурного развития: первичное сложение особенностей облика бактрийской культуры к эпохе поздней бронзы, развитие культуры в предахеменидское и ахеменидское время (становление модели бактрийского города), эллинистическая культура (роль местной традиции в ее генезисе, а также обширных связей с различными районами древних цивилизаций – от Средиземноморья до Индии и Южной Сибири), кушанская эпоха (индийско-бактрийско-эллинистический синтез, религиозные системы кушанской Бактрии), раннее средневековье (перестройка сетки городских укреплений, изменения во внутренней структуре поселений).

О формировании городов Бактрии-Тохаристана сделал доклад *Э.В. Ртвеладзе*. Отметив, что образование этих городов явилось результатом длительного исторического процесса, докладчик выделил пять стадий их эволюции: 1) древнейшие урбанистические поселения эпохи бронзы (первая половина II тыс. – начало I тыс. до н.э.); 2) формирующиеся города эпохи раннего железа (начало I тыс. – IV в. до н.э.); 3) развитие города эллинистическо-античного периода (III в. до н.э. – III в. н.э.); 4) города переходного периода (вторая половина III в. – первая половина V в.); 5) новые раннефеодальные города (вторая половина V – вторая половина VIII, возможно, начало IX в.). Выделив особенности каждого из этих периодов, Э.В. Ртвеладзе отметил, что подлинной урбанизацией он считает кушанскую, тогда как предшествующие стадии в формировании городов можно рассматривать как их предтечу. Города кушанского времени стали завершающим звеном в эволюции древнебактрийского города.

В докладе *Г.А. Кошеленко* и *З.В. Сердитых* поднята проблема типологии поселений эллинистического времени на территории Б.ктрии. Докладчики доказывают, что имеющийся в настоящее время археологический материал позволяет уже охарактеризовать различные типы поселений не только по внешним признакам. Они отметили наличие двух типов городов и нескольких типов сельских поселений, каждый из которых обладает своей спецификой, находящей отчасти выражение и во внешних признаках. Вторая проблема, обсуждаемая в докладе, – динамика заселения Бактрии. Указывается, что в период перехода от ахеменидского периода к эллинистическому происходит резкое уменьшение числа поселений, затем их число увеличивается и, наконец, в период кочевнического завоевания снова уменьшается.

Доклад *В.Н. Пиличко* носит название "Бактрия и Парфия. Проблема границ и культурных контактов". Докладчик подчеркивает, что уже в эпоху бронзы создалось культурное единство Бактрии, Маргианы, подгорной полосы Копетдага (Северная Парфия), продолжало оно существовать и в эпоху раннего железа. Локальные варианты единой культуры свидетельствуют о сложении бактрийской, маргианской и парфянской этнических общностей. В дальнейшем происходит известное обособление Парфии, в то время как в Бактрии, Маргиане и Согде создалось культурное единство, прослеживаемое на протяжении нескольких веков. На процесс развития культуры этих областей оказывали значительное воздействие политические события: враждебные отношения между Греко-Бактрией, а затем Кушанами, с одной стороны, и государством Аршакидов, а затем Сасанидов, с другой, осложняли культурные контакты; но значительная изменчивость политических границ ослабляла влияние этого фактора.

*Л.А. Лелеков* темой своего доклада избрал города Бактрии и Согда как очаги культурно-религиозного синкретизма. Предварительные выводы докладчика о некоторых различиях механизмов формирования городских культур Бактрии и Согда сводятся к следующему. Для Бактрии, очевидно, особое значение имели традиционные культурные связи с восточной периферией эллинистической цивилизации. По этой же причине Бактрия почти в одно время с Передней Азией оказалась вовлеченной в сферу становления универсальных внеэтнических религиозных доктрин с эсхатологической и миллениаристской направленностью (буддизм и др.). Для Согда известные подобные доктрины имели меньшее значение. Здесь манихейство, несторианство, буддизм, зороастризм, староиранское язычество, отдельные течения индуизма сосуществовали рядом, но все же обособленно.

О городском и сельском населении Бактрии и Согда эпохи античности и раннего средневековья шла речь в докладе *Т.Х. Ходжайова*. Говоря об антропологическом составе среднеазиатского населения, докладчик отметил своеобразие этнических процессов в городской, сельской и кочевой средах. В характере взаимоотношений между этими группами различается два этапа: 1) в эпоху античности кочевые племена в основном проникали в города и крупные сельские поселения и слабо – в рядовые поселения; 2) в эпоху раннего средневековья, наоборот, внедрялись преимущественно в сельские местности и слабо – в городскую среду. Эта закономерность характерна не только для Бактрии и Согда, но и для всего Среднеазиатского региона.

Культурные связи бассейна Средней Сырдарьи с Согдом и Бактрией в древности и раннем средневековье были рассмотрены в докладе *Ю.Ф. Бураякова*. В I тыс. до н.э. Яксарт (Сырдарья) являлся не разделяющей границей, а зоной динамичных контактов земледельцев и скотоводов. В результате взаимосвязей, видимо, появились в правобережье реки поселения городского типа, самое раннее из которых – Канка. Картина начинает меняться со II в. до н.э., особенно с начала I тыс. н.э. в связи с продвижением с востока и севера племен юэчжийского и сарматского типов. Вхождение народов бассейна Средней Сырдарьи в состав Кангюя способствовало активному проникновению их материальной культуры. Значительное усиление экономических и культурных связей, особенно с Согдом, отмечается в VI–VIII вв., когда среднеазиатские владения входили в состав тюркского каганата.

О формировании и развитии городской культуры в низовьях Зарафшана в IV в. до н.э. – VIII в. н.э. сделали доклад *Ш.Т. Адылов* и *А.Р. Мухамеджанов*, выделив четыре этапа. Благоприятные природные условия пойменной зоны явились важнейшей предпосылкой возникновения в конце IV–II в. до н.э. многочисленных поселений. Второй этап (I в. до н.э. – первая половина IV в.) характеризуется подъемом социально-экономической и культурной жизни, интенсивным обживанием территории. Монеты местного чекана свидетельствуют о затках государства. Этот этап завершается нашествием кочевых племен, по-видимому, хунну, разрушением ирригационных систем и запустением многих населенных пунктов. На следующем этапе (вторая половина IV–V в.) отмечен заметный подъем культуры. В начале четвертого этапа (конец V–VIII в.) возникают типично феодальные города, материальная культура приобретает общесогдийский характер.

”Древний Самарканд и его округа” – тема доклада *Г.В. Шишкиной*. Причину становления на долгое время единственного, притом огромного городского центра в Самаркандском Согде докладчик видит в особенностях географической среды. Строительство города как крупного административного центра и мощного укрепления могло быть осуществлено в период организации в Согде ахеменидской сатрапии. Первое городское укрепление Самарканда представляет своего рода уникальное явление не только по пространственным параметрам, но и по той консолидирующей роли его, о которой можно судить на основе явно доминирующего положения этого города в пределах обширной территории. Существование тесно соприкасающихся двух экономических структур – городской и сельской – обусловило параллельное и в то же время взаимосвязанное развитие и двух типов согдийской культуры.

О раскопках храмового комплекса Еркурган рассказал в своем докладе *Р.Х. Сулейманов*. Комплекс состоит из двух сооружений, раскопанных пока лишь частично. Разнообразные находки охватывают хронологически широкий период от середины I тыс. до н.э. до IV–V вв. н.э. В восточном святилище найдены золотая фигурка ежа, выточенная из агата лягушка, идол, змея, что указывает, по мнению докладчика, на самобытность религиозной системы жителей Еркургана. Архитектурно-планировочная композиция восточного храма относится к широко распространенному в Средней Азии с III–II вв. до н.э. типу сооружений, состоящих из вытянутых по одной оси зала, вестибюля, портика и двора. Традиции же возведения парных храмовых сооружений имеют более ранние прототипы. *М.Х. Исамиддинов* в своем сообщении изложил результаты раскопок квартала керамистов Еркургана, ведущихся с 1973 г. Время функционирования мастерских – I – V–VI вв., специализировались они на выпуске столовой посуды.

В своем сообщении *А.С. Сагдуллаев* дал свое решение спорного вопроса о локализации так называемой ”второй столицы” Согдианы, о которой сообщает Арриан в ”Анабасисе Александра” (IV. 5). В результате анализа письменных и археологических источников *А.С. Сагдуллаев* считает возможным сопоставлять ”басилею” Арриана с городищем Еркурган.

Итоги исследования в последние годы буддийского культового центра кушанского времени Карателе в Термезе были подведены в докладе *Б.Я. Ставиского*. На Карателе открыты новые культовые постройки и произведения искусства: круглая в плане сырцовая ступа и небольшое наземное святилище с крупной буддийской статуей и стенными полихромными росписями; статуи Будды в нишах, монохромные росписи с изображением "огненного Будды" и других персонажей, сценой с человеком и двумя собаками. Среди находок – терракоты и глиняные буллы, на одной из которых отщипнуто изображение античного многопалубного корабля, а также разноязычные дипинты и граффити.

Новые данные об истории Айртама были изложены в докладе *Б.А. Тургунова*. Айртам представлял собой неукрепленное поселение городского типа с рассредоточенной планировкой. В результате стратификации было выявлено три основных периода: греко-бактрийский, сако-юэчжийский и эпохи великих Кушан. В Айртаме, располагавшемся у древней переправы через Амударью, встретились местная бактрийская и индо-буддийская культуры, в результате чего были созданы произведения высокого художественного достоинства. Открыт буддийский комплекс (ступа, святилище и др.), украшенный разнообразными архитектурными деталями. Среди находок – плита с двумя фигурами и шестистрочная бактрийская надпись.

Тема доклада *Г.А. Пугаченковой* – "К неутрачиваемым дискуссиям: варварский Гелиокл, Герай, Сотер Мегас". На основе комплекса объективных данных – стратиграфического залегания монет, состава кладов, эволюции монетных сплавов, иконографии и стиля *Г.А. Пугаченкова* приходит к выводу о следующей последовательности чекана: варварский Гелиокл – Герай – Сотер Мегас – Вима Кадфиз – Канишка – последующие кушанские цари. Абсолютные даты таковы: варварский Гелиокл – последняя треть II в. до н.э. – примерно рубеж н.э.; Герай – последняя четверть I в. до н.э. – начало I в. н.э.; с ним совпадает время Куджулы Кадфиза, когда он еще фигурировал как "ягбу", массовый же чекан его (с легендой "Царь царей Великий спаситель") охватывает вторую – третью четверть I в. н.э.

Особое значение находок в Тахти-Сангине для изучения греко-бактрийского искусства отметил в докладе "Эллиническое в храме Окса (Северная Бактрия)" *И.Р. Пичикян*. Группа чисто греческих памятников (особенно предметы вооружения) могла попасть в Бактрию вместе с греко-македонским войском, при вторичном притоке греков, в результате культурных и экономических контактов Бактрии с государством Селевкидов, путем изготовления на месте по греческим образцам. Вторая группа памятников создана первоклассными эллинскими мастерами в малоазиатских традициях. Местная портретная скульптура селевкидского и раннего греко-бактрийского периода представлена галереей портретов эллинских правителей в диадемах. Третья группа памятников, хронологически следующая за второй, была также изготовлена на месте. В стиле скульптур из необожженной глины прослеживаются одновременно иранские, парфянские и слитые воедино индо-греческие традиции. Четвертая группа памятников отражает контакты Греко-Бактрии со скифо-сибирским степным миром.

Типология и сравнительная характеристика культовых образов в терракоте Бактрии-Тохаристана и Согда послужила темой доклада *В.А. Мешкерис*. Исходя из понятия "комплекс", представляющего собой сумму качеств коропластики, изучаемой в географическом, хронологическом и классификационном аспектах, докладчик определяет терракоту Бактрии-Тохаристана и Согда как два самостоятельных комплекса, выявляя свойственные им общие и специфические черты. Причины локализации искусства этих регионов докладчик выводит из особенностей исторического развития, отмечая, что Согд в отличие от Бактрии не подвергся в первые века н.э. непосредственным влияниям индийской культуры. Общее преобладание народных культов божеств авестийского пантеона выражено в наличии различных региональных стилей, обусловленных местными традициями и разной степенью проникновения индийских культов.

В докладе *П. Шювена* "Средняя Азия в греческой поэзии императорской эпохи" был дан анализ сведений о Средней Азии у трех поэтов: Дионисия Периегета – современника императора Адриана, автора "Описания обитаемых земель", другого Дионисия, – может быть, несколько более позднего времени, автора "Бессарий" (о войне Диониса с легендарным царем Дериадом) и Нонна из Панополя (V в.), автора "Дионисий" на ту же тему, что и "Бессарий", использовавшего это произведение. Все они, говоря о Средней Азии, акцентировали внимание на легендарном завоевании Дионисом Востока. Докладчик отметил, в частности, стремление этих поэтов дать "модернизированную" информацию, что объясняется значением борьбы римлян против парфян. Это приводило поэтов к актуализации легенды о Дионисе в Индии, в которой отражен большой интерес к иранским народам, нежели собственно к Индии.

*В. Шильц* в своем докладе обратилась к вопросу о персидском "канди" и его распространении в Азии. "Канди" представляет собой верхнюю одежду, накинутую на плечи, с пустыми рукавами, известную по целому ряду памятников (рельефы Персеполя, гробницы Алтая, Амударьинский клад и др.). В докладе были рассмотрены время и обстоятельства появления этой одежды, вопрос о том, кто ее носил и при каких обстоятельствах. Произшедший от короткого, облегчающего костюма с защитными рукавами типа кафтана степных всадников, этот плащ, по мнению *В. Шильц*, мог быть навеян месопотамской традицией просторной развевающейся одежды. В таком случае оправдано его заимствование персами от

мидян, так как он прекрасно отвечал имперской идеологии. Это была своего рода "униформа" определенной общественной группы, элиты. Соображения престижа обусловили широкое распространение "канди" во всем ареале ахеменидского влияния, он перешел в парфянский и сасанидский мир, а затем через Византию – в западный мир.

К докладу *В. Шильц* по теме примыкает сообщение *К.А. Абдуллаева* "Мужской костюм Бактрии предантичной поры". Как считают античные авторы, для народов, населявших Бактрию и смежные с ней области, характерен тип костюма, называемого мидийским. В памятниках изобразительного искусства можно также проследить родство мидийского, персидского и бактрийского костюмов (Амударьянский клад, рельефы Персеполя, торевтика и нумизматика).

В докладе *В.П. Яйленко* "Воздействие бактрийского гражданского кодекса Александрии на Оксе на формирование учения о дхамме маурийского царя Ашоки" дан сравнительный анализ дельфийских максим и эдиктов царя Ашоки, который, по мнению докладчика, свидетельствует о множестве полных и частичных совпадений, нередко идентичных и в лексическом отношении. Эти совпадения можно сгруппировать в следующие морально-этические категории: общие принципы следования путем благочестия (дхаммы); отношение к родным, семье, близким; воспитание положительных качеств и моральные ценности; правила общественного поведения и др. Как считает *В.П. Яйленко*, одним из источников формирования дхаммы Ашоки послужили дельфийские максимы, которые этот царь-филантроп заимствовал из Александрии на Оксе (Ай-Ханум). При раскопках ее была найдена надпись III в. до н.э., в которой сообщалось, что вырезанные изречения греческих мудрецов были списаны в Дельфах, а также сохранилось несколько этих максим.

В докладе *Г.А. Федорова-Давыдова* и *В.В. Дворниченко* "К вопросу о связях Средней Азии с кочевниками Евразийских степей" говорилось об открытии богатого сарматского погребения I в. н.э. в районе Нижнего Поволжья. Этот комплекс отличался большим разнообразием вещей: две цилиндрические печати – вавилонская II тыс. до н.э. и ахеменидская, "скифо-греческие" изделия IV в. до н.э., вещи III в. до н.э. так называемого "сибирского звериного стиля", итальянские бронзы I в. н.э. и др. Наряду с множеством золотых вещей в погребении были серебряные сосуды, видимо, иранского или бактрийского происхождения с изображениями водяных животных, сцен охоты, сцен боя, орнамента. Ряд аналогий этим вещам можно найти в центрах искусства восточной части эллинистического мира.

*В.И. Распопова* посвятила свой доклад проблеме континуитета согдийского города. Вопрос преемственности, по мнению докладчика, необходимо рассматривать в двух аспектах: с точки зрения прямой преемственности (в градостроительстве, ремесле, искусстве и т.д.) и принципиального сходства (или различия) того, что возникло в раннем средневековье, с тем, что было характерно для древности. На основании анализа археологического материала (раскопки Афрасиаба, Еркургана, Пенджикента и др.) *В.И. Распопова* приходит к выводу, что в ранне-средневековом согдийском городе, где появилось много нового в архитектуре, стиле искусства и др., не наблюдался разрыв с древней традицией. Внешние нашествия III–VI вв. нанесли временный ущерб, но не вызвали принципиальных изменений.

Перейдем к сообщениям. Городская культура Ферганы и ее связи с Согдом были рассмотрены в сообщении *А.А. Анарбаева*, который указал, в частности, на влияние окружавших Фергану скотоводческих племен, что наложило отпечаток на ее культуру, и на изменения в культуре ферганцев в последней четверти I тыс. до н.э., вызванные проникновением согдийской городской культуры.

"Вооружение и военное дело кушанской Бактрии" – тема сообщения *В.П. Никонорова*, который изучил комплекс наступательного и защитного вооружения, состав войск и их боевое применение в Бактрии главным образом, в силу состояния источников, в раннекушанское время (вторая половина II в. до н.э. – I в. н.э.). О военном деле великокушанского времени известно очень мало.

С результатами раскопок курганов в местности Джузкудук и Бес (Центральные Кызылкумы) познакомил в своем сообщении *Ю.П. Маньков*. Погребальный инвентарь свидетельствует о контактах кочевников Центральных Кызылкумов с городским оседло-земледельческим населением юга Узбекистана в VI–V вв. до н.э.

Раскопки Фаязтепа – буддийского храмово-монастырского комплекса, расположенного в Термезском районе, были освещены в сообщении *Л.И. Альбаума*. Вихара, сооруженная в I в., состояла из храма, монастыря, трапезной и ступы. Обнаружена настенная роспись (две фигуры Будды и др.). Среди находок – фрагменты скульптуры из гипса и глины, большое количество черепков с надписями письмом кхарошти, брахми, бактрийским и неизвестным, монеты. В IV в. вихара была разграблена сасанидскими войсками и прекратила свое существование.

Среднеамударьянский регион в кушанскую эпоху был темой сообщения *Г.Г. Гутлыева*. В основе сообщения лежал материал, полученный при раскопках поселения Хазарекдепе. Характер культуры данного региона позволяет поставить вопрос о существовании самостоятельной среднеамударьянской историко-культурной общности, отразившей специфические особенности локальной этнокультурной среды.

Характеристика культуры позднекушанского города по раскопкам Зартепа была дана в сообщении *В.А. Завьялова*. Материалы из Зартепа свидетельствуют о развитии в Северном Тохаристане городской культуры на основе кушанского культурного комплекса. Вместе с тем следует отметить локальные черты, отличающие регион Нижней и Средней Сырдарьи от других областей юга Средней Азии, особенно в керамическом комплексе.

"К истории ткачества античной Бактрии" – тема сообщения *С.В. Левушкиной*. Изучение техники производства шерстяных тканей показало, что в этой отрасли ткачества преобладали традиции, близкие иранским и переднеазиатским. Исследование кусочков шелковой ткани позволяет предполагать существование шелкоткачества в самой древней Бактрии (материал из погребений Кампыртепе, датируемый монетами Хувишки).

О музыкальной культуре Бактрии и Согдианы шла речь в сообщении *Т.С. Вызго* и *А.А. Малькеевой*. Археологические находки свидетельствуют о значительном разнообразии музыкальных инструментов, большая часть находок которых датируется первыми веками н.э. (арфы, лютни, флейты, тарелки, барабаны и др.). В отличие от пластического искусства, греческая музыкальная культура не оставила заметного следа в музыкальной культуре Бактрии, более явны связи с Северной Индией.

О химическом составе металла Северной Бактрии прочитал сообщение *В.Д. Рузанов*, о консервации сырцовых объектов полиуретановыми композиционными материалами – *М.А. Реутова* и *А.А. Абдуразаков*.

Поскольку остальные доклады и сообщения выходят за хронологические рамки "Вестника древней истории", ограничимся их перечислением: *Х.Г. Ахунбабаев* – "Домашние храмы раннесредневекового Самарканда"; *Ф. Грене* – "Интерпретация декора оссуариев из Бия-Наймана и Мианкаля"; *С.Б. Лунина* и *З.И. Усманова* – "Ремесло и культура Южного Согда в раннем средневековье"; *Б.И. Маршак* – "Искусство раннесредневекового Согда как явление городской цивилизации"; *Н.Н. Негматов* – "Раннесредневековый этап урбанистической культуры Уструшаны"; *М.И. Филанович* – "К типологии раннесредневековых святилищ Согда и Чача"; *З.А. Ариавская* "К эволюции архитектурной типологической схемы "двор с обводом из коридоробразных помещений" в Северном Тохаристане и Согде", *Г.И. Богомолов* – "К вопросу о хронологии и районировании оссуариев", *В.Д. Горячева* – "Этнокультурные связи Семиречья с Согдом и Тохаристаном в раннем средневековье. (по материалам Краснореченского городища)", *Г.Я. Дресвянская* – "Раннесредневековые города и поселения восточной части Южного Согда", *Н.И. Крашенинникова* – "Два штампованных оссуария из окрестностей кишлака Сиваз Китабского района", *Н.Б. Немцева* – "Строительная периодизация и датировка архитектурного комплекса Бабатепе на юге Узбекистана", *В.С. Соловьев* – "Культура раннесредневекового города Тохаристана", *В.Г. Шкода* – "Городские храмы Пенджикента".

Коллоквиум проходил в обстановке большой научной заинтересованности, ряд докладов (*Г.А. Пугаченковой*, *Л.А. Лелекова* и др.) вызвал особенно оживленные дискуссии. Выступавшие, в частности, говорили об огромном значении раскопок французскими коллегами городища Ай-Ханум и о плодотворности научных контактов советских и французских ученых. Подводя итоги, *Г.А. Пугаченкова* отметила успешность работы коллоквиума. В докладах и сообщениях, а также дискуссиях был поднят и обсужден широкий круг важных для изучения истории и культуры Бактрии и Согда проблем: город и село, структура античного и раннесредневекового города, военное дело и фортификация, ремесло и технология, связи с другими регионами Средней Азии, эллинистическим Востоком и Индией и др. Большое место занимали вопросы идеологии, истории религии, культов и ритуалов. Участникам коллоквиума была предоставлена новая обширная информация, полученная в результате раскопок, еще не получивших отражения в публикациях. Следующий коллоквиум намечено провести в 1988 г. в Париже.

В заключение следует сказать о прекрасной организации коллоквиума. Участникам его была предоставлена возможность ознакомиться с раскопками городищ Афрасиаб, Саразм и Пенджикент, а в последний день работы коллоквиума в г. Ташкенте – с городищами Шаштепе и Актепе. В Институте искусствознания им. Хамзы была развернута выставка великолепных произведений искусства, обнаруженных Узбекстанской искусствоведческой экспедицией при раскопках на территории Бактрии и Согда.

*А. Аскарлов, Л.П. Маринович*



К 80-летию академика  
БОРИСА БОРИСОВИЧА ПИОТРОВСКОГО

14 февраля 1988 г. широкая общественность торжественно отметила 80-летие дня академика Б.Б. Пиотровского, выдающегося советского ученого-востоковеда и историка, урартолога и египтолога, специалиста по проблемам истории мирового

С именем Б.Б. Пиотровского связана одна из самых ярких страниц отечественной истории, явившей миру историю и самобытную культуру Урарту. Начаты Б.Б.П. в 1939 г. и продолженные в послевоенные годы систематические раскопки урартинистративного центра VII в. до н.э. в Кармир-блуре (около Еревана), принесли широкую известность и мировое признание. Именно в этот период окончательно сформировался творческий метод Б.Б. Пиотровского, отличавшийся комплексным подходом к изучению памятников, редким умением сочетать доскональное исследование источников и вещественных с широкими и смелыми обобщениями, порой опережавшими уровень советского урартоведения и смежных с ним дисциплин и нашедшими в блестящее подтверждение. Раскопки крупных урартских центров в Закавказье позволили Б.Б. Пиотровскому глубоко исследовать не только урартскую и современную культуру, но и выявить историко-культурные связи Закавказья со странами Востока и Скифии в I тыс. до н.э.



Итоги археологических изысканий в Армении в 1939–1953 гг. были опубликованы Б.Б.Пиотровским в трех выпусках серии "Кармир-блур" (Ереван, 1950–1955) и нашли всестороннее историческое освещение в трудах "История и культура Урарту" (Ереван, 1944), удостоенной в 1946 г. Государственной премии СССР, и "Ванское царство (Урарту)" (М., 1952).

Участник более 50 археологических экспедиций, полем деятельности которых была территория от Дона до Средней Азии, популяризатор достижений отечественного урартоведения и кавказоведения на международных конференциях, Б.Б.Пиотровский в своих статьях и книгах, лекциях и докладах рассматривает целый комплекс взаимосвязанных вопросов в широком контексте истории Передней Азии, Кавказа, Средней Азии и юга Восточной Европы. Среди них наиболее видное место занимают: проблема этногенеза армян, роль урартского культурного наследия в развитии культуры Кавказа, искусство Урарту, история скифов. Книги Б.Б.Пиотровского "Археология Закавказья" и "Ванское царство" и поныне остаются незаменными трудами по древней истории и археологии Закавказья.

Наряду с урартоведением Б.Б.Пиотровский на протяжении всей своей творческой деятельности занимается изучением истории и культуры древнего Египта. Уделяя особое внимание исследованию памятников додинастического Египта, Б.Б.Пиотровский подчеркивает африканский характер истоков древнеегипетской цивилизации, акцентирует необходимость изучения этих памятников в тесной связи с культурой более поздних эпох египетской истории, на фоне данных сравнительной этнографии. Интерес Б.Б.Пиотровского к египтологии проявился и в его кавказских археологических изысканиях, послужив стимулом для создания им прекрасной сводки египетских памятников, найденных на территории Советского Союза.

В 1961–1963 гг. Б.Б.Пиотровский возглавлял советскую археологическую экспедицию, направленную в Египет в связи с международной кампанией по спасению древних памятников в зоне затопления Асуанской плотины. Крупнейшим событием в советской египтологии явились публикации данных первого сезона экспедиции (Древняя Нубия. М. – Л., 1964). Палеографические материалы второго сезона экспедиции, изучившей 200 иероглифических и иератических надписей и многочисленных наскальные изображения в районе Вади Аллаки – от берегов Нила до Вади Кулейб, были положены в основу монографии Б.Б.Пиотровского "Вади Аллаки – путь к золотым рудникам Нубии" (М., 1983), лаконичного и чрезвычайно информативного исследования, незаменимого при изучении характера египетских экспедиций в Нубию в эпохи VI и особенно XVIII–XX династий.

Закономерности становления классовых обществ, политико-экономические, культурные и этнические контакты народов самых разных регионов древневосточного и африканского мира – от Кавказа до Судана, роль наследия Востока и Запада в мировой культуре – проблемы самого широкого диапазона и территориального охвата, которые освещаются в трудах Б.Б.Пиотровского, поистине могли быть поставлены и решены только исследователем-универсалом, гармонично сочетающим в себе черты ученого-практика и теоретика.

Но деятельность Б.Б.Пиотровского как ученого не может быть полностью оценена без учета его огромной организационной, педагогической и общественной деятельности, которая ярко проявилась в руководстве им археологическими экспедициями и в руководстве Ленинградским отделением Института археологии АН СССР и кафедрой древнего Востока на Восточном факультете ЛГУ, и особенно в управлении крупнейшим музеем мира – Государственным Эрмитажем, на посту директора которого Б.Б.Пиотровский бессменно пребывает с 1964 г. В 1981 г. Б.Б.Пиотровский стал научным руководителем московских востоковедов, работающих в отделе древнего Востока Института востоковедения АН СССР.

Герой Социалистического труда, награжденный тремя орденами Ленина и многими другими орденами и медалями, лауреат почетных отечественных и зарубежных премий, заслуженный деятель искусств РСФСР, академик АН СССР и Армянской ССР, член Президиума АН СССР и многих научных международных обществ, Б.Б.Пиотровский является ученым мирового масштаба и продолжателем лучших традиций отечественной востоковедной науки.

Отмечая юбилей Бориса Борисовича Пиотровского, мы желаем ему долгого здоровья, новых творческих свершений и неиссякаемых сил в благородном подвиге самозабвенного служения науке и людям.

*Редколлегия и редакция "Вестника древней истории"  
Отдел древнего Востока Института востоковедения АН СССР  
Сектор древней истории Института всеобщей истории АН СССР*

## НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ФРАКИЙСКИЙ КЛАД ИЗ СЕЛА РОГОЗЕН"

В сентябре 1986 г. в Государственном Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина экспонировалась выставка "Фракийский клад из села Рогозен", на которой были представлены 165 серебряных сосудов V–IV вв. до н.э., найденных в 1985 – начале 1986 г. во Врачанском округе Северной Болгарии<sup>1</sup>. 23 сентября в музее состоялась научная конференция, посвященная кладу, в которой приняли участие болгарские и советские ученые.

Первый доклад был посвящен истории открытия клада, его краткой характеристике и месту среди других фракийских кладов. С докладом выступил *Б. Николов*, возглавивший группу археологов, начавших раскопки в центре села Рогозен после того, как тракторист *И. Димитров* при рытье канавы у своего дома обнаружил 65 серебряных сосудов. Докладчик отметил, что Рогозенский клад – самый богатый клад доэллинистической эпохи, найденный на территории центральной части Северной Болгарии: 10 открытых ранее кладов этого времени были найдены случайно, без участия археологов, здесь же впервые удалось установить, что клад не был зарыт на древнем поселении и не входил в состав погребального инвентаря, а был спрятан в двух мешках в укромном месте, в двух расположенных рядом ямах в период 40-х годов IV в. до н.э. *Б. Николов* разделил сосуды Рогозенского клада на три группы: фиалы (108 сосудов), кувшины (54) и чаши (3). Его исследования показали, что сосуды клада были изготовлены в разных мастерских: ахеменидской, греческо-малоазийских, но преимущественно в местных, фракийских. Отдельно были рассмотрены кувшины с сюжетными изображениями, которые, по мнению докладчика, дали уникальную возможность получить представление о собственно фракийской иконографии Великой богини и фракийского бога-всадника.

*И. Маразов* в своем докладе остановился на анализе сюжетных изображений на сосудах Рогозенского клада, а также на интерпретации надписей, сохранившихся на 16 сосудах. Он отметил, что в настоящее время уже можно говорить об особой фракийской иконографии Великой богини, известной и ранее по изображениям на перстнях из Березово и Розовец, склепов Свишар и Казанлык, на фаларах из Летнице, кнемидах из Враца и Аджигола. Полемизируя с *И. Венедиковым*, считающим, что на кувшине с изображением сцены терзания оленя львом (№ 155)<sup>2</sup> два изображения женского божества (держашее в руке лук со стрелой и сидящее на львице) – это Кибела, *И. Маразов* приходит к выводу, что, поскольку львица является символом царственности, а лук и стрела – атрибуты богини-охотницы, на кувшине представлена Артемида Басилейя. Особое внимание было уделено анализу сцены на кувшине № 158, изображающей крылатую богиню с парами крылатых кентавров по сторонам, под которыми были изображены собаки, нападающие на быка. Предлагая интерпретацию кентавров как мифологических образов молодых людей в период инициации и одновременно как олицетворение четырех сторон света, докладчик привел параллели из индийских текстов и семантически близкие изображения на котле из Гундеструпа (Дания) и Келермесском ритоне. Разбирая сюжет изображения на кувшине № 157, *И. Маразов* вновь высказал сомнение в правильности интерпретации *И. Венедикова*, считающего, что на колесницах, влекомых четверками крылатых коней, сидят Аполлон и Артемида, а в качестве возницы в обоих случаях выступает Силен (причем изображен либо отъезд брата и сестры в страну гипербореев, либо их возвращение оттуда). Автор доклада предложил свое толкование данного сюжета: в обоих случаях в колеснице изображена Великая богиня, но в двух своих аспектах (как женщина, покровительница плодородия, и как девушка-охотница, покровительница инициации) – и привел в качестве аналогии изображения на сосудах из Враца и Северной Греции. В докладе было также рассмотрено изображение на кувшине № 159 – сохранившаяся сцена охоты на кабана. По мнению *И. Маразова*, здесь представлена царская охота. Продолжая свою полемику с *И. Венедиковым*, полагающим, что на кувшине № 154 представлена сцена борьбы Аполлона с Гераклом, докладчик предположил, что здесь изображена Амазонка, которая гонится за Гераклом, воплощающим мужское начало. На относительно плохо сохранившемся кувшине (№ 162) *И. Маразов* увидел уникальное для фракийской иконографии изображение Химеры и Беллерофонта, едущего верхом на Пегасе. Этот сюжет с точки зрения

<sup>1</sup> Ко времени открытия выставки в Москве этому кладу уже был целиком посвящен № 6 журнала "Искусство" со статьями *А. Фола*, *Б. Николова*, *П. Иванова*, *С. Машова* и каталогом находок, а также переведенный на русский язык каталог выставки "Фракийский клад из села Рогозен". В настоящее время, как нам любезно сообщил *И. Маразов*, в НРБ готовятся еще два издания, посвященные кладу: научно-популярное – со статьями *А. Фола* и *Б. Николова* и полная научная публикация клада – со статьями *А. Фола*, *Б. Николова*, *И. Венедикова*, *Г. Михайлова*, *И. Маразова*. Эти статьи в ближайшее время появятся и в США – в отдельном выпуске "Journal of Southeastern-European Studies".

<sup>2</sup> Номер кувшина по каталогу выставки "Фракийский клад из села Рогозен".

фракийской мифологии передает борьбу героя со своим антагонистом. При анализе надписей на сосудах, в которых неоднократно упоминается имя одрисского правителя Котиса, точке зрения И. Венедикова (надписи означают то, что сосуды были подарены одрисским правителем своим гетским и трибальским союзникам) И. Маразов противопоставил мифоритуальную трактовку, приводя как доказательство сообщение Арриана о кубке с вином, который город преподносил царю при его въезде в город, а также свидетельство Ксенофонта о преподнесении гостям фракийскими царями на пирах драгоценных кубков. Таким образом попал к трибальскому властителю, по мнению докладчика, целый сервиз, связанный с культом Аполлона, включающий кувшин с надписью "Котиос, сын Аполлона" (№ 112), и четыре фиалы с изображениями головы Аполлона.

А. Фол в своем докладе затронул проблему взаимодействия политики и культуры в древней Фракии на основании изучения надписей на сосудах из Рогозенского клада. Была представлена интерпретация надписи на кувшине (№ 112) как эллинизированной версии фракийского орфизма, в которой образ Орфея был заменен образом Аполлона. Приставки "ек-", "ег-", "ен-" в надписях докладчик предложил интерпретировать как Gen. originis – "из", поскольку за ними следуют топонимы Юго-Восточной Фракии: Беос, Апри, Эргиске, Сайтаба. А. Фол считает, что эти места были царскими резиденциями, откуда одрисские правители посылали драгоценные дары племенным вождям Северной Болгарии, что и привело его к выводу о том, что в каждой из этих резиденций были свои золотокузничные мастерские.

Р. Катинчаров посвятил свой доклад, построенный на материалах Варненского некрополя, культуре Фракии эпохи неолита, бронзы и раннего железа. Им были рассмотрены контакты Фракии, островов Эгейского моря и Северо-Западной Анатолии в эпоху бронзы, на основании которых был сделан вывод, что в это время рассматриваемые области представляли не только единую культурно-историческую, но и этнокультурную общность. Появление в слое Трой VIIB2 характерной для фракийской культуры раннего железного века керамики "буфель" подтверждает, по мнению докладчика, предположение о совместном проживании в Трое родственных троянско-фракийских племен.

С заключительным докладом выступил руководитель советской части совместной Болгаро-Советской археологической экспедиции *Н.Я. Мерперт*. Он остановился на итогах 25-летней работы экспедиции, а также обобщил результаты раскопок поселения эпохи ранней бронзы в Эзере у Новой Загоры и телля в Юнаците Пазарджикского округа, отметив, что новые материалы о структуре поселений дают новую информацию о социальной структуре общества III–II тыс. до н.э. Непрерывность слоев на телле в Юнаците вплоть до слоев позднего гальштатского и раннелатенского времени позволяет, по его мнению, искать корни фракийской культуры, а возможно, и фракийского этноса, в бронзовом веке.

Доклады, прочитанные на научном заседании, вызвали оживленную дискуссию, причем большинство участников обсуждало доклад И. Маразова, Так, Л.А. Лелеков высказал сомнения в том, что на кувшине № 155 изображена Великая богиня, поскольку богиня-охотница ни в одном из пантеонов не занимала центрального места, к тому же Великая богиня не изображалась с оружием; геральдическое же удвоение обычно указывает на персонажей второго или третьего ранга. Ф.Ю. Баллонов также отметил, что законы древней иконографии не позволяют рассматривать симметрично расположенные парные изображения как главные божества, и, кроме того, заметил, что лук не характерен для Кибелы и божеств ее круга. Л.А. Гиндин, у которого интерпретация И. Маразова не вызвала таких возражений, как у Л.А. Лелекова и Ф.Ю. Баллонова, все же высказался в пользу восточного характера изображений на кувшине. Параллельно Л.А. Лелеков и Ф.Ю. Баллонов выразили сомнения в интерпретации И. Маразовым персонажа на кувшине № 154 как Геракла на основании только такого атрибута, как львиная шкура, причем Л.А. Лелеков предложил интерпретировать рисунок на этом сосуде как один из древнейших примеров "стоп-кадрового" изображения, подобных изображениям на золотых пластинах поясного набора из Тилля-тепе. Относительно аналогий с котлом из Гундеструпа было высказано пожелание, чтобы столь далеко хронологически отстоящие друг от друга памятники при сравнении были дополнены промежуточными звеньями (Л.А. Лелеков, Ф.Ю. Баллонов). Л.А. Гиндин обратил внимание присутствующих на то, что нуждается в более полной разработке вопрос, насколько автохтонно собственно фракийское искусство; сам он отнес многие мотивы, представленные на сосудах из Рогозена (например, изображение крылатых кентавров), к восточным. Ф.Ю. Баллонов согласился с мнением И. Маразова, что на кувшине № 157 нет никаких свидетельств о путешествии в страну гипербореев и что один из аспектов представления Великой богини здесь – ее изображение в образе покровительницы инициации, а также присоединился к И. Маразову в интерпретации персонажей на кувшине № 162 как Химеры и Беллерофонта, заметив, что вряд ли Беллерофонт изображен верхом на Пегасе: ось симметрии, по его мнению, проходит здесь через фигуру Химеры. Выступление В.Л. Цымбурского было также посвящено изображению Беллерофонта: были проанализированы фракийские и иллирийские топонимы на Беллерос. По его мнению, миф об убийстве чудовища Беллера зародился именно в этом регионе.

## СЕССИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ КУЛЬТУРЫ СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

(Гатчина, 15–19 декабря 1986 г.)

Для глубокого понимания истории древнейших цивилизаций немаловажное значение имеют исследования, связанные с культурами стран древнего Востока. Этим проблемам и была посвящена сессия, проходившая в г. Гатчине с 15 по 19 декабря 1986 г. В работе сессии приняли участие более 30 ученых из Москвы, Ленинграда, Минска, Еревана, Тбилиси, Орджоникидзе. На конференции были заслушаны и обсуждены 22 доклада, посвященные различным сторонам культуры древнего Востока, показывающие сложность и многообразие рассматриваемых вопросов, наметившие в ряде случаев пути решения многих из них.

В заслушанном на первом заседании докладе *И.Г. Левина* (Ленинград) "Документация культуры" вниманию слушателей была представлена универсальная система кодификации информации в области культуры древнего Востока. Давая определение многим сферам культуры, докладчик рассмотрел процесс возможной документации в целом, определяя ширящийся поток информации как социальное явление, из которого одним из приемлемых выходов является систематизация знаний в рамках единой системы каталогизации. Доклад был проиллюстрирован картами и схемами, отражающими созданную автором доклада систему, с успехом применяющуюся в Таджикистане и Армении, и вызвал живейшую дискуссию о возможности применения данной системы при работе над проблемами истории и языка народов древнего Востока. Участники дискуссии в основном согласились с мнением И.М. Дьяконова о применимости данной системы (с дополнительными доработками) как варианта при обработке накопившихся научных данных и – конкретно – упорядочения огромной библиографии.

Доклад *В.К. Афанасьевой* (Ленинград) "Шумерская космогония в легенде о Гильгамеше, Энкиду и подземном мире" представлял собой исследование одного из фрагментов шумерской версии мифа о Гильгамеше. Предлагая вниманию участников сессии свой оригинальный перевод поэмы, В.К. Афанасьева высказала предположение о том, что данная поэма является первым известным нам произведением, зафиксировавшим представление шумеров о мироздании. На основании сопоставления композиционной структуры поэмы, ее основных элементов, четких и подробных образов был выдвинут тезис о троичности космологии у древних жителей Месопотамии. Острую полемику вызвал тезис докладчика о дереве хулуппу как о "мировом дереве", выступающим связующим звеном между подземным миром, земной твердью и небесами. Поэма, по мнению В.К. Афанасьевой, содержит материал, позволяющий говорить об осмыслении шумерами своей цивилизации, истоков ее зарождения. Доклад наметил перспективные пути исследования поэмы, выявил основные моменты, в частности многочисленные фольклорные элементы, на которые в дальнейшем следует обратить внимание.

В докладе *С.И. Ходжаши* (Москва) "Египетские скарабеи, найденные за пределами долины Нила" был дан сводный каталог и рассмотрены сюжеты скарабеев и скарабеоидов, обнаруженных в результате археологических раскопок в Сиро-Палестинском регионе, Месопотамии, на Армянском нагорье, в Малой Азии и т.д.

*И.С. Ключков* (Москва) в докладе "Некоторые проблемы древнемесопотамской исторической традиции" постарался выяснить причины зарождения и истоки письменной культуры древних жителей Передней Азии. Видя в хозяйственной отчетности первую историческую форму письменности, автор убедительно показал, как она накладывает отпечаток и проникает в литературу, посвятивительные надписи и т.п. Отдельно И.С. Ключков остановился на проблеме историчности "исторических" текстов, отметив тот факт, что подчас многие исследователи, разбирая текст с различных сторон, упускают из внимания сам текст как памятник, не обращают внимание на место находки, материал, из которого он изготовлен, и многие другие весьма существенные детали для его исторической оценки.

Доклад *И.М. Дьяконова* (Ленинград) "Авторитет традиции и авторитет культуры" был посвящен общим вопросам традиции в устном творчестве предшествующих эпох и претворению этого типа традиции в литературном творчестве, где "авторы" (реальные или мнимые) занимают роль, исполняющуюся "предками". В докладе были рассмотрены проблемы авторитетности, критерии определения авторства. В заключение И.М. Дьяконов прочел свой перевод I главы эпоса о Гильгамеше, недавно обнаруженной в Кальку, в которой сообщается, что эпос якобы был первоначально письменно зафиксирован самим Гильгамешем.

На следующем заседании *Л.А. Чипирова* (Орджоникидзе) выступила с докладом "Модель мира в социальном сознании древних осетин и древний Восток". Рассматривая причины консервативности древних горских обществ, она выдвинула тезис об ограниченности духовной жизни горцев рамками их материальной деятельности, отметила нерасчлененность сфер экономической, социальной, политической и духовной жизни традиционного горского общества. На материале исследования обрядов и обычаев осетин и особенно осетинского куньда, – по

мнению Л.А. Чипировой, своеобразного пика общественной жизни, была представлена модель мировосприятия древних осетин, взаимоотношений людей и окружающих их элементов внешнего мира, диалог человека и бога. Имеются аналоги этим явлениям и у народов древнего Востока.

Оригинальной интерпретации росписи двух кноссских ларнаков был посвящен доклад Ю.В. Андреева (Ленинград) "Археологическая интерпретация мифа о Дедале".

И.Ш. Шифман (Ленинград) в докладе "Животворящая смерть в мифологии Сиро-Палестинского региона" на основе анализа угаритских, финикийских и новозаветных текстов постарался доказать, что в языческой сиро-палестинской мифологии II—I тыс. до н.э. и в первые века нашей эры бытовало представление о смерти не только как о завершении жизни, но и как о носителе нового животворящего начала, переходе к новой жизни.

Доклад В.А. Гвахария (Тбилиси) "Структура и тематика ассиро-вавилонского музыкального словаря" явился своеобразным отчетом о проделанной автором работе по составлению музыкального словаря ассирийцев и вавилонян, выяснению черт их музыкальной культуры. В докладе были рассмотрены музыкальные знаки, лады, термины, классифицированы музыкальные инструменты.

Шумерским погребальным обрядам был посвящен доклад А.А. Чирикова "К интерпретации одного фрагмента текста реформ Урунимгины". Смысл этого фрагмента автор видит в стремлении сократить количество участников погребального обряда, а тем самым и затраты на него. Интересным и убедительным, хотя и вызвавшим дискуссию было предположение об уподоблении мира мертвых с миром живых в понимании древних жителей Месопотамии.

Н.В. Козырева (Ленинград) представила доклад "Старовавилонская письменная традиция" различным видам информации, запечатленным в письмах вавилонян. Рассмотрев отдельные черты эпистолярного жанра, Н.В. Козырева подчеркнула чисто деловой характер большинства частных писем. Часть писем, отражающая в какой-то мере эмоции корреспондента, выражавшиеся обычно стандартными фразами или с помощью цитат и реминисценций из тех литературных произведений, которые писцы изучали в писцовых школах, позволяет думать о наличии "письмовника". Узкая группа лиц, вовлекаемая в переписку, представляла собой прежде всего административный аппарат, в особенности его среднее и низшее звено. Авторами наиболее совершенных в художественном отношении писем можно, по мнению докладчицы, считать группу населения, которая по тем или иным причинам утратила свое стабильное положение в родственно-клановой структуре и начала осознавать свою индивидуальность.

А.Г. Лундин (Ленинград) в докладе "Катабанское право" проанализировал и классифицировал южноаравийские юридические надписи. Остановившись на памятниках, посвященных праву собственности, он выделил отдельные их группы, показал наличие строгих правил и формул документов, отражавших правовые нормы и категорийный аппарат жителей Катабана, порой непонятные нам и требующие дополнительных объяснений. Обобщая положения своего доклада, автор пришел к мнению о существовании в древней Южной Аравии своеобразной системы права.

Материалы археологических раскопок Каниша (современный Кюль-тепе близ Кайсери), проводимых Т. Эзгючем, были рассмотрены в докладе Н.Б. Яковской (Ленинград) "Домонетное денежное обращение Передней Азии". Находка 76 гематитовых гирек, датированных стратиграфически (III слой – XIX в. до н.э. и слои Ia – Ib – XVIII в. до н.э.), позволяет восстановить систему "денежного" обращения. Гирьки, использовавшиеся для взвешивания драгоценных металлов, представляют собой все ступени весовых единиц – от 1/12 сикля (1/12, 1/6, 1/4, 1/3, 5/12, 1/2 и т.д.) до сикля (гирьки весом выше сикля дают весовые комбинации в 2, 3, 5, 7 сиклей) и отражают характерное для Малой Азии соотношение между серебром и свинцом. Вес гирек, колеблющийся от 7,8 до 9 г, отражал конкурентную борьбу финансирующих ремесла семейных фирм, пользовавшихся собственными эталонами веса.

В.А. Яковсон (Ленинград) в докладе "Талион в культуре древней Вавилонии" показал, что наказание по принципу талиона возникло не под аморейским влиянием, как обычно считали, а было результатом новых, более развитых представлений об индивидуальной вине и индивидуальной ответственности. Кроме того, в докладе были сопоставлены представления вавилонян о "небесном" и "земном" правосудии и показано их независимое развитие.

В докладе Г.И. Довгяло (Минск) были затронуты многие важные проблемы современной хеттологии. Автора интересовали последние этапы существования державы хеттов. Подробно он остановился на этногенезе хеттов и лувийцев, находя общие черты между теми и другими; были рассмотрены также упоминания хеттов в Библии, проведены параллели между библейскими хиввитами, хеттеями – с одной стороны и хеттами и лувийцами – с другой (тезис, не принятый некоторыми участниками сессии).

Библейская литература была предметом внимания И.П. Вейнберга (Даугавпилс), выступившего с докладом "Традиции и новаторство в ветхозаветной исторической мысли". Рассматривая пять ветхозаветных исторических произведений (Яхвист, Элохист, Жреческий кодекс, Деветерономический цикл и Хронист), он вводит в употребление тезис о диалектическом единстве и противоборстве традиции, преобладавшей в первой половине I тыс. до н.э. и утвердившейся во второй половине I тыс. до н.э. Именно в этом гармоническом соче-

тании традиций и новаторства автор видит причину воздействия Ветхого Завета на последующую историческую мысль.

*К.Б. Старкова* (Ленинград) в докладе "Смертная казнь евреев на рубеже нашей эры по уложению Мишны" остановилась на отрывке комментариев, где описаны органы суда еврейской общины, структура судебных органов, особенности процесса суда, обязанности членов суда и своеобразии еврейских правовых норм эпохи Римской империи.

Доклад *В.А. Лившица* (Ленинград) "Две арамейские идеограммы в парфянских документах из Нисы" был посвящен рассмотрению идеограммы *'tth*, означающей "канал" и до сих пор неправильно соотносимой с заупокойным культом. Кроме того, докладчик остановился на синтаксической конструкции, вводимой относительным местоимением *zi* "который". Анализ соответствующих синтагм показал, что надписи свидетельствуют не о передаче отдельных виноградников и имений для "кормления" чиновникам парфянского государства, а о доставке этими чиновниками даров, зафиксированных на нисейских остраках.

*Л.М. Головлева* (Ленинград) в докладе "К вопросу о Малдии (IV—II тысячелетия до н.э.)" с исторической точки зрения осветила материалы археологических раскопок, ведущихся на холме Арслантепе (Эски-Малатья). Докладчик считает, что созданы предпосылки для создания схематической картины развития общества на равнине Малатья начиная с эпохи энеолита. Планы застройки поселения сходны с наблюдающимися в каруме месопотамских купцов — Канише. Значительное количество изделий из металла — показатель развитого металлургического производства и широких торговых связей. Данные раскопок, по мнению автора, позволяют говорить о смене сиро-месопотамского влияния традициями куро-аракской культуры в III тыс. до н.э. и о неоспоримом наличии центральноанатолийских связей во II тыс. до н.э.

Доклад *И.Н. Медведской* (Ленинград) "Конец урартского присутствия в приурмийском районе" был основан на исследовании археологических материалов. Автор постарался доказать, что политическое господство урартов в районе озера Урмия (Иран) окончилось в результате похода Саргона II в 714 г. до н.э., и обосновать несостоятельность точек зрения об оккупации урартами западного берега озера Урмия еще в VII в. до н.э.

В докладе *Ф.И. Тер-Мартirosова* (Ереван) "Характер преемственности культур урартов и племен Армянского нагорья" рассмотрен сложный механизм наследования армянами культуры урартов. Автор считает основным следующим путь передачи культурной преемственности: Урарту — подчиненные им племена — Армения. Остановиваясь на памятниках материальной культуры, проявлениях преемственности в экономической, политической и духовной сферах жизни общества в I тыс. до н.э. Ф.И. Тер-Мартirosов высказал предположение, что основой социальной и культурной преемственности служили не урартские города-крепости, а поселения подчиненных урартами племен, которые послужили прототипами городов Армении. Передача велась как непосредственно через урартский этнос, включившийся в процесс консолидации армянского народа после падения Урарту, так и опосредованно: от Урарту к Мидии и через Ахеменидский Иран — к Армении. Было отмечено, что с падением Урарту исчезают государственное городское хозяйство, военно-бюрократический аппарат, письменность, некоторые области искусства и религии. Но продолжают существовать некоторые урартские города в качестве храмовых центров. Свои положения автор проиллюстрировал обзором керамического производства у племен Армянского нагорья после падения государства урартов.

Зачитанный на последнем заседании сессии доклад *К.Х. Кушнаревой* (Ленинград) "К проблеме выделения культур Закавказья периода Средней бронзы" отразил стремления автора в сжатой тезисной форме дать характеристику кавказских археологических культур, до сих пор не имеющих самостоятельной культурной атрибуции. Были рассмотрены проблемы хронологии и генезиса, типы и характер погребений, характерные особенности материальной культуры западнокавказской или протоколхской, кармирбердской или тазакентской, севано-озырликской археологических культур.

*М.С. Сафонов*

## НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ С.Л. УТЧЕНКО

2 декабря 1987 г. в секторе древней истории Института всеобщей истории АН СССР состоялись ежегодные научные чтения, посвященные памяти С.Л. Утченко. В них приняли участие историки институтов Академии наук СССР, Московского государственного заочного педагогического института и других научных учреждений и вузов.

Во вступительном слове зав.сектором древней истории *Е.С. Голубцова* говорила о том, что сегодня на ежегодных чтениях памяти Сергея Львовича Утченко собрались сотрудники сектора, античники Москвы, его коллеги и друзья. Как и обычно, тематика докладов посвящена проблемам, которыми интересовался С.Л. Утченко, и прежде всего различным аспектам становления и развития полиса. С.Л. Утченко был ученым широкого профиля, его интересовали самые разнообразные сюжеты древней истории – вопросы стратификации античного общества, проблемы рабства, социальных отношений, идеологии и культуры. Он был инициатором серии "Исследования по истории рабства в античном мире", трудов "Античная Греция" и "Культура древнего Рима". Оставленное С.Л. Утченко творческое наследие, написанные им труды имеют большое значение для развития советского антиковедения.

После выступления *Е.С. Голубцовой А.И. Павловская* зачитала неопубликованный доклад С.Л. Утченко "Эллинизм и Рим – две концепции гражданского долга", хранящийся в его архиве.

Затем был сделан ряд научных докладов.

С докладом "Межполисные отношения и современный мир" выступила *В.И. Исаева*. Повышенное внимание исследователей древней Греции к праву, взаимоотношениям больших и малых полисов, к федеральным объединениям, теме войны и мира в древней Греции, особенно ясно обозначившееся с 60-х годов, находится в определенной корреляции с процессами, которые протекают в области международных отношений и политической теории современности.

Влияние мира, окружающего историков, проявилось не только в более подробной разработке указанных проблем, но и в выделении в самостоятельные разделы таких тем, как пропаганда в античном мире. Прямые и косвенные аналоги с современностью имеют и позитивные и негативные стороны, к последним относится модернизация античных институтов, а также выделение в качестве важных и существенных таких проблем в античности, которые актуальны для современности, но могли и не играть столь большой роли в древности.

Доклад *Ю.Г. Виноградова* «Херсонесские "гекаторюги"» был посвящен анализу одного гапаксного термина, дважды употребленного в херсонесской надписи III в. до н.э. о сдаче в аренду земельных участков 10SPE I<sup>2</sup>. 403+. Если В.В. Латышев видел в нем местный диалектальный вариант для обозначения оврагов или лощин, то после работ Ф.Ф. Соколова и Б. Кайля, сопоставивших этот термин с обозначением длины сетей у Ксенофонта, в науке прочно установилось мнение о том, что *ἐκατόρρυος* (из *ἐκατόν* + *ρύσις*) – это мера площади в 100 либо в 10000 кв. оргий. Между тем такое толкование уникального понятия сталкивается с рядом серьезных трудностей: 1) методически ослаблено сокращение *ἐκατόρρυος* до *ἐκατόρρυος*, 2) неизвестны случаи, когда меры площадей становились нарицательными для самих участков, 3) если наделы в Херсонесе исчислялись в целых "гекаторюгах" и их долях, то неоправданным становится употребление в цифровых обозначениях надписи иной системы единиц, основанной, по предложению Г.М. Николаенко, на плетре. К сожалению, все занимавшиеся "гекаторюгами" прошли мимо сделанного в 1923 г. замечания Ф. Бехтеля: говоря о потере предлогом *ἐκ* консонанта вследствие ассимиляции с согласным следующего слова в таких диалектах, как мессенский и локридский, он сравнивает это явление с исследуемым словом херсонесской надписи. Таким образом, по мнению докладчика, следует не конструировать несуществующий композит, а исходить из засвидетельствованного прил. *κατόρρυξ*, *-υος*, означающего "выкопанный, выломанный в карьере" камень, с усилительной приставкой *εκ-*. Иными словами, термин *ἐ(κ)-κατόρρυξ* означал надел, на котором целиком выбрана рушенная скала, т.е. проведены те трудоемкие агрикультурные мероприятия по увеличению плодородного слоя и сооружены конденсационных каменных стенок, которые хорошо изучены археологически на древних виноградниках Гераклейского полуострова и Северо-Западного Крыма.

В докладе *С.Ю. Сапрыкина* "Митридат VI и хора Боспора" прослеживался характер политики понтийского царя Митридата VI Евпатора после включения Боспорского царства в состав его Причерноморской державы. Докладчик исходил из положения о том, что в период позднего эллинизма Боспорское царство переживало серьезные экономические трудности, связанные с возрастающим давлением варварских племен, внутренними неурядицами и борьбой Митридата со своими изменниками – сыновьями Махаром и Фарнаком. В то же время серьезного экономического кризиса на Боспоре в III–II вв. до н.э. не наблюдалось. Основной целью политики понтийского царя на Боспоре было максимально использовать его сельскохозяйственные ресурсы для получения дани в виде зернового хлеба, что было необходимо для ведения успешных войн с Римом. Археологические исследования показывают, что в конце II – начале I в. до н.э. Митридат VI пытался использовать ресурсы городов и сельских поселений и усадеб Боспора, накопленные еще при Спартокидах. Однако в результате борьбы с сарматскими племенами и сатархами, а также с вставшими против Митридата VI городами и наместниками экономический потенциал боспорской хоры оказался подорванным. Многие усадьбы и поселения прекратили существование. Но для ведения войны в Восточном Средиземноморье понтийцам требовались дополнительные поставки сырья и

продовольствия с Боспора. Вследствие этого Митридат VI изменил политику: если раньше он опирался на города, то теперь все больше стремился заигрывать с варварами. Стремясь обезопасить себя от новых выступлений эллинского городского населения, он начал укреплять царские земли Боспора, создав себе опору в системе укреплений, построенных по всей аграрной территории царства. Строительство военно-хозяйственных поселений особенно интенсивно велось в последние десятилетия господства Митридата на Боспоре и после его смерти продолжалось его преемниками на боспорском престоле. Эта политика являлась продолжением той, которую Митридат VI активно претворял в жизнь в самом Понтийском царстве накануне войн с Римом.

*И. С. Свенцицкая* выступила с докладом "Восприятие царской власти в эпиграфике эллинистических полисов". В реальной политической действительности отношения царя и эллинистических полисов, отметила она, определялись волей монарха, степенью его военного могущества, заинтересованностью в поддержке того или иного полиса. Однако политическая идеология создавала свою модель отношений с царской властью, свой идеал царя. Эта модель отразилась в эпиграфических памятниках, исходящих как от царя, так и от полисов. Терминология официальных надписей, скрывая действительные отношения господства-подчинения, признавала за полисами известную правомочность в отношениях с царями, своего рода "партнерство". Представления о "дружбе" между царем и городом восходили к межполисным отношениям предшествующего периода. Главной характеристикой отношения царь-полис в эллинистических надписях является "благорасположение", которое граждане городов проявляют к царю, а царь — к полису. "Благорасположение" со стороны граждан мотивировалось тем, что цари выступали как воплощение добродетелей. Надписи позволяют выделить те качества, которые считались обязательными для царя и на которые ориентировалась официальная пропаганда: человеколюбие, доблесть, благочестие, благорасположение. Сопоставление этих качеств с теми, которые перечисляются в надписях персидских царей, дает возможность определить, с одной стороны, восточные корни модели эллинистической "царственности", а с другой — те традиции греческой политической идеологии, отказаться от которых не могли ни правители, ни управляемые.

Доклад *М. К. Трофимовой* "Из рукописей Наг-Хаммади" был посвящен документу, сохранившемуся в коптских рукописях IV в. из Наг-Хаммади (VI, 2), называемому по первому слову первой строки произведения "Бронтэ" (или полностью: "Гром. Ум совершенный"). Написанный в форме его *сипи*, преимущественно в виде сменяющих друг друга самоопределений некоего женского божества, памятник поражает читателя своей выразительностью и загадочностью. Предпринятый в докладе анализ документа сосредоточен не на внешних параллелях, а на внутренних связях произведения. Подробности рассматриваются в их отношении к целому. Этот подход позволяет ясно увидеть последовательности в смене противоположных определений, тонко выстроенную композицию. Самоопределения говорящей, вызванные существованием других, тех, кому она себя открывает, собственное отражение в их сознании, воспринимаемое ею, — все это делает связь между говорящей и слушающими столь тесной, что обе стороны, перебрав всю гамму отношений — от взаимного отталкивания до тяготения, в конце произведения предстают в единении. Женское божество говорит о себе как о множестве противоположных явлений и как о единстве, лишенном контрастов. Божество является по-разному на разных уровнях реальности. Первый уровень — мир двойственных человеческих ценностей, он существует, пока не осознан, с осознанием "первой" реальности становится возможен переход к иной — единой реальности. Текст "Бронтэ" по своим особенностям может быть понят как эзотерический, имеющий целью посвящение в таинство.

*Ю. К. Колосовская* выступила с докладом "Раннехристианские памятники из городов Паннонии". В позднеримских надписях из паннонских городов, отметила докладчица, появляется нечто новое в религиозной жизни города, что отличает эти надписи от раннего периода истории провинции. Эти надписи показывают, что источником этики одного человека и благодетелем его нравственности становится Бог. Бог позволяет человеку стойко переносить земные бедствия. Действия гражданской общины как коллектива проявляются как бы подспудно; однако содержание надписей, написанных на камне, ориентировано на восприятие гражданского коллектива. Эта позднеримская община выступает главным образом как община христианская. Раннехристианские надгробия не содержат привычной прежде римской формулы — *Dis Manibus*, посвященной богам умершего. В надписях появляется раннехристианская формула — *Vonae Memoriae in Deo vivas* или *Domus Aeterna*. Наиболее частые *сop nomina*, такие, как Фиденций, Аманций, Гауденций, Иннокентий, Кресцентий, Луценций, Сперандий, Винцентий, принадлежат в большинстве случаев лицам христианской общины. Остатки на характеристике отдельных памятников — черепицы из Паннонии с изображением Ария, черепицы с надписью воинов I Вспомогательного легиона, погибших во время гонения христиан при Диоклетиане, некоторых предметов христианского культа из вилл, обкладки деревянных ларчиков из некрополей с изображениями, свидетельствующими о языческо-христианском синкретизме и др., докладчик делает вывод, что IV век был сложным и противоречивым периодом в культурно-идеологической жизни позднеримского общества.

Закрывая научные чтения, посвященные памяти С. Л. Утченко, *Е. С. Голубцова* поблагодарила выступавших и отметила научный интерес всех заслушанных докладов.



## IV НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ В.Д. БЛАВАТСКОГО

2–4 февраля 1987 г. в Институте археологии АН СССР состоялись IV Научные чтения памяти В.Д. Блаватского, организованные Отделом античной археологии. В чтениях приняли участие археологи и историки из институтов Академии наук СССР, музеев и высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Ашхабада, Ташкента, Тбилиси, Харькова, Новороссийска и других городов.

Чтения открыл зам. директора Института археологии АН СССР Р.М. Мунчаев. Он отметил заслуги В.Д. Блаватского – выдающегося историка, археолога, искусствоведа – в развитии советского антиковедения и в деле создания сектора античной археологии.

На пленарном заседании выступило семь докладчиков.

В совместном докладе *Г.М. Бонгард-Левина, Г.А. Кошеленко, Р.М. Мунчаева* "Основные проблемы изучения искусства Матхуры" освещалась история изучения матхурской школы скульптуры, развившейся в Индии в первые века н.э. Авторы указали, что в настоящее время практически исчерпаны возможности традиционных подходов к изучению этого явления. Дальнейший прогресс, с их точки зрения, возможен только при углубленном исследовании различных идеологических течений, существовавших в Кушанском царстве (буддизма, джайнизма, брахманизма).

С докладом "О некоторых особенностях культуры Азербайджана в античную эпоху" выступил *И.А. Бабаев* (Баку). Он отметил, что влияние культуры античного мира прослеживается в градостроительстве, строительном деле, керамическом производстве, денежном обращении и других сферах жизни населения Азербайджана в античную эпоху. Однако особенность развития Азербайджана в этот период заключалась в том, что здесь не было греческих колоний и были сильны местные традиции, связанные с влиянием культуры Ирана.

В докладе *А.Н. Щеглова* (Ленинград) "Земельный фонд Херсонеса во второй половине IV – начале III в. до н.э." была сделана приблизительная количественная оценка поделенных на участки земель, входивших в состав Херсонесского территориального государства. Суммируя прямые и косвенные данные, докладчик предположил, что общее количество активно используемой в хозяйстве земли составляло как минимум 400–420 км<sup>2</sup>, и подчеркнул, что археологически документированные следы размежевания на территории Западного Крыма являются важнейшим источником для палеоэкономических реконструкций. Так, например, Херсонес в конце IV в. до н.э. был способен производить как минимум более 20 тыс. тонн хлеба в обычные и 30–37 тыс. тонн в урожайные годы, что превышало то количество хлеба (около 15,6 тыс. тонн), которое при Левконе I, по словам Демосфена, ежегодно вывозилось из Боспора в Афины.

В докладе *В.П. Яйленко* (Москва) "Поход Савромата I против псеханов" был дан анализ фрагмента надписи, найденной в 1973 г. в Фанагории. Сравнивая эту надпись с ранее опубликованными фрагментами, он пришел к выводу, что, связанные различными соответствиями и особенностями различного плана, все четыре надписи в честь Савромата I должны быть приурочены к одному и тому же событию – успешному походу царя против псеханов.

"Античное городище Дзаласа в свете новейших раскопок" – тема совместного доклада *А.В. Бохочадзе* и *Н.Т. Мирианашвили* (Тбилиси). В докладе был дан анализ памятников, изученных в течение последних лет (остатки дворца, плавательный бассейн, строение с апсидами). Характерно, что на территории городища встречаются строения римского типа. Само же городище исследователи считают резиденцией спаспетов (полководцев) Картлийского царства, назначавшихся из членов царских семей.

В докладе "Синды, керкеты, тореты" *А.В. Дмитриев* (Новороссийск) рассмотрел две группы открытых в последние годы могильников. Памятники первой группы, сосредоточенные в горных районах побережья от Анапы до Новороссийска, можно связать с историческими керкетами. Памятники второй группы представляют собой грунтовые захоронения с мисками под головой или у головы погребенного. Они раскопаны на юго-восточной окраине Синдики и, вероятно, оставлены синдами. Могильники торетов пока не выявлены.

*М.Ю. Вахтина* (Ленинград) в докладе «"Скифский путь" в Прикубанье и некоторые древности Северного Причерноморья в эпоху архаики» рассмотрела ряд скифских погребений, содержащих родосско-ионийскую керамику. То обстоятельство, что эти комплексы были расположены на "скифском пути" в Прикубанье, с большой степенью вероятности позволяет связать их с кочевниками приднепровских степей, оказавшихся здесь в результате миграций.

В докладе "Историческая палеоэтнография Северо-Кавказского региона по данным нарративных источников и изобразительного искусства (античное время; к постановке вопроса)" *И.В. Шталь* (Москва) провела параллели между археологическими находками с иконографически близким изображением малорослых людей из Вани, Горгиппии, Тамани и сведениями античной историографии о расселении на Кавказе племени пигмеев по соседству с колхами, рядом с длинноголовыми и полупсами.

На секции "Кавказ и Средняя Азия" было сделано восемь докладов. В докладе "К вопросу о парфянском сенате" *А.Н. Бадер* (Москва) проанализировал свидетельства античных

авторов о существовании в Парфии совета знати и остановился на проблемах структуры и происхождения парфянского совета. *С.В. Новиков* (Москва) в докладе "Некоторые вопросы изучения коропластики Мерва" обратил внимание на типы терракот, происходящих из семи обследованных памятников Мервского оазиса. Этот материал позволяет не только передатировать ряд терракот, но и по-новому взглянуть на иконографию типа Великой Маргианской богини. Докладчик подчеркнул необходимость более четко поставить вопрос о территориальных границах и составляющих так называемого "кушанского археологического культурного комплекса". В совместном докладе *А.Б. Никитина* (Москва) и *А.Ю. Согомонова* (Владимир) "Отгиски печатей и клейма на керамике сасанидского времени из Мервского оазиса" было рассмотрено несколько фрагментов сосудов с клеймами, изучение которых подтверждает гипотезу о широком распространении в Средней Азии в древности и раннем средневековье практики клеймения крупногабаритных сосудов (хумов) и кувшинов. *К.Н. Ханмуратов* (Ашхабад) в докладе "Абайджош-депе (К проблеме типологии античных и раннефеодалных памятников Мервского оазиса)" дал обобщающую характеристику этого памятника. Проведенные исследования позволили выявить два этапа его существования (эволюции): сасанидский и период IX–XII вв., к которому относится созданная мощной укрепленной цитадели. Доклад *В.Н. Пилипко* (Ташкент) "Новые находки глиняной скульптуры на городище Старая Ниса" был посвящен анализу одной из находок, сделанных в здании с квадратным залом – мужской головы в шлеме. Стилистические особенности и детали скульптуры позволяют датировать ее III–II вв. до н.э., что в целом согласуется с постройкой здания с квадратным полом во II в. до н.э. *Ф.И. Тер-Мартirosов* (Ереван) в докладе "Местонахождение "Парадиза" Ервандидов" сообщил о результатах обследования местности у с. Ервандашат, которое позволило определить огороженную возвышенность как царский охотничий загон, а античное строение, расположенное невдалеке, – как загородный дворец. Древний Ервандашат располагался на холмах, на правом берегу р. Аракс напротив царского "Парадиза". К западу от него на правом берегу р. Ахурян находился Ервандакерт. В докладе "Этапы развития фортификации Дербента" *С.В. Мокроусов* (Москва) выделил три этапа развития фортификации в досасанидский период: VIII–VI вв. до н.э. – середина I в. н.э.; середина I в. н.э. – третья четверть III в. н.э.; конец III в. н.э. – первая половина V в. н.э.

В работе секции "Северное Причерноморье и Средиземноморье", где основное внимание было уделено проблемам истории и археологии Северного Причерноморья, в частности Боспора, был заслушан 21 доклад.

Выступление *А.Д. Нестеренко* (Анапа) "Союзный чекан Понта и Боспора второй половины II в. до н.э." было посвящено анонимным монетам с понтийской типологией. Анализ монограмм, надчеканок, деталей изображений, фактуры, техники исполнения, ареала находок и цвета меди этих монет позволил считать местом их чеканки Азиатский Боспор. В докладе "К вопросу о кризисе денежного обращения на Боспоре в III в. до н.э." *Н.А. Фролова* (Москва) рассмотрела попытку А.В. Анохина пересмотреть вопрос о кризисе денежного обращения на Боспоре в III в. до н.э. Она пришла к выводу, что ни датировка, ни схема последовательности выпусков типов меди периода кризиса, предложенные А.В. Анохиным, не могут быть приняты, и подчеркнула, что решение вопросов метрологии меди с помощью изображений на монетах без весовых данных является недопустимой ошибкой. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва) в докладе "Уникальный статер царицы Динамии" на основе анализа письменных и нумизматических источников высказал мнение, что в результате политики Августа и внутренних смут Асандра в 20 г. до н.э. вынужден был уступить власть Динамии, хотя еще по крайней мере три года (19–17 гг. до н.э.) он номинально оставался царем. После смерти Асандра в 17 г. Агриппа, прибывший в Понт, подтвердил в 16 г. до н.э. права Динамии на престол, что вызвало появление второго статера царицы этого года.

Доклад *А.И. Болтуновой* (Москва) "Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы" был посвящен анализу надписи на архитектурном фрагменте, использованном в качестве постамента для статуи Ливии. Установку Пифодориды статуи Ливии докладчик относит ко времени после гибели Полемона, когда на Боспоре оказалось два претендента на царскую власть: Аспург и Пифодорида, оба не получившие признания Августа. *С.М. Крыкин* (Москва) в докладе "Проблема сущности боспорского протектората в античном Северном Причерноморье" подчеркнул, что в результате экономического ослабления, совпавшего по времени с усилением нажима варварского окружения, государства Северного Причерноморья были формально объединены под эгидой власти Митридата VI Евпатора. Свообразным центром и покровителем прочих государств стал Боспор, однако его опека над ними носила формальный характер, поскольку не соответствовала его собственным интересам и возможностям. В докладе *В.А. Горончаровского* (Ленинград) "Оборонительные сооружения Илурата" были отражены исследования основных элементов фортификации этой крепости. Докладчик выделил четыре строительных периода существования оборонительных сооружений: от середины I в. н.э. сохранилась небольшая башня и участок стены с рустованной кладкой; во II в. н.э. было предпринято восстановление и перестройка крепости; в третий строительный период (конец II в. н.э.) оборонительные сооружения дополнительно укрепляются; на

заключительном этапе, в первой половине III в. н.э. возводится протейхизма за пределами северо-западной оборонительной стены. Крепость прекращает свое существование между 267–275 гг. н.э.

*В.С. Долгоруков* (Москва) в докладе "Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории" рассмотрел причины увеличения площади города и связал расширение застройки с прибытием в город в начале V в. до н.э. новой волны колонистов, что, возможно, было связано с поражением ионийского восстания, вызвавшим бегство жителей греческих городов Восточного Средиземноморья в другие регионы эллинского мира. *О.Д. Чевелев* (Керчь) в докладе "Варвары в Тиритаке VI–III вв. до н.э. (По материалам раскопок некрополя)" рассмотрел сооружения (три полуземлянки и девять хозяйственных ям) и погребения, которые можно связать с негреческим населением. Предварительные выводы докладчика таковы: одновременно с основанием Тиритаки (середина VI в. до н.э.) или несколько позже рядом с городом селятся представители полукочевого населения Керченского полуострова. В IV–III вв. до н.э. варвары уже входят в состав городского населения Тиритаки, находясь на низших ступенях социальной лестницы. Доклад *Ю.Ф. Иващенко* (Москва) был посвящен специфике религиозных представлений населения Боспора в ранневизантийское время. Автор сделал вывод о наличии пережитков фетишизма в среде боспорского населения, о чем свидетельствуют украшенная древними орнаментами лепная керамика, светильники и другие предметы.

В докладе *А.А. Воронова* и *Я.М. Паромова* (Москва) "Планировочные принципы в организации расселения на Таманском полуострове в античную эпоху" на основе анализа дифференцированных по времени карт выявлена определенная упорядоченность размещения поселений, в основе которой можно заметить принцип динамической равномерности расселения. Авторы, формулируя некоторые общие принципы целенаправленной деятельности по пространственной организации территории Таманского полуострова в античную эпоху, объединяют их общей концепцией комплексного хозяйственного освоения территории на основе экономического равновесия в целях создания целостной искусственно-природной среды обитания. *Ю.С. Бадалянц* (Рязань) в докладе "Дифференты родосских амфор" определил эти дифференты как сокращенные имена непосредственных производителей амфор, т.е. гончаров. Что касается монограмм, то эти знаки, несомненно, тоже скрывали в себе имя гончара. Дополнительное клеймение зародилось вместе с практикой клеймения родосских амфор вообще (с конца IV в. до н.э.) и практиковалось на протяжении всего периода маркировки родосской тары. В докладе *А.В. Сазанова* (Москва) "Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени (хронология некоторых типов)" был дан анализ двух групп краснолаковой керамики – формы 62А класса "Afrikan red slip glaze" и формы 3В класса "Late Roman C" по Дж. Хейсу. Анализ комплексов Причерноморья и Средиземноморья позволил датировать первую группу серединой IV – третьей четвертью VI в. н.э., а тип В – первой половиной V в. н.э. – третьей четвертью VI в. н.э. *Н.М. Секерская* (Одесса) в докладе "К вопросу об экономике Никония в конце IV – первой половине III в. до н.э." подчеркнула, что и в этот период основу экономики Никония составляло земледелие. На основе анализа соотношения керамического импорта из различных центров был сделан вывод о существовании города до середины III в. до н.э.

В совместном докладе *Н.В. Головачевой*, *Е.Я. Рогова*, *С.Л. Соловьева* (Ленинград) "К вопросу о реколонизации Нижнего Побужья в IV в. до н.э." были рассмотрены строительные остатки поселения Козырка 12. Полуземлянки прекратили свое существование здесь в первой половине IV в. до н.э. (они засыпаются и утрамбовываются), а на этом месте строятся каменно-сырцовые здания. Подобная археологическая картина позволяет предполагать наличие перемен во внешнеполитической жизни полиса Ольвии во второй четверти IV в. до н.э. "Новые факты археологии Северо-Восточного Приазовья – Нижнего Подонья" – тема доклада *К.К. Марченко* (Ленинград). Археологические исследования 1983–1986 гг. позволили зафиксировать отчетливые следы существования сразу двух апойки. Первая колония была инкорпорирована в структуру Елизаветовского городища и представляла собой как бы отдельный квартал крупного варварского поселения с торговой ориентацией экономики. Судя по археологическому контексту, вторая колония была выведена в дельту Дона в начале III в. до н.э., т.е. вскоре после ухода жителей с территории самого Елизаветовского поселения и его греческого квартала. В докладе *Е.Я. Рогова* (Ленинград) "О хронологии могильника Панское I" были выделены три периода существования могильника. На первом этапе захоронения совершаются главным образом в грунтовых могилах. Второй период (конец второй четверти – третья четверть IV в.) характеризуется появлением наземных подкурганых захоронений в склепах из сырцового кирпича или камня. На рубеже третьей и последней четвертей IV в. появляются надгробия херсонесского типа, прослежены изменения в погребальном инвентаре. *Т.Л. Самойлова* (Одесса) в докладе "Некоторые вопросы исторической топографии Тиры" подчеркнула, что ввиду больших разрушений и невозможности исследования участков города и территории, примыкающей к нему, вопросы топографии Тиры далеки от однозначного решения, хотя и не исключена моделировка процесса изменения топографии. Доклад *И.В. Тункиной* (Ленинград) "Кабинет редкостей Черноморского Депо Карт" освещает историю создания

и пополнения Кабинета редкостей, который стал одним из первых центров сбора археологических памятников Северного Причерноморья. Здесь была собрана и хранилась значительная коллекция античных вещей. *В. Бацалев* (Москва) в докладе «Три "просчета" Агасикла» высказал предположение, что каждая межевая единица городской хоры Херсонеса раннеэллинистического времени состояла из шести квадратов со стороной 210 м, принадлежащих разным лицам. Анализ археологического материала позволил докладчику заключить, что в конце IV–III в. до н.э. средний надел гражданина на Гераклейском полуострове состоял из двух-трех квадратов со стороной 210 м и равнялся 8,8–12,3 га. В докладе «Дипинти с усадьбы клера 227 Гераклейского полуострова и идентификация ее владельца» *А.И. Иванчик* (Москва) обратил внимание на ряд косвенных данных, которые позволили установить имя владельца усадьбы – *Басилид*, а также предложил собственные варианты прочтения различных дипинти на амфорах. В совместном докладе «Святынище у перевала Гурзуфское седло (Краткие итоги раскопок 1981–1985 гг.)» *Н.Г. Новицenkова* и *В.И. Новицenkов* (Ялта) отметили, что подавляющее число находок из святилища относится к концу I в. до н.э. – середине I в. н.э. Неуклонное увеличение в святилище числа ценных votivных приношений начиная с середины II в. до н.э. свидетельствует прежде всего об экономической и социальной дифференциации общества.

В восьми докладах, посвященных государствам Средиземноморского региона, были затронуты проблемы социально-экономической истории религии и культуры.

*А.П. Мартемьянов* (Харьков) в докладе «Полеводство в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н.э.» подчеркнул первостепенную роль земледелия в экономике фракийских земель, на что указывают данные нарративных источников, результаты археологических исследований и популярность аграрных культов в этих областях. В докладе «Об источниковедческой базе "Географического руководства" Клавдия Птолемея по Северо-Причерноморскому региону» *В.Г. Зубарев* (Тула) показал, что анализ источниковедческой базы «Географического руководства» позволяет объяснить многие противоречия и искажения, допущенные Птолемеем, без учета которых невозможна правильная интерпретация содержащихся в руководстве сведений.

*В.В. Горовой* (Москва) в докладе «Система образов как источник по проблеме эволюции социальных отношений в архаическом полисе (По данным публикации В.Д. Блаватского)» рассмотрел отражение в системе образов нарядной керамики из Аттики идеологического обоснования сословно-классового функционирования архаического полиса. Анализу данных Павсания и Тиртея был посвящен доклад *И.М. Безрученко* (Москва) «К вопросу о хронологии второй Мессенской войны и восстания Аристомена». Он пришел к выводу, что Аристомен боролся со Спартой в конце VII в. до н.э., т.е. по меньшей мере спустя 50 лет после окончания второй Мессенской войны. Вероятно, восстание Аристомена послужило толчком к проведению целой серии реформ в Спарте, сплотивших гражданский коллектив с целью противостояния огромным массам подчиненных илотов. В докладе «К вопросу о характере экономической структуры ионийских колоний Южной Италии и Сицилии (VIII–VI в. до н.э.)» *В.И. Козловская* (Владимир) рассмотрела 16 наиболее известных благодаря письменной традиции и археологии западноионийских апоикий архаического времени. *Ю.В. Горлов* (Москва) в докладе «Родос и Александр Македонский» отметил, что Александр проявлял интерес к Родосу, занимавшему важное стратегическое положение в Восточном Средиземноморье. Автор обратил внимание на причины, вследствие которых Александр, приняв родосскую капитуляцию, не мог восстановить демократический режим правления и оставить для его укрепления свой гарнизон. По мнению докладчика, данные источников свидетельствуют также о наличии антимакедонской оппозиции на Родосе.

Широкое распространение культа Посейдона по всему Восточному Средиземноморью стало предметом анализа в докладе *Г.Т. Залюбовиной* (Москва) «Культе Посейдона и консолидация чонийского этноса». Центром ионийского почитания бога в середине – второй половине II тыс. до н.э. было святилище на острове Калаврия, затем центр переместился на Истм. С приходом же дорийцев ионяне вынуждены были группироваться вокруг другого культа – Аполлона на Делосе. В докладе «Младшие боги римского пантеона у поздних западных апологетов» *И.В. Максимова* (Москва) высказала предположение о знакомстве поздних западных апологетов с Индигитаментами через толкователей (Варрона и Грания Флакка), что дает нам представление о том, какие теонимы содержались в римских священных книгах.

Закрывая IV Научные чтения памяти В.Д. Блаватского, старший научный сотрудник Отдела античной археологии ИА АН СССР А.А. Масленников подчеркнул научную значимость заслуженных докладов и отраженную в них широту интересов участвовавших в конференции специалистов по античной истории и археологии.

*К.А. Семина*

3 ноября 1986 г. в Ленинграде скончался Георгий Андреевич Стратановский, известный переводчик древнегреческих и новолатинских авторов. Он родился в Петербурге 21 мая 1901 г. По окончании гимназического курса был одним из немногих студентов, изучавших в те годы классическую древность в Петроградском университете. Окончил университет в 1925 г. Главным его учителем был С.А. Жебелев; он учился также у Н.К. Гельвиха, А.И. Малейна, И.И. Толстого, С.В. Меликовой-Толстой. Долгие годы Г.А. Стратановский работал в должности ученого корректора в Издательстве АН СССР. В 1936 г. начал преподавать в Ленинградском университете; в 1938–1939 гг. был репрессирован. В 1941 г. незадолго до начала войны защитил на историческом факультете ЛГУ диссертацию на тему "Res gestae divi Augusti (жанр и идеология, эллинистические влияния, харизматика)"; руководителем работы был И.М. Тронский. Провел в Ленинграде тяжелый блокадный год, затем был с университетом эвакуирован в Саратов. Впоследствии преподавал в ЛГУ и других ленинградских учебных заведениях. С начала 60-х гг. отдался всецело переводческой работе.

Для Г.А. Стратановского как эрудита характерна была преданность классической филологии и филологическому образованию как ценнейшему достоянию европейской культуры. Он горячо любил книги, посвященные античной культуре, умел великодушно ценить коллег, ревностно ее изучающих, без различия их положения и возраста; всегда готов был бескорыстно помогать людям, желающим освоить древние языки. Неудивительно, что он занимался и популяризацией знаний об античности. В соавторстве с М.Н. Ботвинником и др. им написаны книжки "Знаменитые греки" и "Знаменитые римляне", нынеготавливаемые к переизданию.

Однако хотя Г.А. Стратановский имел широкий круг интересов, охвативший историю общественной мысли (здесь сказывалось влияние С.Я. Лурье), историю религии, античный театр, имя его связалось и останется связанным главным образом с переводами, преимущественно греческих авторов. Прежде всего – как по достоинству, так и по объему – это переводы Геродота и Фукидида, опубликованные в 1972 и 1981 г. соответственно. Кроме этих во всех отношениях первоклассных писателей, знание которых имеет решающую важность для знакомства с жизнью древней Греции в самый значительный период ее истории, Г.А. Стратановский перевел "Географию" Страбона (1964), Феофраста (1974) и "Иудейскую войну" Иосифа Флавия, до сих пор не изданную. Не опубликован и выполненный им перевод "Риторики" Феофана Прокоповича. Тем отраднее, что переведенные Г.А. Стратановским книги из "Истории" Диодора Сицилийского войдут, как ожидается, в коллективный перевод этого историка.

О характере переводов Г.А. Стратановского следует сказать, что их отличает превосходное владение русской литературной речью. Основная задача переводчика состояла при этом не столько в критическом проникновении в стоящие за текстом факты, не столько в экспериментальном воспроизведении индивидуального стиля различных авторов, сколько в создании проясненного и ровного повествования. Переводы Г.А. Стратановского можно назвать протретическими, ибо они приглашают обратиться к крупнейшим писателям древности, не отпугивая сразу трудностями их понимания. Именно эта обдуманная, хоть и естественная для Георгия Андреевича Стратановского плавность изложения является залогом того, что труды переводчика, который в нашем веке более чем кто-нибудь другой напоминает литературных тружеников славного XVIII столетия, пригодятся не одному еще поколению читателей.

*А.И. Зайцев, А.Л. Верлинский, А.К. Гаврилов*

## ОБ ЭТИКЕ НАУЧНОГО РАБОТНИКА

*(Письмо з редакцию)*

Недавно в издательстве "Наука" вышел в свет сборник статей молодых востоковедов<sup>1</sup>. Такого рода малотиражные издания, как правило, не привлекают большого внимания со стороны научной общественности и не обсуждаются в печати. Вместе с тем несколько обремененный по сравнению с обычным процесс издания таких сборников способствует появлению на их страницах работ, которые в других условиях подверглись бы более тщательной оценке и редактированию. Именно так обстоит дело со статьями А.Л. Вассоевича и Р.А. Гимадеева, опубликовавшими каждый по две статьи в указанном сборнике. Несомненно, что оба автора наделены способностями к самостоятельной научной работе и обладают завидными для

<sup>1</sup> Древний и средневековый Восток / Отв. ред. Д.Д. Васильев, С.В. Волков. Ч. I. М., 1985.

начинающих исследователей кругозором и эрудицией. Однако некоторые отступления обоим авторам от основных норм научной этики выглядят столь тревожно, что мы сочли необходимым высказаться об этом публично.

Первая из статей Р.А. Гимадеева в сборнике называется "К вопросу о новолатинской литературной традиции о древнем Востоке"<sup>2</sup>. Остановимся кратко на самой затронутой автором проблеме использования латыни в качестве языка международного научного общения.

Движение в пользу оживления старой традиции предпочтения в научной литературе латыни национальным языкам охватило в последнее время многих представителей как гуманитарных, так и естественнонаучных дисциплин<sup>3</sup>. В 1956 г. в Авиньоне состоялся Первый Международный конгресс живой латыни, за ним последовали конгрессы в Лионе (1959), Страсбурге (1963) и снова в Авиньоне (1969). В 1966 г. в Риме был созван Международный конгресс содействия латинской образованности и латинскому языку, и в последующем встречи сторонников живой латыни проводились уже под этим названием в Бухаресте (1970), на о. Мальта (1973), в столице Сенегала Дакаре (1977), в Трире (1981), в английском городе Дареме (1984). В 1969 г. специальная комиссия, учрежденная Римским конгрессом, была преобразована в Международную Академию содействия латинской образованности, в которую в качестве представителя СССР вошел Я.М. Боровский, а позднее также И.М. Нахов. Наряду с деятельностью Римской Академии содействия латинской образованности важное значение в деле распространения латинского языка как международного языка науки и нормализации его лексики и фразеологии принадлежит и новолатинским журналам, среди которых выдающееся место занимает журнал "Vox Latina", выходящий в Саарбрюккене (ФРГ) под редакцией профессора Саарбрюккенского университета К. Эйхензеера.

Эти обстоятельства, надо полагать, в какой-то мере известны Р.А. Гимадееву, однако он не считал нужным о них упомянуть. Тем более странно выглядит первая же фраза его статьи (с. 36): "Из среды молодых востоковедов прозвучало недавно весьма своевременное приглашение обсудить вопрос насущный, но редко поднимаемый всерьез: вопрос о международном вспомогательном языке науки". При этом Р.А. Гимадеев ссылается на тезисы А.Л. Вассоевича<sup>4</sup>, отмечая (прим. 1), что их автор "известен публикацией обширной латинской статьи". Заметим, что в статье, которая имеется в виду, А.Л. Вассоевич должным образом оценил роль своего учителя по части латинского языка Я.М. Боровского в оформлении ее текста<sup>5</sup>. Все же это обстоятельство не остановило его коллегу ни от объявления А.Л. Вассоевича едва ли не первым поднимающим "всерьез" указанный вопрос, ни от прямого выпада в адрес Я.М. Боровского в тексте статьи. К этому выпадку мы вернемся ниже, а пока укажем, что если Р.А. Гимадеев хотел сказать, что А.Л. Вассоевич новаторски поднял этот вопрос по отношению именно к востоковедной литературе, то мы в этом особого новаторства не видим. Впрочем, весьма эмоциональные, хотя и не очень доказательные высказывания самого Р.А. Гимадеева по этому вопросу (с. 36–40) относятся к проблеме в целом, а не специально к востоковедным сюжетам.

Не разбирая подробно аргументов Р.А. Гимадеева (его утверждения о легкости латыни для усвоения кажутся все же сомнительными), остановимся на том, как он решает дилемму выбора между самой латынью и усовершенными искусственными языками на ее основе для использования в качестве языка международного. Этот вопрос подробно разобран в цитированной выше статье Я.М. Боровского "Латинский язык как международный язык науки и вопросы народного образования"<sup>6</sup>. В чрезвычайно тактичной и осторожной форме в ней разбираются достоинства и недостатки искусственных языков, включая язык интерлингва, разработанный выдающимся логиком и математиком Дж. Пеано, и, в конечном счете, делается вывод о преимуществах латыни. Что же касается Р.А. Гимадеева, то он, не утруждая себя критическим анализом проблемы, полемически упоминает о фанатиках «"идо", "эсперанто" и подобных им "языков", изучение которых, равно как и состязания в пожирании сосисок метрами или начинение пирогов нечистотами, не представляется возможным воспретить, но говорить о которых как-то неловко. Ясно, — пишет он далее, что в культурно-историческом аспекте создание и культивирование искусственных языков имеет некоторое внут-

<sup>2</sup> Там же. С. 36–45; далее ссылки в тексте.

<sup>3</sup> Подробнее см. *Боровский Я.М.* Латинский язык как международный язык науки и вопросы народного образования // *Язык и стиль античных писателей*. Л., 1966. С. 17–25; *он же*. Об учреждении Международной Академии содействия латинской образованности // *Проблемы античной культуры*. Тбилиси, 1975. С. 541–547.

<sup>4</sup> *Вассоевич А.Л.* О новолатинской востоковедной литературе // Третья Всесоюзная школа молодых востоковедов. Звенигород, октябрь 1984 г. Тезисы. Т. I. М., 1984. С. 21–24.

<sup>5</sup> "In textu latino conformando plurimum debeo magistro meo Jacobo Borovskio" (*Vasojevic A. et N. НАФФА.* Quae fuerit termini naphtha antiquis temporibus propria significatio // *Philologus*. 1984. Bd 128. Ht 2. S. 208. Anm. 1).

<sup>6</sup> Переработанный текст доклада на Второй Всесоюзной конференции по классической филологии (Ленинград, 1961 г.).

ренное родство с упомянутыми выше почтенными забавами» (с. 39). Поистине, трудно понять, как мог автор статьи дойти до столь непристойных высказываний по адресу создателей искусственных языков (таких, как Л.Л. Заменгоф и Дж. Пеано!) и многих тысяч честных людей нашей планеты, искренне верящих в эти языки как инструмент человеческого взаимопонимания и укрепления всеобщего мира<sup>7</sup>. Международное значение языка эсперанто настолько неоспоримо, что в СССР не только публикуются пособия для его изучения, но в переводе на этот язык регулярно выходят важнейшие общественно-политические материалы<sup>8</sup>. Что же касается чисто научной стороны дела, то, какой бы точки зрения ни придерживаться, нельзя забывать, что интерлингвистика отдала дань увлечения такие замечательные языковеды, как Г. Шухардт, А. Мейе, Н.С. Трубецкой, О. Есперсен, Э. Сепир, А. Мартинэ, а в нашей стране И.А. Бодуэн де Куртенэ<sup>9</sup> и – если говорить о востоковедах – Н.В. Юшманов<sup>10</sup>. Неужели Р.А. Гимадеев сознательно готов применить и к этим светлым именам свое безобразное сравнение?

После этого уже не приходится удивляться грубости выпада по адресу Я.М. Боровского. Приводим соответствующий пассаж<sup>11</sup>: «Удивительным образом живая латынь у нас почти исчезла, но боязнь выйти за пределы латыни Золотого века осталась и приводит порой к комичным рецидивам пиццерии XV или XVII века, когда пишущий подобляется древнему римлянину, чудом перенесенному в XX век и удивленно озирающемуся. Как уж тут не сказать вместо marmelada – "id genus conditurae, quod nos mutuato a Francogallis vocabulo marmeladam pomipamus" (Я. Боровский). В подобной ситуации много комичного и гораздо больше – вредного» (с. 39).

Предположим, что Я.М. Боровский был бы в данном случае неправ. Но разве прилично начинающему исследователю называть комичным и вредным решение ученого, чья многолетняя подвижническая деятельность заслуживает самого высокого уважения, – деятельность именно в той области, само открытие которой Р.А. Гимадеев фактически приписывает А.Л. Вассоевичу и – самим тоном статьи – себе? Напомним некоторые факты, связанные с работой Я.М. Боровского в области пропаганды живой латыни вдобавок к тем, которые уже приводились нами выше. Я.М. Боровский сам дал много образцов не только научной (в докладах, статьях и изданиях древних памятников), но и поэтической латыни. Его замечательное стихотворение, посвященное 250-й годовщине со дня рождения М.В. Ломоносова, было любовно переведено на русский язык знатоком отечественной новолатинской поэзии чл.-корр. АН СССР П.Н. Берковым<sup>12</sup>. К этой же сфере его занятий следует отнести редактирование русско-латинского словаря для ботаников<sup>13</sup> и, пожалуй, составление вместе с Н.Т. Бабичевым "Словаря латинских крылатых слов" (М., 1982; 2-е изд. – 1986), но более всего – неустанную преподавательскую деятельность, в результате которой большинство ленинградских исследователей, владеющих – активно или пассивно – латынью, а также многие филологи и историки из других городов СССР являются его учениками или учениками его учеников. По его инициативе кафедра классической филологии Ленинградского университета выступила в свое время в поддержку решений Авиньонского и Лионского конгрессов. Тезисы доклада Я.М. Боровского на Второй Всесоюзной конференции по классической филологии, в которых об этом сообщалось<sup>14</sup>, были почти полностью переведены с сочувственными комментариями в журнале того же института римских исследований, по инициативе которого был созван Римский конгресс<sup>15</sup>.

Вместе с тем Р.А. Гимадеев неправ и по существу. В самом деле, движение в пользу живой латыни предполагает наличие определенного консенсуса как в области грамматики, так и в области лексики. В противном случае латынь одного автора станет непостижимой для дру-

<sup>7</sup> Об эсперанто см. *Бокарев Е.А.* Предисловие // *Бокарев Е.А.* Эсперанто-русский словарь. М., 1974. С. 18–25; *Григорьев В.П.* Эсперанто // БСЭ. 2-е изд. Т. 30. М., 1978. С. 740–741. В июле-августе 1987 г. в Варшаве состоялся Всемирный конгресс эсперантистов, приуроченный к 100-летию эсперанто. По данным М. Исаева, президента Ассоциации советских эсперантистов, в настоящее время этим языком пользуется около 10 млн. человек (*Бондарь Р.* Надежда эсперанто // *Московские новости.* 16 авг. 1987. № 33. С. 7).

<sup>8</sup> См. Книжное обозрение. 1986, 9 мая. № 19. С. 15.

<sup>9</sup> См. *Григорьев В.П.* Бодуэн де Куртенэ и интерлингвистика // Бодуэн де Куртенэ. К 30-летию со дня смерти. М., 1960.

<sup>10</sup> *Григорьев В.П.* От редактора // *Бокарев Е.А.* Эсперанто-русский словарь. М., 1974. С. 7–8.

<sup>11</sup> При цитировании мы опускаем сноски и исправляем одну опечатку.

<sup>12</sup> Текст и перевод см. в кн.: *Боровский Я.М., Болдырев А.В.* Учебник латинского языка для гуманитарных факультетов университетов. 4-е доп. изд. М., 1975. С. 317–320.

<sup>13</sup> *Кирпичников М.Э., Забикова Н.Н.* Русско-латинский словарь для ботаников. Филолог. ред. Я.М. Боровского. Л., 1977.

<sup>14</sup> *Borovskij J.M.* Utrum lingua latina an artificialis linguae internationalis vice praeferenda sit // Вторая Всесоюзная конференция по классической филологии, июнь 1961 г. Тезисы докладов. Л., 1961. С. 8–9.

<sup>15</sup> *Pacitti G.* La predica di un filologo russo // *Studi Romani.* 1962. A. 10. № 1. P. 54–56.

гого. Поэтому латинисты уделяют большое внимание вопросу о способах введения в латынь слов, обозначающих новые для нас понятия, причем издаются соответствующие словари<sup>16</sup>. К чему же призывает Р.А.Гимадеев? Фактически – к авторскому произволу, наносящему ущерб коммуникативной функции языка. В противовес этому и возникло в новолатинской научной литературе обыкновение, вводя в случае необходимости необходимые иноязычные неологизмы, сопровождать их пояснительными формулировками<sup>17</sup>. Слово *marmelata* (или *marmelata*) обнаруживается в медицинских текстах XVII в.<sup>18</sup>, но, очевидно, в качестве специального обозначения некоторых медицинских препаратов<sup>19</sup>, чего, конечно, недостаточно, чтобы считать его полностью усвоенным живой латынью и в кулинарном значении. Пояснение, таким образом, оказывается оправданным с семантической точки зрения, но не менее – если не более – важна его стилистическая отмеченность, не оценить которую можно только обладая глубокой филологической глухотой.

Итак, некоторые теоретические высказывания Р.А.Гимадеева о живой латыни не только беспрецедентно грубы и бесцеремонны, но в то же время и неверны. Какова же его практика? Ведь в пределах той же статьи он предлагает в качестве образца свою новолатинскую заметку "Qui dynastae quo tempore ante Amyrtaeum, domus regiae Manethonianaе XXVIII pharaonem, in Aegyptio inferiore regnaverint" (с. 40–44).

Отметим, что у Р.А.Гимадеева есть данные для того, чтобы овладеть стилистикой латинского языка. Однако его самоуверенность приводит даже к ошибкам в латинской морфологии: *infinitivus perfecti passivi* от глагола *succedo* всегда *successisse*, а не *succedis*, как пишет Р.А.Гимадеев (с. 43); точно так же и *part. perf. pass.* от этого глагола *successus* не может означать "ставший преемником" (с. 44), потому что *succedere* "быть преемником, наследником кому-либо" употребляется не с винительным падежом, а с дательным лица и не может быть переведено в страдательную конструкцию. Далее, на с. 43 (в примечании) Р.А.Гимадеев употребляет *nullum* без определяемого слова, в то время как в данном случае явно требовалось *neminem*.

Но, пожалуй, еще хуже то, что стремление выразиться по-латыни изысканно в сочетании с недостаточной начитанностью в текстах римских авторов приводят Р.А.Гимадеева к невольным двусмысленностям. Так, Р.А.Гимадеев использует выражение *libidinosae cogitationes* (с. 41), очевидно, в значении "пристрастные домыслы" или что-то в этом роде. Но выражение это по-латыни может значить только "охваченные любовной страстью помыслы", что совершенно нелепо в данном контексте и немедленно вызывает смех у всякого, кто действительно знает латынь. Кстати, ошибки, которую сделал Р.А.Гимадеев, избежал бы любой человек, хорошо знающий новые европейские языки, унаследовавшие латинское прилагательное *libidinosus* с его специфическим значением.

Невольные ассоциации вызывает и выражение *post seditionem compressam* (с. 41). Хотя такое словосочетание не невозможно и имело бы подходящий по контексту смысл "после умирения восстания", тем не менее специфическое значение *comprimere* "изнасиловать" до такой степени доминирует в текстах, что нежелательная ассоциация оказывается совершенно неизбежной. Очевидно, следовало выбрать другой синоним, например *arprimere*. В довершение всего Р.А.Гимадеев благодарит в конце статьи "дражайшую наставницу Е.И. Чекалову" как "благодарно и тщательно прочитавшую" статью, перекладывая тем самым на нее часть ответственности за допущенные ошибки и двусмысленности.

В следующей статье, помещенной в сборнике, Р.А.Гимадеев трактует известный пассаж из Геродота (II, 141) о том, как полевые мыши погубили войско противников Египта (с. 46–55). Однако уже само название статьи поражает читателя: "Об одной сказке, которую Иродот слышал в Египте". И это не описка: в тексте фигурируют кроме Иродота и Екатея также бог Ифест и царь Аравийцев и Ассирийцев Санахарив, а Греция именуется Елладой (с. 49). Не поднимая сейчас трудных вопросов о правомерности тех или иных передач имен собственных из греческих источников средствами русского языка, отметим, что слова, цитированные выше, сомнения не вызывают – по поводу их произношения и написания существует и устойчивый и обоснованный консенсус. Архаическая стилизация имен собственных у Р.А.Гимадеева, не имеющая никаких шансов быть принятой на страницах солидного издания, вызывает здесь впечатление сознательного эпатирования читателя, уместного разве что в поэти-

<sup>16</sup> *Eichenseer C. Latinitas viva: Pars lexicalis. Saraviponti, 1981; Hefler Chr. Lexicon auxiliaire. Ein deutsch-lateinisches Wörterbuch. Saarbrücken, 1982 (Vox Latina. T. 18).*

<sup>17</sup> *Egger Ch. De novandorum verborum rationibus quas viri servant edendis commentariis praepositi qui Latinitas inscribuntur // 1-er Congrès International pour le Latin vivant. Avignon, 1956. P. 134–136; Боровский. Латинский язык... С. 18 сл.*

<sup>18</sup> См. *Hefler. Lexicon auxiliaire... S.v. Marmelade.*

<sup>19</sup> О двух значениях франц. *marmelade* см.: *Larousse P. Grand dictionnaire universel. T. 10. P., s.a. P. 1226, s.v.*



ческом, но никак не в научном сочинении<sup>20</sup>. Р.А.Гимадеев настолько бравирует подобными написаниями, что в одном случае у него появляется даже давно исключенная из русского алфавита *фита* (Сефон для греч. Σεφών – с. 48; в других случаях все же – Сефон).

Если Р.А.Гимадеев позволил себе в своей статье неуважительно отозваться о работе Я.М.Боровского, то опубликовавший в том же сборнике статьи "Еще раз об основном законе звукового строя египетского языка" (с. 12–29) и "Scriptio duplex vocalis в клинописных передачах египетских имен собственных" (с. 30–35) А.Л.Вассоевич нашел более тонкую тактику, которая, однако, при внимательном рассмотрении оказывается оборотной стороной все той же медали – искажением действительных научных позиций на сей раз Ю.Я.Перепелкина в пользу собственной точки зрения.

В начале первой из названных статей А.Л.Вассоевич пишет (с. 13; номера сносок принадлежат автору): "Гению Ю.Я.Перепелкина мы обязаны созданием последовательной системы огласовки египетских имен собственных как на коптский<sup>4</sup>, так и на новоегипетский лад<sup>5</sup>". Примечание 4 выглядит убедительно только для несведущего человека: "Перепелкин Ю.Я. Переворот Амен-хотпа IV. Часть 1. Книги I и II. М., 1967, с. 5–7". Никакой аргументированной и последовательной системы огласовки египетских имен собственных на коптский лад на этих страницах нет и не могло быть, так как такую систему на трех страничках не изложить. На с. 5 названной книги Ю.Я.Перепелкин пишет: "В книге сделана попытка, не во всем, вероятно, удачная, заменить привычную, но непоследовательную и часто произвольную передачу древнеегипетских имен передачей их, если не на древний (что трудно осуществимо), то все же на египетский, хотя и поздний, именно коптский, точнее саидский<sup>21</sup>, лад"<sup>22</sup>, а затем перечисляет, какие именно "коптские соответствия" употребляются вместо привычных названий. Как мы видим, сам Ю.Я.Перепелкин оговаривал, во-первых, что его попытка не во всем удачна, во-вторых, что он не претендует на создание последовательной системы и, в-третьих, что передача на древний лад трудно осуществима. Зачем он использовал коптскую (точнее коптизированной) огласовку или заменял транскрипцию и транслитерацию условной передачей русскими буквами, сказано в предисловии ко II части той же книги: "в целях облегчения печатания книги"<sup>23</sup>. Итак, последовательной системы огласовки египетских имен собственных Ю.Я.Перепелкин не разрабатывал и не обосновывал, он просто знал коптский язык и употреблял "коптские соответствия", т.е. *переводил* с древнегреческого языка на коптский.

А.Л.Вассоевич утверждает, что Ю.Я.Перепелкин создал еще и последовательную систему огласовки египетских имен собственных на новоегипетский лад и в обоснование дает примечание 5. Это примечание выглядит так: "5. Вассоевич А.Л. К истории изучения письменности и языка древних египтян (Филологические труды Ю.Я.Перепелкина). – Известия Академии наук СССР: серия литературы и языка. Том 43, № 3, 1984, с. 258–265", т.е. А.Л.Вассоевич ссылается не на работы Ю.Я.Перепелкина, а на ... А.Л.Вассоевича. Такая ошибка аргументации в формальной логике называется "порочным кругом". Здесь нет ничего удивительного, потому что у Ю.Я.Перепелкина не имеется печатных работ по египетской филологии<sup>24</sup>. С рукописным же его наследием, хранящимся в архиве востоковедов при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР А.Л.Вассоевич не знаком. В архиве имеется только небольшая картотека с замечаниями Ю.Я.Перепелкина по поводу огласовки отдельных имен. Замечания эти тонки и глубоки, однако картотека имеет утилитарный характер и никакой системы не отражает. Таким образом, и это утверждение А.Л.Вассоевича оказывается лишенным основания.

Возникает вопрос – зачем А.Л.Вассоевичу нужно приписывать Ю.Я.Перепелкину то, что он не сделал, да еще с такими эпитетами и с таким напором? Ответ содержится в примечании

<sup>20</sup> Наш автор, впрочем, не впервые прибегает к "рейхлиновским" написаниям на страницах молодежных востоковедных изданий. См. *Гимадеев Р.А.* О времени правления предшественников Манефополя царского дома // III Всесоюзная школа молодых востоковедов. Л. С. 40 (*Иродот*). Показательно, что в его же статье, напечатанной на страницах "Вестника древней истории" имена Геродота и Геракла приводятся в обычном виде, хотя написанием *Мегаваз/Мегауиз* и здесь отдана дань рейхлиновской традиции (*он же*. О возможном персидском источнике Фукидидова описания первого похода афинян в Египет // ВДИ. 1983. № 1. С. 106–111).

<sup>21</sup> Диалект коптского языка, ставший литературным, т.е. общекоптским письменным языком.

<sup>22</sup> См. также: *Перепелкин Ю.Я.* Тайна золотого гроба. М., 1968. С. 5; 2-е изд. М., 1970. С. 5. В английском переводе (*Perepelkin G. The Secret of the Gold Coffin. Moscow, 1978*) автор употребляет те написания имен собственных, которые приняты в литературе на английском языке; среди них много коптских или коптизированных, но много и условных.

<sup>23</sup> *Перепелкин Ю.Я.* Переворот Амен-хотпа IV. Ч. II. М., 1984. С. 3; *он же*. Кэе и Семнех-ке-рэ. К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. М., 1979. С. 4–5.

<sup>24</sup> Первый полный список его печатных работ см.: *Perepelkin Ju. Ja.* Privateigentum in der Vorstellung der Ägypter des Alten Reiches. Hrsg. u. übers. von R. Müller-Wollermann. Tübingen, 1986. S. VIII–X.

на с. 13: "С ее (т.е. статьи) основными положениями я познакомил Юрия Яковлевича во время последней с ним встречи 2 марта 1982 г. (за 5 дней до его смерти). Его ценнейшие замечания с благодарностью учтены мною при написании статьи" (ср. аналогичное примечание на с. 33). Иначе говоря, А.Л.Вассоевич пытается создать у читателя впечатление, что крупнейший авторитет в лице Ю.Я.Перепелкина, якобы создавшего системы огласовки египетских имен, одобрял его исследования о звуковом строе египетского языка. В фонде Ю.Я.Перепелкина сохранился набросок отзыва на статью А.Л.Вассоевича, опубликованную в "Вопросах языкознания" (о ней речь идет в примечании на с. 33), содержащий скептическую оценку этой работы. В разговорах с товарищами по работе Ю.Я.Перепелкин также неоднократно высказывал недовольство по тому поводу, что А.Л.Вассоевич не имеет систематической египтологической подготовки и, самое главное, не хочет ею заниматься. В этом свете попытки А.Л.Вассоевича использовать имя Ю.Я.Перепелкина для утверждения своих спорных частных наблюдений выглядят неприглядно.

Трудно сказать, был ли Ю.Я.Перепелкин "гением", как пишет на с. 13 А.Л.Вассоевич, или "великим ... египтологом", как вторит ему на с. 48 Р.А.Гимадеев, который вряд ли может об этом судить компетентно. Потенциально – бесспорно был, но на жизненном пути нередко встают субъективно и объективно непреодолимые преграды к реализации дара. И не всегда наибольшего уважения заслуживает тот, кто их преодолевает. Ю.Я.Перепелкин много сделал, а в конце жизни и немало опубликовал, но не закончил основных трудов своей подвижнической жизни. Это касается и многотомного фундаментального исследования амарнской эпохи (до нас дошла лишь часть III тома "Переворота Амен-хотпа IV"), и первого в нашей историографии конкретно-исторического исследования процесса общественного воспроизводства на материалах Старого царства (большая монография сейчас находится в ред-подготовке), и нескольких вариантов монографической истории древнего Египта и других работ. Но во всяком случае это был Человек, не поступившийся своими принципами и сделавший достаточно много, чтобы не нуждаться в натяжках и карикатурных преувеличениях.

Не наше дело давать итоговые оценки всей жизни и труда современников, а в особенности – учителей. Что из этого может получиться – показывают статьи А.Л.Вассоевича и Р.А.Гимадеева.

Кстати, Ю.Я.Перепелкин с огромным уважением относился к Я.М.Боровскому, так что возникающее в статьях А.Л.Вассоевича и Р.А.Гимадеева противопоставление, хотя бы в оценках Перепелкина Боровскому совершенно недопустимо.

Мы хотим, чтобы А.Л.Вассоевич и Р.А.Гимадеев поняли, что науку нужно делать чистыми руками, что недостойно начинающего научного сотрудника самоутверждаться за чужой счет, что все мы выросли не на пустом месте, а очень многим обязаны нашим самоотверженным учителям и предшественникам. И они должны знать, что мы не оставим своих учителей без защиты. Нам хотелось бы, однако, выразить надежду, что оба начинающих и безусловно эрудированных и способных исследователя смогут прислушаться к критике и сделать из нее необходимые выводы.

*Е.С. Богословский, А.И. Зайцев, А.Н. Анфертьев,  
И.А. Левинская*

P.S. В только что вышедшем очередном сборнике "Древний и Средневековый Восток" (М., 1987) на с. 75 в статье Р.А.Гимадеева содержится новый выпад против ученых старшего поколения, на этот раз против С.Я.Лурье, с одобрительной ссылкой на печально известную рецензию И.С.Кацнельсона в ВДИ, № 3 за 1948 г.

# ПРИЛОЖЕНИЕ



[ SCYLACIS CARYANDENSIS ]

PERIPLUS MARIS AD LITORA HABITATA

[ СКИЛАК КАРИАНДСКИЙ ]

ПЕРИПЛ ОБИТАЕМОГО МОРЯ

Перевод с древнегреческого и комментарии *Ф.В. Шелова-Коведяева*

## АЗИЯ

70. САВРОМАТЫ. А за рекой Танаисом начинается Азия, и первое племя ее в Понте – савроматы. Племя же савроматов женоуправляемое.

71. МЕОТЫ. С женоуправляемыми соседят меоты.

72. СИНДЫ. После же меотов живут синды; но достигают они и областей вонне залива; и у них существуют такие греческие полисы: полис Фанагора, Кепы, Синдская Гавань, Патунт.

73. КЕРКЕТЫ. А за Синдской Гаванью – керкеты.

74. [ ТОРЕТЫ. После же керкетов тореты ] и греческий полис Торик и гавань.

75. АХАЙИ. А за торетами – ахайи.

76. ГЕНИОХИ. После же ахайев – гениохи.

[ 77. КОРАКСЫ. А за гениохами кораксы. ]

78. КОЛИКА. После же гениохов область Колика.

79. МЕЛАНХЛЕНЫ. А за Коликой меланхлены, и у них река Метасорис и Айгипий река.

80. ГЕЛОНЫ. После же меланхленов – гелоны.

81. КОЛХИ. А за этими колхи и полис Диоскурида, и греческий полис Гиэнос, и река Гиэнос, и река Херобий, река Хорс, река Арий, река Фасис и греческий полис Фасис, и дорога вверх по реке 180 стадиев в большой варварский город, откуда была Медея; там есть река Рис, река Исис, река лайстов, река Апсар.

82. БИДЗЕРЫ. После же колхов живут бидзеры и река дааранов и река ариев.

83. ЭКЕХЕЙРИИ. А за бидзерами – экехейрии и река Порданис и река Арабис, полис Лимна, греческий полис Одейний.

84. БЕХЕЙРИКА. После экехейриев бехейры, гавань Бехейрика, греческий полис Бехейриада.

85. МАКРОКЕФАЛЫ. После же бехейриев макрокефалы, гавань псоров, греческий полис Трапезунт.

86. МОССИНИКИ. А за макрокефалами моссиники и гавань Зефирий, греческий полис Хойрады, остров Арея. Они живут в горах.

87. ТИБАРЕНЫ. После же моссиников – тибарены.

88. ХАЛИБЫ. А за тибаренами живет народ халибов и закрытая гавань Генет, греческий полис Стаменейя и греческая цитадель Ясония.

89. АССИРИЯ. После же халибов лежит область Ассирия и река Термодонт и греческий полис Темискира, река и греческий полис Ликаст, река Галис и греческий полис Карусса, греческий полис Синопа, греческий полис Керасунт и река Охерайн, греческий полис Гармена с гаванью, греческий полис Тетракис.

90. ПАФЛАГОНИЯ. А за Асией лежит область Пафлагония. И в ней гавань Стефана, греческий полис Колусса, греческий полис Кинолис, греческий полис Карамбис, греческий полис Киторис, греческий полис Сесам и река Партений, греческий полис Тиейон с гаванью, Псилла и река Каллихор.

91. МАРИАНДИНЫ. После же Пафлагонии живут мариандины. Здесь греческий полис Гераклея и река Лик и другая река Гипий.

92. ВИФИНЫ. А за мариандинами живут фракийцы вифины и река Сагарий, и другая река Артан, и остров Тинада (населяют же его гераклеоты), и река Реб. Затем сразу пролив и поименованное выше святилище в устье Понта и после него полис Халкедон вне Фракии, после которого Ольвийский залив. От мариандинов вплоть до вершины Ольвийского залива (ведь такова по величине Вифинская Фракия) 3 дня плавания. А от устья Понта вплоть [до] устья залива Меотиды примерно равное плавание, как вдоль Европы, так и вдоль Азии.

93. МИСИЯ. После же Фракии лежит область Мисия. Для выходящего из Ольвийского залива в Кианский залив она простирается по левую руку вплоть до Киоса. Сама Мисия – прибрежная страна. Полисы же в ней греческие такие: Ольвия с гаванью, Каллиполь с гаванью, вершина Кианского залива, и слева полис Киос и река Киос. Плавания же вдоль Мисии в Киос 1 день.

94. ФРИГИЯ. А за Мисией лежит область Фригия, и греческие полисы такие: Мирлея и река Риндак, и напротив нее остров Бесбик, и полис Плакия и Кизик на перешейке, запирающий этот перешеек, и внутри перешейка Артака. Против него лежит остров и полис Проконнес и другой остров с удобными гаванями Элафоннес; обрабатывают его также проконнесцы. А на материке полис Приап, Парион, Лампсак, Перкота, Абидос и устье Пропонтиды то же, что и у Сеста.

95. ТРОАДА. Отсюда начинается Трояда, и в ней такие греческие полисы: Дардан, Ройтей, Илион (он отстоит от моря на 25 стадиев) и в нем река Скамандр. И против него лежит остров Тенедос с гаванью, откуда родом астроном Клеострат. И на суше Сига и Ахиллий и Кратеры Ахейцев, Колоны, Ларисса, Гамаксит и святилище Аполлона, где Хрис был жрецом.

96. ЗОЛИДА. Начиная отсюда страна называется Золидой. В ней существуют такие золийские приморские полисы: [Ассос, Гаргара, Антандр; внутри страны есть полисы] Кебрен, Скепсис, Неандрейя, Питиэя. Плавания вдоль Фригии от Мисии вплоть до Антандра [...]

97. ЛЕСБОС. Напротив всего этого лежит золийский остров Лесбос, имеющий пять таких полисов: Метимну, Антиссу, Эрес, Пирру с гаванью, Митилену, имеющую две гавани. Против нее лежит остров с полисом; имя его Пордоселена. Возвращаясь обратно на материк, откуда отправился на острова.

98. ЛИДИЯ. Прибрежная область за Антандром и Золикой была поначалу сама по себе мисийской территорией вплоть до Тевтрании, а теперь это Лидия. Мисийцы же ушли в глубь материка. Полисы в ней и в Лидии находятся такие: Астиры, где святилище [Артемиды, и] Адрамиттий. Это хора лесбосцев; и за ней хора хиосцев и полис Атарней; ниже этого у моря гавань Питана и река Каик. После Питаны Элайя, Гриней, Гавань Ахейцев; рассказывают, что в ней совещались ахейцы об одном из двух – напасть ли на Телефа или же уйти; полис Мирина с гаванью, Кума с гаванью (а за Кумой внутри страны греческий полис Эги) и Левки с гаванями и Смирна, где жил Гомер, Фокея с гаванью и река Герм, Клазомены с гаванью, Эритры с гаванью. Напротив этих лежит остров Хиос с гаванью. Возвращаясь

вновь на материк. Полис Геры с гаванью, полис Теос с гаванью, Лебедос, Колофон внутри страны, Нотий с гаванью, святилище Аполлона Клария, река Каистр, Эфес с гаванью, Маратесий и внутри страны греческий полис Магнесия, Анайя, Панионий, Эрасистратий, Харадрунт, Фокея, Акадамис, Микала; все это расположено в хоре самосцев. А перед Микалой лежит остров Самос, имеющий полис и закрытую гавань. Этот остров не меньше Хиоса. Возвращаюсь опять на материк, откуда отправился. Близ Микалы находится полис Приена, имеющий две гавани, из которых одну закрытую; затем река Меандр. Плавания же вдоль Мисии и Лидии, от Астир вплоть до реки Меандра, 2 дня и 1 ночь.

99. КАРИЯ. А за Лидией простирается область Кария, и полисы в ней греческие такие: Гераклея, затем Милет, затем Минд с гаванью, Галикарнас с закрытой гаванью и другой гаванью при острове и река, остров Калимна, остров Карианда с полисом и гаванью (эти – карийские), остров Кос с полисом и закрытой гаванью. За ним Керамиакский залив Кари и остров Нисир с гаванью. Возвращаюсь вновь на материк. Священный мыс Триопий, греческий полис Книд и хора родосцев на материке, карийский город Кавн с закрытой гаванью, мыс Криасс. Напротив него остров и полис Родос; и на нем древнее трехградье, полисы такие: Иалис, Линд, Камир. Возле Родоса такие населенные острова: Халкия, Телос, Касос, Карпатос; этот последний – трехградый. И плавания вдоль Кари и от реки Меандра к Криассу, мысу Кари, 2 дня. Возвращаюсь вновь на материк, откуда отправился.

100. ЛИКИЯ. За Карией лежит область Ликия; и полисы ликийские такие: Телмисс с гаванью и река Ксанф, по которой надо плыть вверх [в полис Ксанф], полис Патара, [который] имеет и гавань; полис с гаванью Фелл; напротив этого остров родосцев Мегиста; полис Лимира, в который надо плыть вверх по реке; затем полис Гагайя, затем Хелидония, мыс и два острова, и остров Дионисиада, мыс и гавань Сидерунт. За ним святилище Гестаста внутри горы: из земли само по себе вырывается сильное пламя и не гаснет ни с одной стороны. И если пройдешь от моря в глубь [будет] полис Фаселис с гаванью (она же [и] залив) и полис Идир, остров Лирнатейя, Ольвия, Магид и река Катарракт, полис Перга и святилище Артемиды. Плавания вдоль Ликии напрямую, начиная от [Кари], день и ночь; вдоль же побережья вдвое против этого: ведь она изобилует заливами.

101. ПАМФИЛИЯ. После же Ликии лежит область Памфилия, и полисы в ней такие: полис Аспенд, до него надо плыть вверх по реке; а река эта – Эвримедонт, затем полис Силлий, другой полис Сида, основание куманцев, с гаванью. Вдоль Памфилии, начиная от Перги, полдня плавания. В Памфилии существуют и другие полисы – Кибра, затем Коракесий.

102. КИЛИКИЯ. А за Памфилией лежит область Киликия, и полисы в ней такие: Селинунт, полис с гаванью Харадрунт, мыс и полис Анемурий, полис Нагид, [который] владеет и островом. А у залива Сет – Посидейон, Сал, Миунт, полис Календерис и гавань Афродисий и другая гавань, греческий полис Ольмы [...] удаленный, пустой полис Сарпедон, и река, греческий полис Солы, полис Зефирий, река Пирам и полис Малл, в который надо плыть вверх по реке, эмпорий Адана и гавань финикийцев Мирианд, река Тапсак. Вдоль Киликии от граници Памфилии вплоть до реки Тапсака 3 дня и 2 ночи плавания. Из Синопы же в Понте через материк и Киликию в Солы от моря до моря 5 дней пути.

103. КИПР. Напротив же Киликии лежит остров Кипр, и полисы на нем такие: греческий Саламин, имеющий закрытую зимнюю гавань, Карпасия, Кериния, финикийский Лепетис, Солы (этот имеет и зимнюю гавань), греческий Марион, Амагунт (автохтонный); все они имеют заброшенные гавани. В глубине острова существуют и другие варварские города. Возвращаюсь опять на материк, откуда отклонился.

104. СИРИЯ И ФИНИКИЯ. После же Киликии живет народ сиры. А приморские области в Сирии, на теснине менее 40 стадиев шириной от моря, населяют финикийцы; иногда не более даже 10 стадиев. А за рекой Тапсак расположен финикийский Триполь, остров и гавань Арад, цитадель Тира [на расстоянии] около 8 стадиев от земли, и на полуострове другой город Триполь, этот принадлежит Араду, Тиру и Сидону; в нем-то самом три города и у каждого имеется свой собственный пояс стен; и гора Лик Бога, [город] и гавань Триер, город и гавань Берит, Борин, Порфиреон город, город Сидон с закрытой гаванью, город сидонян Орнитон (от города Леонтон до города Орнитон...), город тирцев Сарапта, другой город Тир, имеющий гавань внутри стен; этот остров – столица тирцев, и он удален от моря на 3 стадия ... город и река Палайтир, [которая] течет через его середину, и город [экидипов] и река, и город Ака, внешний город ти[рцев; Кармел], священная гора Зевса; город сидонян Арад ... и река тирцев, город сидонян Дор; [город Иоппа], говорят, там была [выста] влена Андром[еда морскому чудищу; Аска]лон, город тирцев и дворец. Зде[сь граница Келе]сирии. Вдоль Келесирии [от реки Тапсака вплоть до] Аскалона 2700 стадиев плавания.

А[РАВИЯ. А за Сирией живут арабы], конные номады, [имеющие и стада всяческого мел]кого скота, овец и к[оз]... и верблюдов; эт[а] же ... есть многие ... и Египет ... в том [же] зали[ве] ... есть из него ... [внеш]него мо[ря] ... [мо]ре... и ... [плавания вдоль ... А]равии от границ Сирии до устья [Нила в] Пелусии, ибо это [и] есть граница Аравии, 1200 стадиев [... А]равию Египта вплоть до Нила, откуда Ара... египтяне; египтяне платят подать ... всегда арабам.

ЕГИПЕТ. [После же Аравии] лежит страна [Египет] и города в нем [такие: город и гавань Пелусий] и дворец; где первое устье [реки Нила, Пелусийское], там [граница] Аравии; [второе Таниское, при котором и цар]ский [город]; [третье Мендесийское и город; четвертое Фатнитское]; пятое Себени[тское] и город Себениит; озеро Бут, зд[е]сь также город и дв[орец]; шестое Болбитинское, и цар]ский [город]; седьмое [Канопское и город Тонид; после этого озеро], имя которому [Марейя. Это озеро лежит уже] в Ливии ... Пелусийское же. И опять разделяется надвое. А Себениитское – частью в Мендесийское, частью же в море; а из Мендесийского в Фатнитское устье; из Пелусийского же в Таниское устье; а из Канопского вплоть до Себениитского озера и Болбитинское устье течет из этого озера. В Египте существует много приморских озер и болот. Египет же с виду весьма подобен секире. Ведь у моря он широк, внутри страны уже, а у Мемфиса уже всего; затем для идущего в глубь материка за Мемфисом он становится шире, и еще дальше за ним – самым широким. И часть Египта, [простирающаяся] за Мемфисом, больше, чем прилегающая к морю. Канопское же устье Нила разделяет Азию и Ливию. А плавания вдоль Египта от Пелусийского устья 1300 стадиев. Перипл же Азии (а он подобен кругу) для считающего тем же образом, как написано о Европе, будет 87 дней. А у Канопского устья лежит пустынный остров, имя которому Каноп; и на нем стоит знак – памятник кибернета Менелая из Трои, имя которому [также] Каноп. Египтяне же и [все] живущие поблизости от этих мест рассказывают, что Пелусий является в Касий, а Каноп – на остров, где памятник кибернета.

## ЛИВИЯ

107. Ливия начинается от Канопикского устья Нила. АДИРМАХИДЫ. Ливийское племя адирмахиды. Из Тонида к пустынному острову Фарос, с удобными гаванями и безводному, 150 стадиев плавания. На Фаросе же много гаваней. А воду здесь берут из озера Марейи: ведь тут она питьевая. И плавание с Фароса в озеро коротко. Есть также и Херсонес с гаванью; а плавания вдоль него 200 стадиев. За Херсонесом же лежит залив Плинтин. А устье залива Плинтин простирается до Белого Побережья: день и ночь плавания; а до вершины залива Плинтин дважды столько. Его окружность сплошь заселена. А от Белого Побережья до гавани Лаодамантий полдня плавания. От гавани Лаодамантий в гавань Парайтоний полдня плавания. [Здесь] находится город Апид. Именно досюда [и] властвуют египтяне.

108. МАРМАРИДЫ. А за Апидом вплоть до Гесперид живет ливийское племя мрамариды. От Апида же к Тиндарийским пещерам день плавания. И от Тиндарийских пещер к гавани Плины день плавания. Из Плин в Великий Петрант полдня плавания. Из Петранта в Менелай день плавания. Из Менелая в Киртаный день плавания. За Киртанием [находится] гавань Антипиг; [сюда] полдня плавания. За Антипигом – гавань Малый Петрант: полдня плавания. За Малым Петрантом – гавань Херсонесы Ахилиды (эта принадлежит уже области киренцев): день плавания. Посредине же между Петрантом и Херсонесом лежат острова Аэдония и Платеи. У них имеются якорные стоянки. [Начиная] от этой местности на пашне начинает родиться сильфий; а простирается она от Херсонеса через материк вплоть до Гесперид точно по суше почти на 1500 стадиев. Остров Афродисиада, подходящий для якорной стоянки; гавань Наустатм. От Херсонеса [сюда] 1 день плавания, [а] от Наустатма в гавань Кирены 100 стадиев. Из гавани же в [саму] Кирену 80 стадиев. Ведь Кирена расположена в глубине суши. Названные гавани удобны для якорной стоянки. Существуют и другие убежища при островках, и якорные стоянки, и много кос в земле между [Херсонесом и Киреной]. А из гавани Кирены вплоть до гавани у Барки 500 стадиев; город же баркайцев отстоит от моря на 100 стадиев. Из гавани у Барки к Гесперидам 620 стадиев. А от Кирены вплоть до Гесперид лежат такие гавани и изрезанные местности: залив Фикунт; выше там находится сад Гесперид. Местность эта глубиной в 12 оргиев, обрывистая со всех сторон, ниоткуда не имеющая спуска; повсюду и ширина [ее] и длина два стадия, не меньше. Сам он (сад) тенист из-за переплетенных между собой как только возможно густых деревьев. Эти деревья суть – лотос, всякие яблоны, гранаты, груши, землянич-

ные деревья, тувовники, лоза, мирт, лавр, плющ, оливы, дикie маслины, миндальные деревья, орешник. Из местностей же, которые не названы, у сада находится Ампел, Апий, [последний] удален на 30 стадиев, Херсонес, много садов, Дзенертис, Тавхира, деревня Кавкала, город и гавань Геспериды, и река у города Эккей. Из этих земель, начиная от Антидских Херсонесов вплоть до Гесперид, одни принадлежат киренцам, другие баркайцам.

109. НАСАМОНЫ И МАКИ. А за Гесперидами расположен большой залив, имя которому Сиртида, размером, вычисляя как можно точнее, 5000 стадиев. Ширина его от Гесперида до Неаполя, расположенного напротив, – 3 дня и 3 ночи плавания. Живут вокруг него: слева – ливийский народ насамоны вплоть до самой вершины, [а] за ними вдоль Сиртиды вплоть до ее (Сиртиды) устья владеет землей ливийский народ маки. Входящему же в Сиртиду со стороны Гесперид [первыми встречаются] Геракловы курганы; за ними расположены Дрепан, три острова Понтии, затем за ними так называемые Левки. А в самом удаленном месте Сиртиды (при вершине) [находятся] алтари Филена, якорная стоянка, роща Аммона Сиртидского. [Начиная] отсюда живущие у Сиртиды маки зимуют, запирая у моря скот, а летом, когда воды уходят, угоняют скот в глубь страны за собой. А после Сиртиды [вне ее] лежит красивая местность и город, имя которому Кинипс; он пуст. От Неаполя же до Сиртиды всего 80 стадиев [пути]; в них (стадиях) есть река Кинипс, и у реки лежит остров. Глубина же Сиртиды со стороны Гесперид до алтарей Филена, до вершины залива, – 3 дня и ночи плавания; а ширина от реки Кинифа к островам Левкам – 4 дня и 4 ночи плавания.

110. ЛОТОФАГИ. Область вне Сиртиды населяет ливийский народ лотофаги вплоть до устья другой Сиртиды. Они используют лотос в пищу и питье. А за Неополем в земле карфагенян стоит город Графара. До него от Неаполя 1 день плавания. За графарянами город и гавань Абротон. До него 1 день плавания. За Абротонем город и гавань Тарихин. Перипл от Абротона 1 день. Напротив него, против Тарихиев, после лотофагов, лежит остров, имя которому Брахейон. Остров же этот 300 стадиев и немногим меньше в ширину. Он удален от материка на 3 стадия. На острове родится лотос, который едят, и другой, из которого делают вино. Плод же лотоса величиной с плод земляничного дерева. [Здесь] делают и много масла из диких маслин. Остров приносит и много зерна: пшеницы и ячменя. Остров также с прекрасной почвой. От Тарихиев к острову 1 день плавания. А после острова город Эпих. И с острова в Эпих полдня плавания. От эсхидян [в Макомаду или Неаполь] день плавания; и возле него лежит пустынный остров. После него остров и полис Керкинитида, и напротив него Тапс. От него в Тапс полтора дня плавания. От Тапса же и Малой [Лептеи] и Адримета внутрь суши вдается большой залив, в котором лежит Малая Сиртида, называемая [и] Керкинитидой, более суровая и трудная для плавания (чем другая Сиртида), периметр которой 2000 стадиев. В этой Сиртиде лежит остров, называемый Тритонидой, и река Тритон, и здесь находится святилище Афины Тритониды. А устье залив имеет узкое и в нем есть остров; и когда бывает отлив, иногда залив очевидно не имеет входа. Залив же этот велик, около 1000 стадиев в периметре. А живут вокруг него гидзанты; и по ту сторону [залива], на закат солнца, [есть] город; и говорят, что эти ливийцы гидзанты светловолосы ... все и очень красивы. И страна эта лучшая и плодороднейшая, и стада у них и огромные и весьма обильные; и сами [жители] очень богаты (и красивы). После же этой Сиртиды [расположен] Неаполь. А плавания от Адримета до Неаполя 1 день. А за Неополем мыс и город Гермайя. Плавания же от Неаполя в Гермайю полтора дня. А от Неаполя до другого моря у Карфагена по перешейку 180 стадиев [пути] пешком: ведь здесь имеется мыс, из-за которого образовался перешеек. Плавания же оттуда, от реки, в Карфаген полдня. А в заливе находится хора карфагенян.

111. КАРФАГЕН. После же перешейка город и гавань финикийцев Карфаген. От Гермайи в Карфаген полдня плавания. И возле мыса Гермайи лежат острова, остров Понтия и Косир. От Гермайи к Косиру день плавания. От мыса Гермайя на восход солнца, [недалеко от него] лежат три маленьких острова, напротив этого, населенные карфагенянами: город и гавань Мелита, город Гавл, Лампада; последний имеет две или три пирги. От Косира же к сицилийскому мысу Лилибею 1 день плавания. За Карфагеном город и гавань Итика. И из Карфагена в Итику 1 день плавания. А за Итикой Гиппу Акра и город Гиппон и залив возле него, и острова в заливе, и кругом этого залива города (на острова) такие: город Псегас и против него многочисленны Наксикские острова; Питекусы с гаванью, напротив них остров и город на острове Эвбея; город и гавань Тапса, город и гавань Кавкакис, город Сиды, город и гавань Юлиев мыс; город и гавань Гебдом, остров Акий, на нем город с гаванью, остров, город и гавань Псамат; и залив. А в заливе остров Бартас, остров с гаванью, город Халка

на реке, город Арилон, город и гавань Мэс; город Сига на реке и перед рекой остров Акра, большой город [с] гаванью, город Акр и залив в нем, пустой остров по названию Дринава, Гераклов Столп в Ливии, мыс Абилика [и] город на реке и напротив него острова Гадира. Здесь от Карфагена до Геракловых Столпов при оптимальных условиях плавания 7 дней и 7 ночей морского пути. Гадира. Эти острова относятся к Европе; из них один из двух имеет город; и Геракловы Столпы напротив них, один – низкий – в Ливии, другой – высокий – в Европе. Эти скалы возвышаются точно друг против друга; и удалены друг от друга на день плавания. Плавание вдоль Ливии от Канопского устья в Египте до Геракловых Столпов, положивши расчет в соответствии с тем, как написано в [разделах об] Азии и Европе, идущему по заливам кругом – 74 дня. Все города и эмпории в Ливии, какие перечислены от Сиртиды у Гесперид вплоть до Геракловых Столпов в Ливии, – все [собственность] карфагенян.

112. Идущему же [далее] наружу [за пределы Средиземного моря] и оставляющему Ливию по левую руку, после Геракловых Столпов [встретится] большой залив, [простирающийся] вплоть до мыса Гермайя. Ведь и там [тоже] есть мыс Гермайя. В середине же залива лежат местность и город Понтион. И вокруг города лежит большое озеро, и в этом озере расположено много островов. А кругом острова произрастает тростник ... Здесь же живут и птицы Мелеагриды, нигде больше, кроме как здесь, не выводящиеся. Имя же этому озеру Кефесиада, а заливу – Котес. [Все] это находится посредине между Геракловыми Столпами и мысом Гермайей. И от мыса Гермайя со стороны Ливии по направлению к Европе протянулись большие подводные скалы, не возвышаясь над морем: оно перекрывает их в некоторых местах. Эта подводная гряда протянулась вплоть до другого мыса в Европе, [стоящего] прямо напротив [Гермайи]; имя же этому мысу Гиерон Акротерион. А за мысом Гермайя [протекает] река Анид; она извергается в большое озеро. А за Анидом другая большая река Ликс и финикийский город Ликс и другой город с гаванью, ливийский, на противоположном берегу реки. А после Ликса река Крабис и гавань, и город финикийцев по имени Тимиатерия. От Тимиатерии до мыса Солоента, который более всего выдается в море, вся эта страна в Ливии самая знаменитая и священная. На самом же окончании мыса находится большой алтарь пени Посейдона. На алтаре вырезаны фигуры, львы, дельфины; и говорят, что его сделал Дедал. А за мысом Солоент [протекает] река, имя которой Ксион. Вокруг этой реки живут благие эфиопы. Напротив этого лежит остров, имя которому Керна. Плавание же от Геракловых Столпов к мысу Гермайя 2 дня. А от мыса Гермайя до мыса Солоент 3 дня плавания. От Солоента же в Керну 7 дней плавания. А все это плавание целиком, от Геракловых Столпов в остров Керна, 12 дней. Области за островом Керна нигде не пригодны для плавания из-за мелководья и трясины и водорослей. Водоросли же эти шириной в ладонь и наверху острые, так что колются. А купцами здесь являются финикийцы: как только они прибывают на остров Керну, они связывают корабли, делая из них в Керне торговые лавки; выгрузив товар, они доставляют его на материк на малых судах. Те, с кем они торгуют, [и] есть те самые эфиопы. А продают они им [свои товары в обмен] на шкуры оленей, и львов, и леопардов, и шкуры и бивни слонов и домашних животных. Эфиопы используют татуировку как украшение, а фиалы из слоновой кости – как кубки; они пользуются украшениями из слоновой кости также и для лошадей. Эти эфиопы – самые высокие из всех людей, которых мы знаем, более высокие, чем в 4 локтя; некоторые из них ростом и в 5 локтей; и они бородачи и длинноволосы, и они самые красивые из всех людей. И царствует над ними тот, кто окажется самым высоким. И они наездники и копейщики и лучники, и пользуются обожженными стрелами. Финикийские же купцы ввозят им мирр и египетский камень ... выломанные, аттическую керамику и кувшины: ведь эти гончарные сосуды продаются на празднике Хоев. Эти эфиопы – мясоеды, млекопийцы, а также приготавливают много вина из лозы; его-то и покупают финикийцы. Есть у них и большой город, к которому плывут финикийские купцы. Некоторые рассказывают, что эти эфиопы живут [начиная] отсюда непрерывно вплоть до Египта и что это море тоже бесконечно, а побережье его – Ливия.

113. ДИАФРАГМА. Через море [от] Европы в Азию почти совершенно по прямой. Начинается диафрагма от Эврипа в Халкиде – и к Гересту [отсюда] 750 стадиев. От Гереста к Пеонию на Адросе 80 стадиев. От Пеония на Андросе к Авлону 280 стадиев. От Авлона через пролив в Тенос 12 стадиев плавания. От этого острова к мысу на Ренее 15 стадиев. В Ренею же 40 стадиев плавания. А от этой Ренеи в Миконос 40 стадиев плавания. От Миконоса же плавание к Мелантийским пещерам немногим менее предполуденного, [1] 40 стадиев. А плавание от Мелантийских пещер в Икарос предполуденное. Этого Икароса в длину 300 стадиев. От Икароса же в Самос предполуденное плавание. Самого Самоса 200 стадиев. С Самоса в



Микалу 7 стадиев плавания. Всего, если кто поплывет с Самоса лучшим способом, 2370 стадиев, не считая плавания [из Микалы в Самос]. Другая диафрагма по прямой. [От Малей] вплоть до Киферы 30 стадиев. Самой же Киферы длина 100 стадиев. В Эгилию предполуденное плавание. [Самой Эгилии длина 50 стадиев. От Эгилии в Крит предполуденное плавание.] Самого Крита длина 2500 стадиев. От Крита в Карпатос 100 стадиев. Самого Карпатоса длина 100 стадиев. В Родос от Карпатоса 100 стадиев плавания. Самого Родоса длина 600 стадиев. От Родоса в Азию 100 стадиев. Диафрагма этого плавания 4270 стадиев.

114. ВЕЛИЧИНА ОСТРОВОВ. Величайшая Сардо. Вторая Сикилия. Третий Крит. Четвертый Кипр. Пятая Эвбея. Шестой Кири. Седьмой Лесбос. Восьмой Родос. Девятый Хиос. Десятый Самос. Одиннадцатая Керкира. Двенадцатый Касос. Тринадцатая Кефалления. Четырнадцатый Наксос. Пятнадцатый Кос. Шестнадцатый Закинф. Семнадцатый Лемнос. Восемнадцатая Эгина. Девятнадцатый Имброс. Двадцатый Фасос.

[Скилака Кариандского перипл ойкумены]

## КОММЕНТАРИИ

70. Перипл сохраняет архаическое название сарматов, сведения об их расселении и социальном устройстве. Это указывает на то, что Псевдо-Скилак не располагал материалами, которые отражали бы достаточно длительное тесное общение греков с этим народом.

71. Важное свидетельство о расселении местов на большей части побережья Азовского моря. Указание на соседство с сарматами говорит о том, что значительная концентрация сарматов на левобережье Дона уже обратила на себя внимание греков.

72. "полис Фанагора" – название стоит в род. пад., отражая легенду о наименовании полиса в честь его основателя. Патунт – Баты других источников. Название Синдская Гавань соответствует эпохе, предшествующей включению этого полиса в состав Боспорского государства во второй четверти IV в. до н.э. Ей отвечает и характеристика мощной группировки синдов, занимавших Южное Приазовье, Таманский п-ов и северо-восточное побережье Черного моря до Новороссийска.

73. В последовательности перечисления керкетов, ахавей и гениохов Псевдо-Скилак следует Артемидору (ср. сведения Страбона).

74. Начало параграфа сильно пострадало в некоторых рукописях, восстановлено в соответствии с конъектурой, принятой К. Мюллером. Возможно, тореты – часть тех же керкетов, обитавшая в хинтерланде Торика. Такую же локализацию дают Дионисий и Птолемей.

75. Название племени ахавей может свидетельствовать о его родстве с совр. абхазами. Из рано возникшего уподобления по созвучию родилось и получило широкое распространение представление об их родстве с греками-ахейцами, легшее в основу многих фантазий и легенд.

76. Гениохов локализируют между Диоскуриадой (Сухуми) и Фасисом (Поти), а некоторая их часть, возможно, жила и на южном берегу Понта.

77. В некоторых рукописях этот параграф отсутствует. Гекатей и Гелланик (а вслед за ними Мела и Плиний) считают их колхами, а Гесихий называет их скифским народом.

78. Колика локализуется обычно в районе совр. Очамчиры. Тем самым здесь (ср. § 81) географическая последовательность перечисления племен оказывается нарушенной.

79. Меланхленов помещают сюда, кроме Псевдо-Скилака, только Мела и Плиний.

80. Гелонов здесь локализует только наш перипл. Геродот пишет, что гелоны – вшееды. Исходя из другой древней традиции, Мела, Плиний и Арриан помещают вшеедов в Колхиде. Может быть, в результате смешения этих представлений Псевдо-Скилак перенес гелонов на Кавказ, а те потянули за собой и своих соседей меланхленов. Но возможно и прямо противоположное – гелоны и меланхлены были увлечены с Кавказа продвижением скифов (ср. Гесихий о кораксах). В этом случае источник Псевдо-Скилака в данной части должен датироваться как минимум VI в. до н.э.

81. Колхи – жители совр. Колхидской низменности, возможно, предки грузин, р. Фасис-Риони (см. также комм. § 76). "Большой варварский город" – место испорчено: в рукописях здесь стоит еще малопонятное МАΛΗΝ. Название ли это города (Мал), или искаженное ΑΙΑΙΑΝ (о городе легендарного Эета в Колхиде Эе или Эее сообщают многие источники, начиная с мифа об аргонавтах), или диттография МАΛΗΝ ΜΕΓΑΛΗΝ – трудно решить. Может быть, здесь имеется в виду город на месте совр. Вани или Кутаиси. Рис – р. Сурий, Апсар – Гонио, Исис – Натанеби (?).

82. Бидзеры локализируются в междуречье Видзе-Су и Чороха в Южном Причерноморье. Возможно, предки цанов (чанов) и лазов.

83. Опираясь на другой источник, экехейриев упоминает еще только автор Анонимного перипла. Аполлоний Родосский помещает в этой местности сапейров, а Гекатей – хоев. Порданис – Фуртуна, Арабис – Суха-Дере, Одейний (также Годиний, Ардиней, Адизн, Абинея) – Канлу-Дере.

84. Упомянутые город и гавань локализируются в районе совр. Ридзе.

85. Макрокефалы (также макроны) локализируются в районе совр. Трабзона. Гавань псов – Кара-Дере.

86. Моссиники жили западнее Керасунта, их территория простиралась далеко в глубь материка. Зефирий – Зеффрие (Каик-Лиман), Хойрады, – очевидно, искаженное Керасунт, остров Арея – Керасун-Ада.

87. Тибарены были известны в районе Котиоры (совр. Орду).

88. Халибы локализовались различными античными авторами по всему южному побережью Понта, где встречалось население, издревле занимавшееся металлообработкой. Здесь, по-видимому, имеется в виду район горы Униех. Ясония – Ясун-Бурну, Генет – одна из бухт между Ясун-Бурну и Чан-Бурну.

89. Ассирия – зд. Каппадокия: Гекатей, Эфор и многие другие авторы называют каппадоков левкосирами. Плиний вслед за Геродотом пишет, что эллины зовут их сирами. Так стало возможным перенесение МН Ассирии на Каппадокию. Термодонт – Терме-Чай, р. Ликаст – Мерк-Ирмак (?), Галис – Кизил-Ирмак, Карусса – совр. Герзе, Керасунт – в районе совр. Вафки Кебир и Фол Базар, Охерайн – Кара-Су, Гармена – Акклиман.

90. Стефана – совр. Истифан, Кинолис – Гинолу, Карамбис – Керембе-Бурну, Киторис (чаще в м.р.), названный по имени сына Фрикса, – совр. Кидрос, Сесам – Амассерах. Каллихор (другое название Оксин) – совр. Козех, р. Партений – Бартин-Су.

91. Лик – совр. Гюлюнш-Су, Гипий – Бойюк-Мелан-Чай.

92. Фракийское происхождение вифинов – общее место в греческой традиции, начиная с Геродота. Сагарий (варианты: Сангар, Сангарий, Сангарис, Сагарис) – совр. Сакария (Суюнун-Баши), Артан – Кабакоз, Тиниада – Кефтен (?), р. Реб – Рива, Ольвийский залив – залив Измид. "вне Фракии" – здесь в архетипе рукописей, возможно, была лакуна.

93. Кианский залив – Гемлык, р. Киос (Асканий) – Гарсак-Су, Ольвия (впоследствии Никомедия) – Измит.

94. Мирлейя – старое название Апамеи Вифинской, ныне в 1 км к юго-западу от совр. Муданий, Риндак – Адирнас-Чай, Бесбик – Калолимено (?), Плакия – руины возле Куршунлу (?), Артака – Эрдека, Элафоннес – Куталидаси, Проконнес – Мармарадаси, Парион – Кемер, Приап – Карабига, Перкота – Бергаз (?).

95. Дардан, давший название проливу Дарданеллы, основание эолийцев, место подписания первого мирного договора между Митридатом VI Эвпатором и Суллой, – совр. Мал-Тепе в 10 км от г. Калех Султание. Ройтей – его руины в 3 км к западу от совр. пункта Ёрен-Кёй, Скамандр – р. Мендере-Су. Клеострат – известный астроном и астролог второй половины VI в., возможно, ученик Фалеса. Сига – эмендация критиков текста, в рукописях Тойха. Ахиллий – урочище Гиа-ур-Кёй близ Енишера. Кратеры Ахейцев, – очевидно, следует читать Акротерий (мыс) ахейцев. Колоны (также Колона, Трояды) – холм в 4,5 км к югу от Александрии Троядской (совр. Эски-Стамбул), с которой они объединились в 310 г. до н.э. Ларисса – руины близ совр. Каплиджа, Гамаксит – близ Гёк-Тепе, здесь лежат руины храма Христа.

96. "Ассос и т.д." – реконструкция критиков текста. В конце параграфа – лакуна в рукописях. Ассос – часть совр. Бехрам-Калесси, Антандр (также Эдонида, Киммериды) – близ урочища Скала у Авдйилара. Гаргара – горная система, выходящая к северному берегу совр. залива Эдремит, Кебрен – совр. Фуглан-Тепе на холме Чал-Дау близ Ак-Пунар-Кёй, Скепсис – рядом с предыдущим, близ Куршунлу-Тепе. Неандрейя в конце IV в. была слита Антигоном с Александрией Троядской, ее руины у совр. урочища Чигри-Даг. Питиейя упоминается уже в "Илиаде", в каталоге союзников троянцев.

97. Антисса располагалась на мысу Эвреокастро, Эрес (родина Сапфо и Феофраста) – совр. Эрисс, Пирра (родина Алкея?) – в районе залива Каллонис, Пордоселена – Мосхониси.

98. "Артемиды" – реконструкция критиков текста, ибо здесь ее культ имел древние корни. Тевтракия – совр. Байлар-Тепе, Адрамиттий – на берегу залива Эдремит (не тождествен совр. г. Эдремит), Атарней – его руины Кале-Агили между Кабакум-Кале и Дикели-Кёй, Питана – на мысу Чандарлы, Каик – небольшая река близ совр. Дикели, Элая – ее руины

в 3 км к югу от Клиссе-Кей (акрополь называется Мал-Тепе), Гриней – Чифут-Кале, Мирина – близ Калабассари у северного устья р. Кодья-Чай, Эги – руины у Нимруд-Калесси, Фокея – близ Эски-Фоча, р. Герм – в верхнем течении Мурад-даги, в нижнем – Гедиз-Чай, Нотий – близ реки Авчи-Чай, Каистр – Малый Мендере. Анайя – Ания. Панионий – общеоионийское святилище Посейдона в совр. Гяур-Чанглы, Харадрунт – близ Чанглы, Меандр – Большой Мендере, Микала – Самсун-Даг.

99. Гераклея (на Латмосе) – руины у Капы-Керен, Минд – на западном побережье п-ова Бодрум, в районе Кади-Калесси и Гюмюшлы-Лиман, Карианда – о. Тарандос, Керамиакский залив – Керме, Триопий – мыс Текир-Бурун, руины полиса в районе дельты Тальяны-Чай, а некрополь у озера (бывш. залива) Кей-Джегиз. Иалис – у совр. пункта Кремастос, акрополь Камира называется ныне Кехраки, полис примыкал с юго-востока к северным отрогам горы Атаир.

100. Ксанф – р. Коджа-Чай, руины полиса Ксанфа у совр. Киник, Телмисс (Телмесс) – в 8 км от Галикарнасса, близ совр. Гюридже, Патара – руины у Гелемыш западнее залива Каламаки, Мегисте – о. Каstellоризо, Лимира – руины на холме в 6 км к северо-востоку от Финике, Гагайя – Акташ у восточного выхода из залива Финике, Хелидони – Шелидон-Бурун у мыса Гелидонья, Дионисиада – Гарабуза, Фаселис – Текир-Ова, Катарракт – р. Дюден-Су, Перга – Муртана к западу от р. Ак-Су. "Надо плыть" – в тексте букв. "по которой плавание вверх". "Полис Ксанф" – реконструкция критиков текста. Окончание параграфа в рукописях сильно пострадало, в них явно нарушен порядок слов.

101. Эвримедонт – р. Кеprü-Су, Аспенд – руины у Балкыз в устье этой реки, Силлий – руины у Асак-Кей, Сида – руины у Эски-Адалия, Кораксий – руины у Алажа. "До него надо плыть" – в тексте букв. "в это плавание идет" (ср. аналогичный случай в § 102).

102. Селинунт (позднее Траянополь, ибо здесь умер Траян) у р. Кара-Су, Харадрунт – Каледера (Каледиран), Анемурий – Анамур, Нагид – руины у Боз-Жози, Календерис – Челиндере, Сарпедон – Лисан-эль-Кахбе, Сола (родина Хрисиппа, Филемона и Арата) – руины Ёран (Виран) – Шехир в округе Мезитли, Мирианд (Иссейский залив) – совр. Искендерон, полис Мирианд – у совр. Айн-эль-Харамийе у этого залива, Тапсак (Оронт) – совр. (Нар-Эль)-Аси.

103. Саламин – один из древнейших и долгое время сильнейший полис Кипра, глава союза – совр. Константия, Карпасия – Ризокарпасон, Лепетис – его имя перешло на удаленный на 2 км в глубь материка пункт Лапитос, Марион – совр. местечко Полис на берегу залива Хрисоха, Амагунт – финикийский город на юге острова, вместе с Пафосом одно из главных мест почитания Афродиты и Адониса, руины у Палео Лимиссо возле Лимасола.

104. § 104–106 в рукописях сохранились в плачевном состоянии. Огромное количество лакун, которые можно восстановить лишь отчасти. После слов "цитадель Тира" было повторено "и гавань", что К. Мюллер предложил снять. Местоположения и названия важнейших населенных пунктов финикийского побережья сохранились и по сей день и могут быть легко найдены на современной карте. Определение "цитадель Тира" должно относиться к Триполю. Лик Бога – совр. мыс Ваг-эль-Хагар или Рас-эш-Шакка между Триполи и Джувайлем (древним Библом), Порфиреон – совр. Хан-эн-Неби Джунос, Орнитон – Телль-эль-Бурак (?), Леонтон – Эль-Литини (?), Сарапта – Сурафенд (Зерфанд). "Другой город Тир" – или испорченное чтение, или повтор – ср. ниже повторное упоминание о-ва Арад – (А) Рвад. "Удален от моря" – или ошибочно, или относится к Палайтиру. Палайтир – поселение на материке напротив Тира (совр. Сур), но, вопреки названию, более позднее и зависимое от него. Кармел – совр. Кармель, древнее место культа верховного мужского божества. Город экидпов, – возможно, следует читать Экидпюн, признавая ошибочной постановку члена род. п. мн. ч., – совр. Эв-Зиб; Дор – Тантура. Пелусийское устье – Бахр-эль-Вагар, Пелусий же лежит на берегу залива Эт-Тина, теперь между Суэцким каналом и морем, на его древнем берегу, у границы плавней, Марейя – Бехерет Марйут, Бут – Бехерет Бурлус, Танисское устье (от города Танис) – у совр. Телль-Теннис (Таннис), Мендесийское устье (от города Мендес) – у совр. Телль-Роба, Фантитикское устье – главный рукав Нила Думьят, Себеннит – совр. Саманут у западного ответвления Думьятского устья, Болбитинское – названо по городу Болбитин, совр. Рашид (Розетта). Каноп – руины видны в 1,5 км к западу от совр. Абу-Кира, раньше лежал на острове, Каноп (б)ское устье – к западу от Абу-Кира. Касий – древнее святилище Аммона, отождествленного греками с Зевсом, послужило основой культа Зевса Касия; в Пелусии тоже существовал культ верховного мужского (также местного) божества, названного здесь Пелусием.

107. Второе упоминание об удобстве гаваней на Фаросе, – вероятно, вставка из маргиналий. Херсонес – в районе совр. гавани Эль-Хабьяр. Белое Побережье – завершение мыса

Рас-эль-Канаис и сейчас еще носит имя Рас-эль-Абьяд (Белый), но другие источники упоминают его скорее в 60 км восточнее совр. Мерса-Матрух (древний Парайтоний). Апид – совр. Бун-Агубе (?).

108. Мармариды занимали территорию к западу вплоть до совр. Бенгази в Ливии. Плины – в районе совр. залива Эс-Саллум, Большой Петрант – у мыса Рас-эль-Милхр, Малый Петрант – в районе совр. залива Бомба, Менелай – совр. порт г. Бердия, Антипиг (правильно: Антипирг) – совр. Тобрук, Херсонесы Ахилиды (Антиды) – мыс. Рас-эт-Тин, Аэдония – Джезирет-эль-Бурда, Наустатм – мыс Рас-эль-Гилаль. Барка была основана в середине VI в. до н.э. киренцами под предводительством брата царя Аркесилая II, при Птолемах потеряла значение из-за основания Птолемаиды; ее руины – у Медимет-эль-Мардж. Фикунт – у мыса Рас-Сем. Таким образом, Сад Гесперид локализуется Псевдо-Скилаком не у Геракловых Столпов, а сразу за Киреной, восточнее совр. Бенгази и Эль-Мардж, что отражает древнеионийскую традицию, для которой Кирена была крайней западной (из известных) точкой Южного Средиземноморья. Тавхира – совр. Токра. "На пашне ... сильфий" – в рукописях это место сильно испорчено.

109. Центром области насамонов считается оазис Вагилах (Джалу), а маков – район Мухтар-Могарбы. Неаполь (Лептис Мегале) – финикийская колония Лепки, совр. Лабда в районе Хомса. Дрепан – Рас-Керкора, Понтии – о. Гара и соседние с ним, Кинипс (Киниф) – Вади-Магар-Грин. "Алтари ... роца Аммона" – интерпункция К. Мюллера. "После Сиртиды [вне ее]" – реконструкция критиков текста. "В них" – т.е. на протяжении.

110. Графара – Рас-Джафара, Абротон (Сабрата, член африканского трехградья) – совр. Сабрия, Тарихии (греческая калька с местного названия Макомада?) – Меллафах, Брахеюн-Джерба, Малая Лептея (Лептис) – финикийская колония, совр. Ламта, Малая Сиртида – залив Габес. Тритонида, – возможно, совр. соленое озеро Шотт-Джерид, соединявшееся с заливом Габес. Тогда р. Тритон – совр. О'Джеди, а остров – один из совр. полуостровов в соленом озере. Алтари Филена – совр. Муктар. Неаполь – Небель-эль-Кедим (Набиль). Strongly испорченные в рукописях места: "от эсхидян и т.д.", "от Тапса и т.д.", "вокруг него гидзанты", "светловолосы...". "По причине которого образовался перешеек" – в тексте букв. "через который есть перешеек". Во второй части параграфа переписчиками было допущено много пропусков, отчего внешне гладкое повествование содержит в себе много неясностей и противоречий. Эпих, эсхидяне – возможно, разные отражения одного известного по другим источникам МН Г (С) ихт.

111. Гермайя – мыс Эт-Тиб, Мелита – Мальта, Лампада – Лампедуза, Итика – Утика, Гиппу Акра – мыс (Де Ля) Гард. Именем Гиппон назывались два города – совр. Бизерта (Бент-Зерт), другой – в 2 км к юго-западу от совр. залива Боне. Эвбея – о. Галит (а), Наксикские острова – вокруг о-ва Галита, Тапса – Русикаде, Юлиев мыс – Шершель, Акий – Ашак, Бартас – о. Пләне, Сига – Такембрит. "К Косиру – [1] день" – реконструкция критиков текста. "Юлиев мыс" – в тексте: "Иулиу акра".

112. Котес – Шпартель (?), Анид – р. Оммербия в Мавритании, Ликс – р. Вади-Драа (?), Ксион – р. Сахьет-эль-Хамра, Керна – остров в устье этой реки. Надо отметить весьма суммарные представления о северном побережье Африки западнее Туниса в IV в. до н.э. "произрастает тростник..." – следуют еще несколько неотожествленных названий растений. Места, сильно пострадавшие в рукописях: "от Тимиатерии и т.д.", "алтарь пени Посейдона", "...выломанные".

113. Все квадратные скобки в этом параграфе отмечают реконструкции критиков текста и издателя К. Мюллера. Многие расстояния здесь восстановлены предположительно. Диафрагма – слово употреблено в значении сечения Эгейского моря, выраженного в днях плавания, в меридиональном и широтном направлениях только автором этого перипла.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГСП – Античные города Северного Причерноморья  
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа  
 ВАУ – Вопросы археологии Урала  
 ЗООИД – Записки Одесского Общества истории и древностей  
 ИАК – Известия Археологической Комиссии  
 ИБ МАИКЦА – Информационный бюллетень. Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии  
 ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры  
 ИДМ – История древнего мира. Т. I–II. М., 1983  
 ИИС – Из истории Сибири  
 ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана  
 КБН – Корпус боспорских надписей. М. – Л., 1965  
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР  
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР  
 КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР  
 МАК – Материалы по истории Кавказа  
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР  
 МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции  
 НЭ – Нумизматика и эпиграфика  
 РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук  
 СА – Советская археология  
 САИ – Свод археологических источников  
 СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа  
 СЭ – Советская этнография  
 ТГИМ – Труды Государственного Исторического музея  
 ТИИ АН ТаджССР – Труды Института истории АН ТаджССР  
 ТИИАЭ АН КазССР – Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР  
 ТИИАЭ АН ТуркмССР – Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР  
 УСА – Успехи среднеазиатской археологии  
 ЭПИЦАД – Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981  
 AJPh – American Journal of Philology  
 AM – Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts. Athenische Abteilung  
 ANRW – Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt  
 AS – Ancient Society  
 BSA – Annual of the British School at Athens  
 Chiron – Mitteilungen der Kommission für alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts. München  
 CRAI – Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et des belles lettres  
 IG – Inscriptiones Graecae  
 IOSPE – Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini  
 JHS – Journal of Hellenic Studies  
 JRS – Journal of Roman Studies  
 JThS – Journal of Theological Studies  
 NS – *A. Maiuri*. Nuova silloge epigrafica di Rodi e Cos. Firenze, 1925  
 RE – *Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft*, neue Bearbeitung, begonnen von *G. Wissowa*, hrsg. von *W. Kroll*  
 RN – Revue numismatique  
 RhM – Rheinisches Museum für Philologie  
 SEHWW – *M. Rostovtzeff*. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941  
 SGDI – *H. Collitz, F. Bechtel*. Sammlung der griechischen Dialectinschriften. Bd 1–4. Göttingen, 1884–1904  
 ZfN – Zeitschrift für Numismatik

## СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Чипирова Л.А.</i> (Орджоникидзе) – Земельные отношения в семейной общине по "Обелиску Маништушу" . . . . .	3
<i>Кузьмина Е.Е.</i> (Москва) – Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы . . . . .	35
<i>Сазонова Н.Е.</i> (Ленинград) – К вопросу о сложении города . . . . .	60
<i>Алексеева Е.М.</i> (Москва) – Горгиппия в системе Боспорского царства первых веков нашей эры . . . . .	66
<i>Сидоров А.И.</i> (Москва) – Арианство в свете современных исследований . . . . .	86

### ПУБЛИКАЦИИ

<i>Никулина Н.М.</i> (Москва) – Эгейская печать из коллекции В.В. Павлова . . . . .	98
<i>Иванчик А.И., Петерс Б.Г.</i> (Москва) – Греческая надпись из раскопок Патрея в 1986 г. . . . .	119

### ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Фролова Н.А.</i> (Москва) – Проблемы монетной чеканки Боспора VI–II вв. до н.э. ( <i>По поводу выхода книги В.А. Анохина "Монетное дело Боспора". Киев, 1986</i> ) . . . . .	122
<i>Виц-Маргулес Б.Б.</i> (Гродно) – Взгляды Демокрита на социально-политическую организацию общества . . . . .	143
<i>Устинова Ю.Б.</i> (Ленинград) – Родосские Агетории . . . . .	157
<i>Егоров А.Б.</i> (Ленинград) – Проблемы титулатуры римских императоров . . . . .	161
<i>Гиндин Л.А.</i> (Москва) – Проблема славянизации карпато-балканского пространства в свете семантического анализа глаголов обитания у Прокопия Кесарийского . . . . .	173
<i>Гаибов В.А., Кошеленко Г.А., Новиков С.В.</i> (Москва) – Исследование памятников эллинистического времени на острове Файлака . . . . .	183

### КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Редер Д.Г.</i> (Москва) – История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия. М., 1983 . . . . .	202
<i>Ргвеладзе Э.В., Сагдуллаев А.С.</i> (Ташкент) – И.Н. Хлопин. Историческая география южных областей Средней Азии (античность и раннее средневековье). Ашхабад, 1983 . . . . .	212
<i>Грандмезон Н.Н.</i> (Севастополь) – В.А. Анохин. Монетное дело Боспора. Киев, 1986 . . . . .	216
<i>Климов О.Ю.</i> (Мурманск) – R.E. Allen. The Attalid Kingdom: A constitutional history. Oxford, 1983 . . . . .	221
<i>Немировский А.И.</i> (Москва) – D. Briguei. Les Pélasges en Italie. Recherches sur l'histoire de la legende. Roma, 1984 . . . . .	225
<i>Илюшечкин В.Н.</i> (Москва) – J. Hornblower. Hieronymus of Cardia. Oxford, 1981 . . . . .	229

### НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Аскаров А.</i> (Самарканд), <i>Маринович Л.П.</i> (Москва) – Советско-французский коллоквиум по истории Средней Азии . . . . .	235
К 80-летию академика Бориса Борисовича Пиотровского . . . . .	241
<i>Трейстер М.Ю.</i> (Москва) – Научная конференция "Фракийский клад из села Рогозен" . . . . .	243
<i>Сафонов М.С.</i> (Ленинград) – Сессия по проблемам культуры стран древнего Востока, Гатчина (15–19 декабря 1986 г.) . . . . .	245
Научные чтения памяти С.Л. Утченко . . . . .	247
<i>Семина К.А.</i> (Москва) – IV Научные чтения памяти В.Д. Блаватского . . . . .	250
<i>А.И. Зайцев, А.Л. Верлинский, А.К. Гаврилов</i> (Ленинград) – Памяти Г.А. Стратановского . . . . .	254
<i>Богословский Е.С., Зайцев А.И., Анфертьев А.Н., Левинская И.А.</i> (Ленинград) – Об этике научного работника ( <i>Письмо в редакцию</i> ) . . . . .	254

### ПРИЛОЖЕНИЕ

Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря. Перевод с древнегреческого и комментарии <i>Ф.В. Шелова-Коведяева</i> (Москва) . . . . .	260
--	-----